

Лариса Шевченко

Реквием

Воспоминания

Книга седьмая

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

В формате epub:

В формате txt:

В формате doc:

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Во избежание возможных недоразумений хочу предупредить читателей: не стремитесь, пожалуйста, к ложным идентификациям, не ищите себя среди героев книги. Это художественное произведение.

Происшествие

1

Кире не спалось. Она встала и в задумчивости остановилась у окна. Ночные огни города нитями Ариадны увели её мысли в прошлое. Сначала она вспоминала некоторые случаи из своего детдомовского детства, потом с огромной скоростью в её памяти заскользили события, происходившие на многочисленных за её долгую работу в НИИ собраниях. Но ясно и подробно в памяти почему-то возникло одно, Ленино, ничем не примечательное, десятилетней давности. Помнится, будучи в командировке, она заскочила к ней на денёк в гости, побывала на этом собрании в её НИИ, и потом они долго обсуждали его за вечерним чаем.

Кира опять легла и закрыла глаза. Но мысли не оставили её. Она оценивала то событие, словно бы со стороны, как посторонний наблюдатель. Вспоминались ей в основном Ленины рассуждения, преломленные в её собственном видении проблем тех лет, их размышления о жизни вообще и о судьбах конкретных людей. Почему всплыло именно это собрание? Потому что сегодня все её мысли о Лене. И «видела» она её сейчас не нынешней, а той, какой сохранила память прошлых лет.

...Елена Георгиевна устало опустилась в кресло. Зуб болит, но шеф попросил задержаться. Зыков, руководитель группы механиков и по совместительству председатель профсоюзной организации, идет по длинному коридору, открывает по очереди одну за другой двери лабораторий и оповещает:

- Все в актовЫй зал!

Обычно собранию предшествует заранее вывешенное объявление и бурные кулуарные обсуждения повестки дня. Сегодня будет внеочередное, экстренное. Что-то не ладится с договорами, не хватает денег на зарплату.

Елена Георгиевна идет не спеша, потому что из бильярдной ещё доносятся щелчки, стук шаров и возгласы партнёров по игре в настольный теннис. (Студенты-практиканты не теряют время даром?) Из «курилки» слышатся взрывы хохота, а из приоткрытой двери актового зала, где в прежние времена провозглашались здравицы и раздавались почести, с шипением выползает змеиный голосок Серафимы Игнатьевны:

- Должна ли я вас понимать так, что вы таки намерены дать ход этому делу? Я держусь с ней корректно, а она попросту игнорирует меня, дает понять своё превосходство. Кстати замечу, её следовало бы наказать за опоздания. Ведет себя совершенно возмутительно.

«На редкость бдительная, но нечестная особа! – злится Елена Георгиевна, представляя себе лицо секретарши, исполненное слепой восторженной веры, обожания и готовности всё безоговорочно принять, всё исполнить. – По интонации слышу, что сегодня она настроена против меня особенно воинственно. С чего бы это?»

Елена Георгиевна входит в зал. Ей стоит большого труда удерживать на лице безразличное выражение. Иван Петрович – начальник отдела, он же шеф – касается её взглядом и бурчит предостерегающе хмуро:

- Не злоупотребляйте моим расположением. Терпение может лопнуть, и глазом не моргнёте, как испортите отношения. Не хочу показаться грубым, но вы вынуждаете меня так сказать. В делах подобного рода я обязан придерживаться определённых правил.

Елена Георгиевна, подавляя в себе инстинктивное желание взорваться, молчит, но гордым и уверенным поворотом головы красноречиво показывает своё несогласие. А секретарша улыбается противной, приклеенной улыбочкой. Для неё важно, что шеф её послушал.

«Напомнил о разделяющей нас дистанции. Положение начальника обязывает быть

терпеливым, а он сразу выплеснул недовольство. Знаю, для кого старается. И где он откопал эту мымру? На какой почве они поладили? Сказать по правде, на редкость неприятная женщина! К тому же с норовом. Чем его взяла? Почему он неровно дышит к ней? Почему в своём кабинете в её присутствии его самоуверенность тает на глазах? Наверное, у каждого человека может быть маленькая слабость, но меня смущает этот его – пусть даже предполагаемый – адюльтер. Не пойму, он что, заворожён её льстивыми речами? А может, причина в его одиночестве?

У неё, как всегда, безупречное декольте, роскошные белые крашенные волосы, вызывающая причёска, ярко наведённые губы, заученная томность в лице. Ну прямо ест шефа глазами. Молодчина – ничего тут больше не скажешь, умеет пыль в глаза пустить. А на самом деле она старая гримза, хищная, злобная, коварная мегера. К тому же вздорная, непоследовательная, бездарная, примитивная, но хитрая. И зачем она упорно продолжает втискивать себя в эти линялые джинсы и в кожаную, узорную безрукавку? В строгом костюме она смотрелась бы элегантнее.

Откуда у неё нездоровое, ненасытное, узконаправленное любопытство к личной жизни людей? И смотрит на всех вызывающе нагло. Кости моет не только женщинам, и мужчинам достается, а делает вид, что стоит на страже порядка на подведомственной ей территории. Как же, заместитель председателя профкома! Говорят, сплетни – способ самоутверждения. В данном случае – нет. Ей желчь свою чем-то загасить надо, вот и треплет языком. Очерняет всех сверх всякой меры, паутину раздоров плетет себе на радость. По степени удовольствия, извлекаемого ею из этого занятия, можно с достаточной степенью точности судить о его месте в жизни Серафимы.

Именно на почве лести и лжи снискала она себе «славу», именно от неё текут мутные ручейки клеветнических наветов, и вокруг неё плодится и ширится гадюшник завистников, мелких злопыхателей и склочниц. Не знаешь, куда нырнут и откуда вынырнут такие вот неподражаемые особи. Внешне они все такие льстиво-ласковые: «Я к вашим услугам. Располагайте мной и моим временем. Всё всецело зависит только от вас». А за пазухой – мина замедленного действия.

Вот и сегодня утром Серафима получила записочку, мельком глянула в неё и даже подскочила на месте, потом, смяв бумажку, зло швырнула её в корзину. И это был верный знак того, что кому-то грядут крупные неприятности. Вероятнее всего, станет поносить чей-то образ жизни или попытается «посодействовать» тому, чтобы, затеяв баталию, забраковать чей-то проект, упорно указывая на его, с её точки зрения, слабые стороны. А может, будет мусолить недостойные политические пристрастия намеченного объекта. Насколько мне помнится, и эту грань жизни сотрудников она не обходит своим чересчур чутким вниманием, своеобразно интерпретируя их споры в курилке в угоду собственным склонностям, хотя теперь – в этом плане – вроде бы никто не испытывает желания узнать её мнение. Не всякое лыко в строку. Какая вожжа сегодня попала ей под хвост?

Конечно, всем известно, что свинья грязь всегда отыщет, но почему именно вокруг неё копятя неблагоприятные суждения, сочиняются оговоры, заводятся ссоры? Сплетни, которые от неё разлетаются многоярусными вариациями, очень быстро становятся достоянием всего института. А как хотелось бы услышать высокие слова о прекрасных людях! Да, не переводятся любители сплетен.

И как быстро такие особи находят друг друга! Остудить бы их фантазию хотя бы немного, чтобы не портили деловую атмосферу. Инженер по ТБ называет их людьми повышенной стервозности. И что самое обидное, чуть ли не в каждом коллективе встречаются подобные экземпляры.

Серафима терроризирует всех, кого может, по понятной причине – завидует тем, кто моложе, кто удачливее. Её запала с лихвой на троих хватило бы. Эту бы энергию да в «мирных» целях. Но её недостаточно на большое и достойное дело. И как уличить её в беззастенчивой лжи? Работа для Шерлока Холмса.

Навязалась на нашу голову! Всех пытается подмять под себя, в черном теле держать и командовать. Многим изрядно подпортила репутацию своими сплетнями, некоторые семьи развела, то наизнанку, то налицо выворачивая личную жизнь каждого. Стихийное бедствие, а не женщина! И управы на неё нет. Никому связываться с Серафимой не хочется. Боятся её. Наверное, были времена, когда таких особ в приличное общество не

пускали.

Меня Серафима считает дерзкой, надменной и слишком гордой, а я просто не лезу в чужие дела и судьбы и в свою душу никого не пускаю. Такая моя принципиальная позиция. Никто из её компании не переступал порога моей квартиры. Правда, это не спасало от сплетен, напротив, шансы оговоров возрастали. Ещё бы! Если женщина не замужем, сплетни приобретают особый, пикантный смысл! Но мне проще не знаться с навязчивыми сотрудниками. Ни перед кем я не собираюсь отчитываться или оправдываться, кому-то что-то доказывать.

Я давно и твердо уяснила, что люди всё равно не станут брать на себя труд выяснять, где правда, а где извращенные фантазии старой девы, просто верят – и всё тут. А не пугают меня сплетни Серафимы единственно по той причине, что нового она ничего больше не придумает, все темы уже исчерпала.

Конечно, к стыду своему, меня тоже мучает сознание своей незащищённости, но выслушивать не всегда искренние сочувствия коллег не считаю для себя нужным. Приучилась хотя бы внешне не зависеть от молвы. Сплетни для меня – непродуктивное дело. Я просто стараюсь, чтобы наши с Серафимой пути реже пересекались. Не хочу опускаться даже до разговора с ней, хотя этого избежать не всегда удается.

Парадоксальная тётка. Обольет грязью, а потом как ни в чём ни бывало подходит к этому человеку с просьбами. Некому наказать её за длинный змеиный язык. Ох уж эти мелочи жизни! Какие они бывают противные! – раздражённо думает Елена Георгиевна, подавляя в себе нарастание чувства гадливости. – Что греха таить, недолюбливаю я Серафиму и не стану этого отрицать, но всё же жалею её, хоть и не стоит она того. Такую отвратительно привередливую, взбалмошную, издёрганную стерву ещё поискать: бесцеремонная, мастер извращать любые добрые слова и намерения. Не угодишь ей ничем. Но и в её голосе случается услышать грустный оттенок одиночества. Не клеится у неё собственная жизнь, вот и вымещает обиду на окружающих. При таком завистливом характере она в принципе не может быть счастливой. Никому такой судьбы не пожелаю. Ведь её жизнь, как ни странно, – сплошное разочарование. А шеф тоже хорош! Полагается на мнение секретаря и не считает нужным самостоятельно думать, подмечать. Что-то я сегодня ною не в меру. Устала. И нездоровится».

Мелькнул у Елены Георгиевны вихрь мыслей и исчез, не оставив в сердце следа, словно испарился. И минутная горькая отчуждённость, и отрешённость тоже сошли на нет. Привычно проглотив незаслуженный упрек (на часах ровно 17.00) – не заводиться же по всякому пустяку! – она садится около третьего окна, стараясь удобней приладиться к тёплой батарее отопления, и оглядывает зал: женщины составляют большинство. Александра с кафедры теоретической физики уже тут. Сидит с ощущением полной непринуждённости и уверенности, приходящей с годами в результате твердого осознания того, что ты всегда находишься в центре внимания студентов, которые тебя или обожают или боятся. Надя вошла с непоколебимой грацией достоинства. Серой мышкой проскочила в конец зала задерганный домашними заботами Марина.

Елена Георгиевна перевела взгляд на унылые, давно не отремонтированные стены, оскалившиеся рядами ржавых гвоздей и болтов, на местах крепления висевших здесь когда-то портретов учёных. Мельком взглянула в угол у сцены на рулоны обветшалых, линялых плакатов и схем, на обтрёпанные провода облезлых приборов, сложенных вдоль стены, на шкафы, забитые готовой к списанию аппаратурой, зияющей выпотрошенным нутром. Тихая, выматывающая тоска легла на её сердце. «Экономика в столбняке. Когда-то рекомендовалось раз в десять лет заменять все приборы новыми, более современными и совершенными или выдаваемыми за таковые.

Моему нынешнему руководству можно только посочувствовать. Как это ни прискорбно, задержка зарплаты за последние годы стала самым обычным делом. Всем приходится не сладко, но не бастуют, до этого дело не доходит. Сумеем пережить и эти неприятности. Люди не хотят добросовестно работать, на сторону глядят, подработки ищут. А может, причина гораздо глубже, чем принято считать? Рискну предположить, что это в самом деле так. Десятилетиями, веками, подневольно, за копейки, без стимула...

Много ли сейчас найдётся желающих усердно вкалывать задаром? Находятся, конечно, но редко. Раньше, при Союзе, больше было фанатично верящих в лучшее будущее. Хотя и в недавние времена только высунешься – тебя по макушке. Поддаваясь искушению

добиться определенных высот, работая с присущим мне энтузиазмом и рвением, я сама многократно имела возможность в этом убедиться. И плевать было начальникам на моё справедливое возмущение.

Первый особенно запомнился. По молодости я не понимала очевидной, казалось бы, причины его недовольства моей активностью и посему постоянно попадала в немилость. Не ценил, в бараний рог сгибал, не допускал проявления инициативы. Потом закралось подозрение, что не нуждается он в деловых и энергичных, мешают они ему жить спокойно, в своё удовольствие. Хочет, чтобы хвалили только его. А «некоторые» тут высовываются без его ведома! Шоры наивности сбросила, но всё равно долго маялась. «Привычка к труду благородная» одолевала, потому и продолжала под ногами у него путаться. Никак не могла стать пассивной, хоть и поутихла немного.

А тут ещё ассистент Попов со своими неожиданными, пугающими речами: «Если бы не такие, как вы, «беззаветные труженики», давно бы мы начали строить новое общество и жили бы интереснее и богаче. Напрасно вы миритесь с таким существованием, только агонию продлеваете...». Правильно ли я тогда Попова понимала или не улавливала его иронии? К чему он тогда клонил, чего от меня хотел?.. Его уже нет с нами. И всё теперь в стране по-другому, но пока не ясно: лучше ли? Когда-нибудь, конечно, будет лучше. А сейчас даже при самом удачном раскладе не слишком возрадуешься. Подобные мысли тяготят, но, думаю, «взойдет она, звезда пленительного счастья». Работать надо на совесть, и всё сложится.

Да, недостаточным оказался промежуток времени для того, чтобы в моей памяти терлись мрачные краски воспоминаний о работе с прежним начальником. К счастью, заметил мои старания Иван Петрович. Без малого пятнадцать лет прошло с тех пор, как перешла в его отдел. Ожила. Мне грех жаловаться – в смысле работы, а не денег, конечно. Не ко времени мои рассуждения», – меланхолично думает Елена Георгиевна, глядя в окно.

А там противоречивый безрадостный ноябрь. На фоне серого неба одиноко торчит стрела башенного крана. (И в прошлое собрание торчала.) Мелкий дождь рисует на стекле кривой штриховкой однообразный рисунок. В другом окне возвышается на пригорке желто-белая свеча колокольни без колокола, чуть ниже сквозь мглу дождя просматривается серый, наверное, когда-то золоченый купол старинного собора...

Из задумчивости Елену Георгиевну вывел громкий шёпот справа:

– Серафима опять куралесит, зараза, внезапно обрушилась на меня, инкриминирует неуважение к начальству, будто бочку на него качу. Она вменяет мне в вину...

Говорящие перешли на тихий шёпот:

– С шефом ты и правда разговариваешь неподобающим образом, на равных.

– А он слишком покровительственным тоном, да ещё изображает улыбку, которая наносит ущерб моему достоинству.

– Его положение обязывает.

– Серафима меня льстить ему вынуждает!

– Начальники не ищут льстецов, они сами всегда рядом в боевой готовности. Зря ты выставляешь на показ своё неуважительное отношение к руководству. Не то время, чтобы выкобениваться. Вылетишь, где работу найдешь? Лучше бы занялся наведением мостов.

– Я для себя уже всё решил.

– Молод ты ещё и потому глуп. Опять вытворяешь черт знает что. Тебе бы научиться видеть себя со стороны, в настоящем свете оценивать свои недостатки, а ты ропщешь.

«Без реплик Инны ни одна персона со сцены не уйдет. В каждой бочке затычка. Вот уж кого с полным основанием можно считать болтливой! Непоседа, не упускает случая с кем-то перемигнуться и переброситься фразами за моей спиной. Хлебом не корми – только дай поговорить. «Вынь да положь» ей по любому поводу правду, и немедленно.

Следовало бы её приструнить, но работает прекрасно, не в пример многим, – как всегда в таких случаях, стыдясь своей слабости, вяло думает Елена Георгиевна, узнав голос Инны, и уголки её пухлых губ против воли брезгливо изгибаются. – И вот так каждый раз. Не удаётся мне избавиться от чувства неловкости за поведение подруги детства».

– Начнём! – басит Иван Петрович, деловито пробежав глазами по залу и затем по листку бумаги с повесткой дня. Его лицо, исполненное красноречивой убедительности, сразу принимает официальное выражение. – А где Шаров? Почему не соизволил явиться? Игнорирует собрание?

– Сослался на головную боль, – с торопливой готовностью докладывает секретарь.

– Час от часу не легче. Такую причину отсутствия на собрании можно принять с большой натяжкой. Придётся его вопрос снять с повестки дня, – насупился Иван Петрович и продолжил с приличествующей данному случаю торжественной медлительностью:

– Товарищи, опущу длинное предисловие и сразу перейду к сути. С какой стороны ни глянь, нескладное у нас положение с договором номер четырнадцать. Мы столкнулись с очевидной несуразностью, недостойной нашего института.

В этом месте Иван Петрович сделал паузу, чтобы посмотреть реакцию зала. Уже по первой фразе его выступления Елена Георгиевна уяснила, о чём пойдет речь на собрании, и сосредоточилась. Она поняла, что именно из-за этого договора разгорятся сегодня особенно жаркие споры, он станет камнем преткновения, и что руководителю темы Ивонову предстоит трудное объяснение с коллективом.

– И с моим тридцать шестым дело обстоит далеко не блестяще, а поскольку он имеет достаточно радужные денежные перспективы – его светлая изнанка, – может, имеет смысл сначала поговорить о нём? – с места возник Супонин, начальник технологической лаборатории. Потом повернул к Елене Георгиевне своё маловыразительное лицо и опасливо впился в неё глазами.

Он не без основания полагал, что давнее соперничество между ними по-прежнему сохраняется, потому что чаша победы так и не склонилась ни к одному из них. Серьёзные размолвки в их производственных отношениях не случались, но оба не упускали возможности «взять быка за рога» и обратить благоприятные обстоятельства на пользу людям из своей группы, оба всегда тщательно планировали и взвешивали каждый свой шаг, предпринимаемый в нужном направлении.

– Носится со своей темой как собака с обглоданной костью, будто у него одного проблемы. Я могу на что угодно поспорить: выставляется, цену себе набивает, – с поразительным энтузиазмом отзывается Инна и оглядывает членов своей группы с видом человека, удовлетворившего своё самое главное желание. Не будет преувеличением сказать, что в глазах Инны светится такая радость, что можно подумать, будто ничего плохого в её жизни не происходило: не случались утраты доверия к миру, не возникало злых манипуляций, игравших её судьбой.

Она снова открывает рот, но предостерегающий жест Елены Георгиевны, руководителя группы, останавливает поток её слов, уже готовых вырваться наружу. Повинуясь деликатному намёку начальницы, Инна опускает глаза к полу.

Елена Георгиевна всем своим видом показывает Инне, что ужасно устала от её комментариев. Она хочет возразить или сделать замечание, вроде того: «У тебя талант совать нос в чужие дела», но только удрученно качает головой. А глаза её говорят: «Надеюсь, ты понимаешь, что причиняешь мне неудобства?»

А её неугомонная своенравная подруга, несмотря на запрет, считает своим неременным долгом по любому поводу и с очевидным восторгом вслух отпускать выступающим шпильки. Ей не терпится с места поделиться с кем-либо (совершенно безразлично с кем) личными соображениями, подрывая такой невоздержанностью авторитет своего руководителя.

И заскользили сердитые мысли: «Слова не достигают цели. Пропускает она мои возражения мимо ушей. А наказывать её рублем – верное средство! – не хочется исключительно потому, что трудолюбивая и на редкость исполнительная особа. Когда припечет, выкладывается на все сто. И если уж быть до конца последовательной, то надо признать, что благоразумная, рассудительная, правда, временами надоедливая и чуточку вульгарная, но дружелюбная. Она оказывает всяческое содействие в различных сферах деятельности группы, при необходимости может на короткое время подменить любого, потому что давно созрела как самостоятельная единица.

Несмотря на то, что время искреннего энтузиазма уже ушло, работает не за страх, а за совесть. Свое философское отношение к трудностям формулирует шутливо – «была бы шея, а хомут всегда найдется».

Конечно, Инне доставляет удовольствие считать себя незаменимой, иногда нарочно перечить и делать всё на свой лад. Настырная и горластая не в меру. Нельзя её винить и в том, что, возможно, сама того не замечая, она стремится воспользоваться моим расположением. Это ещё одна её маленькая слабость. Но следует иметь в виду и тот факт, что зная нетерпимое отношение к любой попытке вторжения в мою личную жизнь, она чётко соблюдает наложенное табу.

Она стала, если можно так выразиться, «своим парнем» в отделе и это придаёт ей какой-то невероятно положительный статус. В работе с клиентами зубастая, речистая: если надо – облает, если потребуется – успокоит. Казалось бы, когда кровь закипает, удержу ей не будет, но нет, вовремя себя стреноживает. В любом случае за неё всегда можно быть спокойной.

Как шеф о ней высказался, когда после испытательного срока брал её на работу? «... Прекрасно играет роль. Наверное, такое простодушное выражение лица нередко позволяет обводить вокруг пальца людей, считающих её наивной. Вопреки ожиданиям, не глупая, но никаких самостоятельных крупных шагов предпринимать не станет. Как большинство женщин, что угодно поймёт, выучит, полагаясь только на интуицию, ловко, даже изобретательно применит на практике, но как бы то ни было, нового ей никогда не открыть и не создать. К тому же она слишком занята частными проблемами, чтобы углубляться в глобальные вопросы. (На что он намекал?) И всё же что-нибудь мало-мальски стоящее из неё выйдет, потому что труженица». После всего лишь одной беседы с Инной шеф дал ей очень даже точную характеристику.

Какова причина возникновения «гнилой изюминки» в её характере? Была юная, красивая. Влюбилась. Обольстил её эффектный сорокалетний ловелас. Ох уж эта наша слепая самоуверенность юности, как она ломает жизни неплохих в принципе девчонок! Их авантурный роман закончился, а в больнице бедняжке сообщили, что детей больше не будет. Все дальнейшие замужества из-за этого заканчивались разводом. Упрямая статистика неумолимо сообщает, что если в семье нет детей по вине жены – супруги чаще всего расходятся, а если муж тому причиной, то берут ребенка из детского дома или живут только для себя. Сейчас Инна одинокая, ещё привлекательная, но время работает против неё. Налицо (и на лице) явные признаки надвигающегося «среднего возраста». Живёт прошлым. Цинично относится к мужчинам.

И семейный человек порой нуждается в прекрасных мечтах-фантазиях. А ей фантазий мало. Да, это от скуки она такая въедливая и прилипчивая. Нет своих интересов, вот и живёт чужими. Здесь кроется объяснение. Все по-разному проявляют себя в одиночестве. И мама постоянно вмешивалась в мою жизнь, всё как лучше хотела».

Елена Георгиевна тяжело вздыхает, её сердце сжимается от тоски. И она снова мыслями «возвращается» на собрание.

То, что Супонин прервал начальника, само по себе неслыханное нарушение этикета. Иван Петрович привык к тому, чтобы всё было обставлено в полном соответствии с порядком, заведённым им много лет назад. Естественно, последовала его незамедлительная реакция.

– Смелое, но несвоевременное выступление. Вы забыли общеизвестные истины или вообще не имеете ни малейшего понятия о нормах поведения? Этому необдуманному

шагу предшествовала существенная причина? У вас есть серьёзное объяснение этому факту? Нет? Тогда откуда это своеволие, эта бестактность? Кто кому здесь отдаёт распоряжения? Я не намерен ради вашей пустой прихоти ломать план работы собрания. Будем придерживаться хронологической последовательности, намеченной в повестке дня. Предоставьте мне решать, что обсуждать в первую очередь! Это моя прямая обязанность. Я достаточно определённо высказался? И вообще, я не вижу смысла выносить ваш вопрос на собрание. Разве случилось что-нибудь непредвиденное? Рад буду выслушать любое ваше объяснение приватно, – неприязненно отрезает Иван Петрович Супонину и удовлетворённо и в то же время выжидающе смотрит на инженера.

Возражений при свидетелях шеф не терпит (старая закалка), если только в шуточной форме, и то только от избранных. Не позволяет он отбирать у себя трибуну, ревностно оберегает свой авторитет. Поэтому в подкрепление своих слов он делает в сторону невоспитанного инженера раздражительный жест, свидетельствующий об отказе более решительно, чем смог выразить его достаточно красноречивый язык.

Супонин молчит, признает власть.

«Хороший руководитель в разговоре с подчинёнными не должен переходить на личности, тем более прилюдно», – отмечает про себя Елена Георгиевна.

– Товарищи, довожу до вашего сведения, – начинает Иван Петрович подчеркнuto официально, – ...собственно говоря, позвольте мне сказать несколько слов относительно странного, непредсказуемого, из ряда вон выходящего поведения нашего коллеги Ивонова и выразить в его адрес некоторые критические замечания, непосредственно касающиеся его работы.

Иван Петрович резко поворачивается в сторону виновного и буравит его сердитым взглядом.

– У вас, любезный, не договор, а форменные джунгли, тарабарщина какая-то. Как получилось, что вы запустили проект, растянули его исполнение на недопустимо большой срок? Ваньку валяли! Мне неведомы причины столь позорной небрежности. Там ещё непочатый край работы. У вас сто процентов провальная тема! Чем вы объясните такую проволочку, чем оправдаетесь? Что вы сможете предъявить нам в конце года? Может, у вас есть иные свидетельства и доказательства? – обрушивает свой гнев Иван Петрович на руководителя злополучного договора. – Вы изучили тему во всех подробностях? Где логически связанное повествование в изложении пунктов технического задания? По мере того, как я вникал в него и подвергал тщательному исследованию, я пришел к заключению, что даже стилистика отчета оставляет желать лучшего. Вернее, она не выдерживает никакой критики.

В данный момент я не берусь утверждать, что вы в безвыходном положении. Может, я ошибаюсь и виноваты существующие между нами некоторые разночтения? Что на вас нашло? У вас что-то в семье стряслось? Нет? Тогда это возмутительная, ничем не оправданная безответственность! Деньги благополучно растаяли, а где дело? Оно ни с места. Рукав жуёте? Расхлёбывай теперь за вас.

Хотите, чтобы вмешалась и дозналась прокуратура? Уж она-то разберется! И с нами, само собой, разумеется. А с прокуратурой шутки плохи. Вы представляете, какая участь ждет вас? Не сбрасывайте со счетов и то, что вы, прежде всего, подводите меня. Я поручился за вас. Если вдруг что – моя голова полетит первой. Я должен разобраться в этом деле, чего бы мне это ни стоило. Чем вы можете объяснить такое положение вещей? На вас нельзя положиться?

– Кто бы сомневался! А всё из-за неадекватной оценки своих способностей. – Это Инна осторожно «выстреливает» в адрес обвиняемого одиночным пробным зарядом.

– Многообещающее начало. Шеф пошел в наступление, с места в карьер понёс! – Теперь она тихим шёпотом бросает реплику в адрес Ивана Петровича и с гордым удовлетворением глядит на сидящую рядом лаборантку Лилю.

– Я располагаю если не прямыми доказательствами, то, по крайней мере, косвенными, но вескими, и подозреваю, что вы совершили подлог, изменили условия ТЗ (техническое

задание). Факт вопиющий! Попробуйте, насколько возможно, опровергнуть меня. Это глупая выходка или невероятная, неслыханная дерзость? Вы имели целью ввести в заблуждение заказчика или меня? Вы забыли, что утверждённое обеими сторонами ТЗ не подлежит одностороннему пересмотру. Оговоренные условия должны быть выполнены точно и в срок, в противном случае мы лишаемся зарплаты. Наше положение в этом плане и так незавидное, а по вашей вине может сделаться просто невыносимым.

Иван Петрович сердито повел могучими плечами и продолжил сбивчивый обвинительный монолог, больше похожий на попытку защитить бестолкового сотрудника.

– Может быть, правила писаны не для вас? А вдруг заказчик поднимет невообразимую шумиху или задним числом, подобно вам, начнёт утверждать, что его мнение на счет ТЗ расходится с нашим? Да мало ли что может придумать, наговорить, предпринять.

Опрометчиво вы поступили, поставили нас перед клиентом в глупейшее положение, почву из-под ног выбили. Ввернул бы я сейчас крепкое слово в ваш адрес, да присутствие женщин не позволяет. Я, признаться, не ожидал от вас такого, вы всегда производили впечатление серьёзного человека. Значит, я приписал вам качества, которыми вы не обладаете.

Вы не созрели быть руководителем даже малого звена. Не зря говорят, что если человек не меняется в лучшую сторону, значит, его повысили до уровня его некомпетентности.

Я хотел сначала поделиться своими опасениями с директором института, что я имею обыкновение делать, но счел уместным предварить свой визит к нему обсуждением вашего поведения в коллективе. Чтобы другим неповадно было.

Извольте объяснить, как могло случиться, что вы до сих пор не сделали ни малейшей попытки обосновать свои действия и принять меры по устранению последствий своего необдуманного шага?

Чего вы добивались своим молчанием? Что побудило вас солгать? Будьте так добры сообщить нам, кто вас подстрекал к этому? Почему я должен подталкивать вас вопросами? Не томите мне душу, рассказывайте.

«Умный человек, когда дело касается технологии, но стоит ему заговорить...» – кривит губы Инна, всеми силами сдерживая желание вслух высказать своё недовольство.

– Ионов, вы осознаёте положение, в котором оказались? Что это – случайность или ваша некомпетентность? Я полагаю, что только очень уж необычайное стечение обстоятельств могло толкнуть вас на такой шаг. Обрисуйте нам истинную ситуацию, восстановите картину событий. Пожалуйста на ковёр! – возвышает голос Иван Петрович, демонстрируя свою власть.

Он ещё долго нанизывает гневные фразы, а Елена Георгиевна беззлобно усмехается про себя, произвольно постукивая при этом по крышке стола кончиками длинных нервных пальцев: «До чего же в нём чувствуется прирожденный наставник! И эти краткие чёткие повторы одной и той же мысли с легким привкусом однообразия тоже выдают в нём педагога. Методично вдалбливает.

Шумит, пар выпускает. Чересчур резко обрушился шеф, рано вышел из себя. Смотри-ка, удила закусил. А ведь за ним прочно укрепилась репутация добряка, хотя он волен делать всё, что ему заблагорассудится. Права теперь такие руководителю даны: хочу – казнь, хочу – помилую. Видно, достал его Ионов, капитально испортил настроение. Но шеф не ищет на ком сорвать гнев, а долго и добросовестно распространяется о побочных обстоятельствах, имеющих очень отдалённое отношение к обсуждаемой теме, чтобы убаюкать себя. Выговаривается, выплёскивает раздражение на пустяках. Пытается таким способом вернуть себе душевное равновесие. А может, ещё и вчерашний звонок из Москвы раскрутил ему нервы?»

– Пошумит, пошумит да на том и успокоится. Но какие кружева плетёт! Страдает неумеренным словоизвержением, – тихо в пространство бурчит Инна, нисколько не заботясь о последствиях своих слов.

«Иван Петрович слабый руководитель? Далекое не идеальный, тем более для этой жизни. Мы с ним в этом плане схожи. Но человеческие качества перебивают его недостатки как администратора и, может, даже в чём-то компенсируют, – автоматически оценивает Елена Георгиевна своего шефа.

На «лобное» место – рядом с обшарпанной кафедрой – выходит пристыженный, красный, вспотевший Ивонов. Это огромный тридцатилетний мужчина, водоизмещением не менее ста сорока килограммов, круглолицый, черноволосый. Правда, количество волос на его голове уже приближается к стадии полного исчезновения. Стоит грузно, расставив ноги, глаза потупил, на губах неуверенная оборонительная улыбка. (Зевота одолевает смотреть на него.) Мялся, мялся, наконец заговорил:

– Не знаю, право, что и сказать. Я ничего не имею против ваших замечаний. По-видимому, здесь уместно будет заявить, что нескладно как-то всё у меня вышло. Переумудрил, недооценил сложности проекта, хоть изучил его от корки до корки, попал в затруднительное положение и сделал то, что считал единственно возможным, чтобы предотвратить чрезвычайно неблагоприятное, прямо-таки угрожающее развитие событий с моим проектом. Моё поведение продиктовано инстинктивным стремлением спасти договор.

Войдите в моё положение. Я считал этот шаг в сложившихся обстоятельствах благоразумным, думал, что в этом есть необходимость. Тогда эта идея не казалась мне такой уж абсурдной. Она имела даже некоторое преимущество перед другими. Я решил, что взял инициативу в свои руки, а тут случилось непредвиденное, и я растерялся.

Я места себе не находил. Я не то чтобы не сознавал, что делаю... внутренний голос, к стыду моему, подбивал на авантюру. Я не без долгих колебаний принимал решение. У любой идеи должны быть ноги, сама она не пробьется, но не туда я направил свои стопы.

Потом возникли новые обстоятельства. И оказалось, что уладить их не так легко, как я предполагал. Не стоит доискиваться до глубинных подспудных причин, выкапывать криминал – хотя некоторые могут придерживаться иной точки зрения, – всему виной, очевидно, всё-таки то, что я не сумел противостоять соблазну самостоятельно и быстро решить все проблемы, повёл себя, как последний недоумок. (Иногда полезно поругать себя!) Не смог я найти правильный путь. Раз за разом пытался снизить градус ситуации, но всё без особого успеха. Поздно убедился, что мои ухищрения ни к чему хорошему не приведут, что ожидаемого чуда не произойдет.

Втайне я полагал, что пронесёт, что выкручусь, не привлекая к себе особого внимания, что мой подлог в дальнейшем утонет в ворохе отчётных бумаг, а там, глядишь, удастся пересмотреть исходное соглашение. Правда, эта идея быстро потеряла для меня привлекательность. Здесь также уместно сказать, что других вязывать я не хотел. А когда уверенность улетучилась, не решался признаться, хотя с трудом сдерживал паническое настроение. Я намеревался оповестить вас о своих затруднениях. Ну а теперь вот... руки опускаются от безысходности.

Буду краток: примите во внимание, что я сумел не отойти от тематики. Я предполагал только пользу... и, скажем так: есть у меня некоторые недостатки, но я без всякого умысла... Зло в любых формах претит мне. Понимаю, пока не поздно, надо исправлять ошибку. Надеюсь, ещё не всё потеряно, – невесело и неуверенно подбил неутешительный итог Ивонов и, тяжело переминаясь с ноги на ногу, стыдливо демонстрируя свой провал, безнадежно поник головой.

«Надо же, подтвердились слухи о подлоге. Так, стало быть, всё это правда. Я располагала лишь самыми приблизительными сведениями, у меня не было уверенности в правоте слов Инны, и я решила, что всё это напрасная хула. Вот так дела! Не придумал ничего лучшего, как пойти на обман! Этот факт не делает Ивонову чести, – про себя отметила Елена Георгиевна. – А дознание не принесло результата. Так-таки ничего путного и не сказал. Я ничего не поняла, кроме разве что одного: Ивонов виноват и сам это признает».

Иван Петрович тем временем разразился новым потоком грозных слов:

- Не забывайте, по вашей милости мы сегодня здесь заседаем! На карту поставлен наш профессиональный престиж. Не можете обосновать свои притязания на дополнительные расходы и потребовать у заказчика новых финансовых вливаний? Со слезами не ко мне. Не грузите меня своими оправданиями, о деле говорите. Не в ваших интересах молчать. Я жду от вас простое наглядное и убедительное объяснение вашим позорным действиям, а также хочу услышать мнение о способах разрешения возможных конфликтов с заказчиками.

Да, подсудопили вы, Ионов, всем нам. Вы отдаёте себе отчет в том, что подмочили репутацию нашему отделу? А он и так дышит на ладан, у нас и других неприятностей через край. Ещё один важный момент не упустите: конкуренты на пятки наступают. А если не удастся избежать осложнений? Как нам теперь заставить заказчиков утвердиться в уверенности, что мы ведём честную игру? А мы обязаны дать им чувство сравнительного спокойствия - по теперешним временам это немаловажно - а из-за вас мы находимся в подвешенном состоянии, - продолжал разнос шеф.

Иван Петрович никак не мог успокоиться. Ему было бы намного проще, если бы известие о подлоге настигло его вчера вечером. За ночь он успел бы переболеть неприятностью, продумать все варианты своего поведения. Он не любил скоропалительных решений. А тут как снег в июне... час назад ошарашил его заместитель. И Серафима подлила масла в огонь.

«Отчего шеф так многоречив? Помнится, ещё в детстве дрова ли колю, в огороде ли работаю или по дому вожусь - часами могла «перемалывать» в голове свои проблемы и обиды. И всё по кругу, по кругу... Но не вслух, не на публику», - вспомнила Елена Георгиевна.

Фразы Иван Петрович произносил всё резче, всё отрывистей и непримиримей. Он входил в форму, он набирал силы.

- Не юлите, скажите прямо: прибегнул к подделке, обманул, зашёл слишком далеко. Задали вы мне работы! Ведь и в самом деле, от того, как мы строим отношения с окружающими, возникают наши сознательные, а чаще всего бессознательные действия - от сострадания до предательства. А как вы интерпретируете наше взаимодействие, как созидательное? Тогда попробуйте отстоять свою точку зрения. Смоделируйте ситуацию.

К тому же потрудитесь ответить: откуда у вас иллюзия или непробиваемая убежденность в безнаказанности? Может, именно она помешала вам задуматься о последствиях совершаемого проступка? Говорят, что новое старыми мерками не меряют, но зарубите себе на носу: порядочность должна остаться и в нашей новой, перестроечной жизни. Любые понятия со временем трансформируются, но отречься от всего положительного, что было при Союзе, нельзя. Это моё глубокое убеждение, - наставительно закончил Иван Петрович.

Он достал из обширного внутреннего кармана куртки большой клетчатый платок и отёр им потное лицо. Видно, нелегко дался ему обвинительный монолог.

Услышав жёсткую отповедь, Ионов - посрамлённый и униженный - совсем сник и, торопясь поскорее завершить неприятное обсуждение, коротко и скорбно побормотал:

- Признаю, виноват. Были минуты, когда я хотел уйти из института, но не смог. Прирос, привык, полюбил коллектив.

А сам подавленно подумал: «Уж больно пренебрежительно обошёлся со мной шеф, словно стремился доказать моё полнейшее ничтожество. Даже делал обидные намёки. Что это должно означать? Не избежать мне наказания? Так или иначе, но чувствую я себя прескверно. А если до отца слух дойдет? От раздражения шеф не владеет собой или, изливая свои чувства, играет на публику? Двусмысленное всегда прячется в деталях. А я от волнения лишился дара речи, мямлил, дураком себя выставил».

- Взнуздal Ионовa шеф. Смотрите, присмирел, выслушал обвинения со спокойствием приговорённого к смерти. Слезу чуть не пустил! Как вы, конечно, догадываетесь, по большому счёту Ионов далеко не гигант мысли. Не светит бедняге быть крупным

руководителем. Нельзя ему доверить принятие решений в чрезвычайных ситуациях. Поставленный перед выбором, он теряется. Такое с ним случается сплошь и рядом, а это небезопасно. К тому же не умеет подчинять себя жёсткой необходимости. Сам может «выплывать» только благодаря невероятно счастливым обстоятельствам. А в этом конкретном случае он преследовал только личные цели, на группу ему было наплевать, – не без злорадства, тихо, так, чтобы её могла слышать только Елена Георгиевна, поделилась своим мнением Инна.

Всё это она выпалила одним духом, явно довольная возможностью продемонстрировать свою логику.

– Не твои же цели, – с быстрой усмешкой, означавшей несогласие, шёпотом откликнулась Елена Георгиевна.

– Я говорю об общественных, – обиженноотреагировала подруга. – Придёт же вам, в самом деле, такое в голову.

«Молодец, прилюдно «выкатать» не забывает», – удовлетворённо подумала Елена Георгиевна и строго уточнила:

– А я сейчас думаю об Ивонове, об индивидуальной ответственности, которая никогда себя не исчерпает.

– Эх, молодёжь пошла! – ударился Иван Петрович теперь уже в лирическое отступление. – В толк не возьму, почему я должен всё перепроверять? То указание не выполняют, то недостаточную профессиональную ответственность проявят и поставят под удар работу всей организации, а у нашего отдела и так шаткое положение. Ивонов, ваш проступок затмевает ваши прошлые заслуги и причиняет моральное и материальное неудобство не только вам. Вы понятия не имеете о чувстве локтя, о чувстве коллективизма.

«Старые мотивы сгодились. Велика инерция советского мышления», – усмехается про себя Елена Георгиевна.

– Я угораю! Не верю собственным ушам. Всё-таки грешит наш шеф непростительной болтливостью. *(На себя оборотись!)* Мастер заливать. Опять впал в неуместное красноречие. Чем на этот раз запудрит нам мозги, что втюхает? – закатив глаза к потолку, шёпотом возмущается Инна.

А Иван Петрович вдохновенно продолжает монолог:

– Нет теперь розового оптимизма шестидесятых, а в памяти остались идейное единение людей, их моральная чистота, чувство надёжности, стабильности. Я, конечно, не затрагиваю глобальных государственных проблем, с точки зрения среднего обывателя говорю: шестидесятые были и остаются в наших сердцах.

– Иван Петрович ностальгирует по Союзу, на лирику его потянуло, – неодобрительно шепчет Инна, склонив голову к уху Елены Георгиевны. – Не перестаёт всматриваться в своё прошлое и выискивать положительное. В трудные дни мысли шефа всегда возвращаются к тем временам, когда он был молод, успешен и счастлив. Хотя это как раз я могу понять. Все мы жили с чувством глубокой веры в социализм.

– В полной мере твое замечание применимо и ко мне, – вздыхая, кивает Елена Георгиевна.

Иван Петрович повышает голос:

– Какие теперь идеалы? Машина, жена с фигурой, породистая собака, дом с бассейном и фонтаном – и всё?! Где они, истинные ценности, выверенные веками? Представление о чести быстро поменялось. Некоторые производители товаров, возможно, и могут позволить себе сбегать халтуру не очень притязательному заказчику или незатейливому потребителю местного разлива, но у нас НАУКА! Об этом нельзя забывать, товарищи. И никто не заставит нас уважать откровенную подделку.

Раньше за идею работали лучше, чем теперь за деньги. (Хотя какие там были зарплаты!)

От прекрасной мечты словно крылья выросли. Для интеллигенции материальные блага не были определяющими, главное – сколько ты успеешь сделать людям добра, сколь близко сможешь приблизиться к истине. Какой полёт, какая радость были от удачно содеянного! Ушло это от нас. Всё делаем на бегу, нет сочувствия, нет сострадания к человеку. То было время, в котором нормально жилось и доверчивым идеалистам, и фанатам коммунизма, потому что это была их родная среда.

Сейчас происходят тектонические, не всегда правильные сдвиги в головах людей даже старшего и среднего возраста. Следуя логике прошлых лет, нам трудно связать воедино всё свалившееся на нас многообразие. Всё в стране происходит по прихоти кучки олигархов. Прут на нас, а трактор хворостиной не остановишь. Будь он трижды неладен, этот капитализм! Такой вот поворот-водоворот!

Нас учили, что если хочешь, чтобы с тобой считались – иди в ногу со временем. Вот поэтому, раз невозможно качнуть весы в другую сторону, нам требуется тотальная, глубинная перестройка собственного мировоззрения. Лихие девяностые прошли, пора серьёзно задуматься о будущем нашей страны и о себе. Мы же понимаем, что ничего чудесным образом само не изменится, тем более что рост температуры социального недовольства ещё не прекратился. И так как нас не привлекает перспектива оказаться за бортом жизни, решение напрашивается само собой: надо учиться думать и работать на опережение, иначе останемся на задворках истории. Согласитесь, я прав? И всё-таки на нашу долю выпало богатое событиями интереснейшее время!

Он мельком взглянул на Елену Георгиевну и еле заметно улыбнулся. Искал её одобрения и поддержки.

– Хорошо поёт. Разыгрывает перед нами маленький спектакль или от души говорит? – вслух, но очень тихо засомневалась Инна, вслушиваясь в слова шефа.

– Каждая эпоха выводит своих героев, – попытался подсказать Ивонов дальнейшее направление разговора и, не дождавшись приглашения, тяжело опустился на стул, сердито скрипнувший под ним.

Ивонов знает: чем больше горьких слов выплеснет шеф на «общие темы», тем меньше оплеух полетит конкретно в его адрес.

– Капитализм у нас, да только не настоящий, имитация его. Это, я вам скажу, не одно и то же, – подхватывает Иван Петрович.

– И жизнь наша – имитация, – сладким голосом подпела шефу Серафима Игнатьевна и посмотрела на него счастливыми глазами.

– Есть или была? – внимательно уточняет Иван Петрович.

– И есть, и была, – грустно выражает своё мнение обруганный Ивонов, тем самым давая шефу возможность продолжать высказываться и спорить.

В приоткрытую дверь зала заглянул запыхавшийся вахтер.

– Иван Петрович, зайдите, пожалуйста, в кабинет. Москва на проводе. Срочно, – доложил он.

2

Шеф с заместителем проследовали в кабинет. Но разговоры, шёпотом начатые в зале, не затихли, а перешли в громкую фазу.

– Если мне не изменяет память, в Париже не скажешь по внешнему виду, богатый человек идёт или нет, а у нас жуткое расслоение, пугающая разница, – осторожно произнёс грустный, нелепый, исковерканный долгим приспособленчеством инженер Белков из группы Ивонова. Высказался и трусливо замолчал.

- Можно подумать, во Франции бывал. А может, и в Америке? - ехидно фыркнул другой инженер, Власьев Борис, который был намного моложе Белкова. - Что с вами? Накатило?

Белков недоумённо заморгал, пожал плечами и отреагировал на неожиданный выпад коллеги смущённым смешком.

- Нарвались на грубость? Досталось, разделал вас Борис под орех! Выпад получился отменный. Сказал, будто по спине огрел. Молодежь и раньше не всегда была снисходительна к старикам, а теперь в особенности. Норовит нанести удар по чувству собственного достоинства и даже испытывает стыдливое удовлетворение, узнав о неудаче соперника. А некоторые и нестыдливое - не постесняются воспользоваться затруднительным положением соседа, друга, даже родственника, не ощущая при этом ни малейших угрызений совести. Не стану ехидничать, хлеб у Бориса отбирать.

Мы, старшее поколение, не принадлежим к подобной категории людей. Мы всегда стремились облегчить участь ближнего. Нас не прельщала, даже пугала такая перспектива развития взаимоотношений между поколениями, - со знанием дела внесла свою пространную лепту в разговор мужчин Инна. Не упустила случая вставить своё слово. Но на Елену Георгиевну всё же укладкой посмотрела.

И неясно было: сочувствует ли она Белкову или просто в силу привычки вклинилась в разговор и комментирует услышанное. Она и сама не определилась. Ни следа неловкости, ни жалости на её лице в эту минуту, только привычная, чуть ехидная спокойная ирония как результат многотрудного жизненного опыта, добавляющего морщинки на её подвижной, достаточно привлекательной физиономии.

Инна Григорьевна весьма сдержанно относилась к Белкову, с умеренным отвращением. Не одобряла за то, что его слова редко превращались в дела, про себя обзывала его «чертов старпёр», с таким же предубеждением относилась и к его инженерным способностям. Её раздражала его манера втягивать голову в плечи, привычка смотреть искоса, будто исподтишка задумывая гадость. Часто ловила себя на мысли, что в нём не было ничего исключительного, примечательного, а главное, в нём не наблюдалось так любимой ею в мужчинах русской широты. Скучен он был, неинтересен, если не сказать больше: безжизненный, весьма посредственный субъект. И лицо его постоянно напоминало ей физиономию человека, застигнутого врасплох за каким-нибудь непристойным занятием. Не сказать, чтобы она питала к нему жуткое отвращение или совершенно не выносила его, нет, конечно, только отзывалась о нём всегда не особенно одобрительно, хоть и не зло, и в её голосе при этом часто прорывалась брезгливость. Но своего мнения она никому не навязывала.

Инна потеряла к Белкову интерес и, подавляя в себе медленно нарастающее желание обрушить на него целый шквал оскорблений, отвернулась от коллеги.

- Ну и ляпнул, сказал, что плюнул. Это у вас в порядке вещей? На вашем месте я бы помалкивал в тряпочку. Париж ему снится! Свою жизнь здесь бы разгрести. Сейчас требуются доказательства на право существования, - тоном, исполненным грубого негодования, едко произнес совсем молодой, с недоверчивым взглядом инженер Зарубин.

Его оскорбительно насмешливые серые глаза в этот момент смотрели с вызовом. Своим вихрастым чубом и бойцовской стойкой он напоминал раздражённого петуха.

- Я со своей стороны, не стесняясь, скажу: если вы не сумели проявить себя в Союзе, так сейчас докажите свою состоятельность. Вы теперь, как говорится, - хозяин положения. Не просиживайте штаны, не фантазируйте и попусту не раздражайте присутствующих. Боритесь не на живот, а на смерть, как того требуют законы капитализма. Нам, молодым, пример покажите, - с неприязненной насмешкой добавил Зарубин.

Белков негодуя обернулся к нему.

- Я ничего, как вы выразились, не фантазирую. «Поучайте лучше ваших паучат»! Позволю себе поставить вас в известность, что Остапа Бендера из меня не выйдет. Я - слишком социалистический. К тому же я считаю, что балансирование на острие ножа не может продолжаться бесконечно долго. А если так, то страна наша катится в

преисподнюю – вот как обстоят дела. И если уж говорить о перспективах, то я бы предположил в ближайшем будущем одни лишь сложные проблемы и провалы.

У меня давно росло и множилось в душе предощущение больших перемен, и ничего тут удивительного нет, ведь беспокойство – естественный спутник неизвестности. Поначалу перемены не выглядели бесповоротными. Помню, вид у всех нас был очумелый, как у крестьян из глубинки, впервые приехавших в столицу. И вот теперь мы окончательно потеряли смыслы и ориентиры. Нельзя ставить под сомнение идеалы старшего поколения, стирать ореол былого могущества и славы нашей страны.

Нам надо заполнять жизнь добрым и высоким, а мы бешено гребём под себя всё мелкое, пошлое и надеемся, что чья-то мифическая предприимчивость возродит нас к жизни, заново зажжёт и утвердит нашу вытесненную перестройкой даже обыденную мечту. Нашим олигархам просто-напросто не хватает элементарной порядочности на то, чтобы желать направить награбленное у страны и народа на развитие производства и науки. Они, скорее всего, ещё долго будут удовлетворять свои бесконечные, ненасытные потребности.

На кого мы возложим ответственность за происходящее? Кто бы помог нам разобраться что к чему? Не разминуться бы нам со своим временем. Сейчас нет людей, готовых умереть за идею, – призвав на помощь всю свою силу воли и сдержанность, бестолково, обиженно и нудно бубнил Белков.

– Когда это было, дай бог памяти? Нечего прошлое ворошить. И не сгущайте краски. У вас от страха поджилки трясутся, потому что вы не вписываетесь в современную картину жизни. Вам не понятен её невероятно запутанный узор? Как мне представляется, ваша звезда закатилась, не успев взойти. Вы и при Союзе не смогли доказать, что способны на нечто большее, чем все от вас ожидали. Не нашли средств выражения своего таланта? Теперь есть на что свалить все свои неудачи: не было простора для творчества, да? Потом простор обрели, да денег нет. Так? А теперь вы воображаете, что пали невинной жертвой перестройки.

У вас крыша поехала, ходите как пришибленный, бормочите несуразицу. Ни дать ни взять – бедолага. Не выдумывайте! Ваши мозги всегда оставляли желать лучшего, вы нахлебник, бесталанная серость и нытик. На поддержание собственных штанов заработать не можете, а туда же... Уму-разуму нас учите, прошлое восхваляете. В пострадавшие лезете? Хотите нас разжалобить? Он, знаете ли, робок, не решается носа высунуть из пазухи своей жены, боится, что накостылят по шее. Эдакое неприспособленное существо, которому нечем подогреть своё тщеславие и которое бесполезно нахваливать или ругать.

Нашли отговорку в перестройке? Вы – дачник-неудачник. Я не прав? Или всё же преуспели в этом как нельзя лучше? Вы же теперь, говорят, преимущественно заняты «на вольных хлебах», тогда на кой ляд вам институт? Вам здесь уже не по чину, – с язвительной любезностью в голосе продолжает Зарубин и глядит на своего товарища, надеясь на его одобрение. Но тот сидит, привалившись к стене, и дремлет под музыку романсов, тихо льющихся из его наушников.

Прямой намёк на непрофессиональное занятие Белкова был встречен бурей негодования инженеров, расположившихся на галерке и явно сочувствующих замученному нищетой старику. Их тоже безденежье «погнало в поля» и они завели огороды.

– Вы о чем? – переспросил Белков с недостаточным негодованием в голосе.

Он в буквальном смысле поперхнулся жёсткими словами молодого коллеги. Морщась от неловкости, красный от стыда и обиды, он, угнувшись, то нервно теребил полы своего заношенного пиджака, то крутил верхнюю пуговицу рубашки. И лишь иногда косо оглядывался на ровесников, ища их поддержки.

«Ну вот! Осталось перейти к изобличению слабостей других коллег, а вслед за этим к обмену дерзостями. Из-за чего сыр-бор разгорелся? И чего это Зарубин напустился на беззащитного? Не красит его грубость. Не ожидала я, что он может наслаждаться сомнительным удовольствием досадить старому человеку. Какая девальвация человеческой личности! Хочешь услышать интеллигента, а видишь перед собой хама и жлоба. Зарубин, таков твой гаденький характер? Мог бы и мягче выразить свою

концепцию, ведь Белков из числа бессловесных, да и взгляды его на прошлое не отличаются своеобразием.

Нет, вы посмотрите на него, какой взъерошенный, с колючими глазами! Счёл уместным, как сам признался, разъяснить Белкову всю безнадежность его положения, а тому в его годы уважение окружающих требуется, уверенность, что не зря жизнь прожил. Дорого могут обойтись старику злые, обидные слова коллеги. Случись что, чем тогда оправдает Зарубин своё поведение?.. Иисус Христос тоже был невиновен, а его всё равно распяли. И в наше неуверенное время трудно между плевелами находить зёрна добра.

Сам-то ты, Зарубин, из каких будешь? Если сможешь – сотрешь в порошок, а нет – так станешь стелиться, пресмыкаться? С нижними чинами жесток, категоричен и резок, а с высшими – наоборот? Зря я его, пусть даже мысленно, отхлестала? Может, Зарубин сам пропитался взрывной горечью осознания безысходности и удушающей неуверенности. И всё же...», – недовольно кривит губы Инна, молча осуждая грубый выпад молодого коллеги.

Елену Георгиевну коробят и беспокоят бестактные заявления Зарубина, удивляет способность подпевать насмешникам. Она старается подавить в себе нарастающее негативное чувство и незаметно для себя начинает выбивать кончиками длинных пальцев на кожаной папке с документами мелкую нервную дробь.

«Вот он, диалог глухих. Себя только слышат, – вздыхает она. – Все напряжены до предела. Маленькой искорки хватит, чтобы взорвались. До чего доводит безденежье! Людям, постоянно находящимся в стрессовом состоянии, можно простить некоторое временное раздражение. И ведь этот же Зарубин совсем недавно над племянником ночей не спал, на коленях перед доктором стоял, молил помочь спасти, плакал...»

Кира вспомнила, что грустные мысли о жертвенном поведении молодого инженера заставили Елену Георгиевну вернуться памятью в своё прошлое. Всплыла многолетней давности поездка на юг. «Шум моря, ослепительное солнце, обжигающая ноги галька и сынок Антоша. В воду тащила его – он оглашал визгом пляж, из воды – тоже, только уже по причине противоположной. Было ощущение счастья, несмотря на скудность и никудашное качество столовской пищи. Много ли нам тогда надо было, чтобы ощутить райское наслаждение!

А в конце отпуска я встретила на пляже однокурсницу Таню. Несколько лет не виделись, а тут, как говорится, карусель нашего бытия на миг чуть-чуть притормозила, и так совпало, что мы пересеклись. Каким болезненно-жадным взглядом она охватила моего сынишку! Сколько в нём было зависти, горечи, обиды на судьбу. Муж – тот самый однокурсник Вовка – обнял её за плечи, прижал к себе и увлёк подальше от источника страдания. Он жалел жену. Он умел любить, но когда они были студентами, не смог противостоять своей маме, потребовавшей избавиться от будущего ребенка.

Мне тогда показалось, что измученный взгляд этой молодой красивой несчастной женщины с признаками шизофрении. «Не может быть!» – воспротивилась я своим ощущениям. Я тогда долго не могла избавиться от тягостного состояния жалости. Саднило сердце, возмущённое несправедливым роком. Даже возникло на некоторое время состояние иссушающей злости и обиды. Помнится, с трудом переборолась и твердо решила не поддаваться нервам, не расслабляться. «Какая была девчонка! Наехало на Танюшку колесо судьбы, опрокинуло, раздавило. Слишком жестокая расплата за единственную ошибку. Какие радости отпустила ей судьба? У каждого из нас есть уязвимое место. Чем она теперь живёт, что дает ей силы?» – грустила я, вспоминая её тоскливо-безумные глаза».

А Зарубин продолжал сыпать едкими фразами, ритмично ударяя рукой по спинке стула, будто отсчитывая промахи ответчика. Набухшие кровью вены на висках говорили о том, что он не шутит. И с каждым его словом Белков всё больше поникал и всё глубже вжимался в стул. Ему казалось, что его публично раздевают. Он слушал отповедь коллеги с непроницаемо-мрачным, угрюмым видом, но усталые складки его лица углублялись, болезненно опущенные уголки губ ещё больше заострились. Он

беспомощно и как-то автоматически шевелил плечами, и его сухие нервные руки бессознательно теребили полы ветхого пиджака.

«Зачем так грубо накинулся и злыми словами отхлестал человека? Ему ведь давно перевалило за шестьдесят. Перегибает палку Зарубин. Надо будет в личной беседе указать ему на недостаточно развитое чувство такта, на неумение уважать чужие права, – почувствовав в глубине души укол совести, подумала Елена Георгиевна. – Сколько помню себя, мы не позволяли себе глумиться над старшими, никогда не опускались до оскорблений, если они даже с нашей точки зрения были не правы, мы превыше всего ценили в себе интеллигентность, а теперь все молчат, никто не становится на защиту пенсионера.

Хотя чему тут удивляться, теперь каждый за себя. Конечно, любому поколению людей приходится заново возвращаться к вопросам воспитания и образования, редактировать, корректировать их в связи с меняющейся обстановкой в обществе, но базовые, нравственные основы всё-таки должны сохраняться.

А может, Белков сам позволяет обращаться с собой подобным образом, сам нарываясь на грубость и обречён становиться мишенью для насмешек? И всё же ребята слишком распоясались. Какой в этом резон? Он же никому из них не конкурент, места чужого не занимает, последний кусок хлеба не отнимает. Чего ему не могут простить? Возможно, слова Белкова гораздо ближе к истине, чем им хотелось бы верить, и это их раздражает?

Старик в отцы Зарубину годится. Этого-то как раз он и не принимает во внимание и не делает скидки на возраст. Молодые жёстче нас? Бесчувственные, безразличные, будто эпидемия равнодушия прошла по ним. Не по всем, конечно...

Другие времена пришли, и, естественно, у молодых другие приоритеты. Я склонна предположить, что злость и равнодушие у них от бессилия перед обстоятельствами, от неудач, от страха и неуверенности перед будущим. Мельчает человек, не имея достойной для ума работы. Голос истинно мыслящего человека всегда был тихим, а они на всю ивановскую... Откуда в них этот запал толпы? Слепая власть случая или всё-таки тенденция? Не понимают молодые, что их поколение стоит на плечах предшествовавших им людей. Им бы сейчас больше думать, классиков читать, свой духовный мир развивать, обращаться к искусству, подзаряжать свои сердца красотой и гармонией, а у них одни деньги в голове.

Оправдываются тем, что выживают. А наши родители и мы в пятидесятых годах тоже не жировали, но духом не падали, мечтали, работали, учились для будущего. Деньги уходят, а внутреннее богатство на всю жизнь остаётся. Духовный человек уверенней. А в чём моя вера? Только в науку и верю».

Елена Георгиевна зябко поежилась. Потрогала батарею отопления: чуть теплая. «Экономят», – подумалось ей. В пуховый платок плотнее закуталась, и, похоже, забылась. Вспомнила дружка своего детдомовского. Тогда тоже было холодно...

«Мы идём в деревню на горку к домашним детям. Глубокую осеннюю колею давнишняя вьюга сравняла с лугом, разделяющим два села. Теперь легкая струящаяся позёмка бежит по санной дороге и, застревая на обочинах, образует маленькие наметы. Позёмка ластится, льнет к накатанному следу, но, едва прикоснувшись, скользит по нему, как по льду, и ветер гонит её всё дальше и дальше. И только сияющая серебристая пыль некоторое время ещё курится над тем местом, где только что мчался белый стремительный ручеёк.

Мы расставляем ноги в огромных валенках. Позёмка огибает их и проскакивает между ними, словно через открытые ворота, оставляя на носках обуви бугорки снега, и продолжает свой путь. Чистейший снег слепит глаза, зажигает в сердце радость. Мы зачерпываем его горстями, прикладываем к лицу, потом лепим снежки и кидаем в ближайшее дерево. Там остаются следы, подтверждающие нашу меткость. Мы радуемся каждому пустяку, визжим от восторга! Если нас хватятся – накажут. Обойдется! Кому мы нужны...

...Возвращаемся назад. Поднялся ветер, но он тёплый и хотя забирается под хилые

пальтишки, не вымораживает нас, тощих и голодных. Пошёл густой снег. А мы не боимся! Это же не вьюга с её круговертью и хаосом, воем и стонами, надрывающими сердце. Её не раз приходилось слышать зимними вечерами...

Идем с дружкой и вспоминаем одну такую злую метель.

«Пурга тогда стонала на чердаке, трясла оконные рамы резкими порывами ветра. Дребезжали стёкла, кряхтела и бряцала щеколдой входная дверь. Нашу комнату освещал слабый свет керосиновой лампы. Язычок огня нервно вздрагивал, точно сам боялся бури. Мы сидели вокруг плиты и бросали на раскалённое железо сушёную кукурузу, которую натаскали с поля ещё летом, вышелушили и запасливо припрятали под матрасами. Она выстреливала во все стороны, мы поднимали её с пола, ссорились, делились, потом счастливо хрустели ею, прижавшись друг к другу. В тот день дежурила добрая воспитательница.

Из приоткрытой дверцы плиты на пол выскользнул красный уголек. Один мальчик схватил его, подбросил на ладони и кинул в поддувало. Там ему место. Сделал он это небрежно. Мы гордились его смелостью. Он не позволял смотреть на его обожжённую ладошку. Гордый! Он уже большой, ему почти семь лет».

...Ветер усилился. То в лицо толкает, то в спину. Это уже круговерть. Снег валом валит, спиралями закручивается. Невольно настораживаемся. А вдруг это затяжная метель на весь день? Под сердцем пробегает зябкая дрожь. Кажется, что тополя вдоль дороги стонулись с места и ушли в никуда. Теперь главное не потерять направление. Надо оглядываться на свои следы, пока их не занесло снегом? Бесполезно. Сплошной мохнатый снег окружил нас непроницаемой колеблющейся стеной высотой до самого неба. На расстоянии вытянутой руки ничего не видно. Мы как бы в сказочной трубе. Стихотворение Пушкина «Зимний вечер» припомнили. Няня недавно читала...»

Елена Георгиевна слышит громкий добродушный смех и отвлекается от собственных мыслей. Шум вырвал из сонного оцепенения и молодого, никогда не унывающего, беззаботного инженера Щербакова.

- ...Вот это нокаут! Не улавливаю пафоса происходящего! Досталось вам, товарищ Белков, по полной программе. За что это он с вами расквитался? Ну и попали вы в переплет, - весело, с грубовато простодушной непосредственностью проехался он по Зарубину. И добавил примиряюще, обращаясь к Белкову, придавая голосу искренний тон:

- Да будет вам, коллега, не дуйтесь, не тушуйтесь. Не мне вас учить, но не придавайте значения словам, сказанным в раздражении, выбросьте их из головы. Было бы с чего на стену лезть. Не впадайте в излишнюю чувствительность, не ищите проблем там, где их нет. И не вздумайте рубить с плеча и пороть горячку. Чего свирепеть? Смотрите в корень: время сейчас наглое и бессовестное.

Я вот попробовал себя в торговле. Решил, что стал тесен мне белый халат экспериментатора и серый инженерский пиджак, захотелось бордового, предпринимательского. Так вот, когда мне подставляли соперники подножки, я отвечал им тем же. Промышлял в основном перепродажей. Трудно во что-то верить, когда ты пережил десять партнеров и все - дрянь... Всякие номера выкидывал. Даже совершал проступки и преступления в «особо мелких размерах», когда вводили в соблазн.

Вы знаете, поначалу всё это было очень даже «занятно». Это как игра в карты. Сошелся я там с несколькими бизнесменами. Они вызвались помочь, когда я «успешно» сел на мель. Потом чуть ли не на стенку полез от такой их помощи. Ходили за мной по пятам. Думали, шапку перед ними ломать стану, а я наотрез отказался. Долго со мной не канителились. Близкое с ними знакомство обошлось мне минутами страха. Избили и выкинули, как босяка. Деликатно так - лицом об асфальт. Такого удара не постеснялся бы и лучший боксер международного класса. Довели наши отношения до логического завершения. Положили, так сказать, конец нашему короткому «адальтеру». Благо, что не убили. В общем, у них там рука руку моет.

Торгаша, как видите, из меня не вышло. Никакого навару не получил. Каков поп, таков и

приход. Прибрали к рукам моё дело молодчики. Их работа – коммерческий грабёж доверчивых лохов. Бросил я всё. Сыт по горло их фокусами. Один важный фактор сыграл решающую роль: я понял, что не умею делать деньги, а главное – не испытываю к ним благоговейной страсти. Торгуя, я постоянно ощущал чувство неловкости, даже неполноценности. Наверное, я так воспитан. Не удалось себя переделать. Не по Сеньке шапка оказалась. Но других, у которых получается, критиковать не стану. Каждому своё.

Потом ещё беды на меня навалились, квартиры лишился. И старые проблемы разворошил вдобавок. Всё пошло через пень-колоду. А дело, мне думается, тут в том, что мы теперь живём в мире, где существует много зла. Вот и приходится учиться бороться, чтобы жить по-новому. Теперь многие попадают в положение, когда остается только надеяться. А сейчас я еле свожу концы с концами, но не ною. Я на своём месте, – подавшись к Белкову всем телом через ряд стульев, внятно изложил Щербаков. – Нет среди нас богатых и хитрых, есть только умные и не очень.

Не переживайте, любезный, пройдёт, скажем, ещё лет десять, и всё у нас наладится. И, как говорят мои старики, выкрутимся, если войны не будет. Работать надо хорошо, а там, глядишь, и наступят лучшие времена. Нельзя нам на себе крест ставить, вы это знаете не хуже меня. Россию трудно опустошить, она большая и великая. Возродимся. И никто меня в этом не переубедит. Течение жизни общества неумолимо подчиняется определенным законам. Колесо истории знай себе вращается.

Инна, будто стрелка чувствительного компаса, обернулась к «выступающему».

– Щербаков, ты нам ещё лекцию по истмату прочти, – фыркнула она неодобрительно, но про себя подумала: «И всё же с завидным благодушием вступился за старика. А что же это Севостьянов, дружок Белкова, помалкивает, не защищает его? Такой всегда добродушный. Сильно поредевшие волосы открывают его оттопыренные уши, чем ещё больше усиливают впечатление о нём, как о бесхитростном человеке. А эти круглые нелепые очки и выпуклые, слегка растерянные, подслеповатые, водянистые глаза о чём говорят? Он добродушный, потому что равнодушный, добродушный, но не добрый? Сегодня он – редкий случай! – глубокомысленно «занят» и не горит желанием вносить свою лепту в общую беседу, и дело с концом! Прижух. Пустой, суетный человек, но с хитринкой».

Белков, помедлив, в ответ на слова Щербакова, презирая себя и свою слабость, выдавил жалкую полуулыбку и произнес горестно: «Ваши бы слова да богу в уши». Он был слишком раздражён и оскорблён, чтобы должным образом воспринимать и отвечать на веселую, пусть даже грубоватую поддержку коллеги.

Инна оценивающе глядит на Щербакова. «Любопытный предмет для наблюдения. Один из тех, кто обычно спит почти всё время, пока длятся заседания. Крупный, крепкий, руки золотые. Внешность непривлекательная, манеры, если так можно выразиться, своеобразные. Недалёкий, точнее, без полета. Если можно его заподозрить в каких-то пороках, то, пожалуй, это слабость к горячительным напиткам. Водочку любит. Попав в нетрезвом виде в затруднительное положение, сам выпутаться не может, приходится друзьям препровождать его в безопасное место. Но впечатление производит. В разводе. По женщинам глазами не рыскает, но есть в нём какой-то животный магнетизм», – отвернув от Елены Георгиевны вдруг жарко вспыхнувшее лицо, отмечает про себя Инна, игриво поводит плечами, небрежно всколыхнув эффектную, огнедышащую грудь, и грустно усмехается по поводу уходящей молодости: «К сожалению, желания и возможности теперь не всегда совпадают».

Трёхдневная серебристо-рыжеватая щетина на крепком, литом лице Щербакова почему-то напомнила ей встопорщившиеся чешуйки у плотвичек в брачный период, которые она однажды, неожиданно для себя, разглядела во время майской рыбалки. И она – ни к селу, ни к городу – вдруг загрустила о слишком быстро пролетевшем и бесплодотворно проведенном на «чертовом» огороде лете.

Елена Георгиевна всё же успела перехватить взгляд Инны и тут же вспомнила её грустный рассказ при их первой встрече после долгой разлуки. «Было три мужа, потом ещё четырежды пыталась создать семью – безрадостные романы. Слепое томление плоти принуждало меня к этому бесполезному, бесперспективному занятию. Ни один из

мужчин не устраивал меня в постели так, как тот, первый. Ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Да и душевные качества оставляли желать лучшего. Все как один – с куриными мозгами, затурканные. Строили из себя покладистых, незатейливых, бесхитростных. Усахаривали, чтобы прийтись по душе, а потом начинали откалывать штучки-дрючки. Часто приходили в непотребном виде. Все их словеса и жалобы были от лукавого, себе на потребу.

Потом стала прикидывать, в чём этот, новый, уступает другим или превосходит их, и больше не позволяла себя обаять. Гнала от себя. А они привязывались. Поражало их отношение к жизни, которое годилось разве что на то, чтобы влачить жалкое существование. Было много мучительно-грустного, часто чувствовала себя стрекозой, сбитой с листа камыша неожиданно высокой речной волной...

Получалось, что разменивала свой серебряный рубль на медяки. А лучших претендентов на примете не было. Просто поражалась, как с такими данными и возможностями они на что-то претендовали. Ещё и от жён, по их рассказам, бегали, на стороне что-то искали. Не могу взять в толк, почему никакой себе трезвой оценки не давали? Откуда в них эта слабоумная мания величия, почему больны глупым тщеславием? Похоже, и правда, поведение мужчин определяется спросом и предложениями.

А уж о духовности я вообще и не заикаюсь. Помню, один сорокапятилетний, всё ещё пребывая в наивной юношеской беспечности, считал себя одинокой взыскующей душой. Предлагая мне своё сомнительное чувство, печально и потерянно произносил: «Жизнь не стоит расхода моих творческих сил!» Бес попутал меня с ним. Не стала я прикидывать возможности его платежеспособности, потому что осторожная радость толкнулась в мою душу, сердечко ёкнуло... Ну, думаю, удачный случай представился, точнее сказать, подвернулся – не прозеваю. Нежный, ласковый, романтический мужчина!

Меня всегда тянуло к порядочности, к чистоте. А он оказался ненастоящим, ничтожным. Видно, выучил немногие душещипательные слова и говорил всем женщинам подряд, авось какая глупая клюнет. Душа его, как оказалось, кроме водки, ничего не требовала. С утра уже за воротник закладывал. И ведь держался до загса, ни разу пьяным не пришел! А как проникновенно выпрашивал на бутылку! Обхохочешься. С таким жить – лучше, не умствуя, удавиться. Он же не давал ни минуты передышки. «А коль это так, то нужен он мне как рыбке зонтик. Обременительно любить такого. Кругом одни минусы. Такие экземпляры с изумительной быстротой садятся на шею», – решила я.

На изучение всех его метаморфоз у меня ушло не больше месяца. Выгнала поклонника. Покинул меня без лишних скандалов и проволочек. Быстро отступился и убрался подобра-поздорову восвояси. Ушел смурной, тоскливый, покорный, тусклый, ещё не до конца осмысливший происшедшее. Видно, привык к такому исходу событий. Не отвергаю эту вероятность. Вновь я оказалась добровольно обманувшейся дурой. И откуда во мне эта детская доверчивость?

А встречались и жутко настырные. Намучалась я с ними, пока отвертелась от их притязаний. Задергали совсем. Такие гадости устраивали. Надолго отбивали желание «иметь в доме мужчину». Часто попадала в щекотливые ситуации и не знала, как из них выпутаться, случалось терпеть изошрённое хамство. Никак не удавалось мне встроить себя в пространство счастливой семейной жизни. Хотелось бы если и страданий, то счастливых, радостных. Если любить, так достойного: чтобы летать в своей любви, чтобы с полуслова, с полувзгляда понимать друг друга, уважать, чтобы было духовное единение, чтобы ощущать себя как за каменной стеной. Ведь бывает же такое? А эти – в грязь тебя лицом.

Скажешь, почему так мрачно? А как ещё? Я не ищу виноватых. Глупой была. И почему липли ко мне всякие слабаки и подонки? Может, за мною укрепилась репутация человека, способного, по доброте душевной, на великие подвиги во спасение заблудших душ? Вот они и повадились ко мне в поисках легкого счастья. Беспочвенно, неубедительно? Или они думали, что если мне за тридцать, так любого подберу? Фу, гадость какая, даже вспоминать противно.

Я не каждому встречному-поперечному жалуясь, только тебе, Лена, душу раскрыла. Ты же знаешь, если не захочу, из меня невозможно что-либо вытянуть даже клещами. С годами у меня чутье на плохих мужчин появилось, спинным мозгом стала их чувствовать. Я вывела для себя, что выбирать не из кого и создала образ разведенного

мужчины, достигший удивительно убедительной реальности, который мне и даром не нужен, и перестала искать своё счастье. Перебродила, перегорела во мне любовь. Претят мне не только унижительные поиски удовольствий, но и тихого семейного счастья с порядочным старичком. Брошенные мужчины скучны, не дотягивают до желаемой, даже самой низкой планки. Правильно говорят, хорошего мужика женщина не выгонит. К сожалению, у меня не было случая убедиться в обратном. А как бы хотелось! Скажу начистоту: поняла, что не могу жить с человеком, которого не люблю или хотя бы не уважаю.

Мир не рухнул в моих глазах. Книги мне стали интересней. В них я почти теряю ощущения реального. В них мечты, сдобренные разного рода иллюзиями. В них красота».

Я тогда, помнится, спросила у Инны: «Ты думаешь, если мужчина способен себя критически оценивать, так он не может быть плохим?»

«Ещё как может, если он циник. Такой субъект даже по отношению к себе не умеет быть добрым, что уж говорить о других. Такой никому не может принести радости, сделать кого-то счастливым. Он умеет только разрушать. Встретился на моём пути такой субчик: наглый, безмерно грубый, со скверной привычкой разговаривать снисходительно-насмешливым тоном. Философствовать любил. Скажет, а через минуту отрекается от своих слов. Страшный человек. Чего только стоила его манера жёстко и надменно смотреть в глаза. У меня хватило ума не сблизиться с ним. Быстро раскусила его «типичные» черты, – усмехнулась Инна. – А ему нравилась моя решительность, когда я во время разговора с ледяным бешенством смотрела на него. Он чувствовал во мне достойного противника. Наверное, это его возбуждало. Я распознала в его голосе угрозу, и моё сердце «выдало» осторожное предупреждение. Оно-то и остановило меня от ответной резкости, и я не приняла его игру, деликатно уклонилась. Хотя очень хотелось обломать наглеца. Если бы рискнула, то ни за себя, ни за него не поручилась бы...

Какой резон бороться с ним до изнеможения? Он не стоил того. Такой человек не оценит чужую победу и постарается любыми подлыми средствами стереть противника в порошок, дабы потрафить своему самолюбию. Мне достаточно было его яростного, ненавидящего взгляда. К счастью, вопреки ожиданию, он быстро отвалил. Хотя, конечно, мучил меня червячок досады, что отступила, не наказала, чтобы другим не гадил. И самое главное, ничего в нём за его форсом не стояло. Не жил, а с удовольствием играл роль злодея, выискивая более слабые, чем он сам, жертвы».

3

Белков догадывается, что инженеры намекают на то, что он садовому участку уделяет больше времени, чем науке, и со злой решимостью огрызается:

– Мне совершенно не ясна ваша ирония, Зарубин. Потрудитесь объяснить, и я попытаюсь сформулировать свою позицию. Я не придумываю отговорки и тоже понимаю, что это в высшей степени жалкое существование, недостойное образованного человека, когда каждый поход в магазин грустно отзывается на бюджете семьи, когда голову не применяешь по её прямому назначению, когда не ясна жизненная перспектива. К тому же бедный человек не может быть свободным, что тоже очень важно понимать.

Вся моя жизнь состоит из трагедийных кусков. Лучшие мои годы были потрачены на борьбу с бедностью. Вот только расправил плечи, а она, судьба, опять гаечным ключом по голове – есть от чего прийти в отчаяние. Все мы испытали неожиданное потрясение. Никто не представлял, что уготовано нам судьбой. Если я правильно понимаю, те, что наверху, заняты чем-то великим, поэтому к земным делам простых людей относятся с пренебрежением. Когда приходится мыслить такими масштабами, до мелочей ли?.. Тогда для кого всё это затевалось?

На лице Белкова застыло удивленное выражение человека, уверенного в том, что он прав, но почему-то неизменно проигрывает.

- Не от хорошей жизни я взял огород. Раньше даже слышать о нём не хотел, а сейчас за него как утопающий за соломинку ухватился. Он - моя отдушина и подспорье. Не зарьтесь, Зарубин, на чужое. Нелегкий и непроеводительный там труд. Позволю вам заметить, безработица многих обрекла на нищету и заставила взять в руки тяпку. Ткнуть бы этих «революционеров» лицом в нашу нищету. Оставьте пустые разговоры и насмешки! Вы, что ли, моих внуков растите? Моя дочь потеряла кормильца. У вас пока нет детей, а значит, одной проблемой меньше, поэтому вам не понять меня, - с видом оскорблённой добродетели закончил Белков.

Все знали, что у него две дочери-учительницы в разводе и ещё три внучки-школьницы, и что все они живут в его двухкомнатной квартире. Он десять лет первым стоял в очереди на расширение жилья, но так и не успел до перестройки улучшить свои жилищные условия, не получил обещанную профкомом четырехкомнатную, и теперь, утвердившись в собственной невезучести, не видел конца своим злоключениям.

Зарубин в ответ не к месту пренебрежительно рассмеялся.

Белков нервно пошевелил пальцами, сделав характерный жест, будто считает купюры. Он был возмущён тем, что его бесцеремонно прервали, но не смог одёрнуть обидчика.

- В продолжение своей мысли спрошу: какова вероятность того, что всё быстро изменится к лучшему? Что потерял - я знаю, а что получу взамен? При определённых обстоятельствах огород - это лучше, чем ничего. Все наши беды происходят от того, что нынешнее время привносит такое, что нам, старшему поколению, трудно понять, принять и перестроиться. Мы не успеваем за событиями и ничего не можем предвидеть. Таково действительное положение вещей.

Вдобавок нас лишили своей привычной среды, и теперь у нас в головах разруха. Эти чувства сродни с теми, что ощущали наши родители в семнадцатом. Наверное, такая постановка вопроса вызывает у вас отторжение? Новая эпоха требует от нас, стариков, невозможного. Конечно, хочется верить, что это просто новое поветрие, ничего серьёзного, и не придётся восстанавливать попорченную справедливость, достаточно образумить людей...

Как бы то ни было, раньше и в любви, и в работе всё казалось возможным, доступным, легко достижимым. Молодые, обратите внимание на очень интересную особенность: наша эпоха носила на себе печать уникальности, самобытности. Мне кажется, целая вечность прошла с тех пор. А я как сейчас помню: вынашивали планы, мечтали о коммунизме, с полным основанием могли гордиться собой, друзей выбирали не по должностям, умели наслаждаться тем, что давала жизнь, довольствовались, как я уже сказал, малыми радостями каждого дня, и в этом не было ничего искусственного или зазорного. Шагая по земле, мы чувствовали полет, - мечтательно закончил Белков, седой, тощий, сутулый, но в тот момент такой вдохновенный! И добавил уже пасмурно:

- Не поторопились ли мы броситься в капитализм? Не разорвать бы связь времен и поколений.

- Тоже мне Евтушенко! Высокие словеса - мишура. Умора! Вошёл во вкус, развернул пропаганду. Надоело! Не порите чепуху, оставьте свои фантазии при себе. Всем известна болезнь тех лет - тупая, неукоснительная вера в нереальные мечты, - нисколько не стесняясь, Зарубин опять издевательски прерывает нехитрую цепочку воспоминаний Белкова. - Красиво воссоздаёте картину ушедшей эпохи. Интересное наблюдение: чем хуже сейчас, тем лучше было раньше? «Я в полном недоумении. Ах, где мои славные величественные руины!» Мы опрокинули ваши донкихотские представления о жизни? Вы не пришли ко двору? Вот и утешайтесь огурцами и редиской, на развалинах брошенных кем-то садовых участков!

Ноет, ноет! Наверное, думаете - смешно сказать! - что у всех всё в порядке и только у вас одного неприятности? Ни дать ни взять - под дурачка работаете! Не время задаваться глупыми вопросами. Прокопаетесь в себе и настоящей жизни не увидите. Надо учиться работать по-новому, а не словоблудием заниматься. Остановите своё безудержное словоизлияние, оно никого не трогает.

Но «лектор» неожиданно для всех не дал смутить себя грубой издёвкой. Смешался, но только на миг, и невозмутимо продолжил сипловатым монотонным голосом, словно и не

было ехидного укола.

- Наша жизнь не изобиловала необычайными приключениями, скромное, но счастливое, спокойное, стабильное было время. По тогдашним понятиям, мы хорошо жили. Люди самых разных судеб и наклонностей были искренни, открыты для общения, и это главное, потому что душа - храм истины. - Теперь Белков говорил уверенно, как о чем-то не подлежащем сомнению. Его голос окреп, зазвенел.

- Раньше быть русским означало быть братом людям всего мира. При социализме боролись за человека, а теперь за деньги. Произошла глубинная трансформация душ. Конечно, проще на удар ответить ударом. А ты попробуй не запятнать себя жестокостью, не унижить другого грубостью. Всё это ушло в прошлое. И поворотным пунктом явился тот день, когда Горбачев... да что там вспоминать! Тоска подступает к сердцу. Не пришлось бы некоторым посыпать себе головы пеплом.

Нынешней молодёжи не понять атмосферы товарищества. Не достучаться до их сердец. Искалечены юные души целого поколения. Свидетельств тому немало. А потом некоторые скажут: «Знать ничего не знаем, ведать не ведаем. Мы тут ни при чём».

Белков как бы в подтверждение своих слов убеждённо мотнул головой в сторону Зарубина.

- Что творится, что творится кругом! Как всё неимоверно быстро изменилось! Какую нам держать позицию по отношению к происходящему? Прошли благодные времена советского периода. Из людей уходит последняя человечность: не принимают друг друга, враждуют, испытывают души на излом, рот на чужой каравай разевают. А мы не научены держать удар. И в семьях теперь не хватает чуткости, нежности. Может, они и сохранились где-то в подсознании до лучших времён, но эти времена никак не наступают. За деньгами никто ничего не видит. В окружающей нас жизни появилось что-то глубоко чуждое. Смутное время. Оно состоит из одних абсурдов. Что может теперь раскрасить нашу жизнь в яркие цвета? Чем нас, пенсионеров, можно порадовать? Конечно, надежда и теперь иногда вспыхивает и расцветает на короткое время, пока не вянет под тяжестью разочарований, пренебрежения, обманов. А ведь только надежда держит человека на земле.

Дали свободу! Кому, чему? Хамству? Вы говорите, что мы семьдесят лет на коленях стояли, а вы теперь голым задом в дерьме сидите. Лучше, легче стало? Вы подрезали людям крылья, лишили прекрасной мечты. Погибло всё, во что мы прежде свято, пусть даже слепо, верили. Теперь в России всё со свистом уносится в пустоту, в пропасть. Всё псу под хвост. Вместо прыжка в новое измерение мы сделали скачок в никуда. Лицемерие, шитое белыми нитками, так и прёт из многих людей, они прямо-таки на глазах у всех превращаются в тартюфов.

В нашей эпохе была чудная музыка. Теперь её нет. В памяти остались заученные в детстве прекрасные, героические слова, от которых по-прежнему вздрагивает сердце и душа рвется в бой. Мечты разбились вдребезги и разлетелись, и мы уже не вернемся назад и не почувствуем себя счастливыми. Вот что самое ужасное.

Ну, были очереди в магазинах, штурмовали мы прилавки с колбасой, случалось занимать десятку до зарплаты. Были трудности. И что из того? Без них ни одно государство не обходится. А кто бесплатно учил, кто давал квартиры? А сколько мы строили! Всё как есть забыли. Все захотели стать миллионерами, да только такого не бывает. Закон сохранения денежной массы никто ещё не отменял. Если в одном кармане густо, то в других пусто. Дело до смешного доходит, только смех этот сквозь слезы. Что вы на это скажете? Я не прав? Всё вокруг начало давать трещины и рассыпаться. Наплевать олигархам на простых людей, на страну! Долго нам ещё ждать придётся, пока среди них появятся патриоты?

Нам, людям науки, не грозит стать миллионерами. Ни лгать, ни воровать, ни изворачиваться мы не умеем. Не та закваска, не торгашеская. Надо «верхам» прежде было подумать, из каких фишек им придётся выбирать. Всё ли они перепробовали, прежде чем ломать старое? Может, стоило бы попытаться кое-что хорошее и доброе оставить? Всё равно ведь ко многому из нашей жизни придётся возвращаться. Я не стыжусь своего прошлого и не отрекаюсь от него. Я не коммунист, но усердный поклонник и защитник своего времени.

Конечно, я могу быть необъективным и не возьму на себя смелость выделить главные проблемы нынешнего общества, но рассмотрим хотя бы непохвальное пренебрежение прошлым, критику нашей партии, попытку приписать ей нарушение естественного течения истории. Всё равно не обойтись без партии, без идеологии, скрепляющей страну. Другую создадут, угодную. Может, и ошибаюсь, я человек маленький.

Раньше я всегда был востребован. А теперь я – не поймешь, что из себя представляю! Фитюлька, ничтожество. Я уже перестал надеяться на лучшее. О чём трубят газеты? Это уму непостижимо! А эти холодные, бесстрастные чиновничьи лица!.. Поймите, дорогие мои, переписывание истории ведет к искажённому пониманию настоящего и будущего. Память о Великой Отечественной войне, например, – ключевой момент в российском сознании – ...она, может быть, краеугольный камень нашей идентичности. И разрушение памятников на могилах героев войны – не простое варварство...

– Не нагнетай, старик. Отвлекись на минутку от стонов. Во многих странах мира – возьми ту же Францию – переписывают историю и сносят памятники, потом возвращаются к ним и снова восстанавливают. Каждое поколение ищет себя и своё место в истории. Заворожённое будущим, оно торопится разрушить прошлое, ломает традиции. Для нас это особенно характерно, потому что наша страна развивается не эволюционно, а революционно, рывками. Вспомни Петра Первого, семнадцатый год, девяносто первый. Одним вождям свойственны и важны глубокие размышления, другим решительные действия.

– Кому убожество и прямолинейность, а кому трезвость или лисья тактика и волчья хватка, – хмыкнул Белков.

– Ну, ты, батя, совсем не в ту степь попёр, – искренне удивился Щербаков.

– Ты не согласен со мной? В мои намерения не входит критиковать, но если в разумных пределах, не увлекаясь, без перебора... Теперь что ни человек, то новое мнение, новый взгляд. Не знают, а судят. Перешли к дикой свободе без руля и без ветрил, вот и не можем управиться с ней без царя в голове и без соответствующего воспитания. Идеи, может быть, и блистательные, да идиотское исполнение и жуткие последствия: произвол, неурядицы, распущенность, ложь, воровство. Мы это уже проходили много лет назад. Опять через тернии к новым звездам?.. – ухмыльнулся Белков. – Я не сторонник резких реформ.

Он неожиданно умолк, будто что-то перемкнуло внутри него. Стоял с застывшей, приподнятой, будто проклинаящей рукой, но лицо его ничего не выражало.

Тут пошел в наступление Мосин, бывший когда-то комсоргом отдела. По лицу было видно, что его колотила злая дрожь, даже в глазах проскальзывали искорки. Очевидно, излагаемые Белковым мысли его не слишком устраивали. Но при этом его взгляд нет-нет да и соскакивал на своего руководителя группы, будто Мосин искал в нём поддержки. Но тот молчал, уткнувшись в блокнот.

– Избавьте, пожалуйста, наше общество от никому не нужных подробностей, которые вы ещё собираетесь высказать. Не несите околесицу. Это вы жили, как в тумане, а мы теперь реально смотрим на жизнь и не хотим уравниловки. Трудности переживем. Они не потрясение, а неотъемлемая часть любого переходного момента. Сейчас время, богатое событиями, и этим оно интересно. Меня удивляет ваше упрямое нежелание добровольно признать истину. Смотрите только вперед, чтобы не застрять в дебрях прошлой жизни.

Мосин говорил с нажимом, как бы понукая присутствующих присоединиться к его мнению.

– Вот вы, Белков, воскрешая прошлое, партию хвалите. Мне не довелось побывать в рядах КПСС, но я слышал, что если человек не умел врать и предавать, то в руководители комсомола и партии дорога ему была закрыта, – поспешно, даже как-то обрадовано восклицает из глубины зала молоденький Зайцев и тем самым подкидывает «дров в огонь».

В зале разгорается жёсткий спор о методах построения и сущности любой партии. Зайцеву тут же достаётся от обеих спорящих сторон за распространение глупых сплетен.

«Томится Белков по прошлому, боится непонятного будущего. Его же ещё строить надо. Любой процесс происходит во времени. Перестройка, возможно, потребует не одного десятилетия. Воспоминания старого человека – это всегда путешествие во вчера – в детство, в юность – туда, где, несмотря на любые трудности, преобладали наивные радости и светлые надежды. Когда человек утрачивает веру, теряет все свои перспективы и желания, он становится тенью своего прошлого... Но зачем же временные трудности возводить в ранг гибельных? В одном он, безусловно, прав: нельзя забывать, что жили и живём мы в великой стране», – справившись с охватившими её противоречивыми чувствами, грустно думает Елена Георгиевна.

А Инна презрительно фыркает, давая тем самым понять, что считает себя выше подобных проявлений слабости Белкова. Не хватает ещё всем разнюниться! И чем всё это может закончиться?

– Пусть Белков выскажется, иначе не угомонится. – Это из глубины зала раздался непонятно чей голос неожиданной поддержки.

Но ещё раньше, чем защитник услышал ответ на своё предложение, он почувствовал угрожающее недовольство аудитории и, поняв, что ошибся, пригнулся, став невидимым, дабы не принимать на себя раздражение усталых людей.

– Нет, вы только посмотрите на него! Нашёлся самый умный среди нас. Хватит митинговать! – возмутился в пространство Зарубин.

Ему негромким ропотом вторил недовольный зал.

А Белков ничего этого не заметил и продолжал высказываться с выражением обиженного ребёнка, нервно жестикулируя худыми руками.

– Собственно говоря, я хотел сказать, что у молодых грубое благоразумие взяло верх над романтическим героизмом стариков. Нам теперь отводится незавидная роль. Словом, я чувствую себя, как рак без панциря. Быть невостребованным – трагедия. Изоляция любого человека может привести на грань безумия, а тут ещё, как на грех, этот дефолт! Все мы попали под его колеса. Он как бикфордов шнур. Вы знаете это не хуже меня.

Но опять хочется попытать счастья. Только теперь полной уверенности ни в чём нет. Раньше у всех поголовно на тридцать лет вперед всё было расписано, предрешено, были гарантии, а теперь главную роль в жизни каждого играет случай. Добавьте к этим соображениям и то, что возникают серьёзные разногласия у детей и родителей относительно будущего. Прежде чем порицать, надо принять во внимание многие смягчающие обстоятельства. Я вот тоже нахожусь в двусмысленном положении. Казалось бы, общие проблемы должны нас сплотить, ведь мы многое вместе пережили за эти годы. Но нет! Кое-кто даже затаил на меня личную обиду, потому что в обществе идет игра на понижение духовных ценностей.

Так проще жить: не надо делать никаких усилий по воспитанию в себе личности. Конечно, в каком-то смысле мы все зависимы от обстоятельств, но если уж пришлось распрощаться с надеждой, то как жить дальше, чтоб не скурвиться, не заблудиться? Напомню, раньше всегда шли на выручку друг другу, а теперь об этом не может быть и речи. Утратили былое товарищество. Отсутствует приподнятость духа. Что и говорить...

Я понимаю, что мы находимся на изломе эпох. Вот сейчас многие ругают тусклое, глухое брежневское время, а кто сегодня олицетворяет героя? Бандиты? Представители прогнившего механизма правосудия, подверженного беспредельному варьированию, противостоять которому невозможно, если только ты сам не являешься их частью и в этом случае они обязаны тебя защищать.

А была эпоха личностей. Об этом сейчас умалчивают – вот что является для меня камнем преткновения. Люди должны жить по глубине своей души, а где она, эта глубина? Все волнения на поверхности. А личности должны быть, иначе человеку два шага до животного. Люди шалеют от безработицы и безделья. В деревнях стоят

заброшенные фермы, в городах – заводы. В магазинах много чего есть. Облизываешься, но купить-то не на что. К тому же всё ненатуральное, импортное. И вздорожало во сто раз. Мы, как в безбрежном океане, где под водой нет ощущения низа и верха, а на поверхности не видно берегов.

Думаете, моя тревога не обоснована? Как бы не так! Говорят, надо искать свою тропу. А сейчас у всех одно на уме – вырвать жирный кусок из горла товарища и увернуться от пресного пирога. Мол, сколь скоро появилась такая возможность, значит, надлежит незамедлительно ею воспользоваться независимо от того, как это скажется на других.

Белков судорожно вздохнул и продолжил:

– Файлы-то у молодых пока пустоваты, а заполнять их надо чем-то хорошим. Гоголь ввёл абсурд, чертовщину и бесовщину в русскую литературу, а кто ввёл её в нашу жизнь? Я не питаю большого пристрастия к поэзии, но Пушкин чувства добрые лирой пробуждал, и даже Библия призывает не с ненавистью судить, а с любовью, ратуя за возвышение души человеческой. Некому идти апостольской дорогой. Иногда мне кажется, что ничего русского, кроме языка, у нас не осталось. Только он ещё отвечает всем параметрам русской души и русского характера. Была наша страна самая читающая, а теперь стала самая торгующая.

Недавно встретил на рынке подругу моей дочери. Умница, лучшей на курсе была. Торгует турецким барахлом. Увидела меня, заплакала. «Вы, – говорит, – наверное, меня презираете, но у меня двое детей и муж безработный. Надеюсь, когда всё в стране наладится, я ещё смогу учить детей. Сейчас и Эйнштейну не разобраться в «теории относительности» нашей перестройки. У многих из нас всё в жизни пошло наперекосяк».

А что произошло с поэзией человеческих отношений – с любовью? Она исчезает по какой-то невнятной логике. И за это приходится расплачиваться искорёженными судьбами. Чем объяснить возникновение унижительных гражданских браков? Они разрушают устои семьи, – последнее прибежище души, – уничтожают само это прекрасное понятие. Это же демонтаж традиционной ячейки общества! Не зря говорят, что от здравого смысла до абсурда один шаг. Я хочу, чтобы вы поняли всю глубину своих заблуждений. Кто ответит за развенчание идеалов? Сколько времени придётся употребить на восстановление нравственности? Когда начнем взвешенный разговор на эту тему?

Наши родители верили и боялись, а мы просто верили, но каждый знал своё место. Превалировала чистота помыслов, занимали во всём твёрдую, неуступчивую позицию. Не зря говорят, что лучшее – враг хорошего. А теперь, когда грянул гром, что делать? Настала эпоха равнодушия, – завершил свой путаный монолог Белков. – Вы понимаете, о чём я? И до нас дошли сквозняки мировой капиталистической скорби. Лукавое время.

Глаза Белкова, густо оплетённые мелкими морщинками, устало потухли. Губы горестно вздрагивали на невыразительном блеклом лице, он весь подался вперёд, будто желая лучше рассмотреть товарищей или точнее донести до них смысл своих слов.

Теперь он заговорил с болью, тихо, не следя за смыслом, не задумываясь о логике. Слова сами лились, не встречая привычных контролирующих препятствий. Потом стало казаться, что он изо всех сил пытается не сбиться с мысли, что его язык еле ворочается, увязая в густой трясине слов. Фразы наслаивались, наползая, перебивая одна другую. Он вдруг потерял нить рассуждений и странным образом закончил свою несуразную речь:

– Молодежь требует перемен, не особо вникая в их суть. Помните, была прекрасная песня «Листья жёлтые над городом кружатся»? Победоносно, как эпидемия из пункта в пункт, неслась, из каждого окна лилась. Так и она надоела. На смену ей пришла другая песня, по моим меркам менее яркая, но другая. Вот в чём суть. И она всех устроила, всем нравилась. До некоторых пор. Потом ещё одна появилась. Такие вот мои параллели.

Инна сидит, удивлённо приоткрыв рот. «Какой контраст между физической измождённостью Белкова и его моральной силой!» – думает она. Проняла её речь коллеги неожиданной откровенностью. Она смотрит на него со жгучим любопытством и искренним участием, сердцем осязая каждое слово. Ей ясно: он не одинок в своём мнении.

Инна уже собралась было поддакнуть, но решила повременить. «Неровен час, «поведет» его со своим доброхотством куда не надо», – подумала она. И не ошиблась, так как Белков понес, по её мнению, ахинею.

– Я понимаю, не сразу разразилась беда, проблемы накапливались постепенно. Но кто бы мог подумать, что всё так обернётся? Абсолютно неожиданный, непредсказуемый результат. Мы – жертвы дикого безвременья. Где обещанное, грамотно структурированное, благополучное общество? Сколько ещё продлится нестабильность? История знает такие случаи? Не было прецедента! Придет время, и мы найдем объяснение этим явлениям, они у нас ещё попляшут, – вдруг забормотал Белков, отвечая на какие-то свои мысли, бессознательно вторгшиеся в развиваемую им выстраданную теорию.

Глаза многих присутствующих с любопытством ощупывают «трибуна».

От волнения у Белкова сбивается дыхание. Он нервно облизывает губы, словно пытаюсь стереть с них следы своих неожиданных слов, и прикрывает морщинистые веки, от страха, что из глаз могут брызнуть позорные слезы. А в завершение произносит странную фразу о том, что на том свете всем нам корчиться на костре.

«Как мне отнестись к этому инциденту и к самому Белкову? Маленький, озлобленный, оскорблённый, замороженный жизнью человек? Не от мира сего? Никто не оспаривает его прав, но и никому нет до него дела. Он волен говорить всё, что ему заблагорассудится. Но, как ни горестно разрушать его иллюзии, я вынуждена признать, что «его поезд ушел». Пусть так, ну и что из того? Интересно, его обычная застенчивость – следствие отсутствия денег или наглости? Мало я его знаю, – думает Инна. – Старпёр чертов, перестал притворяться и, не сумев смирить волнение, выпалил то, что казалось и вымолвить никогда не сможет. Вот что пряталось за его отстранённостью! Исповедовался. А какую цель преследовал? Очистил свою душу откровением. Для его репутации выгоднее было бы скрывать истинные причины, побудившие к возмущению. С чего это его прорвало? Что с ним стряслось? Отчего им завладело отчаянное желание выговориться, вынести из души наболевшее, набрякшее за последнее десятилетие? Дошел до грани?»

Видно, давно думал об этом, но не решался озвучить. Не исключая такую возможность. Молчать стало не вмоготу. Совсем задавили житейские проблемы. А раньше духу не хватало. Он боялся высунуться, всегда такой тихий, вкрадчивый. Ни мысли, ни намерения свои не обнародовал. Никогда не слыл брюзгой. Смотри, как убивается, как всё близко к сердцу принимает! О мечтах говорит с такой счастливой мальчишеской улыбкой. Похоже, он из бывших романтиков. Что есть, то есть, и крыть тут нечем.

Чувствует, что выглядит смешным в своей наивной искренности, а поделаться с собой ничего не может? Один он – смешон, а когда их таких много – это трагедия... Он внушает мне самые серьёзные опасения. Зачем распинается перед нами? К чему такая экзальтация? Что хочет этим доказать?

Его выступление смахивает на глупость. Он отдаёт себе отчёт в том, что говорит? Сдаётся мне, что выпил. Стоит, перегнувшись через спинку стула, ухватившись за край стола. Теперь все будут на него показывать пальцем (фигурально выражаясь), смеяться по углам. Близорукий, совершенно незащитный перед неотвратимостью судьбы, жалкий, убитый горем, глубоко несчастный, какой-то одинокий, а туда же – изобличать. Действует угнетающе», – с некоторой тревогой ловит себя на совершенно неуместной мысли Инна и смотрит на коллегу с отчаянным, безотчётным сочувствием и любопытством, какого прежде за собой не замечала.

Её охватывает глубокое сострадание. Она никак не может избавиться от мучительной совестливой неловкости, причиной которой были так неожиданно нахлынувшая на неё

острая жалость и стыд за собственное бессердечие. Она незаметно для всех вздыхает.

Но уже через несколько минут от этого мелькнувшего в душе интереса ей вдруг стало противно, захотелось защититься от горького, непрощенного, тягостного сочувствия, которому она, повинувшись внезапному порыву, потеряв самоконтроль хоть и кратковременно, но тупо повиновалась. Мгновенно её сочувственное расположение к Белкову сменилось неприязнью.

Инна тут же оставила намерение защищать старика и уже бесцеремонно разглядывала его. «Умные речи радуют сердце. Ха! Кто бы мог подумать, что он способен на такое? Всех отбрил, никого не одобрил. И сочетание «современная молодёжь» произносит с ироническим подтекстом, словно заведомо предполагает – она плохая! Строго говоря, эти его слова, наверное, предназначались не для большой аудитории. Не сомневаюсь, что давит на жалость. Апеллирует к женской чувствительности, сбивает нас с толку. Именно этого добивается? А может, хочет, чтобы его убедили в обратном? – Инна раздражённо поглядывает в сторону Белкова, но всё равно не может отделаться от тяжелого, томительного ощущения жалости.

А Белков тем временем делает паузу, шумно вздыхает, нервно трет кончик своего тонкого длинного носа и снова заводит свою «шарманку». Правда, его неистовство и ярость остыли и утикли так же быстро, как и вспыхнули. Он сразу поскучил. И в довершение всего на всех смотрел уже боязливо и как-то виновато.

– Я не точно выразился, легкомысленно оговорился, сказав... Мне отнюдь не доставляет удовольствия говорить. Со мной трудно и неудобно иметь дело... Теперь одним разрешают делать всё, другим – ничего! Как тут не остаться в проигрыше? Как научиться извлекать выгоду? Приходится действовать на свой страх и риск. Я не могу с этим свыкнуться. Мне противны ханжеские улыбочки и змеиные глазки. – Белков с трудом пытается собрать и связать свои разбредующиеся мысли. В них уже не звучат мятежные нотки.

– Нам всю жизнь в голову вбивали: героизм, честь, достоинство. И эти понятия прочно вошли, вьелись в душу. А кому теперь нужны эти слова? Вдалбливали, что долготерпение – наша национальная черта. Но ведь и терпению есть свой предел. Где найти истинную оценку событиям? По разношёрстным отзывам газет? Задавили нас противоречивой информацией. А экраны телевизоров что несут людям? С ума можно сойти от всяческих хитросплетений. Всё из рук вон плохо! – горестно добавляет он.

– Будь добр, говори без вопросительных и восклицательных знаков, тошнит от них. Улавливаешь? Брось молотить чепуху и хватит строить из себя наивного, обиженного или блаженного. Держи свои чувства при себе. Дикторы говорят не для того, чтобы люди со всем соглашались, а чтобы задумывались, через себя информацию пропускали, выводы делали – энергично откликнулся на риторические вопросы Белкова парень из первого ряда, прерывая его затянувшийся экскурс в прошлое. Он говорил без сочувствия, но и без тени злорадства: твердо, спокойно и просто, словно густым частоколом уверенно отгораживал себя от старика.

– Утешаю себя мыслью, что человек живёт надеждой. Правда, теперь наши мечты и желания – глас вопиющего в пустыне. Я постоянно пребываю в депрессии. Такая глубинная тоска глохнет!.. Остается искать утешение и «пить горькую», – ища себе оправдание и сочувствие, пристыженно, раздавленным безжизненным голосом наконец закончил Белков.

Его уже не распирала противоречивые чувства. Он определил для себя стёжку-дорожку – жаловаться.

В разговор вступил Сидоренко, внешне неприметный, но въедливый лаборант, неясно каким путем попавший в модульную мастерскую год назад сразу по окончании ПТУ.

– И поделом тебе. Надоело выслушивать твои маразматические бредни. Кому ты теперь нужен со своим замшелым героизмом? Уцелел, вот седи и радуйся, замаливай старые

грехи. Я выведу тебя на чистую воду, как ты того заслуживаешь. Что вытаращил глаза? Не корчи из себя несчастного. Не притворяйся шлангом.

Осточертел, блин, кондовый старик! И как с такой дремучестью ты изловчился попасть в инженеры? Решил, что если поднаторел чуть-чуть в науках, так теперь имеешь право учить нас до самой своей смерти? Какое самомнение! И на хромоу козе не объедешь. Нетушки, устарел ты, батенька. Псу под хвост твои излияния. Пакуй вещи, дедуля. По этой жизни со старым багажом редко кому удастся проскочить. И с чего ты взял, что все должны быть счастливыми? Только те, кто сумеет. Думай, прежде чем высказываться. Бубнишь, как долгий осенний дождь! Заснуть можно под твоё нытьё. Долдонит, блин, долдонит о своём призрачном счастье. Может, чего доброго ещё расплачешься? Едва не свел с ума своей болтовней. Хватит причитать, прикуси язык. Думаешь ты один такой умный и разговорчивый?

Никто не одернул невоспитанного парня. Похоже, все были поглощены своими мыслями.

- Ты меня слушаешь до обидного невнимательно. Тебе что, уши заложило? Нашёл время вскрывать болячки общества, а заодно и свои! К чертям собачьим твои вонючие стоны. Мы не нуждаемся в твоих, блин, речах. К чему задаваться подобными вопросами, попусту раскачивать людям нервы? От твоих слов пользы, что от полива огорода после продолжительного ливня.

Собственно говоря, мечтать, может, и не вредно, только что может дать констатация выдуманных фактов? Окати себя ледяной водой реальности, посмотри правде в глаза, не прячься от неё. Любопытно то, что всё вокруг происходит независимо от того, хочешь ты этого или нет. Оно просто происходит, и к твоим желаниям, старик, это не имеет никакого отношения. И у простого народа никто не спрашивает, нужно ли ему это или нет. В своё время вы уже проделали нечто такое... только много худшее. А на сегодняшний день у вас, видите ли, проблемы!

Вот ты сейчас прокукарекал, а что толку? Что сдвинулось с места? Правильно говорят, что человек раскрывается в несчастье. А у тебя на роду написано: не высовывайся. Ты ни на что не годишься. Вот увидишь, выгонят тебя. Дадут пинка - не успеешь и чирикнуть. Нутром чувствую, прихлопнут тебя, как муху, и уйдёшь ты не с цветами, а под оркестр неодобрения. С треском уволят. С лестницы спустят.

С задних рядов кто-то зашикал на распоясавшегося юнца. Но это не возымело желаемого действия, напротив, воодушевило. Его слушают! И он продолжил:

- Думаешь, пронесёт? Не надейся. И будешь, старик, искать себе работу по трафаретным объявлениям типа: «Кандидат биологических наук быстро и грамотно окучит вашу картошку» или «Райсобесу требуется вышибала», «Мясокомбинату нужны рабочие-вегетарианцы».

А вообще, единственно подходящее место для таких, как ты, - кладбище. Катись туда ко всем чертям и лежи там себе полёживай... Путаешься тут, блин, под ногами. Получил по рогам, козёл?» - теряя остатки совести, презрительно выпаливает Сидоренко короткие враждебные фразы, дающие уму злое удовлетворение.

Он явно вошёл во вкус, и, приклеив на лицо придурковатую улыбочку, упивался своей наглой речью. Как же, заставил всех обратить на себя. Обычно молчаливый, отчуждённый, малоприятный в общении, здесь он непринуждённо перепрыгивал с «ты» на «вы» и громкой грубой скороговоркой приводил в замешательство присутствующих. Он был без ума от своей смелости, он восторгался звуками своего собственного голоса!

И все взгляды на самом деле обратились к неожиданно возникшему оратору. Неприличная, скандальная выходка шокировала многих. Лаборант говорил с места, сидя, бесцеремонно откинувшись на спинку стула, лениво покачивая ногой, закинутой одна на другую. Он никогда не выступал на собраниях, но похоже было, что сел на своего любимого конька - валить все беды на старших и презирать стариков.

Такое дерзкое изъяснение чувств вызвало в задних рядах зала новый взрыв откровенного негодования, выразившегося в хаотичных выкриках, которые, впрочем, достаточно быстро затихли.

Неподготовленному человеку резкую отповедь трудно снести. И Белков опешил. Инна нарушила молчание:

– Наступила зловещая пауза. Устав от бури, природа безмолвствует. Начну с того, что мы стали очевидцами сцены, красноречиво свидетельствующей об омерзительном, безответственном и нелепом садизме, напоённом чрезмерной жестокостью, – строго продекламировала она. И в этот момент очень напомнила сама себя лет тридцать пять назад. Но это её несколько не смутило.

Белков внезапно обрел речь:

– Нерадивый, не обременённый постами, должностями... ни умом, ни воспитанием, неприметный даже на уровне заурядности. Конечно, не всем суждено стать наполеонами... Решил, что произнес приличествующую моменту шикарную речь? Закончил свои умозаключения? Из кожи вон лезешь? Тебе главное больше нагромоздить гадостей, по обыкновению не вдаваясь в подробности, в суть дела. Обнаглед. Думаешь, обойдётся, не аукнется... Ты – не человек, а жертва недоразумения, – тоном, полным злой иронии, проговорил Белков. – И где только такие типы произрастают? И вас, таких непутевых, к сожалению, больше, чем хотелось бы. Я и раньше был по горло сыт твоими вывихами, твоей настырностью, неумением и нежеланием работать. Глаза тебе застилает туман глупости. Что с тебя взять?

Белков вдруг сжался, точно кто-то жёстко сдавил его безвольные тощие плечи, и замер в приступе панической растерянности.

Оторвавшись от статьи, Елена Георгиевна лихорадочно вглядывается в лица окружающих её людей, рассчитывая обнаружить некие внешние признаки сочувствия. Почему ни у кого не поднимается рука одернуть грубияна? Сама она никак не могла отделаться от тяжёлого, брезгливого ощущения, вызванного выступлением Сидоренко, но не вступала в разговор, не желая выслушивать от мужчин обычные укоры женщинам: «Опять все перегрызлись». «В конце концов, чья прерогатива быть защитниками своих подчинённых? У обоих есть руководители. Один на один я бы быстро поставила мальчишку на место, но лезть без их ведома в «чужой огород» не принято, – раздражённо размышляет Елена Георгиевна.

Безучастно-задумчивый Дудкин под пристальным взглядом Елены Георгиевны поспешно уткнулся в окно. Равнодушно-величественный Ионов оперся локтями на исписанную крышку стола, водрузил свой трёх-ярусный ступенчатый подбородок на прижатые друг к другу кулаки и погрузился в глубокомысленные соображения, наверное, по поводу своих проблем. «Молодой, а уже отрастил себе «шикарное жабо». Может, больной? – сочувственно подумала о нём Елена Георгиевна. Власьев вздрогнул, выйдя из состояния летаргического сна, каким обычно сопровождал монологи шефа, и устало, но беззвучно, одним жестом, изъявил своё несогласие. В нём смесь трусости и наглости очень быстро меняла свой процентный состав в зависимости от ситуации.

Щербаков, точно желая избавиться от навязчивого видения, встряхивает головой и протирает глаза. Его принцип: «Я не я, эта хата не моя. На всех души не хватит». Это заглазно он с удовольствием костерит начальство, особенно, после рюмки. Он не любит присоединяться ни к какому «хору», не хочет ни перед кем расшаркиваться, предпочитая оставаться в стороне. Поэтому сейчас торопливо занялся составлением и заполнением каких-то бумаг, лежащих перед ним, делая вид, что чем-то очень озабочен. Елене Георгиевне вспомнилась фраза, произнесённая телеведущим какого-то шоу: «Где у таких мужчин находится точка «джи»? На пульте телевизора? На дне рюмки?» Но тут же у неё мелькнула другая мысль: «Не слишком ли крепко достаётся от меня мужчинам? Я их щажу. Женщинам я в лицо не такое ещё говорю. Они адекватно воспринимают критику».

Председатель профкома сидит с лицом, приличествующим его теперешнему положению. И на заднем плане взбаламученное, но молчаливое море людей. На приставном стуле сидит Шибин из слесарной мастерской. Он всегда радостно-довольный, беспроблемный. Этакая тощая, костлявая, добродушная громадина. Он не одобряет Сидоренко своими широко раскрытыми, удивлёнными глазами. Нина Петровна из бухгалтерии – обычно уютная, милая и доброжелательная – растерянно моргает длинными белыми ресницами.

«Всё, что происходит у неё дома, её волнует больше, чем работа. Наверное, для женщины её типа это правильно. А может, безразличие – защитная реакция организма в наше сложное время? Хотя какое такое сложное время? Все времена по-своему сложные. И вот что меня занимает: отчего все эти, поодиночке, в общем-то, хорошие люди, вместе, в коллективе, сильно дешевеют? Излишняя тактичность или зависимость тому виной?» – думает Елена Георгиевна.

А грубые, хлесткие слова, как градины, продолжают сыпаться на голову Белкова. На галёрке зала, как неожиданный порыв ветра, опять пронёсся шелест возмущения.

– ...Об остальном, учитывая границы моей компетенции, промолчу. Мне подвернулся удобный случай, и я воспользовался им, чтобы высказать своё мнение. Когда ещё такое представится? Для меня было огромной честью и удовольствием выступать перед столь представительной публикой. Искренне признателен всем присутствующим, – развязной артистической тирадой закончил свою речь Сидоренко, очень довольный собой.

Он вскочил со стула и, с невыразимым бесстыдством глядя на Белкова, отвесил ему насмешливо-торжественный, церемонный поклон. Потом галантно оправил свой выдавший виды пиджак, оглядел зал, чтобы дополнительно получить удовольствие от оказанного ему внимания (о яркий миг мимолётной славы!), и с удивительно невозмутимым, беззаботным, даже безмятежным видом – очевидно вполне удовлетворённый увиденным – размашисто сел на своё место.

Елена Георгиевна подумала горько: «Похоже, он преисполнен высокомерия. Наверное, думает о себе: «Какой я умный!» Может, даже пребывает в самонадеянной уверенности, что является предметом всеобщего восхищения. Считая свою концепцию единственно верной, он не догадывается ни о своём скудоумии, ни о явной невоспитанности. И это самое страшное». Она готова была вскочить с гневной отповедью, даже чуть привстала, стараясь рассмотреть то место, где, по её предположению, с наибольшей вероятностью должен находиться Сидоренко. Но головы и спины надежно скрывали от неё неприятный объект её брезгливого внимания.

Инна опередила ее:

– Ого! Зрелище поистине захватывающее. Ну и молодёжь, я вам доложу! Устроил «малыш» старику Ватерлоо. Шут гороховый. Тормози. Кому ты задал унижительную трёпку? И как только ты позволил этим гнусным словам сорваться с твоего поганого языка! Мальчишка! Рехнулся, что ли? – громко возмутилась она и сердито взглянула в сторону зарвавшегося Сидоренко.

Она брякнула первое, что пришло ей в голову и, похоже, это принесло ей облегчение. В зале повисла согласная тишина. Но Белков не отреагировал.

После безапелляционной речи «подмастерья» Сидоренко, как полущутя всегда называл этого лаборанта Белков, лицо его ещё больше омрачилось, и он стоял с выражением угрюмой пришибленности. Только пальцы рук то сжимали потертые полы куцевого пиджачка, то нервно тербели пуговицы. Он как бы сдерживал себя, подыскивая нужные слова. И вдруг вскинулся, точно нечаянно задел оголённые контакты заряженного конденсатора, быстро облизал пересохшие губы, повернулся лицом к обидчику и глухо выдал сквозь изъеденный частокол мышинных зубов:

– Много себе позволяешь! Возьми назад свои мерзкие слова. Не вижу предмета для зубоскальства. Я вынужден заявить, что неизвестно ещё, как твоя жизнь обернётся. Думаешь, с прошлым окончательно покончено? Такие, как ты, позволяют надругаться над памятью... Прошу принять во внимание, что я имею достаточно сведений, подлинность которых не подлежит сомнению...

Зачем понадобилось меня оскорблять? Хочешь, чтобы я тоже обижал, оскорблял, или не допускаешь, что это возможно? С таким характером ты никуда не устроишься и нигде не удержишься. Скажи спасибо, что тебя пока здесь терпят. Или считаешь, что нет на таких, как ты, управы? Найдётся! Надеюсь, и мне ещё представится такая возможность. Думаешь, старые мозговые извилины уже не работают? Я могу подписаться под каждым своим словом, – неожиданно для всех угрожающе холодно начал Белков, успев оправиться от замешательства. И тем ввёл всех в заблуждение.

Казалось, ещё миг – и он разразится какой-нибудь безобразной вспышкой гнева или нелепым поступком. Но, видно, этими словами, произнесёнными для поднятия собственного имиджа, Белков просто пытался спастись от поражения в жёстком споре с молодым нахалом. На большее его не хватило. И это согласовывалось с его характером.

В мыслях мы часто допускаем то, чего в жизни никогда бы не сделали. Размышляя, мы сбрасываем отрицательные эмоции, в своём воображении больше и злее ненавидим, готовы убить, ни на миг не ослабляем смертельную хватку, неоднократно проигрываем сцены унижения и падения врага. Человеку свойственно бороться, укреплять, расширять и защищать своё жизненное пространство. Но то ведь в мыслях... Вне всякого сомнения, Белков не полностью отдавал себе отчет в том, что говорил.

Ответа от Сидоренко, конечно, сразу не последовало. Он собирался с мыслями.

И тут встал аспирант Миронов – он был из деревенских, – сверкнул светлыми глазами и молча пошел по направлению к Сидоренко. Зал настороженно замер. Непредсказуемая ситуация. Миронов спокойно подошел к «герою», положил свою крепкую руку ему на плечо и, даже не сжав его, дал понять о своём радикальном намерении. Сидоренко также молча, как под гипнозом встал, медленно вышел из своего ряда и проследовал к двери. И только перешагнув порог зала, опрометью бросился наутёк.

«Нашёлся-таки человек, выпроводивший наглеца», – удовлетворённо подумала Елена Георгиевна. И ей показалось, что весь зал вздохнул с облегчением.

И вдруг Белков издал мефистофельский смешок. На лице старика неожиданно промелькнула горделивая усмешка. Точнее сказать, он просиял страшновато-счастливой, затаённой улыбкой, буквально на одно мгновение с победным видом глянул на присутствующих и тут же опустил глаза к полу. Только, видно, не сразу справился с лицом. Многие заметили, что глаза его в тот момент смотрели недобро, словно давая немое заверение в том, что ещё допечёт он всех своими высказываниями; в затравленном взгляде мелькнули злые колкие искорки, и это никак не вязалось с его предыдущим жалким, растерянным видом.

Синеватые склеротические жилки под дряблой кожей его длинного тонкого носа на фоне побледневшего лица потемнели ещё больше, и это тоже наводило на мысль, что много ещё произнесённых слов осталось в преклонённой голове выступавшего, с тайным удовольствием предвкушавшего что-то для всех неожиданное.

Ропот прошёл по рядам. Недовольство зала было столь непритворным и очевидным, что оно не ускользнуло от внимания профессора Святковского, который, занятый своими мыслями, невнимательно следил за развитием спора и бесстрастно взирал на «разминку» сотрудников. Он сдвинул брови и быстро обернулся к Катасонову. Они обменялись недоуменными взглядами.

И тут Белков весь сжался, будто ожидая удара, потом вяло «опал». «И кому нужен этот затяжной, нудный, конфронтационный спор? Представляется мне, что речи некоторых людей, обладая на первый взгляд всеми признаками разумности и даже некоторой глубины, на самом деле не несут информации, заслуживающей внимания. В них нет смысла. – Елена Георгиевна успокаивает себя; пальцы, выбивавшие дробь на папке с отчетом, она сжала в кулаках, чтобы они не выдавали раздражения от вынужденного безделья. – Мне-то рассиживаться некогда – основная работа на кафедре ждет, – но ведь приходится терпеть, бред всякий выслушивать. Вот хотя бы этого потерянного Белкова, несуразностью своей вызывающего жалость.

Высох весь, потемнел. Сухой блеск слабовидящих глаз, в которых глухая изолированность выцветшей старости. Кажется, что тонкая нить его жизни готова оборваться, не выдержав груза печали. Какой смысл ему с таким пылом продолжать бессмысленный разговор? Эта тема не для собрания. Кому нужны его мысли-черновики? Зачем он цепляется за остатки заученных фраз и лозунгов? Он будто живёт в тягучем прошлом, во сне.

А этот Сидоренко? Как он позиционирует себя в современной жизни, в коллективе? Похоже, он из тех, которые весело появляются и легко уходят. Наверное, здесь долго не

задержится. А потом что с ним станет? Надеюсь, этот диспут больше не повлечёт за собой сколько-нибудь значительной потери времени и мне удастся извлечь из собрания что-то путное... Что-то шеф застрял».

Елена Георгиевна окидывает быстрым взглядом весь зал: кто деловито строчит в своём блокноте, кто внимательно, с глубокомысленным видом погрузился в раздумья, некоторые торопливо просматривают компьютерные распечатки и роятся в ворохе отчётной документации – и на их лицах тоже отражается сосредоточенная работа ума. Зевота раздирает челюсти Ивонова. Чашка кофе ему сейчас не помешала бы. Чувствуя ответственность момента, сидят притихшие, присмирившие инженеры его группы.

А технологи задумчиво уставились в окно, дипломатично уклоняясь от неприятного спора. Там, на фоне серого неба, безуспешно пытается пробиться сквозь плотную хмарь чахлое, бледное осеннее солнце и продолжает одиноко торчать неподвижная стрела башенного крана. Рядом, на здании мэрии, колышется трехцветный флаг. Сегодня он вялый, безвольный. А на другой стороне площади добрый ангел на стеле, распахнув приветливые руки, желает укрыть своим широким плащом всех страждущих. Мелкий дождь всё ещё оставляет на оконных стёклах, долго глотавших городскую пыль, тонкие косые автографы. По мокрому, свежо чернеющему изломанному асфальту, нескончаемым нашествием фантастических жуков-роботов, ползут машины. По тротуару истаивающими в сумраке тенями мелькают силуэты людей. Приоткрытые фрамуги огромных окон НИИ упорно доносят монотонные, утомительные до головной боли шумы улиц – звуки жизни быстро разросшегося города.

Елене Георгиевне вспомнилась деревенская школа из её детства, урок истории. Вот так же, на подоконнике, сидела унылая мокрая ворона, и ветер хлестал дождем по стёклам, тополя сердито размахивали ветвями... И в том тоже была какая-то символика.

«А если стать на позицию Белкова? С его колокольни иначе всё смотрится, его даже можно понять, но никак не оправдать. Почему все молчат? Безразличны? Не одобряют старика? Самим тошно. И у меня есть веские причины прилюдно воздерживаться от всякого вмешательства в его проблемы. А почему молчат профессора? Им же ничего не стоит направить разговор в нужное русло. Дают самому выговориться? Для них это слишком мелко?» – озабоченно думает Елена Георгиевна.

– Очень содержательная дискуссия! Актёрский зал превратился в поле сражения спорщиков по пустякам. В словесной дуэли выигрывает тот, кто наглее и грубее. Зарубин состряпал и запустил настоящее шоу! Сколько нам понадобится времени, чтобы разгрести эту кучу мусора? – с фамильярностью старой знакомой торжественно и громко провозгласила Инна и быстро оглянулась на Елену Георгиевну, ожидая её неодобрительного взгляда. Она меньше всего желала навлечь на себя гнев подруги, потому что новых настоящих друзей в этом коллективе она не приобрела и крепко держалась старых привязанностей, но в силу своего невоздержанного характера не высказаться не могла.

– А Шукин переметнулся в лагерь... – Инна замерла на полуслове.

«Опять сделала глупость? Ленка никогда не выдаёт всего, что творится у неё в голове, а мне никак не удаётся научиться «помалкивать в тряпочку». И почему я считаю своим важным личным делом каждую минуту влезать в разговор? Ничего не могу с собой поделаться. Натура такая! – весело корит себя Инна. – По жизни я никогда ничего наперёд не рассчитываю, следую интуиции, и если в чём ошибаюсь, так это мои ошибки, и я ни на кого не обижаюсь. Просто я делаю то, что на данный момент считаю правильным или возможным. Я не задаю себе лишних вопросов, принимаю жизнь как нечто само собой разумеющееся и не «выступаю в роли провидца».

Мелочная суета «высокой» политики меня не касается. А Ленке хватает одного взгляда на ситуацию, чтобы опровергнуть любое моё предположение. Ну и что из того? Строго говоря, она логик. Она даже способна находить причину по следствию. Зато я умею радоваться жизни, поэтому выгляжу моложе, привлекательнее. И на фоне серьёзных «монстров» с тяжёлыми характерами – я ангел. *(Эта мысль возвысила её в собственных глазах.)*

Если верить Елене, мне вменяется в вину болтливость. Но разве милая болтовня не украшает женщину? Об этом ещё литературные классики говорили. Не могу взять в толк – чем лучше понуро молчать? Как-то сравнила меня с Серафимой: «Непрощено вторгаешься в жизнь людей! Опять начинаешь «заправлять арапа»? Не давай повода для пересудов. Твои хитрости шиты белыми нитками».

Обидела. Серафима сводит-разводит, оговаривает, а я только констатирую факты и вывожу подлецов на чистую воду. Понимать надо разницу! А недавно, говорят, Ленка высказалась: «Я безуспешно пытаюсь вразумить свою ветреную коллегу». Не верю своим собственным ушам! Ну и ладно, переживу!»

Инна понимала правоту Елены, но ей было приятнее придерживаться своего мнения, и она его придерживалась.

А Елена Георгиевна уже не замечала подруги и сидела в грустной задумчивости. Пока шёл пустой спор, много мыслей о работе успело промелькнуть в её голове. Потом она «умчалась» в недавно ушедшие года.

«Обидно за ученых, погибают в бездействии без настоящей работы. Много истинно талантливых инженеров стойко переносят ломку, перестройку. А вот Катасонова подкосили неудачи, и у Левича залегла у рта грустно-ироничная складка – он лучших аспирантов потерял. От этого удара ему уже никогда не оправиться. Жаль, и больше ничего тут утешительного не скажешь. И всё же не бросают они заниматься научными изысканиями, не сбегают за кордон, дожидаются нормального финансирования, верят. И я настроена умеренно-оптимистично: трудиться надо при любых обстоятельствах. А вот некоторые, работая за копейки, в борьбе за существование становятся мелочными. Что скрывать? И этот момент тоже присутствует».

– Молодых жаль, упускают драгоценные годы плодотворной работы, – неожиданно для себя вслух произнесла Елена Георгиевна.

Инна вмиг подхватила тему:

– А ты как начинала много лет назад?

Елена Георгиевна улыбнулась ей.

Инна затихла, вспоминая свой разговор с Еленой после их долгой разлуки, когда, не щадя своего самолюбия, та рассказала ей вкратце об основных событиях своей жизни и, уже не удивляясь самой себе, выкладывала самое сокровенное. Истосковалась, видно, по близкому, с детства дорогому человеку.

5

Шум собрания отвлек Инну от мыслей о Лене.

– ...Не надоело вам, господа-товарищи, погружаться в свою молодость? Мы все во многом ещё не вышли из ситуации конца двадцатого века, зато кляп из горла вырвали, заговорили свободно. Поистине, огромное облегчение и удовольствие иметь возможность безбоязненно открывать рот. – Это подал голос Шувалов, самый молодой инженер из группы наладчиков.

– Должен признаться, я не горю желанием идти на баррикады, для меня сейчас важнее молча получать хорошую зарплату, – горько усмехнулся Белков.

– Ваши слова – неопровержимое свидетельство закоренелого пессимиста. Если для вас погасли звёзды, то они вообще не существуют, так, что ли? Нет гармонии в человеческом обществе, она есть только в природе, да? Воспринимайте нынешнюю жизнь как данность, не нойте. Нечего сопли жевать, воюйте. Или пусть другие стараются, а вы отсидитесь в пыльном уголке? – жёстко спросил Шувалов.

«Раньше у нас хорошим тоном считалось поучать молодых, а теперь молодёжь за стариков взялась. Она стала менее наивной, более циничной, её трудно чем-то удивить».

- Елена Георгиевна неодобрительно качнула головой в такт своим мыслям.

- Привыкли на сознательной интеллигенции выезжать. Зарплата инженера и учителя всегда была поводом для насмешек, а теперь вообще... - поддерживая Белкова, недовольно отмахнулся от молодых инженеров Симонов из группы Дудкина.

- Хватит спорить. Дискуссия начала принимать затяжной характер. Выше истины всё равно не поднимется. Ссориться - это без меня. Вы меня очень обяжете, если все разом дружно умолкнете, - раздражённо повысил голос Дудкин и поднял руку, призывая к всеобщему вниманию. - Мы чересчур уклонились от предмета нашего обсуждения и от мысли, на которой я всё время настаиваю.

«На чём он настаивал? Какой нежелательный оборот его беспокоит? Я что-то пропустила?» - удивилась Елена Георгиевна.

Но разговоры на посторонние темы не прекратились. Шум возникал то в одной части зала, то в другой.

- ...Это Симонов-то сознательный? Вот бестия! - с веселой злостью, так ей свойственной, запротестовала Инна тихо, но так, чтобы услышали подчинённые ему программисты. - Ничтожный, пустой человек, а карьеру сделал. Проньера. Три извилины, а уверен в себе, как слон. Самодовольный, вероломный. Мораль для него второстепенна, и вопросы щепетильности всегда отступают на задний план. Только палки в колеса коллегам вставлять способен. Тот ещё типчик, я вам скажу! За ним и до перестройки кое-какие делишки водились, но он всегда ловко концы в воду прятал. Представляете, утверждает: «Кто ловит, а кто упускает возможности». Теперь, мол, бесплатно и воровей не чирикает, а я человек с тонким логическим и психологическим мышлением». Какое самомнение! Есть люди, которые много отдают, а есть те, что больше брать предпочитают. Он из последних.

Одно у него в голове - жёнушке угодить. Стервозная она у него. Её орудие пытки - слезы. Никогда не оставляет мужика в покое. К тому же заставила его забыть о мечтах молодости и принудила вкалывать на нелюбимой работе. Говорят, с годами она несколько поубавила пыл желаний, но столь же властна, как и в молодые годы. А он со зла наладился к одной вдовушке. Её имя замнём для ясности. Прибавлю: втюрился он в неё крепко. Я была поражена этим открытием. Сколь ни велико было моё удивление, но изумление жены было неизмеримо больше! Надо же, подкаблучник - а туда же! Дело ясное, что жизнь у него тёмная. Жена бегаёт за ним, едва на пятки не наступает, но пока не поймала на месте преступления, - не без злорадства добавила Инна.

«Инна Григорьевна, конечно, говорит правду, только кому она нужна и какая от неё польза? И зачем она жену Симонова трогает? Это же сплетни, - думает Лиля, инженер из группы Лены. - Ох, достанется ей сейчас от Елены Георгиевны!»

А та напрягает слух, но едва различает отдельные слова. Инна продолжает:

- Этот Симонов доставил мне много неприятных минут. Не могу обойти молчанием тот факт, что от него можно ожидать чего угодно. Вот вам случай, лучше сказать, скандальный казус, расставляющий всё по своим местам, он, кстати, очень его характеризует. В ту пору мы вместе в «ящике» работали. Никогда не забуду, как он однажды перебил договор у конкурента и застолбил за собой, - удалось протащить свою идею, хвала ему за это - ловкий был ход. Обделал свои делишки, действуя с помощью лести и мзды, - и в дамки. Только оказался хапугой. Всё себе заграбастал. Наши советы выслушивал и за нашей же спиной всё по-своему проворачивал. Весьма немногие считали происшествие делом его рук, а я всё разнохала, раскопала и разгадала. Ему хорошо, но мы-то - зубы на полку на целый месяц. А он и в ус не дует. История неожиданно выплыла наружу, и Симонов слетел с должности. И всё было бы ничего, только результаты его аферы оказались совсем неожиданными. Вышло ещё хуже, чем я предполагала: нас всех отправили в бессрочный отпуск. А через год я ушла из-под его начала и вот теперь у вас в НИИ вкалываю. Спасибо, подруга детства выручила, не бросила в беде, её стараниями я тут. Не пришлось мне скитаться в поисках работы.

Смотрю, и Симонов сюда перескочил. Теперь, естественно, я с ним не в ладах, – повысила голос Инна на последних словах. – Не с лучшей стороны он продолжает проявлять себя и здесь. Я несколько не удивлюсь, если снова услышу о нём нечто этакое. Не зря говорят, что от обозлённого труса можно ожидать самой жуткой подлости. Кожей чувствую: подведёт он вас под монастырь. И как шеф не разглядел этого льстеца? Зачем принял его на работу? Женщин на лесть не возьмешь, а мужчины быстро на неё покупаются, даже самые умные. Необъяснимый факт!

Елена Георгиевна услышала последние фразы из монолога подруги и сразу дипломатично отреагировала:

– Позволь не согласиться с тобой. Ты вольна рассуждать, как хочешь, я не навязываю тебе своего мнения, но зачем о коллегах так огульно и бездоказательно? Конечно, мужчины часто не оправдывают наших ожиданий, только начальству видней. Вряд ли мне стоит говорить о том, что нам всем сейчас трудно. Но сильные люди в будущее смотрят, а слабые за прошлое цепляются.

Раньше предприятия обязаны были наукой заниматься, и всем нам работы сверх головы хватало, а теперь молодёжь обманом вырывает и без того редкие договоры. Конкурсы ведь выигрывают те, кто за разработку проекта меньшую цену запросит. Но ведь какие деньги, такое и качество. А мы на совесть привыкли трудиться, вот и маемся за гроши, лишь бы не потерять работу. Но не будем предаваться унынию, – добавила Елена Георгиевна и прислушалась к словам мужчин-спорщиков.

«Что-то сегодня прелюдия слишком затянулась. Болтают как заведённые, душу отводят. Шеф ещё «на проводе с Москвой», – поняла Елена Георгиевна и, зябко поведя застывшими плечами, закрыла глаза и как бы отключилась.

Почему-то перед глазами поплыли картины лета шестьдесят восьмого года, волнения в Чехословакии, беспокойство за подругу, вышедшую замуж за чеха. (Интригующая история!). Потом была странная осень. Очень рано ударили морозы. Двадцать пять градусов! И зелёные обледенелые листья деревьев представляли неестественную, сюрреалистическую картину... В то утро ветер ошеломлял, душил, хлёткая снежная крупа опаляла щёки. Ей холодно, очень холодно бежать на лекции в тонком пальтишке из кожзаменителя. По лицу текут леденящие струйки таящего снега, они будто жёстко ошупывают его. Она прячет лицо в ладонях и поворачивается к ветру спиной. Не помогает. По пути забегает в магазины перевести дух и немного погреться...

Её мысли вдруг перескочили на совсем недавнее. «Она идет по площади Ленина. Перед памятником вождю стоит жалкая кучка людей с красными флагами, которые рвет у них из рук холодный порывистый ветер. Молча стоят, без всякой рисовки. С жадным любопытством их разглядывают идущие в школу дети. Ей неловко за «демонстрантов», за то, что не понимают они нелепости и бессмысленности своей акции. Даже озноб по спине пробежал при виде их унылого стояния. Но судить – это удел других. Люди имеют право высказывать своё мнение. Теперь можно. Как там, в шестидесятые годы в студенческой песне пелось? «Свобода, брат, свобода, брат, свобода...».

Это на работе я никогда не ошибаюсь в своих симпатиях, и всегда действую наверняка, а тут... Зачем пришли? Им уже успели надоесть вошедшие во вкус новые политические демагоги? Надо же, будто насмерть стоят. Один из демонстрантов начинает грубо поносить сегодняшнюю власть, отчаянно заслоняясь от милиционера красной книжкой члена коммунистической партии. Обветренное лицо молоденького стража порядка дрогнуло. Опустив голову, он отошел от старика на почтительное расстояние. Мне показалось, что посмотрел он на выступавшего уважительно, как на человека, бросающегося на амбразуру.

За спиной молодого милиционера находился пожилой. Меня поразило его мрачное грубое величие. Стоял словно памятник прежним временам.

Я сделала над собой усилие, решительно прервала эти ненужные для меня, неожиданные переживания, и слегка притормозив, прошла мимо. Меня ничем не удивишь, ничем не собьешь с толку. И всё-таки горько, безрадостно стало на душе, обидно за стариков, за их героическое прошлое, за теперешнее слепое упорство... Их

жизнь прошла между революцией семнадцатого года и девяносто первым годом, а моя – началась великой Победой и... всё продолжается. О чём из своей жизни я чаще всего вспоминаю, наблюдая за демонстрациями коммунистов? Как «плечом к плечу отважно» шептались на кухне в брежневские времена? Потому что в прессе ни слова об ошибках, только о победах. Но не хулили, не кидались топтать, не присваивали себе права унижать. Терпимость проявляли по отношению к тем, кто открыто возникал. Но пальцем не пошевелили, чтобы что-то изменить. Непреднамеренно пассивными были в политике, зацикленными на работе. Шли по пути отказа от всего, кроме науки. Так, нехотя, в проброс иногда упоминали, конечно, о проблемах в стране... А у женщин ещё домашние заботы, дети. Не до политики.

Свернула за угол. Когда фигурки на площади пропали из поля зрения, я с облегчением восстановила дыхание. Даже самой себе не хотела признаваться в том, какое тяжёлое впечатление производят на меня подобные встречи. Чтобы как-то переломить смутное состояние души, я в тот день обернула душу покрывалом бытовых забот и подальше затолкала её в надёжную скорлупу – спрятала от жестокости жизни, совсем как в детстве».

6

Недавнее прошлое из головы Елены Георгиевны исчезло как след от упавшей звезды. Но охватившему её наплыву чувств не было конца. Этому способствовала монотонная, нескончаемая дробь дождя, доносившаяся с улицы через форточку. Наконец её отвлёк резкий хлопок двери. Страхнув с себя столбняк воспоминаний, она подумала: «Старею, коль тянет в прошлое. Рановато мне сдавать позиции».

Громкий голос вернувшегося в зал Ивана Петровича окончательно привел Елену Георгиевну в чувство.

– ...Так вот, я так вам скажу, – начал свою мысль шеф, – как я уже говорил, хватит бодаться. Мы доберёмся когда-нибудь до сути? Так мы ни к чему не придём. Заканчивайте разминку. Лады? Белков, откровенно говоря, вы не самое удачное время выбрали для жалоб. Надеюсь, эти внутренние дискуссии не станут предметом нездорового ажиотажа в институте. Товарищи, вы все меня очень обяжете, если разом, дружно умолкните. (*Вот от кого Дудкин перенял это обращение, шефа копирует.*) Или хотите услышать в свой адрес нелестные замечания? Попрошу отнестись к моим словам серьёзно. Настраивайтесь на волну собрания.

– Усовестил? – гаркнул Иван Петрович в сторону галерки. – Так-с, вернемся, так сказать... к нашим... так сказать... баранам. (*Как двусмысленно прозвучала эта фраза!*)

Все смолкли. Заседание вошло в нужное русло. И будто не было жёсткой перепалки, тихих яростных препирательств. Елена Георгиевна с тревогой ждала речи шефа, но, придавая шагу степенность, на сцену вышел руководитель группы программистов Дудкин, маленький, узкоплечий, сутуловатый. Его вялые, выпуклые, серые глаза на узком невыразительном лице осторожно задвигались. Он осмотрелся по сторонам, выпрямил спину, словно готовясь произнести нечто значительное. Лоб его отразил напряжённую работу мыслей. Дудкин начал выступление с важного внушительного покашливания.

– Приведу некоторые свои соображения по первой части текущего вопроса. Я предпочту начать рассмотрение этой проблемы с того, что обычно отвергаю даже вполне созревшие фантазии ввиду их непредсказуемости и посему невозможности воплощения, хотя по своему «теоретическому опыту» могу сказать, что подчас они наилучшим образом способствуют созданию нужного эффекта, необходимого в работе с заказчиком. И как все остальные способы они тоже имеют право на существование.

«Говорит вычурно, выстраивает сложные, закрученные фразы, которые не проясняют, а напротив, затевают главный смысл. Кругами ходит. Не претерпел никаких изменений его метод «испражняться» перед аудиторией, как чётко выразился о нём когда-то шеф. Каждый объясняется в меру своего понимания или непонимания», – со скучающим

видом усмехается Елена Георгиевна и опять неожиданно ловит себя на мысли, что выстукивает пальцами нервную дробь.

– ...Только кропотливо отбирая и отбрасывая лишнее, мы достигаем завершенности, и это отличает нас от бредущих на ощупь. Я думаю, нет причин для беспокойства. Все понимают, что в любой работе естественны чередования подъёмов с неизбежными спадами. И в таком случае становится очевидным, что при прочих равных условиях и, разумеется, при той неременной оговорке, что известная степень длительности данного договора абсолютно необходима для того, чтобы достичь определённого результата, как мне кажется, метод Ивонова в данном конкретном случае был приемлем. Он помог оттянуть время. Из сказанного мною совсем не следует, что этот способ всегда работает. Я хочу подчеркнуть, что в подобных случаях неординарное решение является возможным. Имея в виду эти соображения... равно как и ту степень взволнованности от понимания им содеянного... и потом, если принять во внимание... если уж на то пошло, он не для себя старался, и в этом не приходится сомневаться, – начал вдруг мямлить Дудкин, заметив неодобрительный взгляд шефа. И растерянное лицо его уже словно предупреждало: «Я буду во всём с вами соглашаться».

По неизменному своему обычаю Дудкин всегда хвалил тех, кого любит или поддерживает начальство. А тут не сработало привычное правило, сбой вышел. Не сразу он сообразил, что к чему и откуда ветер дует, поторопился воспользоваться моментом в собственных интересах. Ему бы подождать, понаблюдать за развитием событий, взвесить все шансы на победу. А он не уяснил себе, какого ответа от него ждут, поздно понял, что не стыкуется такое его выступление с мнением руководства, вот и стал с лихорадочной поспешностью корректировать свою речь, приспособлявая её соответствующим образом. Попытался круто взять в другую сторону, но не сумел мгновенно перестроиться, хотя всегда славился именно этим.

«Адвокат взял не тот тон и проиграл. Серьёзно влип!», – мелькнуло в голове изрядно струхнувшего Дудкина.

Постыдная поспешная готовность, с которой он начал отступать, смутила многих. Явственно послышался шёпот: «Так вот чем снискал расположение...» Дудкин, почувствовав настроение зала, насутился, благоразумно подождал, пока в зале уляжется смятение, потом присанился и продолжил уже откорректированную им линию выступления.

А Инна уже «ощутила волну». «Говорит на подтекстах многозначительно, но не однозначно, пытается «надлежащим» образом осветить ситуацию. Над его выступлением, как он сам чувствует, многие внутренне забавляются. Куда ему! Он даже опасается открыто выразить своё доброе отношение и оценивать положительным образом хорошие поступки людей, к которым начальство не благоволит.

У Елены поучиться бы. Наслышана, как она в былые времена отстаивала для сотрудников сокращённый рабочий день в связи с химической и электромагнитной вредностью исследований, как добивалась вопреки желанию руководства выдачи всем бесплатного молока. А этот увидел недовольство на лице шефа, услышал металлические нотки в его голосе и сразу на попятную. Привык подлаживаться под готовое мнение руководства и всем по очереди подпевать согласно табели о рангах. Играет беспроигрышную роль подхалима.

Да, я забыла маленькую деталь: время теперь другое. А Ленка всё равно продолжает защищать права своих подчинённых. Ай да Дудкин! Заговаривается до того, что совершенно не слышит самого себя? Это уже переходит всякие границы. Даже не позаботился о том, чтобы придать словам более пристойный вид. На его месте я бы поостереглась так открыто проявлять своё низкопоклонство, предьявлять и полоскать перед нами скудный реквизит своего ума. Цена этому – неуважение коллектива», – презрительно думает о Дудкине Инна.

– Таков ваш мыслительный взнос в сумятицу суждений Ивонова? Вы неразумно расточительны в словах. Разложите вашу сложную конструкцию идеи на простые составляющие. Нам сейчас не до абстрактных рассуждений, говорите по существу. Ваши конкретные намерения и действия? Вы можете пролить дополнительный свет на

происшествие? – холодно прервал Дудкина Иван Петрович. И, как бы между прочим, добавил:

– Не везет вам отыскивать золото, даже когда оно под ногами.

Почувствовав недовольство шефа, Дудкин совсем растерялся и снова «развернулся на все сто восемьдесят градусов». Только отступить «защитнику» было некуда, и он, внутренне холодея, продолжил свой сбивчивый монолог.

– Я намерен изложить... тут кстати будет сказать несколько слов в поддержку Ивонова. Короче говоря, моя мысль была о разумности выбора способа выхода из создавшегося положения. Товарищи, предлагаю вашему вниманию своё личное мнение. С моей точки зрения, не подлежит сомнению, что сделанное Ивоновым не лишено оснований и подходит к данной ситуации. Следует принять во внимание, что здоровый авантюризм в наше время полезен. В нём нет больших прегрешений и большой беды. В сущности, это было со стороны Ивонова, может быть, в высшей степени благоразумно. Важно, что он не был безразличен к работе. Он искал выход из ситуации.

Главная его трудность и, следовательно, вина, заключается в том, что он заранее не продумал путь к отступлению. Оплочал. В этом смысле естественнее всего каждому из нас представить себя на месте пострадавшего. Жаль, что уловка не сработала и не обеспечила положительную развязку сюжета. Не повезло, не купился заказчик на авантюру, ушлый попался.

Убедительно прошу всех не поддаваться панике без каких бы то ни было оснований. Не будем форсировать события. Сочтём, что никакого инцидента не было. Надо представить всё так, будто имело место маленькое недоразумение, мол, всё произошло по глупости, по неопытности, по молодости инженера. А пока, чтобы на время успокоить заказчика, отдадим предварительный результат опытов, а там глядишь – всё само собой и образуется, – придав своему лицу солидное выражение, снова попытался вступить за товарища Дудкин.

И при этом он бросил быстрый взгляд на Елену Георгиевну, будто ощупывая её. Конечно же, признаваться в том, что он уже допускал подобную ошибку, ему не хотелось, тем более что удалось благодаря «старушке» Елене незамеченным уйти в кусты, не подставив никого из своей лаборатории.

«Что это с Дудкиным? Зачем он восстанавливает коллектив против себя? Кому нужен такой расклад? Разве он уловил в глазах заместителя шефа признаки начального расположения? Пытается расчистить себе дорогу наверх, намеренно выгораживая сына высокопоставленного чиновника? В друзья к нему набивается, давая шефу возможность «слить» на себя плохое настроение, или здесь ещё что-то неявное кроется? А может, стремясь завоевать ещё чье-то расположение, проявляет минимум внимания к словам шефа?» – трезво рассуждает Елена Георгиевна и тут же остерегает себя от стремления залезть в дебри ей неведомого. Но эти мысли навели её на более простые размышления:

«Дудкина используют только в «политических играх», а ему как об стенку горох. В работе он бесполезный человек для отдела, даже напротив. Уже то, как струсил в прошлый раз... Мог бы не высовываться, а он ещё раз предпринял попытку отгородиться от им же самим уже совершённого. Забыл, кому пришлось отдуваться, разгребать результаты его глупости? Шефу скажи спасибо, попросил тебе помочь. Я бы такого выгнала. Мозгляк. Демагог. Корчит из себя святошу, да что-то плохо получается. И Ивонов того же поля ягода. Даром, что блатной. Но ведь за что-то держат...»

Иван Петрович, пользуясь привилегией перебивать любого, в весьма решительной и резкой форме высказал своё возмущённое мнение по поводу выступления Дудкина:

– Хорош! Нечего сказать! Что это сегодня с вами? Надо же додуматься до такого! Вместо того, чтобы нацелить нас на решение проблемы, вы хотите затянуть нас в трясины? Глаз да глаз нужен за вами! На мой взгляд, ваше заявление не только абсолютно беспочвенное, но и вредное. И вы осмеливаетесь предлагать мне такое? Вы всерьёз полагаете, что это выход? Безответственные действия никогда не заканчиваются удачей. Чего-чего, а этого добра у нас не меряно. *(Иван Петрович и Елена Георгиевна при этом*

обменялись согласными взглядами.) Да, вижу и ваше поведение несет отпечаток времени. Выгораживая и покрывая Ивонова, вы идете на поводу у эмоций и застываетесь за лодыря самым возмутительнейшим образом! Он виноват. И я обязан его наказать.

Товарищи, я призываю всех к осторожности в выводах. Я проследил основные тенденции в монологе Дудкина. Бросается в глаза тот факт, что он исходит из неверных принципов. Дудкин, вы не опасаетесь, что вас неправильно поймут?

Не морочьте мне голову вздорными глупостями. Не люблю риска, превышающего возможности. Первейшей моей заботой является воспитание научных кадров. Пользуясь случаем, заявляю: авантюра – это всегда сомнительное предприятие. Иллюстрацией к этому служит неудачный опыт Ивонова. Дудкин, вы меня очень обяжете, если возьмете свои слова обратно. Не забывайте, что отсутствие моральных границ неоспоримо и властно приведут нас к краху. Ивонов, мне удастся облегчить вашу участь, если вы срочно уберетесь с глаз моих долой. Я вынужден временно препроводить вас за линию огня. Сядьте подальше, может, это поможет вам думать.

Евгений Ивонов, не оказав сколько-нибудь энергичного сопротивления, примостился на табурете в укрытии за фикусом. Он понимал, что только когда шеф поостынет, можно будет приблизиться к нему на безопасное расстояние.

А Иван Петрович продолжал «рвать и метать», но тем самым не убавлял своей привлекательности в глазах Елены Георгиевны. Она знала недостатки шефа, но ценила достоинства, которые не затмевали ни его горячность, ни невоздержанность в словах.

– Яркая, обличительная речь, – тихо и сердито прокомментировала в пространство слова шефа Инна.

Рядом с фикусом послышалось тихое шипение:

– Жень, с катушек не слетел?

– Нет. Не съел меня шеф. Видно, на диету сел, – миролюбиво изрек голос с другой стороны развесистого комнатного растения.

«Не растерял ещё юмора Ивонов. Женька – он из разряда «обожаемых». Блатной, поэтому не боится попасть в немилость. Но, видно, и у него сегодня не всё обстоит благополучно. Чуть смутился, но быстро овладел собой. А может, и роль сыграл. Его дядя всем в городе заправляет, поэтому шеф шумит на него долго, а стегает слабо, и на многие его выходки смотрит сквозь пальцы. Не станет он чинить над ним расправу и тем более вымещать на нём плохое настроение, хоть и вывел его из себя именитый племянничек. Дело примет совсем другой оборот. Наверняка заставит кого-нибудь из нас хвосты за Женькой подчищать, договор его выправлять. И это уже не гипотеза, а неопровержимая истина», – думает Елена Георгиевна. И в её голове сразу заработал счетчик: кого? На каких условиях?

А Инна от скуки уже за Леонида взялась, на ивоновского дружка-прилипалу переключила внимание. Не преминула проехаться и в его адрес, шепча Елене Георгиевне на ухо:

– Смотри, Лёнька слушает всех чересчур снисходительно, с милым безразличием сияет своей ослепительной плакатной улыбочкой, ни к чему серьезно не относится. Даже ирония у него спокойная, не очень колючая.

– Позволь напомнить тебе, что ирония заведомо предполагает нанести обиду, зацепить, поддеть, ущипнуть, а ему этого не надо, – шепотом сказала Елена Георгиевна и, повернувшись в сторону шефа, вся обратилась в слух.

Иван Петрович продолжил монолог:

– Во что нам выльется подлог Ивонова, изложу буквально в трех словах. Запомните, товарищи, как я уже ранее говорил, есть границы, которые никогда нельзя переходить. Завышенные амбиции могут любого далеко завести. Вот тут-то, можно сказать, и начинается падение человека. Со всей очевидностью могу заявить, что Ивонов неправильно понял фразу «новые стандарты жизни», сплеховал, и теперь вопрос подлежит дополнительному согласованию между договаривающимися сторонами. Это

оттянет сроки сдачи документации, но мы тем самым исключим возможность возникновения нежелательных последствий промашки нашего сотрудника. Не стану перечислять ошибок Ивонова. Он провалил работу.

Откровенно говоря, своим невниманием к нему и я в какой-то мере способствовал тому, что произошло и теперь потребовало незамедлительного вмешательства. Упущение с моей стороны. Я проигнорировал слухи и поплатился.

«Психологически выверенный способ шефа: взять часть вины на себя и тем самым смягчить ситуацию и спасти обвиняемого», – подумала Елена Георгиевна.

– Надеюсь, я не ошибаюсь в своём предположении: Ивонов сделает соответствующие выводы, придет к правильному решению и найдет выход из морального тупика. – Издалека испытующим взглядом Иван Петрович прямо-таки прищипил виновного к стене. Тот утвердительно качнул головой и опустил глаза.

– Мы все тут свои, так сказать, из одной песочницы. А жизнь – длительный испытательный срок, и каждый может споткнуться. Надо помогать друг другу. Будем надеяться, что не все мои тревоги обоснованны. Но об этом чуть позже. Вопрос о дальнейших шагах непростой и требует внимательного изучения. И, тем не менее, давайте прекратим бесцельное блуждание в словесах. Я бы поставил вопрос ребром: «Дело не терпит отлагательства. От чего будем отталкиваться?» – сказал Иван Петрович, переходя на интонацию глубочайшей серьезности.

– Я вошёл в курс дела и считаю, что главной помехой на пути к достижению цели является главбух заказчика. Беру её на себя. Я исправлю досадное недоразумение. – Это впервые подал голос заместитель руководителя отдела Сабина Владимир Григорьевич.

– Отлично! Свяжитесь с ней. Только, пожалуйста, поскорее, – мягко попросил Иван Петрович. – Того и гляди, к нам плановая комиссия с ревизией нагрянет, и тут уж на кого налетишь.

Шеф сделал устрашающее ударение на слове «ревизия» и продолжил развивать свою скорбную мысль:

– Хорошо, если только пуговицы посыплются, а если без штанов оставят? Я вам честно доложу: ум за разум заходит, как о ревизии подумаю. Ведь нет единой законодательной базы. Всяк трактует законы как ему вздумается. Ничего невозможно доказать, хотя я всегда стою за прозрачность нашей отчётной документации. Их же хлебом не корми, а дай поискать нестыковки, чтобы придраться. Как запустят щупальцы – только держись – пух-перья полетят. И отнюдь не факт, что мы с их точки зрения окажемся правы. Нам не понять тайных происков ревизоров. Надо ли объяснять вам, как это было бы некстати? Ох, забегаем мы тогда, как тараканы ночью на кухне при включении света.

Не исключаю, что и конкурент может подсуениться и наслать на нас внеочередную проверку. Я по своим каналам прошу обстановку и по возможности постараюсь предотвратить непредвиденные события. Владимир Григорьевич, пожалуйста, на всякий случай подключите к изучению этого вопроса нашего юриста.

Он хотел ещё что-то добавить, но только расстроено махнул рукой.

Первый претендент

«Кого же бросят на переделку ТЗ? На кого повесят тяжёлый хомут? – терялась в догадках Елена Георгиевна. – Кстати сказать, и выбирать-то, собственно, не из кого. Кому охота натирать на шее мозоли почти задаром? Мою группу захомутают? У нас своих дел хватает. Надо? Так-то оно так, но, чёрт возьми, как-то мне не особенно улыбается перспектива безропотно подчищать дела за каждым недотёпой».

Она настроилась перечить, противоречить и держать ушки на макушке.

По залу прошёлся настороженный шумок. Заручившись поддержкой (взглядом) заместителя, Иван Петрович перешёл к вопросу, волнующему многих:

– Не вижу причин для восторгов. Если вам интересно моё мнение, – он сердито глянул в сторону хихикающих и шепчущихся девиц из конструкторского отдела, и в его голосе почувствовалось накапливающее раздражение, – то скажу так: я углубился в исследование темы Ивонова, продумал все детали работы и пришел к заключению...

Иван Петрович извлёк из нагрудного кармана очки, не спеша надел их, внимательно осмотрел зал, снова сделал паузу, подогревая интерес присутствующих. Аудитория напряглась. Елена Георгиевна тоже вся обратилась в слух.

– Надеюсь, вы не сочтёте за дерзость с моей стороны, а, напротив, примете как доказательство моей благосклонности... – Иван Петрович сосредоточенно подыскивал нужные слова, а может, снова тянул театральную паузу. – Тем более что в свете новых веяний, когда нам рекомендуется продвигать и поощрять молодёжь... Я предложу в качестве претендента на эту важную роль, молодого, но уже достаточно опытного инженера Дудкина. Дело чрезвычайной важности и требует человека, способного во всеоружии... Рискну выразить надежду, что он справится. Посоветуем ему вести себя осмотрительно. Возможно, товарищи, вы пожелаете рассмотреть и другие кандидатуры. Предлагайте. Я охотно выслушаю любые дополнения, возражения и предложения.

«Вот, стало быть, кто первый претендент на роль. Ой, хитрый старый лис, не хочет никого обидеть и притом старается выйти сухим из воды. Ясное дело, предлагать никто никого не станет. И Дудкин не в счёт. На меня косвенно намекает? – сердито восхитилась Елена Георгиевна политикой шефа. – Отводит всем глаза, отвлекает от истинного намерения. С большой долей уверенности могу сказать, что промурыжит одного, другого – как и положено на данном отрезке времени ведения собрания – и вернётся к заранее заготовленной кандидатуре. Так сказать, выйдет на запланированный рубеж.

Хотя, конечно, никогда нельзя знать заранее, чем закончится этот спектакль. Трудно предугадать исход «сражения», могут возникнуть неожиданные пируэты. Для меня главное не форсировать события, а подождать, посмотреть, как они будут развиваться, чтобы увериться в своей правоте.

Не успела эта мысль посетить Елену Георгиевну, как Инна обеспокоенно наклонилась к её уху.

– Что ты о нём думаешь? Договор может показаться ему выгодным? Возьмётся, использует удобный случай, чтобы угодить начальству и продвинуться? В каком ключе станет выступать?.. Потянет, не оплошает? Я лично очень сомневаюсь. Ты можешь поручиться, что у него всё получится? – не в силах справиться с собственным нетерпением, Инна поспешила шепотком выразить своё недоверие к предложенной кандидатуре.

– Что тут думать. Не следует всерьёз рассчитывать на то, что в угоду шефу Дудкин согласится. Не те времена. Не обольщайся. Ясно как день, не возьмётся он дорабатывать чужой проект. Думаешь, шеф предоставил Дудкину случай доказать свою преданность? Не приходится сомневаться, что он просто таким образом подчеркивает его значимость. Мол, верит ему, ценит. Только непонятно мне, за что ему такая милость. Молодец шеф, шьет, а швов не видно. Старые, доперестроечные уловки. По-настоящему альтернативные кандидатуры он пока не высвечивает, но они у него есть. От Дудкина, разумеется, следует ожидать уверенных возражений. Наверное, мучительно

придумывает сейчас, как бы ему лучше вывернуться, скорее всего, займет оборонительную позицию, – одними губами ответила Елена Георгиевна, усмехаясь.

Она давно уже привыкла замечать и анализировать не только то, что говорят, но и как, и зачем говорят, и что на самом деле кроется за словами.

Дудкин, не очень обрадованный известием, встал и начал отвечать на предложение шефа негромко, степенно. Казалось, он нисколько не был смущён таким поворотом дела. Со стороны можно было подумать, что он заранее знал о том, что ему предложат эту работу.

– Вы мне льстите, Иван Петрович. Ну, как придётся разочароваться? И какой вам от этого прок?.. Я возражаю. Это недоразумение, удар ниже пояса. У меня возникло некоторое ощущение что вы, Иван Петрович, находитесь в плену иллюзий. Хотя, наверное, я ошибаюсь. Я не могу ставить под сомнение выводы руководства. Но, понимаете, там работы – конь не валялся. И к чему мне этот геморрой? В той мере, в какой я могу судить о теме Ивонова, полагаю, наскоком её не решить.

Говоря по совести, я не намеревался возникать. В принципе я согласен с руководством: закрытие темы будет признанием нашей собственной несостоятельности. Ко всему прочему, было бы чистейшим безумием отдать такую работу какому-то конкуренту в то время, когда приходится бороться за каждый договор, и с этим фактом тоже трудно поспорить. Пока есть хоть ничтожная возможность спасти тему, удержать её, надо действовать.

Я понимаю, надо помогать друг другу в трудных ситуациях, но положение Ивонова слишком уязвимое. И как вы, Иван Петрович, совершенно правильно подметили и точно указали, и я полностью присоединяюсь к вашему мнению, Ивонов оступился, нарушил устоявшиеся традиции, не в обиду ему будет сказано, по своим правилам играл. Поэтому определить единственно верный практический путь выхода из этой щекотливой ситуации мне не представляется возможным. Не знаю, какое впечатление на вас произведут мои доводы – простите, если кого задел, намерения такого не было, я охотно допускаю, что каждый может ошибиться – но я всё же буду просить вас передумать. Поймите меня правильно, моей группе эта работа не под силу.

– Лихо закручивает. Избегает прямых ответов на прямые вопросы. Юлит. Может, из самых лучших побуждений, но всё-таки врёт. Меня разбирает любопытство: я переоценила его возможности, лучше о нём думала? А следовало бы ожидать, что ничего нового и существенного я от него не услышу. Этот если и возьмет договор, так вежливоенько потребует возратить долг за помощь со сложными процентами. Не рассчитаться тогда с ним шефу вовек. Все тридцать три удовольствия запросит. Ценит себя больно высоко. Было бы за что... Умеют же некоторые! Считает для себя унизительным помочь отделу? – сдерживая благородный гнев, сердито бурчит Инна.

Голос Дудкина звучит спокойно. Это в начале собрания он, неправильно оценив обстановку, не смог подобающим образом ответить на вопрос шефа и предпочёл дурное впечатление о себе смягчить сначала покаянием и лестью, а потом осмотрительным заговорщическим молчанием.

Теперь он и глазом не моргнул, ни один мускул не дрогнул на его лице. Видно было, что успел прикинуть, как ему отступить с возможно меньшим позором. Он прекрасно понял, на какую гору ему можно лезть, а на какую не стоит, и постарался направить разговор в нужное русло.

– Я сам виноват. Накаркал, напросился на свою голову. Защитничек праведный выискался! Вот уж не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Знать бы каким ударом это обернётся, воздержался бы от предыдущего выступления, – самокритично, но как бы в шутку заявил Дудкин.

– Что вы этим хотите сказать? Мне следует понимать так, что к инциденту с Ивоновым вы не имеете никакого отношения или в этом деле у вас есть всё-таки свой интерес? – с хитровой усмешкой уточнил Иван Петрович.

На прямо поставленный коварный вопрос Дудкин ответил на этот раз категорично.

- И в помыслах ничего такого не было. Откуда взялись такие предположения? Вас ввели в заблуждение. Слухи - дело ненадёжное. Никакой связи между моим выступлением и поведением Ивонова не существует. Не приходится сомневаться, что из обрывочных сведений можно сложить всё что угодно. Намёк воспринимаю как оскорбление. Не причастен, - не помедлив ни секунды, скороговоркой заявил он, встряхнул гривой чёрных, с лёгкой, преждевременной проседью волос, изобразил на лице сложную гамму верноподданнических переживаний и с наигранной досадой продолжил монолог:

- Инициатива и неуместные заявления всегда наказуемы, именно к этому, как я понимаю, сводится причина, по которой была предложена моя кандидатура. Но всё равно я с дополнительной нагрузкой не могу согласиться, - возмутился он, не собираясь сдаваться. - Я бы не настаивал на необходимости отказать в помощи Ивонову, но поймите меня правильно - мне приходится думать о качестве проводимых нами работ, то есть о нашей репутации. Это мой долг, - прочувствованно закончил он.

- Не подтвердил своё соавторство в деле Ивонова. Нет никакого сомнения, что и последняя фраза ни в малейшей степени не соответствуют действительному положению вещей в его группе. Туману напускает. И совсем не стесняется своего заискивающего тона, - сквозь зубы опять сердито бурчит Инна.

- Да, это недалеко от истины, - усмехается Елена Георгиевна, чувствуя, что почва под её ногами, как она и предполагала, становится более шаткой.

- Мы не согласны! Это удар под дых! - понеслись возбужденные негодующие голоса со стороны группы «поддержки» Дудкина.

- Симонов и иже с ним на дыбы встают, защищая начальничка. Легки на помине, - ехидно прошелестела Инна.

Заметив неподобающую склонность к излишней критичности и посторонним разговорам у некоторых своих сотрудников, Иван Петрович резко развернулся к нарушителям порядка. Его окрик возымел нужное действие: нарастание шума в зале прекратилось.

- Мне впору заплакать! Подобные разговоры здесь неуместны. Дела в вашей группе идут не так плохо, как вы меня уверяете, вы не похожи на загнанных лошадей. Ни к чему мне шквал ваших возражений. Валите с больной головы на здоровую как раз в тот момент, когда отдел более всего нуждается в помощи. Это никак не вяжется с тем, что мы воспитывали в вас годами. Всё забыли? Прошли те времена, когда можно было спрятаться за чужую спину. Кто хочет работать, тот ищет способы одолеть тему, а не оправдания. Для отказа нужны более веские основания, - ворчливо напустился на дудкинских подпевал Иван Петрович, «поливая» их, как из водомёта, массой стандартных, ни к чему не обязывающих фраз.

Возгласы из зала окончательно стихли. Народ напрягся.

«Шеф верен себе и своим привычкам: лавиной слов заливают суть вопроса, уводит от проблемы, - убеждается в своей правоте Елена Георгиевна. - А была минута, когда я засомневалась в своём прогнозе».

- Не знаю, как это будет воспринято руководством, но я не могу понапрасну раздавать векселя и не горю желанием взваливать на себя воз дополнительной нагрузки, тем более что моя и ивоновская темы совершенно несовместимы. Не выкрутимся, а потом поздно будет горевать или возмущаться, когда окажемся перед свершившимся фактом - провалом. Конечно, если потребуется, я не пожалею ни сил, ни времени. - Дудкин вздохнул, неопределённо пожал плечами и сел на своё место.

Он не стал негодовать, делать выводы и говорить заключительные слова, а предусмотрительно оставил всё в состоянии благоразумной недосказанности. Не хотел Дудкин лишать начальника его главной функции. Шеф ведь может задать трёпку за то, что он начисто отбросил его идею, настоял на своём, доказал, что мысль оказалась не стоящей выеденного яйца. Такое не прощается.

- Зарекомендовал себя как подлиза, поддакивает в нужный момент. Он же как флюгер. Личную инициативу проявляет лишь тогда, когда знает, что она будет гарантированно одобрена. А в вопросах сомнительных вперёд не вылезает и выражается так, что из его

слов ничего определённого не вытекает. Что ж, удобный, надёжный способ общения с руководством. Ничего не скажешь, быстро обучился, – в язвительном шёпоте скривила рот Инна.

Иван Петрович резким движением головы откинул свои густые седые волосы со лба и заговорил ровным уверенным голосом:

– Давайте подбивать итоги. Разговоров было предостаточно. Я услышал от коллег подтверждение своим мыслям. Нас не могут устроить половинчатые решения.

Слова шефа предвещали возобновление дебатов, только уже по новой кандидатуре. «Пробный шар намеренно пролетел мимо лузы», – поняла Елена Георгиевна. И её маленькие, очень маленькие сомнения насчет кандидатуры Дудкина окончательно рассеялись.

Иван Петрович снова провел рукой по волосам и вонзил в Елену Георгиевну повелительный взгляд. Она понимающе, одними глазами, улыбнулась ему. Знала, что таким образом он просит её не возникать, не влезать в спор. И отметила не без удовлетворения: «Значит, боится моей категоричности».

«Дудкин и более заманчивые предложения отклонял, объясняя отказ занятостью. Недавно от новой темы шефа отказался, равно как и от договора зама. Что заставляет его принимать такие решения? Ну, разве что... имеет «левые», более надёжно оплачиваемые подработки? Молодежь теперь шустрая пошла. Может, и шеф там с ним? Его, как полагаются, уважают и, конечно, побаиваются и поэтому не сбрасывают со счетов».

Сомнительный вариант, если принять во внимание старую закалку шефа. Но сохранить себя очень трудно, тем более теперь. С чего бы это ему защищать Дудкина? Откуда такая благосклонность? Неужели всё-таки у него в делах Дудкина свой интерес? Кстати, я совсем не уверена, что Симонов в этом отношении безупречен. А уж зам – этот наверняка в доле, – размышляет Елена Георгиевна, неожиданно поймав себя на такой новой и очень любопытной для себя мысли. – Странно, что эта очевидная мысль ни разу прежде мне в голову не приходила. Я и не помышляла о том, что шеф может в обход... Но какие у меня основания предполагать такое? Это как-то нехорошо, непорядочно.

Хотя какие сейчас правила! Жизнь предоставляет шанс всем самим выкручиваться из ситуаций. Подозреваю, устоять перед подобным искушением шефу не так-то просто. Он всего-навсего обыкновенный человек с обычными человеческими слабостями. Нет, не запятнает он чистоты своей совести. Не верю. У меня это в голове не укладывается».

Елена Георгиевна тут же пожалела о своих неприятных мыслях. Ей захотелось, чтобы они оказались глупой выдумкой.

Второй претендент

- Итак, подведём предварительные итоги. Не умаляя достоинств инженера Дудкина, скажу: у меня нет к нему претензий.

В глазах шефа Дудкин разглядел свет высшей мудрости.

- Что и говорить, вы всё сами понимаете, куда склоняется чаша весов. Надо бы предусмотреть определённые гарантии, но дело опять-таки осложняется тем, что... - Иван Петрович опять сделал паузу и мимолётно взглянул на своего заместителя.

В течение следующих нескольких секунд никто в аудитории не проронил ни слова. Елена Георгиевна, стараясь не выдать своего интереса к решаемому вопросу, с безразличным видом разглядывала стену. Она понимала, что для некоторых руководителей низшего звена, сжигаемых нервным напряжением, эти мгновения были сопоставимы с ситуацией отсутствия глотка воды для умирающих от жажды.

- Суммируя всё вышесказанное, могу с уверенностью сказать... Что же у нас вырисовывается? Чтобы спасти положение, как мне представляется, попробуем...

Иван Петрович тяжело вздохнул.

- Наш выбор падает на Суханова, - равнодушным, бесцветным, казённым голосом подсказал Владимир Григорьевич, молча следивший за ходом заседания. Шеф кивнул в знак того, что разделяет мнение своего заместителя.

Многим сразу стало легко и просто. И Елена Георгиевна опять было ухватилась за ниточку надежды: «А вдруг?» Но тут же засомневалась: «Ой, вряд ли. Просто произошла смена декораций: Дудкин - Суханов. Кратчайший путь не всегда лучший: не сразу шеф на меня выходит, паузу тянет. Цену мне набивает? Но что-то «кружной» путь на этот раз слишком долг. Хотя бы взглядом намекнул, я бы поняла.

А может, зам забивает клин между нами, хочет столкнуть меня с Сухановым лбами? Этот не замедлит осуществить своё «благое» дело. Надо готовиться к худшему? Такое мне не по вкусу. Не выйдет у него, не позволю нас поссорить».

Маленький, юркий, белобрысый Суханов вынырнул из-за стола, словно чёртик на пужинке из детской волшебной шкатулки. Похоже, он и правда не был готов к такому повороту событий. Ещё минуту назад его лучезарная физиономия светилась радостью, а теперь кровь отхлынула от его лица, взгляд заметался по залу, словно в поисках защиты. Не увидев поддержки, он, как ужаленный, опять подскочил на месте и зачистил:

- Буду говорить без обиняков. Оригинальное предложение, но неудобоваримое! Грандиозное заблуждение! За что я удостоился такой чести? Этот договор как приговор. Я не горю желанием пахать на других. Чуть что, так сразу мою группу и в хвост и в гриву. Зачем, позвольте вас спросить, мне влезать в эту тему? Я не ослышался? Это насмешка? Иван Петрович, спасите. Оцените происходящее и потребуйте оградить меня и мою группу от посягательств. Замолвите за меня словечко, вы же обещали больше не загружать, - взмолился Суханов, нисколько не заботясь о впечатлении, которое производила его речь на руководителей других групп.

- Обещал? Не обещал! - сначала притворно удивился Иван Петрович, а потом отмахнулся и скучно поморщился. - Знаю я все ваши возражения.

Владимир Григорьевич остался невозмутимым. Некоторая утрата спокойствия никоим образом не отразилась на выражении его лица и позы. Он по-прежнему сидел прямо, заложив руки за поясницу.

- Иван Петрович, вам, как никому другому, известен уровень моей занятости. Это уже дикий пережим. Насилием мало чего можно добиться. Ваше предложение чревато последствиями. Сочту своим долгом преду-предить: нас припёрли к стенке сроки по двадцать второму договору. Ко всему прочему мне поставлены жёсткие временные рамки для сдачи отчёта под номером шесть.

Но это ещё полдела. Проблемы Ивонова меня никоим образом не касаются. Нельзя списывать со счетов тот факт, что мы не пересекаемся с ним ни в теории, ни в практике. К тому же у ивоновской темы перспектива на следующие два года не из блестящих. Не те ставки. Нет, я в эти игры не играю. И состязаться в благородстве я ни с кем не собираюсь. Надо полагать, из уважения к вам я мог бы взять эту тему за неимением лучшего, но я перегружен по самую макушку и выше своей головы не прыгну, именно поэтому я вынужден вас разочаровать. На что вы меня толкаете? На авантюру? Ни под каким предлогом не соглашусь! К тому же нужно брать в расчет и то, что двое из моей группы покинули стены института в поисках лучшей доли. Кем я заткну образовавшуюся брешь? Работа сама собой не выполнится, – строптиво возражает Суханов.

Было очевидно, что вопросы в первую очередь относились к Ивану Петровичу. Но Суханов, ища поддержки, успевал кивать и в сторону ведущих инженеров других групп и скептически пожимать плечами, глядя на Владимира Григорьевича.

Не дожидаясь ответа начальника, он заговорил так, будто ему успели возразить.

– Понимаю, мои доводы вас не устраивают, но дайте мне закончить свою мысль. Я прекрасно понимаю: встает вопрос о принуждении. Но на любого человека можно давить до определенного предела, выше него наступает обратная реакция.

Я намерен доказать вам состоятельность моих возражений. Совсем несложные рассуждения приводят меня к мысли, что вы ко мне относитесь предвзято. На каком основании? Я понимаю, почему вы настаиваете. Вы даете мне почувствовать зависимость от вас. Кто-то встал на моем пути, подкапывается, метит на моё место? Предлог подвернулся? Интриги для меня не новость, хотя я совсем в них ничего не понимаю, но такой вывод напрашивается сам собой, – с обидой закончил Суханов и сел, нахмурившись.

Позади выступающего слабо ахнул женский голос:

– Вот учудил так учудил!

Елена Георгиевна поморщилась, осуждая ребяческую несдержанность Суханова, с шумом положила на стол скрепленные руки и сильно сжала их. «Сморозил глупость, Алексей, слишком импульсивный. Ну никак не можешь без подобных поступков! Не мужской почерк. И кто это сказал, что без восхитительных глупостей жизнь скучна? Где бы найти эти восхитительные? Мне что-то всё больше печальные на пути попадаются», – затревожилась она о своём бывшем аспиранте.

– Ого! – кратко, но выразительно выдохнул какой-то эмоциональный слушатель в противоположном конце зала.

– Душераздирающая сцена! Ой, Суханов в разнос пошел! Картина ясна как божий день: не успел вооружиться стойкостью, не смог найти простой способ уладить свои дела, убедился в бессилии своей ярости и взвинтил себя до истерики. Нервы сдали у беденького. В порыве негодования забыл даже, чему учили в школе? Если необходимо сослаться на авторитеты, я – всегда пожалуйста. Или не тревожить память великих педагогов по пустякам? – тихо выстрелила в адрес злополучного оратора Инна и, хихикнув сквозь сжатые зубы, спряталась за головы впереди сидящих.

Нечёткие фигуры на заднем плане аудитории не издали ни единого звука, только заколыхались, словно водоросли, подхваченные игривой волной.

Казалось, после по-детски наивных слов поражение Суханова было очевидным, тем более что Иван Петрович начал нервно потряхивать плечами, что являлось явным признаком раздражения. И по лицу зама прошла тень недовольства. Елена Георгиевна тут же подумала о них: «Станный, но, в общем-то, интересный, а может быть, даже... временно удачный альянс у шефа с замом».

Иван Петрович, не привыкший к такой неприличной откровенности подчинённых, грозно насупив брови, бросил в зал сакраментальную фразу:

– Это всё, на что вы способны?!

Потом удивленно заявил:

- Не пойму, чего вы добиваетесь, что за странная постановка вопроса? Почему избрали такую оригинальную линию поведения? По принципу: а пусть мне хуже будет! Никаких более веских доводов вы не могли привести? Из всех ваших оправданий и высказываний последнее было наименее удачное. Предположение, скажу я вам, явно взято с потолка, продиктовано эмоциями, к тому же далеко не умными. Не разговор, а мелодрама у нас выходит, массаж для нервной системы. Во всяком случае, согласитесь, пальма первенства в произнесении подобных спасительных сентиментальных фраз обычно принадлежит некоторому типу женщин. Это дамский козырь, их своеобразная манера выражаться. С той, однако, разницей, что женщин она мило украшает, а нас, мужчин, - нет. Держите чувства в узде, не распускайтесь. С полным правом у меня возникает вопрос: откуда у вас такое сползание на чрезмерную, нервную чувствительность? Почём знать, может, я тут что-то проморгал?.. - жёстко съехидничал Иван Петрович.

Ирония шефа вызвала у зама лёгкую улыбку, которая не ускользнула от внимания Елены Георгиевны.

«Ох, боюсь, взорвется сейчас Суханов. И понесла же его нелегкая переводить спор в такую плоскость. Крупная осечка. Вляпался в историю. А тут ещё Инна лезет не в свои сани, подзуживает. Карты Алексею путает, а ему и так трудно перестраиваться. Брякнула и сидит неподвижная и непроницаемая, как сфинкс, приличие, когда не надо, соблюдает, - раздражённо думает Елена Георгиевна. - Кто же стерпит, когда его выставляют в невыгодном, даже подозрительном свете. Что он предпримет, чтобы оправдаться? Эх, Алексей, тебе бы не выдавать своего настроения. К чему всем эта твоя мнительность? Может, и посочувствуют, но уважать перестанут. Такая тактика унижительна и бесперспективна. А ещё тебе бы увеличить дистанцию между собой и руководством».

Разговор начал принимать нежелательный оборот. По залу, как огонь по скопившемуся в низине тополиному пуху, пробежал тихий, веселый смешок.

- Кто бы возражал, - радостно поддакнула шефу Инна, ободрённая неуверенностью Суханова.

Лицо её меняло выражение без малейших усилий. Сейчас оно сияло детским восторгом. Её прямо распирало от гордости. Повезло. Вклинилась!

Иван Петрович метнул в её сторону сначала недовольный, потом грозный взгляд. В ту же секунду на безразличной физиономии Инны уже не читалось ни осуждения, ни одобрения. Паинька.

Суханов стоит как оплётанный, мнётся и незаметно для многих проводит большим пальцем себе поперек горла.

«Мое поведение играет шефу на руку. Зря я вышел из себя. Тонко рассчитанная грубость шефа имела целью осадить меня или сбить с толку? - пытаюсь обнаружить хоть тень сочувствия к себе, думает он. - Уж как пить дать, я ответил бы ему чин по чину, будь мы один на один. А принародно теряюсь. Проклятое детдомовское наследие! Обычно я держу язык за зубами хотя бы перед начальством, а сегодня, дурак, вспылит. Неудачи замучили, - жалеет себя Суханов и мысленно казнит за потерю контроля над ситуацией. Наконец он берет себя в руки и неуверенно мямлит: - Здесь было сделано замечание, порочащее мою репутацию как руководителя группы. Я виноват, но наказание несоизмеримо с виной. Понимаю... это не меняет дела, и я рискую показаться наглым, но...»

Деловой вид слетел с худого, нервного лица Суханова. От волнения ещё некоторое время он не может говорить связно.

А Иван Петрович продолжил наступать:

- Всё ещё не осмеливаетесь посмотреть правде в глаза? Долго ещё вы собираетесь развлекать нас своими рассказками и давать «исторические» обзоры происходящих событий? Не утруждайте себя объяснениями и оправданиями. Надоели ваши вечные претензии и жалобы. Вы редко бываете чем-либо довольны. Похоже, вашим требованиям не будет конца. Вам смелости хватает только на то, чтобы дискутировать? Так? - сумрачно поставил риторический вопрос Иван Петрович, и его рука предостерегающе

взметнулась ладонью вперед, указывая на желание уклониться от продолжения неприятного разговора.

Суханов терпеливо снес несправедливые оскорбительные слова шефа. Он сделал паузу, стараясь окончательно овладеть собой, потому что считал себя обязанным что-то сказать в ответ, хотя понимал, что в этой ситуации его слова едва ли прозвучат убедительно. «Дело дрянь», – только и подумал он угрюмо.

– Предоставьте мне возможность закончить. Я до некоторой степени возражаю против такой интерпретации моего высказывания. Из моих слов ровным счетом ничего не следует... – не находя других подходящих фраз, неуверенно произнес Суханов, уже боясь поддаться на уговоры и согласиться работать над чужой темой.

«Не стоит вступать в дискуссию. Может, шеф на это только и рассчитывает. Знаю, есть такой способ: довести человека до нервного срыва и заставить что угодно подписать, вплоть до заявления на увольнение. Тьфу. Профанация какая-то», – пробурчал он тихо и украдкой пощупал свой лоб.

От бессвязных высказываний очередного претендента на роль спасителя отдела одни сотрудники ошарашенно притихли, другие участливо зашуршали бумагами, а некоторые, приготовившись к худшему, заранее навешивали на лица сочувствующие мины. Елена тоже перелистнула несколько страничек отчёта, лежавшего перед ней, потому что бестолковые слова Суханова обдали её зябкой волной неловкости. Даже Ивонов поднял голову, расправив свой трехслойный подбородок. Дудкин, с заговорщицким видом перешёптывавшийся с соседом по столу, недоумённо замер, а потом с глубокомысленным видом погрузился в чтение. Белков усердно тёр носовым платком свои огромные, издали похожие на гантели, очки. Казалось, воздух загустел от напряжённого, тщательно скрываемого внимания присутствующих.

– Не отнимайте у меня время всякими глупостями. Его у вас слишком много? А если не приму в расчёт никаких доводов и заставлю играть на моём поле? Лаборатория ваша как захламлённый сарай. Хобби с работой совмещаете? Мне кажется, что ничего другого вы в последнее время и не делаете. А, между прочим, из вашего поведения вытекает очень, очень многое, – едко заметил Иван Петрович тоном, который счел наиболее подходящим для данного момента.

Чувствовалось, что терпение шефа понемногу иссякает. Но Инна сообразила, что он умышленно свернул на неосновную тропу критики, упомянув о хаосе в лаборатории своего подчинённого. Это был его ловкий тактический ход.

Елена Георгиевна понимала унижительную глупость своего ученика, поддавшегося минутной вспышке раздражения, и мысленно горько возмущалась: «Какой удар по самолюбию! Ну и штуку ты, братец, выкинул! Что вбил в свою упрямую твердолобую башку? Может, заболел? Устал? Раз обижаешься, значит, чувствуешь, что не прав. Странная форма самозащиты. Позорно сорвался в истерику, поторопился, сделал из себя посмешище, публично сознавшись в своей неуверенности. Выставил себя большим недотёпой, чем есть на самом деле. И к чему эта попытка показаться грубым, невоспитанным? Она идет вразрез с элементарной интуицией. У тебя есть свои преимущества. И как бы малы они ни были, ими не стоит пренебрегать.

Сколько раз учила: старайся облечь ответ в такую форму, чтобы не задеть чужого самолюбия и самому остаться на высоте положения. Это же азбука взаимоотношений. Трудно даются детдомовцу эти азы. И как тебя угораздило сорваться! Кидаешься на шефа с мужеством отчаявшегося. Не к тому привлекаешь внимание.

Собственно говоря, в отношении тебя я не беспокоюсь. Осилишь ситуацию, извернёшься. Сумеешь всё уладить, не считаясь с собственным самолюбием. Ошибки у всех случаются. Молодой. Занозистый у тебя характер, иногда даже совершенно несносный. Но когда надо, он въедливый, непробиваемо упрямый. Тебе всегда удаётся доказать, что для отказа (или, напротив, для получения) были веские причины, какими бы странными и неприемлемыми они ни выглядели первоначально. Отвертись. У тебя основной способ защиты – активное нападение. Не растратил же ещё свой прежний пыл, сохранил цепкую энергию сопротивления.

Так... теперь с достаточной убедительностью оправдывается, хотя излишне темпераментно. Пришёл в себя. Как открещается! Глазами-буравчиками так и сверлит!» - восхищается Елена Георгиевна своим учеником.

Суханов

Незаметно для самой себя Елена Георгиевна «ударилась» в воспоминания.

...Раньше, когда вместе ляжку договоров тянули, Алексей не позволял себе отлынивать. Поначалу мало отличался от других, разве что пылкой искренностью. Обладал на редкость доброжелательным нравом, открытой, немного беспомощной улыбкой, но главное – способностью думать самостоятельно, без подталкивания. Правда, было в нём это юношеское, самонадеянное, ничем не подкреплённое стремление к независимости, которое расстраивало мои планы ещё до того, как я успевала их воплотить в жизнь; не раз на свой страх и риск он проявлял своеволие, часто приводящее к конфликтам. Они-то и делали его порой до смешного уязвимым. Но в любом случае, независимо от результатов его ошибочных действий, мне удавалось, поспешив на выручку, спасти заблудшего.

Сотканный из противоречий, он мог в любой, самый неожиданный момент, взорваться, словно проржавевший снаряд. И всё потому, что ему было необходимо постоянно самоутверждаться, бороться за себя. Часто не получалось. Отсюда нерешительность, которая опутывала его, парализуя волю. Отсюда и срывы. Но ему свойствен критический склад ума. Он-то и помогал не опуститься ниже установленной ему планки, заставлял дистанцироваться от вредных привычек. Да, хватало с Алексеем хлопот. Многие я прощала ему, детдомовцу, чего другим не спустила бы, потому что увидела в нём то, что до поры до времени было скрыто в глубинах его сознания даже от него самого.

В самом начале он отрицательно отнёсся к полушутливым словам шефа: «Вы временно поступаете в распоряжение Елены Георгиевны. Она разглядела в вас здоровое зерно». Мельком взглянул он на меня и поспешно отвёл глаза. Не знал, что это я вызволила его из слесарной мастерской, и тоном, не допускающим сомнений в своей аттестации, сформулировала своё мнение о нём: «Непростительная расточительность использовать толкового парня на побегушках. Таланты надо беречь и защищать. Если верить в человека, он, почувствовав даже маленький успех, начинает раскрываться, расцветать. Есть нечто, свидетельствующее о том, что в нём не всё так очевидно, как можно предполагать. Он со мной одного поля ягода. Трудно работать с много воображающими о себе бездарностями. Алексей пока что не отдаёт отчёта в значительности высказываемых им идей. Его утверждения, не подвергнутые изучению, могут быть полны глубочайшего смысла, а могут оказаться претенциозной чепухой. Учиться ему надо. Надеюсь, никто не станет разубеждать меня в этом? К тому же он имеет превосходный аппетит к науке, хоть и неразборчив пока».

А он и в тайных мечтах не позволял себе думать об этом и не представлял, какую роль я сыграю в его дальнейшей жизни.

Предупреждал меня заведующий кафедрой, отговаривал: «Совершенно бредовая идея, и просуществовать она недолго. Молодого человека губит то, что он разбрасывается, на пустяки разменивается. Неумеренный во всем. Маловероятно, что сможет доводить проекты до конца – быстро загорается и так же быстро остывает. Начинает дело блистательно, а потом из-за пустяков бросает, и тут уж возникает вопрос о сроках исполнения, о доверии, а это, сами понимаете, играет на руку конкурентам и даже прохвостам. Нахлебайтесь с ним. С вашей привычкой доводить всё до логического завершения, даже если в конце предстоит оказаться в совершенно иной ситуации, нежели та, которая сложилась вначале и предполагалась в дальнейшем – этот мальчишка проигрышный вариант». А я только отшутилась: «Вы иль я пророк?» (Заведующего кафедрой звали Ильей).

С другим сотрудником и в другой обстановке он неминуемо разразился бы шуточками в адрес выбранной кандидатуры. Но только не со мной. Знал мой упёртый характер, потому-то уступил и отступил. И, выступая перед аспирантами-первокурсниками, неоднократно полушутя повторял: «Вам, будущим светилам науки, стоит запомнить фамилию Елены Георгиевны. Мерилом таланта педагога служат успехи его учеников». Не скупился на комплименты. Он из тех, которые одной фразой могут поднять или опустить человека.

Три года в одной упряжке с Алексеем ходили. Подумать только, с тех пор прошло десять лет! Не могу сказать, что мне привалило огромное счастье воспитывать Суханова.

Помаялась с ним, пока «выстраивала» его. Помнится, он сразу проявил себя как толковый аспирант. Быстро смекнул, что без должного усердия трудно будет рассчитывать на успех. Из кожи вон лез, учился с неослабевающим интересом, особенно налегал на квантовую механику. Не замахивался на чужое, не втирал очки – потом, мол, сделаю, сварганю, – но с предубеждением относился к моим жёстким рамкам, свой план развивал. Не гнушался любой работы, до ночи просиживал за вакуумной установкой, когда не ладилось у товарища, хотя поначалу не отличался усидчивостью. (Вот он, непостижимый уровень научного партнёрства!) Сейчас разве такого найдёшь? Обещаний на ветер не бросал. А вид у него всегда был самый неказистый, смешной даже. На кузнечика походил.

Не зря мой выбор остановился на Суханове, стойко переносившем муки безденежья. Знаком он был и с теми невыносимыми состояниями, в которых, как ему тогда казалось, только и можно понять о жизни самое главное – с алкоголем и последующим тяжёлым похмельем и бешеным вожделием, отягощённым муками совести. Пропадал парень. Испугалась я, что с его болезненно обострённой чувствительностью доломает-таки его непутёвая жизнь. Не смогла остаться безучастной к его трудной с раннего детства судьбе. И, веря в его творческую индивидуальность, одержимость наукой, клятвенно пообещала себе сделать из него настоящего ученого, потому что, несмотря на массу недостатков, его преимущества были слишком очевидны.

Для начала напомнила, что нельзя вечно ускользать от жизни, надо ведь и делать что-то, особенно если на плечах есть «котелок», который к тому же неплохо варит. Потом ломала голову над тем, как «выбить» и в какой небойкой форме преподнести ему материальную помощь, по детдомовскому стеснительному недоразумению казавшуюся ему оскорбительной.

В необременительной форме поддерживала первые пробы сил, настаивала на его участии в своих экспериментах, ничего не выгадывая для себя (факт поддержки уже сам по себе немаловажный для начинающего аспиранта), не заботясь о своём приоритете, спешила на выручку. Помогала опереться, чтобы не проглядели талант, чтобы не утонул он в океане посредственностей, не затерялся. Зарезервировала ему место в своей группе, застолбила для него отдельный договор, умышленно заставляя распоряжаться самостоятельно, тем самым испытывая. Во всяком случае, как мне теперь кажется, вмешивалась в его дела ровно настолько, насколько это было необходимо, чтобы не позволить ему ошибиться и сломать себе шею. Но взysкивала за ошибки строго.

Зная его несдержанность, советовала поостеречься в словах, чтобы ненароком не сорвал защиту диссертации. Объясняла, что неосторожное высказывание может стоить ему карьеры. И я склоняюсь к мысли, что и тогда он не всегда принимал к сведению и учитывал мои замечания, часто не делился своими соображениями и попадал впросак, потом закипал от злости на себя. В состоянии сильной запальчивости пытался всё бросить. Один раз сбежал, словно под ногами у него горело, потом смущённо и обречённо каялся. Трудно одолевать себя. В этом и была его беда. Но ведь сумел!

Могу сказать без лишней скромности, что я снисходительно прощала ему случайно нанесённые обиды, полагая, что его частые приступы раздражительности могли быть естественным следствием постоянного чувства неуверенности, даже ощущением некоторой неполноценности, сформированной безрадостным детством. Воспринимала насмешки над ним как издевательства над собой.

Некоторые из сотрудников считали, что Суханову предназначено – в силу его какой-то патологической незащищённости, наивности и мнительности – быть козлом отпущения. Ему, естественно, это было не по душе, он не выдерживал несправедливого давления, обидно-снисходительного отношения и, нимало не задумываясь, решительно, как в реку головой, кидался на обидчика и наносил оскорбления действием, по принципу: кто сильнее, тот и прав. За подобные «фокусы» своего строптивого ученика не раз доводилось выслушивать от шефа нарекания. Сам заведующий кафедрой не позволял говорить с аспирантами в уничижительном тоне, всегда стремился отыскать в них хорошие черты, поддержать. Конечно, это совсем не значит, что он закрывал глаза на их недостатки, но считал, что направлять заблудших в нужное русло – дело научных руководителей.

Из поведения Суханова отнюдь не следовало, что он был хулиганом. Воспитанности не

хватало. Её основы должны закладываться в детстве. Взрослому эти азы воспринимать много трудней: ломать себя приходится. Вот и ходила за ним первое время буквально по пятам, в уши надоедливо жужжала. Каюсь, было такое. А что поделаешь? Слишком сырой был материал.

Постепенно приучала Алексея к мысли, что он талантлив, что обладает смелым, нешаблонным умом, ничем не ограничивала его в плане научных идей. Случалось, из-за своего болезненного чувства долга изводила его нравоучениями, помогая избавляться от вредных черт характера. Он тогда ещё неспособен был осознать, как много я для него делала, поэтому горячился, перебарщивал, считал мои воспитательные беседы совершенно бессмысленными. Утверждал, что ему достаточно намекнуть или хотя бы подсказать, а не вдалбливать. Позже он в этом мне сам честно признался. Покаялся, так сказать.

Я ценила его яркую научную индивидуальность, ювелирную точность экспериментов, и именно это давало мне право иногда быть с ним очень даже не строгой. С доброй радостью следила за его успехами, не скупилась на похвалы, надеялась, что заткнет за пояс многих. Внушала: выше цель – интереснее жизнь. И со временем он вписался в команду моих аспирантов, стал украшением нашего маленького коллектива. А сколько было радости, когда мы с ним «запустили» в жизнь его первый проект!

Результат не заставил себя ждать. Мои усилия стали приносить плоды: он пошёл в гору, обставил однокурсников, первый из них защитился. Долго ходил в состоянии ликования и радостной приподнятости. Был в восторге от своего успеха, смущался от внимания. Но в нём не было самодовольства. Он был так мил в своём искреннем счастье. «Прочь сомнения, я настоящий, признанный ученый. Я ещё многое смогу», – ликовало его сердце. Во всяком случае, не возгордился непомерно, как, скажем, некоторые, с честью вынес испытание медными трубами. А ведь всё в его жизни могло сложиться иначе.

И я постепенно утрачивала свою власть над ним, как над быстро повзрослевшим ребенком. Сколько у меня было таких орлят? На руках пальцев уже не хватает для счета. И это тоже счастье. «Держайте, мальчики и девочки, у кого в душах не угасает жажда творчества, желание идти за своею звездой», – говорила я им, когда меня «тянуло на лирику». Бывало и такое. (Из технарей иногда неплохие поэты получаются).

А кто научил не распыляться, сдавать проекты заказчику в лучшем виде, в надлежащей упаковке и объяснять так, словно и сам веришь в их идеальность? Ведь встречи с клиентами сопровождаются всеми обязательными и необязательными формальностями, тонкостями, в которых надо уметь разбираться. А кто надоумил заняться новыми технологиями? Сейчас, возможно, ему это видится не так. И даже приступив к самостоятельной работе, он не раз оказывался в неоплатном долгу.

...Нахватался знаний и забыл? И ты, Брут?.. Впрочем, этого я, пожалуй, о нём не сказала бы. И всё же... Теперь, когда защитился, когда достиг потолка своих притязаний – больше ничего от меня не надо? Не торопись поворачиваться спиной к тем, кто помогал тебе подняться. Конечно, успешной защитой твой долг оплачен сполна. Долга-то, собственно, и не было. Моя душа пела. С чем мне ещё придётся столкнуться? Но ведь не предаст же в трудную минуту?

Теперь на коне, уверенный... Хотя не очень. Он, конечно, не подарок, но, несмотря на грубоватую решительность, в его голосе по-прежнему слышится тайная тревога... У него, как ни странно, до сих пор удивительно детская улыбка. И эти усталые, близорукие глаза под круглыми, очень толстыми линзами очков часто бывают наивными. Что-то в них непоправимо печальное, иногда жутко трагичное, скорбное. Детдомовское наследие всё ещё выпирает из него? Справедливости ради скажу: болезненно реагирует на всё. Это отчасти его положительная черта. Замотанный, задёрганный, закрученный... Сколько раз просила – не загоняй себя в тупик. Но оправдывала: не исключено, что такова сила обстоятельств, а он – жертва.

«Откуда во мне сочувствие к детдомовскому мальчишке? Сама там жила не год, не два...

Бабушка никогда не понимала людского эгоизма. И у матери, несмотря ни на что, до последнего сохранялась потребность помочь, и сознание того, что она не может сделать

что-то доброе, было ей обидно и оскорбительно. Такая вот порода. А отец, его дезертирство из семьи? Он для меня всегда был как приговорённый за преступление, незримый,

отъединённый всем своим существом... Вспоминаю о нём редко, болезненно, но помню постоянно и безрадостно», – отвлеклась на собственную давнюю боль Елена Георгиевна.

А в своём сочувствии к бывшему ученику она дошла до того, что совсем забыла, что в данный момент они находятся по разные стороны баррикад, что она уже не может смотреть на него прежними глазами. Каждый должен сам вытаскивать себя из беды. И нечего лелеять мечту, будто кто-то кому-то что-то должен. Но грустно-материнское чувство опять шевельнулось в сердце Елены Георгиевны, натолкнуло на жалость к Суханову, и она продолжила копаться в своих ощущениях:

«Вернулась с небес на грешную землю? Сочувствовать – не значит оправдывать. Боюсь ошибиться, но всё же молчаливые мужчины более ответственные. Власов, Иванов и Комов тоже довольствуются примитивными договорами, но справляются с «бесплатной» наукой, не тяготеют нагрузками, не ноют, не пускают пыль в глаза. Работают на будущее».

Елена Георгиевна отвлеклась от своего внутреннего созерцания, устало повела затёкшими плечами и прислушалась. В этот момент секретарь попыталась вставить слово в защиту своего любимчика, на что получила в ответ от Ивана Петровича резкое:

– Извольте печься о себе!

Та, естественно, обиженно надулась.

Инна не упустила случая быстрым шепотком, с плохо скрываемой завистью, продемонстрировать Елене Георгиевне свои познания о личной жизни шефа. Она делилась ими со свойственной только ей обезоруживающей искренностью и какой-то детской радостью. И не факт, что дьявол провоцирует её на подобные поступки. Кто и что инициирует в ней её откровенность – не важно, главное, что она в ней всегда «впереди планеты всей».

– Отвлекись, Елена. Обрати внимание, старушка втиснула себя в джинсы, увешалась косметическими цацками и думает, что этот эффектный молодёжный прикид придаёт ей особый шарм. И ещё говорит о своём прирождённом вкусе! Как бы она ни декорировалась причёсками и бижутерией – между прочим, привилегией девчонок, а не дам, – она моложе не становится. Воображает – по её собственному признанию, – что все просто тащатся от неё. Распирает её от гордости. Подумаешь, фифа какая! От моих «комплиментов» её спасает свойственный ей вульгарный напор тигрицы. Не хочу с ней связываться. Она который уж год обмирает по шефу. Поговаривают даже, что он дескать... что она из ревности... что они... диву даюсь... Эти события полностью убедили меня в том... – Чтобы не рассмеяться, Инна прикрыла ладонью рот. – ...Она тем самым цинично обнажила их личные взаимоотношения. Он задел её старые сердечные раны...

Эта тирада была последней каплей, переполнившей чашу терпения Елены Георгиевны. Она, понизив голос до конфиденциального шёпота, резко остановила несносную подругу.

– Прекрати! Достала! С фонарём стояла? Отдаёшь отчет своим словам? Это же грубое вторжение в личную жизнь! Тебя послушать, так создаётся впечатление, что рядом нет ни одного порядочного человека. Сплетни о частной жизни сотрудников меня не интересуют. Тебе – в чём я нимало не сомневаюсь – очень хочется чем-либо выделиться... да нечем, – резко закончила она, явно оскорбляя подругу. И ещё пожаловала её таким презрительным взглядом, что не только Инна, но и вся группа вжалась в стулья. Другого способа остановить Инну на тот момент Елена Георгиевна не видела.

Из чувства деликатности Лиля, молодая подопечная Елены Георгиевны, в эту минуту старалась не смотреть на Инну и всеми силами делала вид, будто ничего не случилось и

она ровным счетом ничего не видела и не слышала. Елена Георгиевна нервно махнула рукой и отвернулась. Ей было неприятно своё собственное раздражение, хотя замечание она сделала для пользы подруги, чтобы другие её не осмеивали. «Сплетни всегда безнаказанно гуляли по земле. Да, не лучшее свойство человеческой натуры», – философски рассуждала она, нервно барабанила кончиками пальцев по мягкой крышке папки с документами.

Инна понимала, что надолго её всё равно не хватит, но больше не обронила ни полслова на свою излюбленную тему о секретарше. И это притом, что ещё свежи были в её памяти утренние лживые слова той, про то, будто бы она, Инна, до сорока лет гуляла напропалую, а теперь взялась проповедовать нравственность и бичевать пороки. «Разве три неудачных брака характеризуют меня как порочную женщину? Скорее, как несчастную», – безрадостно и обидчиво подумала она. И, как всегда, успокоилась мыслью о людской зависти.

Неожиданно Галкин, очень молодой и не в меру и не ко времени активный инженер, вылез со своей идеей, и только раздражил своего руководителя. Суханов влёт пресёк его попытку вмешаться:

– То-то и оно, что теоретически возможно, а не практически. Не лезь не в своё дело. Это за пределами твоей компетенции. Ты ещё не способен проникнуть в ситуацию и прояснить вопрос. Делать каверзы – испытанный способ сутяг. Иди ты к вышеупомянутой бабушке!

– Что? – обиженно воскликнул Галкин и даже привскочил на стуле. Его переборёжило от грубости ведущего специалиста. Он растерянно пригнулся, и его нескладная фигура потерялась в широком, похожем, отцовском пиджаке.

– Суханов, по себе не суди, – сердито буркнула Инна. Она сделала попытку защитить молодого специалиста, потому что ей надо было на кого-то выплеснуть излишек скопившихся эмоций.

– Вот и Николай Васильевич Гоголь тоже говаривал: «Скор человек на слово», – вздохнув, по-своему защитила Елена Георгиевна молодого, неотесанного, ещё не отформатированного жизнью коллегу, которого, вне всякого сомнения, считала человеком прекрасных технических способностей.

– Ведите дискуссию в рамках приличия, выбирайте выражения, измените тональность, вы сегодня непозволительно грубы, – деловито осадил Суханова Иван Петрович, ничем не выдавая кипевший в нём гнев, – подкрепляйте свои заявления серьёзными доводами, вескими аргументами. Не валите всё в кучу. Кому нужен этот нескончаемый спор? Ваши слова недостойны серьёзного опровержения. Я бы даже больше сказал, если бы не боялся обидеть вас. Наплели с три короба, а где дельные предложения, имеющие первостепенное значение? Напрягите воображение и постарайтесь уложиться в две минуты.

Суханов насторожился. Его неприятно задела непривычная сухость тона шефа.

– Вы знаете, на меня можно положиться, но я не могу позволить заговаривать себе зубы и делать из себя бессловесное вьючное животное. Случай с Ивоновым из ряда вон выходящий. Вот пусть он сам его и расхлёбывает. Ему на пользу пойдет такая практика, другой раз умнее будет. Учить надо не словами, а делами. Порочная практика – заставлять других исправлять ошибки, – оправившись от нападков шефа за произнесённую им впопыхах недостойную мужчины фразу, бойко, с героической решимостью выступил Суханов.

Он говорил громче и агрессивнее, чем, может быть, следовало в данной ситуации.

Мысли Елены Георгиевны под влиянием слов её бывшего ученика получили другое направление.

«Ещё одна твоя ошибка, Суханов. С «политикой» у тебя всё ещё слабовато. Эмоции преобладают, превозмогают логику. Думаешь, правду-матку режешь, а сам просто

хамишь шефу, хорошему человеку. Забыл, на кого нападаешь? Бьешь по руке, тебя кормящей. Сколько раз учила: не трогай блатных, коли не по Тришке кафтан, не плюй против ветра. Уж не мальчик, пора бы не делать ляпов и промашек. Осторожнее надо быть. Судя по тону, можно подумать, что разговариваешь не с начальником, а с подчинённым. У меня возникли некоторые опасения на твой счет: зам ведь может и припомнить в недобрый час твои «перлы», лучше бы ты не давал ему повода. Придётся после собрания поговорить с тобой, за что имеет смысл бросаться на амбразуру, а за что не стоит.

...Его обругали, а он хоть бы хны. Никакой реакции. С мрачным упорством продолжает стоять на своем, дальше грубо свою линию гнет, отыскивая всё новые и новые защитные доводы, – досадует Елена Георгиевна. – Всё же в разговорной борьбе есть что-то мелочное, не мужское, хотя, конечно, многое зависит от интеллекта и интеллигентности спорщиков. Кто-то хорошо сказал, что «в споре истина не рождается, а закапывается».

Не дает мне покоя мысль, почему Алексей упорно не смотрит в мою сторону?.. Так, теперь виновато глядит, глазами побитой собаки. А в ответ на мой требовательный взгляд – неуверенно отвел глаза. Только ли потому, что стыдно ему за свою несдержанность? Понимает, что, отбиваясь от договора, сбрасывает его на меня?».

Елена Георгиевна мучительно осознает всю возложенную на неё ответственность за группу, и поэтому идея взять на себя проект нравится ей всё меньше и меньше, по мере того, как от него отказываются мужчины их отдела. «Каждый свою песню поёт, на тот мотив, который лучше знает, а припев у всех один и тот же: «не хочу и не буду», – грустит она, чувствуя, куда реально клонится дискуссия. – Тянет шеф, закручивает интригу, кульминацию готовит. Неужели никто не клюнет на его предложение? Есть от чего прийти в замешательство. Если не Суханов, тогда кто? Кого предложат на этот раз? Не исключено, конечно, что на мне всё замкнётся. Интересно, я с самого начала была ключевой фигурой их плана или это мои домыслы? Стоит ли влезать в это дело? Деньги. С ними опять напряг. Они теперь волнуют не в последнюю очередь. И, как подсказывает мне мой опыт, такой аргумент, как деньги, является во многих случаях жизни наиболее убедительным и для членов моей группы.

Опять я? Некому больше. Не станет шеф трогать тех, с кем не сможет тягаться с открытым забралом. К тому же такое положение дел устроило бы всех как нельзя лучше. И волки сыты, и овцы целы. То бишь, конкурентам нос утерли. Нет, не зря Суханов дистанцируется и делает всё возможное, чтобы добиться решения вопроса в свою пользу. Изюм всех сил противится. «Вдохновлённый» нерадужной перспективой, с удвоенным рвением отбивается.

Не поднять ему тему? Вряд ли такие слова справедливы по отношению к моему ученику. Я вынуждена заявить – жалкая уловка. Прибегает к испытанному способу. Постыдился бы говорить такое! Не следует так унижительно говорить о себе. Создает впечатление, что не чувствует он угрызений совести, что все способы ему хороши?

Не избежать мне решительного разговора с шефом? А что это даст? Не советские времена... Пожалуй, только осложнит наши отношения с его заместителем. Он один из самых хитрых мерзавцев, с какими я когда-либо имела дело. В таких делах спорить с ним бесполезно. Сочту за лучшее не связываться. К тому же я привыкла защищать честь мундира и, если уклонюсь от участия в проекте, авторитет мой будет частично потерян. Действуя импульсивно, можно взорвать всё, что было наработано годами. Слишком много ставится на карту, чтобы позволить себе рисковать. Надо благоразумно удерживать завоёванные ранее позиции. Крайне щекотливая ситуация, даже прескверная.

Если уж на то пошло, лучше увильнуть от ссоры и на коне въехать туда, куда всё равно могут затолкать под давлением. Первым делом надо по собственному почину взять договор, и тогда неизвестно ещё, кто кого оставит в дураках. Здесь главное – не дать опередить себя. А пока не подам виду, что догадываюсь об их планах, чуть позже проявлю инициативу... Ведь не исчерпала ещё себя. Развлекусь, в своих и чужих глазах наличие достоинства разыграю: вот, мол, я какая! Снизошла! Как бы ни казалось велико искушение обоих вариантов, в схватке тщеславия и осторожности последнее у меня всегда берет верх.

Конечно, я не в восторге от своей идеи, но лучшей пока нет. Надо выждать, проследить, откуда ветер подует и что принесёт. Будучи не в силах повлиять на его ход, я вынуждена молча наблюдать за происходящим, ибо того требует ситуация. А так хочется взбунтоваться! Несомненно, нашла бы для зама много «тёплых», ну очень «тёплых» слов».

А Суханов, желая произвести впечатление замученного труженика, продолжал, ошестившись:

- Я знаю, каковы реальные возможности моей группы. Но это не пара пустяков, разобраться и переделывать чужое. Легче заново разработать тему.

- За чем дело стало! Попутного ветра в новых начинаниях. Флаг вам в руки. Что попусту размусоливать - вперёд и с песней! Покажите, на что вы способны, чего стоите. Вам предоставляется уникальная возможность отстоять свой тезис, оттачивая способности на оселке нового опыта. Есть силы и возможности, что ещё надо? Для эмоций здесь места не должно быть. Возьмите на себя труд помочь товарищу. Что? Лишились значительной доли своей самоуверенности? - бесцеремонно съехидничала Инна, являя собой в этот момент (после нагоняя) смесь неуверенности и легкой развязности. Похоже, она совсем забыла, что Суханов любимый ученик Елены Георгиевны.

- Светлая голова! - радостно поддержала её Лиля, до этого скромно прятаясь за спины мужчин.

Боясь показаться в невыгодном свете, она обычно помалкивала, а тут с готовностью и азартом поддержала Инну, не обратив внимания на вмиг осевшее и посеревшее лицо Суханова. Её звонкий голос перекрыл все остальные и по залу пронесся шутливо-одобрительный гул. Ситуация накалялась.

- Оставьте иронию. Она здесь лишняя. Я никоим образом не могу присоединиться к подобному предложению. Проехали, неуместный выпад! - взорвался Суханов, закрутившись волчком и выискивая глазами наглеца - в данном случае юную девушку, которая была ему безразлична, но для него недоступна.

Конечно, он немедленно и безошибочно нашёл её. Она сидела, смущённая своей неожиданной смелостью, и лицо её, как наливное яблочко, алело в красно-оранжевых объёмах воротника недавно ею связанного свитера. Непостижимо, как она ещё умудряется экономить и выжимать из своих крох средства на наряды? Молодая. Приоритеты другие.

- Не заговаривай сейчас с ним ни под каким видом, - грозным шёпотом, по только ей понятной причине, остерегла девушку Инна.

- Товарищи! Не на базаре. Регламент, - надменно одернул всех Владимир Григорьевич.

Женщины притихли. Инна, всеми силами борясь с непреодолимым желанием высказаться, украдкой взглянула на Елену Георгиевну.

- Я стараюсь привлечь вас к серьёзным проблемам, сосредотачиваю внимание на возможных результатах, провожу аналогии между разного рода вариантами, пытаюсь достучаться до ваших сердец. Но вижу, что наше заседание начинает походить на публичное разбирательство семейной ссоры. Суханов, ваше заявление вызывает массу вопросов и сомнений, ваши примеры не показались мне убедительными, - сказал Иван Петрович и, желая прекратить царивший в зале хаос, энергично взмахнул рукой.

- Доказывая истину, мы должны быть точны, кратки и просты, - опять подал голос Владимир Григорьевич, демонстрируя при этом холодное, бесстрастное спокойствие.

«Был бы он лет на двадцать старше, о нём можно было бы сказать, что на его лице торжественное сознание собственной значительности сочетается с бездонным глубокомыслием», - подумала, криво усмехаясь, Елена Георгиевна.

Сила и острота аргументов ослабла, но Суханов всё равно продолжал упорствовать. Не владея искусством склонять людей на свою сторону и не обладая даром оратора, он

попытался обосновать свои возражения, налегая на математику. Он неистово отбивался, используя цифры, указывая на свою неспособность к скоропалительным решениям, утверждал, что важность его работы не идёт ни в какие сравнения с горячей темой Ивонова. Но при существующем положении дел этот довод не оказал сколько-нибудь заметного воздействия на слушателей.

Дилемма оставалась неразрешённой. Фонтаном пенились цифры, скороговоркой вылетали слова, фразы. Очумевший, истерзанный, ищущий взглядом одобрения своих слов со стороны коллег и разочарованный в своих ожиданиях, Суханов опять срывался, петухом насканивал на оппонентов. Он не выражал желания соглашаться и всё ещё готов был схватиться с любым противником. А когда почувствовал, что наконец произвел впечатление, постепенно обуздал свой гнев и счел возможным закончить монолог.

Елену Георгиевну, понятное дело, его объяснение не удовлетворило, не прониклась она доводами. И, тем не менее, после краткого обмена репликами выяснилось, что, хотя Суханов давно выдохся, его кандидатура как бы сама собой отпала, рассосалась, никем не опровергнутая и не поддержанная. И всё потому, что этот вопрос был абсолютно безразличен всем, кроме тех, на кого могли повесить договор.

«И этот вариант провалился. Лишнее подтверждение моей правоты. Шеф играет. Если откровенно признаться, то до того момента, как все стали увёртываться от предложения, я достаточно спокойно относилась к возможности взять на себя пресловутый договор, – какая-никакая, но всё-таки подработка, – а теперь моё беспокойство возросло пропорционально количеству отказов. Приятно и интересно наблюдать человеческую природу, но совсем не хочется быть следствием в проявлении слабых сторон своих коллег», – вздохнула Елена Георгиевна. Улыбка на лице, и без того еле заметная, окончательно погасла, а в уголках её губ притаилась легкая грустинка безысходности.

– Так, подбьём итоги. Что же мы имеем с гуся? Какое решение примем по нашему основному вопросу? Плохо или хорошо, но довести его до логического завершения надо бы, – раздумчиво, словно для себя, произнёс Иван Петрович и громко добавил: – Попрошу высказываться.

Слова шефа не вызвали в коллективе прилива энтузиазма. Все дружно опустили глаза: и те, кто не был лично заинтересован в исходе дела, и тем более те, на кого мог упасть острый глаз зама.

– В демократию играет, – буркнула Инна как-то нехотя, хотя обычно находила удовольствие в своём несогласии с кем-либо. Видно, её всерьёз обеспокоила проблема с преемственностью провального договора.

Иван Петрович и Владимир Григорьевич направились к двери потолковать наедине. Посовещаться решили. Заседание затягивалось. Елена Георгиевна на время отсутствия начальства пересела к Кире. А Лиля с Инной еле слышно зашептались. Лилия сказала:

– Чувствую, серьёзно озаботилось руководство темой Ивонова во всех его аспектах. Наверное, не ожидали столь решительного противодействия. Не предполагали заранее, что такое может произойти? Их задача сделать всё, чтобы не вызвать нежелательных осложнений с заказчиком. А шеф наш мне кажется мнительным. Или дела хуже некуда?

– Плохи дела? Это ещё бабушка надвое сказала. Всё утрясется, если Елена Георгиевна согласится вытащить их из болота, – ответила ей Инна.

– Я её ещё мало знаю, но вижу, толковая тетка. Даже талантливая, не побоюсь этого слова. Как-то попросила у неё совета по проекту, так она на раз два варианта выдала. Едкость и та у неё талантливая, обижаться невозможно. Дотошная в хорошем смысле, любит докапываться до истины, доводя задачу до логического конца. Всё всегда у неё продумано до мелочей, всё безупречно, аргументировано продавливает своё решение, мягко, тонко доказывает правоту. Просто диву даюсь, как ловко у неё всё получается. Выражает сентенции, которые в дальнейших объяснениях не нуждаются. Всегда бьет в точку, что ни скажет – всё в тему. Стратег! В своём деле она бог!

Я восхищаюсь её правотой. К тому же предусмотрительная, на рожон не лезет. Не

тщеславна, не честолюбива (может, это и плохо?) никому не доказывает своей значительности, ни в ком не ищет этому подтверждения. Отторгает даже мелкие проявления похвалы. Много положительного в ней я открыла для себя за год работы. Сказать откровенно, не вижу здесь ей равной. Порой мне кажется, что она понимает людей на уровне мистического проникновения в их души. Это чисто женское, тонкое, глубокое, но, думаю, редкое свойство, – одобрительно высказалась Лиля.

– Стоящее замечание. Но я бы не стала привлекать сюда мистические или потусторонние силы. В этом мы с тобой расходимся. Это дань моде? Сдается мне, ты влюбилась в Елену, – ревнивым шепотом отозвалась Инна. – Её достоинства, конечно, несомненны, и научные фразы её отточенные, выверенные, и жизненная энергия в ней необыкновенная, только не обошлось тут без старика Фрейда. Без мужика мозги её не застаиваются, даже заостряются. Работой гасит в себе вождение.

Как ни парадоксально, но именно из-за своего ума она не вышла замуж. Боятся мужчины умных, самостоятельных женщин. Не тем она руководствуется, оценивая мужчин. Ей, видите ли, интеллектуального мужа подавай, чтобы для души. Такие на дороге не валяются, их крепко в руках держат те, кто заранее побеспокоился. Мне кажется, было бы лучше, если бы она гораздо проще смотрела на многое вещи. Жить-то надо, да было бы с кем.... – съехидничала Инна в адрес никчёмных мужчин. (*Слышала бы её Лена!*)

Лиля смущённо подумала: «Опять всё по-своему истолковала. И на мужчин зря наговаривает». А вслух пробурчала:

– Ну, кому нечего заострять...

Инна усмехнулась:

– Елена по-женски мягкая, но за внешней пушистостью в ней угадывается жёсткий характер. Я восхищаюсь её волей, равно как и решительностью. Её держит в тунусе природный оптимизм – закон необходимости ежедневной радости. К тому же ей доставляет удовольствие убеждаться в том, что она почти всегда оказывается права. Хотя, конечно, порой принимает чужие советы, но настолько, насколько сочтет нужным в каждом соответствующем случае – в большей, меньшей или вовсе в никакой степени, в зависимости от обстоятельств или просто от собственного мнения, всегда в высшей мере независимого. Вот такой это по воле судеб ладно скроенный человек. Мне так кажется.

А Лиля добавила:

– Я хочу обратить твое внимание на одну деталь: при всей видимой простоватости, она гениальная тетка, но отказывать не умеет. Она слишком добра, чтобы быть хитрой, вот и ездят на ней. Как пить дать, припашет её шеф и нас за компанию. Согласись, я права?

– Приоткрою тебе тайну. Елена не так проста, как с первого раза кажется, но ты права: слишком добра и совестлива. Сама многое тянет, потому что сильна как учёный-одиночка, но за своих подчинённых умеет постоять, не бросает на произвол судьбы, как некоторые – не будем указывать на них пальцем, – помогает удержаться на плаву. В ней постоянно горит пыл борца за социальную справедливость. Не бойся, если возьмет проект, внакладе не останешься. Отвоюет нам положенное вознаграждение. Не отстанет от шефа, пока не добьется своего. Сама она непритязательна и, прежде всего, верный друг. Она всегда берет на себя то, что многие современные мужчины не способны взять.

Елена слишком близко принимает к сердцу все тонкости и нюансы. Её глубоко огорчает малейшая неудача. Это ей как руководителю мешает, но в некоторой степени и оправдывает её излишнюю мягкость и нерешительность. Трудно ей живётся с таким характером. Но это её выбор.

Лиля недовольно заметила:

– Не стану тебя переубеждать, но считаю: нормальный у неё характер. Иронизируя над своими заслугами, она защищает себя от самодовольства. Я восхищаюсь тонкой иронией, которая сквозит в её разговорах с начальством. К тому же умеет спустить на тормозах любую негативную проблему, затушевать скандал. Говорят, за много лет работы в нашей группе не было ни одного конфликта, и это притом, что коллектив у нас женский. Такое

нечасто встретишь.

- Почему у нас в группе нет мужчин? Елена Георгиевна боится их? - Это, прислушавшись к словам Лили, спросила молоденькая лаборантка Ирина.

- Ни мужчин, ни конкуренции Елена не боится. - Инна опять подчеркнула свою близость к начальнице. - И мужское хамство перед ней пасует. Тут другое. Мужчины ведь как - их учишь, пестуешь, а они чуть оперятся и сразу в дамки стремятся, даже если не заслуживают того. Сколько их таких птенцов улетело из нашего гнезда! А ещё они, как правило, одеяло на себя тянут, не беря в расчет интересы других. Были и откровенные лодыри и негодяи, пытавшиеся без зазрения совести нас эксплуатировать. Так не прижились, Елена их быстро наладила из группы, - объяснила Инна. - Она считает, что женщины трудолюбивее, надежнее и порядочнее.

Ирина, тебе надо внимательнее относиться к её советам. В жизни не так часто встречаются люди, способные и желающие искренне и существенно помочь ближнему. Безразличных особей больше. К тому же когда учит, она не издевается, не пытается унижить, оскорбить, как это зачастую любят делать мужчины, подчеркивая своё превосходство. Терпеливая. Не подминает, не обстругивает под себя, индивидуальность ценит.

Сомнения

А у Елены Георгиевны беспокойные мысли в голове бродят. «Ещё двоих поднимал шеф на «эшафот» и всё с тем же успехом. Не могу избавиться от ощущения, что я с самого начала правильно разгадала приём шефа. Судя по многим, совершенно неоспоримым симптомам, дальше речь пойдёт о моей кандидатуре. Кто это сказал, что долго давить на мужчин нельзя, а то взорвутся? А на женщин можно! К сожалению, мужчины иногда обладают возможностями, в которых женщинам зачастую отказано... где по объективным, где по субъективным причинам. И трудно судить, в каких случаях это справедливо, в каких нет. Но ещё сложнее женщине доказывать своё неоспоримое превосходство. Жизнь такова, какова она есть.

Брать тему? А что остаётся? Удручает одно обстоятельство: во всех решениях шефа чувствуется незаметная, но железная рука расчётливого, независимого заместителя. У Владимира Григорьевича короткая память на чужие заслуги и достижения, он не помнит оказанную ему помощь. Его тактику я давно разгадала. Он умеет в случае необходимости выдвинуть против каждого из нас любые обвинения и, пользуясь пассивностью большинства, под благовидным предлогом избавиться от неугодного ему, а вот чтобы вызволить кого-то из беды – и пальцем не пошевелит.

Почему меня раздражают сомнения? Мой отказ будет ему только на руку? Не стоит рисковать без особой нужды. Крайности ещё никого никогда не приводили к добру. Шеф как-то горько обмолвился при мне: «Всё, что делается в отделе хорошего, зам приписывает себе, что не удаётся – на меня вешает. Он способен воздействовать на коллектив в гораздо большей степени, чем ты можешь допустить». Гнуснейший тип. Крепко сел шефу на хвост. Если соглашусь, то и моё поведение он примет как должное.

Может, бросить вызов, стукнуть кулаком по столу и избавиться себя от лишних хлопот? Хотя раз сделать лучше лично для себя, а не для отдела. Главное – склонить на свою сторону шефа. После этого у остальных уже не будет выбора. Может, поддержит, не останется в стороне? Ведь не сможет он уйти и отсидеться за стенами своего кабинета. Хотя вряд ли нам удастся поладить в этом деле, не будет он обрадован такому повороту сюжета, не придёт к нему по душе. В силу зависимости от зама он не решится выступить против него, не станет противостоять ему, – пришла к горькому для себя выводу Елена Георгиевна. – А без шефа трудно будет убедить аудиторию и получить преимущество. Нет, не зря шеф остановил свой выбор на мне. Верит, надеется. Нельзя его подводить.

А вдруг зам не захочет остаться в одиночестве и присоединит свой голос, чтобы заслужить расположение людей? Нет, не нуждается он в нём! Он даже свои неудачи умеет обратить себе на пользу. Нет, не ошибаюсь я – зам самое серьёзное препятствие на пути моего отказа.

Что же предпринять? Взять тему или не взять? На одной чаше весов мои амбиции, на другой руководимые мной люди. Нельзя подводить коллектив. Надо дать им заработать. И премию выбью. Это моя сильная сторона. Согласие – мой бонус на будущее. Ох уж эти мне этические идеалы шестидесятых – патологическое желание добра всем людям, кроме себя, болезненное пристрастие к неудачникам. А теперь... Поможешь, и они же отомстят, ответив чёрной неблагодарностью. Уже случилось такое. Не в чести теперь взаимопомощь и порядочность. Но только не шеф.

Почему я никогда ни к кому не питала настоящей яростной ненависти? Злиться случалось, конечно, вынуждали. Чувство гордости, трудолюбия, обязательности вколачивались в мою голову с детства, вот и сидят они внутри меня, и грызут, и погоняют. Правда, теперь мой внутренний голос в этом плане звучит далеко не всегда уверенно. И в группе всё чаще раздаются голоса: «Вам больше всех надо? Зачем завистников плодить? На нас трудно равняться, но им же не хочется на нашем фоне хуже выглядеть, но и вкалывать, как мы тоже не хотят. Вот вам и конфликт».

А эта вечная подсознательная неудовлетворённость собой... Она очень сильно снижает самооценку. Ситуация в стране меняется быстро, а я медленно перестраиваюсь? При таком настрое коллектива главная трудность состоит в том, чтобы спокойно уговорить людей не бунтовать, а задуматься над перспективами. Сейчас откажетесь вы, потом откажут вам. Вот и вся механика.

Уступить настойчивым просьбам совести, согласиться? Была не была! Чёрт возьми, корона с головы не свалится, если выполню работу Ивонова. Докажу свою лояльность и что не исчерпала свои возможности, а это где-нибудь положительно скажется. Шеф лишний договор подкинет в трудную минуту».

Елена Георгиевна приблизительно, без сметы и калькуляции стала в уме подсчитывать выгоды, которые сулила ей новая работа.

«Вот это-то и смущает: подработка получается не очень денежная. Но ведь кому-то миллионы, а для кого и сто рублей деньги. «Съел» большую часть гонорара незадачливый предшественник. А лучше, чтобы расходы пришлись пополам. Да и поставщик приборов и материалов семь шкур сдерёт, оберёт дочиста. И чиновники не преминут на этом деле погреть руки, наверняка поспешат попользоваться бюджетными деньгами, ведь не секрет, что с каждого договора отстёгивать приходится. Умопомрачительная бухгалтерия. Форменное безобразие! Что тешиться самообманом – нам опять крохи останутся.

Как шеф раньше говорил: «Надо работать ради сокровенных минут созидания». Только не теперь, на голодный желудок. За народ пострадать не обидно, а тут из-за чиновников беды принимать приходится. Задыхаемся от махрового бюрократизма.

А эта странная эквилибристика цен, её жуткие, искусственно взвинченные скачки. Докатились и до нас последствия бездумной или... очень обдуманной приватизации. Как бы не промахнуться с зарплатой, – чувствуя себя в эти минуты противно незащитной, с какой-то беспросветной горечью мысленно рассуждает Елена Георгиевна. – А где время взять на эту работу? Оно и так сжато донельзя. Остаются выходные и ночи».

По мере рассуждений у Елены Георгиевны возникали разнообразные «но», и неуверенность мешала ей чётко определиться с решением.

«Как бы там ни было, а я уже приготовилась принять работу над чужим проектом как неизбежное, выкинула внутри себя белый флаг капитуляции. Всё-таки я некоторым образом осторожный (или, вернее, настороженный) романтик, если берусь за такие дела. Романтика ведь из души вырастает. Что я не циник и не прагматик – это уж точно. Может, с возрастом стала разочарованным романтиком? Такой романтизм гроша ломаного не стоит. Нет, теперь идеалистом и романтиком быть не только глупо, но и опасно. Можно оказаться в постыдной роли человека, которого водят за нос, да ещё всем показывают, тычут пальцем... Похоже, я на пути к исправлению.

Смешно сказать: до сих пор в себе не разобралась. А что будет, если я возьму на себя смелость сменить политику и отклоню предложение, отвечу шефу несогласием и погляжу, чья возьмет? Чем чёрт не шутит, а вдруг получится что-нибудь интересное? Ведь дело не в моем тщеславии. Какая-то есть несуразность в моем положении, в моей неуверенности. Вроде не глупая и энергии хоть отбавляй, а вот, поди ж ты, всё дается с трудом, с боем, с натугой. Понимаю – мало знать факты, надо уметь устанавливать их связи, выстраивать цепочки взаимодействий. И этому вроде бы научилась.

Нет во мне лёгкости отношения к жизни. Не умею я украсить её, как Анна Аркадьевна. Она и замуж с тремя детьми умудрилась выйти за прекрасного человека, и докторскую диссертацию защитила. Сейчас вместе растят пятерых детей. И вроде бы ничего особенного в ней нет. Как насадка хлопочет. Но какая милая насадка! Допоздна около своей установки возится, а потом берет авоську, бидончик, и не спеша идет в гастроном. Со стороны глянешь – и в голову не придет, что она профессор. Простая, без гонора и апломба. И как ей удаётся решать проблемы с руководством? Может, муж у них... основной игрок?»

На какой-то миг затея побороться с руководством пришлась Елене Георгиевне по душе. А, попытка не пытка! Но она тут же «зависла» и мысленно обругала себя. «Какой серьёзный предлог придумать для отказа? Шаткая позиция, не перемудрить бы. Безудержный оптимизм здесь неуместен. Конфронтация с начальством по мелким вопросам – обычное дело, и относиться к ней надо спокойно. А вот в крупных делах... И всё же, какие средства давления остались в их распоряжении? Вероятнее всего, только обязать, не мытьём, так катаньем заставить. Стоит ли противиться? Как я буду выглядеть в такой ситуации?

Соблазн отказаться велик. А с другой стороны, он таит в себе опасность. Что перевесит? Игра стоит свеч? Разве удачный для этого выпал момент? Вот она, пища для размышлений! Случай представляет особый интерес? Нет. Не стоит искушать судьбу. Немедленно отказываюсь от экстравагантных намерений! Разочарование – слишком тяжёлое испытание. Скажут, как водится: с чего это она вдруг упёрлась? И что самое обидное, подумают, что не удосужилась пораскинуть мозгами. И отказ зачтётся в минус. А это провал. Меньше всего я хотела бы выглядеть глупо.

Нет, не намерена я сдавать ранее завоёванные позиции. Не про меня этот вариант. И заместителю он на руку – лишний повод поддеть. Только разожгу гнев, а диалога с ним не получится. И без того постоянно ощущаю его недовольство. Такой противник мне не по зубам – крепкий орешек, съест – не подавится. С ним – как по тонкому льду. Всё равно навяжет чужую тему, а потом ещё припомнит возражения. Не доставлю ему удовольствия оттачивать на мне свою разрушительную иронию. Свой горб надёжнее. Мне хватит здравого смысла не связываться с ним. Осторожность всегда была моей отличительной чертой.

Само собой выходит, что не стану я никаких шагов предпринимать в направлении противостояния. Не то время. Зачем упорствовать, продолжая настраивать против себя человека, от которого, к сожалению, слишком многое зависит в работе. Из двух бед выбрать меньшее – такой мой принцип. А может, в этом и есть мой просчет?

Мне проще лавировать. От этого всем ощутимая польза. Возьму проект и гораздо больше очков себе заработаю. Неизвестно, как повернется дело в следующем году, а мне людей кормить. Я за них в ответе. Высовываться себе дороже будет. Этот опыт дался мне нелегко. До перестройки я слишком часто выступала против несправедливости, принижения, восставала даже против всяких гадких мелочей, с которыми приходилось сталкиваться на каждом шагу. Пока нельзя рисковать», – всё ещё пребывая в грустной нерешительности, размышляла Елена Георгиевна, привычно перемалывая в голове кучу информации, рассматривая её со всех сторон, анализируя все «за» и «против» по каждому, казалось бы, несущественному моменту. Решение вызревало постепенно.

Она сознавала свою правоту и уже раскаивалась в своём внезапном порыве поиска справедливости. Жизнь научила её остро ощущать любые отклонения от обычного, подчас почти бессознательно отбрасывать всё несущественное из множества человеческих поступков, из путаных подробностей выбирать, с её точки зрения, самое важное, главное на тот момент, последовательно отсекая всё, что не может иметь значения для данного случая. Это стало её привычкой.

Окончательно утвердившись в своём решении, Елена Георгиевна сразу успокоилась. Мысли перестали метаться, и она целиком ушла в размышления о том, как ей лучше построить разговор с шефом.

Инна

Кире вспомнилось, как в тот вечер заскочила к ним «на огонек» Инна и тоже приняла участие в обсуждении собрания. (Сколько проблем мы успевали мысленно разрешить, сколько полезных идей обдумать, сидя на таких вот ненужных заседаниях!) А потом загрустила, о себе стала рассказывать. Иннин «плач» не вписывался в их с Леной беседу, но тоже тронул и потому задержался в памяти. И теперь одна из картин чётко всплыла перед Кириными глазами.

...Инна сидит непривычно тихо, будто полностью погрузилась в созерцание самой себя, и время для неё остановилось. Её мысли не о работе, они о далекой юности. (С чего бы это?) Утром она получила письмо от Ани, в котором та подробнейшим образом описала свою неожиданную встречу с её бывшим... Вадимом. Вот и всколыхнулось... И стоило ей заскучать на собрании, как она сразу унеслась в прекрасный мир своей первой любви.

...Её глаза полуприкрыты и чуть увлажнены. Уголки губ то взмывают вверх, то, вздрагивая, опускаются с выражением давней печали. Перед глазами колышется туман. Посторонние звуки растаяли. Куда-то далеко-далеко отступило проросшее в душе многолетнее одиночество. Она с головой ушла в сладостные грезы. Её память останавливается только на светлых воспоминаниях. Совсем другим теперь видится ей тот тяжелый год.

«...Был один из тех ничем не примечательных дней, какие обычно тихой вереницей проходят перед взором обыкновенной деревенской девочки, не оставляя в душе ни малейшего следа. Она видит себя в школьном парке... Она из простой семьи, но отмечена изысканной грацией,

изящными жестами и присущей, по мнению многих лишь ей, благородной осанкой, выделяющей её из окружения. И вдруг появился Он и поразил её воображение! Против искушения трудно устоять. Уже через неделю Она медленно и грациозно, с восторгом упоения и умиления танцует с немолодым, красивым, таким удивительно предупредительным и страшно обаятельным мужчиной.

О, это первое, осторожное касание его руки! От него возникли ощущения, о которых Она никогда раньше не знала. Может, они дремали внутри неё в ожидании того, кто разбудит её сердце? Теперь в танце Они касаются друг друга спинами. Она неподражаемо изящна в своём голубом платье с широким поясом, ладно обхватывающем её тонкую фигуру. И Он так красиво себя несет! Потом Он берет её за руку, и они идут и поют: Он – мощным басом, Она – тихим, низким, душевным голосом. Он великолепен! Он не сводит с неё чёрных сумасшедших глаз, а Она такая нежная, искренняя и такая счастливая!

Как прекрасно ничем не омрачённое упоение любовью! Как вольно и радостно любящему сердцу! Она с удовольствием ощущает трепетную вибрацию каждой клеточки своего тела. Она парит от счастья. Он клятвенно заверяет, что полюбил на всю жизнь. Она верит и, предвкушая сладостный миг, представляет себе, как соглашается на их совместную жизнь и видит её сказочной, в полном соответствии со своими мечтами. Как всё быстро случилось! Она не может очнуться от крайнего удивления и восхищения.

...А он с наслаждением размышлял о том, что она оказалась в нужное время в нужном месте, и с удовольствием думал о своих незаурядных внешних данных, мужском обаянии, гордился своей удивительной способностью обольщать. Он красовался! И для убедительности произносил давно заученные и уже отшлифованные частым употреблением иностранные фразы (что он ещё мог ей предложить?) и радовался жизни, привлекательность которой он видел в непредсказуемости и разнообразии. Для него чужие жизни – как прекрасные дворцы из песка на берегу бурного моря. Побывал, насладился, откатил – и снова вперед... с новой волной... (Знала бы она об этом раньше!)

«Как она обворожительно мила! И к тому же сущий маленький чертёнок! Как доверчиво, неуверенно и робко протягивает она к нему свои нежные тонкие полупрозрачные руки!» – думал он.

Любопытствующие взгляды прохожих то и дело натываются на удивительно

романтичную пару. Они тешат его самолюбие. Он потрясен. Он сам не ожидал от неё такой неподдельной искренности.

...Она, бессознательно отдаваясь первому чувству, никого не замечает, кроме него. Она мечтала о чуде, и оно случилось. Он теперь – весь её мир. Он – её планета счастья, а её жизнь – ода радости! Сама судьба бросила её в объятия этого красавца. Ей хочется, чтобы счастье продолжалось бесконечно долго, вечно. Ведь кто-то же сказал очень правильно, что в любви человек приближается к Богу, а духовное единство двух любящих людей переживает состояние вечности. (Она любит эффектные фразы и вообще всё красивое.) И ведь правда, даже когда очень грустно, всё равно бывает хорошо, если любишь. Говорят, будто огромная редкость – способность любить по-настоящему. Это талант! Скупое и редко господь наделяет им людей, будто награждает за что-то или дарит в святые минуты. Ей повезло. Она лелеяла мечту встретить принца и встретила. Она умеет любить, и будет беречь этот свой талант пуще зеницы...

Она верит, что сумеет любить его и больного, и слабого, и неправильного, будет прощать ему всякие мелочи, терпеть трудности. Ведь когда любишь, любая беда проходит быстро. А ещё любовь спасает души и одаривает любящих людей бесконечной нежностью. Когда обожаешь человека больше, чем себя, для него ничего не пожалеешь, только бы он тоже любил. И они, конечно же, всегда будут принадлежать друг другу!

Она отождествляла его с собой.

Ярко запечатлелся в её памяти тот вечер. Пахло близким дождем. Небо над ними подпирало шпиль старинной полуразрушенной церкви, окруженной стройными тополями. Голова кружилась от счастья. Это ощущение усиливалось пьянящими запахами лета. Вечерние звуки гармонично сплетались, создавая невыразимо таинственное настроение – ведь её романтические переживания неотделимы от восхищения природой. Его слова музыкой отдавались в её сердце. В душе разливалась удивительно приятная нега. Это и есть счастье!

Они ушли из клуба, где долго танцевали. В её голове ещё звучали мелодии вальсов. «Вдруг вздрогнула, качнулась и закружилась земля... Млечный путь и луна стали единственными свидетелями их первого поцелуя»... Мощная волна незнакомого восхитительного чувства охватила ее.

...Она почему-то боится и стесняется своего яркого чувства, своего порыва, но льнет к нему и со стыдливой мольбой говорит одними глазами: «Люблю, о как люблю! Я знаю, чего желает «святая святых нас обоих»... Только взгляда, только объяснения и не больше...» Он угадывает её мысли. Они так просты, удивительно искренни и так предсказуемы!

Где-то глубоко-глубоко в её душе чуть шевельнулось что-то тревожно-мучительное, но оно не пробилось через пелену незнания, через волны кружащего пьянящего восторга и ощущения всепоглощающего счастья – настоящего, неизбывного. Потом в какой-то момент её охватило ощущение спокойствия и безмятежной радости, и она забылась в дивном очаровании ночи, будто летя в бесконечном, божественном мироздании...

Она легко и доверчиво шагнула в неведомое... и бездумно переступила черту. Она на самом деле не отдавала себе отчета в происходящем. То было наваждение. То был странный, прекрасный сон. Ведь рядом – сильный, надежный, верный, на всю жизнь любимый. Ей нравится уверенность, которую она ощущает рядом с ним. Она верит, что будет с ним счастлива.

Мечты увели её таинственными дорогами чувств в кратковременную сказку, заканчивающуюся обычно возвращением в реальность... Он воспользовался мгновением её полной наивной слепоты, а потом вернул на грешную землю.

Отдавшись на волю охвативших её воспоминаний, опьяненная памятью о прекрасных моментах юности, Инна мысленно плывет дальше. Боже мой, как давно она не предавалась этому занятию!

...Всё у них поначалу складывалось как нельзя лучше. Она сотворила в своей голове маленькое идеальное царство любви и красоты... И почему он жестоко разрушил этот мир и низверг её с трона принцессы? Он разбил открытое для любви юное сердце. И теперь перед нею одна и та же явь, одна и та же несбывшаяся мечта... Первая любовь бесследно не проходит. На всю жизнь в сердце остается осколочек, который мучает, напоминает... Разве могла она подумать тогда, что этот элегантный, обаятельный мужчина – прохвост? Разве можно было не любить её, такую прекрасную!

О, это терпкое вино воспоминаний! Зачем она через столько лет пытается заглянуть внутрь себя, зачем предаётся горечи прошлого?

В той давней истории для неё до сих пор остается много неясного. Почему он тогда не счёл нужным объясниться? Она не понимала, чего ему не хватало. Решительности? Попытки матери вразумить её ни к чему не приводили. Она продолжала ждать, испытывая тоскливый стыд, сосредоточенная, с добела сжатыми губами... А он утверждал, что из-за неё мирится с неудобствами деревенской жизни, что ему осточертела их Тмутаракань. Когда он в несчётный раз обещал, она верила и утешалась. Её брови двумя тонкими нервными стрелками то и дело удивленно взлетали вверх от того, что она открывала в нём столько нового, непонятного, не совместимого с любовью, с её представлениями о порядочности. Он избегал смотреть в её вопрошающие, отчаянно влюблённые глаза, а она думала: «Вот сейчас, сейчас самое время сказать о замужестве, чтобы всё было честь по чести».

А вместо этого он кричал: «Что ты намерена делать? Мне сложности ни к чему. Прими решение сама. Ты – моя головная боль. Своим ребёнком ты всё испортила. Он не эпицентр моей жизни, он якорь. Он уязвимое место наших отношений. С его помощью ты решила заполнить меня!»

Он обвинял! Он доводил её до полного душевного изнеможения и с неподдельным удивлением говорил: «Не играй в дурочку. Со мной такие шутки не проходят. Ты хочешь сказать, что не понимала, зачем мы тогда оказались наедине?» Он говорил неожиданно грубо, оскорбительно и принимал холодный, неприступный вид. Сначала его восхищало, а теперь злило и обескураживало то простодушие, с которым она воспринимала его обещания. Невероятно, но и он почему-то теперь казался ей путанным, непредсказуемым, жалким, неуверенным и оттого... ещё более родным и близким.

В шестнадцать лет она не знала, что потом будет ярость, обида, тоска. Она всё ещё жила иллюзиями.

Ей вспомнился тот жуткий день, когда она заикнулась о желании оставить ребенка. Она надеялась, что он поймёт её. Это же плод их любви! Глупенькая. С трогательным и неумелым мужеством она пыталась отстаивать право малыша на жизнь, но он жёстко пресёк её растерянный лепет и добил резкими словами: «Сама доигралась. Иди в больницу. Не ты первая, не ты последняя. Это легче лёгкого. Выдержишь, а остальное довершит природа». Он смотрел на неё враждебно, а она, ощущая в душе острое сиротство и одиночество, в отчаянии стонала: «Почему, почему ты стал таким?»

Она тогда ещё не знала, что в жизни ничего без последствий не бывает, не догадывалась, что за наивность и глупость ей придётся расплачиваться самой. Она никогда не задумывалась об этом, потому что жила в мире прекрасных фантазий.

Усилием воли Инна попыталась вывернуться из тяжких воспоминаний. Но они крепко держали в капкане её душу.

...Придавленная мучительной тяжестью «ярких» моментов отношений с Вадимом, которые поминутно вспыхивали в её измученном сознании, она плохо помнила, как, преодолевая смертельный страх, тайком, едва тащилась на остановку, как ехала в город в разболтанном автобусе, как под проливным дождём обречённо плелась по пустынной незнакомой улице в поисках больницы. И слезы ливня смешивались с её собственными слезами...

Но не забыла она, как стоически переносила физическую боль, как лежала бледная, беспомощная, сломленная, с лицом, искажённым до неузнаваемости, как если бы находилась на грани жизни и смерти. Собственно, так оно и было. И потом, перенасыщенная болью и обидой, испытывала только вялое раздражение и абсолютное нежелание жить. И слова врача, как приговор, не выходили из головы: «Детей не будет». Первый раз она переступила черту и тут же была жестоко наказана. И надо же этому было случиться именно с ней, такой маленькой, беззащитной, такой, как оказалось, слабенькой здоровьем. Говорят, каждому воздастся по вере его. Не в то и не в того поверила.

Оказывается, прочитанных книг она до конца не понимала, находила в них только то, что лежало на поверхности. И только жестокий личный опыт высветил ей их ранее скрытое, неосмысленное содержание. Теперь причиной всех своих бед она считала только себя и свою никчемность. «Да, подростковую любовь нельзя отредактировать под взрослую», – горько усмехалась она.

И всё-таки она выжила, но и дальше ей пришлось рассчитывать только на себя, на свои собственные силы. Он не пришел к ней в больницу, не поддержал. Для него исход их отношений был предрешен заранее. Конечно, каждый с большими или меньшими потерями идет по жизни. Она сломала себе крылья, не успев их отрастить, посчитала, что лучшее уже позади, что нет у неё будущего, и научилась искусно скрывать свою боль от глаз посторонних под маской беззаботности.

И зачем ещё долго длилась её тягостная, унижительная любовь, её постыдная привязанность к Вадиму? Глупо возвращаться к тому, кто причинял страдания. Выбора не было? Выбор всегда есть. Какая досада, что нельзя вернуться в первые дни их знакомства. Вот она, зыбкая, размытая, но трудно преодолеваемая граница между любовью и ненавистью, через которую часто проходит трансформация человеческой личности. Она страдала, презирала, ненавидела себя, и вяло думала: пусть всё идет, как идет. Чувства растерянности и неспособности противостоять преобладали. Они-то и удерживали от решительного шага разорвать «рабские цепи любви».

Тогда она ещё не понимала, что если в мужчине нет нежности, то нет и привязанности. И когда тяга к сексу с данной женщиной пропадает, то его уже ничто не держит рядом с ней.

«Зачем мне семья – эта целая система зависимых отношений, в которых губишь свою единственную жизнь? Никто не смеет посягать на мою свободу! Мне никто надолго не нужен, я волк-одиночка. Это мой стиль жизни», – утверждал Вадим в мужской компании.

Он лихое бесстыдство и хмельной дурман считал любовью и отдавался своему чувству без оглядки. Ему требовался каждодневный праздник. «Любовь – пир жизни. Пока я люблю – я живу», – красиво говорил он. И ухаживал только ради своего удовольствия. А когда желание заканчивалось, он спускал отношения на тормозах, наталкивая женщину на мысль уйти от него самой. Он не гнал, но и не приближал, становился то циничным и требовательным, то сухим и безразличным.

...Говорят, держись тех, кто тобой не пренебрегает, а Вадим относился к ней свысока. Ко всему прочему у неё добавилась жестокая зависимость – я испорченная. И она цеплялась за него, полагая, что бездетная никому не будет нужна, кроме него, виновника её беды. Верной или ложной была эта мысль, но она мешала ей жить.

Его любви хватило на одно лето. А потом его точно подменили. Был бесконечный шлейф поклонниц. В нём появилось столько отталкивающего, чего раньше она не замечала. Она прозрела, но не сдалась. «Его надо спасти от падений! (Кто бы её спас!) Ведь он такой безумно ранимый, противоречивый, непостоянный, непредсказуемый, как все нервные люди». Наперекор рассудку она пыталась оправдать его, держась за остатки своей любви или жалости к себе, а может, просто выигрывала время, чтобы хоть как-то морально подготовиться к тому, что непременно должно произойти.

С горьким недоумением она замечала, что он не чувствует вины, что ему недоступна

область наивысшего счастья – любовь духовная, которая ведёт к доброй, честной, искренней жизни, дает силы преодолевать любые трудности, спасает в беде.

Она, наверное, ещё любила. А любовь – как мания, как рок...

Количество неприятностей иногда приводит к новому качеству. Была не приведшая ни к чему расчетливая целенаправленная мысль уничтожить обманщика. Хотела с корнем вырвать из своего сердца бурьян-будыльё его бесстыдной лжи... Не смогла. Это желание только подорвало ещё непрочную основу её существования... Читая о пронзительных любовных драмах во времена исторических трагедий, она мечтала героически отдать за любимого жизнь... а с ней вышла историйка глупенькая, гаденькая, пошленькая.

После мучительного анализа, когда отпали последние сомнения в том, что жизнь проиграна, она наконец решилась окончательно и бесповоротно порвать с ним. И сумела-таки выдрать себя из болота его лжи, из чёрного ада унижений. Она, как говорят, «соскоблела себя со стен» и указала ему на дверь. Ей хотелось побыть одной. Она так от него устала!.. Разве можно в её годы устать жить? Можно. Наконец-то, в кои-то веки, она спала спокойно, как в яму провалившись. Потом долгие месяцы восстанавливалась, и за это время в ней проросла другая, гордая, злая, уверенная в себе девочка. Но это было уже в десятом классе.

Потом был вуз. В какой-то момент, с безнадежно усталым чувством, она поняла, что не осилить ей своей ненависти и одиночества, и с грустно-весёлым упорством принялась искать себе пару. Мужья были примитивны, они хотели от неё одного... Не любовь, а сплошное надувательство. Все они желали хорошо к ней прилепиться. Ещё бы! Энергичная, деловая. Такая жена горы своротит. Их отношения строились на её полной отдаче и самозабвении. А что от них получала?.. И она шла в атаку. И застывала в её сердце тоска по настоящему мужчине, которого так и не случилось встретить... Но даже теперь, в пору своей зрелости, она не готова себе в этом признаться. Получалось бы, что не была она счастлива, а значит, по сути дела и не жила по-настоящему, а существовала...

Теперь, когда она бросает взгляд назад, события юности представляются ей иными. Почему с возрастом она научилась любить то невозвратное, что проклинала в юности? Почему она готова вновь и вновь поворачивать время вспять и поэтично вспоминать о своей первой любви?.. Созерцая её глазами памяти, она заново «просматривает» и вылавливает только чудесные, всегда ускользающие мгновения, и, предаваясь неуёмной игре воображения, возрождает во всех красках и мельчайших подробностях только самые лучшие минуты. Она лелеет его образ. Очищенный от всего плохого, он становится прекрасным и совсем не похожим на оригинал. Что заставляет её возвращаться к этому счастливому событию юности, к своей первой любви? Почему она её так притягивает? Потому что хорошее она воспринимает как чудо, а плохое, – как обыденное, проходящее?

Не секрет, что любое прошлое состоит из облагороженных драм. И ей тоже хотелось приукрасить суть когда-то происшедшего с ней, осторожно соединить желаемое и действительное, перекинуть между ними шаткий мостик, создать калейдоскоп красочных иллюзий. А услужливое сознание тут как тут: стирает или затушёвывает тоскливое, выпячивает радостное. Только доброе, даже по совокупности мелких счастливых моментов не всегда побеждает злое, потому что за радость одних страданием платят другие.

Но теперь память смазала, стёрла гадкое прошлое и вытащила из него только прекрасное, потому что лучшего в её жизни... так и не случилось. Проза в основном была... и несбывшиеся мечты.

Вообще-то она всегда старательно избегала не только разговоров, но даже мыслей обо всём печальном в юности. К чему ворошить и перетряхивать пыль старых, слезавшихся от времени событий? Казалось, она навсегда похоронила те болезненные впечатления и видения, но нет... Накатило сегодня.

Время точно само собой повернулось и потекло назад. И как-то сразу возникла череда горьких сцен... Юность – время стыда и напрасной траты сил. Вот она, воспаленная, беспощадная правда – очная ставка с памятью тех давно ушедших лет. Да, воспоминания не из лучших. Но они почему-то вселяли невероятно курьёзную мысль, что всё это происходило не с ней. Они словно из чужой жизни, из чужого сна...

Она-то считала, что эти воспоминания существуют в ней лишь как неясные блики. Она не хотела увековечивать свой позор, спешила предать его забвению. А он всё равно неотлучно оставался при ней. Ей казалось, что эта история страшная, но теперь уже без глубокой скорби. Ей так хотелось... Может, причиной тому был чужой опыт, чужие беды, каких вокруг сотни, тысячи... Она заиклена на Вадиме? Нет, на любви, вернее, на её отсутствии... Это Анино письмо всю муть со дна души подняло.

Зачем она опять прокручивает назад затертую киноплёнку своих несчастий? Что ищет? Что-то ведь должно держать... то, ради чего жила...».

Кира вздрогнула и очнулась от поглотившего её потока мыслей об Инне. «Почему я на неё «перескочила»? Зачем мне сейчас её слёзы? Сильно тронули? Я же о Лене думала, – сама себе удивилась Кира, и её мысли вернулись к воспоминаниям о собрании.

Решение

Сколько сидела Инна «замороженной», пока в ее голове мелькали «кадры» прошлого? Пять, десять минут?..

Неожиданно установившаяся в зале тишина не сразу прервала её лихорадочные воспоминания. Она с трудом оторвалась от целиком поглотившей её меланхолии, и приняла спокойный, равнодушный вид. Но ещё некоторое время выглядела как ледяная статуя, потому что со своими эмоциями справилась ещё не настолько, чтобы вслушиваться и делать замечания по какому бы то ни было поводу.

Елена Георгиевна тоже глубоко ушла в свои мысли и расчёты и не слышала, как вернулось руководство. Иван Петрович громко кашлянул и занял оборону у обшарпанной кафедры. Его лицо выражало напряжённый интерес к происходящему в зале.

- Страсти улеглись? Продолжим. Коротко говоря, я взвесил все «за» и «против» и считаю положение в отделе в настоящее время таково, что я могу с определенностью утверждать, что ни с чем подобным прежде нам не приходилось сталкиваться. Налицо издержки перестройки, - тоном, указывающим на необычайную важность сообщаемого факта, начал шеф.

- Вали на горбатого, - оживившись, тихо хмыкнула Инна.

- Конечно, у нас и раньше случались небольшие разногласия, в суть которых я не стану сейчас вдаваться, - никогда не стоит жалеть о прошлых ошибках и упущенных возможностях, - но я могу себе представить, какое гнетущее впечатление последний инцидент произвёл на людей с тонкой душевной организацией.

«Вот шпарит! Круто заворачивает, чертовски убедительно! На нас, женщин, намекает», - подумала про себя Инна.

Дальше она уже не слушала, грусть накатила: «Когда зам сам себя вызывал из отпуска, чтобы получить двойной оклад, наверное, он не думал о тонкой психике некоторых сотрудников. И когда с ленинградской организацией заключил договор по теме, которую мы уже три года вели с москвичами, тоже не переживал. Знал, что плотная завеса повышенной секретности не даст всплыть позорному факту и позволит зарезервировать фонд зарплаты, но только для себя. Мы же всё знали. Разве такое утаишь? А случись что, зам сумел бы найти козла отпущения, подставить низы. Он всегда на стрёме. А шефу перепадало или он и его тоже кидал?

Зам воображал, что так же обойдён, как и мы? Не по-людски с нами обходился. Мы же успокаивали себя тем, что сумеем поднять за этот «ударный» год тему на максимально высокий уровень, оправдаем вложенные в договор деньги. А если приплюсовать к тому... Да ну его к ядрене фене! Не слишком ли я строга к начальству? Своя рука - владыка. Во мне говорит обида на то, что зам сливки слизывал, а остальным пахта доставалась? Таков закон построения любого общества? Прости меня, Всевышний, если я ошибаюсь».

Иван Петрович повышает голос. Инна настраивается на волну заседания.

- ...Нет необходимости объяснять вам, что между нами бывают трения и их не так мало, как хотелось бы. Но чтобы исключить из нашей практики казусы, подобные ивоновскому, нам нужен человек, профессиональное чутье которого поможет нам правильно истолковать симптомы сбоя и разлада в программе; человек, в точности диагноза которого мы никогда не сомневаемся, - говорит Иван Петрович, привыкший работать на публику. И бросает многозначительные взгляды в зал.

Шеф вдохновенно, без обычного для таких случаев слегка ироничного пафоса, декламирует избитые, тщательно продуманные ещё когда-то в молодости, выражения. И при этом демонстрирует непринуждённость, естественность манер и свой великолепный ораторский талант, которым он раньше привык задавать тон на партийных собраниях, где столь же истово и убежденно доказывал иногда и другую правду, будто бы даже не задумываясь, о чём говорит.

Слышится сдавленный смешок Инны:

– Веселый дивертисмент! Ой, ни за какие коврижки не пропущу этот цирк! Ха! Ценю деликатность, с которой шеф делает намёки. У него прекрасная манера выражаться!

Вслед ей полетели молчаливые молнии из глаз Ивана Петровича.

Елена Георгиевна слушает шефа рассеянно, о своём думает:

«Прекрасная мозговая атака. Как легко, с каким непринуждённым изяществом говорит. Ну вот, опять усиленно хвалит! Старается стереть следы неприятных разговоров о злополучном договоре с предыдущими кандидатами? Знает, как обставить свой выход. Когда надо поручить кому-то самое трудное дело, шеф сразу берётся за свой излюбленный графрет – дифирамбы начинает петь претенденту. Это его манера».

«...Зная не понаслышке, смею утверждать, что, если вам интересно, вы не отступитесь. Вы в любой теме как рыба в воде. Не стану распространяться, как много стоит ваш метод – всё брать под сомнение и последовательно доказывать справедливость каждого пункта своей позиции в этом вопросе. Особенно важно ваше слово и ваша энергия, когда рейтинг нашего отдела ощутимо проседает. Я расцениваю ваши способности.... Вы никогда не совершите ничего такого, в чем могли бы себя упрекнуть. Вы человек обостренной нравственной позиции и не можете делать что-то наполовину, всякий раз выкладываетесь до последнего.

Я вижу в этом достаточно оснований для того, чтобы... Только вам я могу поручить, и вы как поведает... И потом это вопрос доверия. Настоятельно рекомендую: отнеситесь к моему предложению с должным вниманием. Мы вправе ожидать от вас большего, чем от молодых. Не меньших похвал заслуживает ваша виртуозная, почти интуитивная способность постижения человеческих характеров, что очень важно в работе с заказчиками», – с тоскливым раздражением прокручивает в голове Елена Георгиевна прошлые, стандартные слова шефа, испытывая к нему на тот момент крайне противоречивые чувства.

Она понимает, что все сегодня произносимые льстивые слова, скорее всего, будут предназначаться ей. «Может, их заранее пресечь? Умело подаёт материал, ничего не упускает, знает, на какие клавиши давить, какие струны трогать. Подавляет он меня своей навязчивой любезностью. Считает, что я обязана отрабатывать его комплименты? Понимаю, с подачи Владимира Григорьевича поёт, хотя прекрасно знает, на какие гадкие уловки способен «отлично подобранный» зам. Его школа. Не для меня, для других говорит, чтобы мне после всех его слов деваться было некуда, чтобы отказаться было неудобно. Психолог! Пуаро отдыхает.

Почему не называет фамилии? Будто стенам бросает вызов. Знаю, меня наметил своей жертвой. Понимает, что мало кто слушает его разглагольствования. Фон создает, картину маслом рисует. Старается. Как же, решается судьба скандального договора.

Какая неукротимая энергия в голосе, как красив его решительно приподнятый вверх подбородок! А торжественный тон речи придаёт ему особенную выразительность. (Пусть только посмеют усомниться в моих словах!) Осанистый, эффектный, невольно притягивает к себе взгляды. (Зам лишён этого немаловажного преимущества.) Хорошо держится. Понимает, что в глазах подчиненных, особенно женщин, умение говорить придаёт ему дополнительный вес, поэтому всегда умело пользуется этим для усиления своего влияния. До перестройки он был очень даже на своём месте».

Не видя заметной реакции Елены Георгиевны – чего Иван Петрович, видимо, никак не ожидал, – он досадливо поскрёб подбородок и добавил, поворачиваясь к ней лицом:

– Раскрою свои карты. Не сомневаюсь, вы не подкачаете, потому что талант совести ещё не растеряли. Вы озадачены? Не вижу боевого задора, деловой хватки. Вы же вылитая Жанна д'Арк в науке. Знаете много, как полагается уважающему себя специалисту, зрелость и свежесть всегда присутствует в ваших теориях. Вы сумеете сделать невозможное. Не вижу никаких препятствий для согласия. Думаю, вы последуете моему совету и выручите нас.

Конечно, у вас могут быть причины сугубо частного характера, затрагивающие только

вас одну, но вы всегда общественное ставили выше личного. Есть одно соображение, которое удерживает меня, оно заключается в опасении, что поскольку у вас ребёнок, то его здоровье, вне всякого сомнения, на первом месте. Но и тут вы ни на миг не упустили из виду работу. Это бывает далеко не всегда и не со всеми. Вы ни в чём не уступаете мужчинам. Если вы захотите, то справитесь и других заразите энтузиазмом.

Ещё следует принять во внимание тот факт, что вы всегда так много и весомо помогаете молодым повысить степень их участия в научных разработках, вашу неизменную заботу о них. Вы самая трезвомыслящая из нас и отличаетесь дальновидным подходом, не поощряете поспешных выводов, умеете принять взвешенное решение. Универсальность – ваша бесспорная ценность, и это ни в малейшей степени не нуждается в доказательствах. Вы, как никто, понимаете, что цели должны достигаться средствами наиболее пригодными. Вы избавляете нас от необходимости подвергать анализу деятельность остальных членов нашего коллектива. Решение предложить вам данную задачу будет иметь своим следствием положительную базу наших взаимоотношений и с клиентом. Вам всегда поручали самые ответственные дела. Из всего сказанного здесь следует... – с жаром и с убедительным красноречием продолжал Иван Петрович.

И пока шеф воздавал цветистую дань высоким заслугам Елены Георгиевны, она размышляла: «Вот если бы это решение открывало передо мной серьёзные финансовые перспективы, тогда бы я почувствовала, что на моей стороне неоспоримое преимущество, и могла бы поверить в свою удачу, а так... Утереть нос мужчинам? Оно мне надо? Намного ли возрастут мои акции? Я когда-то уже завоевала себе право ходить с высоко поднятой головой и не могу позволить себе её опустить? Кропотливым трудом в поте лица своего сейчас никого не удивишь...

Будто по какой-то негласной договорённости мне предоставляется право принимать непопулярное для своей группы решение. Можно подумать, что руководство пребывает в уверенности, что мне не составляет никакого труда решить и эту чисто академического плана задачу. Считают, что времени больше чем достаточно... только что-то никто не решается последовать моему примеру. Да, люди готовы на жертвы, если в жертву приносится время и здоровье других.

А мне ещё своих сотрудников надо будет убедить в неизбежности такого хода. «Как славно быть ни в чём не виноватым, совсем простым солдатом, солдатом», – убаюканная длинным монологом шефа, рассеянно вспоминает Елена Георгиевна слова известной с юности песни Булата Окуджавы.

– Ой, сейчас расчувствуюсь, – достаточно громко хихикает Инна.

Её подкол не задел Ивана Петровича, а может, поглощённый своей речью, он не услышал очередного зубоскальства неумной сотрудницы. К тому же в его голове назойливо вертелась мысль: «Что же я упустил? Что-то очень важное... Почему Елена Георгиевна не реагирует?»

– Обрабатывает всеми доступными средствами. Наносит последние мазки на портрет, – шепчет Елена Георгиевна подруге. Её губы невольно складываются в улыбку недоверия. Сознавая опасность потери самоконтроля, она всё-таки не может избавиться от лёгкого шутливо-ироничного настроения.

– Иван Петрович! Не хотела вас прерывать. Мне приятно, что, решая сложную проблему, вы вспомнили обо мне. Ещё в начале собрания я ни минуты не сомневалась, что и на этот раз вы пожелаете повесить на меня провальный объект. Вы расточаете неестественные, надуманные комплименты, доказывая моё превосходство. Осталось только благовониями умастить. Может, хватит рассыпаться в любезностях и всё изобразить намного проще, тривиальнее, практичнее? «Я назову тебя солнышком, только ты всё успевай», – так, кажется, поется в небызвестной песенке? Так мне следует понимать в свете нынешних концепций ваше выступление? А может, мне стоит пожалеть себя и отказаться от вашего предложения? – подала голос Елена Георгиевна.

Последовало продолжительное многозначительное молчание коллектива. Удивление во взгляде шефа уступило место беспокойству. Своим многоопытным и многострадальным чутьем Елена Георгиевна правильно оценивала значение столь затяжной паузы, поэтому

продолжала её выдерживать.

Шеф оставил её вопрос вроде бы без внимания, но по его красноречивому молчанию она поняла, что, вне всякого сомнения, уклонившись от ответа, он всерьёз озаботился лихорадочными поисками выхода из положения, созданного её, пусть даже шутливым, предложением.

Иван Петрович стёр с лица проявившееся было недовольство и вынес всё-таки «на всеобщее обозрение» ещё один козырь – своё коленопреклонение, свой последний неопровержимый довод:

– Я, так сказать, хочу воздать вам должное. Вы – единственная, кто всегда в любых обстоятельствах выручал меня. Это так, сотни раз так! Мне позарез нужна ваша помощь, помогите уладить весьма деликатное дело. Возьмите его под своё материнское крыло. Я очень рассчитываю на вас.

Конечно, окончательное решение у Елены Георгиевны давно созрело, но её так и подмывало высказаться. Она была умной женщиной и не могла грубо «наезжать», и, как человек, склонный к созерцанию, принялась размышлять на тему оценки своих чувств.

«Могу я позволить себе маленькую слабость? Да! Хочу заметить, ваше мнение о моих способностях и характере только в какой-то степени справедливо. Вы правы в целом, по сути, а с частностями у вас дела обстоят не так хорошо. Ваша прочувствованная речь ласкает слух, но не имею я привычки ловиться на комплименты, хотя похвала, конечно, окрыляет. Иногда даже принимаю её с тайным удовлетворением, когда считаю заслуженной. Но я по другой причине выручаю. О своих людях думаю. Им нужны мои гарантии стабильности в их жизни. К тому же я на самом деле не желаю терять в ваших глазах репутацию незаменимой – это бальзам на мою усталую голову. В глубине души я ругаю себя за подобную слабость, но кто из нас без слабостей? Похоже, и на этот раз природная доброта вовлекает меня в работу, от которой любой другой с величайшей охотой убежал бы куда подальше...

Для меня мелкое мстительное наслаждение видеть, как шеф тужится, «надрывается»? Нет. Тогда что? Многолетняя обида за прошлые притеснения и принижения толкает? Дурно, очень дурно. Не пристало мне... Шеф, наверное, заволновался: «Не пересолил ли? Не будет ли бестактностью с его стороны по отношению к другим так откровенно её расхваливать?» Но в зале все умные и всё прекрасно понимают.

Говорите, говорите! Люблю слушать, да не верю. Двух зайцев хотите поймать: всучить чужой проект, да ещё и задёшево. Запудриваете всем мозги. Вид делаете, будто только во мне видите счастливое разрешение всех проблем и конец своим моральным терзаниям. Такое у нас в порядке вещей», – иронизирует Елена Георгиевна. Но только про себя.

Есть в ней некое внутреннее чувство осторожной тактичной справедливости, неизменно сдерживающее и оберегающее её от неосмотрительных поступков.

А вслух она сказала:

– Ваши слова прозвучали убедительно. Отставлю в стороне все дипломатические ухищрения и скажу прямо: это не совсем то, что я хотела бы получить. Ну, да ладно, и это задание как-нибудь переживу. И не подумаю артачиться. Нарушу ради вас свои планы. И личное время ужму. Осилю. Похоже, отпуск тоже обернётся для меня работой.

«Ох и загадала я некоторым тут загадку: под давлением каких таких причин я растаяла и дала согласие на то, против чего – по их мнению – восстает здравый смысл. Сама поражаюсь своему великодушию».

– Я вот думаю: «Ну кто же у нас на Руси современный герой?» Вопрос в точку? Вот где раздолье для фантазии! Так вот... оказывается, женщина! Только ведь лошадь не может быть героем. Героем должен быть лев. Иван Петрович, может, ещё веревку намылите? – воскликнула она с неожиданной страстью, какой давно не замечали в ней коллеги.

Некоторые, наверное, подумали, что впервые в жизни она взбунтовалась, подстрекаемая теми, не поддающимися определению чувствами, которые иногда толкают нас делать

глупости. А может, просто недоуменно пожали плечами.

Иван Петрович на мгновение досадливо и осуждающе глянул на Елену Георгиевну, но тут же раскаялся, посмотрел вопрошающе и просительно, растерянно потер лоб.

«Я, конечно, прочно захватила инициативу в разговоре, но стыдно терять над собой контроль. Дурака сваляла, не сдержалась, искренне сожалею», – чувствуя себя виноватой, подумала Елена Георгиевна. И продолжила речь с меньшим пафосом, взвешивая каждое слово:

– Иван Петрович, не усложняйте себе жизнь, хватит слов. Не совсем приятно служить объектом неумеренно ярких фраз. В краску вогнали похвалами. Их благородная изысканность не идет ни в какое сравнение с реальностью. Можно подумать, в вас завышенное чувство справедливости пробудилось. Ох уж это беспощадное и такое желанное чувство справедливости!

Инна вдруг прервала Елену Георгиевну, застрочив как из пулемета:

– Диву даюсь: как зарплату повышать, так сразу – вы женщины, у вас больничные, дети. А у вас, у мужчин, их нет? *(Не ляпнуть бы лишнего, чтобы потом не пришлось раскаиваться, – притормозил Инну её внутренний контролер.)* И об отпуске в удобное нам время не заикайся – работа должна быть на первом месте. Факты говорят сами за себя.

Этими словами она сглаживала переизбыток внимания к Елене Георгиевне, дабы не вызывать зависти и сплетен. И шеф прекрасно понял это её маневр.

Елена Георгиевна жестом остановила Инну и сама продолжила в том же духе, только спокойно.

– Я, например, хоть раз подвела вас, хоть раз сорвала сдачу отчета? Нет! Помнится, вы многое обещали, навязывая мне группу. Поймала вас на слове? Поймала. Обещали. Освежила память? Как пахать, так я, конечно, лучше мужчин. Какой грандиозный ход! Всё учли, всё предусмотрели. Что греха таить, не хочется мне ночи и выходные проводить за чужим ТЗ, но не могу я бросить коллег на произвол судьбы. На самом деле боюсь, что одолеет угрызение совести. Моё чувство долга как болезнь.

Елена Георгиевна сделала паузу, и улучив момент, когда шум в зале поутих, продолжила:

– Пожалуй, это тот случай, когда я не сумею отказать вам. Давайте поскорее покончим с этим неприятным делом. Думаете, мне не остается ничего другого, как согласиться? У меня нет выбора? Напрасно. Если уж на то пошло, скажу больше: в данной ситуации почту за честь выручить отдел. Вы удовлетворены? Кого из компьютерщиков в помощь дадите? Ведь вторая часть проекта, насколько я знаю, – монополия программистов-расчётчиков. Мне желательно получить того, с кем я работаю в резонансе. Я подразумеваю возможность соединить усилия двух многопрофильных инженеров. Я достаточно чётко и недвусмысленно выразила свою просьбу? Буду вам бесконечно признательна, если пойдете мне навстречу. К тому же это будет очень мило с вашей стороны, – с улыбкой сделала реверанс в сторону шефа Елена Георгиевна.

Иван Петрович, видно, не рассчитывал на столь внезапную уступку со стороны долго пассивно сидевшей Елены Георгиевны. Он пристально посмотрел на неё, словно прикидывая, не шутит ли она (Всё возможно!). И в её удивлённых, едва ли не осуждающих глазах, прочёл: «Не повинуюсь внезапному порыву, принимала решение. Оно обдуманное, логически обоснованное». Результаты наблюдения, очевидно, вполне удовлетворили шефа. Потом он многозначительно посмотрел на заместителя: желаемый эффект достигнут, тылы обеспечены! Тот ответил ему быстрым взглядом. На его лице промелькнула удовлетворённость. «Quod erat demonstrandum» (Что и следовало доказать), – шёпотом, но достаточно громко сказал он, довольный тем, что с шиком ввернул латинское выражение и одновременно не упустил момента чётко дать понять Ивану Петровичу, кто призван играть в их отношениях главную роль, а кто приравниваться. «Tertium non datur» (Третьего не дано), – не уступил ему шеф.

– Кто «против», товарищи? Кто скажет что-нибудь по ведению собрания? – обратился

Иван Петрович к аудитории.

В ответ молчание и теплый ветерок одобрения над залом. Прошло поименное голосование, произвели формальный подсчет голосов.

От внимания Елены Георгиевны не укрылось, что в глазах шефа появилось довольное выражение. Она ясно услышала его вздох облегчения. Отлегло у него от сердца, обрел наконец утраченное спокойствие. Рад, что на этот раз всё прошло гладко. Мирно закончилось, никого «за жабры» не пришлось брать. Проект Ивонова пристроен, а что не совсем по обоюдному согласию, а больше по единоличной совести – это не главное. Он даже соизволил улыбнуться, понимая, что на него смотрят все собравшиеся. Почувствовав прилив великодушия, он поспешил закрепить свой, как он, видимо, считал, грандиозный успех, пространными объяснениями в любви и обожании.

– Сознаю свою некоторую бесцеремонность и понимаю ваш скепсис, но не погрешу против правды, если скажу, что вы глубоко заблуждаетесь, коллега. Мы очень ценим вас, – с чувством произнес Иван Петрович. – Хотелось бы, чтобы наши деловые отношения никогда не двигались в сторону точки невозврата, – закончил он фразу, теперь уж суетясь и потирая руки.

«Это лишнее. Цените? Как собака палку. Весьма признательна. И поддакиваете, и по шёрстке гладите, когда это необходимо, когда прижмет. Я близка к истине и на этом настаиваю», – усмехнулась про себя Елена Георгиевна, хотя понимала, что если бы и высказалась вслух, то сейчас ей всё простили бы.

А ещё она подумала: «Без зама много проще жилось. Напрямую всё говорили, без ухищрений... Шеф хвалит меня, я всего лишь упертый исполнитель – правда, неплохой, – рабочая лошадь. Вот и пашу... В девяноста процентах случаев бываю права, но всё равно иду на компромисс. Последнее время теряю упругость характера. Каждая, даже мелкая неудача, не отскакивает от сердца, а налипает. Всё сильнее и больше задевает то, мимо чего ещё недавно спокойно проходила. С возрастом чувства не притупляются, а обостряются. А может, это нервы? Устаю оборону держать?»

Далеко не все в группе одобряют моё решение. Инна, наверное, спросит: «В этом заключается твое умение не наживать врагов? Трудный способ...» Предложи лучший. Надо называть вещи своими именами: былой уверенности не вернуть, остыл здоровый бунтарский дух молодости, энтузиазма поубавилось. Иногда даже кажется, что вся современная жизнь – ложь, игра. Сама от себя не прихожу в восторг. Сдаю позиции. Не пытаюсь бороться, не предаю ли я в себе человеческое начало? Никогда не задавалась этим вопросом, не теоретизировала на эту тему. Да, искренний разговор я могу вести только сама с собой. Не то, что раньше. Как шеф говорил? «При тебе стыдно врать, подличать, давить на слабых сотрудников. Невозможно на глаза твои смотреть, если совесть не чиста. Всю душу переворачиваешь, даже когда молчишь».

За окном неожиданно раздалась раскатистая мелодия баяна. Рывкнули басы и кто-то запел радостно и беззаботно. Елена Георгиевна вздрогнула, но отвлечься от темы не смогла и снова вернулась к прерванной мысли: «Вырвал шеф у меня обещание. Понимал, что меня легче уговорить при свидетелях, здесь труднее отказать, чем в личной беседе в его кабинете. Там и покричать можно. Придётся перекроить свои планы... У каждого своя стезя. Требуется большое мужество, чтобы в такое трудное время оставаться самой собой и ничем не жертвовать... Трудное? Не бывает легких времён. Сколько ещё смогу вот так приспособливаться? Приходится выживать, сохранять себя и свою группу на обочине до лучших времен. А, наплевать», – сказала она сама себе устало и успокоилась.

Шум за окном и в зале загас. Елена Георгиевна встряхнулась и тихо обратилась к шефу с легкой, чуть грустной усмешкой:

– А в спокойные дни вы меня на расстоянии держите. Не избалована я вниманием. *(Не стоит выставлять на показ такой аргумент, как деньги, – мгновенно остерегла Елену Георгиевну её интуиция.)* Бойтесь приближать, не хотите признавать умственное равенство женщин с мужчинами?

Врождённая взыскательность и уравновешенность спасали её от срывов в вульгарность. Она умела вовремя остановиться. И этот вопрос она задала самым небрежным образом, какой только можно себе вообразить, не ожидая и даже не подразумевая серьёзного

ответа.

Шеф и этот выпад снес мужественно.

- У меня от разговора с вами, Елена Георгиевна, предынфарктное состояние, - полушутя изрек Иван Петрович.

- Несколько шершавый получился у вас диалог, - как бы для себя громким шёпотом высказалась Инна.

- Ох уж это пресловутое равенство мужчин и женщин! У вас только память долгая, а ум... - неожиданно выкрикнул кто-то из мужчин за спиной Инны. - Ха, женский вопрос! Эта вечная, бесконечная тема постоянно висит в воздухе и время от времени кто-либо её подхватывает и озвучивает, используя в личных целях, как рычаг, как метод давления.

Елена Георгиевна разглядела Лисова из группы Дудкина и подумала брезгливо: «Наверное, о таких вот экземплярах баснописец Крылов когда-то сказал: «Ай, моська...» Это я-то использую? Глупец! В одной фразе весь свой характер высветил, и добавит нечего. А когда-то, наверное, причислял себя к физикам-романтикам. Сколько таких «умников» мне доводилось видеть и слышать? Человек с погасшим взором, с глубоким неуважением к себе и другим просыпается только для того, чтобы под шумок шпильку бросить, мелко подгадить. Горел ли он когда? Какой аспект бессознательного управляет его поведением? Да и чем там управлять?..»

Елена Георгиевна благоразумно подавила в себе излишне критический настрой.

Иван Петрович, с присущим ему тактом, «не услышал» глупого замечания Лисова.

- Итак, резюмирую: на этом поставим точку. Полученное взвешенное решение является результатом консенсуса всего коллектива, - провозгласил он. *(Ну не может обойтись без общих фраз, ввевшихся с советских времен!)*

Естественно, все молчаливо согласилось.

А шеф тут же подошел к Елене Георгиевне и тихо уточнил, близко наклонившись к лицу, как бы ища в её глазах одобрение своему поведению. В его голосе проскользнула напряженная нотка, будто он боялся заподозрить неладное, хотя вопросы задавал непринужденным тоном:

- Договорились? Проблем не будет? *(Он всё ещё сомневается!)* Позже обсудим наши возможности. Работы там непочатый край, но обещаю всестороннюю поддержку. *(Было бы обещано!)* Сразу после собрания мы с вами займемся раскладкой ТЗ. Конечно, некоторые моменты могут показаться вам не самыми приятными, но что поделаешь, такова производственная необходимость. Кое-что я для вас постараюсь зарезервировать.

Рад, что подтвердили справедливость моих слов. Не разочаровали. Спасибо, - ещё тише добавил он и посмотрел на неё так, как умел смотреть только он - с благодарностью.

Елене Георгиевне был приятен этот мягкий, искренний, одобрительный взгляд. Таким он удостаивал только её одну. Они понимали друг друга. С годами между ними как бы установилась двухсторонняя связь, наладился духовный и деловой контакт. У них было что-то вроде негласного уговора о взаимопомощи. Ещё бы, столько лет отработали вместе, столько оттрубили! Что-то таинственно-родственное, созвучное возникло в их душах. Конечно, она не во всем с ним соглашалась, не следовала слепо задумкам шефа. Но они умели обходить эти области «взаимонепонимания» молчанием. Многие неприятные события в институте сумела преодолеть их дружба... Вот и сейчас он дал ей выговориться, дал почувствовать меру своего расположения. И, говоря математическими терминами, ей это было необходимо и достаточно.

«Инна, наверное, считает, что я позволяю себя использовать. Но это как посмотреть, особенно, если сравнить «степень эксплуатации» меня и Татьяны с Люсей. Совсем другой уровень взаимоотношений, - думает Елена Георгиевна и с улыбкой оценивает их: у них с замом капиталистический, а у нас с шефом социалистический.

А ещё Инна подозревает нас с шефом в обоюдной симпатии. Чудачка! Притягивает ли меня Иван Петрович как мужчина? Нет, только как друг. Почему? Чего-то не хватает.

Мне или ему? У меня даже в мыслях не получается сделать его «своим».

- Не подведу, успех гарантирую. Это самое малое, что я могу для вас сделать, - деликатно успокоила Елена Георгиевна шефа. Сначала она ограничилась утвердительным движением головы, а потом для пущей убедительности улыбнулась.

Иван Петрович назвал её Леночкой, палочкой-выручалочкой. Из его уст это была величайшая похвала. Успех свой шеф продолжал закреплять-запечатывать лестью. Она это понимала и не обижалась.

«Вот она какая, эта едкая сладость горьких, но приятных минут превосходства, пусть даже мнимого. Ради этого иногда можно повкальвать чуть больше нормы. За всё надо платить. Довольна ли я результатом? И да, и нет. Мне в целом это скорее приятно, чем полезно. Хотя и полезно тоже. А шеф всё-таки чувствует некоторую неловкость...

...Теперь молодые люди сами шага без денег не сделают, а от других много хотят за копейки. Беззастенчиво пользуются трудами стариков, не ссылаясь в своих опусах на их статьи. Виновата окружающая действительность, или, опять же, отдельные личности? - позволила себе расслабиться и увлечься размышлениями на вольную тему Елена Георгиевна, пока зал разношерстно реагировал на ситуацию с её согласием. - Нам, женщинам, молодые мужчины особенно не дают поблажки, напротив даже... Вопиющая несправедливость! С нами считаются, если мы на порядок умней, интеллектуальней.

Справедливость! По-разному мы её понимаем. У женщин чувство справедливости идет от сердца, у мужчин от головы. Мужчины обижаются, когда им говорят, что они ничего не стоят. А если они про нас то же самое утверждают, разве мы не имеем право выражать несогласие отрицательными эмоциями?

Мы, видите ли, обязаны подчеркивать, какие они умные - хоть это и не всегда правда, - а они лгать, что мы красивые? Зачем? Мы любим комплементы? Много меньше, чем мужчины. Лично я настороженно к ним отношусь. За ними обычно следуют просьбы в чем-то помочь. Удобная позиция. Нет, чтобы заняться вопросом уравнивания шансов мужчин и женщин, а они, принизив нас, хотят выглядеть на фоне «красивых дурочек» более значимыми. Понимаю: мужчине комплимент об его уме дороже, чем об его красоте. Для нас на работе - тоже. Говорят, мужчине очень важно, чтобы ему сказали, что он хороший. А женщине так не надо?

А в семьях? Некоторые не от большого ума, а от переизбытка мужского самолюбия утверждают «на стороне». А каждой женщине хочется видеть рядом с собой достойного, порядочного мужчину, чуть умнее себя или хотя бы равного... К чему это я? Не слишком ли бабское, мещанское меня одолело? Докатилась!» - поймала себя на банальной мысли Елена Георгиевна и рассердилась: «Что за грустно-своенравное настроение? Возраст во мне говорит? Сдавать стала. Цепляюсь за место. Боюсь, что могут досрочно на пенсию отправить, а успокаиваю себя тем, что будто бы всё делаю в пику мужчинам. Все мы теперь в игры играем. Одни будто бы правду говорят, другие будто бы верят...»

«Разнюнилась!» - опять, спохватившись, одернула себя Елена Георгиевна и остановила свой никчёмный вихрь мыслей.

А шеф всё рядом стоял, как приклеился. Елена Георгиевна испытующе посмотрела на него и тихо невинным голосом сказала:

- Сделка наша далеко не обоюдовыгодная - будем взаимно откровенны. Желая чем-то вознаградить свою группу за дополнительную работу. В пределах разумного, конечно.

А сама подумала: «На что рассчитываю? Ну, если только на любезность. Даст денег - держи карман шире. Он, может, и захотел бы, да зам «зарезет», из списка вычеркнет. Знает, что из горла не стану вырывать. У меня правило: когда ничего не просишь, ты независим. Но я прошу заслуженное, заработанное, а не подачку. В лучшем случае он мне предложит...

Иван Петрович прервал её мысли и тоже тихо ответил:

- Спроси, что полегче. Запиши себе в актив, – это всё, что я пока могу тебе пообещать, а там дело видно будет. Не беспокойся, всё учту, в претензии не останешься. Изыщем средства. Надеюсь, мне представится такая возможность...

«Не договорил. Несколько туманно, расплывчато высказался. Наверное, хотел намекнуть: если удержусь в кресле. От комментариев вслух воздержусь. «Запиши в актив...» – разочарованно усмехается Елена Георгиевна. – Капитализм, а он ко мне со старыми мерками. Может, ещё грамоту предложите? За похвалу колбасы сыну не купишь, а ему всего ничего годков-то, ещё расти и расти. И учиться надо...

Некоторые из коллег, из моей группы, наверное, меня ненавидят. Но ведь не уходят. А большинство благодарно за то, что выживаем достаточно благополучно. Хотя икрой свой хлебушко давно не намазывали поверх маслица. Весьма кстати окажется и сегодняшней, вроде бы насытный договор. А премию я с шефа всё-таки требую».

Собрание продолжалось. Мысли Елены Георгиевны неожиданно потекли в другом русле: «Что изменилось за последние годы в институте? Наглых лодырей убрали. Это хорошо, нечего нахлебников плодить, а блатных не уменьшилось. Как и прежде, им платят больше. Говорят, в Японии блата нет. Сказки? Как и раньше, женщин в основном только используют, самим не дают выбиться в «люди», оценивают личность человека по полу и характеру, а не за то, что и как он делает. Сотрудника всегда могут оболгать, опорочить завистники, хотя результаты работы ведь куда не выкинешь.

Не приходится надеяться, что со временем ситуация изменится сама по себе, тем более что самое эффективное средство, чтобы угробить человека, – не замечать его достижений, не повышать, гнобить втихаря, – теперь ещё чаще применяется. И что самое обидное, неугодного руководству человека на самом деле все благополучно забывают.

Я никогда не шла вразрез со своей совестью, может, поэтому не достигла желаемых высот. Даже в начальники лаборатории не выбилась. Будто и не кандидат наук. Не умею настаивать на своей особенности, поэтому всю жизнь и. о. – исполняющая обязанности начальника лаборатории или отдела, или замдиректора, когда они в отпусках. Ответственна, умею пахать, надежна как броня.

Как там женщина-космонавт Савицкая в интервью корреспонденту сказала? «Женщина должна быть во всем на голову выше, чтобы мужчины признали её равной себе. Себе любой промах простят, а малейший недочёт женщины возводят в ранг ошибки и всё время напоминают...». А что я могу сделать? Остается только иронизировать. И в первую очередь над собой.

Уходить из НИИ к частнику не рискую. Там часто заманивают в ловушку посулами, предают, обманывают и не таких ушлых, а здесь дела идут не лучшим образом, но и не катастрофически плохо. Каковы мои перспективы? На волне осторожного оптимизма продолжу работу над докторской, аспирантов приведу к защите. Перестройка перестройкой, а науку нельзя забрасывать, история нам этого не простит. Почему иногда берет сомнение в правоте решений? Деньги.

А вдруг имеет смысл попробовать организовать свою фирму? Может, тогда пошли бы дела в гору? А кто может поручиться, что справлюсь? Я не боец. Зря боюсь? Но какая наука может быть в частной фирме? Одна видимость. Зачастую вместо предприимчивости в людях проявляется жульничество или нечто в этом роде. Один лжёт, другой темнит, третий хитрит, четвертый халтурит. Теперь верить людям на слово – себе в убыток.

Сейчас многие поступают принципами ради денег. Даже новая шутка появилась: «Любой ценой, но не за любые деньги, только за большие». После работы в фирмах трудно даже молодым вернуть себе вкус к науке. Зачем всех огульно охаивать? При наличии материальной базы можно было бы организовать что-либо приличное, только она в руках избранных. К чему беспочвенные иллюзии? Нет, не перекроить мне себя. Может, не такая уж я и сильная! Один командировочный как-то заметил:

- Возле такой женщины, как вы, мужчине невозможно раскрыться.

Мне нечего было ему возразить, и я ему в ответ отшутилась со вздохом сожаления:

- Где бы найти такого мужчину, чтобы я сама могла раскрыться как женщина? Настоящая, героическая мужская порода вымерла, вот и не позволяешь себе быть слабой. К сожалению, теперь часто женщинам приходится ворочать делами не хуже мужчин. И поверьте, не от хорошей жизни, не по желанию, по необходимости. «Вынесет всё - и широкую, ясную...»

«Оскопила жизнь наших мужчин. Что их обескураживает, подавляет, не позволяет совершать большие дела? Что главное для меня? Та роль, которую я играю в жизни университета и НИИ, или моя семья, мой сын? Великие философы древности тоже ошибались, выбирая одно приоритетное направление... Опять о личном думаю», - корит себя Елена Георгиевна.

Она окинула взглядом зал. Белков то сидит понуро в своём старом пиджачке с обтрёпанными прорезями для пуговиц, то ёжится, изнывая от скуки и нетерпения. Дудкин «терзается муками творчества», перелицовывает свой прошлогодний отчет, подгоняя его под требования нового заказчика. Человек заурядный, у нас случайный. Вот он что-то шепчет довольно громко Зарубину. Вслушалась.

- ...Им движет мелочное чувство - желание ни с кем не делиться, даже крохой своего успеха...

«О ком это он?»

Ионов радостно улыбается. Его выпуклые, грушевидные щеки при этом ещё больше наливаются, круглые водянисто-серые глаза без ресниц тонут в складках гофрированной кожи.

«Оно и понятно, - усмехается Елена Георгиевна, - сбавил договор. Рад, что легко отделался. Что его толкает на корысть, ведь молод ещё... И вроде бы я никогда не тороплюсь составлять о людях негативное мнение, и вот на тебе...

Взять хотя бы Святковского. Солидный, сдержанный. Крупные спокойные морщины пересекают его огромный выпуклый лоб. Он заслуживает отдельного слова. Вот к кому не придерёшься. Голова! Ярко одаренная личность и труженик. Он из тех, кто приносит институту славу. А какая потрясающая мужская харизма! По-европейски воспитанный, образованный человек, три языка знает. Ироничный мудрец, весёлый философ. Я, как жемчужины, собираю его фразы-шедевры. В сфере его интересов помимо математики - литература и музыка. Скромный, лавры себе не добывает, ничего из себя не корчит. А когда на него обрушилась слава, будто и не заметил её. Только и отметил, что маленьким банкетом, а потом словно забыл о своей известности.

И внутренняя стойкость есть в нём, и убедительность слов и дел. Такого не застанешь врасплох. Никогда не выходит из себя. Внешне простой, открытый, незлобивый к тому же. Где-то я прочла, что истинное торжество замысла божьего - слияние в человеке гениальности, доброты и простоты. Что же, разумно сказано!

Лёгкий в мелочах, строгий, принципиальный в серьёзных делах. Как говорят, цветы распускаются в душе от общения с таким человеком. Щедр душой. Очаровательный, любит жизнь во всех её проявлениях, но знает меру. Он из той ещё плеяды... Вот бы кого нам директором института. И впрямь, есть в нём что-то такое, что дает основание предполагать: он прекрасно справится. Преступление - не использовать его административный талант. Возьму на себя смелость утверждать, что он человек большой внутренней мощи и потрясающей сосредоточенности в работе. Он мог бы быть министром. Государственного масштаба человек. Я двумя руками голосовала бы за его кандидатуру. Только пока что назначают директоров, а не выбирают.

Но всё может измениться, если позволят выбирать. Тогда начнётся борьба, и не факт, что победит ум. Но ведь случается. А если шефа скинут, как Никиту Хрущева, пока тот был в отпуске? Недавно на конференции в Туле коллеги рассказывали случай: все единым фронтом поддержали порядочного человека. А у нас? Ой ли!..

Слышала, Святковский отклонил настойчивое приглашение одного очень крупного кооператива. Институту, науке верным остался. Человек обычно соткан из массы

противоречий. Они как-то уживаются в нём или он борется с ними. А тут образчик совершеннейшей гармонии. Бывают же такие! Мои симпатии к нему неизменны, я до сих пор учусь у него принимать жизнь такой, какая она есть, не теряя достоинства, ставя на первое место творческий подход к работе. Многие от него вошло в систему моих отношений с жизнью. Какое удовольствие работать рядом с таким ученым! Таких раньше называли знаменосцами науки, – с теплотой думает Елена Георгиевна о коллеге. – Пока он интересен мне, а я ему – мы будем работать рядом. А зам, «купившись» на его интеллигентность, уже в первые месяцы решил попробовать давить на него, не скрывая своих намерений. Не вышло. Не по зубам оказался. Ни убрать, ни уничтожить не смог. Тогда он ещё не понял, с кем имеет дело. Поторопился. Думаю, до сих пор не может простить ему своей ошибки.

Совсем другое дело – Лебедев. Правдоискатель, всегда рубит с плеча. В некоторых вопросах одержимый, бурный, непредсказуемый. Твердо стоял за свою, ему только понятную правду. Крайний максималист. Упёртый. Видно, ещё в рабочую бытность свою занозил он свой мозг идеалистической идеей всеобщего добра и в высочайшей степени обостренным чувством справедливости. За что и пострадал. После армии в психушку попал. Подлечили, но идею не смогли вытравить. Мало кто знает, что трижды марксизм-ленинизм пересдавал. И как выяснилось, так и не сумел преодолеть свой характер, не смог переступить через себя. А как товарищи уговаривали его! Просили: не мешай божий дар с яичницей, не высовывайся. Рассказывали (на кафедре), что дело даже тут было не столько в стремлении кому-то что-то доказать, сколько себе самому в основном. Он всегда упрямо твердил: «Я чувствую, что должен сделать нечто большее, чем другие, мне нужно добиться ещё чего-то». Загадками говорил. Так и не допустили его к защите.

К слову сказать (и справедливости ради), не сразу его выгнали из университета, долго наставляли. Так и не сложилась его карьера, не сумел проявить себя подобающим образом в другом виде деятельности. Не научился контролировать свои поступки, рассчитывать свои силы, смотреть на ситуацию трезво. Жаль, очень жаль. Не в том себя искал. Но то был его выбор.

Увлеченный, знающий был молодой человек. Гордый, блестящий, громкий, непрактичный и – как многие считали – немного «с закидоном». Тогда мне казалось, он богом помеченный. И что самое интересное, время подтвердило все его научные идеи, но вышли они уже из уст других. Теперь Лебедев поутих, в НИИ трудится за копейки, средний, потому что разбрасывается, но не последний инженер. Ищет по всему городу подработки – семья большая. Иногда вином заглушает ущемлённую гордость. Весь как-то усох, поблек.

А Татьяна Владимировна грустно смотрит в окно. Она проявила горячую молчаливую заинтересованность в споре. Приходила в необычайно сильное волнение, негодовала, но в руках себя держала, хотя и с трудом. Наверняка тоже ломала голову: зачем нам всё это представление? Солнечный человечек, яркий лучик. И такая умница! Прелестная, трогательная. Личико бледненькое, мелкие крапинки веснушек проступают, когда нервничает. Её мягкость, тактичность и грациозность совершенно не покоряют наших мужчин. (На работе мы не мужчины, мы инженеры, заявил ей как-то Белков.)

И откуда в ней такая живучесть, выносливость, терпение, сила? Её тоже нагло «припахивают», а она открыто, но безуспешно не соглашается, искренне, но часто безнадежно пытается отстоять своих инженеров. Не отступает даже тогда, когда убеждается, что остается в меньшинстве. При этом в разговоре употребляет массу высоконучных терминов, будто надеется, что они придадут вес её аргументам и поднимут в глазах мужчин.

И голосок у неё тонкий, нежный. Личико, если освещено теплым сиянием улыбки, искреннее, доброе. А иногда бывает слегка нервно-ироничное. И сама она милая, миниатюрная, но такая на диво решительная и принципиальная! Самым сильным порицанием для неё были слова: «Вы делаете это напоказ». Как позже выяснилось, сколько из-за этого было тайных слез, невысказанных обид! А сегодня на заседании? То, втянув голову в плечи, сидела молча, то в гневе её красивые тонкие ноздри раздувались и дрожали, а глаза горели и темнели на поражавшем бледностью лице. Страдает, но прежде всего думает о науке, а уж потом о своих неутолённых амбициях. Всем известно, что когда у зама застопорилось решение задачи по технологической теме, именно она выбрала правильный путь и потому только ей принадлежит заслуга в последовавшем за

этим изобретении. Но все промолчали. Слишком зависимы.

Скольким уж помогла написать диссертации, а самой так и не дают защититься. Зам, как-то «подсовывая» ей тему для очередного «племянника», в ответ на её возражения удивленно скривил губы: «И вы туда же?» Пришлось ей взять и этот «хомут». Вот она, хрупкость величия или величие хрупкости и красоты! Кто-то из журналистов сказал: «Красота плюс интеллект – есть красота в квадрате». Но ценят её только настоящие мужчины.

«Приходилось ли мне наблюдать в своём окружении, в НИИ, чтобы мужчины-физики делали диссертации женщинам? – задала себе Елена Георгиевна неожиданный вопрос, и сама же себе ответила: «Не довелось. Ой, был один случай. Муж помогал жене». А у нас в университете на химфаке одни женщины работают. Никто им не мешает защищаться. Недавно по радио услышала интересную информацию: «Женщины в науке теснят мужчин. Процент женщин-ученых в мире – двадцать три, а в России – сорок пять». А скольким мужчины не дали о себе заявить, воспользовавшись их идеями, наработками, результатами? Значит те, что пробилась, были не только умнее, но и энергичнее, настойчивее представителей сильной половины?»

Елена Георгиевна усмехнулась, и её мысли опять вернулись к уважаемым ею людям.

«Татьяна Владимировна принадлежит к редкому типу людей, именуемых истинными учеными. Как раньше говорили? «Ум, честь и совесть страны». Святковский, Иванов, Катасонов, Власов и она, не побоюсь этих слов, – славные представители советской школы.

Катасонов опустил глаза в папку с расчетами. Его отливающий сединой ежик, делающий голову похожей на шар, кажется мне полной луной в туманном ореоле. Он тоже понимает, что идет «игра на публику», что, вызывая некоторых мужчин, шеф соблюдает совестливый ритуал, ещё знает, что с ним такого не позволят. Побоится шеф связываться, потому что он – ученый широкого диапазона с колоссальным внутренним ресурсом. И без всяких вывертов и вывихов, нормальный. Для него не существует единственных, раз и навсегда зафиксированных решений и мнений. Он всегда ищет варианты. Мыслит многопланово, в разных плоскостях.

Не сразу и не вдруг нашёл он свою дорогу. Сам себя растил, совершенствовал. Из деревенских. Сбежал от отчима. Пестрая биография беспризорника. И как это иногда бывает, судьбу его решил случай. По прямому указанию проректора института взяли мальчишку из подсобных рабочих в мастерские НИИ. (Старый проректор курировал на заводе практику своих студентов и заметил на удивление смышленного мальчишку.) Начинать с нуля. Школу заочно в три года закончил. Долго пробивался, а потом сразу по совокупности статей защитил докторскую. Он тоже из блестящей плеяды настоящих ученых, носителей истинных ценностей, которые определяли мировые приоритеты в науке.

А вот Таня и Люда. Их тема – первая глава диссертации зама. Увлечённые, в работу с головой уходят. Целенаправленны, методичны, дотошны. И вредные электромагнитные поля их окружают на полигоне, и образцы они за неимением вытяжки травят в «царской водке», окутанные страшными темно-бурыми парами в общей комнате, вопреки всем правилам техники безопасности. Женщины сделали картонный короб-вытяжку, но где им было взять денег на мощный вентилятор?

Скрупулёзно увязывают они невидимые другим логические нити выводов из своих экспериментов. Спорят друг с другом по-женски мягко, тактично, но настойчиво. Обе маленькие, худенькие, тихие. Приятно на них смотреть. Они меняют пространство вокруг себя, наполняя его чистотой, порядочностью и добротой. А дома у них обеих кишачие удручающе трудными родственниками и ненавистными соседями коммуналки и невыплаченные долги. Но никогда они не выплёскивают на посторонних свои проблемы, терпеливо и грустно несут их в своих сердцах, натруженных не сложившейся под стать их уму и трудолюбию жизнью. У Тани к тому же муж «налево» частенько поглядывает. А дочка у них музыкально одарённая, в конкурсах побеждает. Таня с ней сама занимается. Тоже когда-то мечтала о карьере пианистки, но по просьбе мамы выбрала практичную специальность. Она во всём талантлива. Но эта постоянная нищета...

Группа Валентины Сергеевны вторую главу заму «добивает». Галка прекрасно оформляет ему чертежи. Что они имеют в качестве компенсации? Их не уволили, как многих других в начале перестройки, когда избавлялись от балласта и неугодных. Время от времени им подкидывают премии. Валентине Сергеевне заткнули рот, дав ей формальную должность заведующей лабораторией, позволив командовать в весьма узком спектре и без того ограниченных возможностей.

А что зам в клюве принес? На всё готовенькое пришел, только отнимать привык, убеждает несколько необычным способом – пригрозив. Его начальственный стиль не располагает ни к дискуссии, ни даже к замечаниям. Собственно говоря, настоящей движущей силой института не зам является, а эти скромные профессора и инженеры. Да вот, поди ж ты... надолго ли...

Не всем даны менеджерские способности. Моя голова, например, на расчеты запрограммирована. Но с моим ли уровнем заниматься вычислением оптимальных объемов холодильных камер или надёжности красителей? Такой работой только мозги иссушать. Но лучшей пока нет. А годы идут. Ничего, потерплю. Придет время – возродится наука».

Елена Георгиевна снова скользнула взглядом по рядам. Владимир Григорьевич смотрит поверх голов отсутствующим взглядом, словно его мысли заняты в этот момент решением проблем, недоступных пониманию окружающих. Дудкин ухмыляется, а Суханов уже оклемался, но смущённо опустил голову, боясь случайно натолкнуться на мой прямой и слишком откровенный взгляд. Вот тебе и отличие: один сочувствует мне и переживает, что не может помочь, а другой не скрывает радости, что не его нагрузили. Злорадствует. Торжествующая посредственность.

В сущности, это было ясно и без сегодняшнего случая. Никогда не питала иллюзий по поводу Дудкина. Камень за пазухой не стану держать, но в друзья пусть не напрашивается. Отошью. И это прозвучит как нечто само собой разумеющееся, сообразное с моими взглядами на многие составляющие жизни. Юрка, Юра, Дудкин, Юрий Петрович, Петрович – вот и вся твоя жизнь. Убожество, бескрылое насекомое. Усилия, конечно, иногда прикладывает, в основном чтобы от чего-то отказаться, но душу в работе не тратит. Так и будет всю жизнь пресмыкаться и перебиваться. Как может измельчать человек! У таких простой и эффективный метод на вооружении: во всех своих бедах винить женщин.

«Что-то и от себя я последнее время далеко не в восторге. Сама себе противна. – Елена Георгиевна хмуро усмехнулась. – Говорят, пошла мода на женщин во власти. Мужчины мышей не ловят, спят на ходу – вот откуда эта мода. А кто дома пашет? Опять женщины. Таков наш печальный удел? Некоторые из представителей сильной половины даже гвоздя не забьют в стену, а такие способности должны быть в активе чуть ли не каждого мужчины. Мы ведь тоже много чего умеем делать из того, чего они даже боятся касаться, – мысленно опять «наехала» Елена Георгиевна на бездеятельных и безответственных мужчин, знакомых ей по институту. – Перебирать поимённо? Во всяком коллективе разные люди встречаются, нигде нет такого, чтобы во всём была тишь да гладь да божья благодать».

Когда с формальностями по второму вопросу было покончено, Иван Петрович, почувствовав настроение аудитории, к всеобщему удовольствию объявил десятиминутный перерыв. В актовом зале захлопали сиденья, застучали каблучки. Мужчины сразу стали оживленнее. Заядлые курильщики ринулись в закоулки, остальные разбрелись по институтским коридорам.

Елена Григорьевна устало уставилась в окно. В проёме между домами, у самого горизонта, сквозь низкие серые тучи проглянул бледный расплывчатый диск солнца. «Шеф выпустил пар, и теперь остальные вопросы обсудит, как из пистолета выстрелит», – подумала она безразлично и перевела взгляд на опустевшее кресло, где только что восседал Иван Петрович.

Грустные мысли и в перерыв не покинули ее:

«Шеф провел эту часть собрания, словно по нотам разыграл. Всё как по маслу прошло, будто состоялось партсобрание по советским канонам. Всё предусмотрел заранее, не случилось ничего непредвиденного. Кого-то поругал, кого-то похвалил, кого-то по головке погладил – и на том спасибо. Это свидетельствует о том, что собрание тщательно готовилось. Гром не грянул, всё обошлось...

Совершенно ничего не изменилось в поведении людей. Привыкли при социализме «одобрять» и молчать, и теперь, по привычке, позволяют себе лишь «присутствовать». И я такая же. А на моей кафедре в университете совещания проходят за пятнадцать минут. «Какие вопросы накопились за месяц? Есть проблемы? Чем могу помочь? Отчеты сдали? Задержитесь на пару минут, по поводу нагрузки для ваших аспирантов». И всё! И над диссертациями сами корпят, никого не эксплуатируют. Значит, от «головы» всё зависит?»

Инна наклонилась к Елене Георгиевне и зачастила:

– Взяла всё-таки договор, дала уговорить себя – с чем и поздравляю! Я нисколько не сомневалась, иного результата и не могло быть. Теперь запасайся терпением.

– Ясновидение не подвело тебя, – устало улыбнулась Елена Георгиевна. – А ты предпочла бы накликать на себя гнев зама и на следующий год остаться без договоров? Может, деньги тебе не нужны?

Инна смотрела на своего руководителя с прямодушной смелостью и будто ненароком продолжала делать замечания:

– Как в воду глядела, чувствовала, на тебя договор повесят. Прими мои сочувствия. Не сомневаюсь, заместитель к этому руку приложил. Ты находишься в информационном вакууме или в теме? Как этот договор стыкуется с нашим? Где найдешь время? Можешь навскидку сказать, сколько его потребуется?

– Чуть-чуть в теме. Пару раз случалось подменять Ивонова на полигоне. Разберусь. Упущенного времени не наверстать, но ничего, начнем, а там, надеюсь, всё образуется. Не переживай, я с большой долей уверенности утверждаю, что результаты не заставят себя ждать. Сугубо техническая сторона дела меня не волнует, коллектив чужой не люблю. Перспектива совместной работы не очень-то радует. Неловкость испытываю, когда до меня доходят известия об их взаимоотношениях и передрягах. Ты же знаешь, как часто из-за мелочных ссор и банальной глупости страдает дело.

– Вовка у них скор и находчив только на резкие и грубые слова. А так – не мычит, не телится. Соврёт – и глазом не моргнёт. Чуть что: я выхожу игры! Погорел на одной теме и теперь при всяком удобном случае – в кусты, как мышь трусливая, – доложила Инна.

– Не сыпь мне соль на рану, не стану я закручивать гайки. Со мной торг не уместен. Не хочешь работать – долой. Пусть шеф воспитательной работой с ними занимается. Сам набирал кадры, сам пусть и расхлёбывает, – объяснила Елена Георгиевна свою твердую позицию.

– Ой, начисто забыла! Слушай, Лен, – опять говорит Инна с простодушной интонацией, – тебе бы заполучить Олега Шевчука в нашу группу. Он сравнительно недавно в НИИ и был бы нам как нельзя кстати. Я советую тебе сделать на него ставку. Парень не промах. Любая его мысль – целое исследование. Фанат, женат на своей профессии, потому что во главу угла ставит работу. Для тебя он просто находка. У него похвальная неугомонность. Без твоей поддержки не воссияет его талант. Перемани его к нам.

Он, правда, малохольный, но цинизм у него наигранный. В прошлом году, когда работал в частной фирме в другом городе, по недоразумению вляпался в историю – нелепая случайность. Утверждает, что это произошло против его воли и до последней минуты он не знал, что его подставляют. Каково же было всеобщее удивление (с его слов), когда он всё равно ухитрился выкарабкаться без чьей-либо помощи. Отвязный, конечно, парень. Подумай, может, стоит к нему серьёзно присмотреться? Институт всегда нуждается в ярких личностях, а в трудные моменты – особенно. Ты не раскаешься, если возьмешь его.

«Просьба Инны прозвучала не очень уверенно. Говорит, но не договаривает, что-то утаивает. Не всегда она способна отделить важное от пустячного, если имеет личную заинтересованность, – догадалась Елена Георгиевна. – Видела этого Олега один раз: глаза кислые, лицо помятое, и в походке, и во взгляде проскальзывает что-то характерное для алкоголика. Что и говорить, вид у него далеко не презентабельный. И самое буйное воображение не позволило мне найти в нём положительного героя. А его слишком уж свободное, даже вызывающее поведение мне видится развязностью. Не верю я в его непогрешимость. Скорее всего, пьёт Шевчук. А пьющие – люди беспардонные, от них одни сюрпризы».

Деловой настрой Елены Георгиевны на миг уступил место чему-то похожему на досаду. Но она принялась терпеливо разъяснять подруге, почему не примет её предложение.

– Скажу по совести: не убедила ты меня. Сомнения – привилегия нашего возраста. Мой трудный жизненный опыт, как чемодан без ручки: его тяжело нести, а выбросить никак невозможно. Он всегда со мной, потому что нужен. Пойми, я слишком мало знаю об этом парне, чтобы строго судить или осуждать его. Ничего дурного о нём сказать не могу, но не разделяю твоих восторгов. Чутье подсказывает, что ничего хорошего не получится из нашего союза.

Последние годы я предпочитаю избегать общения с непредсказуемыми индивидами. Шевчук – далеко не лучший для нас вариант. Надо всегда думать на опережение – сойдется ли задачка с ответом? Мне непонятна феерическая прелесть неоправданного риска. Осторожность сродни мудрости. Но спасибо за информацию, – незаметно для себя владая в назидательный тон, говорит Елена Георгиевна (Сказывается педагогический опыт!). – Где-нибудь твои замечания мне сгодятся. Всё решает запас сил и знаний, а не рывок. Пусть Владимир Григорьевич сам Шевчука пасет. И если в нём заложено зерно гениальности, он раскопает его и направит в нужное русло... правда, к сожалению, в своё.

Меня останавливает и то, что в НИИ я не смогу обуздать Шевчука. Когда речь идет о стабильности и надёжности моего коллектива, я не принадлежу самой себе, я думаю о людях, за которых отвечаю. Они пришли ко мне, доверились, и я не могу рисковать, не могу обмануть их ожидания. Создание технологически и эмоционально стабильного коллектива – очень сложная интеллектуальная задача.

Я знаю, к чему приводит уступчивость и чем заканчиваются ситуации, когда из-за столкновений честолюбивых замыслов и амбиций поле деятельности научно-производственной группы превращается в место сражений. У меня нет четких оснований предполагать, что Олег именно такой. При всем уважении к тебе, я пока не возьму его в нашу группу, чтобы он, чего доброго, не натворил лихих дел. Сейчас не время для экспериментов. Не приваживай парня напрасными обещаниями. Найди благовидный предлог отказать, если уже пообещала, – твердым и безапелляционным, даже, пожалуй, жёстким тоном посоветовала Елена Георгиевна.

Она умела, когда это необходимо, придать своему голосу и торжественность, и ярость, и некоторую отстранённую надменность. И невдомек, что в своей уверенности – кто бы мог подумать! – она всегда сомневалась, о чём вряд ли кто-нибудь догадывался.

– Пожалуй, помогу Шевчуку на расстоянии. Я не стану возражать, если он придет ко мне на кафедру, дам ему несколько тестовых заданий, а там видно будет. Может, и отпадут всякие сомнения, и в аспирантуру его возьму, если окажется на самом деле толковым. Там он сумеет достойно распорядиться своим талантом. Я думаю, ты сумеешь правильно оценить это, без сомнения, важное предложение? Полагаю, и он будет приятно удивлен, узнав о моем желании помочь. Переубедила? Теперь мы сходимся во мнении?

Инна согласно кивнула.

– Знаешь, как он старается, часто даже в ущерб себе, – запоздало промямлила Инна, недовольная тем, что её «сватовство» не выгорело, и сразу же отвела глаза.

Виды она имела на холостого, заумного программиста. Он её племяннице приглянулся.

Елена Георгиевна, почувствовав изменение в настроении подруги, решила, что пора переходить в наступление:

- Да, Инна, всю бумажную волокиту по нашему договору на время придётся отложить или взвалить на тебя. Как ты к этому относишься? Какой вариант выберешь? Может, тебе стоит сразу включиться, чтобы нам не потонуть в ворохе документации. Только тебе с твоей педантичностью это по силам.

Инна недовольно хмыкнула. От обиды ехидные слова так и завертелись у неё на языке, но она прекрасно поняла мотив поведения подруги, благоразумно воздержалась от комментариев и заторопилась отойти «по делам».

«Ну и денек сегодня выдался», - вздохнула про себя Елена Георгиевна и направила свой взгляд через окно на далекий, еле видный в серой дымке объект, чтобы дать отдых глазам.

Шеф

Следующий пункт повестки заседания, подлежащий рассмотрению, непосредственно касался только механиков и мало интересовал Елену Георгиевну. Она сидела в лирической задумчивости, дальним зрением изредка поглядывая в окно. На стекле опять тонкие косые струйки дождя быстро и бесшумно размывали серые переменчивые картины городской жизни. Потом её мысли переключились на шефа. «Колоритная фигура – лобаст, сед, высок, широк, но тучным не выглядит. Хорошо скроен, плотно сбит. Глубоко отступившие залысины делают его лоб непомерно высоким. Лицо спокойное, решительное. Энергичный подбородок с ямочкой. В движениях сквозит уверенность – положение обязывает. Весьма внушительный вид! Не погрешу против совести, если скажу, что красив. И голос у него приятный, глубокий.

В юности он подумывал о карьере артиста – недостижимое всегда манит! – но по настоянию отца пошел в университет и увлёкся наукой. В ней он настойчиво-любопытный. Защитил докторскую. А потом административные способности проявились и пригодились. На посту завотделом двадцать пять лет. С этим и подошел к шестидесятилетнему рубежу. Как принято было раньше говорить, прожил все эти годы не зря. Но мы надеялись, что дорастет до кресла директора института.

Конечно, нельзя сказать, что шеф всегда вел себя расчетливо, но зазря не подставлялся под удары. Неконфликтный, неизменно дружелюбный. Пользуется расположением подчинённых, на редкость справедливый, не имеет обыкновения попусту придирается, никого не наказывает под горячую руку. Этаким простоватым балагур – вот в чем тайна его обаяния. Юмор имеется в его творческой палитре. Иногда приправляет свои указания крепким словом, но только с мужчинами, когда доведут до высокого градуса раздражения.

У него практичный ум немолодого, опытного, положительного человека: к месту, вовремя извинится, когда следует, маску наденет – в наивного сыграет. Приходится. Ведь чем больше уровень цивилизации, тем плотней прирастают различные маски к лицам. Зато по-крупному не предаёт. В беседе старается никого не ранить, искусно наводя мосты искренних взаимоотношений. И стрелочника винить в чужих промахах не станет. Ни деньги, ни должность не испортили в нём человека.

Не злоупотребляет своими возможностями руководителя. В нём нет ничего такого, что могло бы натолкнуть на мысль о его непорядочности. На таких вот и стоит Россия-матушка. Ему, наверное, тоже надоели официозные глупости. Но полномочия с себя не слагает...

Жене и детям не захотел изменять, не женился во второй раз, остался вдовцом. Сыновей своих поздних разумно воспитывает. Говорил, что они понимают друг друга на достаточно высоком уровне. Это дорогого стоит. Деньгами ребят не балует – не делает на них акцент. Самих заставляет себе путь пробивать, конечно, немного подталкивает. Не обидно, когда «толкают» достойных.

Почему не уходит на пенсию? Любым способом попытается оставить за собой портфель? Ходят сплетни, что за отсрочку неизбежного отстранения «продает нас с потрохами». Врут. В коридорах власти давно поговаривают об отставке шефа. Инна все сплетни знает. Перед тем как начальника отправить на пенсию или понизить, его обычно осыпают похвалами и наградами, а о нём будто забыли совсем. Хотя какие награды в перестройку! Не до жиру, быть бы живу. А может, кому-то место бережёт, и поэтому кто-то из тех, кто выше, его здесь держит, препятствует уходу? Он как нельзя лучше устраивает многих. Значит, нужен пока...

Может, и правда, хотят нас продать вместе с лабораториями? Пугающая перспектива. Смутное, сложное время. Всё без нас наверху решают. Так и раньше... Пускай решают, была бы нам и стране польза от новых веяний. И всё же, зачем он лег под нового зама? Может, на него надлежащим образом надавили? Стар стал бороться, устал? А ведь только благодаря ему НИИ выжил. И сейчас помогает молодым держаться на плаву. Приказали, может, даже и устно, вот он и взял под козырек. Мы же так приучены.

Шеф причастен к судьбе каждого сотрудника. Многие обязаны ему по гроб жизни. Отец родной. Если разобраться – золотая душа!

Заместитель

Елена Георгиевна перевела взгляд на Владимира Григорьевича, который почему-то замешкался и ещё не вышел из зала. «Каков зам? По природе своей молчаливый, склонный к сосредоточенности. Так ли это? Помнится, какая ярость нетерпения поначалу вспыхивала в нём, как только он понимал, что разговор не сулит ему никакой выгоды и он не сумеет добиться желаемого без каких-либо усилий. Потом научился в нужный момент находить подходящие фразы или бросать взгляд, который совершенно очевидно указывал собеседнику на его место. И только общаясь с человеком выше себя по чину, в чьей власти было предоставить ему что-то или отказать, кто, безусловно, мог быть ему полезен, он становился обходительным, разговорчивым и любезным.

Поначалу случалось, особенно с женщинами, он получал удовольствие от разговора, отдаваясь очарованию самой беседы или соблазну чувствовать себя объектом восхищения и любви, и тогда вполне мог закончить разговор не в свою материальную пользу, лишь бы продолжать испытывать влияние своего обаяния. Но как редко такое бывало!

Теперь он непреклонный, непревзойденный, запредельно недостижимый, деспотичный лидер. Так он о себе мнит? Неутомимый, непостижимый. Всё «не» да «не». Что кроется за его незавидной внешностью? Убежденность в собственном могуществе? На чём она основана? Почему никто не стремится обуздать его головокружительный взлёт? Будто и не затронул его кризис.

Одевается он, с моей точки зрения, безукоризненно – козырь в его пользу. На выбритом до синевы лице постоянная маска ироничной вежливости. Беспощадные бледно-серые глаза, ничего не упускающие из виду, смотрят на всех свысока. Они невыносимо холодные, презрительные, подчеркнута безразличные. Но какая у него, черт побери, гордая посадка головы. Какое самомнение! А эта картинно выпяченная грудь и вызывающе расправленные плечи? Они выражают нечто такое, что ему весьма приятно, а остальных раздражает.

Уравновешенный, величественно невозмутимый, без малейших признаков суетливости. Статуя. Скала. Обладает высокомерным мужеством? Всё в нём дышит спокойным достоинством. Кажется, совершенно невероятным вывести его из себя. И всё же понятно, что его спокойствие – покой временно затихшего урагана или вулкана. Он вызывает во мне чувство тревожного любопытства.

Знает себе цену. Говорит неторопливо, весьма вероятно, что обдумывает каждую фразу, поэтому-то всё у него выверено. Всегда выжидает момент, чтобы оставить за собой последнее слово. Дает понять, будто в действительности его вовсе не волнует то, чего он так осторожно, но напористо добивается, потому что знает: так или иначе, но в конце концов он получит своё. Каждый жест подчеркнута театрален, паузу умеет держать, это выходит у него естественно и не вызывает протеста. Иногда он бывает обескураживающе обаятелен.

Высокомерный, тщеславный, преуспевающий. Любит, чтобы всё у него было только лучшее. Безупречный, непогрешимый, великолепный в своей неоспоримости. Не подступишься. Не доводилось мне раньше видеть такой экземпляр. Когда требуется, блистательно владеет словом, но духовные муки не касаются его сердца. Он не из тех, кому доставляет удовольствие говорить людям от души добрые слова. Фразы может употреблять ласковые, но они не бальзам. В основном язвит. Легко обходится без чужого сочувствия и сам не грешит этим. А может, скрывает, маскирует свои чувства?.. Насколько мало думает о других, настолько много о себе. Терзания – не его ментальность. По части цинизма не мне с ним тягаться.

Для него всегда важны определённые и ясные факторы: целесообразность, объективность, реальность. Чётко знает, что хочет. У него есть цель, от которой его ничто не может отвлечь. Немудрено, что пока ещё ни одна задуманная и спланированная им для себя акция не провалилась. Иначе и быть не могло. В шестидесятые он давно бы сгорел в пламени своих непомерных амбиций, а сейчас есть возможность таким, как он, развернуться.

Как он говорит? «Историю пишут победители. Проигравшие – обречены на забвение».

Какой гонор! Не осталось для меня незамеченным и то, что в случае неожиданной опасности он на самом деле не спасует, следует ожидать от него деятельной решимости. И при всем при том хитер и осторожен, как волк. Хорошо знает, как отвести от себя обвинение, всегда сумеет вовремя сместить глаза и мысли проверяющих со своих проблем на чужие и, если потребуется, быстро замять любое скверное дело. Все ходы и выходы знает. Умеет жонглировать законами.

При неблагоприятных условиях скроется туда, куда не подступиться, не подобраться. Следы заметёт или на другого человека вину свалит. Ловко вывернется или даже обернёт дело против нападающего. Уже бывало такое. Добивается своего, пуская в ход связи, дергая за нужные ниточки, взывая к поддержке высокопоставленных друзей, требуя помощи от тех, кто вынужден подчиняться. И при этом умеет соблюдать внешние приличия. Эта линия поведения вовсе не нова, её применяют не одно столетие. Она в ходу у чиновников.

Думаю, зам досконально знаком с механизмом управления поведением людей прежде всего потому, что хорошо знает себя. Ему прекрасно известно многообразие чувств, буруевающих человеческое сердце в зависимости от того, что предлагает или отнимает жизнь. Любопытный тип. Может, он умеет предвидеть причудливые изменения, свойственные ветру истории?.. Не слишком ли высоко я его подбросила?

Он привык наносить удары ещё до того, как жертва успеет почувствовать опасность. Никому спуска не дает, ничего не оставляет на волю случая. Хищник. Тот ещё субчик! На его совести, с моей точки зрения, уже много чего... нехорошего. Заметен в нём и угнетающий избыток здравого смысла: его система уверенной самозащиты.

Пока работа приносит хорошие деньги, он будет ею заниматься и не выпустит вожжи из своих рук. Как тигр, почуявший запах крови, будет бросаться на добычу, ничем не гнушаясь. Гребет под себя всё, до чего дотягивается. Если у него появляется шанс – никогда не упускает. Свои шкурные интересы блюдет зорко. Своя рука – владыка. Что хочу, то и ворочу. Я ошибаюсь?

Почему играет вторую скрипку? Ведь он не признает соперничества. Ему это выгодно, умеет в тени оставаться до нужного часа, а как только представится благоприятная возможность – воспользуется? А может, руководство института держит его на вторых ролях? Вывод не напрашивается сам собой. Какие ещё трактовки и оценки я могу предложить? Разве возможны другие варианты? Главным у нас числится шеф. Но ни для кого не секрет, что право решающего голоса принадлежит заму. И это несмотря на то, что прошло не так уж много времени с его появления в стенах нашего НИИ. А может, он захочет выдернуть кресло и из-под директора? Что-то я стала думать, как мужчины. С кем поведешься...

Зам не загоняет себя, бережно к себе относится. Может, он и прав в какой-то мере, в смысле здоровья... Поклонник новшеств. Подвергает переделке не только процесс, но и людей. Ловкий полемист. Если потребуется, ошельмует кого угодно (говорят, у него большой опыт в этих делах), уничтожит, камня на камне не оставит. Кому угодно (почти) сумеет что угодно вменить в вину – не пожалеет. Пальцы в рот ему не клади. И в то же время, любой бунт сможет свести на нет, загасить, урегулировать. Никогда не допустит скандала. Не позволит втянуть себя в неоправданную аферу.

Может точно и убедительно обосновать любую (?) точку зрения или доказать, что проблемы не существует. Ему, используя внешне вроде бы разумные аргументы, удаётся убедить человека сделать то, чего вначале тому никак не хотелось. Его любимая фраза: «Я слишком умен, чтобы быть слишком добрым и честным». Ох, не люблю я тех, кто считает всех глупее себя.

Никому не спускает ни малейшего промаха. Он не склонен оставлять безнаказанным даже самые скромные посягательства на своё реноме, на свою территорию, ничего не делает просто так, из душевного повеления. Как-то – ещё в самом начале нашего общения – я поймала его очень заинтересованный взгляд и услышала похвалу, произнесённую с видом благосклонного достоинства. Какими словами он выражал своё расположение! И это при комиссии! Ну, думаю, медведь в лесу сдох или тысячелетний дуб повалился. Что он этим хочет сказать?

Была бы женщиной, сразу приняла бы его слова на свой счет как объяснение в любви.

Это первое, что приходит им в голову, когда видят к себе расположение несколько большее, чем положено иметь на работе между сотрудниками. Слишком верят в своё неотразимое обаяние. Видно, у многих из них и на работе голова не тем занята.

Но тут же сообразила, что раз зам так любезен, значит, ему что-то от меня надо. «В ответ он ждет от меня шикарных комплиментов в свой адрес! – наконец догадалась я. – Затем, видно, и хвалил». Но я долго перебарывала себя, считая его пока недостойным, упустила время, и ничего не ответила. Какой прокол! Какая осечка! Здравый смысл, конечно, склонял в сторону необходимости произнести ему хвалу, но так не хотелось! И момент был упущен.

Нетрудно догадаться, что он не был в восторге от моего промаха. Думаю, он никогда не забудет этой минуты своего мнимого унижения. Не люблю льстивое, неискреннее подыгрывание, хотя понимаю, что не обойтись без него, когда дело касается общения с клиентом. Это как бы часть этикета.

Долго заместитель не мог простить мне оплошности. Никак не хотел примириться. Ведь был затронут и принижён его авторитет! Но мне претила его жесткая манера общения с подчиненными и привередливость, и я уперлась. Не заставил он тогда меня расшаркиваться перед ним. В людях я больше ценила технические, профессиональные способности вне зависимости от начальственного ранга и простые открытые отношения, не выносила чиновничьи «штучки». Вот и «погорела», как швед под Полтавой.

Как-то при встрече посмотрел он на меня так, что я вся внутренне съезжилась, и зло так процедил: «Умнее вас считал. С таким, с позволения сказать, чутьем, вы далеко не уедете». «Так и не рвусь» – этой полудетской фразой я успокаивала своё раздражение после общения с ним. Я понимала его. У него ни один комплимент не должен остаться «неоплаченным». Наверное, до сих пор недоволен моей нерасторопностью.

Ознакомил-таки зам меня с тонкостями взаимоотношений с такими субъектами, как он сам. Научил играть с ним, быть сверхлюбезной. Вынудил, хотя и ненавижу лицемерие. Пришлось ради людей, которыми командую. Ох не по душе мне эта арифметика! С волками жить – по-волчьи выть. При свидетелях, когда этого требует дело, внешне я почти всегда с ним соглашаюсь и придаю такое необыкновенно высокое значение его словам, что посторонним кажется, будто ловлю их с его губ. И тут – я в этом твердо убеждена – я права, потому что жизнь – сплошной компромисс. И где он нравственен, а где нет, человеку самому решать на основании обстоятельств и своих внутренних убеждений. Но, оставаясь один на один, я тут же требую сатисфакции. И зам, понимая и принимая игру, в таких случаях уступает. Серьезно спорим.

От деда я переняла его основное правило: не желай другому того, чего не хочешь для себя. Нравы людей со временем, конечно, меняются, а мораль должна сохраняться. А ещё дед предупреждал, что от моего сопротивления плохие люди силы набираются. Но когда я смиренно удаляюсь, они теряются, не зная, чего от меня ожидать, и весь пыл их пропадает, просто улечивается. Дед умел так сгустить пространство и сказать таким голосом, что не поверить ему или послушаться его было невозможно. И я внимала ему. Поучительный образ деда всегда служит мне для того, чтобы гордыня не одолевала, чтобы глаза вовремя разлепляла.

Помнится, разочаровалась я в методах преподавания специальных наук в университете, даже подумывала бросить учебу. Глупой, заносчивой случалось быть. Дед утверждал: необдуманные слова и решения – это одно, а действия, следующие за их принятием, – совсем другое. И я убедилась, что закончить обучение, доказала сама себе, что я лучше и с большей пользой смогу заниматься любимым делом, имея за плечами богатый багаж теоретических знаний.

Дед терпению учил, выдержке. Самокритичен был. Всё больше с юмором, с иронией о себе говорил. Помню, маму успокаивал: «Ты же знаешь, упрямство в нашей семье только по мужской линии передается». Мама рассмеялась и отвлеклась от проблем. Разве можно было после таких слов сердиться и обижаться! Да, что там ни говори, умел дед и слово сказать, и дело сделать. Жаль, мало мне было отмеряно времени на общение с ним. Число наших встреч могу пересчитать по пальцам рук.

Я, к слову сказать, так и не научилась жить без деда. По-прежнему каждый шаг свой по нему сверяю, мысленно совета испрашиваю. Дед по-своему, по старинке, интересно излагал свою концепцию жизни: благословенный труд – форма служения Богу, Отечеству и семье. Может, оттого и трудоголиком сделалась.

Дед старался передать мне не только свои знания, но и то, что считал в себе лучшим. Усмирял мой бунтарский дух, сдерживал, но не укрощал полностью его порывов. Стремился отсрочить мой выход во взрослую жизнь, пока в достаточной степени не поумнею. Надеялся успеть вооружить меня всем тем, что могло понадобиться в последующей жизни.

Пытаясь избавить меня от вредных наслоений, полученных от окружения, он, случалось, вышелушивал меня своими вопросами, как початок кукурузы или стручок фасоли. Утверждал, что непомерные претензии порождают вспыльчивость и гнев и ведут к нетерпимости. А я упорствовала. Не убежденный мнимой разумностью моих доводов, он оспаривал, отвергал их и навязывал свои взгляды твердо, властно, с истинной непреклонностью. Он словно гвозди забивал мне в голову, а не тривиальные истины. «Главное – научиться думать, действовать и трудиться». «Зависть разрушает человека, парализует, не дает свободу творчеству». «Леность, беззаботность, безразличие и скупость непростительны...» Но мне казалось, что я и без него всё это давным-давно знаю и понимаю, просто не заостряю на них внимание. Вот и артачилась. Говорила полшутя, что любое подавление человеческой личности опасно, потому что ведет к непредсказуемым последствиям, что принуждение и невыполнение желаний является причиной неуравновешенности характера и даже психических расстройств. И что хуже? И он терпеливо объяснял.

А после бесед дед снова становился мягким, сердечным, даже нежным... Именно он направлял мой разум, определял стратегию, придавал форму мыслям и помогал стать тем, кем я сегодня являюсь. Именно ему я обязана той искре безумства, что так необходима для созидания, и ещё способности устремлять свои мечты в будущее и направлять их по тропе практического смысла. Если уж на то пошло, многое у него получилось. Не удалось только научить меня смеяться над жизнью и её бедами. Не успел или с этим надо было родиться? А вот философский взгляд на вещи и ирония как проявление духа противоречия – от него.

К сожалению, разум не есть панацея от всех грозящих человеку неприятностей, и хорошо бы иметь защитную оболочку юмора, а не иронии. Вот поэтому жизнь – это чудо, наслаждаться которым в полную меру дано не всем. Далеко не всем. Дух человеческий всегда пребывает в состоянии взлета, но у многих из нас в некоторых аспектах он так и не возносится выше высоты, определенной ему природой. И не у всякого человека выдерживает испытание на прочность материал, из которого строится его душа.

Трудно уловить тот момент, когда надо быть смиренной, а когда лезть на рожон. Всю жизнь учусь лавировать, а всё равно обжигаясь. Такая вот трудная наука. Куда там по сравнению с ней страшный для студентов сопромат!

И всё же, какой зам? Харизматичный, тонкий, нежный? Скорее, изнеженный, лощёный, холёный. Очень чувствителен к факту собственной лучезарности. Любит, чтобы ему подчинялись беспрекословно. Даже не допускает мысли о возражении при свидетелях. Стремится исключить всякую возможность управлять им. В пользу этого говорят даже его гладко зализанные черные волосы, неизменно прямая, какая-то скованная походка робота. Мне кажется, такие субъекты воспитываются с детства, в соответствующей среде. Переучиваться – процесс слишком болезненный. (Яркий пример тому – сын генерала из моего детства?)

...И прекрасное здоровье зама, тоже, наверное, служит ему неиссякаемым источником счастья. Молодец, очко в его пользу.

Перед начальством он – сама утонченная любезность, наигранная, хорошо отрепетированная. А как насчет юмора? Не заметила. Умеет, обдав клиента замораживающим взглядом, неподвижным выражением физиономии, возвести перед ним непреодолимую стену. Лицо сколько-нибудь официальное грубых слов произносить не должно, и вот здесь-то как нельзя лучше подходит его спокойный, «леденящий»

подход. И в рассудительности ему не откажешь. Хотя методы осуществления оставляют желать лучшего. Наверняка считает себя носителем истины в последней инстанции. Числится непотопляемым, потому что глубоко уверен в своём превосходстве. А я умею, когда это необходимо, вовремя сдать назад, не заикливаясь на самолюбии, лишь бы на пользу людям.

Само собой разумеется, знает зам свои сильные стороны и удачно использует их. Для очистки совести скажу: молодец. Преклоняюсь перед сильными духом. Недаром говорится: бог дает всем, а кто как распорядится своим даром – другой вопрос. А он умеет, но, к сожалению, только с обязательной выгодой для себя.

Если захочет, воспользуется малейшей ошибкой сотрудника и вмиг выгодный контракт или долгосрочное соглашение отдаст блатному. Преследует каждого, кто не отвечает его представлениям об удобном сотруднике, и прежде всего того, чья наука составляет конкуренцию его «трусам», смотрящимся на их фоне более бледно. Погубит любого, кто посмеет усомниться в его способности властвовать. Считает, что в таком деле ему все средства сгодятся. Тут его мстительная натура берет верх. Ему важнее уничтожить, чем создать. Наплюет в душу, пойдет на всё, чтобы воспрепятствовать продвижению того человека. Задавит. Вот тут-то и пригождаются обласканные им чиновники, надежные «прикормленные» друзья.

И чужая порядочность ему мешает жить. Такому постарается вкатить тройку выговоров и выгонит, не поморщившись. А неопасных людей обходит, как огибают статуи или, точнее, столбы. Вертит сотрудниками, как вздумается, манипулирует, будучи прекрасно осведомленным о мотивах их поступков. Психолог. Жизнелюбивый циник. У него не проскочишь. Не помнит, о чём не хочет помнить.

Самое обидное, что не удаётся ему противостоять. Мы ведь, к сожалению, часто ведём себя, как стадо баранов: то бестолково сбиваемся в кучи, то напротив – кто в лес, кто по дрова разбредаемся. Сдается мне, что чем людям хуже, тем ему лучше. Ухо остро с ним держать приходится и быть постоянно в тонусе.

Как-то закрутилась и не успела согласовать с замом свой проект, так он усмотрел в этом жестокое оскорбление, попытку ниспровержения его авторитета, и тем обрекла себя на конфронтацию. А шеф просто подошел бы и напомнил... и никаких обид. Но только не зам! Это же ниже его достоинства! Долго я беспокоилась, какое изощренное наказание он придумает мне за непреднамеренную дерзость. Боялась подвести своих людей. Боже мой, боже праведный, сколько ошибок мы совершаем за свою короткую жизнь! Будто начерно живем, мало задумываясь о последствиях. Инна шутит: «Поменьше анализируй, а то вдруг вскрыется что-нибудь такое, что вообще не захочется жить». Ей проще, она не руководит.

Не сразу, но всё же успешной работой вернула я себе значительную часть расположения зама. И в голосе его появилось что-то похожее на уважение. Понял, что без честных тружеников ему не обойтись. А ведь сначала за дурочку держал из-за моей излишней прямолинейности, в открытую презирал, не втихую подкапывался, как к некоторым, более сильным противникам. Не понимал, что насквозь его вижу, только характера не хватало вести с ним борьбу? Интересно, испытывает ли он со мной хоть иногда чувство кошки, упустившей свою излюбленную жертву?

Жуткий человек. Когда такой попадает в коллектив – судьбы людские летят кувырком. Всех подчиняет, в стадо превращает, использует. Блатных «насаждает». И нет пощады тому, кто пытается ему воспротивиться. Считает себя выше критики. Вот тебе и роль личности... Взашей таких гнать надо. Кто этим займется? А пока он гонит... Тиран, изверг, изувер. Мне его не победить, остается ненавидеть и остерегаться.

И ко мне неминуемо подкрадывается пенсионный возраст, а сынок ещё школьник. Может, минует меня сия чаша? Надеюсь, до доцентов и профессоров очередь у него не скоро дойдет. От воли руководителя зависят судьбы сотрудников, вот и приходится отмалчиваться либо маневрировать. А некоторым ловчить, улаживать или ещё нечто в таком же роде делать, пытаюсь при этом soblуживать остатки собственного достоинства. Иначе крышка. И перед кем приходится выслуживаться, прогибаться, заискивать? Перед этим... как его там... шибзиком?.. Обидно. И всё по той простой причине, что некуда больше идти. Безработица, безденежье.

Как бороться с замом? Как заставить его отказаться от того, на что он рассчитывает? Как найти слабое звено в его кажущейся безупречной стратегии? Вся загвоздка для меня, например, ещё в том, что не удаётся полностью вытравить из сознания посеянное ещё в раннем детдомовском детстве чувство растерянности перед наглостью и до сих пор не искоренённую, порожденную нищетой и зависимостью униженность перед начальниками.

Многие из нас привыкли легко сдаваться, стоять, сгорбившись, с затравленным видом, спиной чувствовать приближение неприятностей, гнуться под окриками, бежать за всеми, подчиняясь стадному чувству. И это всё объясняет. Наверное, поэтому у меня никогда не было стопроцентной ненависти к тем, кто рушил мои мечты, ломал карьеру, гадил в душу. Была только обида и досада на то, что судьба подсунула мне этих людей. Может, эта неспособность у меня ещё от излишней доброты, от стремления понять любого и оправдать? Работать умею, бороться не всегда получается.

А такие субъекты, как зам, не считают себя плохими и не видят смысла оправдываться. Хотя, помнится, один такой «типчик» как-то признался мне: гадкий я человек! (А человек ли?) И сказал это с какой-то неподражаемой гордостью, так что у меня от удивления брови кверху полезли. Не совладала с собой, не сработала привычка контролировать свои чувства и поведение, а он смеялся мне в лицо, довольный произведённым эффектом. Никогда не могла понять эту несоразмерность в некоторых людях. Собственно говоря, я вольна думать по этому поводу всё, что мне заблагорассудится. И всё же моё глубокое убеждение – злой, жестокий человек не может быть истинно счастливым. А может, счастье бывает разным? Издеваться над кем-то – счастье? Власть применять не во благо даже близких людей – тоже счастье?

Нет, некоторые из моих знакомых, конечно, открыто выступали, но чем это заканчивалось?.. Повержены. Не всем дано воевать, предвидя своё поражение. И всё же я уважаю людей с собственным мнением. И тоже борюсь по мере сил. «Мало воюешь», – возражает кто-то внутри меня. «Да, мало», – торопливо перебиваю я сама себя, соглашаясь с мнением своей совести и продолжаю осторожничать, потому что сын у меня. И я за него в ответе. И ещё за тех людей на работе. За них я тоже несу ответственность. Великий стратег Кутузов тоже считал, что вовремя отступить бывает на пользу. Ищу себе оправдание?

А зам сумел отлично вписаться в современную ситуацию со своим лозунгом: думай так, делай иначе. Потому и на коне. Что нам говорит на эту тему литература? Раз уступив или отступив, можно навсегда остаться в услужении у дьявола. Крайность.

Не стану я продавать душу дьяволу, останусь в обнимку со своим достоинством. Если я чего и достигала в своей жизни, то не переступая через совесть, а лишь иногда играя в поддавки. Тем и горда. Был единственный свет в моем окошке – мечта, и знала я один верный путь, потому-то и училась зло, напористо, надеясь трудом и знаниями проложить себе «дорогу широкую, ясную». И не ошиблась. Достаточно много сумела. И вера, пусть даже иссохшая и потрепанная, но осталась в моем молчаливом, романтическом сердце. И до сих пор поддерживает.

Зам умнее других? Да. Хотя смотря что за ум считать. В науке он слабее многих. Наглее, настырнее, хитрее? Да. Благодаря этим качествам уверенно демонстрирует свои преимущества и не сомневается в непогрешимости своих умозаключений. Предприимчивее, напористее, осторожнее? Да. Знает, что к чему в этом мире.

Какие цели он преследует? Ох, боюсь, подсидит он директора и сместит. Наверное, ждет не дождется такой возможности. Не удивлюсь, если уже начал необъявленную войну. Не сомневаюсь, что его внешне спокойное сидение в заместителях шефа – уловка. Наш отдел прибрал к рукам, все нити у него, всех на коротком поводке держит. Не слишком ли много на себя берет?

Слышала, собирается баллотироваться в депутаты. Значит, позиционирует себя не иначе как другом народных масс. А что, и пройдет. И будут люди с надеждой смотреть ему в глаза, а он снисходительно оглядывать их сверху вниз или поверх голов, и лицо его будет

выражать незыблемый авторитет. И будет распирать его от гордости и тщеславия. У нас любят уверенных в себе. (А где же неуверенность, присущая всем, кто невелик ростом, прячет её под маской гонора?) Наполеон!

И ведь уже многие находят, что так и должно быть. Мне сначала как-то не представлялось, что он может пойти на такой шаг, а теперь пугает его вездесущность. И это внушает тем большее беспокойство, что разобщение в коллективе доходит до того, что ни одного вопроса невозможно решить сообща. Трудно представить, чем всё это закончится. За один год расчленил коллектив! Не доводилось мне раньше бывать в такой переделке. Вот так и государства рушат.

Ещё не защитился, а уже торопится занять важное кресло. Неужели верхи прочтат его на место директора института? Нет, для полного счастья нам только зама в директорах не хватает! Отдалить бы момент такой развязки, но как? Жизнь – клубок неразрешимых проблем. Иногда судьба так ударит под дых, что долго опоминаешься, и память о таком событии горькой занозой застревает в сердце, а другой раз – ничего, легко проскакиваешь неприятное, – иронично хмыкает про себя Елена Георгиевна. – А может, со стороны пришлют истинного ученого, если наши не устраивают, тогда и нам и науке повезет? Так часто раньше делалось, чтобы порвать старые связи, встряхнуть организацию, направить её по новому пути. Ой, вряд ли... по теперешней-то жизни. И куда заведут нас такие, как Владимир Григорьевич? Всё же ускользает от меня полное понимание его личности. Многолик, многогранен? И это тоже талант. Талант чиновника.

Не с первых минут знакомства зам сумел расположить к себе, освоиться, вписаться, багаж доверия постепенно накапливал. Учился. Тогда он должность занимал не самую престижную. Помнится, сразу проявил себя как полноценный деловой партнер. И я прониклась к нему доверием, помогать стала. Поразил меня тем, с каким истым упорством и систематичностью входил в мельчайшие детали изучаемого дела. Ну а потом... уже через год...

Он всё время играет какую-то роль и на всех будто в прицел смотрит. Но играет только по своим правилам и на своём поле. Может, так и надо при капитализме? Времена высоких материй ушли в прошлое. А нас уже не переделать.

Зам иногда любит проявлять великодушие, но за счет других. Тешит себя так? Вся его жизнь – искусная борьба, стремление побеждать. Насколько полезен он отделу? При его некоторых положительных, так необходимых для современной жизни качествах, он далеко не подарок. Ох не подарок! Даже напротив... тот ещё гусь.

В любви и уважении сотрудников не нуждается. Сам себя любит и этого ему достаточно? Не думаю. Такие типчики многого хотят. Есть ли у него привычки, которым он предавался бы с наслаждением и которым имел бы обыкновение оказывать предпочтение? Не знаю. А при случае не прочь была бы выяснить. Как к женщинам относится? Не чужд их общества, снисходит до использования. Интересно, любовь к женщине может сделать его милосердным? Сомневаюсь. Наверное, способен только на сильную временную страсть. Думаю, и она тоже является порождением его рассудка; практическое соображение всегда перевесит. Захочет, сможет женщину поднять до уровня звезды, а может держать на задворках, в грязь втоптывать. И втоптывал. Инна до всего дозналась. К сожалению, подлость вопреки всему часто нагло торжествует. Воспитан соответствующим образом или натура такая? Это выше моего понимания. Пирамиды – символ тщеславия фараонов, количество любовниц – то же самое для современных «суперменов».

Он всегда такой уверенный и спокойный? Ничем его не прошибешь. На чём зиждется его сознание своей исключительности? Что делает его непотопляемым? Чем это объяснить – можно только гадать. Самое естественное предположение – за ним кто-то стоит, что прикрыт он бронированным щитом верхушки. Кто же его пасет? Кто оказывает покровительство?

А может, он блефует и сам поддерживает эти слухи? По теперешней жизни это часто случается. Какая реальная сила его поддерживает? А вдруг... Не исключено... До какой степени простирается его власть, сколько лишних тузов в его колоде? Как далеко он готов зайти в своих притязаниях?

Елена Георгиевна невольно сделала отстраняющий жест. «Не очарована длинным

списком его высокопоставленных знакомств. Мне известна ненадёжность благоволения некоторых из них. Как там, в поэтических строках, звучит стремление быть подальше от сильных мира сего?.. Смущает ряд соображений, одно из которых то, что, не пройдя спецкурс и спецпрактикум комсомольской, партийной или административной школы, делать там, наверху, неподкованному нечего. Сразу сгоришь, закопавшись в ошибках. Да и субординация... Собственно, в любом деле надо быть на высоте знаний. Значит, засланный и прибыл набираться опыта? Но ведь не советские времена. Собственно, что изменилось? Какая разница? Верхи всегда верхи.

Есть связи, которые далеко не всегда очевидны. Что же касается меня, то я уверена в существовании скрытого порядка жизни, недоступных мне глубинных взаимоотношений разных уровней, тонких слоев бытия руководящей верхушки, находящейся вне прямой досягаемости. Там хитроумные переплетения доходят до того, что право лидерства приобретает в основном только сильнейший или богатейший. Нет, деньги – недостаточный фактор. Связи вкупе с ними. Надо много знать, чтобы отважиться, хотя бы слегка намекнуть на истинное понимание положения дел в этом слое. Мне это не дано. Здесь мало знания краткого курса политэкономии, изучаемого только для того, чтобы сдать экзамен. Не моя это епархия, не моего ума дело...

Упросил как-то шеф по пути занести больному заму договоры на подпись. Как в девятнадцатый век попала. Квартира двухэтажная (ещё до перестройки полученная), вся пропитана духом эlegantности. Изысканное сочетание старины и современного комфорта. Баснословно дорогая мебель. И картины, картины... Я тогда восхищенно, удивленно и испуганно молчала, захлебнувшись эмоциями. Откуда у него такое? Сразу вспомнились скромные, в основном двухкомнатные, до потолка заставленные книгами квартиры наших профессоров.

Белиберда в голову лезет. У меня своя жизнь, свой круг общения. Я пассивный, отстранённый наблюдатель гигантской, целостной системы, в которой всё взаимосвязано, взаимозависимо. Она спрятана от глаз большинства простых людей. Всё протекающее наверху для меня мнимо и условно. Там, как и во все века, идет мощная виртуозная игра. Мне трудно наглядно представить себе их круг общения с бесконечным числом неожиданных, изоощренных хитросплетений. Они, заняв круговую оборону, не выпускают в него никого из чужаков. Там не может быть случайных людей.

Нет, конечно, если быть до конца честной перед собой, разобраться во всех этих хитросплетениях я, конечно же, могла бы, только зачем мне это? Я же не собираюсь становиться одним из звеньев этой их жизненно важной цепи. Я не тщеславна и не стремлюсь стать публичным человеком. Меня устраивает моё место скромного, но далеко не последнего человека в нашем вузе и в НИИ. И незачем мне заморачиваться чужими проблемами. Хитрость и я – категории несовместимые, поэтому у меня свой потолок.

А для зама, видно, эта среда родная. Он умеет плести тончайшие кружева интриг. И хотя вопрос с его дальнейшей карьерой пока остается открытым, я думаю, он пройдет во власть. Чей он протеже, кому выгодно его продвижение, чем оно продиктовано – не мой вопрос.

А мой друг юности – очень толковый ведущий инженер из нашего НИИ – женился на москвичке, дочери генерала. Сейчас в министерстве. Вот тебе и потолок! Не обидно, когда талантливые люди занимают там достойные места. А как мой знакомый Василий стал директором предприятия? Говорят, прикрылся броней чинов и старых заслуг, заручился высоким покровительством, и, когда какому-то крупному чинуше приглянулась его прекрасная квартира, они столкнулись. Может, треп?.. И мой шеф тоже, наверное, теперь мелкая разменная монета в чьей-то игре? А вдруг заму когда-то выпал джокер и уж он-то его из рук не выпустил? Ох не верю я в эти сказки про случайное везение!

Что послужило мне поводом к подобным рассуждениям? Зачем мне знать этот виртуальный – для меня – мир? Непонятен он мне, омерзителен. Некоторые по пути в него столько раз в грязи изваляются, прежде чем достигнут желаемого. А я никому пятой точки не лизала, ни с кем в постели не кувыркалась.

Увлелась я что-то. Чепуха, всякая чертовщина в голову лезет. Наслушалась сплетен. Недаром говорят, что не критикует руководство разве лишь ленивый да трусливый. Так и

хороших людей можно изгваздать и затащить в общую помойную яму. Может, большинство из тех, что идут во власть, имеют целью достойно служить родине, а я их не по шефу, а по заму меряю, как старая маразматичка. Я в своей жизни уже много ошибок совершила, многому научилась, теперь могу и покритиковать, – усмехнулась, оправдывая себя, Елена Георгиевна. – Только ни к чему мне это».

* * *

За окном тревожный сигнал «скорой помощи» разрезал ночную темноту. Кира очнулась от воспоминаний о Лениных рассуждениях в тот далекий памятный вечер. Мысли её потекли в другую сторону. Она вдруг, непонятно почему, представила себе молодую, счастливую Лену, окруженную веселой оравой сыночков и дочек. «Прекрасный мог бы быть вариант», – улыбнулась она, и её думы направились в русло забот о собственных внуках: «Как там сегодня справится младший внучок с контрольной по математическому анализу? Первый курс – самый трудный». Тревога о внуке отодвинула на второй план преходящие проблемы и радости, которые свели её в этот вечер с подругами юности. Потом она стала думать о младшей дочери, о маленькой внучке-прелестнице... и задремала с тихой радостной улыбкой на лице.

РЕКВИЕМ

1

Тишина в комнате создавала иллюзию уединения и приносила Лене чувство облегчения и некоторой опустошенности. Она блаженствовала, полностью отдавшись во власть расслабления. Инна оглянулась на спящих подруг, прислушалась к их дыханию.

- Смотри, и Аня наконец окончательно отошла ко сну. Долго маялась, но усталость и волнение переполненного информацией дня ее сморили. И Жанна «отрубилась», будто провалилась в преисподнюю. Теперь их не подразнишь, - с шутливым сожалением вздохнула она.

- Угомонились, - прошептала Лена, придвинувшись к самому лицу подруги. И та поняла: разговор будет не предназначенный для чужих ушей, и напряглась.

- Сколько тебе осталось?

- Догадалась? Два-три.

- Года?

- Как это ни прискорбно... месяца. «Жизнь идет к последней, пока еще недописанной странице». А может, и раньше. В любой момент.

- Господи!

Обе женщины замолкли, придавленные своей беспомощностью перед роком. Лене в этот момент поразили безумно-тоскливые глаза подруги и руки, сведенные в безнадежной мольбе к Всевышнему. Маленькие ладони, сложенные просительно и приложенные к губам, будто отсылали в небо потоки обид. Молящие, скорбные руки, как на русских иконах.

Лена грустно подумала: «Само по себе - это неожиданное сочетание, если помнить о ее неверии. Может, это подспудный отзвук нужды в вере, проникающий в душу, когда человек идет... на закланье? Наверное, по-другому и быть не должно. Я ударились в религию? Я бы не удивилась, если бы сейчас прогремел гром или в наш дом ударила молния. Где этот вездесущий соглядатай? О эта неосознаваемая, непререкаемая вера!.. Искренние, страстные просьбы к Богу - удел детей, неизлечимо смертельно больных и безраздельно одиноких. К Нему обращаются те, кто по-настоящему несчастен. Они молят и требуют у Него: дай нам то и то. Нет чтобы хотя бы в последние минуты попросить открыть великую истину. Или она там... за гранью?»

- Лопнула пружина завода моих часов. Я слышу последнее перед остановкой быстрое шуршание расслабляемого механизма. Кто-то сказал, что время - это отношение бытия к небытию. И с математической точки зрения это верно и красиво! - усмехнулась Инна и горько добавила:

- За время последнего «нападения» болезни я утратила почти все желания, кроме одного, главного: я так хочу жить!!! Но чувствую, что спектакль заканчивается, занавес опускается, и поднять мне его уже не получится. Финал ясен. И никаких театральных «но». Последний акт, последний такт - как хочешь назови. В соревновании со смертью победивших не бывает. Судьба взяла за горло. Жизнь подняла меня на копыя... Всё против меня. Кто сам строит свою жизнь, а кого она ведет. «Превратности судьбы меня уже не тронут». Проворонила, выронила я свой джокер. Теперь всё будет как будет. Смерть подчиняется другим законам, нежели жизнь.

- Не торопишься ли? Не рано ли засел в голове страх? Не грех бы заняться изучением научных трактатов по этой проблеме. Отвлекает. Пыталась? Открой карты. Холодный взгляд, ледяной тон - значит, обижаешься. В принципе, когда бы эта самая, с косой, ни пришла - всё рано. Или нет?

- Осаживаешь? Оставаясь наедине с собой, я чувствую себя одинокой, покинутой. И кажется, что многое в моей жизни не сошлось с задуманным. Но это еще не всё. Говорят, что только находясь в пограничном состоянии, на грани смерти, человек наиболее полно осознает себя. А я не чувствую этого. Я никогда не считала себя приверженцем этой философии, но все же как-то не по себе.

- Возможно, это верно для молодых. Принято считать, что им еще есть что осознать, - усмехнулась Лена.

Но Инна серьезно сказала:

- Не знаю почему, но во мне с раннего детства было предчувствие трагичности моей судьбы. И вот сейчас... я будто бы одной ногой уже там.

- Феноменальные природные способности! Рядом с тобой страшно находиться, - грустно пошутила Лена. - В нашем возрасте здоровье - это великое чудо. Ты давно заметила грозные признаки возврата болезни? Говори, не держи в себе, - попросила Лена, словно не услышав скорбных слов подруги, и напряглась так, точно вытянулась в струну. И она поняла, что второй вопрос дался ей ничуть не легче первого.

- Недавно. Я последний год чувствовала себя на удивление хорошо. Такой душевный подъем в себе ощущала! Столько во мне энергии появилось ниоткуда! Как никогда прежде, после тех двух операций. Опять замирала от счастья, любясь облаками на ярко-синем небе и вдыхая дурманящие весенние запахи. Решила, еще лет двадцать проживу. Думала, теперь-то не выпущу свою птицу счастья. И вдруг... она упорхнула. Загремела я в больницу. Узнала диагноз и как в страшно глубокий колодец ухнула головой. Иду, по лицу текут черные слезы. Думаю о том, что теперь уже не выберусь. С тяжело нахлынувшим неотвратимым отчаянием осознаю, что это конец. И тогда совсем по-другому стали вспоминаться все прежние страхи.

Собственные мысли не доходили до сознания. Я теряла ориентацию: где я? что я? - не соображала. Когда приходила в себя, ужас опять не шел из головы. Все хорошее куда-то улетало, я раздваивалась, троилась, возникали сюрреалистические видения, словно включался еще и еще один, и еще другой ассоциативные ряды. Разум пытался обрести опору то в реальности, то в вере. И уже не было сил ни на внешнюю, ни на внутреннюю полноценную жизнь. Долгоиграющая концентрация внимания на чем-то положительном оказывалась совершенно невозможной. Я не готова была воспринять сказанное доктором. От жутких мыслей не спрятаться, не скрыться.

Знаешь, в детстве я где-то вычитала фразу «смертельно сладкий ужас». Много раз пыталась ее понять, прочувствовать. Бывает невыносимо, восхитительно хорошо или жутко больно. Но не бывает ужас сладким! Если только... находишься по другую сторону от страха, от жизни. Наверное, это гипербола.

Вдруг Инна нырнула под одеяло и зарыдала безудержно и беззащитно. Она в бессильном протесте отдавалась боли души, не в состоянии больше скрывать ее от подруги.

Лена порывисто обняла ее и, обливаясь мгновенно брызнувшими слезами, горячо зашептала:

- Мы не сдадимся без боя. Мы сумеем победить. Помнишь фильм, где заяц отбивался от орла? Если бы он побежал от врага, у него не было бы шанса выжить.

- «Не ошибаешься? Проверь исходные данные. Они могут быть верны не при любых условиях задачи». Так, кажется, рассуждали мы в НИИ, исследуя результаты неудачного эксперимента? - всхлипывая и вытирая мокрое от нескончаемых слез лицо, в своей ироничной манере ответила Инна. - Знаю, нельзя глубоко уходить в гибельность, в отчаяние. Но ведь, как принято говорить, жизнь и смерть идут рука об руку. Из первого неотвратимо вытекает второе. У кого перетекание плавное, у кого скачком. О, этот невыносимо мучительный таинственный страх смерти... Не оклемайтесь мне. Вознесусь или... Страшный суд решит... - дрожа и икая, продолжила она.

- Божий суд. Стряхни с себя наваждение. И почему Всевышний в первую очередь торопится призывать к себе хороших людей?

- Хороший человек - это уже немало, - криво усмехнулась Инна, все еще мелко подрагивая всем телом. - Твои добрые слова оседают в моем сердце прекрасным узором холодной снежинки. Помнишь?..

- Конечно, помню. Постой, диагноз - еще не приговор. Может, это ошибка, недоразумение и ты зря вбила его себе в голову. Сходи к другому врачу. Шансов меньше, чем хотелось бы, но они есть.

Лена не отпускала подругу, крепко сжимая ее безнадежно вялые плечи.

- Шансы. И главный из них - чудо. Твои уверения меня не слишком убеждают, но приятно. Без обиняков отвечу: я отклоняю твое предложение. Ты ждала иного ответа? Не обнадеживай. Дни сочны. Никто не даст отсрочки. Мои биологические часы в мозгу требуют остановки. Их пружина совсем ослабла. Чего уж теперь хорохориться? Судьба вынесла свой приговор, наложила резолюцию, и я прямо и смело смотрю ей в лицо.

Скоро не будет уже ничего хорошего, равно как и ничего плохого. Отрешусь от времени и места. Теперь или в омут с головой, или в проклятья Всевышнему. Боли страшные... Глупости говорю. Ничего меня уже не держит на земле, кроме любопытства: что будет со страной через десять, двадцать лет? Всё, переступила черту... Я как на лезвии ножа... Оттуда еще никто не возвращался. Вот такая печальная подробность. Собственно, в масштабах Вселенной человек ничтожно мал, как маковое зернышко, пылинка, - словно о чём-то постороннем сказала Инна. Лицо ее было бесстрастно, холодно и пусто. Может, таким оно показалось Лене в мертвящем лунном свете. - А тебе сколько онколог обещает? - внезапно спросила она.

- По грубой прикидке, от силы два-три года, но сердце в любой момент может сократить этот срок.

- Смерть причину найдет.

- Собственно, в Москве по раку меня уже давно приговорили, но Всевышний не согласился с заключением докторов и дал мне еще пожить, может, для того, чтобы я успела закончить предназначенное свыше.

- До финальной точки тебе еще далеко.

- Относительно. Врачи дополнительно констатируют стойкую ишемию, пневмосклероз, жидкость в плевре, в коленях и еще много чего противного. Центр тяжести в оценке их прогноза смещается в сердечно-легочную сторону и тромбоза. Остальное можно аннулировать, изъять из памяти и из медицинской карты. Врачам ровным счетом ничего не понятно в моем организме. Один диагноз накладывается на другой, на третий...

Ты знаешь, у меня легкие на снимке напоминают дуршлаг. Самое смешное, что из всего урока анатомии, на котором наша учительница рассказывала о строении легких, меня почему-то поразила и накрепко врезалась в память только та часть, где она сообщила о склеивании и срастании альвеол, ведущих к полной потере дыхания. Я помню, как ярко представила себе эту жуткую картину! Такая вот интересная случайность.

- А мне не вообразалось, что в конце жизни я буду по десять раз на дню «заседать» на толчке, - неожиданно зло сказала Инна.

Лена не отреагировала на грубую вспышку. Понимала подругу.

- Что у тебя явилось причиной болезни легких?

- Трудно сказать. Возможно, слабая прокачка легких. Во время болезни я мало двигалась. Без сил была. А подтолкнуть могла серия облучений, которые я принимала после многократных химий. Или опоясывающий лишай. Я полтора месяца от боли чуть на стену не лезла. Та еще гадость. А может, всё суммировалось.

- Ты проходила КТ, МРТ?

- Да. Страху натерпелась! Не знала, что у меня клаустрофобия. Закрыли крышку прибора. И я как в гробу. А вдруг, думаю, заклинит электронный замок и я задохнусь.

Такая паника началась! Меня всю трясло, в голове мутилось, хотелось потребовать прекратить обследование. Еле себя в руки взяла. Стыд помог. Опозориться побоялась.

- Может, тебе операция нужна?

- Болезни без ножа зарежут. Все не уберешь и не зарихтуешь. Одной больше, одной меньше, какая разница? И еще до кучи парочка новых докторами обещается. Конечно, осаждают демоны страха, и я спрашиваю себя: «Когда? Сколько? Как я оставлю моего внука? Кто станет лелеять вверенный мне аспирантский корпус?» Но борюсь с собой. Еще несколько лет назад я шутила в свой адрес, что нахожусь в том возрасте, когда мне уже не уступают и еще не уступают место в автобусе. Помнишь, когда я придумала эту шутку? А теперь вот... сама видишь.

- Юморист Жванецкий шутил в телепередаче: «Один за другим отступают мужчины, одна за другой наступают болезни». Они - верный способ переправки на тот свет. А какая из них уведет - уже неважно, - усмехнулась Инна. - Послушай, тебе же от рака чистотел всегда помогал.

- Стало легче, я и отставила лечение. Сама виновата. Напрасно преждевременно возрадовалась.

- Странная, хитрая уловка организма. А колени и позвоночник по-прежнему сорванными в лесу лопухами лечишь?

- Только ими и спасаюсь. У меня последнее время почему-то стало очень быстро меняться настроение, хандра часто одолевает. Близкие слезы, близкий смех. Зрение слабеет. Сынок как-то сказал: «Мама, у нас кафель в ванной какой-то тусклый. Отмыть?» А я ему ответила: «Я не вижу разводов, и они меня не беспокоят». Он засмеялся: «Счастливая!»

- Я никогда не понимала выражения «помятое лицо». Сделала операцию на глаза, зрение поправила. И теперь по утрам не могу на себя в зеркало смотреть. А раньше казалась себе очень даже ничего! Что делают с нами годы!

Инна натянуто рассмеялась.

- А желудок беспокоит? - спросила она таким тоном, будто у подруги это была самая главная болячка.

- Как стала по утрам лечиться перетертыми в блендере ягодами облепихи - одну чайную ложку на стакан теплой воды без сахара, - так сразу сняла все проблемы. Ягоды впрок я в морозилке сохраняю.

- А я ромашковый чай ежедневно пью.

Подруги замолчали. Почему о таких мелочах говорят, когда за спиной уже топчет та, что с косой?..

2

- У каждого возраста свои сильные и слабые стороны, свое особое содержание, наполнение, своя прелесть. Хотелось бы все стадии жизни пройти, - задумчиво произнесла Лена.

- Не настраивай себя на оговоренный срок, тогда больше проживешь. Твоя бабушка так говорила. Надорвала ты свое сердце по молодости. Сколько слез пролила, пока Антошку выходила, вырастила! Ты была его опорой, надеждой, любовью. Всем.

- В семь лет в больнице Антоша понял, что я не могу защитить его от сына бандита, лежавшего в соседней палате на обследовании и терроризировавшего всё детское отделение. Он был потрясен этим открытием. Хорошо, что сынок был откровенен со мной и я забрала его домой, - почему-то вспомнила Лена.

- Плохо, если дети боятся родителей настолько, что, совершив ошибку или даже маленькую оплошность – а в детских глазах она кажется страшным преступлением! – попадают в зависимость к плохим людям. Они страшно мучаются тем, что не могут повиниться перед родителями, и, казалось бы, согласны получить пусть даже жесткое с их точки зрения наказание, только бы снова стать в их и своих глазах хорошими, любимыми. Но не могут преодолеть себя. А в результате погружаются в болото лжи все глубже и глубже, пока не повзрослеют и не осознают беспочвенность своих страхов. Иногда бывает уже поздно, если они шли не просто на компромисс со своей совестью, но и на преступление. И тогда глубокие шрамы на их сердце уже не исчезают всю жизнь.

- Прими во внимание и то, что неверие в способность родителей защитить от злых моментов внешнего мира порождает в детях пессимизм. Неумение найти душевный контакт с ребенком или его потеря влекут за собой массу проблем и для родителей, и для детей. А всего-то и надо – уметь любить по-настоящему, – голосом, отяжелевшим от памяти собственных прошлых, застарелых обид, добавила Лена.

- И с Андрюшой ты намаялась предостаточно. Все в одни руки. Не показывать свою слабость и свои проблемы для организма иногда стоит слишком дорого... И вот опять болезнь дотянулась до тебя и сильными корявыми пальцами сжимает то сердце, то горло.

- Последнее время во мне все как-то разладилось. С трудом удается пару лекций прочитать. Преподавание отнимает много сил. Домой прихожу обессиленная, словно после десятикилометрового кросса с полной выкладкой. Валяюсь с ног, отдыхаю. В голове совершеннейший вакуум. Ау! Нет эха. Не от чего отразиться, не с чем свериться, – грустно шутит Лена. – И раз за разом мне становится все трудней. К вечеру так устаю, что мысли не додумываются до конца и расползаются, как ночные тени в предутреннюю пору. Чувствую непрерывно сокращающиеся возможности. Оттого, наверное, ослабевают интерес к жизни. Не желаю прихода гостей. Мне часто хочется тишины. Только с внучком могу немного пошептать. И если у меня не получается, он не обижается. Понимает, бабушка устала.

Память стала подводить, часто не могу соотнести лица и фамилии студентов. Их у меня порядка пятисот, и каждый год все новые. Но пока борюсь. Как шутила актриса Раневская: «Работаю преимущественно над собой, симулирую здоровье». Есть японская пословица: «Я не знаю, как побеждать других, но я знаю, как победить себя».

- Есть другая истина: «Я знаю всё, но только не себя». Иначе бы мы не ждали так рано своего конца, – жестко сказала Инна и резким движением высвободилась из-под одеяла. – У меня часты выпадения памяти. Вижу фамилию в записной книжке, а за ней ничего не стоит. Или наоборот: прекрасно знаю человека, но напрочь забыла его имя. И шансов нет вспомнить.

- Склероз – «очаровательное изъявление уверенности в вероятности катастрофы и ее победы» над нами. Но я пока держусь. Как-то на лекции забыла фамилию одного ученого. Стала читать в уме его стихи и представляешь – вспомнила!

- А знаешь ли ты, что такое «нет сил»?! Это когда впадаешь в состояние тупой озадаченности и пару слов не можешь сказать. Иссыхает горло, язык не ворочается. Сознание работает прерывисто, глаза захлестывает тьма. И тогда понимаешь: всё, душевные и физические силы на исходе. И проваливаешься во тьму. Вот так я узнала, что для того, чтобы говорить, требуется энергия. Совсем недавно для себя открыла эту прописную истину. Раньше не задумывалась и, наверное, посмеялась бы над этим. Я же всегда как сорока тарахтела. А теперь устаю даже от собственных мыслей, – грустно призналась Инна. – Когда я без сил, мне бесполезно что-либо объяснять. Чужие фразы от меня словно мячики отскакивают. И свои слова – подобно проржавевшим петлям ворот гаража – я не могу с места стронуть. И тогда ничто не озаряет мрачного лабиринта моих губительных мыслей. Они не углубляются в сознание, а скользят по поверхности памяти. Страхи все теснее смыкаются вокруг меня, стремясь окутать и столкнуть в бездну. Я ничего не чувствую, кроме своей боли, лежу, охваченная ужасом, с неистребимой надеждой поскорее уйти в никуда. Я на краю. А когда боль отпускает, в сердце остается ненужная, позорная, сосущая пустота. Лекарства пока снимают боль до терпимого уровня. А что будет через месяц?

«Сколько же она его сегодня за сутки приняла, чтобы быть перед девчонками в форме?»

- грустно подумала Лена.

- Я критически мыслящий человек, поэтому никогда не жила иллюзиями. Если только в юности. А ведь кто-то хорошо сказал, что фантазии и мечты нам даны, чтобы не умереть от истины. И мне, наверное, было бы легче, если бы я улетала мыслями на другие планеты. Я бы не чувствовала, как теряю самое дорогое. Дальше еще хуже будет, - в усмешке покривила губы Инна. - Знаешь, болезнь многое во мне поменяла. Она послужила толчком к пониманию главной ценности. Раньше на меня часто нападало болезненное безадресное отвращение к жизни, и оно долго не отпускало меня, сопровождая как солдат-конвоир. Апатия губит. Не зря в религии уныние считается грехом. Лекарства стараюсь реже принимать. Терпением зачем-то немного продляю эту жуткую жизнь. Делать ничего не могу, но страшно устаю от тяжелого тупого безделья, от постоянной боли. И тогда начинаются приступы дурноты.

- Соматические.

- Соматические заболевания тоже в каком-то смысле разрушают организм тем, что не выводят из депрессии.

- Они следствие.

- Скажу, не боясь впасть в преувеличение, что у меня часто не хватает сил на элементарные положительные эмоции. И тогда я уже не человек. И под влиянием минуты мне хочется застрелиться или отравиться. Погибнуть в бою - геройская смерть, и там есть вероятность выжить. А у меня...

- У тебя тоже есть.

- Что есть для тебя ад и рай?

- Рай в душе. Это те самые редкие минуты абсолютного счастья, когда ты не чувствуешь ничего, кроме счастья.

- В чем состоит оптимизм верующего человека?

- В том, что духовной смерти нет.

- Ты веруешь?

- Да, но не канонически, по-своему.

- К какому берегу я пристану?.. - задумчиво спросила Инна.

Прошла минута, другая. Инна опять заговорила.

- Обложила меня судьба новыми болезнями, перемежая их со старыми, и ссудила ими в дальнюю дорогу, в зияющую пустоту. Доконали они меня. А было время, когда я не знала, что такое уставать, тем более до полного бессилия.

Лицо Инны сделалось неподвижным и напряженным, словно на веко ей сел тарантул и она, боясь моргнуть, мужественно терпит его присутствие в надежде на свое скорейшее избавление от убийцы.

«Почему тарантул? Детектив про шпионов из детства вспомнился. Не вынесла нежная Иннина душа грубых перекосов жизни», - вздохнула Лена, осознавая неуместность и мелкость своих прежних жалоб. Пытаясь отвлечься, она кое-как встала, размяла ноги и спину, подошла к окну, отогнула край занавески. В окно смотрела темнота, а Лена смотрела в нее.

Морозно. Неровно набухшее утром небо теперь разгладилось. Блеклые звезды, как покрытые изморозью поздние цветы, кое-где проглядывают между сгустками темных, своеобразно сгруппировавшихся облаков. Недостигаемые светила... В обморочно безмолвной мертвенной дали Лена разглядела три красных сигнальных огонька маячившей верхушки телевышки, будто не имеющей на земле опоры. Выхватила

взглядом далекий силуэт университета. Он еле угадывался в серой морозной дымке. Перескочила влево на цепочку огней над длинным мостом. Она сияла свежими сочными хризантемами. «Ухудшается зрение. Пора менять очки», – про себя отметила Лена и в грустной задумчивости тихонько постучала костяшками согнутых пальцев по стеклу.

Почему-то вспомнился первый сюда приезд, прекрасное августовское ночное небо, не затянутое облаками, его удивительно глубокая богатая оттенками синева. Выскользнула мысль: «Как грустно прекрасен и сейчас сказочный вид этого уснувшего города, чуть подсвеченного многочисленными уличными огнями! Почему он мне по сердцу пришелся?» И сама себе ответила: «Первый город свободной, самостоятельной жизни – он как первая любовь». Потом ей подумалось: «А в нашей деревне сейчас темень непроглядная». Сердце чувствительно сжалось ласковой печалью. И тут же летнюю ночь себе представила: «Не скупилось там небо на звезды». Бальзамом на душу легло это воспоминание.

Лена перевела взгляд на одиноко светившееся окно в доме напротив. В голове мелькнула недавно услышанная по радио фраза: «Суровые условия жизни. В Рейкьявике с прошлого века у людей сохранилась привычка оставлять на окне зажженную лампу – огонек надежды и помощи путнику». И почему память зафиксировала эту информацию?

Лена увидела в стекле свое прозрачное отражение. «Рисунок лица... в отчаянии набросанный редкими слабеющими сполохами света завода. Вижу его черные трубы»... Как в детстве, сделала себе страшные глаза. Голова почему-то слегка закружилась. Ее качнуло. Она представила себя стоящей у окна вагона поезда: скользящие провода, бегущие кусты, столбы, редкие дома. Вспомнилось из прошлого: «Когда долго смотришь на мир из окна движущегося поезда, то забываешь о себе. Остается только то, что мелькает перед тобой. И ты в это как бы погружаешься и растворяешься в нем».

Мир не нуждается в нашем постижении. Мы в нем нуждаемся.

Посмотрела вниз. Безлюдно. Естественно, ночь ведь. Мороз крепко-накрепко залатал подтаявшие за вчерашний день лужи. Фонарь слабо освещает остатки холодно чернеющей низкой кованой ограды у соседнего дома. Она выглядит как вытравленный серебристо-черный эстамп. Ее рисунок в виде веточек с редкими листочками – на манер обоев в их комнате – как нельзя лучше совпадал по толщине и форме с ветками куста над оградой. Они казались ее продолжением и смотрелись как единое целое: живое – неживое, естественное – искусственное.

Сердце Лены непонятно почему дрогнуло и сильно заныло. Тоска не отпускала. Вспомнился прошлый новогодний праздник по телевизору, преувеличенно наигранная веселость его гостей. «Винегрет мыслей в голове. Отчего у меня сегодня клиповое сознание?»

Опять всмотрелась в конус света от фонаря. Разглядела сверкание редких снежинок. Подумалось: «Дождь очистительный, как слезы, а снег только прикрывает грязь и боль, замораживает их, накапливает. Не люблю межсезонье. И оттепели не люблю. Хрустящий морозный воздух мне слаще. Всякая глупость лезет в голову. Усталость – вот ее причина».

Лена зябко передернула плечами, но не от холода, а от непроходящей грусти. Еще постояла с минуту и тяжело опустилась на матрас.

– А я подумала, ты к Кире с «посольской миссией» – насчет пожрать – отправишься, – грубовато пошутила Инна.

– Или туда, куда царь пешком ходил, – в тон ей сказала Лена. Но прозвучало это натянуто и слишком натуралистично, потому что ей вспомнились недавние стыдливые жалобы подруги о том, что при ночном бодрствовании та часто бегаёт по малой нужде. И она поспешила затушевать неприятное впечатление рассказом о себе. И начала без предисловия, с того самого места, где остановилась Инна до ее подхода к окну.

– Знаешь, я часто замечаю в себе признаки нашей болезни, и тогда страх вкрадчиво поползает в душу. А моментами от горького бессилия нападает черное парализующее

равнодушие. Иногда так плохо себя чувствую, что, кажется, будто дни мои сочтены. Начинаю паниковать. И тут вспоминаю предсказание одной женщины и успокаиваюсь. Спасибо ей. Много дней жизни она мне сберегла.

- И не закрадываются сомнения в правильности ее «диагноза»?

- Думаешь, его можно истолковать двояко?

- Я отказываюсь верить.

- Так ведь хочется.

- Мне ее предсказания - как громкая музыка при головной боли, - раздраженно вскрикнула Инна, не контролируя себя. - А вот что ты запоешь ближе к концу означенного срока?!

- Надеюсь, удастся настроиться. Говорят, что перед кончиной организм сам вырабатывает обезболивающее, чтобы человеку легче было уходить в небытие.

- Только не мой донельзя разбалансированный организм, не способный ни помочь, ни оградить от моментов невыносимого напряжения сил борьбы с болью. Спасает потеря сознания. А из нее можно и не выйти.

- И не мой, наверное, тоже.

- Да, попали мы с тобой в переделку. Обе потерпели поражение в борьбе с болезнью. Вот ты больше молчишь, и я понимаю: дозируешь свои силы. А девчонки, скорей всего, думают, что заносишься. - Нервная дрожь прошла по телу Инны.

От скорбного взгляда подруги у Лены опять защемило сердце. Она понимала, что ее боль - не только сострадание и жалость в чистом виде к Инне, к ней примешивалась изрядная доля собственных терзаний и страхов.

- Лена, я где-то прочитала анекдот. «Зачем эти боли?» - спрашивает измученный больной. И черт отвечает зловредно: «А просто так». «За что они?» - молитвенно вопрошает страдалец. «Да ни за что», - радостно скалится черт. «Темнишь», - сказал больной и... умер». Это про меня.

- Держись до последнего. Ты сильная. Вера заставляет мозг человека совершать великое, а его организм - невозможное. Мудрый надеется, что всё в жизни не бессмысленно.

- Ничего подобного! Мудрость наша теперь совпадает со скепсисом. Двадцать первый век. Наши знания требуют оставить надежду. Современный мир впадает в сумеречное состояние?

- Так уж и весь мир. Я верна надежде, - мягко запротестовала Лена.

- Приговор вынесен и обжалованию не подлежит. Не избежишь.

- Ты уже дважды выжила ценой невероятных усилий и теперь выдержишь. Бог любит троицу. Не стоит заранее предаваться скорби. Не накликай новых неприятностей. Мысль материальна. От беды беды не ищут.

Но Инна поняла горький оптимизм подруги и уловила в её голосе явно прозвучавшую, с трудом скрываемую тревогу и за себя. И ее мысли о Лене полетели с космической скоростью на орбиту прошлых, многократно прокручиваемых воспоминаний.

3

«Сначала Андрей надломил Лену. Как же, мать-одиночка - социальная трагедия! Наверное, ни одной собаки не осталось в округе, которая не гавкнула бы в её сторону. А того не понимали, что не грех родить ребенка, грех убить. - Тяжкий вздох сожаления

вырвался из груди Инны. – Потом гибель Антоши надорвала ей сердце, и окоченела ее душа. Был первый толчок – измена, потом второй, самый мощный стресс – сынок. Он и запустил механизм образования опухоли, а трудная жизнь только способствовала ее развитию. Вот откуда ее болезнь раковая, роковая... Будь Лена счастливой, могла бы еще долго пожить, много хорошего людям сделать.

Новое счастье так и не ворвалось в ее размеренную, распланированную на годы по минутам жизнь. Не улыбнулась ей судьба. Вот и коротает век, самостоятельно справляясь с заботами. А теперь и сама вот-вот уйдет. Господь и от нее беду не отвел. У нее стрессы, а в моей болезни виноваты долговременные обиды. Я позволяла им созреть. Есть к чему привязать этот неопровержимый, недостойный факт. *(Инна печально усмехнулась.)*

Андрею, наверное, его поступок годков не убавил. А казалось, они как нельзя лучше подошли друг другу. Правда, эта любовь внесла в жизнь Лены то, ради чего стоило жить. Ребенка. Почему же все-таки она жестоко отметала все поползновения обожателей, избегала «горизонтальных» связей? Забыла, простила Андрею надругательство над ее любовью или наоборот? Лена была способна испытывать чувство, за которое могла бы отдать многое. А Андрей?.. Потребности ее тела мог удовлетворить только человек, равный ей, близкий по духу. Но ей больше не удалось найти такого. Вот и держалась за память прошлого, за свою любовь к Андрею.

И Галкиному, и Эмминому мужьям их подлость не аукнулась. Разве мы с Галкой стали бы несчастливими, не будь у нее Василия, а у меня этого гада Вадима? Его имя для меня – табу. Каждая из нас сама для себя решает, кем для нее стал тот, первый. Я сдваиваю, страиваю наши судьбы? Да, потому что у всех нас душераздирающий финал – ощущение загубленной жизни. Но видит Бог – она у нас чего-то да стоила! Мы жили, мы боролись!»

Внезапно перед глазами Инны всплыло лицо человека, о котором она не позволяла себе вспоминать вот уже много лет. Она хотела его увидеть и надеялась никогда не увидеть.

«Виктор Цой пел: «Смерть стоит того, чтобы жить. Любовь стоит того, чтобы ждать». Да-а... Человек постоянно чего-то ждет, и часто не дожидается. Мы так хотели быть счастливыми! Но наша жизнь с самого начала дала осечку. Кто-то гениально сказал: «Жизнь продолжалась, а судьба уже кончилась». Главное эти мужчины уже сделали: они сломали нас. Но велика ли честь победить более слабого? Не одна я поплатилась за доверчивость. Нас сотни тысяч. И кто наказывал? Те, кого мы любили, те, кого самих надо было линчевать. Вот, мол, Золушка, тебе твой принц, а вот тебе его «Алые паруса»! Непригодные для реальной жизни оказались эти книжки. Они-то при чём? Авторы хотели нас радовать. Читая их, я испытывала счастье, полноту жизни. А теперь только приступы дурноты».

«Хотя и моя вина была», – честно отмечает сознание Инны. – Но это если рассматривать прошлые события с позиции нынешнего возраста. А тогда во мне говорила искренняя юность. Только расплачивалась я за ее глупость по полной программе. К сожалению, наши ошибки мало что дают в познавательном плане, но слишком много отнимают.

Жаль, что родители не говорят детям о пробуждающихся инстинктах, стесняются посвящать в их смысл, в способы преодоления искушений. Конечно, дети думают больше, чем могут выразить словами, но они варятся в собственном соку, в своих до конца не сформировавшихся понятиях. Подросток не может полностью жить только своими мыслями, ему надо не намекать на плохое, не подсказывать, а подробно растолковывать. Это взрослый обязан стремиться жить своим умом. А меня только ругали. Ищу себе оправдание?

Взаимоотношения полов?.. Это мальчишки заикливались на этой проблеме и всячески подбивали старших товарищей на признания насчет любовных приключений, требовали от них подробностей. А для меня все было просто и ясно. Вырасту, выйду замуж, будут дети. Так было, есть и будет во всем живом мире: в растительном, животном и человеческом. Это само собой разумеющееся. Не надо закрывать глаза на естественные вещи. Они есть и обязаны быть в семье. В этом нет ничего предосудительного, пошлого, грязного. Это обыкновенная составляющая любви. Как у всех. И разрешив для себя эту проблему, я больше никогда о ней не задумывалась. У меня не было терзаний,

излишнего любопытства к этому факту. Зачем спорить, выяснять, углубляться? Пока мне не к чему об этом думать. Всему свое время. А сейчас я просто хочу, чтобы меня любили, обожали! И всё. Любви не пристало быть мелкой, обыденной. Вот и была занята тем, что прислушивалась к себе, к тому, что подспудно то тлело, то бурлило во мне. Я ждала от любви чего-то неслыханно прекрасного! И дождалась. Вадима.

Потом были изнурительные приступы уныния и отчаяния. Это была тоска по себе, такой юной, чистой и прекрасной. Отрезвление обесцветило все привычные чувства. Мир стал пресным, неинтересным, гадким. И я ушла в себя, как черепаха в панцирь. Мне хотелось освободиться от всего злого и темного, появившегося в себе, понять, что цель жизни не наслаждение, не призрачное счастье, а что-то другое, пока мне неведомое. Может быть, духовность? Но я стала скороспелым беспросветным циником.

Счастье! О нём мечтается, пока ты здоров. Больному просто хочется жить». - Инна тяжело вздохнула и будто захлебнулась горькими мыслями.

«А о чём задумывается не встроившаяся в нынешнюю жизнь молодежь? Разговаривала недавно с одним таким экземпляром. Имеет специальность, но уже несколько лет живёт на пособие. С одной девушкой «дружит», потому что она работает в столовой и подкармливает его, другую пытается «охмурить» на предмет женитьбы, но она пока сомневается, стоит ли ей брать на себя такой хомут, время тянет, надеется, что он устроится на работу. Спит с обеими по очереди. Ищет новые варианты. И притом курит дорогие сигареты и на «сэкономленные» деньги раз в неделю балует себя посещением ресторана. А в «свободное» время болтается по городу в поисках приключений. Я упрекнула его в пассивности и безделье, в отсутствии чувства ответственности за тех девушек. Он страшно удивился: «Анализировать отношения с женщинами? Из-за них распалась в себе мерзкую тоску, о чем-то задумываться, размышлять, губить свою и без того неудавшуюся жизнь?» - «А им не губишь? Как ты думаешь, они разделяют твою точку зрения?» - возмутилась я. - «Это их проблемы», - спокойно ответил он. И что тут скажешь?»

...Ах, эта детская, недостижимая пониманию грубых мужчин, целомудренная бескорыстная вера в порядочного человека! Ах, эта чистота помыслов и розовых романтических мечтаний! Ну как тут не наломать дров? Юному непорочному сердцу непонятна природа предательства. И ведь не растолкуешь, не поверит оно в плохое, пока само не поранится. Такой вот полнейший деревенский наивняк!

Ко времени знакомства с Вадимом я уже прочитала «Воскресение» и «Анну Каренину» Толстого, но моя юная память неосознанно остановилась на тайном вожделинии Катюши Масловой, неизъяснимо бродившем и во мне, а не на наказании, которое она понесла из-за неумения думать о последствиях своих поступков.

«Нет, конечно, мне было жаль Катюшу, я ненавидела Нехлюдова и презирала его бездействие, - мысленно возражает себе Инна. - Но я была еще так глупа! Чувства возобладали над умом, которого еще было слишком мало. И теперь я признаюсь себе в этом с удалью крайнего отчаяния».

А тогда мне надо было кого-то любить, благоговеть, видеть в чертах любимого окрылённость, одухотворённость. Я представляла себе его лицо, исполненное воли и мечтательности, полное таинственной жизни. Оно отвечало моим сокровенным мечтам. И я влюбилась в Вадима до одури, до умопомрачения. И это развязывало ему руки. Потому что сама... Дух захватывало, я ничего не соображала, с остервенелой готовностью неслась к нему, расшибая колени, не помня себя, кидалась ему на шею. Он был такой необыкновенный! Помню его первый роскошный выход! Он него исходила такая яркая ослепляющая энергетика! На фоне наших мальчишек он казался мне бриллиантовой запонкой на белейшей манжете сказочного принца, огромным сияющим драгоценным камнем в царственной короне.

«Откуда во мне и стеснительность, и решительность? - спрашивала я себя. - Чем объяснить это несовпадение и противоречивость? Лихорадочным, взвинченным, доведенным до экстаза восхищением, возникшим среди страшно пресной жизни?» Ни запретить, ни обуздать. Я радовалась своей способности к возвышенным переживаниям, умению любить. «Я счастлива! И пусть весь мир подождет!» Вот и отдала свою жизнь на

порушение. С небес любви и счастья падать очень больно. Страх и обида отравили мою юность. Почему не было предохранения опасности?

Восхищением всё объясняется? Ничуть не бывало! Наивностью, глупостью. И заключение это старо как мир. Кем я была? Девчонкой с сильным эстетическим голодом и убогим восприятием жизни. Красавчик! И этого было достаточно, чтобы влюбиться, пожирать его глазами, млеть? Безнадёжный случай. Такой глупышки свет не видывал. Ха! Шокирующий уровень душевной искренности.

Это я теперь так считаю, а тогда старалась попасться ему на глаза, что само по себе было унижительно. Мои желания не укладывались в понимание мной женского достоинства. И это злило. Я стыдилась себя, особенно в редкие минуты отрезвления. Я скулю? Вон Анькина неудачливость превосходит всякое понимание. Но стоит ли оспаривать ее первенство среди наших подруг? Некоторые из них лишались взрослых детей. Когда дети уходят из жизни раньше родителей – это самое страшное».

Из груди Инны вырвался странный захлебывающийся звук. Лена вздрогнула, насторожилась и подумала: «Молчит, значит, вспоминает. Сколько раз она прогоняла в памяти пережитое? И сегодня взвинтила себя донельзя. Бедная. Совсем ее нервы сдают. Зывать к логике бессмысленно».

«Да, я скулю. Да, я знаю, что это самое последнее дело! Но иногда мне кажется, что весь этот искореженный мир населен одними подонками. «Выжженная пустыня моего сердца!» Может, и звучит эта фраза избито и пошло, но она такая точная! О это юное загадочно-возвышенное чудо – «души доверчивой признание»! Дура. Сама подставилась. Себя в жертву ублюдку принесла. И никто своей праведной молитвой не разрушил его капище, это гнездо зла! Там требовался огнемёт.

Я предпочла его, а он осмелял, смял, сломал. От скуки погубил, ради развлечения. И в больницу послал тоном, в котором не было и намека на какую-то иную возможность решения моей проблемы. И рукой небрежно вслед махнул, мол, давай, поторопись. Я не знала, как вести себя в этой «нештатной» ситуации, не понимала, к чему это приведет. Была напугана. Уж как водится. Совсем девчонкой была».

Инна вздрогнула, будто голос из прошлого, как вскрик души, как отголосок того страшного дня, опять с прежней силой застучал в ее усталом сердце: «Как болит душа обидой на судьбу!»

Почему оказалась не готовой к превратностям судьбы? Самая смелая, самая дерзкая – и вдруг такое. Это было неожиданно и невероятно. Я даже не пыталась, как часто делала раньше, перевести стрелки на мать, ее обвинить в том, что не уследила, не предотвратила, не пресекла. «А ведь на самом деле: всё детство взрослые нами командуют, «обламывают» нас, а потом требуют серьезных, осмысленных решений! И мы, не умеющие думать, привыкшие подчиняться, не ведая сомнений, делаем ошибки, потакаем теперь уже мужчинам, которые старше нас. Мы им тоже доверяем», – искала я себе оправдание. Но ведь и Ленина мать не допускала возражений. Ленке повезло не встретить подлеца? Я хоть в школе, а она уже в институте промахнулась.

Всю жизнь, сколько себя помню, корила многоопытного Вадима за то, что внушил отправиться в больницу. А там одним днем повзрослела, да поздно было. Пришла ребенком, а ушла обожженной жизнью женщиной. Для себя самой стала как прокаженная. Наверное, именно тогда я впервые по-настоящему испытала к себе жалость. Кого винила? Мать с бабкой, не сумевших воспитать, не заложивших в меня чего-то важного, ситуацию в обществе? Себя, за то, что не научилась самостоятельно думать? Когда к горлу подступала обида, конечно же, перед глазами всегда вставал конкретный обидчик. Кто же еще, если мне шестнадцать, а ему сорок?.. Таков был мой «ответ Чемберлену». А Лена всегда была хозяйкой своих чувств и важных поступков. Но и ей не повезло.

А что сегодня? Ночь. Сонная комната. Почти нет посторонних звуков. Если только иногда через глухо задраенные окна донесется непонятный далекий рокот. Нет людской суеты, заставляющей думать о чем-то постороннем. И я опять вся там, в детстве, в юности, дотошно перебираю в уме пережитое. Девчонкой жила, следуя почти вслепую

каким-то случайным поворотам судьбы. Одни события ловко вплетались в другие, и оставалось только простодушно, не сопротивляясь, следовать их игре. Вилась нить событий, и я плела из нее паутину непредсказуемых выводов. Я с интересом следовала по предложенным судьбой дорожкам, которые приводили к самым неожиданным сюрпризам. Не одну меня сгубило любопытство и сжег ад первой запретной страсти».

Горло Инны зажала в тиски давнишняя боль. Из него вырвался хриплый, сдавленный стон. Теперь вздрогнула Лена. Она поняла: «Инна так и не смирилась». Но прервать мысли подруги так и не рискнула.

«Вадим сжег мою мечту, и стало на душе нестерпимо холодно и пусто. А хотелось жить с любовью, с радостью. Я загоняла обиду в глухие уголки своего сердца, но она вылезала, преследовала меня, всплывала в самые неподходящие моменты. Лоб почему-то покрывался холодным потом, а по спине бежали горячие ручейки... С тех пор моя жизнь – цепь незаслуженных утрат. Сожаленья разрывают мне сердце. Но они бесплодны.

А что бы дал мне тяжелый безрадостный брак с Вадимом? Нет, свобода лучше! Ха! Пламенный привет нашим глупым юным мечтам! Почему до сих пор Вадим не выветрился из моей памяти? Обида не забылась. Я же проклинала его, великовозрастного и жестокого! Я ненавидела себя, юную и глупую! Почему Всевышний наказывал нас, а не Вадима, намеренно губившего юных, чистых, неопытных, невинных? Почему не остерегал, не оберегал, а отдавал на поругание? Наша судьба в наших руках? А как же справедливый карающий меч?.. Зачем мне эти воспоминания? Как отключиться от теребящей душу едкой горечи обид?»

Инна не заметила, как заговорила вслух.

– Лена, верно, помнит мои слезные руганьи в периоды депрессий. Эх, вымарать, вытравить бы из памяти и вообще из жизни людей эти страшные для любых ушей слова «измена», «подлость»!

«Каждый шаг на пути к себе Инне давался через боль», – вздохнула Лена.

– Больше падений ниже дна у меня не было, но жизнь не наладилась. Так и не нашла я себе талантливого мужа, с равнодушным сердцем. Первый раз замуж торопливо пошла. Боялась, что не достанется. Но уроков не извлекла. И со вторым, и с третьим все было так же. А четвертый мужчина был последней ниточкой, за которую я ухватилась. Только и она оказалась не той. Мне опять не хватало тепла, я была одинока. Я надеялась, что с кем-то буду более счастливой и уверенной. Но поражал цинизм, бессердечие мужей. Получалось, мои замужества были чем-то вроде профилактики тоски. Хорошее быстро проходит, а плохое ранит, его всю жизнь чувствуешь и помнишь. Возможно, хорошего было слишком мало? Это как посмотреть. А если каждый день проанализировать? Много наберется?

Инна вдруг нервно засмеялась, заставив Лену внутренне содрогнуться. Как-то странно и страшно истерично прозвучал этот смех в ночи. Но произнесенные слова были тихими, спокойными, парадоксально неожиданными:

– Мне не нравится, когда целуются с языком. Мне кажется, только губы предназначены для этого сакрального действия. Не всякие импровизации достойны повторения и закрепления.

«Она бредит! – подумала Лена. – Или просто не осознает, что говорит вслух? Отнесу эту странность к непонятному проявлению ее болезни».

– ...Я всегда любила что-то особенное, мечтала о невозможном. О том, к чему была совершенно неспособна. «Я прекрасно пою и танцую!» Я на самом деле придумала очень чувственный, сексуальный танец, но исполняла его только в мечтах и снах с не очень красивым, но умным, надежным, нежным и очень обаятельным, обходительным мужчиной. С таким, какого хотела бы иметь рядом с собой. Этот танец мне казался

идеальным. Я считала, что неподготовленные, незаученные, естественные природные движения, как и прекрасные искренние движения души, наиболее трогают сердце. Но в жизни так и не пришлось ни разу его исполнить. Не с кем было.

«И у Инны от усталости скачки в мыслях, – сочувствует подруге Лена, то впадая в сонную канитель, то вновь через оторопь приходя в ясное сознание. – И мне неплохо бы прикорнуть. Но Инна и её состояние меня пугают».

– Вот так лежу иногда, обшариваю самые темные закоулки своей угасающей памяти и хандру на себя нагоняю. Оглядываюсь назад и что я вижу? Сплошные зигзаги, сбои. И всё во имя любви и счастья! И всего этого – плохого и хорошего – как и не было... Но ведь было!

Мне кажется, что человек может считать себя счастливым, если радостное и доброе в его жизни перекрывает печальное и злое. Вот поэтому, наверное, мы подсознательно стремимся делать добрые дела, чтобы скомпенсировать ими недостаток в себе простой искренней естественной радости. Мы сами себе ее «организовываем». «Дошло, наконец, на пятые сутки». – Эти слова Инна произнесла с безжизненным усилием и так, точно они причинили ей мучительное страдание.

«Издевается над собой. Этакое утрированное осмеяние себя», – думает Лена.

– И почему мы слишком поздно понимаем, что для нас настоящее, главное? Что же мы так долго умнеем? Кирилла мучила, издевалась, мстила ему за боль, причиненную мне другим, вымещала свои неудачи на безвинном. А потом долго ощущала тоску по его настырному вниманию. Такого парня у меня больше не случилось. Но я его не любила. Я всегда жила сильными чувствами, – покривив губы, опять с суровой насмешливостью пронизывает Инна. – Оцениваю, критикую себя? Видно, не хочется уходить из жизни с ощущением незавершенности в душе, с чувством неудовлетворенной правоты в сердце. А может, это обычные неприятные симптомы надвигающейся старости, которая мне не грозит. Вот и делай выводы... И объяснить, почему мне так не везло, я бы не взялась даже самой себе. Интересно, бывает ли ощущение сытости жизнью или человеку всегда мало отмеренных лет?

Инна сделала долгую паузу.

– Если припомнить, то не так уж много мне встретилось мужчин, которых я могла бы, в смысле интеллекта, поставить рядом с собой. А совратить почти каждого мужчину, как правило, большого труда мне не стоило. Легко покорялись. И даже в моем теперешнем возрасте. Почему так? Нет, все-таки многие мужчины далеко несовершенные, даже примитивные в этом плане особи. А мы, меряя их по себе, совершаем ошибки. Ленка обнаружила бы в моих рассуждениях огромное количество несоответствий и нестыковок. Как же, она сама себе психиатр, сама себя вытаскивает из трудных ситуаций и держит удар.

Одна знаменитая американская актриса сказала: «Мы стали теми парнями, за которых сами хотели выйти замуж». Вот и Лене не нужен допинг в качестве мужчины. Еще бы, сама с собой находится в гармонии. У неё же любовь, победившая время! А я в желании найти приличного мужа «мужественно заступала на тропу порока»? Ну не порока, конечно, а поиска.

«Сокрушительная острота иронии. Вот к какой памяти возвращается Инна! Ее бесприютная, добрая душа так и не нашла надежного гнезда, убежища. Инна всю жизнь выдавала одиночество за независимость. Ей хотя бы теперь получить немного везения», – вздохнула Лена.

– Ты, Ленка, с тех самых пор – я об измене Андрея – в силу своего независимого характера взяла судьбу в свои руки. Вернее, взяла себе за правило глушить тоску работой. Вечно закрытая ото всех, наглухо застегнутая. Видно, дала сама себе зарок и не нарушаешь. Считала Андрея блестящей партией?

Аскетизм сам по себе не обогащает духовный мир. В лишениях нет доблести. Хотя, если только в борьбе с вынужденным одиночеством... В этом твое несуетное мужество? Кажется, что живешь без надрыва, спокойно: сложившийся человек с внятной позицией и четкой, правильно рассчитанной программой жизни. И никто, кроме меня, не знает о

бурях в твоей душе. Ты, конечно, тоже, как всякий человек, не во всем безупречна, но для меня, прежде всего, образ сохраненного целомудрия, мой антипод.

«И в мою жизнь забрели ее мысли. По-восточному тонкая и образная оценка, – молча усмехается Лена. – Кажется, Никита Михалков говорил о большей принадлежности России и русского человека к Востоку, чем к Западу... Может «объявиться», привести Инну в чувство, чтобы она поняла, что говорит вслух? А то я будто подслушиваю. Хотя, что нового я могу услышать? Сто раз все говорено-переговорено».

И вдруг Лена почувствовала ту податливость тела Андрея, когда они первый раз обнялись. В нём не было минутного физического удовольствия. В нем заключалось самое искреннее признание в любви, на которое только был способен этот юноша. И она поверила ему. И полюбила. Неистребима память счастья! «Иннины воспоминания пробудили во мне ощущения юности, всколыхнули и навеяли?» – удивилась Лена.

Продолжение монолога Инны отвлекло ее от нахлынувшей грусти.

– А какая Лена была светлая, улыбочная! Солнышко мое! Это с годами ее стало «хмурить». Она принадлежит к той породе людей, на которых держится Россия. А хотелось бы, чтобы страна на счастливых «стояла». Такие, как Лена, утверждают: «При любых обстоятельствах делай, что должно». Всё понимает про жизнь и относится к ней философски. Как она любит говорить? «Зло неестественно и преходяще. С другим понятием я не смогла бы жить». И в науку, и в НИИ она вошла как в дом родной.

А счастье, счастье-то твое где?! К чему годы, потраченные на неопределенное ожидание? Ради кого была загублена поразительная пластика твоей прекрасной души? Ради Андрея? Себя? Оно, это ожидание, не соответствовало реальной жизни, шло вразрез естеству, словно ты боялась быть счастливой с другим.

– Я счастлива. А если бы встретила достойного, была бы еще счастливей, – тихо-тихо прошептала Лена.

Инна не среагировала на шепот подруги. Ей показалось, что она мысленно спорит сама с собой, и поэтому продолжила «выступать»:

– А сколько я всего перенесла! Чего только не выпадало на мою долю. Разве я заслуживала плохого? Единственное, чего я хотела в жизни, это чтобы меня любили. Но не случилось. Я так и не узнала вкуса настоящей семьи. Была только усталость от браков. А-а... гори они все огнем!

Лена осторожно, щадяще произнесла вслух:

– Это уже прошлое, и я не могу от него тебя избавить. Оно при тебе... как антиквариат. И, как сказал Эйнштейн, – если проблему нельзя разрешить, о ней не стоит беспокоиться.

И на этот раз была услышана, чем и привела подругу в чувство.

Лена подумала с горечью: «Эх, Инесса-принцесса! Навеки застыла в твоих прекрасных черных глазах тоска по погибшему или несостоявшемуся счастью».

– А ты все равно беспокоилась, только виду не подавала, потому что с раннего детства вся была внутри себя, – ответила Инна, не удивившись тому, что подруга участвует в ее, как она считала, внутреннем монологе. – Ты допускала людей только в самую малую часть своей души. Все знали только твою маску. Никому не позволяла изучать разные аспекты твоей тонкой сложной судьбы. Но брешь в твоей броне была жалостливостью. От жизни не спрячешься за гримом. Но ты свои слабости не выставляла напоказ.

– Осторожность приучила меня не расслабляться, анализировать ситуацию и сначала предполагать худшее. Если ошибалась – радовалась, если оказывалась права – радовалась вдвойне. Парадокс? Это вовсе не значит, что я всех людей считала плохими. Просто использовала результативный математический метод «от противного», – ответила Лена.

- А моя мать говорила: «Надейся на худшее - дольше проживешь».

- Один преподаватель в МГУ, заметив в моем характере вибрирующее беспокойство, посоветовал не допускать негативное дальше рубашки, не травмировать свое сердечко. А я так и не научилась. Вот и преодолеваю себя всю жизнь.

- Это тот старичок, который шутил, что он за рано умерших родителей доживает их годы, добирает ими недополученное?

- Он самый. Прекрасный человек!

- Кому-то с ним повезло. Я тоже хотела бы найти такого, чтобы наши души полностью слились. Не случилось. Вадим был для меня как тяжелая болезнь, а Андрей для тебя как эликсир жизни. Почему? Нам же обеим не повезло? Что дал тебе Андрей? Открыл в тебе женщину? А потом закрыл и ключ унес с собой? Ты чувствуешь ощущение пустоты, вызванное отсутствием мужчины в твоей жизни?

- Их у меня сейчас двое, - отшутилась Лена, намекая на сына и внука.

Так она ушла от прямого конкретного вопроса. Но Инна настаивала на ответе.

- Андрей не готов был менять образ жизни. И я собой не хотела жертвовать. Я впустила Андрея в свое сердце, и он там так и остался, занял всё предназначенное любимому человеку место. Но я никому не смогла бы объяснить, почему у меня от него полноценное, неизгладимое ощущение совершенно родного человека. Да и себе тоже. Я никогда не жалела о том, что судьба нас свела. От боли время лечит, хотя и не всегда, а от любви - нет. Невозможно объяснить любовь с первого взгляда к человеку, которого совершенно не знаешь, но понимаешь, что он для тебя - на всю жизнь. Взглянула и пропала. Кто-то сказал, что полнота женского счастья в любви к мужчине.

- Вообще-то в любви с мужчиной, - уточнила Инна. - Отсутствие мужчины опустошает женщину. Это у тебя - к мужчине, потому что платоническое обожание ты ставишь выше телесной любви. Твое чувственное волнение имело только интеллектуальную подложку. А счастье в их единении, тогда любовь становится чем-то гораздо большим, нежели сумма телесного и духовного.

- Ты права. У меня не раз было такое, что только увидев или услышав человека, я тянулась к нему всей душой. Но никогда, чтобы телом. Только с Андреем.

- А я сначала хотела быть любимой одним, затем другим. Потом поняла, что в моем положении важнее быть нужной. Стала выбирать и размещать вокруг себя надежных людей, но очень мало таких встречала. Многие подводили. Вечно происходили какие-то нестыковки, и наши пути расходились. Но такой, как ты, больше не нашла... Мне никогда не было легко и просто, даже в детстве. Вот так, чтобы все время прекрасно и счастливо... Моменты, конечно, возникали, но чтобы сплошняком и достаточно долго - не получалось.

Инна произносила свои слова с искренностью, отбрасывающей все условности, не беспокоясь о том, стоило ли позволять подруге услышать признание в ее страданиях, потому что в Лене она всегда видела человека, способного понять и принять.

- А ты, Лена, сама-то припомни, когда в своей жизни вольготно жила, легко и радостно отдыхала? В деревне не было возможности, в университете училась и подрабатывала, а летом опять-таки в деревню ездила помогать. Потом работа, сыновья. А с ребенком какой отпуск? А тут перестройка накатила, безденежье. Сейчас можно было бы куда-нибудь поехать, но нет здоровья и желания. Утомительны стали вокзалы, поезда, причалы. И море уже не прельщает. На диван тянет.

- Я всегда четко осознавала, что я хотела, для чего жила. Теперь для меня удача в творчестве - наивысшая радость. И день без строчки - чуть ли не вычеркнутый из жизни. Всю свою страсть, все остатки сил предпочитаю отдавать осуществлению своей детской мечты, - сказала Лена. - Одного боюсь: раньше времени сложить крылья, закончить полет, не сделав намеченного. Теперь каждый день важен и дорог... Они для меня как отдельные подарки судьбы.

- Писательство - оно как болезнь?

- Это счастье. Может, вся моя предыдущая жизнь была ошибкой, и я прожила чужую. А вдруг я должна была жить тем, что с детства рвалось из меня наружу, и ради этого я обязана была превозмочь все беды и трудности на этом прекрасном пути, который мне был предначертан судьбой? А я не подчинилась внутренней направляющей воле, пошла ей наперекор... и не извела, не достигла...

Инна подумала: «В своих книгах она просто ищет спасение от одиночества в душе». Потом одобрительно хмыкнула и сказала вполне серьезно:

- А я считаю, что внук - твоё счастье. Он твоё продолжение, твоё бессмертие. Ты же надыхаться им не можешь.

И тут же спросила:

- Ты готова променять дарованный тебе небесами талант писателя на настоящую любовь?

- Теперь уже нет. Это только в юности и в молодости можно жить любовью к мужчине. Но она не спасает, если вдруг несчастье... Тогда, после Антоши, ангел-хранитель помог мне, подсказав способ моего лечения.

- Ты - и вдруг ангел? Ты не путаешься в понятиях? - не смогла сдержать удивленного возгласа Инна.

- Знаешь, много раз я могла погибнуть, но мой ангел был чуткий и заботливый. Я с раннего детства чувствовала рядом шелест его крыльев, но не всегда доверяла своим ощущениям. А теперь вот еще и писательство спасает меня и возвращает к жизни. Всевышний, пошли ветер в паруса моей мечты!

- Тебе «есть что сказать, представ перед Богом», - улыбнулась Инна. - Насколько я правильно поняла, книгой, которую сейчас пишешь, ты желаешь доказать, что предыдущая была не во всем удачной, хотя и не по твоей вине. Ты ею хочешь реабилитироваться или она является продолжением, дополнением предыдущей?

- В ней я только поставила вопросы, но не раскрыла их сути. Следующей книгой я закончу начатую тему.

- Может, правы были финикийцы, утверждая, что треть жизни надо учиться, треть работать и треть заниматься искусством. А я упустила эту прекрасную последнюю составляющую.

- С твоей эрудицией и жаловаться? Ты всю свою взрослую жизнь «поглощала» искусство, как-то по-своему пропитывалась им, купалась в нем. А мне не хватало времени, как я ни старалась.

подавив в себе постыдное осознание того, что прибегает к дешевому приему, Инна сказала грустно:

- Мы на удивление разные: ты по жизни белый лебедь, я черный.

- Не выдумывай. Обе мы пестрые, курочки-рябы. Не кокетничай, не преувеличивай своей отрицательности и моей значимости. Понимаю, внешняя бравада. Вадим огнеметом прошелся по твоей душе, но она у тебя все равно состоит из многочисленных прекрасных оазисов. Да и вообще... всего в нас с тобой намешано-перемешано, только в разной степени концентрации.

- Ты ведь тоже видела золотые сны юности, маялась, пораженная любовным недугом. Наверно, не раз проскальзывало в мыслях...

Жадный блеск любопытства в глазах Инны был столь кратким, что подруга не успела его заметить.

- Если ты об этом... - Лена сделала едва заметный жест недовольства. Инна почувствовала себя виноватой, словно пересекла некую заповедную тропу, и замолчала.

Глубокий затяжной вздох Инны опять вернул Лену к тоскливому монологу подруги. Она встрепенулась, чуть приподнялась, опершись на локоть. Но Инна уже улыбалась с вызывающим покровительственным спокойствием.

- Помнишь из детства: «Любовь до гроба – дураки оба».

- Устами младенца...

- Детство. Что-то оно последнее время все чаще напоминает о себе. Чувствую страх конца, такую же, как в детстве тоску неизвестности, горькое бессилие. Приуныла я... Совсем чуть-чуть, – сказала Инна и будто впала в усталую дрему.

- Я тоже часто вспоминаю детство. В основном по ночам, если не спится.

...Лежу в траве за детдомом. Ящерики проворно шныряют, бабочки нежно порхают, мухи настырно зудят. Я прижимаю к груди свой самодельный музыкальный инструмент – «гитару» и бешено «рву» ее туго натянутые проволоки, как струны собственной души. Я извлекаю сначала бурно-грозовые, затем жалобно-тоскливые звуки. Я изливаю в них свою душу, освобождаюсь от боли. И думаю: «Переплавить бы все горе мира в огромные глыбы и сбросить с крутого обрыва в море-океан».

...Могильное молчание ночи. Оплывающая свеча. Коптящий огарок. Угрожающий шепот дежурной няни: «Ты горько пожалеешь».

...Я уже во второй, теперь в деревенской семье. Бабушка творит крестное знамение и начинает печь хлеб. Ситный.

До сих пор помню его запах и ощущение в руках полновесной ковриги. В памяти всплывают старинные названия: русская печка, поддувало, загнетка, лежанка, грубка, конфорка, приступка. Чапли. Ими бабушка из печи сковороды доставала. Ухват, кочерга, таганок, подпол. Еще вьюшка. Её бабушка перекрывала, чтобы тепло из печи за ночь не выветрилось и не выстудило хату. А юшка – это еда такая. В холодную подсолненную воду кладут тонко нарезанные пластинки редьки или репы и кусочки ржаных сухарей. Еще по желанию добавляют немного подсолнечного или конопляного масла. Страсть как хочется снова попробовать.

Представляю себе нашу печь. В ней все рационально продумано, удачно скомпоновано. С лица жерло плотно прикрывалось тяжелой металлической дверкой в полкруга, по типу щита. Как же она называлась? Запаятовала. Заслонка! Ручка у нее узорная и по полю (так говорила бабушка) тоже рисунок. Для красоты. На гладкой боковой стене печи – на той, что со стороны закутка, – три выемки в половину кирпича. По ним я взбиралась на самый верх, на лежбище. Там мы с братом жарили бока, если замерзали на улице, и вспоминали снежную горку: как ради хохмы бегали с нее задом наперед наперегонки. Пятились спиной, падали, кувыркались, визжали от восторга!.. Словно ленту старинного черно-белого кинофильма пускали вспять.

...Вот Вовка с соседней улицы пришел. Сушки грызет, не делится. Ему кричат: жадина-говядина, каналья, чтоб ты подавился ими, бессовестный. А через минуту – куча-мала, крики, визг, радостное возбуждение. Счастье! Я замираю от радости. У меня на лице слезы умиления... Первая зима в деревне. Такое больше не повторилось.

Да... Как-то, уже будучи взрослой, в деревне у стариков в гостях побывала. Взяла в руки военных времен тяжелую медную кружку и словно оказалась в той далекой реальности. Даже озноб прошиб.

...Отец. Какой он отец! Угораздило же мать влипнуть. Нашла приключение на свою и мою голову. Вспомнилась ее шутка: «Быть мужчиной – это профессия, быть женщиной – призвание». «Достопочтенный папаша», мягко говоря, навязчивой манией страдал: патологически сильно сына хотел, чтобы род не пресёкся, а рождались девчонки. Мол, не мог послушаться голоса крови, вот и оставлял их. Верил, что со следующей женой

больше повезет. Всех жен своих винил в неспособности родить ему наследника. Не признавал поговорку: «Что посеешь, то и получишь».

...«Оправдался, зараза. Поднаторел в трёпе. Туфту гонит», – сочувствовали мне друзья по несчастью. Оно, конечно, хорошо, когда надежда золотыми нитями вплетается в жизнь. Только не в моем случае. Кого любить? Человека, которого, будучи ребенком, никогда не видела? Любить мечту, терзаться? Нет! Не нужен! Но почему-то постоянно возвращалась к мыслям о нем. А он думал, вспоминал? Зачем ему детдомовский выкормыш? Сам, видно, не был знаком с чувством сиротства, покинутости и безмерной тоски. Не знал, что значит, перемогая себя на людях, прячась по укромным уголкам, еле сдерживать придушенный вой обиженной детской души, когда одна мысль о нем отшибает сон чуть ли не до рассвета. Спокойный сон навевают хорошие мысли, но их неоткуда было взять. А знал бы и понимал, может, не раскидывал бы детей по белу свету.

«Впервые слышу такую резкую отповедь отца от Лены. Долго же она лежала в запасниках ее памяти», – удивилась Инна и сказала жестко:

– Не каждого человека можно назвать человеком. Многие из тех, что считают себя таковыми, ими не являются.

– Мой минутный интерес к отцу был вполне закономерен. Только не напрашивалась я ему ни в дочки, ни в сыночки. На дух не переносила подонка, многожёнца. Про всяких папаш наслушалась в детдоме, куда затолкала меня с его подачи судьба. С первых дней жизни подставил мне подножку, и загремела я в тартарары, и напевала лет до семнадцати втихомолку: «С детства меня невзлюбила судьба». А-а, что толку прошлое ворошить! По религии надо чтить отца и мать своих. Только иногда родство по духу важнее родства по крови.

– Говорят, детские обиды быстро забываются.

– Смотря какие. Некоторые навсегда застревают в памяти и в сердце.

– Ты права. Эта обида не из тех, что можно и нужно забывать.

5

– А ты во всем ищи позитив.

– И на смертном одре? – сказала, как отрезала Инна.

– Не надо...

– Мне кажется, у большинства домашних детей нашего поколения было очень похожее детство. Только сельские вкалывали, а городские болтались по улицам или, в лучшем случае, посещали музыкальные, художественные школы и различные бесплатные кружки.

– Как-то, помню, бегу из магазина, – я в то лето к деду в гости сама заявила, одна приехала! – смотрю, а одни мальчишки из нашего двора, изнывая от безделья, занимаются тем, что плюют на асфальт кто дальше, а другие осмеивают каждую, проходящую мимо них девочку и гогочут от удовольствия. Никогда бы деревенским не пришло в голову такое времяпрепровождение. И у сельских детей иногда детство кажется одинаковым, если не вникать в подробности и тонкости жизни каждой семьи. Психологический климат все равно был разный. Поэтому однозначно ничего нельзя утверждать, – засомневалась Лена.

– Оно, конечно... У моей подружки до школы было счастливое детство. Она во всем слышала музыку. Не имея ни голоса, ни абсолютного слуха, постоянно напевала от радости жизни и с удовольствием помогала бабушке по дому и в огороде. Деньги у бабушки не водились, но они не страдали от этого, потому что любили друг друга. А потом родители забрали дочку в город, и боль разлуки намертво въелась ей в душу. Их

хоромы и богатство ей были не в радость. То счастливое деревенское детство моя подружка в своем сердце с собой унесла. Оно всю жизнь ее оберегало. И до сих пор не изгладилось из памяти. Помню, как-то в минуту грусти она сказала мне горестно: «Некому теперь за меня молиться... Бывало, упаду в любящие руки, приникну к ним, и все беды уходят. И слов не надо. Так и не смогли родители оторвать меня от бабушкиных колен. Не понимали меня. И я их».

- Человек сам себя не всегда понимает.

- И ненавидят люди иногда друг друга из-за непонимания, из-за недоговоренности мыслей, - сказала Инна.

- В чем для меня счастье в детстве? Бывало, вся истекаюсь, испереживаюсь в ожидании наказания. Прямо трясусь при виде отчима. И суровый взгляд матери не сулит прощения. Мать такой была, потому что отчим - козырная карта «в колоде» нашей семьи. Высшая каста, белая кость! Молча проглатываю обидные замечания: мол, обнаглела, совесть как снег по весне тает. А я не виновата...

Помню, перед шестым классом я выросла за лето сразу на пятнадцать сантиметров. Стоило наклонить голову - и в глазах темнело. Я быстро уставала, меня шатало из стороны в сторону. Конечно, забеспокоилась: какой же из меня в таком случае работник? По радио услышала, что от малокровия рыбий жир помогает. Попросила денег у матери и помчалась в аптеку. А лекарство оказалось разливное. Купила я там же бутылку, получила пол-литра жира и довольная вернулась домой. А мать за обедом раскричалась за то, что я двенадцать копеек лишних потратила. Отчим довольно улыбался. Я сначала съежилась, потом разозлилась. «Мне что, - говорю, - лекарство надо было в ладонях нести? А если бы оно в таре продавалось, мне его должны были в рот вылить, чтобы я не платила лишних денег? Я эту бутылку, когда всё выпью, горячей водой с песком вымою и опять в магазин сдам. Так в чем же я виновата? Я даже себя похвалила за то, что догадалась купить эту чертову тару, и мне не пришлось зря тратить время на беготню. Все-таки три километра. Сколько дел можно успеть переделать!»

От обиды мне хотелось грохнуть эту проклятую бутылку об пол и спросить взрослых: «В чем я не права? Я полгода жаловалась на головокружение, а вы мимо ушей пропускали. Спасибо сказали бы, что я проявила самостоятельность». Я, конечно, вслух не возмущалась, что в конце концов это их дело заботиться о здоровье детей. Не имела права. Просто выскочила из-за стола и убежала за сарай плакать. Понимала, что все мои унижения от того, что отчиму я в тягость.

- Ты была права даже в большей степени, чем думала. Но... не с серебряной ложкой во рту родилась, - вклинила свой комментарий Инна, не дослушав Лену.

- Обреченно прихожу на кухню. Стою у двери, пристыженно опустив голову, в смятенье ожидаю бабушкиного приговора. Как же, без разрешения ушла из-за стола, хоть не напрямую, но предъявила претензии. Бабушка подзывает. «Просить станет, чтобы смирилась, мать пожалела»? А она говорит: «Я тебя ждала. Давай вместе пообедаем?». Я ничего не могу сказать, меня распирает благодарность. Поились слезы облегчения. В моей душе безраздельно царит радость, вселенская умиротворенность и тихое счастье! Сердечко ликует: поняла, простила мою резкость! Ах, когда это было! В незапамятные времена. - Лена светло улыбается. - Разве после такого прощения соблазн плохого поведения, не окупаемый муками совести, мне может грозить? Конечно, нет! «Говорят, что человек слаб. Он может быть жалок и подл. Но я никогда не пойду на сделку с совестью», - решаю в тот день раз и на всю жизнь.

Бывало, провинюсь - дома я свою мальчишескую ершистость глубоко запрятывала, а в школе тормоза отпускала, - мать «вычитывает» мне, а мои мысли далеко-далеко. Я ее не слышу. Ну, это как радио, когда оно целый день не выключается. Его уже не замечаешь. Сажу и думаю: «Уж лучше бы как-то иначе наказала: по пятой точке стеганула, по шее наkostenяла. Или какие-то другие слова нашла бы... От ее нотаций я не чувствую прощения. После такого занудства хожу как оплеванная. Лекция оборачивается раздражением. Можно подумать, я без нее не знаю, что расшалилась!»

А бабушкина укоризна в глазах и сейчас болью в душе отдается. Глянет, бывало, с вопросительной или просительной робостью, мол, что же ты?.. И сердце горько сожмется: «И что же это я, дрянь такая, опять сорвалась?» Хочется поскорее заглядить

свою вину. Я страшно тяготилась ее молчанием, искала повод в глаза заглянуть, взглядом прошение попросить. Испытания порядочностью, честностью и сочувствием я с ней проходила. Когда я злилась, она спокойно говорила, что надо быть всему в жизни благодарной. «Плохое – тоже путь к хорошему. Оно многому учит. Повзрослеешь, поймешь». Как она была права! Худого слова от нее не слышала. «Худого» – так бабушка говорила. Ее уход из жизни для меня был невозполнимой потерей.

– Проказы и шалости тебе не были присущи.

– Несмотря на жесткое воспитание, я была нормальным ребенком. Но гадость и подлость не терпела. И грубые слова были не из моего лексикона. Пошлость презирала пуще глупости. Но, Бог ты мой, как мне иногда хотелось побеситься! Вот и «отрывалась» в школе. Не со зла меня несло, от ощущения свободы. Я будто цепи разрывала.

– А я еще у тебя училась «властвовать собой», – рассмеялась Инна.

– В детдоме мне, как старшей в группе, всегда первой предстояло вкушать экзекуции. До сих пор помню «увесистые аргументы» воспитательницы. Но труднее всего было, когда наказание откладывалось. Ждать наказаний – такая пытка! Потому что продлилось время противной мучительной боязни. Где начинался страх, там кончалось соображение. У мальчишек сразу возникало дикое желание мести, стремление расправиться с обидчиками, сделать им подлянку, чтобы другим неповадно было издеваться над детьми. В нас, маленьких, глубоко и крепко сидело чувство справедливости. Откуда оно? И я считала, что жестокие выходки взрослых не должны оставаться безнаказанными, но не воевала, а погружалась в безысходное оцепенение и думала: «Ведьма, черт бы тебя побрал, сражалась бы со взрослыми, равными себе, а не с детьми, которых некому защитить. Накажет тебя Бог за твои злодеяния!»

Лет с пяти я уже серьезно стала размышлять о жизни. Подумывала сбежать. Бывало, мечтала: рвану наугад, и будь что будет! Воображала, как живу одна в лесу, шурую палкой в костре, еду себе готовлю, плюю на всех. Житуха – высший класс! Даже как-то с кем-то поспорила, мол, хоть завтра. Вовремя опомнилась. Кому я нужна на воле? Но продолжала каждую весну жадно провожать глазами детей, покидающих наши гадкие стены. Мальчишки бунтовали, и, соответственно, «получали на орехи». Позже и я решила: устрою какой-нибудь финт, но поберегу свое «выступление» под конец, на закуску, чтобы ответного удара не последовало. Взорву, разломаю к чертовой матери эту проклятую шарагу, чтобы детей по хорошим детдомам развезли. Потом почему-то мне вдруг перестали нравиться мои мысленные «приключения». Видно, поумнела к выпуску, поняла, что в террористы не гожусь. Уже тогда во мне зарождалось желание пытаться действовать на людей словом.

– Оптимистичная мысль, – съязвила Инна.

– Моя детская логика требовала других, умеренных решений, – грустно улыбнулась Лена.

– Ну как же! Твое врожденное душевное изящество не терпело насилия даже над преступно жестокими душегубами. Идеалистка. Уму непостижимо! Ты – редкая достопримечательность.

– И что в том предосудительного? Следующим на моем жизненном пути был хороший городской детдом. Потом еще один город, где был любимый дед. И, наконец, деревня. Детдома не давали полного представления о жизни, о мире. Только в деревне я по-настоящему поняла, что кровавый шлейф войны будет длиться еще долго. В колхозе работали молодые покалеченные мужчины, которые были на целую жизнь – на целую войну – старше нас. Они жили еще той, военной, правдой. Мы, дети, прислушивались к ним, потому что нам было очень важно, кто рядом идет по жизни.

Помнишь учеников на школьном обеспечении, очереди за хлебом, за ситцем «под яйца», землянки, бесплатная работа в колхозе? Беды и трудности сплачивали людей. Но лучше, если бы радость объединяла. Но и веселиться умели. Пели, зажигательно плясали по праздникам. А нынешняя молодежь мало двигается, все больше музыку слушает.

– Я в городе помню тухлый тошнотворный запах коридоров коммуналок, керосинки. Простая, понятная жизнь.

- Я до сих пор как слышу перестук колес поезда, так дыхание перехватывает, сердце сжимается, даже если этот поезд на экране телевизора. Чудно!

На лице Лены появилась болезненно-тревожная улыбка.

После этих слов подруги Инна сразу перестроилась:

- Помнишь, какие задушевные неспешные разговоры мы вели, когда твои «предки» уходили на собрание? Жаль, это редко случалось.

- А песню: «А ты, сапог, что дать мне мог? Лишь на каблук свои налипшие окурки». Она особенным образом трогала наши чувствительные юные сердца.

- Она отличалась от школьных программных песен своим горьким, честным откровением. Не так ли?

Вопрос не требовал ответа.

- Помню, сидим мы на бревнах – две тощие голенастые девчонки – и орем во все горло «Мурку». Под настроение всё в ход шло, даже «Шумел камыш».

- Всякое могло бы со мной случиться, но от глупостей уберегла цель – поступить в главный вуз страны. Романтика и патриотизм в то время составляли мою суть. Еще помню, как Петергоф изменил мои представления о прекрасном. До этого я ценила только красоту природы, а тут создание рук человеческих поразило. Всё там гармонировало и сливалось с красотой природы. Может, поэтому я ее так глубоко поняла и приняла. И всего-то картинки в книге рассматривала, но мне казалось, что я сама там побывала.

Лена погрузилась в милые сердцу воспоминания.

- А как мы жадно впитывали свободу городской жизни! Не сиделось, не стоялось, все бегом и большими глотками. Шмотки нас не волновали, было бы тепло и удобно. Лишь к третьему курсу чуть-чуть приоделись, но все равно очень скромно. Только впечатления! Только прекрасные чувства!

- А меня тогда, на первом курсе, больше всего потрясли руины не полностью еще отстроенного после войны города. До сих пор перед глазами стоят обгорелые остовы огромных зданий, – сказала Лена.

- А помнишь, как мы первый раз заселялись в общежитие? Бросили вещи около вахтера и пошли искать коменданта. А когда вернулись, ты попросила какого-то парня помочь взвалить тебе на плечи рюкзак. Потом схватила огромный многообещающего вида чемодан в одну руку, внушительную сумку – в другую и бегом помчалась на четвертый этаж. Ты бы видела округлившиеся глаза и отвислую челюсть того парня! Он-то, бедняга, с великим трудом удерживал твой рюкзак, пока ты нащупывала и натягивала на плечо вторую лямку. Здоровая была, чертяка. Длинная, тощая, но жилистая. А так, бывало, идешь в своем неизменном сарафанчике, на вид такая хрупкая, миленькая, беззащитная. И никто не догадывался, сколько силищи в этом нескладном цыпленке-переростке.

«Опять наши слова не имеют никакого отношения к сегодняшнему дню», – подумала Лена и подтвердила слова подруги:

- Имел место такой случай. Денег родители не давали, но на первое время снабдили всем необходимым. Харч свой был. Как сейчас помню: в моем рюкзаке тогда было два ведра картошки, четыре трехлитровые банки консервированных овощей и приличный шмат соленого сала. И в чемодане, и в сумке много чего полезного было упрятано. На полгода в город уезжала. К тому же первый раз. Да... сельская закалка нешуточная. Помню, как на спор отчима на закорки вскинула и бегом по двору. Он был вдвое меня тяжелей. И ничего. А теперь вот три кэгэ в зубы – и больше не моги. Сердце, позвоночник, ноги... И всё это окончательно и бесповоротно.

«Не замечаю, как повторяю Иннины фразы», – подумала про себя Лена, приподнимаясь

на локте и с насмешливым осуждением оглядывая свою полновато-рыхлую фигуру, с рельефно выделяющимися под тонкой ночной рубашкой характерными «детальями».

- Твои одиночные прогулки в студенчестве перед сном никогда не забуду. Особенно ту, последнюю.

- Я догадывалась, что, гикая и улюлюкая, парни не побегут за мной. И все равно страх как сумасшедшую гнал через кусты и бордюры к выходу из парка. Знала, на свету, на проезжей части дороги не тронут. Долго еще сердце колотилось при одной только мысли, что они могли бы со мной сотворить.

- Ту ночь мы просидели на подоконнике. Струились звезды в небесах, пахло акацией. Нам было страшно, беспокойно и грустно. - Инна вздохнула.

- А помнишь, как на зимних каникулах поехали в деревню? Билетов не было, проводники двери туго набитых вагонов не открывали. Не удалось прорваться даже в тамбур, где можно было надышать и согреться. Двенадцать часов простояли на сцепке между вагонами. Страшно громыхало под ногами железо. Морозище. Ветрище насквозь пробирал, а мы в городских ботиночках. И не заболели. Без происшествий добирались. Дома у тебя сразу в валенки переобулись - и на печку! Я не реже чем раз в год обязательно стариков проводывала. А когда они стали немощными, так и чаще. Они ждали.

- А теперь поезда пустые ходят.

Успокоившись немного, Лена снова легла рядом с Инной. А та пугающе неподвижным взглядом уставилась в потолок. «Может, я ее чем-то обидела?» - заволновалась Лена, чутко прислушиваясь к дыханию подруги.

А та сама ненавязчиво напомнила о себе тоскливым вздохом.

6

- Борись за жизнь, - тихо произнесла Инна.

- Хочешь сказать, что впереди меня ждет немало открытий, ради которых стоит задержаться на этом свете? Не исключено, что и теперь еще я чего-то не успела испытать и попробовать? Чего-то такого, что мой строгий разум не мог и предвидеть? Допустим, поцеловаться с акулой через толстую стеклянную стенку аквариума, что уже сделал мой внучок. И как всем этим распорядиться? - Лена шутила и слегка иронизировала. Она ждала и боялась серьезного разговора с подругой.

- Не злись, пожалуйста. Но когда припечет, оттягивать агонию не стоит. Добиться отсрочки можно только ценой определенных уступок. Но они слишком дорого обходятся. Не сосредотачивайся на болезнях и невзгодах, бросай работу и продолжай писать до последнего, пока не похолодеет рука, держащая перо. Не распыляйся. Торопись. Ты еще много успеешь. Да, кстати, ты привезла мне обещанный журнал с твоим интервью? Не зажилила?

Лена открыла тумбочку и достала из-под вороха Кириных газет припрятанный экземпляр.

- Зачем скрываешь от сокурсниц?

- Потом узнают, когда...

Инна жадно вцепилась в глянцевою обложку.

- Не каждый день наших подруг балует пресса своим вниманием. С картинками? Не обидишься, если я не утерплю и сразу прочитаю или хотя бы полистаю, просмотрю?

- Валяй, если не устала, - с нарочитым безразличием ответила Лена.

Конечно же, ее волновало мнение подруги.

- Со вкусом подобраны фотографии. Хвала редактору! Текст легкий, прямо-таки воздушный, похожий на экспромт. И умный. Не корпела над ним месяц, с ходу отвечала на вопросы корреспондента?

- Так точно, товарищ командир, - с улыбкой ответила Лена, поняв, что интервью Инне понравилось.

- А у меня уже ни на что не хватает сил. Болезнь четко ограничила и обозначила сроки пребывания на земле. Храм мечты давно разрушен. Больше не поют соловьи в моем сердце. Иду на дно. Я в мире скорби, в ловушке тоски, в тенетах страха. Не увильнуть от расплаты. Собственно, за что? Моя судьба - рок или Её величество Случай не вовремя вмешался? А... не все ли равно теперь!

- Ты совсем не предполагала? Пребывала в полном неведении?

Лена участливо склонилась над подругой.

- Были некоторые нехорошие предчувствия, но не верилось. Не хотелось видеть причинно-следственные связи в запутанной информации организма, изнуряющее упрямство не оставляло в покое и заступало дорогу разуму. Вот и переусердствовало. Оно же как мракобесие.

А теперь вот снедают страхи. Вечность в глаза глядит. Вырисовывается ошеломительная перспектива познать тайну тайн... Остается молиться всею ночью. Свою верхнюю ноту я уже взяла. Этот - последний, самый короткий и страшный отрезок... - Инна не закончила мысль, задохнулась волнением. - Терзаюсь отчаянием, что-то скорбное жжет, грызет меня изнутри, подавляет. Я неуклонно превращаюсь в еще ходячего мертвеца. Вот оно, катастрофическое крушение жизни. Приходится признать основополагающее единство всех вещей. - Инна чуть покривила губы. - Смерть уже заявила на меня свои права, проникла во все мое существо, щитом безразличия не удастся от нее отгородиться. Я уже не помышляю без лекарства о сносных днях, избавленных от дикой боли, которая является, когда ее меньше всего ждешь. Коварная беда не сразу дала о себе знать, долго и подло подкрадывалась, а потом лавиной, всей тяжестью навалилась. Это рубеж... Смерть догнала меня. Не повернуть ее вспять. Все возможности организма исчерпаны. Не победить мне химеры больного, измененного состояния сознания. Я скоро буду погребена угрюмой действительностью. И не надо лгать себе. Я, как камикадзе, на всё готова, - с видом усталой покорности добавила она. - Я «загрузила» тебя по полной программе, а у тебя своих бед сверх головы.

- Правильно делаешь, что рассказываешь. Я по твоим следам пойду.

- Помню, перед первой операцией, как перед казнью: шок, страх, надежда... Прощаешься и смиряешься... Но то были цветочки. Только я в том не отдавала себе отчета. Выйдя из больницы, я строчки из Данте вспоминала: «Я расслышал трепетанье моря. За спиной остался ад».

А когда второй раз туда же попала - я тогда перед операцией уже хорошо полежала в больнице на предмет многократных облучений и повторных химий, - долго передвигалась, не отлипая от стен. Не было сил радоваться, не могла ярко выражать свои чувства. Внутри себя сделалась как бы пустой или тухлявой. И в душе только усталость, горечь и совсем-совсем немного любви. «Жизнь не в Красную Армию!» Помнишь эту нашу присказку? Офицеров тогда очень уважали, ими гордились.

Лучше бы забиться в истерике, чтобы хлынули невыплаканные слезы, невысказанные проклятья судьбе, чтобы стало легче и я вновь почувствовала бы себя живым человеком. Да-а, после драматических событий к жизни относишься по-другому. Но ведь главное - выжила!

А теперь пора со всем и всеми распрощаться. Финал. Мир для меня рухнул. Все карты биты. Ставок больше нет. Игра проиграна. Бесславный конец? Но цель имеет только человек, хоть и не всякий. У человечества нет единой цели. Там все вразнобой. Но

большая история остается в памяти человечества, а история одного человека – нет. Только в семье. Я просчиталась! Сегодня не самый мой трудный день. Что еще ждет впереди? На какой день и час придется пик страданий? Бредни всё это. Борюсь сама с собой. Это самое сложное. Помнишь, Жанна сказала: «Какая самонадеянность не верить в Бога!»

В бессвязных фразах и в голосе Инны Лене слышалась напряженная монотонность молитвы. То на самом деле была мольба о пощаде, просьба о помиловании, тайная надежда...

«Мысли путаются. Бредит? Тоска в её душе пустила слишком глубокие корни, не вырвешь. Сыта она ею по горло. Как тут вдохнешь в нее веру?» – Лена тяжело вздохнула, поддавшись настроению подруги. И тут же опомнилась, но не нашлась, как выйти из затруднительного положения, и только горько пошутила:

– Теперь для нас тоска из разряда противников перешла в категорию главных привилегий. Ох уж эта наша фанатичная тяга к счастью!

«Боже мой, какое сердце надо иметь, чтобы такое переносить? Какую душу надо иметь, чтобы вместить столько горечи?» – молча стонала Лена.

Охваченная неотступной тупой тоской, Инна лежала, свернувшись калачиком, зажав ладони между колен. Она показалась Лене маленькой обиженной девочкой с осунувшимся, болезненно-землистым, как у старушки, личиком. Свет фар от случайной в ночи машины на миг осветил подругу. Лицо ее сделалось плоским, безжизненным, как на старой, сильно выцветшей фотографии.

– Хорошему человеку не страшно уходить, – пробормотала Лена, чтобы как-то примирить Иннины чувства.

«Жизнь тяжелым катком неудач и болезней неоднократно прошла по ней вдоль и поперек. И вот опять судьба подставила подножку. И теперь ей уже вряд ли подняться. Как подступиться, что бы такое предпринять, что позволило бы Инне хоть на короткое время воспрянуть духом? Чем положительным разжечь ее угасающее сердце и разум? О чем поговорить? Мол, положишься на меня? Глупо. Зачем что-то говорить? Чтобы лишний раз убедиться, что все это уже ни к чему? Задача высокой категории сложности. Уж лучше помалкивать в тряпочку. Иннино выражение», – сама задает вопросы и сама себе отвечает Лена.

– Недавно услышала о новом лекарстве, еще не прошедшем проверку на людях. Может, тебе понадобится. Я похлопочу?

– Пожалуй, что нет. Я уже всё испробовала. Даже нелегальное. Мне уже поздно. Я знаю свой предел, поэтому спокойно смотрю на похороны в нашем доме. А некоторых старушек, присутствующих на проводах в последний путь своих знакомых, буквально уносят, – прошептала Инна и, боясь встретиться с взглядом подруги, отвела глаза.

– Зря. Надо пытаться.

«Из этих моих слов она мало что сможет извлечь разумного и полезного. Господи, как трудно!» – упрекая себя в неумелости и черствости, подумала Лена.

– Понеслась с места в карьер! А если срок близок? Что, получила звонкую оплеуху?.. Не сердись.

Инна погасила ухмылку на хмуром лице.

– «Не падайте духом, поручик Голицын».

– Не падай духом, а падай брюхом, – хмыкнула Инна, вспомнив солдатскую присказку своего любимого племянника.

– Послушай...

– Я выслушаю, если тебе от этого станет легче, – попыталась пошутить Инна.

- Возможно, твой врач что-то путает, на пушку берет, чтобы ты всерьез занялась собой? Пораженное бедой сознание не способно смотреть в лицо реальности. Врач, наверное, говорил о среднестатистических данных. Человеческий организм, как и все живое в природе, имеет мощные резервы. И у всех они разные. Другое дело, если сердце, раз - и нет человека. А тут случаются неожиданные таинственные излечения. Я знаю примеры. Доктора тщились, но не верили, а больные выживали. Мы еще посмотрим кто кого! В твоём теле живет и мечется неумная душа. Твой мозг еще способен остро мыслить. Мы с тобой всегда следовали мечте и надежде. «Нас не проведешь!» Твои слова. Придет весна - и для тебя ярко вспыхнет солнце, и я буду рядом.

Лена говорила тихо, словно надеялась, что это помешает подруге прочувствовать и понять ее собственную боль.

- Глубоко пустила свои корни болезнь. Сначала одну грудь оттяпали, затем вторую, потом ниже... Знаешь, как у Вали. Сначала ногу, потом руку... Я как распятая. Хочется помочь подсознанию донести до разума что-то безгранично важное, но чувствую бесконечную беспомощность. Сверкнет мысль на одну секунду и умчится, как и не было ее. Какие-то несвязанные вспышки, как пунктиры. Провалы памяти, как бреши в заборе. Обезвреженные химией мозги не удерживают ни имен, ни телефонных номеров. Иногда выйду на остановке и долго не могу понять, где я. Надо ли объяснять, что пугаюсь, щедро осыпаю себя проклятиями. Потом медленно осваиваюсь, восстанавливаю в памяти картину.

Болезнь дает прикурить. Внутри я будто скукожилась. Нерасторопны мысли в усталой голове. Не удастся договориться с самой собой. Для меня это уже непосильная задача. В такие моменты я чувствую, будто жизнь и смерть объединились в каком-то странном пограничном пространстве и решают мою судьбу по взаимному согласию.

На это раз Инна говорила четко и бесстрастно, но с паузами. И Лена не могла понять, чего больше звучало в ее голосе: боли, обиды на судьбу или страха.

- ...И вроде не скверно я жила. Не третьеразрядным инженером была. Не признавала над собой всевозможную иерархию.

- Не могла успокоиться, пока не реализуешь самый трудный проект. Жадная была до работы. Ничего наполовину не делала. Не боялась, что обойдут, верила в себя.

- Меня не очень волновали деньги. Мне не нужна была власть. Главное, чтобы ценили, уважали. Говорят, служила рупором молодежи, наставляла, рапортовала, понятное дело, с гордостью. И так уж, бывало, расстараясь - дальше некуда! Наряжусь в свой строгий парадный кримпленовый костюм - и «вперед и с песней». - Инна усмехнулась. - Не могла отмахнуться от дел. Не умела отдыхать. Нас ведь учили жить так, будто от тебя зависит судьба всей страны и всей планеты. - То ли вымученная полуулыбка, то ли ухмылка покривила ее губы. - Важно не только, где и зачем мы плавали, но и куда приставали. В школе я шалопайничала, а как стала самостоятельно жить, так быстро поумнела. И все же первые две сессии только с твоей помощью одолела. А потом как по накатанной дороге дело пошло.

«Вроде разумно говорит, но все равно кажется, будто в бреду. Перескакивает с темы на тему». - Лена со скорбным лицом присела на край Инниного матраса.

- Передохни немного. Не возражаешь, если спрошу: ты часом не эпитафию себе сочинишь?

- Перо точу. Так бы и жахнула в себя из обоих стволов. Вот только как представлю себя в раскрошенном виде... - Инна снова криво усмехнулась.

- Не надо, - огорчилась Лена. - И на этот раз обойдется. Ты сумеешь благополучно миновать рифы возможной гибели. Ты только верь.

- В очистительном огне веры сгорает надежда.

Инна надолго замолчала.

– Моя жизнь катастрофически погружается во мрак. Болезнь память съедает. Читаю, сначала начинает теряться понимание текста, потом забываю о том, что происходило на предыдущей странице. А позже вообще не помню, о чем читала. Часто воспринимаю прочитанную книгу как новую. Как все жестоко переплелось, перекрутилось у меня в голове! Глюки мучают. Помнишь, сумасшествие чеховского «Черного монаха». Тот жил в собственном, особенном, по-своему счастливом мире непонимания. И дурачок Александра Грина тоже. Они радовались. Мне такое счастье не светит. Я... боюсь, – пересохшим языком прошипела Инна. – Но все равно голова напряжена каким-то смутным, неопределенным ожиданием чуда. Самую малую малость пожить бы. Ведь всегда есть риск впасть в ошибку, правда же? Я знаю случаи выздоровления и рада-радешенька верить, что и мне счастья еще немного обломится. Я сегодня что-то не того...

Инна уткнулась в колени Лены. Та наклонилась к ней, взяла ее бледное прохладное лицо в свои всегда горячие ладони и прижалась к нему лбом.

– Ах ты, мой стойкий оловянный солдатик! Ты так хорошо держишься! Удивляюсь твоей выдержке и трезвости мыслей. – Лена прилегла, обняла подругу. Ее сразу накрыла усталость. Ломило поясницу, плечи налились болью. Поставила себе диагноз: «Нервы». Потом прошлась губами по волосам подруги и подумала грустно: «Вот когда возникает полное откровение во всем».

– Видела бы ты меня без лошадиной дозы лекарства! Кажется, страданиям не будет конца и я не выдержу очередного приступа боли. Это когда думать не можешь, только терпишь, терпишь. Потом сознание меркнет. Смерть ставит предел страданиям. Но ведь зачем-то борешься? Без таблеток бывают минуты, когда смерть кажется заманчивой. Постоянно ощущать боль – выше моих сил. Она забирает последние силы. Говорят, страдания очищают.

– Страдания, но не мучения.

– Грустно и унижительно быть старой больной развалиной, – перехваченным болью голосом пробормотала Инна.

– Не старой, – с горячей досадой, на автомате сказала Лена. И тут же поняла, что брякнула глупость.

– Непроизвольно сорвалось с языка. Но ты на самом деле очень молодо выглядишь.

– Снаружи, а нутро-то гнилое. И это трезвая констатация факта. Моя бабушка в восемьдесят выглядела лучше, чем я сейчас. Порода у нас такая, мы долго молоджавые. Если бы не болезнь... Извела она меня. Еще чуть-чуть... и вперед ногами в лучший из миров. Нечем опровергнуть?

Инна закашлялась. В кашле улавливались застарелые простудные хрипы. «Как тогда, перед первой... – обратила внимание Лена. – А может, уже и легкие охвачены?» – испугалась она.

И на этой мысли она незаметно для себя отключилась. От страха. Будто от удара по голове.

– ...Когда ты была маленькой и худенькой, твоя круглая рожица выручала тебя, ты не казалась тощей, хотя была таковой. А теперь, когда ты полная, твоя «аккуратная» милая мордашка не позволяет тебе выглядеть толстой и старой, – услышала Лена. – Для Лили лишения молодости не приблизили огорчений старости. Она выглядит и чувствует себя превосходно. Почему?

– Её спасает весёлый оптимистичный характер и какой-то молодёжный пофигизм. А мы с тобой из-за каждого пустяка на стену лезем. Но внутри себя. Оттого-то психика у нас слишком раздерганная. А по нашему внешнему виду не скажешь.

– Я в молодости с вечно задранном носом ходила, ты – с искренней открытой улыбкой на

лице. Под твоей наивной скромной простоватостью прятались и талант, и боль. От тебя не ожидали ни слишком умного слова, ни твердости духа, а ты ошарашила всех и тем и другим, когда в Москву уехала, – тихо засмеялась Инна. – А теперь ты слишком молчалива. Я, конечно, с полным уважением отношусь к твоей сдержанности.

– Я не могу позволять себе быть голословной, рассуждать о том, чего доподлинно глубоко не знаю, – стала серьезно оправдываться Лена.

– Актриса Вера Васильева как-то в одном из интервью пошутила: «Играю графиню в «Пиковую даму». Приходится горбиться и чуть пришаркивать ногами, чтобы больше походить на старуху». И это в ее-то возрасте! Наверное, легко живет.

– Может, потому что в любви?

– Беда внезапно свалилась на твою голову.

– Беды всегда внезапны. Ждут радость. Помнишь, наши любимые гости? «Чтобы желаемое нами стало неизбежным» и «Чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями». У меня они часто не совпадали. Но к чему теперь запоздалые сожаления?

Инна устало смежила веки. Потом продолжила, стараясь не упустить ускользающую мысль.

– Мне приходилось себя жестоко изнурять, чтобы достичь определенной высоты. И все-то у меня было не как у людей. Надоело до чертиков. Омерзительно. Пропади оно всё пропадом, – тихо, с надрывом произнесла она.

Мысль прервалась, словно разделилась на бесчисленное число кусочков и разлетелась мелкими осколками. Инна угрюмо замолкла.

– Не воскрешай в себе грустное.

– Это по молодости болезни приходят и уходят. Незабываемые годы! А наши болячки теперь с нами до конца. И с каждым разом их все больше. Старость – могу сказать без всяких преувеличений, – если даже все в порядке, – печальное время. Она не для слабаков.

– И во мне теперь куча болезней – последствий онкологии. Спина зудит, горит, суставы ломят. Когда приходится много ходить, ногу приволакиваю. Колени давно надо чинить, но все не до себя. Одно лечишь, другое калечишь. Делаю массаж спины – желудок взывает. Наши болезни, как бомбы или гранаты, и неизвестно, какая из них и в какой момент может взорваться. Что меня убьет? Уж лучше бы от сердца, чем возврат... – вздохнула Лена.

– Я вот о чем подумала. Говорят, что старость – подарок, который надо заслужить. Разве Эмма ее не заслужила? Но доживет ли? И ведь не по своей вине. А Федька с его эгоизмом лет до девяноста протянет, а то и больше. За что? Он самый выигрышный билет из целой пачки вытащил? Разве я не достойна счастливой старости? Я больше его грешна? Ведь нет же? – спросила Инна и подумала: «Эмма – сильная личность. То, на что она решилась, требовало не меньшего мужества, чем поступок Лены. А может, и большего. Ежедневно преодолевать собственное психологическое сопротивление. И ведь сама подрядилась. Верность, измены, терпение – три разных проявления любви-нелюби. Лена, Федор, Эмма. Три разные истории. Триптих называется. Потому что взаимосвязаны».

– Разве половинчатый мир Федора содержит гармонию жизни? По мне так он слишком узок.

– Мне слова апостола Павла вспомнились. «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь всё перенесет». А разве не так любила Эмма? И где ее счастье? Оно в вечности? Эта голгофа – путь ее души к вечной жизни? Хитро придумали мужчины! Вот смотрю я теперь на всё это со стороны... Какие мы все глупые, несчастные идиотки! Любви хотим, счастья, а что получаем?

В школе нам все толковали о победе человеческого духа над болезнями. Помнишь Николая Островского? Хлебнул сполна. Говорили: «Достоинство вести себя, зная о близком конце, – это подвиг». Нет, это страдание! Это трагедия! И ни к чему высокие слова, когда нет выбора.

– Инна, тебе хуже, чем Островскому. У него жена рядом была.

– Уточняла я когда-то давно списки избирателей, которым требовалась для голосования урна на дом. В одной квартире жили старик со старухой. Они еле передвигались. У них было недержание мочи. Памперсов тогда не было, так они подвязывались какими-то тряпками, которые волочились у них между ног. Просто ужас. Но они все равно участвовали в выборах. Я была потрясена их желанием жить, стремлением до последнего чувствовать себя полноценными гражданами. А сколько им оставалось? Вот и подумай...

Инна сделала паузу. Устала. Лена, правильно оценив ее молчание, тоже затихла. Почему-то промелькнули в голове слова знакомой Лиды: «Люди умирают молча». От них Лене сделалось жутко тоскливо, захотелось, как в детстве, завернуться в теплое ватное бабушкино одеяло и отгородиться от всех на свете бед.

– Толстой в одном из рассказов писал о том, как легко умирает бедный человек и как тяжело – богатый. Я с ним не согласна. Странная, мужская точка зрения. Всем тяжело уходить. И труднее всего тем, кто оставляет неустроенных незащищенных детей и незаконченные дела. И богатство здесь ни при чём. Деньги – пыль. Человеку, прежде всего себя жалко и еще близких, тех, кто от него зависит.

Тетю свою вспомнила. Она, узнав приговор врачей, не стала ждать диких болей, какие мучили нашу бабушку. Две недели ничего ни ела, ни пила и тихо ушла. Какая выдержка! Сильная была женщина. Поучительный пример, но я так не смогу.

Думаю, мать меня скоро призовет. Заждалась поди... Знаю, знаю, нельзя всуе трепать память ушедших. Но сердце уже занялось тоскливым предчувствием встречи. Это только в юности кажется, что у нас в запасе вечность и нам некуда спешить, – тихо роняет Инна. – Разные карты всем нам сдает судьба, но очко редко кому выпадает.

– Моя бабушка в таких случаях говорила: не гневи Бога. Лучше многих прожила жизнь. Конечно, хотелось бы дольше. Но только чтобы жить, а не мучиться. Тебе надо вздремнуть. Может, Бог даст...

– Бог, Бог! К чему мне твое жизнеутверждающее одобрение прожитой мной жизни? – явно враждебно сказала Инна. И неожиданно пожаловалась:

– Изматывает боль, словно круги ада прохожу. На что я теперь еще годна? Только плакать.

– Человек до конца не знает своих способностей. В критические моменты он может проявить в себе, казалось бы, невозможное, – решительно возразила Лена.

– Золотые слова! Легко, как нечего делать. Ты безумно довольна собой? – попыталась иронизировать Инна. Но собственный голос показался ей необъяснимо чужим. На ее лице появились следы мучительного смятения.

Инна пришла в себя и наконец продолжила, но непонятно в связи с чем:

– Было время, когда средний уровень жизни людей был порядка сорока пяти лет. Ужасно!

– Так ведь среднестатистический. Это совсем не значит, что некоторые люди не доживали до девяноста лет. Смертность детей была большая. Моя бабушка по отчиму родила четырнадцать детей. Четверых тиф унес, троих холера, шестерых революция и гражданская война забрали. Только последний ребенок всё это вынес и выжил. Судьба отмерила ему восемьдесят лет.

Как твой последний... очередной муж отнесся, узнав о новом витке твоей болезни и

возможных последствиях?

- Мы с тобой обе были на грани. Ты знаешь о смерти то же, что и я, а он не понимает наших страданий, потому что то не его жизнь и не его смерть. На днях, по старой памяти, по привычке приволок мне кучу своих рваных носков. Я распахнулась. «Безупречная» ругательная фраза тут же сформировалась у меня в голове, но я сказала сдержанно: «Сколько мне жить осталось? И я это драгоценное время должна потратить на починку твоего барахла? Чини сам, если не можешь заработать на новые».

- Ответ вполне в твоём духе.

- Мало понимать беду. Сострадает тот, кто умеет прочувствовать силу и высочайший градус переживаний другого человека.

- Помню - это было лет тридцать назад, - на своей даче мой бывший шеф встретил меня в рваной рубашке. Поймав мой удивленный взгляд, его тогда уже больная жена сказала: «На работе Владимир Дмитриевич одет с иголочки. Пусть хоть на даче расслабится. А я вместо шитья лучше рядышком с ним посижу, почитаю ему любимых авторов. Душами пообщаемся». Как просто и хорошо сказала!

А отчим жизнь моей мамы разменивал на мелочную о себе заботу и на злобствование. Вот тебе и приоритеты. Когда они поженились, у них обоих было по внебрачному ребенку. Казалось бы, квиты, но он всю жизнь терроризировал жену, будто имел на это право. Свою дочь любил, а меня ненавидел. Он не захотел меня удочерить и дать свою фамилию и уже этим показал всем, какой он человек.

- Боже ты мой! - Инна тяжело вздохнула и закрыла глаза.

«По какому поводу вздохнула? Надо же, Бога упомянула. Инне не свойственны христианские мотивы, но ради выживания она уж точно прочтет тысячу раз «Отче наш» и всерьез пообещает обратиться в веру. Истинное смирение не ведет к утрате достоинства», - подумала Лена, внимательно взглядываясь в лицо подруги.

7

Инна залепетала тихо и неразборчиво. Но Лена поняла почти все.

- Сон - могучий защитный рефлекс организма, но когда он не срабатывает, боль вынимает из тебя душу, вытряхивает остатки сил и мужества. Жуткие галлюциногенные картины крутятся, крутятся неотвязно и назойливо. Не удастся их отогнать. То бешусь, то стараюсь себя урезонить. Не учла, что теперь подделки в аптеке часто случаются. У меня была мысль взять с собой рецепт, да заторопилась, и мысль безвозвратно ушла.

- У меня есть, дать?

- Не стану заставлять себя долго упрашивать.

Лена протянула руку к сумочке, которая лежала в головах ее импровизированной постели, достала пузырек и вложила в руку подруге.

- Пей, многократно мной проверено, - сказала она мягко, но убедительно.

- У тебя всегда с собой?

- Наготове держу, на всякий случай. Иногда нервы так расходятся, что не удастся усмирить себя без лекарства. Ты же знаешь, я только внешне спокойная.

- Знаю твою железную выдержку. А каким способом засыпаешь? Я не могу счетом овец прервать поток своих мыслей, поэтому читаю до тех пор, пока сон не сморит, - до двух, а то и до четырех ночи. Мучают меня постоянные бесконечные ночные внутренние диалоги.

- О степени понимания проблемы можно судить по глубине задаваемых вопросов. В

корень зришь. И меня ночью не отпускают дневные заботы. Мой сон, как перекресток двух миров, – вздохнула Лена. – Мне главное перед сном не начать о чем-либо размышлять, иначе до утра промаюсь. Долго не засыпаю. О, эта ночная маята с мучительной беспросветной чехардой мыслей! То одно, то другое прокручиваю в голове. Мне трудно вырваться из круга этого навязчивого вертепа. Я отвлекаюсь от мыслей однообразным монотонным повторением фраз. Молитва перед сном, как колыбельная. Не зря их придумали. Приучилась после операции.

А сны у меня замешаны на абсурде. Всякая всячина собирается в голове, перемешивается и преобразуется в невесть что. Она то струится, то вихрем закручивается. Оле Лукойе больше не раскрывает надо мной свой волшебный зонтик. И Морфей не заключает в крепкие объятья. У меня чуткий птичий сон. Смотрю сны и тут же во сне их разгадываю. Часто просыпаюсь, и чувство полной нереальности происходящего надолго выбивает меня из привычного ритма. И я ничего ровным счетом не могу с этим поделать.

Все мои сны в конечном итоге оборачиваются страхами. Ночью трагизм событий возрастает непомерно. Мерещится всякое, будто гоголевские фантомы вокруг меня... Не ручаюсь за точность их опознавания... А я им: шиш вам! И перебарываю. Просыпаюсь утром: постель смята, подушка и одеяло на полу. Ну прямо как в детстве, только ни свежей головы, ни бодрой готовности к «великим подвигам». Мозг ночью перерабатывает мной пережитое, прочувствованное, увиденное и выстраивает причудливо завораживающие конструкции. Они заводят меня в немыслимые дебри. Пытаясь от них избавиться, я стараюсь переключиться, но на самом деле втягиваю и вовлекаю все новые нити моего полусонного сознания в водоворот неумных нездоровых фантазий.

Лена замолчала, слегка пристыженная собственной откровенностью. Потом добавила с печальной усмешкой:

– Вот и пью лекарства. Особенно если на следующий день читать лекции. Голова должна быть свежей.

– Ясно в голове, ясно и в языке, – согласилась Инна.

– А потом злюсь на свое безволие и малодушие.

– Но не каждый же день пьешь лекарство? Воображаешь, что такое поведение мелко, недостойно тебя? Это болезнь, и нечего стесняться своей слабости. Но иногда бессонница спасительна: во сне не умрешь, вовремя лекарство примешь.

– Боюсь привыкнуть. Но врач успокаивает: «Надо помогать организму, давать ему передышку. На одной силе духа не продержитесь, не молоденькая». Днем отвлекаюсь работой. Несмотря на усталость, мозг, как хорошо отлаженный механизм, быстро переключается с одного на другое, а ночью болезни обостряются и уже не спасает вязкое беспмятство сна. Утром хоть домкратом с постели поднимай. Дотащусь до ванной, приму душ, разомнусь минут десять – и снова в бой. Недосыпы часто заканчиваются болезнями. А раньше я не знала, что такое бессонница и с чем ее едят. Будто замертво проваливалась в сон.

Обе одновременно подумали: «Раньше!»

– Если вкратце, то суть сводится к следующему: во сне мозг не только очищается от дневных забот, но и сканирует наши органы: тут печень не в порядке, тут желудок воспален. И мы острее чувствуем боль.

Последнее время со мной происходит что-то странное. Я многократно возвращаюсь в предыдущие сны, они там продолжаются, развиваются. Это может произойти в ту же ночь, в следующую и через месяц. Совсем как сериалы. И повторений одних и тех же снов было бесчисленное множество. Почему они с маниакальной навязчивостью тиражируются, почему меня преследуют? О чем это говорит? В мозгу что-то стопорится? Это медицинский казус? А вечерами от усталости мне часто не удается додумать до конца ускользающую мысль. Это дурной признак.

– Мне все это знакомо: боль, страхи, бессонница. Особенно когда пластом лежу. Знаешь,

как накатывает ночами! – вздохнула Инна.

– Мои сны – как вторая реальность. Я в них продолжаю жить и писать, искать выходы из затруднений. Кошмары постоянно преследуют. Часто во снах детей спасаю или блуждаю в лабиринтах и все ищу, ищу что-то. Убегая от противника, я задыхаюсь, тщетно пытаюсь закричать от ужаса. Мучительный крик никак не вырывается из горла... как когда-то в детстве. На самом деле я уже дико кричу, но звука своего голоса сквозь толщу жуткого сна не слышу, потому и не контролирую себя. Сына пугаю. Он вскакивает, тормозит меня, спрашивает: ужас пригрезился? Успокаивает. Будить надо обязательно, иначе можно больше не проснуться. Причина кошмаров не снаружи, она во мне самой. Их активный источник – мои болезни. Страшные сны снятся из-за приступов стенокардии. Иногда вообще дыхание на несколько секунд пропадает. Очнувшись, я впадаю в жуткую панику, судорожно заставляю себя дышать.

В своих снах я часто брожу по знакомым улицам, но никак не могу найти выхода или борюсь с кем-то, но не могу победить, и мне кажется, что это конец. Я мучаюсь, мечусь, просыпаюсь вся в поту, с коликами в груди, с гудящей, как колокол на низких тонах, тяжелой головой, с онемевшими конечностями. Приду в себя, налажу ритм естественного дыхания и успокаиваюсь. Заснуть, конечно, больше не получается, будь на часах хоть три, хоть пять ночи. Лежу, размышляю, сама себе обещаю, приказываю.

В одну из таких ночей пришла к выводу, что сны снятся потому, что мозг полностью никогда не отключается. Просто, когда люди крепко спят, они этого не знают. А если не очень крепко, то знают, что видели сны, но не помнят их. А мы, полуночники, совы непутевые, подробно помним их содержание. Вот и вся разгадка. И нечего копыя ломать и всякие психологические теории выстраивать.

– Утром мы помним сны, если склероз нас не подводит, – усмехнулась Инна. – Я не одинока. Ты тоже четко понимаешь всю глубину моей беды. Маленькое дополнение. Чем больше изношен организм, тем слабее механизм отключения мозга на сон, вот и снятся нам мутные гибридные вещи: всякие абракадабры, мешанина реального и фантазмагорического. И чувствуем мы себя бесконечно усталыми, и требуем лекарств. У меня все больше то сон-смерть, то сон-морок с ощущением неизбежности, когда их уже не отличаешь от реальности. Потом мало-помалу страхи уходят, и я какое-то непродолжительное время чувствую себя человеком.

– Для меня сны-кошмары – тренировка психики. Они будто готовят меня к предстоящей реальности. Ну, знаешь, как книги для ребенка. Мне по большей части снятся реальные события. В них страх за внука.

– Голодной курице просо снится. А у меня абстракции и мистификации.

Инна пригубила из кружки.

– Во рту постоянно сохнет. Испить бы и надолго насытиться, как живой водой... Маниакально-навязчивые сны – вот что самое ужасное. Они могут довести до сумасшествия. В этом есть что-то патологическое. От них можно избавиться только с помощью таблеток. Если просыпаюсь среди ночи, стараюсь больше не засыпать. Начинаю судорожно анализировать ситуацию или пытаюсь отвлечься чтением. К телевизору редко прибегаю. Тошнит от его наполнения. Прочесываю каналы, ищу что-то умное, философское. И часто не нахожу. По всем программам чернуха и муть. И тренингом не удается вывести себя из болезненного состояния страха.

– Я не желаю смириться с плохим сном. Он меня ослабляет. Не могу допустить попустительства по отношению к своему здоровью. Никому не хочу быть обузой. Пытаюсь лечиться зарядкой по утрам, прогулками перед сном, но пока безрезультатно. Вот и страдаю от постоянного недосыпа. Особенно плохо себя чувствую, когда сильный ветер или атмосфера «дуется» к дождю. Эти природные явления, как правило, ведут к ломке погоды и к моим жутким, неподдающимся лечению страданиям. В эти дни или часы я буквально обездвижена.

«Я единственная поверенная Лениных тайн, настроений, неуверенности. Только со мной она подлинная. Вот она, верная бескорыстная дружеская привязанность. Я дорожу ею, – подумала Инна. – Для остальных Лена – скала, сильная, недоступная. С ней легко молчать. Оно и понятно. Человек, переживший большое горе, не станет расстраиваться

по пустякам, размениваться на мелочи, суетиться, ерундить».

- Я тоже подвержена природным катаклизмам. Все мы дети Природы. Только в детстве спят без задних ног, «надышавшись небесами», - вздохнула Инна. - А какие крепкие были у меня нервы в студенческие годы! Девочке из нашей комнаты сделалось плохо, буянить стала. Подружки ее связали, «скорую» вызвали. Весь этаж сбежался. А я продолжала спать и только утром узнала, что увезли бедняжку в психбольницу.

От одного только воспоминания об этом шокирующем случае у Лены сдавило виски, и она, чтобы поскорее отвлечься от боли, спросила:

- Кроме чтения, чем еще спасаешься от бессонницы?

Инна не откликнулась.

«Задумалась. Не слышит обращенных к ней слов. Может, задремала?»

Лена осторожно прикрыла подругу покрывалом. Но та сразу очнулась.

- Средств раз-два и обчелся. Спорю сама с собой. Отчаянной риторикой стараюсь заговорить свой страх, что-то пытаюсь себе доказать. Иной раз нападает странное оцепенение и тупое безразличие. Оно тоже сопровождается бессонницей. А когда-то спала сном праведника. Обвалился потолок в соседней комнате - не пробужусь. Теперь горькие мысли убивают. Я, как скорпион, который жалит себя своим хвостом и умирает от своего собственного яда.

- Тени прошлого посещают нас по ночам, - пошутила Лена. И добавила уже серьезно:

- Твоя ирония всегда меня спасала. Не удивлюсь, если не только меня.

- А сегодня я тебя спасу от бессонницы, заговорю до полусмерти.

- Еще неизвестно, кто кого быстрее усыпит.

- Я думаю, сон тебя скорее подкараулит.

- По ночам я часто неожиданно вспоминаю людей из детства и молодости. Долго нахожусь под впечатлением этих воспоминаний, а потом выясняю, что этот человек тоже в это время думал обо мне. Получается, что к старости мы больше начинаем чувствовать людей, с которыми нас когда-то что-то связывало.

Вдруг лицо Инны словно помертвело. Лена вздрогнула. Ей показалось, что пространство вокруг подруги слегка потемнело и сделалось сплюснутым, уплощенным, потом почувствовала, как ее колотит озноб.

- Не бойся. Сейчас пройдет, - зашевелила бледно-синими губами Инна. Дальше слов было не разобрать.

- Не разговаривай, - умоляюще прошептала Лена, глядя на Инну испуганными глазами и хватаясь рукой за грудь в области сердца. Она не на шутку встревожилась за подругу. Кому, как не ей, знать, чем может закончиться очередной приступ у человека с сильно изношенным организмом.

Когда сердцебиение наладилось, Лена, вглядываясь в скорбную неподвижность лица подруги, в полуприкрытые глаза, обведенные темными кругами многолетних страданий, забормотала привычным бодрым, успокаивающим, но требовательным тоном:

- Держись, ты сможешь. Я рядом.

«Изо всех сил пытается излучать оптимизм. Как абитуриентку на вступительных экзаменах поддерживает», - мелькнуло в потухающем сознании Инны.

Лене вдруг показалось, что взгляд подруги сфокусировался где-то вовне, за пределами здешнего мира, уплыл в иррациональность и принадлежит уже чему-то неземному. Он был уже там... или пришел оттуда. Дрожжащими руками она раскупорила флакон с нашатырем и поднесла к лицу подруги. Та вздрогнула и очнулась. Минут через десять ей стало легче. Какое-то время она лежала чужая, враждебная, будто полностью не

вернувшись. Лена тяжело откинулась на подушку.

8

Голос Инны отвлек Лену от сосредоточенного созерцания дефектов потолка – она таким образом успокаивалась.

– Помнить больно, забыть сложно... Буду вещи называть своими именами. Зачем прятаться за словами? Больше всего меня удручает устойчивая мысль о том, что в своих бедах по жизни я сама виновата. Когда первый раз влюбилась, я думала, что открыла для себя небо! После Вадима меня словно подменили. (*Снова и снова возвращается к Вадиму. Хотя понятно: самая болезненная память прошлого...*) Из всех глупостей, совершенных мною за всю жизнь, эта была самая непростительная, потому что ничего нельзя было поправить. И с тех пор все у меня рушится, рушится. Я будто в «ведьмин угол» попала. Кого любила, кроме первого? Тот циник, этот фигляр, другие тупостью своей отталкивали. Иной дохнет водкой с чесноком, так и задаром не нужен. А такого, чтобы как родная душа был рядом, чтобы с уважением и лаской – не встретила. Я так настрадалась! Моя жизнь – сплошные потери. Из последних сил тянулась, все пыталась что-то хорошее сделать, создать. А ты не имела глупого школьного сердечного опыта, но все равно тебе не повезло.

Инна хотела что-то добавить, но мысль быстро унеслась, и она не успела за ней угнаться, поэтому продолжила «разрабатывать» уже начатую.

– Торопились всё успеть. Не было времени оглянуться назад. Хорошо, что мы с тобой запрограммированы на добро, а если бы как некоторые... Помнишь, насилие, подчинение чужой недоброй воле.

– Нас грело сознание, что мы хорошие, – подтвердила Лена и осторожно придвинулась к Инне.

«Лена – человек удивительной чистоты, нежности и... непреклонности», – с улыбкой подумала Инна и потерлась головой о плечо подруги.

«Как в детстве», – улыбнулась Ленина душа.

– Как бы ни было трудно, внутри себя нам всегда хотелось кричать: «Жизнь! Я люблю тебя! Ни отчаяние, ни адские муки не заставят нас отказаться от жизни!» И мы побеждали! А ты и сейчас молодец, – придавая звучанию своих слов максимальную жизнерадостность, сказала Лена. А Инне показалось, что в голос подруги вкралась едва заметная нотка восхищения.

«Приступа словно и не было в помине. Переборол. Едва отпустили спазмы, и она, как солдат, снова готова к бою. Но должна ли я позволять ей свободу выбора предмета разговора? А вдруг ей опять станет плохо?» – засомневалась Лена.

– Выслушай меня, – точно почувствовав колебания подруги, попросила Инна. И положила ладони под еще бледную щеку.

«Приготовилась долго говорить», – поняла Лена.

– Я вот переживаю: правильно ли я сделала, что пошла в физики?

«Сместила привычный угол зрения с любви на работу? – удивилась Лена. – Это хорошо».

– Не думаю, что ты сделала бы и добилась бы много большего, выбрав другой путь. Ты была на своем месте. Голова у тебя здорово варилась, и энергию свою ты направляла в нужное русло. Представляешь себя учительницей или врачом?

– Нет. Но знаешь, что меня смущает? Почему многие часто думали обо мне такое, чего

мне и в голову не приходило? Мол, прошла «Крым и рым», что мечу на чье-то место. С этим еще можно было бы мириться, но меня подозревали в дурных намерениях, сексотстве, в том, что оговариваю всех.

- Ты была слишком открытая, подчас прямолинейная. Это многим не нравилось, особенно тем, которые на самом деле обладали этими качествами.

- Рискаю быть разоблаченными, мои противники хотели зародить во мне чувство вины и им же воспользоваться. Мол, знаем ее хватку – дерзкая, наглая. Сами тихой сапой закулисные дела творили, а на меня плели всякое. Я не считала нужным вмешиваться в чужие дела. Но они все равно говорили, что я затаилась и жду удобного случая, чтобы доложить кому следует и подложить свинью. Много чего добавляли к моему образу. На кого только не примеряли!

Я, конечно, рвала и метала. Обидно же! Чувство собственной правоты не позволяло терпеть и соглашаться, а доказать ничего не могла. Я плохого не делала, просто иногда трепалась, фантазировала, шутя пугала, дразнила для нарушения монотонности жизни. Не со зла. Это же мелочи. Разве можно за это строго осуждать человека? Я хорошо работала и надеялась, что это главное во мне и будет оценено. В серьезных поступках я руководствовалась своим внутренним чувством правды, оно меня не подводило. Люди подводили.

Я полностью и с рвением отдавалась работе, потому и была на хорошем счету. А они завидовали. Меня считали инженером экстра-класса. Даже опытных за пояс затыкала. И по трупам к цели никогда не шла. Руководству подобострастно не улыбалась, не лебезила, не упражнялась в грубой лести, не пресмыкалась. Интриги, корыстолюбие не для меня. Я не стыжусь своей биографии. А обо мне часто судили по оболочке.

- Твое достоинство выше всяческих похвал. У тебя безупречная профессиональная репутация. (*Лицо Инны на миг озарилось едва уловимым очарованием.*) Каждый, кто смеет иметь свое мнение, становится мишенью для нападок. А ты вечно провоцировала всех, носясь со своим лозунгом: «Нас голыми руками не возьмешь!» Знаю твою необузданную фантазию и эксцентричность. «Пронести мимо меня договор? Да ни за что и никогда!»

Лена улыбнулась счастливому выражению лица подруги и ласково разворошила ей прическу. Та на миг свернулась послушным котенком, но тут же вскинулась яростной обиженной пантерой:

- Не было во мне полноценной полнокровной зависти или активной подлости. Дразнила, цепляла иногда коллег от скуки, чтобы не разнеживались, в тонусе были, а они на меня всем скопом, будто по предварительному сговору. В довершение всего очерняли меня перед начальством. Прикидывались овечками, подругами, мол, идем тебе навстречу, не отказывайся, не разочаровывай нас. Нарочно подговаривали, подстраивали, чтобы завязла коготками, и подставляли. Не по своей вине, не по недоразумению, по чужой намеренной гадкой подленькой «халатности» влипала. А когда обнаруживала обман, понимала, что просчиталась, то охватывала меня дикая злость. Я громила всех, хотя знала, что это приведет к неминуемым последствиям и обратного хода не будет. Но мое решение в таких случаях было бесповоротным и окончательным. Так было на заводе.

- Потом долго сама не своя ходила, искренне удивлялась непорядочности отдельных товарищей, которые нам не товарищи, зализывала раны и восстанавливала душевный покой.

- А их и кайлом не расшибешь. Не сразу поумнела. В школе я чувствовала себя настолько уверенно, что думала, переполненная гордостью за свою смелость, что и взрослой встречу любую судьбу с гордо поднятой головой.

- Это-то и губило. Хитрости в нас не было.

- Нельзя меня было так трактовать! Ты-то хоть не верила во все то, что мне приписывали?

- Кто лучше меня знал тебя? Если только ты сама, – улыбнулась Лена и опять ласково разлохматила волосы подруге.

- И в НИИ числилась в успешных, перспективных, продвинутых. Я была заточена на интересную, интеллектуальную работу, старалась научиться делать то, что не умело делать большинство, и уже поэтому считалась ценным специалистом.

- Штучным.

- Находчивая была. Моим незыблемым правилом было: «Всегда первая. Впервые и по-своему». Потому-то съездить меня никому не удавалось. Не позволяла. Зубы на мне ломали. Случалось оступаться, но кубарем вниз не слетала. К слову сказать, именно на меня делали ставку в самых сложных договорах. На трудных дорогах меньше конкурентов, но больше куража и кайфа. И вот тут-то я была на первых ролях, по существу – первым лицом, и мои усилия вознаграждались сторицей. Сладость победы много ярче, если есть что преодолеть. И премии получала очень даже приличные. Не вру, руку даю на отсечение. Дай мне волю, так я такое могла бы!

- Я прониклась важностью момента. На тебя посмотреть – фельд-маршал Суворов! Твой послужной список впечатляет. С твоим-то служебным рвением! Захлахла бы ты из-за отсутствия славы. Локти кусала бы, – дразнит Лена подругу. – Но и не боялась сказать о себе правду, – тут же смягчила она свою критику.

- Ладно заливать-то.

- Еще чего не хватало! Отъем премий – основной жупел в руках начальства, – покровительственно улыбнулась Лена.

- Не бедствовала, хотя в любимчиках из-за своего характера не ходила. Меня ставили на самые неподъемные темы, бросали латать расплзающиеся прорехи, а я все равно извернусь и выполню! – сделала новый заход Инна. – Никогда не откладывала на завтра то, что могла сделать сегодня.

- И этим подчеркивала приоритет личной ответственности за порученное дело перед коллективной и превозносила собственную мифическую свободу выбора. Лодырям за твоей спиной легко жилось.

- Из кожи лезла, доказывая, что самая лучшая. Далеко от всех уходила в отрыв. Добиваясь первенства, только что не выворачивалась наизнанку. Не утихомирить! Умела блеснуть, показать товар лицом. Гордилась точно найденными ходами. А когда задания перестали «сверху» спускаться – ты же помнишь начало перестройки, – сама искала и находила договоры. Понимала: пока человек творит – он молод, он на переднем плане, он окрылен. Как говорится, человек в пути, в делах распознается. И мои успехи не шли в сравнение с успехами остальных сотрудниц. У меня много публикаций, статей, и они поставлены в ранг крупных, основополагающих. И на откуп отдавала свои идеи, не таила, когда не было возможности самой воплотить.

- Что и требовалось доказать. Разделяю твое мнение. Специалист ты – каких поискать! На вес золота. Профессионал. Когда ты у меня работала, я не могла на тебя нарадоваться. Нечеловеческая энергия, поразительная целеустремленность. Насмерть стояла за наш отдел. И это будучи нездоровой.

- Премного благодарна. Сама всего добивалась, в чужих благодеяниях не нуждалась. За всю жизнь против своей воли никогда ничего не делала. Разве только один раз... тогда, с Вадимом. Но то другая сфера жизни. Может, судьба меня в ней с кем-то перепутала?

- Virtuозно и бесстрашно карьеру делала. Не шла на поводу у случая. Молодости присуща некоторая доля безрассудства. Даже в перестройку, когда проблем было выше крыши, ты высоко держала знамя нашего НИИ. С кличем «Где наша не пропадала!» кидалась в бой спасать человечество. И ни перед кем не трепетала. Такой мне днем с огнем больше не найти. Ты понимала, что лежа на перине славы не добыть, – миролюбиво пошутила Лена.

- Странно, по природе я пессимист и никогда не чувствовала яркого желания жить, но тогда откуда во мне всепоглощающая жажда деятельности? Я просто горела на работе! Отдавала себя без остатка. Меня захватывал дух состязания. Это когда награда, премия – уже не самое главное. Когда триумф победы переживаешь гордо, как олимпийский чемпион. Победа пьянит. Этот миг становился для меня искуплением за все напруги и

страдания. Мужчины говорили обо мне: пытливый, не женский ум. Я гордилась.

- И глотала слезы умиления! - весело и насмешливо подмигнула Лена подруге.

- Не нахожу слов, чтобы выразить тебе слова признательности! - в тон ей подыграла Инна. - И снова в бой! Счастье не приедается. Активно жила, наотмашь, нараспашку. И нравилось мне это до такой степени, что забывала мелкие обиды, неурядицы. Не хотелось разрушать прекрасной иллюзии уважения к себе самой, других ко мне и желания осознавать всех нас, в целом, великим народом. Как ни противилась я высоким словам и лозунгам, они вошли в мою кровь, впитались в плоть, крепко привились школьным воспитанием. «Мы должны составить славу страны!» Деньги у нас никогда не были главным. Смысл жизни определялся тем, сколько каждый успел отдать Родине и насколько ты сам смог приблизиться к идеалу. Теперь говорят: к Богу. Наверное, поэтому до сих пор самое сладкое для нас - видеть результаты своего труда. К тому же работа излечивала от скуки и пороков.

«Сама себя взбадривает: «Я царь, я раб, я червь, я Бог!» Я - Человек! Люди часто не верят в себя и ждут чужого одобрения. И Инна с ее самомнением тоже ждет подтверждения. Тем более сейчас, когда, предъявляя себя, как бы подводит итог. Сначала подсчитает успехи и выигрыши, упьется собственными заслугами, потом возьмется за потери. Ничего удивительного. Детство - фундамент жизни, старость - период осмысления прожитого. Только нам с Инной до нее уже не дожить», - подумалось Лене. Но сказала она о другом:

- Тут важно было не обмануться, понять: тебя ценят или используют?

- Потому-то с началом перестройки, когда вся страна стояла на ушах, я к тебе примчалась. Главным критерием твоего отношения к людям во все времена была совесть.

- Не мёдом намазано было новое место, но ты прекрасно себя зарекомендовала. Достаточно быстро освоилась. Ты была отличным приобретением. Я в тебе не сомневалась. Не нянчилась с тобой, ты своим умом до всего доходила. Сама впрягалась в любые оглобли. И ведь не богатырского здоровья, а тащила, казалось бы, непосильный груз. Прodelала гигантскую работу. Надежная, непреклонная. Вечный двигатель. Мы с тобой достойно прошли этот самый трудный в материальном плане отрезок нашего жизненного пути, - чуть изменив своему бесстрастному, сонному в ночи тону сказала Лена. - Осиротела без тебя моя лаборатория. Человек жив, пока его помнят. А тебя долго не забудут. Потомкам о тебе будут рассказывать.

- В смысле поколениям студентов?

- Да. Приятно, когда вспоминают с радостью или благодарностью. А ты - пчелка.

Инна вспыхнула от гордости и ответила тихо, опустив ресницы:

- Муравьишко. Ты меня растрогала.

- Ты же «ушиблена» работой. Ты же вольтова дуга, фейерверк! У тебя была природная гиперактивность и потрясающая, безмерно избыточная эмоциональность. Смелая, непредсказуемая. С твоим темпераментом можно было горы сворачивать. Ты удивительно живая и все время разная. За что и люблю.

«Хвала, наверное, немножко лукавит. А все равно приятно», - с улыбкой думает Инна.

- Ты не из тех, кто произносит хорошие слова только затем, чтобы подбодрить. Если говоришь, значит, это на самом деле было так. С тобой легко было работать. Тебя окружала аура талантности. Ты не делегировала свои полномочия подчиненным, не устраивала на пустом месте бучи, всегда невероятно точно ставила задачи, принимала смелые, неожиданные решения. Я у тебя многое переняла, хотя до этого у Антона нахваталась всего, казалось бы, без меры.

- Время настало другое, и нам пришлось многому учиться заново.

«Знала бы ты, каким трудом давалась мне эта внешняя легкость», - незаметно усмехнулась Лена.

- Руководить не у всех начальников-мужчин получалось. Особенно меня не устраивали плохо знакомые с современными технологиями старики. Говорили много, но все больше не по делу. Я их речи словоблудием называла. Бывало, пока доберешься до сути их мысли, разгребая горы словоизвержений... так они уже и сами успевали понять то, что хотели донести до подчиненных, - рассмеялась Инна и добавила презрительно:

- Только матерок могли виртуозно изобразить, прикрывали им недостаток знаний. Я терпеть не могла их гендерного подхода к специалистам.

- Да, он существует. Но ведь на самом деле между нами есть биологические отличия. Даже в языке и в его звучании. Допустим, длиной волны и длиной голосовых связок. У женщин они короче, а голос выше. Низкий голос мужчин в древности пугал животных, а позже привлекал женщин, - пошутила Лена. - А не уважать начальство - провинциальная гордыня. У всех нас есть свои узкие и слабые места, - самокритично заметила Лена. - И все же трудоголиком сделала тебя не генетическая предрасположенность к героическому труду, не социалистическое воспитание, а унижающая тебя неустроенность женской судьбы. Для нас пятница плавно перетекала в понедельник. Работа притупляла эмоции. По себе знаю.

И невольно подумала: «Незамужние и бездетные - самые трудолюбивые и надежные работники».

- А раньше ты скромно хвалила. Авторитет боялась потерять?

- Хотелось гордиться, говорить добрые слова, но не рисковала. Русского человека нельзя захваливать. Сразу расслабится, не выполнит, подведет, подставит под удар, и, считай, дело пропало. Но к тебе у меня не было претензий, других боялась разбаловать.

- Суду все ясно, - тряхнула головой Инна. - Я понимала: если с меня много требуют, значит, во мне заинтересованы, на меня надеются и в будущем ставку именно на меня станут делать. Я на этом категорически настаиваю. Так у Антона в НИИ было и у тебя.

- Я бы тебя работать к себе не пригласила, если бы тебе не были дороги интересы своего прежнего НИИ. Но это верно при порядочном руководстве. Сейчас ситуация часто иная, нечестно людей использовать стараются. Разве в такой обстановке можно говорить о степени доверия и уважения к человеку? - Лена раздраженно махнула рукой.

- Я тебе так скажу: «Мою бульдозерную, бронебойную, пробивную способность руководство всегда использовало на полную катушку. Это-то и хорошо. Редко кому удавалось выдержать натиск моего темперамента. Моим лозунгом было: «Кто не рискует, тому и вода поперек горла станет». Важно понять, что вкалывала я не по принуждению, не за деньги всю себя с потрохами отдавала работе, а по душевной необходимости. Сама напрашивалась. С открытым забралом шла в «бой». Считала, что лучше сгореть, как падающая звезда, чем тлеть, как корявый, трухлявый вековой пенёк. Помнишь, что говорил Джеймс Кук? «Хоть раз сделайте то, что вам кажется не по плечу». Это еще один мой лозунг.

- Тщеславие - положительное качество, если его результат обращен не на себя.

- Непреложный факт. Я хотела, чтобы наш отдел был самый лучший. Смирялась только тогда, когда рядом оказывались ты или Антон. Прознав про мой пробивной характер, меня сватали в другие институты, но я не шла.

- Как это ни парадоксально, непоколебимая индивидуалистка возносила яркого неординарного Антона до небес, - пошутила Лена.

Но Инна продолжала:

- Чего только не предпринимала, какие только рацпредложения не придумывала, чтобы выиграть в соцсоревновании! Почему я любила хоздоговорную работу в НИИ? Потому что там каждые полтора-два года новые темы, новые разработки. Какие это открывало возможности для ума и воображения!

«Что вспоминается в первую очередь? То, что востребовано, что лежит в памяти на ближайшей полочке, а остальное, за ненадобностью, глубже упрятано. Там горькое, обидное и страшное», - мелькнуло в сознании Лены и тут же исчезло.

- А в последние годы работы происходило слияние личности с особенностями времени, потому что стало важно, как ты подаешь то, что делаешь, - с легкой любовной подначкой сказала Лена. - Никого подобного ни до, ни после тебя у меня не было. И сейчас это пустующее место как заказанное. Помню, требовала ты от молодежи так, будто всю жизнь ими командовала. Чуть что: «Это никуда не годится, это переделать!» «Судила» по всей строгости закона. И никогда задний ход не давала. Серьезно с них спрашивала. Нормальные здоровые требования предъявляла. Не одного ленивого студента, не принуждая, а подстегивая к соперничеству, сумела засадить за работу. Ругала, но конструктивно. Молодец! Ты была центром притяжения молодежи. Твоя раскованность их завораживала и привлекала.

- Этих событий в моей базе данных нет. Видно, они не так важны для меня были. Главное, я вкалывала с полной отдачей, не щадя живота своего. Всегда настроенная на победу, я выкладывалась на все сто, с интересом человека, понимающего толк в том, за что берется. Многие считали за честь работать со мной. Особенно если хотели заработать. Не сразу и не вдруг меня «поразил» дух творчества. Много училась. Хотелось сделать что-то существенное, важное, чтобы после меня осталось, чтобы помнили. Работать без отдачи, вполсилы не могла. Всё мне удавалось. У меня был лозунг: «Если даже перед тобой захлопнули дверь, борись, прорывайся». Мой принцип: быть, а не казаться. Смысл жизни в труде, ради достижения счастья, - четко сформулировала Инна и расплылась в довольной улыбке, ожидая подтверждения своему тезису.

«Распалает в себе храбрость. Ну, если только в такой версии... - добродушно усмехнулась Лена. - Болезненно самолюбивая. Никогда не смешивалась с толпой. Всегда стремилась в честном соревновании сразу же соперника чем-то особенным, новаторским. Любое дело доводила до совершенства. Всегда была на виду. Не могла смириться с участью быть второй. Решительная в намерениях, неосторожная в делах». А вслух сказала:

- Следовала зову сердца и в работе, и в любви. Когда отдаешь себя, то и себе что-то получаешь. Правильно я трактую твои слова? Мы же из тех, которые, если бы нам платили вдвое меньше, все равно работали бы честно. Делу были преданы.

Инна гает в улыбке: «Сохранила в себе способность восторгаться чужими успехами».

- Наши сердца грамоты грели, - безобидно проехала Лена.

- Уж и не надеялась на твою благосклонность, - сказала Инна. - Я не желала останавливаться на достигнутом. Не уподоблялась некоторым, тем, которые только языком умели трепать. Крепко держала жизнь в своих руках. И других провоцировала подтягиваться на мою высоту.

- Преисполненная важности и радостной гордости, - поддела подругу Лена. - Знаешь себе цену и не стесняешься это показывать и доказывать.

И усмехнулась про себя: «И я начинаю испытывать необъяснимое нежелание договаривать мысли до конца? Инна говорит с чувством собственной непогрешимости. Все в ее жизни было выстроено ради карьеры. Это правда. Только если женщина несчастна в личной жизни, этого ничем не компенсируешь». Но вслух она шутиливо заметила:

- Фрейд, кажется, писал или я в глянцевах журналах вычитала, что усердие в работе есть следствие придушенных половых инстинктов.

- Это не ко мне, - отмахнулась Инна. И вдохновенно затарахтела с еще большей скоростью:

- Ни под кого не подстраивалась. Ничего из виду не выпускала. Себе проволочек не позволяла, но и заказчикам, не знающим, чего сами хотят, не позволяла задавить мои профессиональные способности. В противном случае без всяких признаков высокомерия, но с превеликим удовольствием могла вытрясти из них не только за моральный, но и за эмоциональный ущерб. Все способы отъема денег за годы работы откатала. Законы знала и за свои слова отвечала. Но чужой кусок изо рта не вырывала.

- Приоткрой завесу своей «высокой кухни», - попросила Лена.

- Скажем так: если чувствовала свою правоту, могла доказать, дожать, отсудить. Ловко проворачивала дела. Никогда не отступала. Тигрицей становилась на защиту наших прав. Моей сильной стороной являлось упорство. И тут со мной шутки плохи, трудно было поладить. Понимала, хода событий не изменю, но моя личная ответственность внесет положительный вклад в дело развития НИИ.

«По пустякам высокие слова произносит. Да ладно... Какая мелочь! Теперь ей многое можно простить, даже патовую ситуацию. Человек виден в том, как он рассказывает о своей работе. Как мой шеф о ней шутил? «Ее прёт в профессии. Вот где она раскрывается полностью!» - вспомнила Лена. И сказала:

- Замечательно! Главное, творчески подходила к любому делу. Ты из тех, которые и обед готовить, и носочки вязать будут с вдохновением. А на работе ты была деспотично царствующей. О, этот твой высокий, местами громовой командирский голос, «убивающий» забавным очарованием простушки. Лестно?

- Польщена! Если клиент мне мозг выносит, я молчать должна? Трепетать и заискивать? С доброжелательной улыбкой оглашала приговоры. Не позволяла покидать нас и расторгать договора. Не принимала подношений, какие бы они ни были оригинальными и заманчивыми. Требовала выполнения всех пунктов. А слабаки рядом ошивались, неразумно время убивали, крохи с моего стола подбирали.

Не любила я, чтобы мной командовали. Перед начальниками не пасовала, не унижалась так, чтобы немой восторг в глазах, но вкусы и пристрастия их знала. Могло пригодиться. Не ждала мифических предложений от клиентов, на своих настаивала, вытесняя нерасторопных конкурентов. И они, понятное дело, быстро сходили с дистанции, - со смешком и поэтому недостаточно искренне заверила Инна. И остановила себя: «Лена, как и Антон, не стремятся казаться лучше, чем есть на самом деле, не выпячивают свои таланты. А это качество сильного человека. Я, похоже, чуть-чуть увлеклась. Зато я что угодно, нимало не задумываясь, могла достать хоть со дна морского. И была в этом замечательно настолько, что равных мне не было. Забавно, но это чистая правда, потому что по-прежнему - в этом плане - всем есть дело до меня».

- Загибаю пальцы. Еще умудрялась, болтая о пустяках, исподволь выудить у клиентов необходимую информацию, а потом повергала их в шок и «съедала», и всё обставляла в самом лучшем виде, - подстраиваясь под тон подруги, пряча улыбку, дразнится Лена. - Ты - необыкновенно контактный человек. Меня поражала твоя беспрецедентная коммуникабельность. И если ты хотела, то всегда могла удивительно быстро расположить к себе. Никто не мог поверить, что это изящное нежное существо - железная леди, поднаторевшая в интригах, которой, если вдруг приспичит побузить...

- Безумно «вкусные» детали! Но ничуть не бывало. Ты не в теме. Я легко сходилась с людьми. Это правда. Но я считала, что излишняя скромность украшает тех, кому хвалиться больше нечем. А я умела себя подать, сама себя вела по дороге жизни. Но замечательно другое: я диктовала заказчикам и конкурентам условия. А друзьям подножек не делала. В свое оправдание скажу: не расчищала я себе дорогу бесчестьем и подлостью, только умом и ежедневным, кропотливым трудом. Сама себе место под солнцем отвоевывала. Других не подсаживала, не подталкивала. И в этом мы с тобой разные. Ты - всем, всё и всегда, я - никому, ничего и никогда.

- Ну, уж прямо-таки никому и никогда? А студентам-практикантам, племянникам? А мне и Антону? Своей искренней бескорыстной помощью ты у всех оставляла мощную положительную эмоциональную память на всю оставшуюся жизнь.

- Но если меня больно трогали, цепляли, в долгу не оставалась, ерепенилась, настаивала, доказывала. И, конечно же, все сразу говорили: провела, обманула, перехитрила! А что мне оставалось делать? Ждать, пока добьют? Увольте от подобной картины, - без тени улыбки резюмировала Инна. - Оно, конечно, без легкого вранья и лукавства не обходилось, что значительно упрощало дело, но такова жизнь. Главное не увлекаться, не перебирать. В сущности, всё это для меня так тривиально и обыденно... Разубедила?

- Идеологически выдержанная концепция!

- Моя идеология - влюбленность в жизнь! Я всегда всё делала улыбаясь. А с твоего лица не сходила улыбка, когда ты не на работе.

«Внешняя веселость часто продиктована глубинной трагедией. Ее прикрывают улыбкой», - подумала Лена.

- Жизнь крепко и качественно выстругала тебя из грубого полена, не сломав сердцевину. Ты часто из беды вызволяла наш отдел. За тобой никому не удавалось угнаться. Ты всегда мчалась быстрее, дальше, выше. Тебе удалось полностью реализовать свой профессиональный и интеллектуальный потенциал.

- Спасибо. - Инна зарделась от похвалы.

- И, как выяснилось потом, действуя сразу в нескольких пространствах, даже могла кое-кого сбить с панталыку. А других зарядить энергией. Стратег! Я всегда понимала, что мне до такой степени легкости и твердости в общении с коллегами никогда не дорасти, - рассмеялась Лена, чтобы исповедь выглядела не совсем уж серьезной. - Ты в своем кругу ни перед кем не скрывала свой жесткий характер, намеренно предъявляла его каждому, чтобы знали, с кем имеют дело. Особенно если вопрос касался самого главного - престижа нашей лаборатории. Неудобным для многих была человеком. Рядом с тобой они чувствовали себя напряженно: а вдруг подколет, а то и пригвоздит? Змея и роза в одном флаконе. Любого могла бесцеремонно отшить, отбрызнуть и ласково приглотить. Умопомрачительные пируэты выделывала. Ничего к этому не хочешь добавить? А я с трудом подыскивала такие слова, чтобы они были не грубыми, но хлесткими.

- Ладно, твоя взяла. Случались пируэты, но они были «в самый девке раз». То, что требовалось. Что не запрещено, то разрешено. Иначе я не выходила бы на такой высокий уровень, в хвосте бы плелась. Риск - благородное дело.

«Вот так незначительное становится значительным и наоборот. Все знают только факты «большого диаметра», а сколько потрясающих нюансов проходит мимо? И если вникнуть, как было дело, то выглядеть оно иногда начинает как-то немного иначе, более кособоко, что ли». - Лена спрятала усмешку, зарывшись в подушку. И уже из-под нее заметила:

- Редкий талант. Хотя надо признать...

- Что мне иногда крепко влетало? Получала тумачи. Как говорилось в небезызвестном фильме «Ищите женщину»? «Кто не работает, того не едят». Случалось и дров наломать. И грозовые тучи не раз собирались над моей головой. Имела неосторожность. Не стану отрещиваться. Не всегда успевала понять глубину всех слоев взаимоотношений в коллективе по причине несдержанности. Но это не касалось ближнего круга друзей, между которыми была высочайшая степень человеческого и профессионального уважения. От врагов иногда доставалось, - не очень охотно согласилась Инна. - Но у меня высокий болевой порог. Я верила в безграничную силу разума. Но людские пороки часто оказывались сильнее. Как научишь людей жить лучше, если они глухи? Трудно постичь масштабы человеческой глупости и алчности.

...Я падала, поднималась и снова становилась на путь ученичества. Не боялась всё начать сначала. Трудно только первоначальное вхождение в профессию. Мечта грела, заставляла, направляла. И я собирала волю в кулак и продолжала работать. Легко шла на любой эксперимент, увеличивая тем самым счет, предъявляемый и к себе, и к другим. Не всегда выигрывала. Ты же знаешь, в жизни даже очень удачливых и успешных людей случаются абсурдные ситуации, когда они под влиянием внешних непредсказуемых условий будто рассыпаются на молекулы и начинают вести себя неадекватно. А я выдерживала и призывала продолжать исследования и в конечном итоге - побеждала.

Жизнь - не только классическая комедия положений, но и трагедия, и детектив с массой головоломок. Это изначально мы любим весь мир. Позже кое в чем и кое в ком разочаровываемся. Но с людьми приходится общаться, принимать их такими, какие они есть. Конечно, я не была белая и пушистая. Но я работала над собой и испытывала удовольствие от того, что преодолевала себя. И как бы ни было трудно, никогда не опускалась до бесстыдной подлости и низости. Была предельно расторопна. Действовала без экивоков, напрямик. Да, я маленькой человек, законов физики не открывала, но трудилась в поте лица своего. Когда было необходимо, дневала и ночевала на работе.

Вспомни сдачи отчетов. Если бы каждый человек на своем рабочем месте на максимум использовал свои положительные возможности, на Земле был бы рай.

- В голосе страсть, нерв. И всё это в течение только одной жизни?! Сдаюсь. Ты биологически храбрый человек, - пошутила Лена.

«А говорит, что не идеалистка. Честный наивный строитель коммунизма! Звучит как некролог. Инна хочет, чтобы я ее пожалела, чтобы я сама вспоминала о ней только хорошее?»

- Нас учили подчинять собственные интересы планам страны, относиться к производительному труду как к мерилу нравственных ценностей. Служение обществу было первоочередной задачей. Мы крепко это усвоили. И по сей день наше поколение не утратило это понятие. А теперь деньги, деньги... Пришел их черед? Это плохо. Профессионализм перестал быть высшей ценностью. Мы теперь живем в мире неопределенности, где дважды два не равно четырем, где не совпадают вероятностные модели. Может, еще наладится. А раньше вся наша жизнь была построена на чувстве долга, и результаты нашего труда на самом деле шли на благо родины, а не в карман этим... отдельным личностям. Мне иногда кажется, что теперь не имеет смысла так вкалывать, если не на себя работаешь. Какой там на себя! А чиновники и бандиты? Я знаю, ты со мной не согласишься, начнешь объяснять в чем капитализм прогрессивней. Нас отлучили от великого. Нас учили стремиться к высокой мечте, верить в безграничные способности человека, в возможность бессмертия. В будущем, конечно.

- Бессмертие? - Лена рада была сменить тему. - А чем жить так долго, каким смыслом наполнять эти бесконечные годы? В чем видеть счастье? Наивно надеяться на вечную молодость. Может, ты подразумеваешь бессмертие в религиозном смысле? Нельзя сравнивать эти два мира и оценивать их в категориях земного проживания. Растолкуй свою позицию, - попросила Лена. Но Инна не могла остановиться.

- Мы верили в воспитание идеального, гармонично развитого индивида; говорили, что жизнь - это подвиг, преодоление себя и трудностей на пути достижения цели. И мы старались соответствовать, хотя всюду замечали нестыковки теории и практики. Вот поэтому нам незнаком блаженный приступ лени. Не отсиживали впустую свое время от звонка до звонка, - торжественно изрекла Инна. - Трудовые подвиги не были розовой мечтой моего детства, но мне было приятно, когда хвалили. Ведь вера в себя начинается с веры в тебя других.

Не всегда я умела предупреждать предательские выпады - это твоя стезя, - зато отражать удары - моя преференция. Я не тяготилась этим качеством, - рассмеялась Инна.

«Завелась! В который раз пытается мне втолковать то, что я давно знаю», - устало подумала Лена, тщательно растирая мышцы шеи у основания головы.

- Стезя? Нет. Просто я всегда разговариваю с конкурентом «с холодным носом», внимательно изучаю собеседника. Ты не хуже меня знаешь, что по глазам, по отдельным жестам и позам можно много прочесть о самом человеке и о его планах, особенно если он хочет их скрыть. Ты же горячилась, изучая людей с интересом и восторгом, эксперименты на них ставила. Понимаю, это твоя метода.

Сначала ты поневоле стала работой профессии, от тоски, затем от любви к Антону. Потом втянулась и доросла до героини. Ты была обречена на доблестный труд. И это самая лучшая в мире обреченность. Последние десять лет перед пенсией у меня работала как под высоким напряжением, когда каждый день то трясет, то колотит. И это выдержала, хотя, казалось бы, всё было против тебя. Я не могу вспомнить ни одного тебе замечания по работе. Своим мужеством ты провозглашала: «Мужчины, герои, проснитесь! Родина зовет на помощь».

- Раньше мужчины тянулись к нежным, покладистым, добрым, чутким, тонким, а теперь сильные, необузданные и своенравные для них настоящие женщины. Один начальник мне сказал: «Мы женщинам много доверяем, потому что вы ответственные». - «Значит, чем больше мы тащим, тем нам больше уважения? Удобная позиция! А почему бы вам в этом качестве не стать с нами ровень и именно в этом увидеть равенство мужчин и женщин», - возмутилась я.

Вот и я несгибаемая, несъедаемая, положительно авантюрная, непримиримая. Я замешана на этих качествах, поэтому не боялась совершать ошибки, смело искала свой путь, свою широкую дорогу. Во мне всегда горел дух истинной внутренней свободы.

- Ни грехов, ни врагов? - улынулась Лена.

Вдруг в глазах Инны промелькнул яростно-злой огонек. Она резко сменила тон.

- Да, я такая! Только загранка за все мои труды праведные мне так и не выпала. Вот что иногда приводило к вспышкам бешенства, заставляло негодовать. Был у меня и период человеконенавистничества, когда сплетнями мучили. За что со мной так обходились? За все годы работы ни одной путевки в санаторий, даже в дом отдыха на юг! Только по области. Блатные - эта свора скалящихся гиен, клубок ядовитых змей - пользовались привилегией. Мне противны их подхихикивания, науськивания. Не выносила я этих непредсказуемых в своей подлости особ. Их примелькавшиеся лица я никогда не забуду. Жонглировали понятиями, тиражировали свои выдумки. Складывали о людях ложно устойчивые мнения и распространяли их. А некоторые и рады были им поверить и поддакнуть.

Единственный их талант заключался в коварстве и хитрости, направленных на удовлетворение собственных гадких мелких амбиций, а для этого много ума не надо. Сплетничали изошренно, охотно, неумоимо, подолгу и помногу. Я всюду обнаруживала следы их предумышленного провоцирования. Клевета на молодого специалиста - дело ненаказуемое, на начальство - нельзя. Я была отменно осведомлена об их подлых ухищрениях. И ведь что интересно: чем любезнее особь, тем она хитрей и лживей. Либо от тебя ей чего-то надо, либо жди пакостей. Когда противник перед тобой, с ним просто воевать. А если он везде и вроде бы нигде... и все же есть...

Фантазеры-мистификаторы, черт их побери! Им бы только подсидеть, подставить, опорочить. Видно, чувствовали злорадство и облегчение от того, что «назначали виноватого» и могли на нем отыграться. Нравилось им? Они так развлекались? И всего-то каких-нибудь три-четыре человека, а вони от них на всю округу. Своей ядовитостью и злобностью кого хочешь могли перещеголять. У них правда сильного, а не умного. Закон Природы. Умело обделывали свои делишки. Все вокруг них и так, и сяк, но никак... Их поведение стало привычным для людей, как мандарины к Новому году. Не люблю ситуаций, на которые не могу повлиять.

- Инна, успокойся, пожалуйста. Не стоят они твоих нервов.

- Я спокойна. Конечно, ни в какие объяснения с ними не входила. Это же не борьба за внедрение современных научных идей! Грязью почем зря не обливала этих заправских сплетниц, не связывалась, не грызлась, с профкомовскими дамами не якшалась, прав не качала. Знала, что дело пахнет керосином. Это они, понимая свою безнаказанность, позволяли себе куражиться. Мне до них ой как далеко. И слава Богу. Я догадывалась, что многое ими делалось с ведома начальника, если даже не от его имени. Поэтому в своих действиях руководствовалась практической целесообразностью. Не кланялась, не просила, не одалживалась. Говорила сама себе: «Зачем мне эта вражда? Ха! Было бы с кем квитаться! Вы мне не указ. Видела я вас в гробу и в белых тапочках! Чем ниже человек душой, тем выше он задирает нос». Достоин себя вела, гордо. Часто бывала на грани, но говорила себе: остановись! Я не протестовала, просто высказывала свое мнение. Имела право. И к этому тоже надо было прийти.

- Самая лучшая драка, которая не состоялась, - заметила Лена.

- Говорила пренебрежительно, мол, не нуждаюсь. Хотела путевку? Конечно. Кто бы не хотел! Но смысла воевать не видела. Себе дороже. Прикидывалась олухом царя небесного. Денежек накоплю - и вперед «на юга»!

Лена устало зевнула, но остановить монолог подруги не решилась. Только подумала: «Все-таки Инесса чуть-чуть клоунесса. Ее жизнь - театр одной актрисы».

- А они, будучи при власти, все равно вредили мне, разносили обо мне грязную неприкрытую клевету, оговаривали, мол, авантюрного склада, беспринципная, циничная. Свое подлое мне пристегивали, вызывая во мне свирепую тоску безысходности. И все потому, что раздражала я их своей самостоятельностью и

независимостью, тем, что плевала на них. Общение с ними много дало мне для понимания жизни. Да, не лучшие были времена, – зло простонала Инна. Ее распирало невероятное негодование, похожее на возмущение ребенка, впервые столкнувшегося с несправедливостью и злом. – Был у нас один мужик, который «давал им прикурить». Простой работяга. «Обклеился» справками по инвалидности, мол, сердце больное, позвоночник. Но ты бы видела, как он вприсядку на свадьбе сына отплясывал! Так вот он, наглец, каждый год по санаториям разъезжал. И даже будучи на пенсии. Дверь в кабинет директора ногой открывал. Боялись склочника. Откупались от него. Талант! Он старше меня лет на пять. Жена умерла от рака, так он опять жениться собирается. Петухом ходит, к невестам приглядывается, выбирает достойную, такую, чтобы припахать можно было.

– Ты о заводе или о НИИ? – спросила Лена. Она не хотела влиять на направление мыслей подруги и позволяла ей говорить о том, о чем она сама хотела, но до тех пределов, пока это не слишком ее раздражало.

– О заводе, конечно, – после секундного колебания ответила Инна. – Какие в НИИ путевки? Там только командировки на научные конференции были.

– «Гибкие» и слабые личности побеждали твердых и сильных? Не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Пути Господни... – усмехнулась Лена.

– Как же мне иногда хотелось им накостилять! – перебила ее Инна.

– У-у-у, женщины – существа коварные, ненасытные, – пошутила Лена, чтобы расслабить подругу.

– Не стоили эти блатные моих нервов, тем более что за «вспышки» по головке не гладили. А знаешь, как сильно о таких стервах сказала современный липецкий поэт Влада Запенцовская? «Любить так скуп и так щедро ненавидеть!» «Упрямо ненавидят немеркнувший огонь чужого «я»! «Слепцами шли, вообразив, что видят... рассудка и безумия края». От нелюбви к ним моя чуть ли не самозабвенная неуживчивость, непримиримость по отношению к начальству и к тем, кто любит иронизировать и подсмеиваться над людьми, не разобравшись в причинах их неудач. А ведь бывают беды, от них не зависящие.

– Кое-кто из этих тобой нелюбимых мог бы попасть по числу пакостей в Книгу рекордов Гиннеса, что, на мой взгляд, многое доказывает, – подтвердила Лена.

Неприятные воспоминания Инны повлекли за собой печальные мысли: «Вот и сгорела. Рано уйду. Но судьба отвела мне не так уж мало. Ее не слушаешься. Чего уж перед собой комедию ломать? Смерть – это точка, в которую стягиваются все нити жизни людей. Она в конце концов уравнивает всех: и хороших, и плохих, и тех, кто с середины на половинку. А ведь это тоже как-то несправедливо». И она промолчала, не ответила подруге. Но взглядом открыто, без оговорок признала ее правоту.

Опять Инна завод вспомнила:

– Не давали в цехе взлететь с той скоростью, которую я успела набрать. Крылья на взлете подрезали, потому что их интересы простирались не дальше своего носа. Учили не высовываться. Невостребованность создавала комплексы. Идеи кидала, а они мимо, мимо. Нет чтобы вникнуть, ухватить, внедрить. Нет чтобы раскрепостить, раскрыть таланты... А мне, ты же знаешь, делать что-то не соответствующее моему характеру – это как совершать над собой насилие. Однокурсник Кешка писал, что у них в Воронеже все иначе обстоит. Ничего мне на старом заводе не светило.

Недовольных было много. Казалось бы, только свистни – слетятся. Но они – и прошлые, и нынешние выпускники – боялись возникать, ссориться с руководством, а я рвалась в бой, бузила, невзирая на авторитеты, за что огребала массу неприятностей от малограмотных стариков и блатных выскочек, у которых дальше пустых разговоров дело не продвигалось. Я, по большому счету, считала, что всякий, кто боится принять на работу специалиста более высокого класса, ничего не стоит в деле, которым занимается, и должен уйти.

Я боролась с серостью, заурядностью, с полным отсутствием профессионализма, воевала с теми, кто всеми способами избегал ответственности, с теми, у которых экономика застряла на пещерном уровне. Они же своей некомпетентностью приводили цех на грань краха. Что заставляло их так себя вести? Лень, страх перед новым в науке и технике? Я не могла этого так оставить. Тогда, сразу после студенческой скамьи, я, так скажем, не знала, что можно, что нельзя. Я не вникала в интриги, в политику взаимоотношений мелких начальников с руководством завода, города. Я просто чувствовала, что изначально в них есть какая-то неправда.

- О мой храбрый неблагоразумный рыцарь без страха и упрека! Ты, обремененная нешуточными амбициями ни много ни мало - великий правдолюб! - не благодушествовала, а взялась (уже тогда!) наводить порядок в стране. Вгрызалась в самые ее основы. Тропила (протаптывала) дорогу в будущее. Совесть сказала: свети! И ты засияла! Понимаю. Наверное, могла бы вместе с Капицей и Лихачевым не подписать письма против Сахарова. Была бы в их числе?

- Не тот уровень. Они были вхожи... А я сидела бы где-нибудь в психушке. В здравом уме при моем-то хилом положении на такое не решаются, - созналась Инна.

- Лихачев не заходил за границу возможного. Не дразнил гусей. Не считал зазорным промолчать, когда ничем не мог помочь. Не боролся с властью, но умел жить так, будто ее нет, да еще умудрялся делать людям много полезного. Голова!

- И я, не проникаясь религиозным понятием «искупительная жертва», проявляла себя в допустимых пределах. И кое в чем преуспела. Хотя бы в борьбе за выполнение правил техники безопасности.

- И это уже полдела. А если еще вкупе с социальным пакетом для пенсионеров, так это уже много.

- Не готовы они были работать со специалистами с высоким уровнем современных знаний. Планом прикрывались. По большому счету, обидно было. Психологически трудно, когда ты по знаниям выше начальников. Они делали промашки, а я отдувайся? В ход у них шли средства не самые благородные. И кто только их надоумил и обучил этому? Лили на меня потоки грязи, цеплялись из-за мелочей. Орала, мол, зарвалась. Сплетни, кривотолки разносили. И это мужчины! Ну, да мне к ним не привыкать. Для меня главной была моя собственная незамутненная совесть. Личные отношения и характеры людей для меня не были первостепенными. Их можно потерпеть, если человек нормально трудится. Только гнусные людишки по большей части и в работе не блистали, - заметила Инна и вдруг рассмеялась:

- Не слишком ли я много желчи выливаю на этих стервецов? Они не стоят моего здоровья! Только обидно, когда «великие идеи» в дурной среде вырождаются в лепет.

«Иронизирует над собой. За что и люблю», - подумала Лена. А вслух сказала задумчиво:

- Ниспровергаешь авторитеты? За неуважение к руководителям иногда приходится платить слишком большую цену. Жить так, чтобы ни от кого не зависеть, не получается. Начальники кажутся плохими, пока не появляются еще худшие. Выбирать их нам не приходится. Только и они тоже зависимы от тех, кто выше. Рассуди сама: звонки, просьбы, приказы... С системой трудно бороться, но надо.

Но Инна не отреагировала на замечание. Не стала вникать, где Лена шутит а где всерьез говорит.

- Боялись они твоих командирских замашек, Инесса! Тебе ли с твоим оптимизмом ныть и канючить! Сравнения они с тобой не выдерживали. Не было тебе там равных. Положение избранной неминуемо привлекало «всеобщую» неприязнь «некоторых». Тем более что ты постоянно шерстила нерадивых даже среди блатных, способных увливать от любой предложенной им работы. Есть такая редкая категория неисправимых людей. Они без проволочек поднимали хай, начинались интриги, разборки и тебе же твоя положительная особенность выходила боком. Знакомая картина. Тебе оставалось мысленно бичевать себя за проявленную активность. К серости все ровно относятся, но если ты что-то из себя представляешь, сразу появляются «поклонники» и завистники. Иначе не бывает. Это жизнь. И как ни поступи, всегда найдутся коллеги, которые в

любом случае осудят. Какая уж там непогрешимость... Как правило, обвиняют те, кто сами далеко не идеальны, – согласилась с подругой Лена.

– Я не боялась быть собой и не хотела, чтобы обо мне говорили: «Она похожа на того-то...» Я – единственная и неповторимая! Но мне всегда хватало ума всерьез не относиться к похвалам.

«Да ну?» – подумала Лена и удержалась от комментария.

– Хотя я жила рискованно, остро и конфликтно, в знаменосцы не рвалась, а мне на пятки наступали, тормозили. Видели во мне конкурентку, боялись, что мне по заслугам достанется то, на что они претендовали. Умудрялись недостойно использовать мне же во вред мои заслуги. И тогда они переставали быть моим счастьем.

– Не шла у них на поводу, но твой мягкий светлый юмор обугливался до иронии и сарказма.

«Похоже, моя болтовня не вызывает у Лены протеста. Она сочувствует мне», – обрадовалась Инна.

– Это надо же было так уметь губить людей!

– Дураки и сволочи были во все времена, – спокойно заметила Лена. – Мой первый шеф тоже пытался меня эксплуатировать, давая писать одну статью на двоих. Зная мою ответственность, понимал, что я не смогу допустить, чтобы статья вовремя не вышла, и поэтому напишу не только свою часть, но и ту, другую, за блатного.

– И что толку было с ними препираться? Как уличишь, если на руках недостаточная доказательная база? Гадили тишком, из-за угла: одних настраивали против других. Обычный прием. Открыто чинить препятствия не решались. Ох уж эти мне закулисные игрища, прихоть злой подлой кучки разрушать судьбы порядочных людей! А слова к делу не пришьешь. Я имела неосторожность, как ребенок, бросать им в лицо правду-матку. Но только иногда, когда очень заслуживали. Не за себя билась, по мере сил помочь безгласному коллективу хотела уже хотя бы тем, что открыто высвечивала проблемы. Нет, я, конечно понимала, что это наивно, безрассудно, бесперспективно. Но то были «знаковые» события! И было в них нечто!

К сожалению, во всех «войнах» за правое дело, как правило, побеждали подонки. Решающее слово редко было за мной. Таков сложный и печальный рисунок моей судьбы, – с трагической усмешкой заключила Инна. – А рядом со мной было много бросающихся на амбразуру только при твердой уверенности, что там нет пулемета. Есть что вспомнить и есть что забыть. Да ну их... на все буквы алфавита.

А потом, когда ушла в тень, началась обычная законная жизнь, и надо было искать лазейки, как-то из этой ситуации выходить, чтобы не пробавляться от пенсии до пенсии... И вдруг добавила развязно, весело, с вызовом:

– О своей поразительной скромности я могу говорить часами! И о ярком уме тоже.

Лена оценила юмор подруги, улыбнулась, но ответила то ли подчеркнуто-деловым, то ли привычным начальственным тоном. И, похоже, не заметила этого.

– Так жизнь устроена: победа одних всегда оборачивается безусловным поражением других. Отсюда, сама понимаешь...

– Высшая сила наделила тебя даром осуществлять свои мечты. Похвались своими очередными победами, – попросила Инна.

Лена повела затекшими плечами:

– Если только над собой.

– Иметь такой диапазон достоинств и возможностей и остаться скромнягой, не афишировать свои успехи? Я негодную!

Губы Лены едва раздвинулись в насмешливой улыбке:

- Не быть в восторге от себя с детства приучена.

- А для меня настроение – вещь непрограммируемая. Я – спичка.

Печаль была естественным состоянием твоего детства. В ней было и утешение, и невозможность не прислушаться к себе, не задуматься. Но ни хитрости, ни лукавства в тебе не сформировалось. Если надо, ты – непобедимая крепость. Если надо – торпеда или напротив – стабилизатор.

- Это готовая, «скудная» эпитафия? – усмехнулась Лена. – Провела блиц-опрос или сама сочинила?

- Меня до перестройки в институте Антона к медали представляли. Все бумаги собрали, а отослать не успели.

- Надо было скручивать пальцы на удачу, – пошутила Лена.

А знаешь, как Герка о тебе сказал? «Ей трудно найти мужчину по себе».

- А я думала, он в стихах... – пошутила Лена. – Вы с ним и меня обсуждали?

- Но не осуждали. Ты идеальный друг и собеседник.

- Потому что больше молчу? Импровизируешь на ходу? Но ты права. Нас, всю жизнь надеющихся только на себя, трудно сломать.

- У тебя чарующая улыбка, как у моего любимого певца Олега Погудина, соединяющая в себе недосыгаемость и доступность! По ней многие сходят с ума, а ты ее прячешь.

- А это ты к чему? – недовольно остановила Лена подругу.

- А дар предвидения? Ты безошибочно разгадываешь мысли начальников. Он корнями уходит в прошлое твоих предков.

- Серьезно? Ты о передаче на генном уровне не только наследственных черт, но и информации или о подключении некоторых людей «к коллективной мировой памяти» по Юнгу? – отшутилась Лена. – Не дар это, жизненный опыт. Просто я никогда не беру на себя обязательств, которых не способна выполнить.

- Я о переходе сущности души из одного тела в другое. А вот я получала удовольствие от тщетности игр конкурентов и от того, что всё это они разыгрывали ради того, чтобы победить, сломить меня. Я любила осваивать необжитые пространства и ни с кем, кроме тебя не считаться. О, это очарование неизвестности! – в тон подруге, но несколько резче ответила Инна и упрямо продолжила:

- Собственно, независимость – одно из главных слагаемых в твоей разносторонней, «разномастной» индивидуальности. Ты сама по себе. Ты, как лотос, который закрывается от человека с плохим биополем. За «разномастную» не обиделась?

- Не так чтобы очень, – усмехнулась Лена и объяснила:

- Полностью открыться, – значит дать оружие врагу или конкуренту. Чем шире раскрываешь объятия, тем больше вероятность быть распятой. Потому-то тщательно взвешиваю каждое слово. Между людьми редко бывает полное понимание. И открытость подчас способствует использованию человека далеко не в «мирных» целях. Я рано поняла, что мир во многом несправедлив и что я должна держаться талантливых людей с равнодушными сердцами или просто хороших, добрых. И если не находила таковых, то сознательно скрывалась от реальности в область собственных фантазий. В детстве они меня спасали. Не вступала в споры и перепалки со своей совестью. Это нормально для интроверта. Я мало с кем могла сосуществовать рядом, поэтому никогда не стремилась к широкому кругу друзей.

- Генетическая предрасположенность?

- Скорее, приобретенная.

- Уединение – выбор человека, а одиночество – его проклятье! Любой человек имеет право хоть иногда позволять себе быть слабым. И хорошо, если рядом есть кто-то, кто его поймет и поможет, когда это так необходимо.

- Ты права. Иногда хочется забыть все эти «китайские церемонии», послать всех куда подальше! Побывать свободной, независимой, естественной, даже смешной. Я никогда не отказывалась от ответственности, но как порой хотелось, чтобы рядом оказался человек, способный не только расслабить, отвлечь, но и переложить часть моих забот на свои крепкие надежные плечи. Но... – Лена широко и безнадежно развела руками.

- Ты привержена Декарту? «Принятие решений должно быть максимально освобожденным от чувств».

- Нет, я сторонница современной теории о том, что именно чувства – основа принятия решений. Помнишь, писали о человеке, в результате травмы потерявшем способность чувствовать? Он не мог выбирать. Но куда же без логики? – Лена прикрыла тяжелые веки.

- Когда ты злишься, то внешне становишься еще более спокойной. Не позволяешь себе взрываться. И тем учишь всех быть терпимыми. Для тебя характерна не только внешняя дисциплина, но и дисциплина внутреннего содержания. Это высший класс. И у сотрудников возникал не страх наказания, а боязнь перед тобой опозориться.

- Я не стала спокойнее. Последнее время у меня просто не хватает сил на эмоции.

«Когда Лена уверена, что ее никто не видит, в лице ее тишина, благодать, мудрость и некоторая суровость, впечатанная в глаза трудностями жизни», – подумала Инна. И усмехнулась:

- А меня всегда легко было вывести из себя. Потому и не стремилась руководить. Иначе бы быстро сдулась.

- Роль начальника для меня самая сложная. Тяжело дается. Я же по характеру надежный исполнитель. За себя легко отвечать. Мужчины из руководящего состава поначалу разговаривали со мной сурово, категорично, требовательно или нагло, не признавали себе равной. И среди подчиненных такие экземпляры попадались! Врагу не пожелаю. С полной несовместимостью. Отсюда моё, как ты говоришь, редкое отсутствие амбиций. Моя внешняя высокомерность от закрытости, зажатости и застенчивости.

- Это не помешало тебе создать одно из лучших отделений института. Тебе труднее выдерживать баланс между умом и эмоциями или уметь маневрировать?

- Сделай такую любезность, не порть меня похвалами. Сложно бывает понять, почему иногда дает сбой хорошо продуманная ситуация, да еще пытаться выкрутить, не поднимая переполоха, – улыбнулась Лена. – У меня тоже бывали осечки.

- Браво твоей самокритичности!

«Ни с кем, кроме меня, Лена не бывает сама собой», – подумала Инна. (*Приятное заблуждение.*)

- Одна из таких несовместимых как-то сказала о тебе: «Раз Елена не умеет строить козней, значит, не умная». Я ей быстро язык прищемила.

- За подругу хоть к дьяволу в пасть? – благодарно улыбнулась Лена.

- Так эта дура чумовой бабой меня обозвала. Я всегда горела решимостью доказывать, а того не понимала, что у тебя хватало мудрости не идти на скандал, не обрушивать бесполезную критику на головы неудачников, ни с кем не расставаться как с врагом. Неудобных людей ты рассматривала как досадные, но вполне преодолимые помехи. На всех у тебя доставало снисходительности, понимания, даже на тех, кто выкидывал этакое. Я не помню у тебя приступов начальственной гневливости или нервных

несправедливых решений. Может, поэтому слухи о тебе не приживались в народе и не касались твоего царственного венца?

- Инна, хватит. - нахмурилась Лена. - Ты о сплетнях? Я старалась не обращать внимания на такие мелочи, чтобы не разрушить в себе главного, чем заполнена моя душа, моя жизнь.

- У меня был счет к отдельным личностям, у тебя - ко всему миру, - пошутила Инна.

- Хотелось бы услышать характеристику, максимально приближенную к реальности. Напрашиваешься на комплемент? Информационные войны - вот что теперь уже данность, а ты из-за каких-то там сплетен переживаешь. Они дело десятое. Сплетни бесполезной грязью растекаются по поверхности жизни и едва ли стоят наших волнений, - усмехнулась Лена.

- Но это теперь, а раньше? Забыла, сколько крови они нам испортили? Стоило задержаться на пару минут у стен института с женатым мужчиной - и репутация погибла!

А меня бесили люди, которые знали и понимали меньше, но пытались учить, - снизошла до критики собственного характера Инна. - Говорить умели, но за ними ничего не стояло. Их речи - словоблудие, сотрясение пустоты! Слова должны чем-то наполняться! Унизительно было подчиняться тупоголовым.

- Ты знала, на что шла, когда воевала. У каждого свои предпочтения, - отшутилась Лена на серьезное заявление подруги. - Ты с перехлестом одних ругаешь, других нахваливаешь. Я признаю каноны, но стараюсь делать по-своему: как вижу, как чувствую. Только по-тихому, не дразня гусей. Ссориться недальновидно. Для меня громогласно возникать, - все равно что осквернять чужую религию, - мягко пояснила Лена. - И всё это у меня от неуверенности.

«Ни один комплимент ей не кажется мне ошеломительным преувеличением», - ласково подумала о подруге Инна.

- Лукавишь? Это очередной милый, симпатичный ход? Это часть игры?

- Я на самом деле очень неуверенный человек. Из-за этого мне с самой собой трудно. Знаешь, Инна, конечно, были у нас и неудачи, и разочарования в людях, но в целом мы прожили хорошую жизнь!

Лена подвела черту.

Но Инна не согласилась с ее решением и продолжила:

- Ты всегда действовала наверняка. Даже в преферансе. Помнишь, в общежитии? «Бдительность на страже!» Ребята шутили о тебе: «Лучше перебдеть, чем недобдеть?» А ты им: «Знаю, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Только я его не люблю».

- Авантюрные поступки не в моем характере. Наверное, это недостаток. Детдомовское детство научило меня осторожности. Но жизнь так устроена, что если даже человек не ищет приключений, они сами его находят. Так что поводов для проявления смелости и у меня было предостаточно.

- У тебя жизнелюбивый характер и властно-мужские задатки.

- Поневоле приобретенные. «Если красотой не блещешь, прояви себя в другом, но обязательно прояви», - полушутя о себе говорила наша любимая математичка.

- Хватит прибедняться. Чувствовать себя некрасивой глупо.

- А слабый - преступно, - отрезала Лена. Она начинала раздражаться.

- По установившейся с первых дней работы привычке ты всегда подтянутая, эффектная, выдержанная, внешне не подверженная общественному мнению, в строгом костюме безукоризненного исполнения. «Кидай в меня камни, кидай в меня грязь - я река».

- «Большая река течет тихо».

- Потрясающая буддийская фраза. Она и о тебе, Лена.

- И мое внешнее не повлияло на внутреннее? – шутливо остановила подругу Лена. – Не пора ли нимб воздуть над моей безгрешной головой?

Только Инна не слышит Лену. Она завелась.

- Топор, швейная игла и перо с детства были равными в твоих руках. Ты была всегда уверена там, где всё зависело только от тебя, и полностью доверяла только коллективу, который сама создала. Тщательно подбирала кадры. Сама всё умела делать, и никто из подчиненных не мог тебя обмануть. Лодырей и хамов в черном теле держала или осторожно изгоняла.

«...Неутолима жажда собиранья Души и Духа вечного познания, – того, чем человек в себе един». И это тоже о тебе. Ни перед кем ты не заискивала. Это я в тебе особенно уважала.

- Чего не было, того не было.

Продолжать список достоинств? – весело спросила Инна.

- Стало быть, я уже... в бронзе? Но сколько наделала ошибок, прежде чем стать такой правильной, сколько слез пролила до спазмов в горле!

Неумеренные дифирамбы. Или это запланированное издевательство? Мне творчество лучше и легче дается, чем руководство людьми. Но так уж сложилось. Пришлось брать бразды. Потом привыкла.

- Ты считала стыдным что-то не уметь. А одна из любовниц Федьки говорила: «Я не могу позволить моим рукам заниматься ремонтом». Жалела себя. И ты представляешь, Федька гордился этим, говорил: смотри, как она себя любит и ценит! Как несет себя! Умалишенный. Я обалдела от такой его логики. Он ею гордился только потому, что она гордилась собою, хотя ничего из себя не представляла, ни внешне, ни внутренне. Кроме хитрости, наглости, лживости и лести я ничего в ней не разглядела. Но ведь процветает! И счастлива! И по всему выходит, если упростить ситуацию, что лучше юлить, поддакивать, где надо давить, устраивать интриги... А считается, что генетически женщины менее эгоистичны, потому что занимаются детьми и их любовь направлена на других, а не на себя. Хотя и среди женщин бывают... выродки.

- Где уж нам до нее, – усмехнулась Лена. – Федор хвалил в той женщине то, что ему нравилось в себе. Они же оба как близнецы: эгоистичны, ленивы, не против проехаться за чужой счет. Безнравственны, в конце концов, – добавила она. И заметила уже вполне серьезно:

- Нам её счастья не надо. Хватит о ней. Я не приемлю то, что нарушает целостность моей жизни, моей души.

- А еще ты всегда, как полиграф. При тебе невозможно соврать.

- За что и не любили нас некоторые. Физически не переношу предательство, ложь, сплетни. К остальному отношусь снисходительно. Все мы не идеальны. У каждого есть свои слабости. Куда же без них, – улыбнулась Лена. Но руку предостерегающе все же подняла.

«Не хочет хвалы в свой адрес», – поняла Инна и шутливо теперь уже сама потребовала:

- «Порезвились» и хватит. Итак, подведем итог: мы обе прожили хорошую наполненную жизнь. Или выставишь мне длинный список претензий?

- Я последние годы счастлива тем, что делаю то, что мне очень нравится, и что никаких препятствий тому нет. Кроме здоровья. Я пишу. Сейчас это главное в моей жизни, мой спасательный круг. Помимо внука, конечно. Процесс захватывает меня без остатка.

Когда погрузилась в любимое, такое желанное дело, совсем по-другому стала себя ощущать. Уверенно! Здесь у меня нет начальников! Я будто в свободное плавание отправилась. Представляешь, за два года начерно написала пять книг. Это при том, что работала на полторы ставки. Затем внуку два года отдала. Потом заболела... Еще две книги «родила». Читатели ждут от меня произведений только высокого уровня, чтобы всё было выверено, профессионально. Да и я вкус к настоящему творчеству почувствовала. Литературное признание для меня теперь важнее успехов в карьере. Дала бы Всевышний...

- А в бизнес почему не рискнула податься?

- Если бы не писательство, наверное, попробовала бы.

Лена, видя, что запал подруги наконец-то иссяк, предложила:

- Может, перекусим? Идет?

- А Инна неожиданно сказала:

- Крепкая ты, Ленка, Никогда не обрушивала на друзей свои невзгоды

- Для себя их приберегала, - пошутила Лена и добавила грустно:

- За независимость приходится дорого платить. Нервами, здоровьем.

- А я только хорохорилась, - сказала Инна печально.

Лена обняла подругу со словами: «Чудачка ты моя милая. Успокойся. У всех свои плюсы и минусы». Она посмотрела на Инну так, будто хотела еще что-то сказать, но передумала и после короткой паузы опять предложила пойти на кухню. Они помогли друг другу подняться и тихонько потопали с таким загадочным видом, будто их обоих там ожидал сюрприз, а не обыкновенное печенье с горячей кипяченой водой из термоса. Ну, совсем как в далеком детстве, когда Инна иногда ночевала у Лены.

9

- Лена, случалось тебе больно ошибаться в людях? Сбои часто бывали?

- Конечно. И по моей глупости, и по наивности. Потому что хотелось думать о тех людях лучше, чем они были на самом деле. Я знала, что они плохие, но давала им возможность проявить себя положительно. Надеялась, что поймут, а они подводили, лишний раз доказывая этим, что взрослого направить по правильному пути гораздо труднее, чем ребенка. А иногда и невозможно. И я запоздало раскаивалась в своей бесхарактерности, в том, что позволила излишней мягкости и доверчивости восторжествовать над разумом. Правда, доверяя, я рисковала только собой, никого не подставляла, потому что страховалась, предвидя провал. А как мечталось помочь, вытащить!

- Помнишь слова Че Гевары: «Я рискую только своей шкурой!»

- Вот-вот.

- Не хочется показаться неблагодарной судьбе, но всем своим трудовым успехам я бы предпочла увидеть себя в кругу большой прекрасной семьи. Счастье - в конце жизни увидеть отрадный результат своей осуществленной мечты юности. У тебя получилось. Жизнь не позволяет современной женщине быть только женщиной, заниматься домом, детьми. А зря. Ведь это гигантская и благодарная работа: читать с детьми книги, обсуждать, закладывать в них нравственные основы, способствовать их увлечениям, следить за развитием! - сказала Инна, глядя в потолок.

Обычно, говоря о мелочах, близкие в чем-то люди осторожно подходят к самому важному, что происходит в общении между ними – к соприкосновению душ. А Инна совершенно неожиданно, как бы вдруг, поделилась истинной мечтой, впервые открыла свою тоску по большой семье, по несостоявшемуся материнству. Эта тема у них с Леной была под запретом. Именно в минуту великой грусти своевременным словом сочувствия легче всего было бы пробиться в Иннину доверие, продолжить разговор, но Лена так растерялась, что не рискнула потревожить самое болезненное. Она побоялась причинить подруге боль. А может, у нее сработала естественная защита усталого мозга, которая сама, оберегая психику, переводила его в режим торможения.

Инна после некоторой паузы-замешательства обиженно подумала: «Говорит со мной, а думает о чем-то своем, вот и не переключилась». И продолжила несколько в другом ключе:

– Женщина может чувствовать себя счастливой, если она сумела полностью проявить себя в четырех главных ипостасях: любимая, любящая, мать и карьера. Да и хорошо бы иметь более-менее приличное детство. Кто меня по жизни любил? Мать и бабушка? Но как-то по-своему... Мужья? Тоже как-то не по-настоящему. А тебя можно ли назвать счастливой? Лишенная родительской ласки. Только дети и любили. А мужчины? Все какие-то не те. Эх, жизнь! «Ты полынь-трава – горькая, как осока-нож стойкая». Ё-моё! А кого я любила?

Инна задышала тяжело и судорожно, и не стала перечислять.

– И все-таки я жила с жадным любопытством. Все хотела познать, всюду успеть. Язык, правда, на цепь не приковывала.

– Вот видишь, все у тебя хорошо, а говоришь, что ты человек-трагедия. Сделай ручкой своим давним врагам и завистникам. Пока к чему-то стремишься, всегда находится кто-то, кто тебя за что-то ненавидит, если даже ты его не трогаешь. И даже когда уже ни к чему не рвешься, а просто спокойно длишь свои дни, то все равно кому-то может не понравиться, что живешь ты тихо и, наверное, по-своему счастливо. Злая зависть – препюганая штука. Непродуктивное качество. Зависть съедает самого завидующего. Холодно душе рядом с таким человеком. Я вторую жену моего деда вспомнила. Не работала, детей не воспитывала, не ощущала чужую боль острее, чем свою, или хотя бы на том же уровне. Небо коптила. Чем жизнь заполняла? Сплетнями, досужей болтовней, недовольством. Чужую семью разрушила, а своего счастья не создала. Зачем жила? Что хорошего сделала? Каково было ее предназначение?

Казалось, не с Инной беседовала Лена, а с кем-то другим, здесь не присутствующим.

– Что там ни говори, а при ближайшем рассмотрении многие из тех, с которыми ты воевала, оказывались не такими уж плохими. Не понимали они тебя. Может, мнительность их подводила или стереотипы. Я без знака минус говорю, без подтекста.

– Я пересаливала?! – вознегодовала Инна.

– Они обыкновенные люди.

– Они не знали мое истинное лицо, по себе меня мерили и постоянно доставали, – упрямо заявила Инна. – Люди часто приписывали мне то, как они вели бы себя сами, будь они на моем месте.

– Не горячись. Легче смотри на прошлое. Вспомни, сколько хороших людей встретилось на твоем пути вчера, позавчера, год назад. Тем более что о многих, когда-то обижавших тебя, можно сказать: «Иных уж нет, а те – далече».

Помнишь Лару. Я хотела бы ее увидеть. Один мой верный друг о ней как-то хорошо сказал: «Вроде нет в ней ничего особенного, а оторваться не могу. Такова сила ее обаяния. Счастлив тот, кто будет рядом с ней». И от этих его слов пахнуло на меня таким давним, выстраданным счастьем! Лара была тайной любовью всей его жизни. Она не знала об этом. Слышала, что не повезло ей найти свое счастье. И так бывает. Я теперь часто мысленно обращаюсь к тем, с кем меня связывала давняя студенческая дружба. – Лена вздохнула и прикрыла веки. В уголках ее губ резко обозначились морщинки.

- И в наше время были всякие... - заметила Инна. - Артиста Анофриева вспомнила. Помнишь, мы вместе ходили на его концерт? В молодости раза два хорошо мелькнул на экране. С песнями из «Бременских музыкантов» серьезно засветился. Его коронный номер! Но не любила я его, хвастуна. Всё я да я...

- Народный уже.

- Недавно он в интервью по телеку хвалился, что женщину ударил. Таким тоном говорил, будто подвиг совершил. Я опешила. Лицо мое горело, словно он меня подлым хлыстом из-за угла стеганул. Чем гордится?! Я от пьяных мужчин не слыхала подобной мерзости. Долго не могла оправиться от гадливости. А самовлюбленный индюк продолжал откровенничать, изгаляться, утверждая: «А как же, иначе и не могло быть!..»

- Прекрати. Не могу больше такое слышать. Хочу чем-то отвлечься.

- Что ты меня уговариваешь? Я не хуже тебя знаю, что хороших людей больше, чем плохих, но дай мне сегодня поскулить, чтобы завтра чувствовать себя на высоте.

«Агрессивная, но такая вопиюще незащищенная», - с болью подумала о подруге Лена. Она хотела повторить свою мысль вслух, но поняла, что она прозвучит иначе, без искреннего душевного надрыва. Лена разозлилась на себя и промолчала.

Инна выдержала паузу, а потом в сердцах сказала:

- Я же никогда никому ничего плохого не делала! Достоинство свое пыталась защищать. Сколько раз хотелось мне вскричать: «Люди! Люблю я вас, чёртушки вы мои!» Но не могла.

- Боялась, что осмеют?

- Выходит, что так.

- Разрешаю поплакаться. Мне тоже часто доставалось ни за что ни про что, особенно когда работала в профкоме. Люди почему-то считали, что если я сама правильная, то и их должна стараться переделать. Но почему именно подлым путем? Я пыталась помогать, выручать, подсказывать, объяснять. По молодости наивно полагала, что люди поймут, что не стоит опаздывать, быть недобросовестными, безответственными. Вскоре убедилась в бесполезности этих методов. На лодырей и прогульщиков действовали только штрафы и пусть временное, но понижение в должности. Не переживай. Человек обретает истинную цену лишь в достойном окружении. Мы с тобой в людях искали настоящее, что приводило бы нас в храм их души. А жизнь прожить, никому не причиняя вреда и боли, нечасто удается.

- Ты свои недостатки нивелировала посредством хобби или стремилась перевести в разряд достоинств. Всегда была на людях легкой, удобной, приятной в общении. Не обременяла собой окружающих. Ты всю жизнь старалась обрести то, что нельзя потерять: победу над собой. Дед тебя так запрограммировал. Чего бы ты добилась без своего упорства и отчасти упрямства? Ты только на себя обращала всю свою строгость. Других щадила.

- А вот рабскую привычку в себе полностью так и не изжила. Первое, что приходит мне в голову после получения приказа или указания - подчиниться, а потом уж начинаю противиться, если в нем что-то не устраивает. Я не люблю в себе это. Всю жизнь воюю с собой.

- Это не трусость, в тебе осторожность говорит. Ты с детства созерцатель и бессребреник. А я боролась со своими и чужими мелкими пороками юмором, иронией и сатирой, что не способствовало «тесному общению с массами», - шутливо закончила Инна.

- Я так, к сожалению, не умела. Шутить я могла только в приподнятом настроении, в хорошей компании.

Инна вдруг что-то сонно нечленораздельно промычала и надолго замолчала. Уснула?

«Устала, бедная. О чем таком важном помимо болезни она хотела со мной поговорить?»
– пыталась догадаться Лена. Эта мысль неотступно сверлила ей голову.

Внезапно она подумала: «Что в институте останется после меня: книги, рефераты, статьи, изобретения? Всё в копилку познаний. А это уже кое-что. И даже эти мощные стальные рельсы в лабораториях, которые мне изготовили на местном заводе, вместо примитивных трубчатых направляющих. Теперешние приборы изнаются, устареют, вуз купит новые, более совершенные, а крепкие, надежные рельсы останутся стоять на столах, пока будет существовать факультет. И мои художественные книги что-то, да значат. Они для меня тоже как мои дети. Мир мудро и рационально устроен: тело человека исчезает, а энергия мыслей, слов и дел остается».

Похоже, Лена, убаюканная позитивными мыслями, тоже задремала.

10

Инна без связи с предыдущим забормотала, может быть, вслух продолжила свои тайные мысли:

– ... Вадим уже не пробуждает во мне хороших воспоминаний, и сердцу больше не тесно в груди. Он выветрился из моей головы. А когда-то казалось, что весь свет мира отражается только от него. И верилось в милость небес. Вот ведь как бывает. Так почему же любая мысль о нем до сих пор причиняет мне боль? Эта боль разбитых надежд? Обид? Однажды взглядом выхватила в толпе его лицо. Показалось на миг. И голова пошла кругом, захлестнула волна ошеломляющей страсти, колени подломились. Растерянность перед увиденным была настолько велика. И будто вновь все на свете, кроме него, разом потеряло смысл. Потом еще долго искала, выбирала его взглядом из многих встречных, всё надеясь еще раз увидеть. А считала себя излечившейся. Вот ведь дуреха, втюрилась. Ненавижу! А безжалостный внутренний голос напоминал: сама виновата, сама.

– Не казни, не изводи себя прошлым.

– Давно сдалась, капитулировала. Моя трудность всегда заключалась в том, чтобы воспринятое чувствами скорее донести до разума, проникнуться им. А у тебя все наоборот, – усмехнулась Инна.

– Андрей всё значил в моей судьбе. Он безраздельно завладел моим сердцем. Оно навек отдано ему. «Я им побеждена. И только в том моя победа».

– Ты умрешь побежденной своею любовью! – переделала поэта Галича Инна.

– Я ушла, а душа моя осталась с ним. Я приговорена быть одинокой. Когда мне бывает трудно, я сразу напоминаю себе, что сама выбрала этот путь, и не ною.

– Я слышала, что люди, которые мало любят себя, заполняют свое сердце чужой любовью, попадают в сильнейшую зависимость от объекта своего обожания и считают это настоящей любовью. Нас не учили любить себя.

– И такое случается. Но не со мной. Я часто чувствую, будто Андрей руку мне на плечо кладет, и сердце замирает от нежности. И от того, что прошло много лет, это чувство не утратило очарования, напротив, сделалось еще более драгоценным. Ничего не ушло. Я не знала, что такое желать мужчину, пока не встретила Андрея.

Перед внутренним взором Лены замелькали годы, предшествовавшие их разрыву.

«Руку она его помнит! «Как пригрело солнышко горячо. Положи мне голову на плечо». Хотя разве надо ждать от любимого чего-то необычного, особенного? Но быть верной тому, кто тебе изменил? Идиотизм, – сердито думает Инна. – Остановила в памяти именно это мгновение и молится на него, словно всё остальное не представляет для нее никакого интереса. Может, еще и разговаривает с его тенью и советуется?»

- И зачем вы тогда расстались?

- Понимаешь, когда мужчина и женщина любят друг друга, они все равно любят по-разному. Даже если он особенный...

- О! Перед ним меркнут любые самые высокие слова! Он в ярком золоте твоих мечтаний... А элементарное желание мужчины ставит тебя в унижительное положение? Ты теряешь самоуважение? Не желаешь опускаться до низменных чувств, до животного наслаждения? - не замедлила «проехать» Инна. - Ты «ушибленная» Андреем. Часто о нем вспоминаешь?

- Я не вспоминаю о нем. Я его не забывала. Моя любовь к нему теперь гораздо глубже, чем прежде. Видимо, в моей душе что-то из того, что было между нами, осталось неприкосновенным, защищенным от быта. «И шум порывистых берез среди погаснувших полей». Любовь ко мне пришла прекрасной ранней осенью.

«Говорит спокойно, буднично, но внутри нее до сих пор вулкан. А у меня глыба льда», - вздохнула Инна.

- Так и не встречались? Не скрываешь?

- Он не давал о себе знать, я не напрашивалась. Ты меня знаешь.

- Питалась слухами?

- Не погрешу против истины, если скажу, что для меня его жизнь до сегодняшнего дня была совершенно неведомыми непрочитанными страницами.

- Верила в то, что основой жизни является любовь и надежда. Жила памятью прошлого, оберегая облик любимого, вспоминая почти забытый язык любви: взгляды, улыбки, прикосновения. Томилась безмерным одиночеством, по сути дела, сроднилась с ним. Оно, конечно, романтики были и будут. Я тебе больше скажу: я понимаю, что таких, как Андрей и Антон, просто так из жизни не вычеркнешь. Не спишешь.

Инне подумалось вдруг: «Андрей для нее не меньше, чем Антон для меня, но и не больше».

Лена остановила рассуждения подруги:

- Та палитра эмоций, которую я испытала с Андреем за четыре года нашей дружбы и обожания и есть мое счастье. Он моя первая и единственная любовь. До сих пор сердце щемит от той музыки любви. Его слова память будто курсивом выделила и навечно отпечатала в моем сердце. Все эти вроде бы одинокие десятилетия мне достаточно легко и уютно жилось внутри себя. Неважно, что мне больше не быть рядом с ним. Я все равно его люблю. Мое сердце не перестало бы отзываться на него, даже если другой мужчина стал вызывать у меня больший отклик. И как бы я не относилась к тому, другому, это не изменило бы моего отношения к Андрею. И это не было бы предательством.

Может, во мне мало... от дьявола и душе не с чем было бороться? Сыновьями жила - отрадой и надеждой. Была бездна отчаяния - жизнь без испытаний не бывает, - и счастье было. И есть. Боль и радость первой любви ни с чем не сравнить.

- Если бы объект был достойный, а то ведь... Вторая любовь переживается легче. Замуровала ты себя. Такой аскетизм под силу далеко не многим.

- Не скажи, после войны это происходило сплошь и рядом.

- Сравнила.

«Какие у нее правдивые и невозможно грустные глаза! Андрей - на всю жизнь - молитва ее боли и тоски. Не настигла ее новая любовь хотя бы в зрелом возрасте. Что ей остается? Вспоминать, домысливать, мечтать о том, что в юности медом и елеем пролилось на верное сердце и вскружило голову. И какая теперь разница, кто кому указал на дверь, кто не нашел сил понять. А когда-то я думала об их союзе как о чем-то неизбежном и закономерном. И тут ошиблась».

Инна прикрыла веки. Перед ее затуманенным взором всплыла картина ее размолвки с Вадимом. Мелькнула тоскливая мысль: «Лену невозможно представить распростершейся у чьих-то ног, смирившейся. Лена не допустила бы такого позора. Бездонные глаза иногда выдают боль в ее душе, но она, как щитом, прикрывает ее покровительственной усмешкой. Сглупил Андрей. Мне понятно его поведение, но не мотивы... Ленка внешне холодная, зажатая, а внутри теплая, домашняя. Такая двойственность в ней не от хорошей жизни. Но о мужчинах тактично говорит: «Им не всегда хватает мудрости».

- Лен, почему Вадим тогда остановил свой выбор на мне? Почему не боялся нарваться на отказ? Опыт? Было пламя встреч, лед окончательного расставания и крушение надежд. Восторг сменился шоком. Он совершал манипуляции, столь не отвечающие ситуации. Разве он не понимал, что это больно ударит по мне? Многому научил и среди прочего... ненависти. Она наводила меня на мысль о мести. И возникали злые, неукротимые, жестокие мечты. Хотелось увидаться, покончить с этим по-своему и зарыться в глуши. А он сбежал.

В ее сознании, как отрывок незаконченного рассуждения, промелькнула мысль: «Оно и к лучшему. С моей-то горячей головой...»

- С ним одним только и была бессовестно счастлива, но вмешался злой рок. Когда, позже, я влюблялась, то всякий раз невольно вспоминала о нем. Он не походил ни на кого. Я словно притягивала к себе несчастья. Надо же, три попытки - и все мимо цели. Что я должна была, но не сумела усвоить? Каждый раз с чувством вновь приобретенной уверенности неслась в загс, наивно полагая, что это замужество станет началом какого-то особенного счастья. И каждый свой очередной проигрыш встречала с яростным разочарованием. Торопилась? Какое-то причудливое трагическое сплетение судеб. Помнишь, тот, мой третий, нашумевший роман, когда подруги по работе в загсе молча, с завистливым любопытством взирали на моего молодого мужа? Наскоро вышла замуж за первого попавшегося красавчика. Я веселилась! И наплевать мне было в тот момент на будущие нестыковки и развод. Разводы для меня оказывались генеральной уборкой души.

- И этим ты тоже с должной убедительностью утверждала важность своей роли в коллективе, - рассмеялась Лена.

- Надо было видеть лица тех женщин: челюсти отвисли, глаза застыли. Это тебе о чем-то говорит? А я стояла и просто глупо и счастливо улыбалась.

- Догадываюсь. А мужчины на тебя облизывались, как мартовские коты. Хороша была!

- И я своего третьего мужа находила красивым. Свежее моложавое лицо, удивительные глаза. В них печальная нежность. Потом всерьез привязалась к нему. Не раз у меня мелькала мысль, что «подружка» отлично знала, что делала, и совсем не случайно доложила мне о его будто бы любовнице. И горьким комком в сердце спеклась обида. Как слезы могут обессиливать человека! Ну сама посуди, неужели мы с тобой не заслуживали счастья?

- Но и после него ты не сбросила скорость. Мужчины падали к твоим ногам. Бурлящая, напористая мощь танка не ослабевала.

- Чем ярче карнавал прошлой жизни, тем тяжелее одиночество. Были ватаги друзей, да где они? И это не облегчает память. Теперь со многим приходится мириться.

- Всего в жизни получить невозможно. Любила одного, замуж выходила за другого.

- Детей растить хотела с третьим, - с горечью добавила Инна. - Ты пылала страстью к Андрею, но муки желанного несбыточного тебя не терзали. Ты ждала, надеялась. И даже если не надеялась. Привыкла к внутренней независимости. А у меня независимость только внешняя. Только ты угадывала мое истинное настроение и даровала мне мужество быть самой собой. Знаешь, если бы мне встретился настоящий мужчина - и пусть бы мы даже с ним разошлись, - я бы не жалела о том, что он у меня был. Но ведь не встретила, вот что обидно!

Инна лежала, безжизненно распростершись на матрасе, уронив лицо в Ленины колени.

- Кто на мощном и надежном корабле жизни плывет, кто на шатком плоту.

- Ты тоже была счастлива своей любовью, - опередила подругу Лена, оптимистично закончив ее печальную фразу. - Ведь всё было: разлуки, расставания, сладкие моменты узнавания друг друга, так что «любовь сливалась с высоким пеннем муз».

- И был неподъемной скорби груз.

- Куда же без него? Бог хороший режиссер. Ничего не упускает, если дело касается грустного.

- Всем воздает, да не всем дает.

Слова Инны произвели должное впечатление, и Лена не стала настаивать на своих.

- Как быстро пролетела жизнь! Вроде и не жила. Время старости также необходимо человеку, как и годы юности. Плохо, если человек лишается этого мудрого времени, если о нем не могут сказать: «Умер стар и сыт годами». Не скрою: о многом сожалею, многое не захотела бы повторить, если бы такая возможность представилась.

- Ты знаешь, каково это быть счастливой. И это уже много.

- Разве с Вадимом было счастье? Если только первые два месяца. Дорого мне стали эти счастливые денечки.

Я до сих пор «нервно дышу» к Антону, и нет от него мне избавления.

- Но это прекрасное «дыхание»!

- Еще бы! Личность такого масштаба! Остроумный, веселый, галантный. Талантливый, скромный, чуткий и странно закрытый, с внутренней «эмиграцией» личных проблем. Собственно, я никогда не теряла его из вида. Его огромные вдумчивые глаза, тонкие артистичные руки... Он - моя ложная икона. К нему я всю жизнь имитирую любовь. Помнишь, как я попала в его НИИ? Изложу в двух словах. Антон лично подбирал кадры. И произошла «историческая» встреча. Мы сидели в его кабинете. Раскованность позы в сочетании со строгим костюмом придавали ему особенную элегантность. Он говорил мне с выражением уважительной строгости: «Кто хочет работать в нашем НИИ, должен либо принять наши условия, либо сразу уйти. Я не заключаю никаких сделок с некомпетентными людьми и не оказываю благодетелей. Я плачу деньги не за намерения, а за хорошо исполненные обязанности. Поверь, другого способа выжить на нашем предприятии просто не существует. Не пытайся воевать со мной, тебе не выиграть сражение, потому что здесь условия ставлю я. И я же диктую политику института». Тогда он еще один «воеводил». Он требовал от сотрудников профессионализма, уважения к коллегам, трудолюбия и положительной энергетики.

На собеседовании он пристально рассматривал меня, виртуозно вызывая на откровенность зрелыми умными вопросами. Он сразу сказал: «Наш человек!» И моя участь была решена. Я поступила в полное распоряжение Антона. Потом мы чуточку выпили под это дело. Все-таки сокурсники. Не со стороны брал. И было рукопожатие, как подпись, скреплявшая заключенное между нами соглашение. Я чуть не задохнулась от счастья! Наконец всё устроилось как нельзя лучше! И я сразу впряглась в работу. И, надо сказать, держалась за нее мертвой хваткой.

- Перешагнув через собственное «я»? Хороший человек - это уже полдела, остальное довершил профессионализм. Брала лучшее, проникалась, вживалась, творила?!

- Да, то был триумф моей судьбы! Я отдалась под покровительство Антона и оказалась в мекке научной мысли. Это был переход в Зазеркалье. Я постоянно чувствовала насыщенное радостное беспричинное нетерпение, желание поскорее встретить зарождающийся новый день. Я ожила и забыла про прежние болезни.

- До потолка прыгала от радости. - Лена легкой иронией в голосе чуть притушила запал подруги.

- Прекрасный «экипаж», чудная кают-компания – центр притяжения талантов. Была пропасть работы. Мы буквально жили в НИИ, вкалывали не щадя себя, и отдыхали душевно. Антон задавал тон. Сам жил в бешеном ритме. Головой прошибал препятствия или обегал их вправо-влево на десять километров, но добивался своего. Ему сопутствовала удача, не омраченная внешними невзгодами. Мало того, умел и из нас выжимать все возможное. И за какие ниточки дергал? Наверное, собственным примером вдохновлял.

Он человек дела. Польза и максимальная отдача были его приоритетами, диалог и сотворчество – основными принципами в работе. И еще то, что новые знания надо делать всеобщим достоянием как можно скорее. Его блестящие идеи на научных семинарах и конференциях взрывали аудиторию слушателей. Активно жил не для себя. Вокруг него всегда была легкая непринужденная атмосфера. А всё почему? Не блат привел его в кресло директора института, а крепкая деловая хватка, сумасшедшая энергия, способность предвидеть, брать на себя ответственность, открытость ко всему новому.

- Тем более что государственная политика того времени была на его стороне.

- Антон руководствовался правилом, что Господь Бог воздаст тем, кто трудится. Ценил любознательность, не знающую предела. Он красив, как творец, своим талантом. Он – человек-космос. И горд тем, что ему удалось сделать в жизни то, что он хотел.

- Звучит преувеличенно возвышенно.

- Но это так! И во мне он увидел то, что не разглядели на заводе, и этим раздвинул рамки профессии. У него особая манера изложения материала – во всем чувствовался вызов.

- Умел подать себя. Один говорит: «Я кладу кирпичи. Я зарабатываю деньги». А другой восклицает: «Я строю завод!» Жизнь не интересна, если работа рутинна!

- Он находил в людях то, что они сами в себе не видели и потому не могли реализовать. Заставлял в это поверить и без помех следовать выбранному направлению.

- Быстро оброс легендами.

- Я «вписалась в контекст» его компании и была счастлива возможностью работать с ним, находиться рядом. Это общение было в кайф. Он подарил мне сказку. Все у него было просто, естественно и соответствовало моим ожиданиям. Мы были молоды и энергичны. Все начинали с нуля и надеялись горы свернуть. Искали, в чем себя проявить. Иногда я думала: чего-то мне не хватает, чего-то нейдет? Ах да, я не видела сегодня Антона. Я была наверху блаженства!

- И мне не хватает стремления окружающего мира к совершенству, – пошутила Лена.

- И ты начинала его переустройство и преображение с себя, – подыграла ей Инна. И продолжила петь дифирамбы обожаемому Антону:

- А какая от него исходила мощная энергетика! Он феноменально владел словом, легко и красиво доносил свои идеи. Эти годы я расцениваю как подарок судьбы. И произошло мое воскресение из мертвых!

- Воскрешение. Потому что любовью и наукой, а не словом Божьим.

- Тебе видней, – согласилась Инна.

- У тебя устоявшееся мнение об Антоне. Умница, красавец. Он настолько однозначная фигура? Кудесник! «Рука полководца, разрезав пространство, послала на смерть тысячи солдат...», – ласково-насмешливо усомнилась Лена. – Хотя если учесть, что восемьдесят процентов наших чувств – это зрение...

- Он – талант!

- Верю. Талант дается с рождения. Это мастерство и знания можно наращивать.

- Представляешь, я иногда ощущала, будто в меня вселялся дух самого Антона. Ей-богу!

(Что делает с человеком любовь!)

- И ты подумывала о том, что ум Антона относится к такому типу интеллекта, от которого ждешь, что когда-нибудь он изменит... судьбу человечества. Не продиктовано ли это... - опять начала подначивать Инну Лена. Но та не отвлеклась.

- Он открывал новые перспективы. Всегда был в прыжке, в полете. Работа была его жизнью. Он никогда не дал мне повода усомниться в нем. И я училась отличать главное от второстепенного. А подлинно важного в жизни, ты же знаешь, не так уж и много. И я рядом с ним росла не эволюционно, а мощными скачками.

- И была верна избранному им пути. И, конечно, была в курсе всех его намерений.

- Лена, ты никогда не была в кабинете Антона? Понимаешь, непритязательность обстановки подразумевает величие его хозяина, который может позволить себе подобный скромный интерьер, не опасаясь, что это отразится на его репутации. Теперь говорят - на имидже. Лишь одна деталь, один аристократический штрих вносил в него ноту роскоши - старинная картина напротив его рабочего стола. Видно, с ней у него что-то важное было связано. Антону ведь на самом деле ничего не надо было, кроме удачи в работе и престижа института. Он был из тех, советских, которые мечтали построить общество счастливых людей. Все мы тогда шли по жизни в поисках красоты, величия и благородных свершений.

«Чрезвычайно утомительная словоохотливость. Если не остановлю, будет прославлять Антона до утра», - озаботилась Лена. И, шутя, огорошила подругу:

- Верю, Антон - человек редких достоинств, но масштаб его таланта - по современным меркам - никогда не соответствовал его денежному содержанию, предлагаемому родным государством.

Но Инна продолжала восхваление:

- В придачу ко всему и в тусовках Антон был своим парнем. Государственные праздники и юбилеи сотрудников отмечали интересно, с размахом, часто на природе. Антон заложил хорошие традиции. Целые спектакли устраивал. Он же большой знаток театрального искусства, и не только театрального. Поделиться? Может, пригодится. Антон виртуозно владеет гитарой. У него мягкий сочный баритон. Поет трогательно, душевно, без пафоса, но очень человечно. И такой заряд вкладывает в каждое слово! О серьезности и надувании щек не могло быть и речи. В компании он человек с распахнутой душой. Импровизатор! Фейерверк! И мне казалось, что он заполняет все пространство вокруг себя. Феноменально! Он равновелик и в работе, и в досуге.

- Налаживал внутренние, культурные связи? Понимаю. Хороший коллектив как вторая семья. Всё у Антона отлажено и калкулировано. И сам он - этакий жизнерадостный очкарик... с неукротимым пламенем в глазах. Какая сила духа и жажда яркой жизни! Завидую. Я как-то... где-то... даже огорчилась, что не пересекалась с ним по работе и что не довелось оценить его вокальные данные.

- Еще успеешь, - успокоила Инна подругу, не заметив ее легкой иронии. - У Антона есть прекрасное свойство: он умеет при любых обстоятельствах чувствовать себя счастливым и остальных вовлекает в свою положительную сферу. Его лозунг: «Я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно». Может, поэтому он не тяготится ролью руководителя.

- Он был предтечей демократических отношений руководителя с сотрудниками и символом нашей эпохи. Фартовый парень! Недоброжелатели посрамлены! Звучит вызывающе прекрасно, - пошутила Лена. - Понимаю, восхищение - одно из величайших наслаждений. И ты, пораженная неотразимым обаянием Антона, смотрела на него, замерев от счастья!

- Настоящие физики - народ дружный и демократичный. Антон всегда выслушивал все доводы «за» и «против» и либо подтверждал, либо опровергал их. И этим многое сделал для самоутверждения сотрудников и повышения их самооценки, что, как ты знаешь, очень важно для людей науки.

- Он не допускал оскорбительной обиходности даже в мимолетных встречах? Верю. А ты

была из его свиты или они вместе, а ты до кучи?.. Ничего, бывало и хуже. Кипишь не поднимала? – опять поддразнивает Лена Инну. Но та снова в запале:

– Работая и отдыхая рядом с ним, я была на седьмом небе. Даже одобрительный кивок Антона вызывал во мне трепет удовольствия и удовлетворения. Ни для кого не секрет, что от него к тому же исходила настоящая надежная мужская сила: нежная, влекущая, головокружительная, сексуальная, способная будоражить не только ум, но и плоть. Работа в его коллективе стала особой страницей в моей жизни.

– А для него радость работать с тобой заключалась в том, что он знал, что ты все сделаешь, но не догадывался как. Ты же непредсказуемая, – улынулась Лена. – Ты очень убедительна в своих высказываниях об Антоне. А-а... так все же не имитировала любовь! Она так явственно из тебя выпирает. Не стыкуется что-то.

– Он был тем, что составляло мою жизнь, мою судьбу.

– В кумиры возвела?

– Ты тоже... Андрея.

Лена будто не слышала.

– Теперь у нас принято ругать советское время. А зря. Сколько всего хорошего было создано за послевоенные годы! Страна поднялась из руин. Построены прекрасные города, огромные заводы, электростанции. Я уж не говорю о Космосе. А сколько всего полезного было изобретено нашими прекрасными специалистами! Но партократы и чиновники не способствовали их внедрению. Нижайшее им «спасибо» за это. А Запад подхватывал наши идеи, совершенствовал, изготавливал продукцию и нам же продавал за большие деньги. Америка не признавала наши патенты и себе присваивала первенство в изобретениях и открытиях. А сколько полезного сделал наш институт! Все-таки роль личности руководителя переоценить невозможно.

Лена, ты представляешь, я уже видела себя руководителем отдела. Думала, вот-вот, не за горами. А тут перестройка накатила. Институт дышал на ладан. Мы воевали. Борьба не всегда шла по правилам. Сплошные стрессы. Я не ушла бы никогда, если бы не эта чертова болезнь. Не хотела быть обузой, – безжизненным голосом закончила рассказ Инна.

Лена молча прижала к себе подругу.

– Уезжая к тебе, я спросила Антона: «Что будет со страной?» Он ответил сурово: «То, что она заслуживает, если верить в действие нравственных законов».

Такой вот он, наш Ант. (Антей?) Так мне позволено было его называть, когда мы один на один беседовали и спорили в его кабинете. – На лице Инны появилось лукавое выражение, словно она о чем-то умалчивала. Она выглядела как озорная девчонка, которая не раскрыла подруге тайну, и теперь интригует ее этим.

«Женщина остается женщиной до последнего. Почему бы ей не помечтать и не пофантазировать о радостном, но несбыточном? На земле не найти силы, которая заставила бы тебя раскрыть этот секрет?» – грустно улыбнулась Лена, прекрасно понимая невинную уловку подруги.

– И ты могла в разговорах с ним позволять себе некоторые вольности? – Лена осторожно подвела Инну к возможной откровенности.

– Только в спорах, – серьезно ответил та.

– Кто подал тебе идею устроиться на работу к Антону?

– События часто происходят не по той причине, которую мы видим, а совсем по другой, тайной, никому не известной, – отшутилась Инна.

– В жизни все взаимосвязано. Просто иногда трудно проследить цепочку этих связей, – не согласилась Лена. – Недавно нужно было одной моей знакомой устроить свою дочь на работу. Она хотела обратиться к своему хорошему другу за рекомендацией. А я

посоветовала ей сначала выяснить, крепко ли тот человек сам сидит на своем месте в той организации? Нужен ли ему конкурент? Потому что та девушка была одной с ним специальности. И уже отсюда делать вывод: пойдет ли он просить за нее или наоборот. Потом сама выяснила, что этот начальник учился в одной школе с сестрой моей знакомой и между ними что-то там произошло. Учитывая, скажем так, сложный характер начальника, я сразу предположила отказ. И не ошиблась. Зря знакомая меня не послушала.

«Любит расставлять все точки над «i». Привыкла, как и Антон, держать все нити в своих руках. Наверняка уже давно всё обо мне выяснила, а потом только подтвердила свои расчеты», – подумала Инна.

– Александр насчет тебя удочку к Антону забрасывал? Сознаться. А Антон, прежде чем взять тебя на работу, получил о тебе полную информацию и в личной беседе уточнил ее?

– Да, – коротко ответила Инна.

Последовала внятная пауза.

– ...Я вот тут подумала: для кого я была дороже всех на свете? Кому была интересна?

– Маме, бабушке, племянникам, – заторопилась перечислить Лена, чтобы подруга не направила свои мысли в сторону «любимых» мужчин и не впала в меланхолию.

– ...Потом события в стране приняли неожиданный оборот, и всё полетело к чертям собачьим, – продолжила Инна удрученно, словно умоляя Лену поверить в то, о чем станет рассказывать дальше.

– Ну не так чтобы всё...

– Была травля некоторыми личностями. Слетелись стервятники, почуяв добычу. Ждали своего часа. Их ряды стремительно разрастались. Надеялись без проволочек заполучить лакомый кусок. Были попытки рейдерских захватов и умышленного аннулирования и без того редких заказов и договоров. Институт со всех сторон подвергался нападкам. Нарочно в прессе порочили, требовали сворачивать исследования, заставляли усомниться в перспективах и в людях. Чтобы лишить руководство поддержки, подыскивали штрейкбрехеров. Пытались кое-кого переманить на свою сторону. Почему так поступали? Чтобы потом купить институт дешевле. Считали, что он обречен, а они дают нам небольшую отсрочку. Но народ насмерть стоял, не давал директора в обиду. И выдержал осаду. Меня, к сожалению, тогда уже не было в стенах института. Я надолго вышла из строя. Но я благодарна и Антону, и НИИ за поддержку в трудное для меня время. А институту и сейчас нелегко. Никак не выберется из потенциальной ямы нищеты, хотя многое уже сдвинулось с мертвой точки.

Инна выговорила. Слепящая ярость в ней улеглась. Осталась усталость и головная боль. Она выглядела подавленной, измученной. И вдруг как-то неожиданно резко рухнула на матрас вниз лицом.

Лена перепугалась, засуетилась и, сама неловко повернувшись, со стоном свалилась рядом. Но все обошлось, и через несколько минут обе «старушки» уже посмеивались над собой и своими страхами.

– Теперь, когда, наверное, пик славы Антона остался позади, тебе бы памятник ему поставить и самой стать для него постаментом, – пошутила Лена.

– И стала бы. И лавровый венок ему надела бы.

– Знаю.

Аня беспокойно завопилась на матрасе. Инна насторожилась.

– Уснула никак? Намаялась, – сказала она тихим шепотом. – Не больно швыдка в ночи. Не проснется теперь до утра.

- Швыдка. Так в нашей деревне говорили о шустрых, - тепло вспомнила Лена и задумалась о чем-то приятном.

11

- ...Недавно читаю на досуге одну книгу и чувствую, будто что-то родное овеивает меня, в плен душу берет. Представляешь, второй раз по тексту, по употребляемым словам талантливого писателя-земляка определила. В данном случае землячку. Раньше не знала о ее существовании. Так было приятно!

- Обнажились скрытые механизмы воздействия на чувства? Такова фантастическая лингвистическая сила родного русского языка, - улыбнулась Инна.

Но «хитрость старого Ашира» не удалась. Инна не поддавалась на разговор о литературе.

- Лена, вот ты говорила, что не можешь забыть ощущение того, как Андрей когда-то первый раз руки тебе на плечи положил.

- Желанные руки.

- А я вдруг вспомнила, как Марго мне рассказывала, будто стоило любимому прикоснуться к ней, так она испытывала пронзительную телесную радость и у нее по промежности мурашки бежали. А у тебя?

- По плечам, рукам, ногам... - медленно отвечает Лена, словно вспоминая. - По всему телу эротическая волна пробегала. И под сердцем тепло-тепло становилось.

- Почему по всему?

- Не знаю. Может, потому, что у Марго в молодости физическое обладание и наслаждение на первом месте стояло, а у меня весь организм на ласку откликался. В основном на слова. Для меня важнее была нежность Андрея, его чувство ко мне.

- У меня мурашек не было даже с Вадимом. Только озноб по спине и плечам мне знаком. Но это совсем другое.

- Ты тогда слишком юной была. Тут определенная зрелость чувств нужна.

- А с мужьями почему не появлялись?

- Ты же сама говорила, что не было с ними ни телесного накала, ни высоких сердечных чувств.

- Ну да, ну да, - задумчиво и грустно пробормотала Инна и окунулась в свою то горестную, то смешную одиссею, в отголоски непростых любовных историй своей молодости.

И вдруг спросила совсем тихо:

- И сегодня побежали мурашки от малейшего прикосновения рук любимого?

- Да. И при встрече, и когда прощальные объятия подвели итог воспоминаниям о нашем прошлом.

- Понятно. Невостребованная, нереализованная сексуальная энергия. У меня до сих пор от одной только мысли об Антоне бури эмоций и желаний.

- А если вспомнишь о Вадиме? Если «память пройдет по старым счетам...»

- Теперь испытываю только ясное холодное спокойствие, вызванное давно принятым решением. Не осталось даже искорки от прогоревшего костра детской влюбленности и боли. Пепелище. Что без толку ворошить прошлое? Оно того не стоит, - бросила Инна сурово. И попыталась быстро отвести глаза, надеясь, что подруга не перехватит и не

разгадает ее взгляд, и не поймет, какая борьба идет в ней.

«Только разве от Лены что ускользнет. Всё-то она понимает! Минута копания в моем прошлом и память о чем-то радостном уже тает в ее глазах».

- ...У тебя, принцесса, была яркая запоминающаяся внешность, а у меня тривиальная стандартная: круглая физиономия, пухлые губы, ямочки на щеках.

- Зато обворожительная естественность, милая лучезарность и глаза, что звезды ясные.

- Которые давно погасли.

- Голос неподражаемый, обезоруживающее чувство юмора.

- Я не шучу, просто так разговариваю. Это ситуационный юмор для внутреннего пользования. Он возникает мгновенно, как бы походя, и только при условии хорошего настроения.

- Не в последнюю очередь привлекаешь какой-то непонятной, колдовской, тревожащей и зовущей...

- Попридержи свое воображение. Парни увязывались, но, желая познакомиться, всегда говорили одну и ту же фразу: «Девушка, я где-то вас уже видел». А я злилась и морщилась как от зубной боли: «Тупые, придумать что-либо оригинальное мозгов не хватает!» - Так Лена пыталась отвлечь Инну от грустных воспоминаний о Вадиме.

- Ты принципиально не пользовалась косметикой, игнорировала совет актрисы Гурченко: «Укреплять фасад надо!» Точнее сказать, украшать. И, тем не менее, ты легче, нежели я, завоевывала сердца мужчин. Почему? Завораживала своей личностью? Мужчины быстро поддавали под обаяние твоей естественности и своеобразной простоты?

- Внешностью приманивать - не мой стиль. Но ты бы знала, сколько неприятностей мне приносила моя неистребимо наивная, простоватая физиономия! Меня всегда старались обмануть. До перестройки на мне заканчивались очереди за дефицитом. Люди искренне удивлялись, услышав мое возражение или получив достойный отпор. И только тогда понимали, что я не такая уж простушка, какой кажусь с первого взгляда.

На мою манеру говорить тихо и вежливо отвечали криком и грубостью, отыгрываясь за тех, кому не смогли резко ответить. Приходилось вырабатывать и применять в быту требовательный тон руководящего работника. Он спасал от грубости и наглости. Начальников у нас боятся.

«Кто бы из них знал, какой сложный и прекрасный мир скрывается за этим милым, добрым лицом и какая в ней удивительная детская трогательность! Лена будто никогда не замечала своей привлекательности, не держала себя с самодовольной уверенностью, не считала, что восхищенные взгляды мужчин всегда будут прикованы к ней. Не только из скромности. Ум и обаяние ставила на первое место. - Инна не хотела говорить об этом вслух, стараясь не обнаруживать привязанность к подруге, усиленную долгой разлукой. - Лена умышленно меняет ход моих мыслей, чтобы меня не одолевала их лихорадочно-маниакальная череда? И всегда умела, начав беседу издали, подвести к нужной теме. Только я не каждый раз поддавалась на ее уловки», - тепло подумала о подруге Инна. И поддержала разговор:

- «Твоей заслуги в том, что красивая, нет, и кичиться этим нечего. Гордись тем, чего достигла сама», - направляла меня твоя бабушка и наказывала меньше думать о своей внешности. Интересная она была. Никогда не крестилась - икон я у вас не видела, - а вызывала ощущение святости. Я понимала, не крестилась она, потому что отчима твоего под беду боялась подвести. Он же был партийный.

- «Не внешность главное, надо чтобы внешнее озарялось внутренним светом, - наставляла нас моя любимая учительница. Привлекательность - понятие универсальное, но непостижимое и еще не исследованное», - шутила она.

- Обаяние для тех, кто понимает или хотя бы его чувствует.
- Не ставлю под сомнение! А других мы не воспринимали как претендентов, - улыбнулась Лена.

- ...И все-таки, что бы мы ни надевали - всё нам было к лицу, потому что молодые.
- Наряжаться было не во что. Очень нуждались в средствах, даже на пропитание.
- Но, замороженные неистощимым разнообразием окружающего мира, распахивались наши сердца навстречу друг другу искренне и восторженно. А как по праздникам кутили! Песни пели, танцевали, радовались! Самые светлые моменты уходят быстро и невозвратно. Но в памяти остаются. Теперь молодежь так не умеет веселиться. Топчутся на дискотеках, как стадо овец.
- Но, несмотря на достаточно заурядную внешность, я даже в юности не переживала по этому поводу, не терзалась от собственного несовершенства. Тощая? Мясо нарастет. Недостаточно эрудированна? Нагоню и перегоню городских студентов. Неуверенная? Повзрослею и избавлюсь от этого недостатка. Все от меня зависит. А моих подружек в школе прыщики на лице волновали пуще мировых проблем. Я их успокаивала, мол, они у всех бывают и у нас пройдут. Вот и не уделяла своей персоне много внимания. Некогда было. Хозяйственная нагрузка на мне будь здоров какая висела. В классе по урокам я была в двойке самых сильных. Правда, себя на второе место ставила. Но мы по очереди с Валец друг другу в затылок дышали. В вузе еще на вступительных экзаменах я почувствовала, что мой уровень не уступает городским, даже наоборот. И это для меня было самым важным и ценным. В нашей семье и в школе был высокий уровень требований. У нас не принято было хвалить.
- И было желание и убеждение, мол, я вам всем докажу!
- Нет. Я думала: «Хочу жить и работать в городе, потому что там больше возможностей и перспектив».
- А когда округлилась, не переживала за фигуру?
- Ни капли. Мне тогда уже за пятьдесят было. Я только традиционно шутила: «И почему самое вкусное не件лезно для фигуры и здоровья?»
- И всё духовно-нравственное неестественно. Оно ставит границы и запреты, - засмеялась Инна.
- Вот оно-то как раз и件лезно.
- Кто бы посмел усомниться. Ты всегда исповедовала строгий суровый стиль. Не от хорошей жизни, не от великой радости, - усмеянулась Инна и почему-то замолчала.

- ...Мандельштама вспомнила: «В царстве мертвых не бывает...» - словно очнувшись от кратковременного сна, пробормотала Инна.
- Не надо об этом. Давай Ольгу Берггольц напомним: «Молюсь тебе сурово».
- Себе, - жестко сказала Инна. - Это верующим думается, что каждый день приближает их к небесам. Я спокойно жду своей участи. Настроила себя. А тогда, услышав в первый раз, не могла переварить того, что произошло. Открытой язвой болело сердце. Душевные терзания изводили. Не могла я принять условия игры судьбы, поверить, что дни сочтены. Я с такой силой, с таким отчаянием хотела, чтобы реальность оказалась неправдой, что она и в самом деле на какое-то время отступила, перестала для меня существовать. Все доводы повисали в воздухе. Я, как последняя тупица, думала о себе с презрением и отвращением. И неожиданно почувствовала опустошающее спокойствие. Не стало предсмертного ужаса, было только любопытство: что станет с моей душой потом... Это очень опасное состояние безразличия, вызванное шоком. Последствия бывают трагическими.

- У меня в ту страшную пору такое случалось несчетное количество раз. Оно неотступно, неустанно преследовало меня как возмездие. Казалось, весь мир ополчился против меня, - чтобы отвлечь внимание на себя проговорила Лена. - А потом я сказала себе...

- «Потом» в медицине часто означает «никогда», - довольно резко прервала ее Инна - Но это не про тебя. Знай, на всякий пожарный случай: последние месяцы, как ни настраивайся, будут самыми тяжелыми. Запасись обезболивающими лекарствами на максимум. Но будем надеяться, тебе они не понадобятся. Ты, насколько я поняла, держишь ситуацию под контролем.

«Бедная моя принцесса! Сколько драматических потрясений принесла ей жизнь! И как мало у нее было возможностей от них защититься. Не судьба, а сплошные испытания. Как с юности взяла ее за жабры, так и не отпустила».

- А помнишь, как ангел-хранитель подсказал мне лечить сухую экзему чистотелом? Нет? Иду, бывало, на работу через парк, а меня как магнитом тянет к этим желтым цветам. И я прислушалась к требованию своего организма и на три года оттянула критическую развязку с моим заболеванием. А потом закрутилась, забыла о лечении и была наказана.

- Твой добрый ангел-хранитель внутри тебя. Ленке Пантелееву и любви к чтению скажи спасибо.

- И скажу. Но ведь почему-то память выдала мне именно эту информацию.

- Атавизм сработал. Оставил тебе собачью способность к самолечению, - рассмеялась Инна.

- Боль - главная защитная реакция живого организма, - сказала Лена.

- Охотно допускаю. Только не в моем случае.

Один человек тяжело болен, но терпит, помалкивает, а другой чуть что - плачется, ищет сочувствия, требует внимания. Некоторые вовсе не больны, но имитируют болезни, чтобы облегчить себе жизнь за счет других. А мы с тобой партизанки, - с оттенком неожиданной скромной гордости сказала Инна и вдруг резко замолчала.

Неестественно спокойное лицо подруги подсказывало Лене, что та нуждается в помощи.

Лене вдруг сделалось стыло и неудобно. Такое случалось с ней в детстве, в деревне на сиротливом печальном осеннем огороде после уборки всех овощей. На душе становилось то взъерошено, растрепано, то пустынно. В ушах слышалось тихое курлыканье - печальный журавлиный стон. Перед полуприкрытыми веками красиво вышитым узором, косой цепочкой, по сини небесной пролетала удаляющаяся стая прекрасных птиц...

Инна встрепенулась.

- Знаешь, я загадала: если завтра будет солнечный день, все у нас с тобой сложится хорошо, - пробормотала она и опять замолчала, словно отгородилась от подруги своим нестерпимым горем.

- Я то же самое чувствую. У меня те же внутренние ассоциации.

- Я рада, - выдохнула Инна.

- Я хочу тебе хоть чем-то помочь не столько потому, что ты страдаешь, сколько потому, что ты не заслуживаешь этих мучений, - прошептала Лена. - Марк Аврелий писал: «Боль есть представление о боли». (Зачем о ней говорить?) Насколько это верно - не знаю. Я только сейчас вспомнила эту фразу. Надо бы исследовать эту проблему. Наверное, он имел в виду не чувствительность индивида, а его яркое воображение.

- Я всеми способами пытаюсь отвлечься от боли. Надолго меня не хватает. Одолела она меня. Это же пытка. За что расплачиваюсь? Когда боль нестерпима, я теряю чувство времени. Мне кажется, что прошла целая вечность и я уже ухожу туда... Трепещет в панике душа... Ох эта жуткая предательская мысль... И представляются нелепыми

напасти предыдущих лет.

- По сравнению со смертью ничего не страшно.

Аврелий был философ, теоретик. Моя бабушка только когда теряла сознание от боли, начинала кричать. Волевая была. Жалела нас, терпела, пока хватало физических сил, - глухо проговорила Лена и добавила очень спокойно:

- В нашем возрасте здоровье мало у кого хорошее.

«Отвлекает меня разговорами», - подтекстом мелькнула в сознании Инны грустно-приятная мысль.

- Да уж, редко кто этим может похвалиться, - она дернула плечами. - У всех приличный реестр болячек: суставы заизвесткованные и зашлакованные даже у тех, кто заботился о себе с величайшим тщением, сердце, нервы. И что теперь рыться в их причинах. А в детстве мы почти не болели. Ну, если только кашляли, наевшись снега или сосулек. Все в семье лечились нутряным салом, медом и травами. Таблетки употребляли лишь в экстренном случае, когда температура подскакивала за тридцать девять.

- Как-то звоню начальнику, мол, не смогу прийти на работу, подарок себе преподнесла к юбилею: еще одну болячку. И по тому, как я со смехом выдала это известие, он понял, что мне не до шуток и срочно на неделю отменил все мои занятия. С ногами были проблемы. Пришлось даже купить себе фасонно-резную тросточку на случай непредвиденных болей в коленях. Шеф испугался, что потребуются немедленная госпитализация.

- Может, у тебя подагра - болезнь гениальных людей?

- Люблю тебя за острые шутки.

- Нервы - главная причина почти всех болезней, - раздумчиво сказала Инна. - Люди по большей части болеют от несоответствия между своим внутренним миром и внешним, от отсутствия между ними гармонии, когда нечем остудить и смягчить душевные муки. Душа человека изначально настроена на абсолютную правду, и с нею надо постоянно сверять свои помыслы и деяния. Нельзя позволять, чтобы душа замолчала...

- Как ты успокаиваешь расхоронившиеся нервы? - прервала философские рассуждения подруги Лена.

- До изнеможения листаю альбомы с репродукциями великих художников. Ты же знаешь, у меня их целая библиотека. При Советах могла себе позволить покупать.

- А меня сейчас больше очаровывает то, что создано Творцом, - природа. Ее красота - мое прибежище. Во всем ее ищу. Улавливаю вокруг себя малейшие отзвуки и отсветы прекрасного. В декабре попала под град. Редкое явление в эту пору. Темные, похожие на грозовые, облака неравномерно сеяли горошины льда, будто пригоршнями швыряли их в лицо, за воротник. Я пришла в восторг! У меня мгновенно поднялось настроение. Я пришла домой возбужденная, полная сил, счастливая!

Инна ловит ртом воздух. Непроизвольная, неконтролируемая, страшная кривая улыбка передергивает ее лицо. Лена пугается. Подруга жестом - слабым пожатием руки - успокаивает ее. Лицо и шея Инны покрываются испариной. Она на несколько секунд теряет сознание. На миг нереальная костистость ее измученного лица показалась Лене предсмертной. «У страха глаза велики», - напоминает она себе. Теперь Лена слышит сдавленный всхлип и немного успокаивается: «Слава Всевышнему, жива».

Инна, неловко и беспомощно загребая руками, пытается повернуться на правый бок, чтобы дотянуться до очередной таблетки. Лена протягивает лекарство, осторожно промокает краем простыни капельки влаги на открытых частях рук подруги и замечает, что ее ночная рубашка прилипла к спине. «Сейчас ее начнет знобить». Она укутывает подругу своим одеялом. Инна слабо, одними уголками губ улыбается Лене. Ее улыбка вбирает в себя всё. Она выражает благодарность и обожание, страх и боль. Подруга отвечает ей тем же. Это мгновенное понимание, приходящее как чувство, как ощущение.

Лена успокаивается, ложится рядом и пытается удобно пристроить свои больные ноги на валик подвернутого матраса.

«Переутомилась, бедная. Днем я не заметила у нее морщинок под глазами. Они множат усталость ее лица, но не добавляют ей лет», – оценила Лена внешний вид подруги после приступа.

– Не передать, как мне бывает плохо. И тогда корабль моего воображения то тонет, попадая в черную пучину страха, то выныривает, и я по глупости поддаюсь вере. Превозмогая себя, надеюсь на невозможное, на непостижимое. Но жизнь словно по капле уходит из меня. И я вспоминаю твои полусуточные, но очень точные слова: «Истекают силы в сторону могилы». Они у меня на исходе. А врач еще в первом случае считал, что уже ни о каком выздоровлении речи не могло идти. Но ведь выжила! Накатила была беда, напугала да и отступила, отхлынула. И тому, видно, была веская причина.

Инна натужно улыбнулась. У Лены отлегло от сердца: верит!

– Успокойся, сбавь обороты волнений. «Кому жить – не тронет, кому умереть – не минет», – припомнила Лена слова дяди последнего российского царя.

– Ты о пуле – о причине – или о самой болезни? – с горькой усмешкой уточнила Инна. – У меня до сих пор все внутри переворачивается, когда достаю из глубины памяти те жуткие месяцы, проведенные в больнице во второй раз. Это когда я, вылечившись, назло судьбе выскочила замуж за молодого красавца.

– Как же! Сходила замуж. То был первый несуразный признак возвращения тебя к жизни, – рассмеялась Лена. – Я была счастливо потрясена.

– Последнее время часто вижу себя во сне молодой и роскошной, – каким-то чужим голосом сказала Инна.

– Королевой красоты?

– Какая там королева, так... Ты ведь тоже до пятидесяти лет была стройной, изящной.

– А теперь вот от лекарств меня разнесло. Гормоны в больнице кололи. А тебе они не испортили обмен веществ.

– От былой стати не осталось и следа. Улетучилась. Совсем другой стала. Зато жива.

– Но ты с ужасом поняла... Да ладно, не отнекивайся. Сначала деформируется тело, потом мозги. Надеюсь, мы пока находимся на первой стадии старения, – пошутила Лена.

– Помню, Антон о тебе говорил: «Когда смотришь в ее глаза, больше ничего не замечаешь. Вроде и не очень смазливая, но есть в ней какая-то притягательность». Наверное, и сейчас еще мужчины не проходят мимо, чтобы не оглянуться?

– Хватит тебе, – укоряет подругу Лена. – Не оглядываются. С моим-то здоровьем... Задыхаюсь по ночам. Утром встаю невыспавшаяся, словно утомленная сном, сама себе противная. Прошли те времена, когда сделаешь что-то доброе, полезное и спишь сном праведника. А теперь только проваливаюсь в подобие сна. И снится что-то несвязное, несуразное.

– А хотела бы, чтобы о существенном и по существу? – усмехается Инна. – Ничего, всё выдержишь. Характера тебе не занимать.

– Какой там... – только и ответила.

– Инна, кто был твоей первой детской влюбленностью? – неожиданно спросила Лена. – Я не о Вадиме.

– Огненно-рыжий десятиклассник. В пятом классе я за ним хвостиком ходила. Забыла?

– А моей – артист Виктор Иванович Коршунов. Он пробудил меня. Мне было одиннадцать

лет. Это было трепетное, очень осторожное чувство. Я не сознавала, что это влюбленность. Я еще не понимала, что такое мужское обаяние, но почувствовала его. Оно меня трогало, может, даже немного пугало, удивляло. Я оберегала свое чувство от постороннего вмешательства. Сколь малым довольствуется первая влюбленность! Она ничего не требует. О, это прекрасное чистое обожание!

- Я не надеялась на взаимность с Рыжим. Душа и без того была переполнена счастьем. Я только хотела, чтобы это чувство не прекращалось. Но прошел год с тех пор, как он уехал, и мое чувство угасло. Потом еще увлеклась. Тот тоже был красивый. Но уже не было той пылкости. Это было что-то другое, задумчиво-осмысленное. Кто-то сказал, что умение ценить красоту - непреложный признак любви. А я считаю - влюбленности. Потом мне опять понравился старшеклассник. Я презирала себя за их череду. О, это сокрушительное и сладостное чувство, вызывающее к жизни бурю переживаний! Но ты твердо знала, что романтические девочки - легкая добыча подлецов и ловеласов.

- Моя романтическая влюбчивость предназначалась только широко известным недосыгаемым персонам. И это было моим спасением.

«Рассказала о Коршунове затем, чтобы опять начать укреплять меня в моей вере? Удостоила чести, услужила. Она не сообщила мне чего-то такого, чего бы я сама не знала. Что ни говори, как ни успокаивай, уже ничего не поправить», - тяжело подумала Инна о своем... А вслух сказала:

- Там, перед Богом, мы все равны: худые и толстые, красивые и страшенькие, умные и глупые, любившие и ненавидевшие (*Инна - и о Боге?..*)

Опять наступило тягостное молчание. Лена не решалась его прервать. Инна повернулась на спину, заложила руки под голову и прикрыла веки. Но вскоре сама нарушила уважительную к своему замечанию тишину:

- В преддверии мы становимся мудрее и печальнее. Мудрость - как бы взгляд из гроба. Я бы...

Она не закончила фразы, потому что этого не требовалось.

- Еще совсем недавно во снах я видела огромные яркие картины-панорамы о своей жизни. Воспоминания рисовались удивительным мастером - воображением. Их не смог бы живую повторить даже гениальный художник. А теперь череда снов - как похоронные процессии. Я погружаюсь в черный туннель, в глубине которого, как в чреве спящего гигантского чудовища, исчезает моя прежняя жизнь. В нем, как в далеком детстве, в безумной ярости трясутся и качаются тополя. Часто вижу тучи черных и красно-оранжевых лепестков вокруг закатного солнца. Они широкой траурной каймой плывут по небу очень медленно и торжественно. Они хоронят уходящие скорбные дни и меня. Душа тоской объята. Воображение, покинутое разумом, тоже рождает чудовищ. Я боюсь больше не увидеть рассвета, цветущих садов, не получить эмоциональный заряд от хорошей книги или картины-подлинника, не узнать то, что находится на пороге зрения. Уже не прикоснуться мне...

- Моей маме, когда она сильно болела, всё гробы снились. После этого она еще двадцать лет прожила, - сказала Лена.

- Недавно прохладно-шелковое бело-розовое трепещущее полотно зарницы во сне увидела. Подумала: это жизнь и смерть во мне борются. Ледяной судорогой свело грудь. Помнишь, как алым шелком полоскались языки пламени нашего с тобой первого костра в низине реки Крепны, там, где она с Сеймом сливается? Глаз было не оторвать.

- Еще бы не помнить, - изменившимся голосом сказала Лена. В нем совсем не было восторга.

- Сгораю я в его пламени, в пламени любви к жизни.

Инна замолчала. Лена уткнулась в ее плечо. Комок горечи подкатил к горлу. Она понимала, что Инну периодически охватывает жестокая тоска. И сейчас ей нужно только одно - чтобы ее успокаивали, отвлекали, жалели, не перечили и вспоминали радостное. И она повела разговор о детстве.

- А помнишь, как в детстве мы плакали и смеялись от радости встреч? Стремительно срывались с места и, взявшись за руки, неслись, неслись, куда глаза глядят, - сказала Лена.

- За село. Коровушек своих встречать с луга. Без дела меня не отпускали. Мелькали хаты, люди. Была б моя воля, я бы не останавливалась. Ты дикой козочкой перепрыгивала через кусты и канавы.

- А ты с опасной гибкостью змеи огибала их. То было настоящее счастье! Гасилось раздражение, плохое настроение улетучивалось с космической скоростью. Разрядившись, возвращались домой с чинной неторопливостью.

- Редкие, недолгие минуты счастья.

- Человек без дружбы и любви, что кувшин без дна, - сказала Лена.

- Память об этих минутах иногда, когда случалась душевная боль запредельной силы без надежды на облегчение, удерживала меня на краю от последнего губительного шага. Внезапно наступало ощущение полноты и целостности жизни. Вялость и равнодушие, гнездившиеся в душе, улетучивались, появлялась надежда, что еще на что-то хорошее гожусь.

- Для большинства детей детство - время больших надежд и безоглядного доверия к миру.

- И сумасбродства. Как я его любила!

- Я наше село люблю. И деревенских людей. Бывало, увижу древнюю старушку - а в ее глазах детская чистота, безмерная доброта, мудрость, бездонная печаль - и плакать хочется. У нее была тяжкая жизнь, а она человеком осталась. Рада, что теперь, несмотря на массу проблем, благодаря электричеству, дорогам, транспорту и современным сельхозмашинам старики живут много легче. Природа вокруг прекрасная, а жизнь не всегда, не всех и не всем радовала.

Я сейчас почувствовала стойкий прогорклый затхлый запах нашей деревенской кладовой. Там у бабушки всегда на случай войны стояли мешки с зерном, разными крупами и мукой.

- И в нашей кладовке тоже. Там еще хранился огромный ящик с солью и хорошо упакованный короб со спичками.

- Ты про сухари забыла. Бабушка очень боялась голода. Она столько пережила за свою жизнь! Дед сочувственно говорил, что угодила она во все кровавые переделки двадцатого века. И я с детства не люблю, когда в доме мало еды, особенно если хлеба в обрез.

До сих пор меня волнует запах свежее испеченного хлеба. Бабушка говорила, что хлеб в войну был важен наравне с оружием. Она медаль за труд тогда получила. Лучшая была в области. Сама вкалывала и умела людей ценить за полную самоотдачу. И мне внушила, что главное - хорошо выполнять дело, за которое взялся, что в этом первейшая нравственность для человека. Именно она влечет за собой остальные положительные качества. И я трудовое воспитание - умственное и физическое - считаю необходимым в становлении личности. Знаешь, я замечаю, что даже на кухне во время приготовления еды испытываю удовольствие от быстрых и четких движений своих рук, - улыбнулась Лена.

- Скрытым мотивом твоего трудолюбия всегда была радость от удачно проделанной работы.

- Получается, так.

- И почему я последнее время все чаще вспоминаю детство? К своим корням тянет? Но отчего в память врезаются нелепые глупые мелочи?

- Наверное, тогда они нам были очень важны. Воспоминания о детстве успокаивают, особенно если его пространство соткано из света и яркого цвета.

- У тебя оно было из серого тумана.

- И все же это было детство. И у тебя оно не многим лучше.

- Не скажи.

- Счастливые дети живут настоящим, а я, маленькой, наполнилась мечтами о будущем. А в школьные годы солнечные лучики счастья чаще проглядывали. Помнишь, сады в цвету по весне, вишни обсыпные летом, лес в золоте по осени, кратковременные, но такие радостные грибные набег, - улыбнулась Лена.

- Детство ушло с безжалостной неотвратимостью.

- Детские беды умчались, осталось ощущение счастья. А студенчество? Помнишь, как колобродили всю первую в городе новогоднюю ночь? Мы - независимые, самостоятельные! Что может быть лучше!

- И голодные.

- Ну и что с того? Все равно студенчество было прекрасно! В политехе говаривали: «Сдал начерталку - можешь влюбиться; сдал сопромат - можешь жениться». А у нас то же самое восклицали про статфизику и квантовую. И на всё про всё давался год!

Мысли Инны опять приняли определенное четкое направление.

- Детство накладывает отпечаток на всю жизнь. Оно как бы ведет, - задумчиво пробормотала она. И вдруг улыбнулась:

- Какие глупые были! Помнишь, мера у нас такая была: как далеко кто-то или что-то находится от Москвы. Все относительно столицы определяли. И вдруг оказалось, что нам до Парижа и даже до Лондона много ближе, чем до Владивостока! Это ошеломило. Нестерпимо стыдно стало за бедность и убогость своих знаний. Это заставило учиться.

- А мне в раннем детстве, в детдоме, казалось, что за горизонтом начинается настоящая жизнь. Надо только идти, идти и достигнешь мечты. И я попробовала, но очень скоро поняла, что чем дальше идешь, тем счастье дальше отодвигается. Экспериментатор вшивый!

- В натуре вшивый. Так зародились в тебе зачатки пессимизма, - рассмеялась Инна, довольная вовремя пришедшей ей в голову мыслью продолжить разговор о детстве, то есть переходом к «безопасной» теме.

А на Лену опять нахлынули воспоминания о бабушке. «И что это она у меня сегодня из головы не идет?»

- Досталось бедной. Девчонкой батрачила у жестокого помещика, потом революция, гражданская война мордовала, голодовки. Ишачила в колхозе за гроши ради великого будущего, потом Отечественная война, гибель близких, и опять же голодовки. Двух детей одна поднимала. Всё шутила: «Я и баба, и мужик...» А твоя бабушка четверых растила.

- И ты такая же: с сознанием принесенной жертвы, возвышающей тебя. А хитрые люди злоупотребляли твоей добротой.

- Помню только бабушке присущее особенное тепло. Ее стараниями я во многом стала человеком. Собственно, она не поучала, а предоставляла возможность у нее учиться тем, кто жил рядом с ней. Была совестью семьи. Бабушка с девятисотого года. Все перипетии

двадцатого века на себя примерила и вынесла. Хлебнула горя. В старости очень уставала, бывало, говорила вечером, что «рада местушку». Ног на постель поднять не могла. Я разотру ей больные ступни вонючим лекарством, теплыми портянками спеленаю... А она мне со слезливой старческой трогательностью в голосе: «Не гнушаешься, спаси тебя Господь. Доброй душой человек видит больше, чем глазами». А было ей чуть за пятьдесят.

Я как могла пыталась избавить бабушку от домашних забот, но у меня еще школа была. Когда ей было особенно трудно ходить, я, сославшись на отсутствие уроков, торопилась во двор. Если она болела, мне не хотелось вольничать, я как-то притихала внутри себя. За уроки не садилась, пока не удостоверюсь, что все, намеченное бабушкой на день, переделала. О чтении художественной литературы и речи не могло быть.

Как сейчас помню... Зима. Бабушка стоит, привалившись спиной к горячей печке. На загнетке чугунок в ряд. Зубастый уют тут же пристроился. Не нравился он мне тем, что угольки, высыпаясь из прорезей, рубашки пачкали. Для глажки постельного белья и полотенец я предпочитала рубель – резную, волнистую доску. На грубке (плите) кулеш бурлит. Бабушка замерла на месте, не шелохнется. Глаза влажные внутрь себя смотрят, хотя направлены в темное окно. Лицо расслаблено. Я знаю, о пропавшем на войне сыне с тоскливой безнадежностью думает. Опомнившись, вздрагивает, опускает голову долу, к чугунок. Слабо кипит. Пошерудит кочергой в поддувале и опять замирает...

Вся в работу уходила. Может, от горьких дум не могла сидеть, сложа руки. Бывало, уже поздно, а она заслонку печи открывает, золу выгребают, начинает под (*пол в печи*) подметать, тесто творить, чтобы завтра хлеб печь. А сама все думает, думает. И я с ней. А поутру затеплит свечу, если керосина в очереди не досталось, и за дрова берется. На улице еще темень, а в печи красный огонь. И сразу уютно. А бабушка мне: «Детка, придремни еще чуток. Утренний сон сладок. Не волнуйся, разбужу, когда надо будет помочь». И топчется одна, пока ноги держат. С бабушкой я забывала, что «попыню пахнет хлеб чужой», хлеб иждивенца.

- Я уже не помню, что такое сладкий утренний сон, - вздохнула Инна.

- Жалела меня бабушка. А кто ее жалел, много ли у нее в жизни было радости? Только в раннем детстве, пока родители были живы. Вера, церковь, духовные песнопения ее радовали. В них ее умиление до чистых слез, уют в душе, покой и сладость. Нам этого не понять. У нас книги были, много разной музыки по радио. До сих пор тоскую по бабушке, вспоминаю с бесконечной смиренной благодарностью, переполняясь нежностью. Зря я видела ее перед кончиной страшной, как сама смерть. Такой она и приходит ко мне во снах. И тогда я утром встаю измученная. А если она снится красивой и доброй, то словно как неуловимая тень проплывает. И я опять грущу, чувствую себя беспокойной.

- Не премини добавить: несчастной, - сказала Инна со странной интонацией.

- Достойно прожить можно только двигаясь вперед, но, чтобы понять свою жизнь, иногда надо оглядываться назад. Если бы было в нашей власти вернуть время молодости и хорошие добрые дела давно минувших лет! Ты в детстве не думала о самоубийстве? - неожиданно спросила Инна.

- Никогда. Всегда представляла себе: вот вырасту и всем докажу, что я хорошая. Мне кажется, в детской психике нет понятия конца жизни. Дети об этом не думают или очень быстро забывают, пока их на это опять специально или нечаянно не натолкнут. А вот в юности...

Любила ли я жизнь в пять-десять лет? Нет. У меня еще было слишком мало счастья, чтобы ее полюбить. Но жалко было бы не увидеть неба, весеннего пробуждения природы, не погулять по осеннему лесу. Мне хотелось чувствовать себя частичкой этого прекрасного мира, превратиться в звездочку, в снежинку, в теплый лучик. Осмысленно понять, любишь ли жизнь или нет, можно только под угрозой ее потери. До десяти лет я точно не боялась умереть. В шесть лет я говорила себе: «Утону. Ну и что? Зачем мне такая жизнь? Умру и что из того? Плакать по мне некому». Но меня спасал врожденный инстинкт самосохранения. Он заставлял бороться за жизнь и остерегал от глупых поступков. А вот когда меня в одиннадцать лет затянуло в трясину, и я чуть не погибла,

то впервые всерьез испугалась смерти.

Инна, может, я в детстве не воспринимала радостное? Даже книги любила в основном грустные.

- Радости тоже надо учиться. Детство – это не возраст, а состояние души. Когда мы с тобой познакомились, у тебя была душа старушки, склонной к меланхолии и воображению. А наш светлый Пушкин писал: «Блажен, кто смолоду был молод!»

- Знать, ему повезло. А может, наоборот, потому и понимал.

- Он гений. Не на собственной шкуре, умом до всего доходил.

- Гений не только видит то, что другим не дано, он еще это может передать другим, преобразовав увиденное и понятое в прекрасную музыку, в высокие слова, в великую теорию.

- И ты, отверженная, с клеймом детдомовца, рано задумалась над тем, как устроен мир людей, что от него можно ожидать и каков был Божий замысел на твой счет. Долго ты была зверьком, неулыбой. Радость не умела выражать. Приучалась к ней с недоверием, осторожно приюхиваясь, приглядываясь. Потихоньку, по крохам копила ее в сердце, пока она не расцвела любовью к жизни, к людям. Ты осознала, что мир не рухнет, устоит, если с тобой произойдет что-то нехорошее. А чтобы этого не случилось, ты должна сама за себя бороться, обязана кем-то стать, состояться назло тем, кто в тебя не верил или мешал. Поняла, что не мстить должна, а делать что-то хорошее, полезное, в полной уверенности в своей правоте должна стараться подняться над тем, что замечала в себе плохого.

«О своих чувствах говорит», – подумала Лена.

- Помню, во втором детдоме мне понравилось. Во-первых – город. Во-вторых, другая жизнь, новые лица, сильные впечатления. Там я поняла, что любознательна и что это хорошо. Лет до десяти я была созерцательна. Наверное, потому что много боялась. Люди меня интересовали больше всего. Я изучала их, чтобы знать, чего от них можно ожидать, потому что именно от них всегда исходила опасность. Природа радовала даже в грозу и метель. Люди часто огорчали. Я постоянно была занята своими размышлениями, все думала, думала...

- В твоём детстве не было сказки о добром Дедушке Морозе и прекрасных феях.

- Зато потом допоздна засиживалась за сказками Андерсена, – улыбнулась Лена.

- Искала в них радость, а они были тревожные, грустные, притчевые. Надолго ты в них застряла. Там была описана вся твоя жизнь. А вот сказку о большом и маленьком Клаусе ты так и не сумела переработать в своем сознании. Маленького жалела, оплакивала, а от больших и реальных «клаусов» всю жизнь безысходно страдала. И всё из-за преследующей тебя вопиющей несправедливости и по причине твоей бесконечной доброты.

...Так и стоишь перед моими глазами: девятилетняя, тоненькая, печальная. Взгляд мягкий, непритязательный, не затуманенный сознанием осознания, не опороченный пошлым знанием – сама невинность. Взгляд ангела, Богородицы с иконы. И было странное ожидание увидеть за твоей спиной крылышки, очерк церкви или хотя бы свет от креста. А иногда, без тени сомнений – в нем было зримое постижение мира. И ты казалась мне много старше. Случалось, что пугало застывшее диковатое одиночество в глазах и недетская безысходная тоска. А другой раз по тебе вообще ничего нельзя было понять. И на первой твоей фотографии, на той, где ты с дедом, любопытство в глазах не перебивает печаль...

Потом были годы внутреннего умственного роста. А после вуза надо было выбирать: быть или не быть, приспособливаться или жить достойно.

- Не распаяйся, а то закипишь и взорвешься. Могу и отвалтузить, несмотря на твои заслуги перед обществом. – Лена шутливо и ласково притянула к себе подругу. – А первую в жизни куклу мне на Восьмое марта наши ребята на первом курсе подарили. У меня – слезы из глаз. Они заволновались, успокаивать стали. Какие хорошие мальчишки!

Какая душевная дружеская студенческая спайка!

И она просияла неожиданно яркой, давно забытой улыбкой.

- Потом мы всей группой в парк пошли. Там воробьи целыми стаями как странные цветы на кустах висели. Стоял яркий теплый безветренный день. Мы бродили такие счастливые! Я в шутку восторженно восклицала: «Смирите свою гордыню перед величием Природы, встаньте на колени!» И мальчишки с хохотом припадали.

По лицу Инны бродила счастливая улыбка.

- Вот ты говорила, что друг тот, кто не бросит в беде. В беде не посочувствует только самая последняя дрянь, а для меня друг - кто разделит радость моего успеха, не позавидует, не подгадит, не станет ревновать к удаче. Друг тот, кто помогает по доброте душевной, не выгадывая для себя пользы. Был у меня один, помогал, но делал при этом широкие жесты: вот, мол, я какой хороший! На свой имидж работал.

- Ты уехала в Москву, а преподаватели говорили нам: «Вот если бы все учились, как Лена». Долго ставили в пример.

- Мне рассказывали, что наши школьные учителя каждому новому набору учащихся говорили, что наш класс был особенным, может быть, даже самым лучшим за историю школы. Третий класса - медалисты.

- ...Но было между нами и другое. Я поведала тебе, что впервые увидела прекрасную мужскую наготу, насквозь прошибающую... И к черту годы примерного поведения, ханжеской стыдливости! А ты разозлилась. Не поняла. Не доросла, не созрела до понимания. Но была права, отговаривая.

Инна, глядя на черное ночное окно, задумалась. Что она пыталась увидеть на этом импровизированном экране?

Лена отвлеклась от воспоминаний юности и снова мыслями вернулась к своему любимому, безгрешному для нее человеку.

- Всю жизнь и в радости, и в горе бабушку вспоминаю. Слова ее всегда безошибочно в цель попадали и огнем жгли, если я была виновата. Мы остро чувствовали друг друга. Ты знаешь, ей всегда хотелось поскорее простить меня.

- Да, бабушка у тебя была что надо. Бережно тебя взращивала. Щадила.

- И предчувствуя свой последний час, она меня позвала. Я была за пятьсот километров, но «услышала» ее сердцем и приехала. А она, ощущая приближение смерти, надела то самое платье, что я для нее сшила еще в шестом классе. Берегла его, только по праздникам носила. Хотела меня в нем встретить. В нем и ушла из жизни. В ушах так и стоят ее жуткие вопли. Тяжело покидала земной «рай», а все равно цеплялась.

Неуверенная мысль мелькнула у Лены: «Зачем я всё о своей бабушке Инне рассказываю? Не выходит она у меня из головы». Но все равно продолжила:

- Помню, читала я «Детство» и «Отрочество» Льва Толстого и не соглашалась с его строками о том, что не жалко умирающей бабушки, мол, о себе ребенок больше думает. Я такое не могла бы написать. Даже подумать о таком была не способна. Это особенность моего характера? Чувство любви и жалости к бабушке всегда побеждало во мне все остальные, самые заветные желания. Может, Лев Толстой был тогда слишком маленьким, чтобы чувствовать любовь?

- Эгоизма в тебе с детства не было ни на толику. Бабушку ты любила больше себя. И злости ты была начисто лишена, вероломство тебя шокировало. Помню, ревела: «Я его, гада, выручила, а он меня тут же подставил и выдал!». Орала: «Почему торжествует наглая, грубая, подлая сила и ложь?»

- И ты вместе со мной плакала. Душа твоя всегда была чуткая и нежная. А насчет эгоизма ты права. Еще в первом детдоме наперекор всему плохому у меня возникало

желание быть доброй к людям, особенно к обездоленным. Оно, наверное, пробудилось из чувства чистой радости от собственной бескорыстной щедрости, когда делилась последним, когда припрятывала корочку хлеба, чтобы порадовать друга, вместе погрызть ее, ощущая при этом незабываемую душевную близость, наполняясь счастьем. Позже я долго об этом размышляла, а тогда просто радовала и радовалась.

И в бабушке я любила то, что, столкнувшись с любой проблемой, она стремилась решать ее с любовью, без ожесточения. А повзрослев, я как-то услышала интересную фразу: «Только любовь может превратить поражение в триумф». Наверное, я понимала эти слова как-то по-особенному остро.

«Лена редко кого допускает в глубинные тайны своего сердца. Скорее с природой поделится, молча взирая на небо или воду. Только со мной могла разговариваться. Ах ты, друг мой сердечный, серебристая головушка! Как ты мне бесконечно близка, дорога и понятна!»

Инна слушала подругу с жадным интересом, и печальная нежность переполняла ее усталую душу.

А Лена незаметно для себя стала придремывать. Слова и мысли ее уже не совпадали и будто переплетались. И речь подруги расплывалась, перемешивалась, теряла смысл.

- ...Было моей второй бабушке восемьдесят пять. Я слышала, что женщине не принято напоминать об ее возрасте. И когда учительница спросила, я ступевалась. Она сразу поняла, в чем дело, и рассмеялась: «В ее годы уже можно гордиться своим возрастом». Не скоро я осознала слова педагога.

- ...Когда много братьев и сестер, потребность в друзьях, наверное, не так велика.

- Может быть, если семья дружная. И все равно для своих исповедей выбирают кого-то одного, - заметила Лена.

- ...Помню нашего соседа маленьким. Напялит дедову ушанку, нос из шарфа чуть торчит. Ни дать ни взять старичок-боровичок. Веселый такой, заводной был. Какой он теперь? Наверное, постарел, раздобрел, полысел, обзавелся очками.

- Насчет того, что раздобрел - очень даже сомневаюсь. Сельские мужики в основном поджарые.

- Были.

- ...Тамару, что на выселках жила, не забыла? Ушла из жизни.

- Такая была спокойная, здоровая.

13

- Сердце что-то защемило. Мне необходимо повидаться с родней. Хоть седьмая вода на киселе, а тянет. Старички, наверное, теперь совсем дряхлые, согнутые, и хаты их скособооченные, трухлявые. Ведь сразу после войны строили из того, что было под рукой. Очутиться бы в данный момент в деревне, как по мановению волшебной палочки, зачерпнуть пригоршней ледяной воды из нашей криницы, что у моста. Помнишь, мы ее всегда укрывали ивовыми ветвями от посторонних недобрых глаз. Увидеть бы свой старый, до боли родной дом, где хорошо мечталось. Сесть бы в самодельный деревянный шезлонг, расслабиться и словно растечься в нем, выбирая удобное положение.

А еще найти бы на книжной полке печального Андерсена, взять в руки таких любимых «Тома Сойера» и Виталия Бианки. Помнится, читая что-то из этого, я вдруг подумала, что книжный мир много богаче, чем тот, который меня непосредственно окружает. А может, я не умела замечать. И в тот момент я почему-то многое в тебе поняла. И именно

тогда между нами возникла невообразимая общность, которую мы делили только друг с другом. А книжки о счастливом советском детстве казались тебе удивительно пресными и наивными. Даже «Тимур и его команда» не увлекла, потому что у детей там была не жизнь, а веселая игра. И ты думала: «Вот вырасту, так уж я-то напишу настоящую, честную книжку!»

...Походить бы по-за дворами, по дорогим сердцу местам, заглянуть в добрые лица старых односельчан, осмотреть парадные довоенные портреты на стенах их хат, написанные заезжим художником, их военные и послевоенные фотографии – молчаливые свидетели их жизни. Улыбаются окаменевшим от напряжения физиономиям, с остекленевшими от ожидания глазами. Как же! «Птичка вылетит». Как всё это, оказывается, мне дорого! Потом облюбовать тихое местечко и смотреть, смотреть на ненавязчивые краски родной природы, впитывать запахи, чувствовать беспрепятственно перетекающие от нее ко мне положительные флюиды и вспоминать только хорошее, чтобы на меня снизошел вселенский покой.

– Можно подумать, ты застала нашу деревню в пору ее первозданности и невинности, – пошутила Лена.

– Ах, милое сумасбродное детство и ненасытное буйство юности! Почему даже для городских детей самая захудалая деревня остается в памяти прекрасным раем? Природа? Вольная жизнь? Когда я последний раз навевывалась в деревню, по штукатурке стен нашей хаты змеились трещины, остатки краски и труха осыпались с иссохших выветренных рам окошек. Фундамент прогнулся и как бы выдавился вперед под тяжестью стареющего сруба. Там уже никто не жил. Двери были заколочены. Мне показалось, что музыка деревни исчезла. Не стерта еще с лица земли наша деревенька?

– Жива, стоит, нас с тобой дожидается. Так и вижу: идешь ты по деревне с особой невозмутимостью, с подлинным, естественным достоинством деревенской, одинокой самостоятельной женщины, – с насмешливым благодушием рассмеялась Лена.

Переполненная ностальгией, Инна не обратила внимания на шутку.

– Я вот подумываю иногда: не устроить ли нам... Давай так поступим: «махнем не глядя» туда, где осталось наше детство?! А то я всё со дня на день откладываю.

– Не вижу причин, препятствующих поездке. Я пламенный сторонник путешествий в светлое прошлое. Только имей в виду, через столько лет ты согласишься на родную деревню уже другими глазами. Не жди прежних чувств.

– Хочу проститься и тем покончить с долгами прошлому. Я впервые за много лет сознательно вернусь в место, определившее весь ход моей взрослой жизни! Детские мечты – это такой феерический манок! Там от горечи разочарований сводило скулы, а от радости разрывало сердце. Бывает у тебя такое, когда кажется, что...

– Причем здесь подсознание и потусторонние силы? Не кисни, давай сразу после сабантуя вместе отправимся в деревню. Едем к родным березкам! Все возражения категорично отметаю. Я перед Андрейкой побывала там и будто душу излечила. Родная деревня – она как некое духовное средоточие. Меня потом надолго хватало. Может, она и плоть твою восстановит. Помнишь маму Толика Таболина? Разрезали, зашили. Толик тогда с доктором за упокой ее души выпил, а она и по сей день на огороде возится. Уж лет семнадцать с тех пор минуло, – гуманно сослалась на посторонний пример Лена.

– Неужели! Я ее помню. Она уже тогда, в нашем детстве, в преклонных годах была. Мне так казалось. Маленькая, сухонькая, – искренне радостно удивилась Инна и порывисто обняла Лену. И та, смущенная ее неожиданным всплеском благодарности, сказала невпопад:

– А вокзал в деревне все тот же.

– Колокол над входной дверью еще висит? Он был символом дореволюционной жизни нашего села. А широкие лавки с вензелями, с аббревиатурой «МПС» на спинках, наверное, давно износились?

– Знакомая писала, что колокол в начале перестройки «увели» на металлолом, а лавки

до сих пор стоят. Сталинское качество было на века! Только вокзал был красно-белый, значительный, а теперь грязно-серый и кажется маленьким, неудобным, даже кургузым.

- После столичных-то, - неожиданно мрачно съязвила Инна.

- А все равно родной. Сердце-то всплакнет, когда из окна вагона его взглядом достанем.

- Школу помню. В ее стенах было много часов счастливого общения.

- Сколько всего глупого, грустного, радостного и прекрасного происходило в ней! Больше нет нашей школы. Жаль. Новая мне чужая. Большая, кирпичная, но какая-то не родная, не живая, строгая, суровая, хоть и покрашена в розовый цвет. У нашей даже внешний вид был какой-то теплый, домашний.

- Деревенский, - улыбнулась Инна.

- Посетила нашу аллею, которую мы посадили в выпускном классе. Глядя на эти огромные сосны, я по-новому ощутила движение времени.

- Хаты наши на отшибе стояли. Теперь, наверное, застроили все вокруг них или, наоборот, сплошь прогалки по улице?.. Высокую с резным узором матицу - рукой не дотянуться - помню. Уж очень эта красота не вязалась с бедностью. Дед мой этот дом строил. Красоты ему хотелось. Не одному еще поколению послужит, если дом обиходить. Слова деда вспомнила: «Богатство - грех перед Богом, бедность - грех перед людьми. Труженик был великий. Царствие ему небесное. Лена, не забыла, что такое матица? Потолочная опора. А конек, боров? Милые сердцу теплые слова из детства.

- Припоминаю. А соседская хата брошена. Остальное довершила природа. Без человека всё быстро приходит в запустение и негодность.

- Какая там хата. Так - одно название.

- Вдруг приедем, а там ни кола ни двора.

- Не страшись, на улице не останемся, кто-нибудь из родни приютит, - успокоила Лена.

- Пройтись бы по нашей улице. Водонапорная башня, следом сельсовет, затем почта и вот, наконец, хаты в рядок до самого магазина. С каждым домом что-то особенное связано. А помнишь ту пустую землянку-развалюху? Мы в ней прятались, залезая через пролом в соломенной крыше. Во дворе сушились распяты на веревке чьи-то мужские рубашки. Но мы их не пугались. А луг? Бывало, лежу на его бархате, рисую в голове прекрасные мечты, себя вижу в них и во мне крепнет уверенность. А высоко-высоко в небесной сини медленно проплывают крахмально-белые облака. И мне так хорошо! А почему, кто бы ответил... Да, это было нечто!

«Детство дается человеку, чтобы было на что опереться в трудные моменты жизни», - привычно промелькнуло в голове Лены.

«Детство человек вспоминает, когда впереди ему уже ничего не светит? Быстро-то как всё промелькнуло», - подумалось Инне.

- Ночь в деревне прекрасна. Улицы как вымерли. Звезды на черном небе - хоть рукой доставай. Плохие мысли в голове надолго не задерживаются... И вдруг разносится круговая переключка собак. И всё так естественно-просто и радостно-тревожно.

- В деревне вроде вольней жизнь, но народ так зажат и завален работой, что от этой воли мало что остается. Это потому, что кроме домашнего хозяйства еще на производстве работают. Двойная нагрузка.

- Прodelки мальчишек помню. Инна, ты любила их задирать. И не раз бывала наказана, но не сильно. Щадили, потому что девчонка. Соседи говорили: девка - оторви да брось. Ошибались. Каждое поколение мальчишек пыталось доказать превосходство физической силы над умом. А мы, девчонки, противились. Борьба шла с переменным успехом. Не только мы отступали и задавали стрекоча. Но все это было несерьезно. Играли так и потихоньку умнели.

- Некоторые городские уличные мальчишки гордились всякой ерундой: формой ушей, сильно выгнутыми пальцами, ранами, полученными по глупости, презрением к тем, кто ходил в музыкальную школу или в Дом пионеров. Раздетые зимой бегали в школу. Бахвалились своей нелепой смелостью.

- Так если больше нечем.

- Заступиться за девочку у них считалось постыдным, не мужским поступком.

- Я сельских друзей больше уважала. Честнее, трудолюбивее, надежнее были. А недостающий лоск ими в городе быстро приобретался. Через год приезжали красавцами на вечер встречи с учителями.

- Подросли, поумнели наши мальчишки. Прекрасными людьми стали.

- В деревне дети раньше выросли, деля со взрослыми заботы. Времени на глупости у них мало было.

- Городские, те, что были хулиганистами, тоже помаленьку умнели, - согласилась Инна.

- А помнишь то первое лето, когда тебя еще пускали с нами гулять? - со счастливой улыбкой перебила Лену Инна. - Мы играли в войну, в разведчиков. Сами придумывали правила игры и соблюдали уговоры неукоснительно. Знали в деревне каждый поворот, каждую развилку дорог. У всех были свои потайные места, куда могли спрятаться на случай «опасности».

- Никто не хотел быть немцем. Жребий бросали.

- Фильмы про войну любили. Костры разводили по осени на огородах. Сварганим, бывалоче, в солдатском котелке кулеш, сядем кружком, уминаем и воображаем себя партизанами.

- Ничего вкуснее той каши не едали.

- У тебя за спиной грубо самостоятельно сколоченное деревянное ружье, а за плетеным веревочным ремнем огромный наган. Ты была выдающимся организатором и в споре могла любого мальчишку за пояс заткнуть. Они с тобой боялись связываться, чтобы не уронить себя в собственных глазах и в глазах друзей.

Довольная Инна мечтательно подняла глаза к потолку и улыбнулась:

- Помню, валяюсь в траве под осиной на берегу нашей речки - так привольно лежать на залитом солнцем лугу! - и размышляю: почему у нее листочки так жалостливо, тревожно-родственно моей душе трепещут? Так мне отчего-то грустно делалось, до мурашек, до слез.

- Первым делом успокойся, - встревожилась Лена, почувствовав дрожь в голосе подруги.

- И ведь поняла! Черешки у листьев осины длиннее, чем у других деревьев и собраны в пучок. И с какой бы стороны не подул пусть даже слабый ветерок, листочки начинали колебаться, передавая свое движение другим, связанным с ними. Не уставала я любоваться на воду, не могла наглядеться. Может, и поэтому тоже наши предки предпочитали селиться ближе к реке?

- Фантазерка.

- Ты не могла себе позволить сладкое ничегонеделание даже в детстве.

- И поэтому я сухарь? Проехали.

- А позднюю, голую, ветреную осень в деревне я не любила. Все мертво, серо, сыро. Грязища. На всем печать грусти и бессилия. Все вокруг казалось жалким.

- И до боли родным.

- Вздор! Только ранней осенью, когда буйство красок.

Инна раздраженно насупилась.

- Прабабушку свою вспомнила. Ее морщинистое лицо, впалый рот. Не хочу до такой страхолюдности доживать.

Лена попыталась улыбнуться.

- А я за один присест могла слопать яичницу из десяти яиц, но попросить боялась. А меду попросила вроде бы в шутку, так все равно не дали. Но бабушка разрешала попить сахарной воды, приготовленной для пчел, только так, чтобы отчим не заметил ее убыли. Я так любила сладкое!

- Он лучше бы замечал, как ты ишачила. Какие мелочи вспоминаются! Мужчины в деревне на улице без мата, - примирительно продолжила разговор Инна. - Но и «будьте так добры» и «если вас не затруднит» тоже не звучало. А на заводе предостаточно. Такие «перлы» выдавали! Вот тебе и тупая беспросветная деревня. И за пять лет учебы в вузе от ребят мата не слышали.

«Причем здесь мат? Бредит, мысли путаются?» - снова заволновалась Лена.

- Инна, Инна, ты что, зависла?

- С какого перепугу?

- Задумалась?

- Вестимо. Ничего у меня не выйдет! - горестно вздохнула Инна. - Не выдержу я поездки.

- Со мной выдержишь. Ты вправе принять любую мою помощь.

Инна покорно кивнула.

- Ладно, - только и произнесла слабым голосом.

14

- Вот ты говоришь, что я была успешной, - после долгой паузы сказала Инна. - Да, я делала все, что зависело от меня, никогда не сдавалась, неплохую сделала карьеру. Это я могу поставить себе в заслугу. Помню, правду начальнику цеха в глаза говорила. А что, терять мне было нечего. Знала, с моим упорством всегда работу найду. Унижаться? Да никогда в жизни! Я судила о человеке не по положению в обществе, а по «гамбургскому счету» - по знаниям, умениям, по человечности. Вот и доставалось по шеям. И часто руководство, выслушивая меня, крутило у виска пальцем, мол, чокнутая. Лена, а что значит, если ладонь ко лбу прикладывают? На склероз намекают или на избыток мозгов?

- Пугаются, мол, черт знает, что у нее голове.

- И ты успешна, хоть иначе. Тоже прошла огонь, воду и медные трубы людской подлости.

- И людскую порядочность, и доброжелательность встречала от тех, кому не составляла острой конкуренции. Видеть и предвидеть ее научилась. Не зря говорят, что в выражении лица человека есть ответ его души, его внутреннего мира.

- У тебя оно доброе и всегда вызывало даже у самых мелких клерков стремление обмануть или воспользоваться твоим непоколебимым чувством долга, безукоризненной честностью, верностью дружбе. И это заставляло тебя наглухо закрываться или отгораживаться от подобных личностей.

- И в прекрасные шестидесятые порядочность приветствовалась не всеми.

- К тебе ничего плохого не прилипало. Ты была кошкой, которая гуляла сама по себе. О твоей честности и принципиальности ходили легенды. При общении с тобой как-то сразу становилось ясно, что при тебе ни пошлость, ни глупость, ни ложь невозможны. Это выводило из себя некоторых товарищей. Поначалу и во мне была неліцемерная, ничем не защищенная деревенская открытость, граничащая с наивностью.

- Лен, завистников хватало?

- Как-то еще в молодые годы медаль за доблестный труд мне хотели дать. Документы в Москву приготовили. Что тут началось! Потом в областной администрации решили меня осчастливить: внесли в список достойных премии и соответствующих почестей. Там учитывались достижения всей семьи номинанта. И тут буча поднялась. Нашлась масса претендентов из числа тех, чьи дети по причине высокого положения их отцов заняли приличные места на производстве или в чиновничьей среде. Я не претендовала, не боролась и потому была спокойна.

- После первого же раунда записала себе поражение? Надо было продолжать участвовать. Некоторые не мытьем, так катаньем добивались своего, уговорами и даже угрозами.

- Я не тщеславна.

- По молодости я считала, что для достижения успеха всё должно сойтись в человеке: талант, труд, темперамент, а чтобы заметили, еще обаяние и удача. И вдруг вижу по телеку: в Москве президент награждает сына одного моего знакомого, а у него за душой ничего, кроме того, что он блатной.

- И ты это истолковала как предзнаменование, как знак новой эпохи, - рассмеялась Лена. - Успокойся, такое случалось во все времена. А некоторых при жизни растопчут, но после смерти на щит поднимут. У нас любят мертвых героев.

- Потому что они уже не опасны.

- Слава богу, мы не из их числа.

- Но цену себе знаем, - рассмеялась Инна.

- Успех сам по себе без любви ничего не стоит, а её-то и не было, - сказала Инна.

- И у тебя, и у меня она была и есть. Много счастья в одни руки не дается. Я свое еще в студенчестве получила. Оно у нас не могло продолжаться вечно. Но прежняя его магия полностью не исчезла. - Лена улыбнулась своему внезапному внутреннему трепету. Она рада была почувствовать эти редкие, душу исцеляющие эмоции.

«Забвение Леной плохого, связанного с Андреем, было одним из обстоятельств, разрешающих ей любить его как прежде. И теперь эта любовь позволяет ей извлекать удовольствие из одиночества. Странно. Забавно».

- «Песня первой любви в душе до сих пор жива»? - усмехнулась Инна.

- Я пополняю недостаток любви общением с природой. Она меня исцеляет. Да и некогда мне заниматься самокопанием. Это тоже плюс.

- Я никого после Вадима не хотела настолько сильно, чтобы это чувство занимало все мои мысли, чтобы я была не способна контролировать свои поступки или мне было бы нестерпимо больно. Да - да, а нет, так нет. Правда, всегда была в состоянии эротической и сексуальной готовности, и, кажется, никогда сильно не переоценивала свои возможности, - шуточно закончила серьезную мысль Инна. - А ты ради призрачного счастья сама себя отвергала. Старалась сохранить свою мечту в неприкосновенности.

- И все же будь к себе справедлива. Все перемены, которые случались в твоей жизни, были к лучшему. Каждая что-то давала полезное.

- Зря ты ничего не хотела менять. Может, новая любовь возродила бы тебя.

- Для этого надо было, как минимум, полюбить. Не нашла того, чьей любовью могла бы расцвести хотя бы поздним цветом. А вянуть рядом с кем попало, с недостойным... Помнишь наше любимое выражение: «Тебе не понять, ты не любила». И другое: «Это было давно и неправда».

Подруги непринужденно рассмеялись.

Лена уже через минуту вспоминала удивительно трогательную встречу, которая пришлась на одно прекрасное предпраздничное утро. Она решила сюрпризом приехать к Инне в гости. Шла по городу и вдруг увидела: ее подруга бежит в странной позе, пригнувшись, на полусогнутых ногах. Оказывается, навстречу ей, раскинув руки, мчался крестник, семилетний внучок ее старшей сестры. Он ей приходился внучатым племянником. Инна подхватила мальчонку, стала его тискать, говорить ласковые слова. Столько любви было в каждом ее слове, в каждом движении! Потом они вместе радостные и довольные друг другом шли по аллее вдоль института, и видно было, что на тот момент никто им больше не был нужен.

Ей тогда подумалось: «Инна стремится быть ему больше матерью, чем сама мать? Мальчик очень похож на Инну. Наверное, она представляет его своим сыном или, по крайней мере, родным и самым любимым внуком. Из духа противоречия говорит, что здесь, на земле, все бrenно, жалко, горько. Рисуетя. И ведь как жадно любит! Нашла свою утерянную стезю. Вот где смягчается и гасится пожар ее души! И вся бытовая наносная короста с нее вмиг слетает, когда причаливает к добру и любви. Вот где она на вечную верность присягает, вот кому она горстями раздает счастье, радость и милосердие. Пусть рухнет мир роскоши, оголтелой славы и останется любовь! И хоть этот мир полон страданий, он выживет, если есть доброта и любовь. И это еще одна глава, может быть, даже самая главная в жизни Инны. Племяши - вот кто питает ее энергией, кто порождает неисчерпаемую жажду жизни. Наверное, все мы изначально заточены на добро и любовь. Только в некоторых людях они почему-то безвозвратно пропадают».

Лена вдруг поняла, о завещании Инна намеревается с ней поговорить. На ее квартиру много охотников находится. А она ее любимому внучатому племяннику, наверное, захочет оставить, но заранее не желает родню баламутить. Перед фактом поставит. А меня душеприказчиком попросит быть.

Еще один эпизод, связанный с ребенком, сохранился в памяти Лены. Инна рассказывала, как её племянница первый раз попробовала конфету. Малышке тогда было чуть больше года. Сладкое ей запрещалось, и конфетами она играла как обыкновенными игрушками. Сестра побежала в магазин, а Инна посадила Юлечку на стол и принялась на нем раскладывать узоры из карамели. Девочка крутила в ручках одну конфету до тех пор, пока она не выпала из фантика. Заинтересовавшись новой формой игрушки, малышка принялась старательно ее изучать: потрогала, понюхала, лизнула. Вдруг ее личико приняло удивленное, затем восхищенное выражение. У нее дух захватило!

Она с хитреньким выражением на личике оглянулась по сторонам, будто понимала, что делает что-то запретное, и мгновенно сунула конфету за щеку. Убедившись, что никто у нее не отнимает лакомство, она принялась его торопливо разгрызать, буквально захлебываясь от восторга. Глазки ее горели, слюнки текли по подбородку, но она подбирала их ладошками, облизывала каждый пальчик. Инна тем временем незаметно выбрала из кучи игрушек все конфеты и спрятала в карман.

Покончив с первой конфетой, девчушка кинулась искать следующую, и, не найдя, принялась энергично обследовать весь стол. Даже обшарила кромку и нижнюю сторону досок стола там, где доставали ее маленькие ручки. Теперь на личике выражалось крайнее разочарование неудачными поисками. Она была в полной растерянности. «Как же так, было много этого красивого вкусного чуда! Куда оно подевалось?» - говорила ее упрямая чумазая мордашка.

Немного подумав, Юлечка догадалась выпрашивать конфеты у Инны, делая красноречивые жесты ладошками, мол, дай, дай. Инна только руками разводила: «Нет у меня». Еле-еле ей удалось успокоить племянницу от потрясения. Инна рассказывала этот эпизод с таким искренним восторгом! Она была в эти минуты такой счастливой!

Нет ничего лучше и сильнее материнства, пусть даже если это чувство к чужому ребенку. А открыто не признавалась. Такая уж Инна есть, и не переделать ее. Да и к чему?

Лене захотелось погладить подругу по волосам, как маленькую. Она сделала движение в ее сторону и не донесла руки. Та заметила сочувствие к себе, и в голосе ее почувствовалась слабость. Она жалела себя. И, конечно же, ей этого было мало. Лена потерлась щекой о плечо подруги. И Инне показалось, что той тоже хочется поплакаться, чтобы ее пожалели.

15

Инне вспомнился восьмой класс.

- Учю уроки. Незаметно для меня книги, стол и вся комната пропадают. Я сама становлюсь бестелесной, превращаюсь во что-то призрачно-воздушное, эфирное, эфемерное, но такое прекрасное! Я – сплошное очарование, дуновение теплого ветра, мечта! И вдруг вновь передо мной будильник, а на нем уже пять часов вечера! Два часа пролетели как миг, как сон, как редкая радость. Я спохватываюсь, беру себя в руки и начинаю читать учебник. Стараюсь вникнуть, и опять незаметно для себя улетаю в мир грез и фантазий. За письменными уроками такого не случается.

Мне стыдно и радостно от ощущения странного незнакомого чувства счастья, не имеющего причины. Радость заполняет меня всю без остатка. Мне удивительно хорошо, почти как тогда, когда я заболела и чуть не умерла. Но, к счастью, не отправилась в бесконечное путешествие. То было дивное состояние легкости и вселенской благодати!

«Такая мечтательность бывает только у девочек? А вдруг и у мальчишек? Фу, они такие... Но не все. Я улыбаюсь. Какая же я беспросветная глупышка. Но как это приятно! И ведь спроси меня, о чем я только что думала, о чем мечтала – не вспомню. Наваждение какое-то», – сержусь я на себя. И опять улыбаюсь.

«Это счастье? Предчувствие счастья? Это глупость? Радость не может быть глупостью. Это у меня от книжек? Не весна ведь. И все-таки глупо бездарно тратить время», – осаживаю я себя и снова незаметно улетаю в благодать.

«Мне просто хочется счастья», – думаю я очнувшись. И, выскочив из-за стола, мчусь на улицу к друзьям, чтобы отвлечься и хотя бы через час-другой снова взяться за уроки.

И что же такое было со мной тогда, в пятнадцать лет? Ведь не была влюблена и вообще не думала об этом. Подсознание само готовило меня к чему-то прекрасному, само подталкивало проснуться для любви или влюбленности?

...И вот в какой-то момент я, как во сне, сквозь туманную пелену сознания разглядела размытую фигуру своего будущего избранника... Тогда главные жизненные утраты еще не коснулись меня. Это у Лены они начались с момента рождения. Она с детства не любила красивых мужчин. Они сомнение в ней вызывали. Мол, красив – и этого ему кажется достаточно.

...Мне шестнадцать. Я чувствую, что способна на единственную, бесконечную любовь: нежную, верную и прекрасную! Но не верится, что повезет найти ее в ком-то другом. И от этого грустно. Я не вижу среди своих знакомых такого, о ком мечтаю. Если только такой, как Петр Андреевич, учитель математики. Они с женой понимают и обожают друг друга, но на людях никогда не выражают своих чувств.

Сначала я считала его пентюхом. И вдруг нечаянно подглядела... и порадовалась за них. Этакий увалень и такая нежность во взгляде, и такое трепетное прикосновение к

женщине, с которой прожил пятнадцать лет и имеет троих детей! И выразилась она в одном еле заметном движении его руки. И его жена – на уроках строгая – в это момент выглядела юной, искренней и такой счастливой!

Как она в этом медведе разглядела прекрасную душу? Я ей завидую и говорю себе: «А ну, как если бы ей не повезло?» Но ведь повезло же. Возможно, она смолоду уже хитромудрая была. Тоже очень важный момент. Как-то она на перемене мне сказала: «Ты слишком хороша, чтобы это могло принести тебе счастье. Будь строже». Прозвучало как предостережение. А я не вняла.

К лирическим воспоминаниям Инны стали примешиваться грустные:

– Почему же, имея такой прекрасный пример, я влюбилась в этого обаятельного похотливого проходимца, сломавшего мне жизнь? Прислушайся я тогда к словам учительницы и матери, все сложилось бы по-другому. Ха! «Принц моей души»! Только не понимал он, что душа моя созвучна игре «на струнах дождя». Я летала на крыльях любви. Но то была не любовь, а влюбленность, потребность в любви. Купилась на комплименты.

Мне хотелось разделить свою радость любви с тем единственным, который мог ее воспринять и поделиться своей, такой же прекрасной и бесконечной. Я верила, что это соединит наши души навечно, пока бьются сердца. Но в мое юное жизненное пространство вторглось жестокое мужское безрассудство и эгоизм. И робкие слова любви угасли. Помечтала и будет. Теперь от всего этого набора слов меня воротит не дай бог как. Не с тем разделила свою любовь, не тому подарила свою чистоту и юность.

Почему, влюбившись, стала неуправляемой? По глупости, по неопытности и доверчивости. Привлекало в нем потаенное, зашифрованное, особенное. В шестнадцать лет эмоции сильнее разума. Мозги не успевают умнеть при быстро развивающейся физиологии подростка. Что же я в нем любила, от чего таяло мое сердце? Внешний лоск, красивые слова и только-то? А чем я была схожа с его идеалом, чем притягивала? Своей невинностью, искренностью, мягкостью. Да имелись ли у него идеалы? Бог ты мой! А тогда отговаривать меня было бесполезно.

Инна сосредоточилась на поиске мысли, которая ускользнула от нее.

– Какая странная и жестокая прихоть судьбы свела нас вместе? Я не подогреваю в себе обиду и вины своей не приуменшаю. Не в моих правилах заниматься самоотпущением грехов. Привыкла давать себе беспристрастную оценку. После Вадима я стала жестче, уверенней, злее. И во взаимоотношениях с мужчинами хотела одного – ясности.

Раз ошиблась, оступилась и на всю жизнь получила клеймо бездетности. С чем осталась? «С досадой тайною обманутых надежд». Мать от меня отвернулась. А может, я от нее. Не было у нас общих облегчающих горестно-сладостных слез всепрощения. И была я, будто одинокая раненая волчица. Нет, жалкий волчонок. Болели мозги, отравленные подлой ложью. Надрывалось опустошенное сердце, опаленное молнией предательства. И падала я на постель от всё сминающей усталости души и тела, и рыдала, рыдала... Стала еще более неуравновешенной, склонной к эксцессам. Ждала своей гибели. И в ней-то ни на минуту не сомневалась. И если бы не ты, Лена...

– Видно, некоторых Бог наказывает незамедлительно, а для других растягивает это «удовольствие» на годы, – заметила Лена.

– «Бог, не суди! – Ты не был Женщиной на земле!»

Инна бросила в Лену строчкой из Цветаевой и судорожно вздохнула:

– Моя бабушка толковала об очищении души через страдание. А в чем мне надо было каяться? В том, что полюбила? В том, что была юной, искренней, открытой, честной? Бабушка говорила: «Не пускай обиду в сердце». А как это сделать? Много еще было ошибок, обид. Не хотела мириться с тем, что невезучая. Всё искала свое счастье, пыталась использовать любой шанс, а потом зализывала раны и дальше жила.

И в зрелом возрасте предстояло многое испытать. Не раз заглядывала смерти в глаза. И теперь вот опять. За что мне такое? Одна ошибка повлекла за собой целую цепочку

других? Не на тех людей истратила свою жизнь? Такое вот у меня невероятное, кружевное, точнее сказать, запутанное переплетение событий жизни. И ведь не так уж много я грешила. Чужие семьи не разбивала, в любовницах у женатых мужчин не ходила. Не хотела жить на обочине чужого семейного несчастья, как «сбока припека». За что судьба меня преследует? Здания моих браков разваливались и расползались, словно строились из песка без примеси извести и цемента. Ни с одним из мужчин я не чувствовала себя защищенной. Моя ли самостоятельность тому виной или их безответственность? Они видели во мне сильную женщину, а я сама хотела поддержки и участия. Да и потом...

- Что потом?

Инна не ответила и надолго замолчала. Лена почувствовала, что вторглась в ее прошлое и выпустила из глубины души на волю какие-то воспоминания, о которых еще не знала.

Инна вспомнила:

- Алла как-то прекрасно сказала о своей семье: «Где в моем характере шипы, там у Саши выемки. Как воспел поэт: «Так сопредельны Небо и Земля!» Поэтому у нас хорошая сцепка. Я для себя давно уяснила, что главное для женщины не физическое наслаждение, а чтобы душа мужчины коснулась твоей души, и та отозвалась радостью. Вот оглянется он на меня, уходя на работу, улыбнется - и мне больше ничего не надо. Нам не скучно друг с другом даже когда мы не беседуем. Наше молчание лишено всякой неловкости. Оно не бывает вызывающим, обвиняющим или протестующим, какое случается в семьях, где часто ссорятся».

Всё у Аллы как по писаному. У ее Александра есть невероятный талант чувствовать близкого человека и, не задумываясь, вмиг менять свои планы ради того, чтобы сделать ему приятное, радостное. Как-то раз он поделился со мной: «Высшей добродетелью Аллы я считаю ее способность испытывать такую же радость от нашей совместной жизни, какую испытываю я сам». Жена для него - богиня! Отсюда идеальные взаимоотношения в семье и непередаваемая атмосфера гармонии. Чудесное в их жизни укоренено и слито с обыденным. Они удачно совпали. Мне бы такого мужа. Хотя я не так добродетельна, как Алла. Вот и оставалось только слушать музыку их любви.

У них особое восприятие друг друга. Их объединяла удивительная нежность и трепетное уважение. Простота и легкость в общении и обыденность жизни не делали их отношения привычными. Напротив. Как это у них получалось? Когда вырастили дочь, они заслужили право на настоящее. Будущее для них перестало существовать. Они хоть не полностью, но уже могли посвятить свои жизни друг другу. Весь их радостный мир заключался в них самих, в их интересах. Жаль, что мало этих совместных, благодатных лет им досталось. Рано оставил Александр Аллу на этой не очень уютной земле. И дочка их пока не пристроена.

- И почему мы утрачиваем любовь?

Вопрос Инны был риторический.

Инна пересказала Лене свой недавний диалог по телефону с Галей.

- Алла жила хоть сколько-нибудь со свекровью?

- Нет.

- Не сомневалась. И Кира тоже?

- Соображаешь.

- А то!

- Отсюда все последствия.

Нам с Галей было грустно, но мы расхохотались.

- Чему улыбаешься? Что-то радостное вспомнила?

- Бродили мы с Андреем в парке. Вдруг слепой дождь хлынул. К беседке побежали. Там уже было полно промокших веселых молодых людей. Все парами и все счастливые. Представляешь, какая огромная концентрация счастья на единицу площади!

- Наверное, у каждой из нас была своя счастливая беседка, - грустно усмехнулась Инна.
- Удивляет меня цепочка имен в твоей семье: Андрей, Антоша, Андрюша, Андрейка.

Лена на это замечание только улыбнулась.

- Знаешь, как я жалела, как казнилась тем, что была с Вадимом, когда впервые встретила того единственного, равного себе по духу, по сердцу. Как бы я хотела преподнести ему себя чистую, безгрешную, без отягчающего прошлого! Но первая глупая влюбленность лишила меня этого. Я не посмела бы смотреть любимому в глаза, зная о своем пороке.

«О этот загадочный, inferнальный, демонический Антон! Живой, стремительный, привлекательный, остроумный. Совсем как мой Андрей. И глазами, и фигурой походил»,
- грустно улыбнулась Лена.

- Потому-то на работе я внушала глупым девчонкам: «Не торопитесь к взрослым отношениям, первые ваши влюбленности - это детские уроки познания себя и мужчин. Не спешите, не отрезайте себе путь к высокой, настоящей обоюдной любви».

- А я думала, ты учишь их простейшими приемами защищаться от мужчин. «Удар в ухо, ребром ладони в горло, кулаком в печень, коленом в пах», - пошутила Лена. А Инна обиделась:

- И чего это я ни с того ни с сего коснулась этого старого, так и не прорвавшегося нарыва? Зачем сыплю соль на незаживающую рану? Казалось бы, уже отболело, - через силу произнесла она и как-то тяжело передернула плечами, точно через «не могу» или «не хочу».

И будто из небытия вспыхнули в ее глазах злые гордые слезы оскорбленной, униженной юности. Все тело ее содрогнулось прошлой горькой памятью. Она часто и прерывисто задыхалась.

«Бог ты мой, сколько ярости и сколько муки в одном единственном движении!» - изумилась Лена.

Она прижала к себе подругу, словно пытаясь ее защитить, не позволить сорваться и умчаться в бездну. Потом коснулась губами ее волос и тихо шепнула: «Великомученица ты моя». Как близка и понятна была Лене подруга своими бедами и слабостями!

Усталая нежность Лениных глаз успокоила Инну.

«Слишком чувствительные и правильные люди, к сожалению, не бывают счастливыми»,
- подумала Инна о Лене.

- Странная штука любовь. В нашем доме жили обыкновенная, ничем не примечательная девушка и юноша с церебральным параличом. Он страшный, жалкий такой, весь уродливо перекошенный. Движения скрюченных рук и ног не координировались. И вдруг вижу этого беднягу-инвалида на лавочке, обнимающим девушку. Ты бы видела, какое блаженство было на лице у несчастного! Девушка не стеснялась своего кавалера, сидела такая спокойная, гордая тем, что осчастливила больного юношу. Соседи удивленно перешептывались. Некоторые даже зло потешались, мол, сбрендил деваха. Помню, и я содрогнулась при виде такого, казалось бы, противоестественного союза. А через три года она вышла замуж за красивого, очень положительного парня. И сама расцвела. И всё те же соседки уже по поводу свадьбы этой девушки говорили, что Бог

оценил ее доброту и подарил ей в мужья хорошего человека.

- Не всем дано любить, - сказала Инна.

- Как это не всем? Просто люди по-разному любят.

- Помнишь Димулю из моей группы? Так он как-то раз по душам со мной разговаривал, просил объяснить, как это любят. Сознался, что женится потому, что женщина сама взяла его в оборот и что все девушки для него одинаковы. Патология какая-то? А я ему: «А вдруг лет этак через десять ты влюбишься?» Толик Шуваев, его друг, так же женился. Ему нужна была женщина, и он из всех ему знакомых выбрал ту, которая ему больше подходила характером. Он даже в нее влюблен не был. И насколько я в курсе, так с ней и прожил до конца дней своих.

- Дикость древневековая, стародавняя.

«Инна только выглядит вызывающе. Маска у нее такая. Сердце у нее есть, и некоторые это понимали. Взять хоть того же Диму. Не к кому зря пошел делиться сокровенным, Инне открылся», - подумала Лена.

- Иногда мне кажется, что женщины интереснее мужчин, и только законы природы заставляют их с ними общаться.

- Чудачка. Мужчины, наверное, тоже о себе так думают. Я вот вспомнила гада Федосеева, чтоб ему на том свете пусто было. Бегу, бывало, в своем задубевшем на морозе голубеньком пальтишке из кожзаменителя, а он за мной торопится поспеть в его-то семьдесят.

- Ты ногу вывихнула и не смогла прийти на лекцию, так он на всю аудиторию спрашивал у дежурного: «А где эта беленькая, бледненькая девочка с косичками?» Присмотрел тебя, зараза. Влюбился что ли, чтоб его там, в гробу, подняло и шлепнуло.

Инна заговорила о себе, но совсем о другом:

- Мне всегда нужно было на кого-то опираться. И только ты никогда не отступалась от меня, когда надо, всегда была рядом. Это у тебя от ума или от сердечности? Только к тебе я могла прийти с чувством храброго стыда и сознаться в постыдной беде. Ты одна умела пробудить меня к жизни, заставить очнуться. Один только раз я не послушала тебя и теперь списываю неудачу на судьбу, как тот опальный...

Я-то юная, глупая была, а Вадим в чем видел свое предназначение, свою главную радость в жизни? Добиваться любви глупышек? Всего-то? (Заклинило ее на Вадиме.)

Как-то вспомнился рассказ Чехова. Там Ольга Ивановна хоть после смерти мужа поняла, какой величины и благородства человек жил рядом с ней и какой дрянью была она. А Вадим своими моральными качествами даже до этой глупой ветреной женщины не дорос. Ни сожалений, ни упреков в свой адрес за все, что вытворял, ни сочувствия к жертвам. Только любовь к себе в его бездушном сердце. Этот вывод настолько однозначен, что исключает возможность какого-то двойного толкования. Такой ни перед чем не остановится ради своего удовольствия. И не боялся, что это когда-нибудь выйдет ему боком.

- Наверное, каждой девушке есть чем поделиться со своей любимой подружкой. Думаю, у мужчин то же самое происходит. - Лена попыталась уклониться от неприятно волнующей Инну темы.

- Только мы, невезучие женщины, как минёры, ошибаемся один раз. И на всю жизнь остаемся с покалеченной душой. Вадим - шкодливый котяра - походя, лишил меня счастья материнства, моей главной женской сути. Так он отдавал дань уважения женскому началу? И я поняла, что настоящее счастье для меня навсегда заказано. Надо же было этому случиться именно со мной, маленькой честной, доброй глупышкой! А ведь кому-то то же самое сходило с рук.

Когда появился Антон: задорный, порывистый красавец, наполненный не только

энергией, но и глубокими мыслями, такой чистый, возвышенный... И близок был локоть, да недоступен. Понимала, что недостойна и рядом стоять. Замаралась. Я проклинала и себя, и этого подлеца Вадима, сломавшего мне жизнь. Он обретал в моем воспаленном сознании черты Мефистофеля. Мне хотелось поразить его черное сердце. Я желала ему смерти.

- А я думала, что его образ, медленно отступая и отдаляясь от тебя, все больше расплывался и бледнел.

- Не его образ я помню, а злую обиду. Не в нашей власти забывать прошлое. Его не вычеркнешь из памяти. Оно уйдет только вместе с нами, когда мы ступим за черту. А когда-то мечтала слиться с любимым, прорасти в него каждой клеточкой своей души. Много ли мне надо было? Всего лишь простое бесхитрое счастье... Бредни всё это. В голове такая путаница.

- К чему эти запоздалые сожаления? Все мы ошибаемся, оступаемся, пока нащупываем свой путь. Конечно, приятного в этом мало. Если бы заранее знать, насколько глубоко мы иногда заблуждаемся, - полным сочувствия и понимания голосом произнесла Лена.

- Ах, эта глупая детская любовь! Зачем нам даешься для мучений, зачем ломаешь, корёжишь, губишь? Кто бы надоумил, мол, держись от нее подальше. Может, без нее было бы легче? И зачем говорят, что любовь на старость отложить нельзя? Вот мы и торопимся. На старость нельзя, но повременить бы, пока поумнеем.

- Ой ли! Разве завидная участь - не любить?

- Не нашлось настоящего, такого, который захотел бы разделить со мной остатки моей души. Шелупонь всякая попадалась. Я по-настоящему больше не любила, так, сожительствовала, хотя старалась, рвала себя ради мужей в силу своего женского предназначения - заботиться. Существовала в пределах возможного. Основательно хлебнула лиха. Много раз судьба почву из-под ног выбивала, а соломки никто не подстилал.

И все это мне стало вдруг на удивление ясно, как может быть предельно ясно разве что перед лицом смерти, в минуту смерти, когда всё обретает иной смысл; как перед своей собственной совестью или даже на божьем суде.

«Это что? Неосознанное ощущение желания Бога или страх, когда ты во власти предсмертной тоски? Смерть приближает человека к Богу? Страх калечит сильнее любого оружия. Лене было легче - и я настаиваю на этом, - потому что ее принципы зиждились на сильном характере. А я обрывала ее телефон, когда меня настигала очередная беда, и травмировала ее чуткое сердце, ища у нее защиты и спасения», - мысленно закончила свой тоскливый монолог Инна и застонала. Лена похолодела и напряглась.

- И не так уж часто я шла по жизни без дальних прицелов и действовала, увлекаемая неведомыми порывами на свой страх и риск - и будь что будет! А вот поди же... Поражения лишают сил и веры. И это не могло не сказаться. И зачем память обрушивает на меня горькое? Завались его у меня. Опять налетела хандра - этот приступ дебилизма. Ищу в себе доброе, радостное или хотя бы смешное, а нахожу злое, обидное.

...И со вторым мужем тоже вляпалась. Он при знакомстве выказал такую деликатность, что я растаяла, как натуральное деревенское сливочное масло под летним солнцем. В нем было необъяснимое очарование. И я потеряла голову. Не представляла, что нарвусь на шизика. Моя мать его сразу раскусила. Она каждый раз своим безошибочным чутьем угадывала очередной подвох моей неугомонной судьбы. А я ей: «твои опасения не по адресу». Турнула я его на фиг, но осторожно. Спустила отношения на тормозах.

Очередная встряска ожидала меня от встречи со следующим мужем. Здорово кумекал, да все мимо семьи. Красавчик! Себя не обидит, не обделит. Бахвалиться любил до потери пульса, совсем как мальчишка. Этот на приступ пошел. Добился меня и исчез подобно фантому. Сбежал - и поминай как звали. Что во мне искал и не нашел? Победители к жертвам равнодушны. Но этот был еще ничего по сравнению с четвертым, гражданским. Не рискнула я с ним официально... Это был последний зигзаг в череде неудач на моем жизненном пути. Он довершил картину маслом.

Почему не везло? Как ни пыталась извернуться, не выходило. Как ни странно, объединяющим свойством моих мужей было восприятие жены как объекта для излияния своего зла, желчи раздражения. Все они считали, что я обязана их терпеть, свыкаясь с мыслью, будто зачтется мне это на том свете. Почему? Я же не производила впечатления совершенной дуры или пайинки? Для разрядки им нужен был достойный противник? Жизнь изобилует загадками.

По итогам моих замужеств у меня сложилось впечатление, что мужчин всю жизнь надо чему-то учить, куда-то направлять. Смешно, не правда ли?

- Не готова ты была поставить мужчину в семье на первое место, - пошутила Лена. - Не будем о грустном, - мягко попросила она.

Инна послушалась и переключила свое внимание на чужую счастливую судьбу.

- Видно, у Аллы встреча с Александром была запрограммирована на небесах. Вот и стали они единым организмом. А мой ангел-хранитель оказался безразличным, как я теперь. Но у меня равнодушие от усталости, а у него от лени, - пошутила Инна.

«От бессилия она перекладывает всю ответственность на судьбу. Ее жизнь - странный узел переплетенных безумных страстей и предательств. У нее редкостная способность все перекручивать и ломать... Одиночество не исчезало, с каким бы мужчиной она не встречалась. Ей на самом деле не везло на мужей. Они всегда ее разочаровывали. А что я ей на это скажу? «Не распускай себя, не раскисай». И только-то?»

Некоторое время Инна лежала тихо, без кровинки в лице, с померкшим взглядом. Потом очнулась от задумчивости и снова заговорила:

- У моей хорошей знакомой шесть девочек. И все замужем. Ида их гениально пристраивала. Глаз у нее наметанный. Правда, все выходило за разведенных или разбивали семьи. Старшая дочь Циля так даже дважды была замужем, и оба раза удачно. На нее иногда смотреть без слез было невозможно: страшенькая, никудышная, а мужья доставались заботливые, надежные. Вот ведь загадка природы! У второй дочери дети не получались. Ну, думаю, облом тут гарантирован. И добилась-таки - муж при ней. Держится уверенно. В чем я ошибалась, что я упускала? Не умела брать за горло?

- Это талант - найти себе равного, достойного, настоящего. Мужа не выбирают вращением рулетки. Главное правило: в любви важна не страсть, а умение видеть суть человека. Еще умение вести диалог. Это я, теоретик, учу тебя? - рассмеялась Лена.

- Жизнь оказалась намного сложнее, чем мы ее представляли в восемнадцать лет. Отсюда просчеты и неудачи.

- Если бы нам не лгали.

- В жизни существует рок, случай, на который нельзя повлиять.

- Выбор мужа - не случай. Случай - это когда кирпич на голову неожиданно падает.

- Ехал знакомый моего мужа в Москву в густом потоке машин, - подхватила Инна, - и вдруг на их иномарку падает огромная шлакобетонная строительная панель, свалившаяся с рядом двигавшейся грузовой машины. И вся семья в лепешку. Почему именно на него? Он был прекрасным человеком.

- Ой, не надо!

- Теперь-то я понимаю, что счастье - это результат точных, выверенных поступков. Мне недавний случай припомнился. Была я в гостях, а к дочке хозяйки сокурсник пришел. Красивый блондин с широко распахнутыми глазами и обворожительной улыбкой. «Какой прекрасный молодой человек!» - сказала я, когда мы с подругой ушли на кухню, чтобы не мешать молодым людям готовиться к экзаменам. «Хочет всем нравиться. Вряд ли из него выйдет хороший семьянин. Такого жениха я бы не пожелала своей дочери», - ответила та.

- Не было при наших детдомовских подругах мам, которые могла бы научить их умуразуму. - Лена попыталась осторожно «соскочить» с грустной темы.

- Не девчонки выбирали подлецов, они их, - сказала Инна. - Мы всегда что-то упускаем, надеясь нагнать позже. То мешкаем, то без оглядки несемся вперед. А счастье уплывает в руки умных и хитрых. Ида умела выбирать? «Слово» какое-то знала? Здесь явно не работал его величество Случай. Вспомни теорию вероятности. Мне ведь тоже всегда хотелось твердой надежной опоры, уверенности в незыблемости семьи. Почему мне попадались только мигрирующие мужья? Только «примерю корону и горностаевую мантию» - и опять облом!

Мне надо было менять всю парадигму, всю концентрацию взглядов на замужество, на семью? Быть более приземленной? Почему меня предавали все мужчины, в которых я влюблялась? Наверное, каждый ребенок и каждый взрослый проходит испытания чужой подлостью, познает вкус предательства... Однажды можно ошибиться, но не столько же раз! Где я давала слабину? Это уже не ошибки, а убеждения. Я перестала себя понимать. Ведь не глупая же. Разве у меня были слишком завышенные требования к мужьям? Но почему я должна терпеть ничтожества? Назови хоть что-то, что могло бы удержать меня рядом с ними. Хоть один пункт! И я полностью приму вину за свои неудачи на себя. Может, я повторяю судьбу бабушки и матери?

Вот говорят, судьба воздаст или метит несчастьем за что-то. Можно подумать, Ида не ошибалась, не грешила. И быть доброй у нее не всегда получалось. Бывало, ругалась до остервенения. Даже я часто была не в восторге от ее поведения. Она сама прежде чем найти мужа, через полдюжины мужчин прошла, и абортыв делала, но ведь почему-то удача была на ее стороне. Была упорной и так-таки нашла свое счастье! - вконец расстроившись от воспоминаний, горестно всхлипнула Инна. - Все шутила: «Ищи такого, чтоб с капустой и хорошей морковкой был». И отчего мужчины часто ведут себя не по-мужски? А-а-а... гори они все синим пламенем!

Слова с трудом прорывались сквозь нервно стискиваемые зубы Инны. Прошлое бурлило и стонало в ней.

«Ни один из мужей Инны не заслужил, чтобы хотя бы на смертном одре она могла и хотела добром о нем вспомнить, допустим, подумать: «Какая потеря!», «Я не могу без тебя жить», - сочувственно подумала Лена. - Ей хотелось успокоить подругу, сняв хоть частично с нее вину за неудачи в личной жизни.

- Этот факт, скорее, характеризует мужскую породу, - с улыбкой сказала она. - Главное, ты любила и не употребляла свои возможности во вред другим.

- Пока всерьез не припечет, - ухмыльнулась Инна и опустила глаза, чтобы не выдать себя, свое злорадство. - А ты могла различить, когда в тебе страсть горела, а когда зарождалась истинная влюбленность?

- У меня это просто. Если человек по-настоящему нравился, под сердцем тепло возникало, а когда плоть взыгрывала, то искры между нами проскакивали, заряды пробивали. И я сразу принимала меры, чтобы не допустить сближения.

- Я даже цифрологией и комбинаторикой занималась, чтобы дойти до сути своих и мужских проявлений. Пифагор не дурак был. Говорил, не бывает случайных событий, все зависит от комбинации цифр. (И даже наши глупости?) Правда, бывали случаи, когда судьба отводила от меня смерть. Благодаря ее стараниям я еще жива. Эти факты говорят сами за себя. Хотя где она, моя судьба, была, когда я только начинала в третий раз загибаться? Бог думает своим умом, а не человеческим. Бог любит троицу? Видно, судьба проспала и этот момент. А может, уже проснулась?

- А я о чем тебе толкую!

- Только сейчас осенило? - горько усмехнулась Инна, краем глаза успев заметить по-детски радостную реакцию подруги.

- Не прошло и полгода, - отшутилась Лена старой студенческой, совсем, казалось, забытой фразой. «Надо же, всплыла! - удивилась она сама себе. - А недавно «явились» из закровов сознания несколько слов, которых я вообще никогда не использовала в

своей речи. Ручки рядом не оказалось, и память снова их запрятала. Обидно было до слез. Чертов склероз! И вот что интересно: извлекла эти прекрасные сложные особенные слова из глубин моего мозга удивительная музыка.

- Третий раз я ощущаю стойкое утеkanie жизни, свежести восприятий впечатлений, убывание любви и желаний. Молодым после жизненных неудач кажется, что все у них уже позади, а мне мерещится, что все еще впереди. Идеалистка-пессимистка. А вдруг повезет?

«За соломинку цепляется. Не меня, себя убеждает», - поняла Лена.

- Не углубляйся в переживания. Они - как удушающий спазм, оставляющий после себя ядовитую коррозию души.

Она осторожно погладила подругу по волосам и пробормотала: «Не раскисай. Все будет хорошо». Та трогательным котеночком прижалась к ней. «Добрые слова - это уже много», - пробормотала она. Ей так хотелось верить!

- Говорят, память вытесняет и утрачивает то, что нам в себе и в других не нравится. Вот и верь после этого великим, - неожиданно каким-то чужим голосом сказала Инна. - Вернуться бы назад... Много в своей жизни исправила бы. О, это жестокое безжалостное прошлое! Не жизнь была - конец света. И вся коту под хвост. И романы приносили больше разочарований, чем удовольствия. И мужья были, и любовники. Теперь их стыдливо принято называть гражданскими мужьями. Гражданский брак - это когда у женщины ответственности много, а прав мало, а у мужчин наоборот. Мужчине достаточно сказать: «Она перестала соответствовать моему идеалу». И адью! И женщина потерпела фиаско.

Нет, я, конечно, хитрая, первая уходила, сама оставляла мужчин, почувствовав приближающийся разрыв. С моим-то самолюбием! А что меня могло удержать? Их невыносимо безудержные выплески тоски по вечерам, их пиво за телевизором - и все! Так недолго и с резьбы слететь. - Инна раздраженно покривилась левой стороной лица. - «Судьба-понедельник» мне досталась. Да чего уж там. Всё, что пережила, - всё моё. Одна радость была - племянники. С ними душу отводила. Им извлекать из моей жизни уроки. Успеть бы повидаться, пока... Откладывать нельзя. Прощание может затянуться. Разбросало их.

«Измотанная воспоминаниями и переживаниями, Инна ждет от меня подтверждений ее состоявшейся жизни, что не пустой, не бесцельной она была, - поняла Лена. - С чего бы начать?»

- А сестра не ревновала, что ты ее детей приваживала?

- Рада была помощи. Ей без меня трудно было бы поставить мальчишек на ноги.

После непродолжительного молчания Инна опять заговорила:

- Оглядываясь назад с высоты своего далеко не молодого возраста, я часто размышляю. Сладостные мечтания юности, томление духа, любовные страдания - это счастье? Ты говорила, счастье - это мгновения, моменты. Но не те, что ты думаешь: например, рождение ребенка или замужество. Это другое. Вот я как-то шла по лесу одна и не волновалась, что заблужусь. И такое необычное чувство ощущала, что ни в сказке сказать, ни пером описать! А племянник по-своему счастье определил, мол, это моменты доброты там, где их не ждешь. В армии, например, или на экзамене.

- Счастье многогранно.

- Послушай, Лена, любовь, семья - это теорема, которую надо ежедневно доказывать, это костер, в который надо все время дрова подбрасывать. Не понимаю, чем подпитывалась твоя любовь к Андрею? Она в тебе законсервировалась? - Инна неожиданно перевела

«стрелки» на подругу.

Лена с трудно дающейся отстраненностью объяснила свою точку зрения:

- В любви, по-моему, самое важное – духовная составляющая, энергетическая связь между мужчиной и женщиной. Возьмем для примера Эмму. Она любила, он нет. У нее есть духовная составляющая любви, у него нет. Эммина энергия не делилась, не передавалась ее мужу. Она принадлежала только ей. Между ними не могло возникнуть энергии притяжения. Что их связывало? Сначала постель, а потом – ничего. И это страшно.

Энергия взаимодействия возникает, если оба любят, как Эмма. И не тогда, когда любящие касаются друг друга, а еще раньше. Сначала зарождается сильнейшее поле духовной связи. Не путай его с физическим влечением.

- Только, видно, у мужчин она редко бывает. Один случай на тысячу, – недоверчиво заметила Инна. – Ее можно воспитать, взрастить?

- Энергия этого особого взаимодействия почти до старости свежа, ярка и остра. Чаще всего она проявляется как тихая нежная радость, реже как мощная, бурная. Она постоянно присутствует между любящими людьми. Она как электростатическое электричество. Такова моя аналогия, такова моя упрощенная, абстрактная модель поведения людей.

Аня не поняла бунинские «Темные аллеи», потому что не знала обоюдной духовной связи с любимым человеком, не испытала магии энергии взаимодействия двух любящих сердец. (Лена не хотела приводить в пример Инну, чтобы лишний раз не ранить её?) А мы с Андреем любим друг друга. И хотя мы разошлись, эта связь между нами осталась. Я чувствую, что он мается своей ошибкой, помнит меня, продолжает любить. Для меня ощущать его энергию – как необходимость дышать. И его она поддерживает всю жизнь.

- И, несмотря на это, вы разбежались, – неделикатно напомнила Инна.

- Дело было за малым, за порядочностью, – горько пошутила Лена. – Любовь слишком тонкая материя, чтобы об нее ежедневно, как о половик, ноги вытирать. Тут вопрос воспитания взглядов.

- Помнится, в школе ты в своей шуточной теории любви тоже сравнивала людей с ионами или атомами, помещала их в различные по мощности электромагнитные поля, исследовала силы взаимодействия. Чудачка. А в жизни все намного проще и грубее. Моя приятельница рассказывала: «Смотрит мой муж порнуху и плачет огромными слезами: хочу таких женщин, а ты такая благонравная и благовоспитанная, аж тошно. И ушел от нее. Набегался и через десять лет вернулся. А ты говоришь духовный контакт.

- Этот мужчина был способен только на животную страсть. Такое часто встречается. Твоя подруга приняла его назад?

- Да. Говорила, что любит. Поражаешься примитивности мотивации человеческих поступков? Вот тебе духовное восхождение личности, желание жить и дышать величием и роскошью помыслов, – раздраженно хмыкнула Инна.

- Приняла от одиночества или был материальный интерес. Думаешь, они стали едины? – едко поинтересовалась Лена.

- Так ведь дети. Ты бы такого отшила. Ты же всю свою жизнь всецело посвятила увековечению памяти своей любви к Андрею, но не его к тебе, – неожиданно зло отреагировала Инна.

Чувствуя, что ее мнение неприятно задело Лену, Инна быстро перевела личное в плоскость литературы.

- Бунин, как любой талантливый человек, многолик. В «Темных аллеях» он один, в «Окаянных днях» – другой. Аня выловила в бунинском характере штришок, который ее возмутил, и он ей затмил все прекрасное в писателе.

- Она не почувствовала энергетику любви, исходящую от его произведений, его тонкий

талант. Я, помнится, читала, построчно разбирала, восхищалась! Жаль, что ей всю эту прелесть заслонил нетерпимый, барский характер писателя.

- Его желчь, обиду и раздражение она не пропустила. Мы с тобой тоже по-разному относимся к отдельным людям, но зачем же частное возводить в ранг общего? Так ведь любого человека можно распотрошить и превратить в пыль. Надо искать в каждом суть, соль, самое лучшее, а не разменивать на мелочи ни себя, ни тем более великих.

- В Ане преобладает энергия обиды на взрослых, потому-то она и работает в школе. Нас-то не коснулось, а у нее всю семью выкосили, и в ее жизни все неожиданно круто и бесповоротно изменилось. Не на людей, на ту прошлую власть обиду затаила. Привыкла отмалчиваться, шутить на болезную тему так и не научилась. Собственно, как и я. Страх в детстве слишком сильно ее придавил. Она и теперь преодолевает препятствия в работе, полагаясь в основном на женские инстинкты, а не на разум.

- И на отдельных людей тоже обижаются.

- На мужчин?

- На начальников, на чиновников.

- Они в ее сознании олицетворяют власть.

Переждав короткую строгую паузу, Инна сказала:

- И все же, как мало у тебя было счастья с Андреем. Любовь – самое сильное из всех чувств, данных человеку природой, так стоило ли ее избегать? Тебе надо было снова и снова отправляться на поиски своей синей птицы счастья. Может, судьба и улыбнулась бы. Или для такого здравомыслящего человека, как ты, это полная шизофрения?

- У нас была такая высота чувств, которая не может повториться. Мы были рядом четыре года. И каких! Мое счастье было коротким, но оно стоило целой жизни. Рихард Зорге был женат десять лет, а вместе они с женой провели всего четыре недели. И ей этого хватило на всю оставшуюся жизнь, помогло преодолеть страшные годы лагерной жизни, никого не предать.

- Мужчины, даже самые сильные, духом слабее женщин. Может, я ошибаюсь.

- Но Рихард Зорге тоже никого не предал.

- Кроме жены.

- Ну... - не нашлась Лена.

- Что, мыслями уже не в Эдеме?

16

Память снова возвращает Инну в прошлое. В данный момент - в деревню.

- Я восхищалась, когда ты на уроках весело и безобидно пререкалась с математичкой. Она любила тебя и прощала эту твою «странную» непосредственность.

- Я и впрямь долго не видела в ней ничего предосудительного и от наших споров была в восторге, наивно полагая, что учительнице тоже нравятся наши диспуты и баталии. Раз позволяет, значит, все хорошо. А она ждала, чтобы я сама поняла, что они мешают вести уроки.

- Мне не казалось, что мешали, они бодрили, настраивали на борьбу за первое место. Мы уважали учительницу за то, что она позволяла вольничать и в «сражениях» с тобой была на высоте. Во время этих ваших «перестрелок» мы учились понимать юмор и любить не

только педагога, но и математику. Больше никто не преподносил нам таких прекрасных уроков. Таланта математички хватало на всё и на всех. А физичка не спускала тебе, неодобрительно насмешничала.

- И правильно делала, чтобы я не расходилась, не распускалась, не выглядела балаболкой. У каждого свой подход к ученикам. Физика – наука серьезная. Она требовала строгого подхода ко всему, в том числе и к себе.

- А помнишь, как мы к каждому празднику учили песни и стихи народов СССР и дружественных нам демократических государств?

- Еще были чинные парные танцы и бойкие, веселые – групповые.

- Готовили монтажи, спектакли, интермедии. В них реализовывалась наша потребность выразить свои мысли, выплеснуть свои чувства. А когда мы пели песни о Родине, даже мальчишки не крутились волчком, а вытягивались в струнку. И в глазах у них было такое воодушевление, будто это они герои, вырубленные из скал! В наших душах был такой истинный подъем, что хотелось помочь слабым, с сильными людьми вровень стать, страну защитить, сделать ее самой прекрасной, возвеличить!

- Ты же советские песни называла бронебойными, барабанными, – подначила Инну Лена, но не остановила ее пылких восторгов.

- Помню звенящий драматический нерв твоего голоса и мой сильный, высокий, торжественный, таящий мощную угрозу всему капиталистическому миру, стремящемуся изуродовать нас и сгубить. И ведь всерьез верили. Незабываемое пионерское время! «Какие канули созвездья, какие минули лета!», – сказал Фазиль Искандер. А теперь мне трудно найти в себе стабильную точку отсчета. И только «чувств моих белые флаги» и обреченность когда-то достаточно сильного человека, воспитанного на высоких идеях. И это при моей-то противоречивости и вздорности.

- Была потребность и в лирических, и в любовных песнях. Не чужды мы были и произведений, утверждавших постулаты нашей советской жизни. А как же иначе? Детям в души закладывали патриотизм, основы нравственности.

- Хорошо нас воспитывали. Крепко утверждали в нашем сознании представления о любви к отчизне, о долге, о красоте чувств, о дружбе народов. И ведь не навязчиво, тонко действовали.

Инна вспомнила себя, полную жизни, бурной энергии. У нее перехватило дыхание. Ее мгновенно накрыла оцепенелая сосредоточенность. Справившись с волнением, она добавила:

- Смеяться при исполнении патриотических песен раньше было опасно.

- Но не в нашей школе.

- Это правда, – согласилась Инна.

И тут же продолжила, но уже радостно:

- Ах, детство! Помнишь, как тебя на полчаса отпустили на речку и мы от счастья ходили на головах. В детстве счастье – это кусок хлеба, посыпанный солью, и друзья. Лето! Уроков нет. Свобода! Раздолье! Это время, когда душа радуется и развивается, счастьем наполняется.

«Она словно не может насытиться детскими воспоминаниями. Дефицит положительных эмоций», – поставила убедительный диагноз Лена.

- А у тебя и летом воли не было. Ты страдала, чувствовала клетку.

- Душа рвалась... Что тут говорить, сама ведь знаешь.

- Даже не верится, что в этой деревенской, бедной событиями жизни, в этом «застенке» мог произрасти твой талант.

- Память о грустном детстве мне, взрослой, помогала реально себя оценивать. Совесть и недовольство собой руководило мной, корректировало поведение.

«В плохом искать хорошее и полезное - ее привычка», - напомнила себе Инна.

- А я вспомнила свое пальто пятьдесят шестого размера, купленное для меня в «уценёнке», когда я училась в пятом классе, и свой вопрос матери: «Мне теперь его до пенсии носить?» Тогда мне пенсионный возраст человека казался концом жизни.

- А помнишь, на выпускном вечере за успехи в учебе учителя подарили тебе книжку о Мате Хари. Явно с намеком. Они видели внешние «многообещающие» проявления твоего характера, а что душа ранимая - не замечали. Потому что даже когда тебе было очень трудно, ты всё равно улыбалась. Не сумели они ключик к тебе подобрать, не поняли тебя, не дотомкали. Поди, бабуля твоя так говорила?

- Было дело, говорила. Только я не считала себя вправе требовать от всех понимания. Мне некоторых, отдельных хватало. А ты с детства была шустрой, мастерицей на шалости. Живости тебе было не занимать. Не желала подчиняться, бунтовала.

- Славилась выкрутасами, хотя подспудно понимала, что плохо делала. А в твоей голове дурное не оседало, мимо пролетало и проскакивало.

- Меня постоянно что-то внутри сковывало. Может, патологическая, прямолинейная честность. А тут еще бабушка говорила: сегодня соврал, завтра украл, послезавтра убил или предал. Это впечатывалось в мозг.

- Вот и вырос правдолюб и «правдоруб», - рассмеялась Инна.

- А вокруг замечала ложь, непорядочность, несправедливость. И это обостряло мое желание быть хорошей, укрепляло мои поиски самой себя, своего места в окружающем мире. Было бы странно, если бы я в чём-то поддержала гадкого человека. Это не мое. И уроки доброты мне не надо было преподносить. Я в любой момент готова была помочь любому, даже чужому. И все же я полностью не доверяла даже своему внутреннему голосу. Осторожничала.

Для меня в детстве слова «глупый» и «злой» были синонимами. Я не представляла себе, чтобы умный совершал злодеяния или гадости. В голове не укладывалось. В этом я на Аню похожа. Хитрых и наглых людей остерегалась. Видела их насквозь, но не умела словами дать отпор, вот и сторонилась.

И все же в школе меня часто прорывало. Чего только себе не позволяла! Я вот думаю: страх перед наказанием удерживал от шалостей или боязнь, что посчитают невоспитанной?

- Я в тыкву боялась получить. Бабка почему-то все больше по голове норовила врезать.

- Не понимала я себя и злилась на свою нерасторопность, умственную заторможенность, на неумение отбрить, за излишнюю неуверенность и беспомощность, унижающих меня. Догадывалась, что не достаёт мне остроумия, что не хватает духа твердо и жестко ответить взрослому обидчику. Я же в уме проговаривала достойный ответ, но не доверяла себе, своей способности справиться. И слова застревали в горле, не слетали с языка. А иногда достойный ответ являлся позже, когда выходила из ступора, когда «поезд давно ушел». Взрослому, в отличие от ровесника, не врежешь в ответ на его подлость. Такая вот у меня была реакция на несправедливость и ложь. Я только в работе считалась скорой и ловкой.

А ты была быстра и остра на язык. Я тебе завидовала. И во взрослой жизни хроническая заторможенность мне часто мешала, особенно при общении с наглыми субъектами. Казалось бы, сущая нелепица, а держит в тисках по сию пору. Всю жизнь с ней борюсь, но полностью исторгнуть из себя не могу. Выползает она из укромных уголков моего мозга и напоминает о себе. И чувство юмора у меня не самое лучшее. Над многими вещами мне просто не хочется шутить. Боюсь кого-либо задеть, обидеть. Это врожденная или приобретенная робость?

- Налицо навязчивая идея. Она-то и возвращается к тебе снова и снова, – рассмеялась Инна. – Если семнадцать лет жить под гнетом, по приказам, если не поощряется самостоятельность, трудно избавиться от неуверенности. У тебя неизлечимая травма раба.

- Вспомнила достопамятные времена. Да, крепко меня стреножили в детстве. Не давали спуску. В школе я была на высоте, а дома уменьшалась до размера бесприютного щенка. Я и теперь иногда, как прежде, чувствую себя в смиренной рубашке.

- А у меня не было сдерживающих факторов и тормозов.

- Ты была предоставлена самой себе.

- И вроде бы необузданностью темперамента не отличалась. Скорее невоспитанностью. Повинуясь некоему внезапному импульсу, могла «выдать на-гора» что угодно и кому угодно. Открыто выказывала свою неприязнь. Была суматошной, бестолковой. Меня обуревало нетерпеливое желание всем доказать свою самостоятельность.

Инна вдруг прыснула в ладони:

- Ты хоть помнишь, что означало в нашем детстве словцо «срака»?

- Что-то крутится в голове... Нет, не знаю.

- Задница. От чего оно производное уже догадалась? А не помнишь, потому что сама не употребляла. Я же его куда надо и не надо совала. Еще слово котях. Туалетные мотивы. Держалась красивой легенды, что я смелая, раз такое могу сказать. Вот дура была! Не прижились в современной жизни многие словечки из нашей юности. Помнишь: маруха, лабать.

- И не надо.

- Мать жучила меня по всякому поводу и без повода, да что толку. Следовать ее советам не было моим правилом. И усердием я не отличалась. Она злилась, мол, чем только твоя голова забита. Естественно, что устраивала разнос или охаживала хворостиной. Было бы за что! Ладно бы я сподличала или еще чего выкинула в том же духе, а то ведь часто просто под горячую руку попадала. Но больше всего я ненавидела жалостливые, но не очень искренние взгляды некоторых соседок. Помнишь Михайловну? Ох уж это мне пресловутое воспитание! Только недолго я позволяла себя хлестать!

- И это при ангельском личике! Неожиданная несовместимость поведения и внешности. Для меня самым чудовищным наказанием было, если не пускали в кино. Трагедия!

- Для меня тоже. Помню, твоя бабушка моей матери с усталой укоризной говорила: «К слову пришлось, вот девчонка и высказалась. Может, по делу? Не просто на чужих замахивалась, себя защищала. Разве всегда молчать лучше?»

- Оставаться безучастной она не могла, если ребенка стегают. Да и не в деревенских это обычаях. Трудно нам давались хитросплетения взрослой жизни!

- Еще твоя бабушка говорила: «Мария, повремени с приговором. Попробуй разобраться и определиться, на чьей она стороне, а потом уж наказывай или, напротив, возникай по отношению к взрослым, им претензии предъявляй. Сначала пожалей, отогрей, потом уж поругай». Она всегда старалась сказать что-то хорошее, доброе в защиту даже зарвавшегося ребенка.

А иной раз так впечатает! У нее, брат ты мой, не забалуешь. Но даже ирония и едкость у нее были талантливые и с долей юмора. Я любила твою бабушку за неисчерпаемую доброту и справедливость. И даже за неназойливую опеку. И побаивалась. Она не добила моего полного послушания, не заставила себя повиноваться без понуканий, но завоевала мою любовь. Я до нее понятия не имела о достоинстве, об уважении к ребенку. Я вытворяла черт знает что, делала массу всяких глупостей, но один на один – благодаря ей и тебе – могла жестко отхлестать себя словами.

- Ты умела себя защитить от взрослых, а я не могла на зло отвечать злом, просто старалась не иметь с плохими людьми никаких дел, близко их к себе не допускать.

- При всей нежности и неуверенности ты никого не сдавала ни дома, ни в школе, ни на улице.

- Детдомовская закалка. Мне нравилось, что в нашей школе учителя не устраивали дознаний, не требовали выдать зачинщиков.

- Был один случай. Помню неловкое молчание, опущенные в парты глаза, красные от стыда уши учеников.

- Стыд за учительницу. Она это тоже поняла. Сашка тогда сам признался, что толкнул Кольку, и они вместе отремонтировали поврежденную стену: шпаклевали, красили. Как сейчас помню светло апельсиновый цвет стен нашего класса вместо традиционного темно-зеленого.

- А помнишь, как учительница застучала наших ребят за курением? Из любопытства пробовали. Мне тоже очень хотелось. Мне кажется, сигареты - большой наркотик, чем вино. Вино со студенчества мы традиционно по праздникам употребляли, но в промежутках не тянуло выпивать, а к курению быстро привыкали, и даже запах рядом курящих возбуждал и провоцировал хвататься за сигареты.

- Но девушки, не в пример парням, выходя замуж, быстро бросали дурную привычку, - заметила Лена.

Долго еще одаривали подруги друг дружку теплыми воспоминаниями детства. И все же притомились и замолчали.

- ...Знаешь, Лена, что меня удивляло, когда я училась в городской школе? Если дети из простой семьи опаздывали на уроки, то они ждали ребенка высокопоставленных родителей, и вместе с ним переступали порог класса. Тогда им не влетало. А в деревне всё наоборот было: если виноватым оказывался ребенок учителя или начальника, ему устраивали показательную выволочку, мол, позоришь родителей, дурной пример остальным детям подаешь. И дома ему добавляли, еще круче всыпали. В деревне уважали отличников, а в городе относились настороженно и даже презирали.

- В тебе всегда сидел протестный чертенок, а мои взрывы случались из-за постепенного накопления раздражения. Никакой другой причины я не вижу. Благо, я не направляла их на разрушение. Бабушка выручала, топор в руки давала и в сарай отправляла дрова колоть. Великий педагог! Мы с тобой дополняли друг друга. Нас бы еще в детстве слить, размешать да снова разделить и вылепить, - рассмеялась Лена.

- ...А помнишь, мечтали о том, чтобы все люди на земле были счастливы. Конечно, понимали, что это глупость.

- Но это была великая глупость!

- Мы с тобой и сейчас в детство впадаем?

- Ты не выходила из него.

- Милая шутка.

- Так из чьих уст?

- А кто учитель? Эта стрела взята из твоего колчана.

Инна замолчала, но Лена понимала: мыслями она еще там, в далеком детстве.

- Твое «эротическое эссе» о притяжении между мужчиной и женщиной на базе всемирного закона тяготения Ньютона всполюшило многих учителей. И только математичка в твою защиту сказала, что лучше на бумаге, чем вживую.

- Она пошутила: «Дорогие коллеги, выберите другой ракурс и успокойтесь». И от тебя отстали. У страха глаза велики. Учителя часто перебирают в мнительности.

- А мне она заметила: «Учись разные ситуации разграничивать и разводить». Заставляла думать.

- А как ты декламировала стихи Некрасова о бурлаках! Со слезами на глазах, с дрожью в голосе, с искренним стоном, выходящим из глубины сердца. А я, слушая тебя, внутри себя слезами обливалась.

- Не на уроке читала, на перемене. На школьном дворе. Учитель так никого и не вызвал к доске. Выставил одиннадцать колов в журнал за прошлый урок, спустил пар и уткнулся носом в учебник. И ведь ни за что наказал. Настроение у него было плохое. А ученики старались, учили, репетировали, чтобы с выражением прочесть. Какая уж там любовь к литературе.

- Ты не учила стихи, а постигала. И запоминала их в одно касание.

- Только те, что потрясли или задели. Мне казалось - на основании школьных знаний, - что Пушкин пишет больше с восхищением, ищет радость. Я чувствовала его поверхностно. Тогда мне не дано было понять его мощь и глобальность. А Некрасов сопереживал своим героям, делился с читателями своей грустью, своим сердцем, пораженным огромной любовью и болью. Писал просто, без кудрявостей, без ярких эпитетов и изысканных сравнений. Но каждое его слово ложилось на душу, и мне казалось, что лучше сказать невозможно. Я чувствовала его до дна, он был мне близок. Я ему в детстве монумент воздвигала в своей душе. Ведь любая любовь - хоть к человеку, хоть к родине, - это не столько радость, сколько боль, переживание, сопереживание.

- А «На смерть поэта» Лермонтова! Лучшего исполнения я не слышала даже у артистов.

- Лермонтов - моя вторая, более мощная любовь. В девятом классе меня сначала поразили его удивительно зрелые стихи, потом чуткая проза. С ним я выросла. Он тоже близок был мне своей болью. Никого после него я не могла возвысить в моем сердце. Нет, были, конечно, мощные стихи, но только отдельные. Позже Роберта Рождественского за глубину высоких чувств полюбила.

- А я Блока.

- Его «Двенадцать» - уступка революции. Таково было мое детское впечатление. Это раздражало. Мне казалось, что это себя Блок представлял старым голодным псом, бредущим в страшной ночи. Он мучительно пытался разобраться в себе и в обстановке в стране. Что и примиряло.

- А «Незнакомка»?

- Если её хорошо прочитать, то потрясает.

- В школе тебя волновала степень влияния воображения на то, что человек видит. А потом мы узнали, что и Ньютона интересовала эта проблема. Надо же, великий интеллект из огромного океана непознанных истин выбрал то же, что и ты. Тебя это не наводило на мысль, что ты...

Инна сделала говорящую многозначительную паузу.

- С той лишь разницей, что меня эта проблема увлекала на интуитивном уровне, а он занимался этим вопросом целенаправленно. К тому же у него была масса более глобальных научных предпочтений. Много кому к нему хотелось присоседиться и примазаться. Только не мне, глупой, любопытной девчонке, - усмехнулась Лена.

«Чего только мы не вынимаем их закутков своей памяти! Как же переплелись наши воспоминания! Не распутать их, перевитых обожанием, перекрученных болью. Как обо мне с Леной сказала Аня? «Вы смотрите друг на друга глазами давних сирот». Молодчина!» - восхитилась Инна и задумалась еще о чем-то вызывавшем в ней теплую улыбку.

- ...Инна, я не понимаю, почему некоторые наши юные рыцари на первом курсе женились на старшекурсницах и тут же быстро разводились.

- Тем девушкам для упрочения своего безупречного имени надо было выйти замуж, дабы прикрыть свои прежние грешки и неудачные попытки завести семью. Охмурить восемнадцатилетних мальчишек им не стоило труда. Но в мужьях-салагах они не нуждались.

- А я думала, что мальчишки были виноваты в разводах, - созналась Лена.

- ...А помнишь, студентами мы какой-то фильм про скатов смотрели? Эти скаты манты издавали звуки, от которых тебе стало дурно, а мне и остальным присутствующим - хоть бы что! Тогда я лишний раз убедилась, что ты не такая, как все. В чем выражалась эта возвышающая тебя особенность, я не понимала, но чувствовала ее. Это породило нечто неуловимое, вызывающее таинственное обожание. Ты во всем видела жизнь: в камнях, деревьях, облаках. К слову сказать, то, что ты первенствовала по части уроков, к этому не имело ни малейшего отношения.

- Фантазируешь, - засмеялась Лена. - Но знаешь, ты в чем-то права. Наличие повышенной чувствительности я сама за собой замечала. И у Антоши на этот фильм была та же реакция. Не странно ли? Меня в детстве спасал твой практицизм и юмор. Быть бы мне без него неврастеничкой.

«Какое-то у Инны сегодня покадровое мышление», - недоумевает Лена, судорожно сосредотачиваясь, чтобы успевать переключаться.

- ...Ты всегда была чертовски правильной. Детдом и прогорклый хлеб иждивенчества загнали тебя в жесткие рамки или это тоже наследственная черта?

- То, что мне хотелось быть хорошей, - очевидно, генетическое. Такой мой стержень. Правильной быть мне проще.

- Проще? Как так? Ты же всю жизнь прожила в напряжении, зажатой в кулак общепринятых условностей.

- Напряжение от несправедливости, от невезенья, от того, что всё сама, всё одна, - грустно улыбнулась Лена. - Если бы отказалась от своего «я» или кардинально вступала с ним в противоречие, мне было бы намного труднее. Я, допустим, не смогла бы громить, крушить или делать еще что-то в том же духе, противоречащее моей натуре.

- Невезения. Их постоянная череда тебя изматывала. Выручала ирония. Первый курс наш вспомнила. Нам к контрольной дали решить по семьдесят интегралов. Ты с одним не справилась, хотя была самая сильная в группе, и боялась, что именно этот злосчастный интеграл попадет тебе на контрольной. Сокурсники успокаивали тебя, мол, просчитай вероятность этого события.

- Он достался-таки мне, и я лишилась возможности получить зачет автоматом. Пришлось отшутиться, мол, «коль не везет, так и трамвай не повезет» и вместе со всеми отправиться на экзекуцию.

- Так ты называла экзамены и зачеты. Они требовали от тебя большой нервной выдержки.

- Этот случай - яркий пример степени моей невезучести.

- Как-то Эмма, вспоминая тебя, сказала: «Я больше не встретила кого-то, кто бы так хорошо знал математику».

- Преувеличивала, - отмахнулась Лена.

- С каких пор ты стала верить в свою невезучесть?

- С детства, когда узнала, что у одного нашего соседа из десяти сыновей только один вернулся с войны, а у другого - девять. А мне с самого рождения не повезло, ты же знаешь. Правда, можно считать, что все эти жизненные перипетии были мне необходимы для формирования личности, - усмехнулась Лена.

- Вот ты и выковывала свой характер. И до сих пор невезение тебя преследует?

- Почти ежедневно. Недавно пошла на почту. Два часа меня промурыжили у стойки. Я доказывала, что приемщица не права, но она, по незнанию, всё равно по-своему сделала. А переделывать мне пришлось. Зарплата у них грошовая, отсюда текучка кадров и некомпетентность. Не удивлю, если расскажу еще много чего подобного, происшедшего со мной только за последнюю неделю? И так всегда и во всем. И в малом, и в большом. Чем я приковываю к себе особое «внимание» невезения, чем объяснить его постоянную обо мне «заботу»? Невольно задашься вопросом: уж не рок ли висит надо мной? – полусуто сказала Лена и подумала об Антоше. И Инна о нем же. «Никогда не отболит у Лены память о старшем сыне, не иссякнет любовь к нему. Не смирится ей... Вот и не хочет она говорить о невезении в жизни своих детей. Мелкое в пример приводит».

- А Кира, как-то рассказывая о сыне, тоже пошутила о своем наследственном невезении, - сказала Инна и тут же осеклась. Поняла, что шутки на тему детей при Лене не уместны.

Но Лена о младшем сыне заговорила:

- Андрюша талантливее меня, только в невезении мы с ним на равных.

И поплыли в ее памяти недавние, жутко неприятные события, связанные с диссертацией сына, с подлым поступком его руководителя. Но о них она не стала рассказывать Инне, чтобы не грузить еще и своей болью. Только про себя печально подумала: «Вот так мы и лишаемся остатков оптимизма». И Валю тут же вспомнила. Сколько в ней было радости! А какстряслось в ее семье страшное несчастье – в автокатастрофе погибли сыновья и муж – так, говорят, куда все и делось. Сначала юмор пропал, потом и сама сломалась: заболела неизлечимо. Несколько лет продержалась буквально на честном слове, пока внуки чуть подросли, и ушла из жизни. А подруги на тризне горько произнесли: «Еще одна оптимистка отмучилась». И все-таки в человеке должно до последнего оставаться небольшое поле для радости, чтобы надеяться, держаться, чтобы выживать».

17

- ...Правильные люди часто бывают категоричными. Помнишь, изменила Вячеславу жена, он развелся и десять лет с сыном не общался, пока тот не вырос и сам без матери к нему пришел. А Родик? Тоже ведь прекрасный человек. Не послушал его сын, женился в восемнадцать лет. Так он сам его в армию отправил на перевоспитание. Мол, там научишься за себя отвечать. Хотел, чтобы из него настоящего мужчину сделали. Боже мой, какой был тонкий нежный мальчик с возвышенной наивной романтической душой! Художник, поэт! Сломали его. Он схватился за автомат – и пропал. Не успел повзрослеть, а его в шоры. Господи, до сих пор в слезах тону, как вспомню, – вздохнула Инна. – Где наша военная аристократия, та, что высший класс?!

- Пришел в армию – обязан соблюдать устав.

- Он-то соблюдал. Нет в мире совершенства и справедливости. И не будет.

- Вот и ты...

- Категоричные слишком много требуют от окружения, потому что всех по себе меряют. А некоторые стремятся всех подчинить, под себя подстроить.

- По-разному бывает.

- А ты только с собой жестоко расправлялась.

- Всем нам случается ошибаться.

- Помнишь, как твой Антоша в шесть лет преподнес тебе урок? Не послушал он тебя и здорово расшиб колени, перебегая дорогу перед машиной. Ты его в горячке давай ругать, шлепать, а он тебе: «Мама, сначала успокой, потом накажи». Ой, как стыдно тебе

было!

- Так ведь чуть под машину не попал! Какая в тот момент педагогика и психология? От страха все помутилось в голове.

- А в четвертом классе? На выпускном экзамене решил он все варианты заданий, чем помог одноклассникам получить хорошие и отличные отметки, а сам из-за маленькой описки «отхватил» четверку. Как он бедный ревел! Ему было обидно. Он надеялся, что учителя простят ему маленький недочет, он просто поторопился, переписывая начисто свою работу. Он же помог товарищам! Он верил, что совершил добрый поступок – выручил класс. Он герой! А они...

А после одиннадцатого? Пока не помог другу решить задачу по программированию, за свою не взялся. И не успел ее довести до конца. Правда, получив по физике максимальный балл – единственный в группе, – все равно поступил в вуз. И еще в один. И что ты ему тогда сказала?

А что он на первом курсе отчебучил? Преподаватель потребовал от него точной формулировки закона, а он ему в шутку, мол, я тоже лет двадцать поучу студентов, так любой закон у меня как от зубов будет отскакивать. Талантливый был, а вот того, что с кем зря шутить не стоит, еще не понимал. Слишком юн был, шестнадцати не исполнилось. Неисправимый оптимист. Весь в тебя. Ты часто пыталась помочь плохим людям, а некоторые из них потом тебе же и пакостили.

- Первое, что приходило мне в голову, когда я видела, что человеку плохо, – это помочь ему. И уж потом выясняла, каков он.

- Разве ты сразу не понимала, что за человек перед тобой?

- Понимала, но не могла переступить через чужую беду. Конечно, потом страдала, переживала и все равно ничего с собой не могла поделать, и снова оказывала помощь, все еще на что-то надеясь. – Лена грустно улыбнулась.

- Я помню твоего внука в три годика. Мама его друга стала быстро поправляться. Он это заметил и сказал ей: «А мою бабушку вам все равно не получится перетолстить!» Наверное, считал, что тебе комплимент делает. И слово придумал аналогичное «перерастить», – восхитилась Инна.

- Дети часто образуют новые интересные слова и словосочетания. Андрюша говорил слитно «папамама», подразумевая под этим «родители». Меня трудно обескуражить или заставить врасплох детскими изобретениями, но внучку это иногда удается.

А в Антоше меня удивляло то, что он никогда не играл в «солдатики», в войну, как все его друзья, и оружие его интересовало только с точки зрения конструкции, хотя я упорно воспитывала в нем мужество, стойкость, патриотизм. Но я знала, что в момент опасности он всегда бросится на защиту, спасет, поможет и сделает это из любви или из жалости. Но военным никогда не станет. С рождения был пацифист. Андрюша у меня другой. В его крови есть ген геройства. И в Андрейке он не утрачен.

- А помнишь, когда Андрейке не было и года, он любил пританцовывать под ритмичную музыку, а классическую не воспринимал, хоть ты и старалась ее прививать. И ты сразу заявила об отсутствии у него музыкального слуха.

- И не ошиблась, – сдержанно ответила Лена.

Она не стала утомлять Инну своими восторгами по поводу горячо любимого внука, тем более что та не могла поддержать этот разговор. Внучатые племянники не баловали ее посещениями. Инна ее поняла и спросила о другом:

- А правда, что на кончиках пальцев гениальных скрипачей есть точки золотого сечения?

- Так далеко мои познания в области музыки, физиологии и гармонии не заходят. Я же технарь. Спроси о чем-нибудь более простом, – улыбнулась Лена и разлохматила волосы

на голове подруги.

Та со смехом ответила ей тем же. И вдруг вспомнила, как любила являться на работу нарядной за день до Восьмого марта и всё внимание, и все поздравления с наступающим праздником доставались только ей. Настроение ее сразу подскочило до приятно-штормового.

18

- ...А стыдного в твоей жизни много было? - зашептала Инна.

- Случалось. И стыдно было, и горько, и обидно одновременно. И даже смешно. Один подлец нехорошее письмо подписал моим именем, чтобы меня с проректором поссорить. Мне чуть дурно не сделалось, когда узнала. Противно было оправдываться, объясняться. Я как оплеванная ходила. Проректор все равно не поверил и при случае отомстил мне. Я, конечно, сразу вычислила обидчика, но что-то предпринимать было уже поздно. Не знаю, чувствовал ли он свою вину, переживал? Его давно уж нет. Молодым ушел из жизни.

А как-то поставила я одной заочнице двойку, так она пошла к заместителю декана и что-то гадкое обо мне ему наговорила. Захожу я отчитаться по ведомостям, а он как накинулся на меня! Слюной брызжет... Я не пойму, в чем дело... Потом сообразила. Обидно было, что поверил. Неловко стало после этой истории встречаться. Избегали мы друг друга. Я всегда к нему с уважением, а он... В плохое почему-то всегда скорее верят.

Еще один заочник на ум пришел. Принимаю я зачет. И вдруг он говорит: «Привыкли нас оценивать, а сами-то знаете то, о чем нас спрашиваете?» Я, ошарашенная его наглостью, в первый момент растерялась и чуть дрожащим от обиды голосом начала формулировать ответы на вопросы его билета. Потом мой голос окреп. И тут я опомнилась и сердито взглянула на студента. Понимаешь, он был много старше меня, седовласый морщинистый и какой-то желчный, а я худенькая, как девчонка. Ты же знаешь, я всегда моложе своих лет выглядела и этим вводила людей в заблуждение. Это теперь у меня «пивной» животик.

- Ты же не любишь пива.

- Из-за больных почек мне приходится ежедневно выпивать по полтора-два литра воды сверх обычной нормы.

- Всего-то дел, что заочник смутил. Еще в каких грехах хочешь повиниться? - шутливо спросила Инна, почувствовав неограниченную откровенность подруги.

Неожиданно Лена рассмеялась, да так, что ей пришлось с головой одеялом накрыться. Успокоившись, она удовлетворила любопытство подруги:

- Представляешь, иду я с работы и вдруг вижу, внучок ручонкой мне машет. Он с Андрюшей в скверике гулял. Я заторопилась к ним, не заметила едва выступающего из опавшей листвы бордюра и упала на большие колени. Попыталась встать, но завалилась сначала на бок, потом на спину и, как майский жук, никак не могу перевернуться. Елозила, елозила, пока сынок не подскочил. Водрузил он меня на скамейку, успокоил. А мне стыдно от своей беспомощности и смешно. Вспомнила ироничные слова соседа-пенсионера: «Что мне теперь нужно? Кефир и теплый сортир». Не хотелось бы дожить до его лет, вернее, до его состояния.

А раз возвратилась из командировки и - о ужас! - в моей спортивной сумке гостиничное полотенце! Видно, я сразу после бассейна заторопилась на самолет.

- И давно это случилось?

- Лет десять прошло с тех пор.

- Не журишь. Можешь быть спокойной - не посадят. Срок давности преступления и срок

предъявления претензий давно истек, – рассмеялась Инна.

– Я в следующий приезд отвезла это злополучное полотенце и в качестве моральной компенсации подарила горничной духи.

Лена помолчала немного и снова приступила к исповеди, хотя Инна уже не приставала к ней и не выпрашивала. Видно ей тоже требовалось выговориться.

– Тяготит меня один непреднамеренный грех. Я чуть семью не разрушила.

– Ты?! – совсем не преувеличенно изумилась Инна.

– Сделала я одному доценту комплимент, мол, ни одна женщина не пройдет мимо, не запомнив вашего лица. Ну, что-то в этом духе. Человек на самом деле был не только яркой внешности, но и обаятельный. У него росло трое прекрасных сыновей. Я гордилась, что среди моих знакомых есть такой порядочный человек, примерный семьянин, поэтому искренне выразила ему свое мнение о нем. А он, оказывается, почему-то переживал по поводу своих внешних данных. Но очень скоро после нашей встречи этот мужчина точно с цепи сорвался – его сестра мне жаловалась, – и жене потребовалось много сил, чтобы сохранить их брак. Но, признавая свою вину, я не нашла в себе мужества сознаться ей в содеянном.

– И что бы это изменило?

– Все равно совесть мучает. Меня успокаивает лишь то, что Валентине хватило мудрости и терпения удержать отца своим детям. Представляю, каких нервов это ей стоило! До сих пор переживаю. Встань на мою точку зрения и сразу поймешь мои страдания. Меня оправдывает лишь то, что я без всяких плохих побуждений сделала комплимент.

– Могу понять. Был у меня один друг. И вот совершил... небольшую подлость: обманом заставил за себя работать другого. И награду за эту работу получил. Начальник его уговорил так поступить. Бедняга так страдал от своего непорядочного поступка, что заболел и умер. Хороший был, в принципе, парень, умница, с юмором, но неудачник. И вдруг такое сотворил на свою голову...

Лена, сочувствуя, прерывисто вздохнула.

– А я Фиму на защите дипломной работы вспомнила, – засмеялась Инна. – Он в такие теоретические глубины полез, обосновывая результаты своего эксперимента, такие длинные формулы выкладывал у доски! Как же – отличник, лучший на курсе. И вдруг какой-то тщедушный старичок из комиссии – похожий на школьного учителя – спрашивает его, что такое емкость. У Фимы глаза из орбит полезли. Никак он не мог переключиться на школьную программу. Это как упасть с высочайшей скалы познаний в зеленую долину бездумного детства. Лепетал что-то дрожащим голосом, конденсатор рисовал, а формулировку от волнения так и не вспомнил. Стоял растерянный, убитый, красный, будто раздавленный помидор. Даже я при всей моей к нему нелюбви пожалела его. Подкузьмил его старикашка. Думаю, не простил ему молодежного гонора, необоснованной заносчивости.

– Нечасто, но бывает такое в наших кругах.

– Вступительные экзамены вспомнила. В нашей группе иногородних было только трое: детдомовская Кира, Толик после армии – им достаточно было тройки получить, они, льготники, вне конкурса шли – и ты, единственная из школьников, которую не страховали.

– Был конкурс родителей? – удивилась Лена. – В те годы? Не знала. Для меня это откровение. Священная альма-матер! Флагман науки!

– Не в МГУ же с конкурсами на порядок выше нашего. Старый как мир способ – блат, знакомство, как ни назови, всегда был. Правда, не в такой степени, как сейчас. Еще натаскивание. Я через него попала в вуз.

– Репетиторство – не в счет. Оно закладывало прочный фундамент по предмету. Я сама много лет им занималась. Готовила в военные училища и в академии. Никого не «просовывала». Мои абитуриенты поступали благодаря высокому уровню знаний. От тех,

кто не «тянул» или ленился, я быстро отказывалась. А вот ректорский список, я слышала, в моем нынешнем вузе будто бы был и есть. Я не сталкивалась, а бездоказательно не стану порочить свой вуз, – взъерошилась Лена. – Да, еще один случай вспомнила. Я тогда первый год читала студентам лекции и вела лабораторные занятия. А тут декан попросил поработать на вечерних подготовительных курсах для школьников в медицинском институте. Я не соглашалась. Сынок и так мало меня видел. Декан нажимал, мол, вы единственная, кому я могу доверять. Обычная фраза, когда надо захомутать на работу, за которую никто не берет. Я возражала, мол, не имею опыта решения задач с целым классом, только репетиторством занималась. В университете у нас не было ни методики, ни педагогики, ни педпрактики. Да и некогда мне сейчас изучать эти вопросы.

Не открутилась. Даю урок. Сама у доски решаю задачи и объясняю, а дети просто списывают. Понимаю, что это не эффективный метод обучения, но боюсь заставить ребят решать самостоятельно. Знаю, что посыплется вопросы, и, если стану каждому растолковывать его ошибки, то не уложусь в программу занятия.

И все же отказалась я от курсов. Сынок не засыпал без меня. И вот веду я последнее занятие, и тут мелькнула у меня шальная мысль провести его по всем правилам: дети сами решают задачи в тетрадах, а один из них мается у доски. Когда-то надо и мне учиться. Глупость, конечно, сделала. И что тут началось! Оказывается, школьники на одну задачу нарисовали разные варианты чертежей. И грузы у них двигались не в одном направлении, и оси координат они связали не с теми грузами, и направили их неодинаковым образом. Я пока одному парнишке растолковала, как он должен найти проекции сил, на меня налетел еще десяток тех, у кого результат не сошелся с ответом в учебнике. Шум, гам. Смотрю, ребята, видя мою растерянность, начинают похихикивать. Мне чуть дурно не сделалось: с детишками не справилась! Чувствую – то краснею, то бледнею, лоб покрылся испариной. Опозорилась дальше некуда. Сама к доске пошла объяснять задачи, но все равно план не выполнила. Студенты педвуза на первой практике подобное переживают, а я – дипломированный специалист, и вдруг такое...

– Только перед глазом божьим ничего не стыдно. Он все прощает, – пошутила Инна. – Получается, сначала ты на лекциях перед студентами каждый день экзамены сдаешь, потом они перед тобой.

– А второй раз через год прокололась. Шли занятия у заочников и одновременно вступительные экзамены. Не могла я поставить положительную отметку абитуриенту, знания которого были на нуле. Секретарша взбесилась – это был ее протеже – и «накрутила» шефа. Тот сам сел принимать экзамены, а меня попросил провести за него занятие. Мы к тому времени уже работали в паре, и я знала уровень задач, которые он давал студентам. И вдруг перед самым звонком я обнаруживаю на столе записку с новым заданием и названием задачника неизвестного мне автора. Нахожу учебник, раскрываю на нужной странице, пробегаю глазами текст, а там задания для аспирантов. Недоумеваю: как можно студентам-заочникам растолковать такого рода задачи? Естественно, они смотрели на доску, как баран на новые ворота. И я готова была провалиться сквозь землю. Хоть убей меня, до сих пор не пойму, зачем он так поступил. Может, сам что-то перепутал? Хотя на него не похоже. Педант. И в преднамеренности я тогда не могла его заподозрить.

– Тогда... Обижал? Сознайся.

– Знаешь ведь... – сдалась Лена. – Всю жизнь обижали: и в детдоме, и в семье. А уж когда работать пошла, обидчики в очередь выстраивались. Каждый их «фокус», как пробный камень. Испытывали. Иногда такой форс-мажор устраивали! Закалили, научили защищаться и наступать.

– А кто тебе больше пакостил по жизни – мужчины или женщины?

– Конечно, мужчины. Подсиживали, подло подставляли, отвратительно лгали, порочили, угрожали. Принижая, старались обезвредить. Женщины по мелочи щипали, а мужчины крупно задевали, судьбоносно били, переворачивая планы на всю жизнь.

– Вообще-то понятно. Они же обязаны делать карьеру, а ты мешала. Меня тоже мужчины доставали. Я всю жизнь провела в напряженной собачьей стойке, ожидая от них очередных гадостей. А вот кто в сплетнях приоритет держал, даже не скажу. И от тех, и

от других крепко доставалось. Нет, пожалуй, от мужчин больше. Они на двух фронтах воевали: унижали мое женское достоинство и «цапали» за успехи в работе.

- Мой хороший знакомый рассказывал, что всю жизнь командовал женщинами, а, выйдя на пенсию, устроился председателем собрания собственников. Вот где намучился! Побывал в самой гуще враждующей собачьей своры! Предприниматели в основном мужчины. И среди них были такие уроды, которым ничего невозможно было доказать. Они признавали только свою пользу. И электроэнергию воровали, и незаконно захватывали общие площади, годами судились. Проигрывали и опять судились. Склочные, упертые, лживые, наглые сволочи. И ведь знали, что не правы, но все равно свою линию гнули. Сколько из-за их споров-раздоров люди на собраниях-заседаниях времени попусту теряли, сколько нервов тратали!

Знакомый говорил: «Сначала я намеревался навести идеальный порядок. Велико было искушение доказать свои способности организатора. Разум побуждал спорить, убеждать, указывать на очевидные факты. Я пытался им растолковать то, что они знали и понимали не хуже меня. Я доказывал их нелогичность. Старался сузить возможности их маневра, чтобы они оказались как бы между двумя жерновами. А они отстраняли от себя мои доводы и делали вид, будто не понимают, когда они обижают и когда обижают их. Странные люди.

Есть категория наглых людей, которым даже удается всю тяжесть своих провалов бессовестно перекладывать на плечи других, тех, что оказываются рядом. Те расплачиваются за чужие ошибки, а наглецы остаются в стороне. Понял я бессмысленность своих титанических усилий, лишь когда чуть до инфаркта не довели. Ушел с должности и свет в окошке увидел. Среди женщин я таких непорядочных не встречал».

Лене бросилось в глаза, как резко подалась вперед Инна со словами:

- Федор так же себя вел. Ему невозможно было втолковать то, что он не хотел слышать.

- Масштаб другой. Он с женой воевал.

- А суть та же. И такое творится повсеместно. Всегда в коллективе хоть одна тварь, да найдется! Твое поведение вроде бы не располагает к злым поступкам и пошлым сплетням по отношению к тебе, а вот поди ж ты... все равно доставалось. Тайна бытия! В ней смысл всего сущего, - пошутила Инна. Ей не хотелось, чтобы Лена всерьез расстраивалась, вспоминая свои неприятности от сплетников.

- Так что там с аспирантскими задачами? - вернулась Инна к институтским ошибкам подруги.

- Первая моя мысль была: я обязана выполнить задание лектора. Ты же знаешь мою дисциплинированность. Вторая: студенты ничего не поймут, и решать эти задачи не имеет смысла. Но сработала с детства заложенная привычка к безропотному послушанию и подчинению старшим. Ты не представляешь как трудно вести занятие, когда тебя не понимают! Чертыхаясь про себя, еле дождалась конца занятия. Студенты ошарашены, я расстроена и неудовлетворена. Что они обо мне подумали? Что я не соображаю, не умею донести? Осрамилась хуже некуда. Мне было так стыдно, как потом больше никогда в жизни. Долго переживала, ругала себя за неспособность быстро принимать решения. Ладно, не буду обременять тебя своими отрицательными эмоциями.

- Ты бы объяснила студентам ситуацию.

- Не тот случай. Я никогда не переходила границу, отделяющую педагога от учащихся.

- Авторитет боялась потерять? Не дай бог уронить себя в глазах студентов! Считала, что в принципе не подобает быть на равных?

- Нет. Я всегда держалась естественно, без напускной строгости. Это как-то само собой получалось. Физика - наука сложная. Они с должным уважением, и я со строгостью. Конечно, если они шутили, я допускала послабление. И себе часто позволяла подшучивать на практических занятиях. На лекциях не расхолаживала. Мои слова

обязаны звучать полновесно и убедительно, а студенты не должны отвлекаться от темы.

«Мне казалось, что до этого я была у студентов на хорошем счету. А теперь?» – изводила я себя. Эта раздражающая мысль надолго засела у меня в голове. «Я еще свое возьму, я докажу», – уговаривала себя. «Если можешь, то пожалуйста! Оно, конечно, потерять авторитет проще», – издевалась я над собой, пытаюсь заглушить горечь стыда. Студенты ведь нас тоже оценивают. Как видишь, на всю жизнь заноза осталась.

Не ожидала я от заведующего кафедрой такой подлянки. Сама виновата. Могла бы послушаться и хотя бы перед студентами выглядеть достойно. Заторопилась, до конца не проиграла в голове ситуацию, и вот результат – опозорилась.

Лене никак не удавалось успокоиться.

– Никогда под настроение не лютовала?

– Я всегда максимально держу сторону студентов. Работая первый год, на зачетах я сама говорила больше студентов. Декан даже пошутил: «Так кто тут у нас сдает сессию?» У нас в ходу фраза: «На экзамене полбалла в пользу студента», скидка на волнение. Я даже иронизировать и шутить над студентами редко себе позволяю, ну уж если совсем нули или шалопай. В оценках знаний по большей части полагаюсь на то, как молодежь проявляет себя на практических занятиях. Но только не с сегодняшними студентами, когда уровень их подготовки в вуз неуклонно стремится по нисходящей.

– Ты только над собой могла жестко посмеяться. Тебе всегда хотелось говорить людям приятные слова. Я думаю, это качество иногда мешало тебе в работе. Есть много любителей попользоваться чужой добротой. У меня такое не проходило. Я в капкан жалости не ловилась, меня только самолюбие подводило.

– Я сама питаюсь положительными эмоциями и запасаю их для других, – улыбнулась Лена. – Люблю, когда молодежь смеется, а еще больше, когда искренне радуется. Недавно иду по коридору и слышу, как девушка говорит парню: «Всю ночь перед экзаменом не могла заснуть». А он ей в ответ: «А я на экзамене не могу уснуть». И рассмеялись. Молодые! И у меня настроение приподнялось.

– Кто-то из преподавателей учил нас: «Уметь посмеяться над собой, значит, уметь перешагнуть через свои амбиции и комплексы».

– Хороший совет. Еще я не любила (мало кто любит) преподавать на факультетах, где физика и математика не основные предметы. Стоишь у доски, выкладываешься, а они за твоей спиной шушукуются о чем-то своем, более им интересном. Если предмет для них не главный, для меня это не повод халтурить. Я, борясь с обидой, все равно терпеливо пытаюсь донести им материал, пусть даже в упрощенном варианте. Стараюсь привить интерес к науке, хоть немного расширить и углубить их знания, а они не ценят. И я не получаю морального удовлетворения. Это очень неприятно и тяжело. Кажется, что студенты сквозь меня смотрят. Я по возможности избегаю работать на «неестественных» факультетах. Моя молодая напарница в истерике вылетала с таких занятий и грозилась больше не переступать их порога.

– Помнишь шутку Ландау? «Науки делятся на естественные, неестественные и противоестественные», – вклинилась Инна.

– Как-то встретила бывшего студента из того злополучного курса. Остановился, лицо заалевшее опустил. Сказал: «Буду откровенным. Мучаюсь я с плохим знанием физики, а помочь некому. В деревне работаю. На предприятии я единственный дипломированный специалист. Простите, что не слушал вас. Теперь вот сыну внушаю, нагоняю устраиваю, чтобы осмотрительнее был, ошибок моих не повторял». Я посочувствовала ему. Мол, если бы в школе на выпускных экзаменах физику сдавал, было бы легче. Но он молодец, на себя всю вину взял. Мол, глупым был, пока жареный петух не клюнул.

– И ты сразу размякла, рассопливилась.

– Да, предложила свою помощь в случае серьезных затруднений.

– Приезжал?

- Да. Дважды. Помогла.

- Ты совсем как Анька. Та всё трюндит, мол, когда помогаю другим, чувствую себя нужной и полноценной.

- А что я вижу в последнее время? На всю группу два-три юноши владеют обычным бытовым инструментом. Остальные, кроме шариковой ручки и книги, ничего в руках не держали. И насчет спорта у них глухо. Режиссер Станислав Говорухин еще на съемке фильма «Вертикаль» говорил, что «женщины в дублерах не нуждались, сами по горам лазили, упирались, чего не скажешь о мужчинах». А теперь мы имеем массовый мужской инфантилизм. И в учебе не блещут.

Как-то сравнила фото нашего курса с недавним снимком студентов. Какие у наших ребят были одухотворенные, умные лица! Прекрасные, дивные! А у этих, последних, ни интереса, ни восторга в глазах. Грустно мне стало.

- Новое не всегда лучше? - засмеялась Инна. - А я вспомнила фотографии наших предков. В лицах доброта и подлинное православное терпение. Особенно у женщин. Этого на фото нашей молодежи тоже уже нет? До чего же точно фотки отражают эпоху. Смотрю и представляю свою жизнь в контексте жизни своих далеких предков...

- Я не шучу! Я и в нынешних студентов всю душу вкладываю, как и в тех, моих первых. Учю, приучаю, воспитываю, а результата не всегда добиваюсь желаемого.

- Жизнь полосатая. Эпоха другая. Капитализм.

- Это меня не оправдывает. В современной жизни тоже не обойтись без мужества, знаний и умений, - ответила Лена и, недовольная собой, вся как-то передернулась от раздражения. - И без стержня - любви к Родине и семье - тоже толку не будет. А у меня на группу только десяток студентов, которые учатся так, как мне хочется: пытливо и добросовестно. У них стойкий иммунитет против антигуманных и псевдогуманных поветрий. Они самостоятельны в мыслях, поступках и стремятся быть независимыми от расхожих мнений. А остальные...

- Так ведь с яслей надо начинать. Сначала стишки про маму, папу и солнышко им читать. В младших классах песенки про родной край разучивать. И все выше и выше по ступеням. Как нас учили. Сейчас искусство делится на массовое и элитарное, а в СССР оно было массовым, но высоким. Вкус воспитывало, поэтому до сих пор не потеряло своей ценности. Лучшее из прошлого надо обязательно брать в будущее. Правда, в воспитание все равно придется вносить коррективы, поправки. Больше поощрять инициативность, самостоятельность, предприимчивость и прочее. Но база, нравственная основа обязана оставаться. Культура должна работать на сохранение и развитие. Я вполне серьезно говорю.

- Тебя трудно заподозрить в подыгрывании, - миролюбиво откликнулась Лена.

19

Мысли Инны снова вернулись к воспоминаниям о детстве.

- А помнишь, как теплым солнечным осенним днем ты в лесу, собирая грибы, попала в змеиное логово? Страшная картина! Их были огромные многослойные кучи! Они занимали всю поляну, сколько хватало тебе огляда. Змеи разных видов, размеров и оттенков мерзко шевелились, обвивали друг друга, переплетались, сворачивались в клубки и снова разворачивались. Их были тысячи! Ты никогда не представляла, что в нашем лесу их может быть так много.

Тебе казалось, что они собрались на совет. Одна - самая длинная, толщиной в руку и с красивым строгим орнаментом на спине, - свернувшись крупными кольцами, спокойно и царственно возлежала на высоком пне в центре поляны. Держа голову высоко и торжественно, она гордо оглядывала сородичей. Змеи расположились вокруг пня концентрическими кольцами. Ты обмерла! Тебя сковал ужас.

- Натерпелась я тогда страху. На миг мне показалось, что я одна во всем мире. Вокруг тишина, девственный лес без следов деятельности человека... и вот пришел мой страшный конец. Я представила, как все они разом кидаются на меня и жалят, жалят... Каким-то непостижимым образом я выбралась из жуткого «окружения», не наступив ни на одну особь. Благо я была совсем у края террариума. Может, меня спасла их странная разнеженность на солнце.

Как я рванула, не чувствуя под собою ног! Бежала на пределе сил. Напрямую неслась сквозь кусты, обдирая руки, ноги, перескакивала через поваленные деревья. Ветки хлестали по лицу, по глазам. Слезы текли, в горле колом застрял вопль, а мне казалось, что я кричу. Наконец вырвался дикий звериный рык, и я будто очнулась. Видно, от усталости меня повело. Я упала и тут же вскочила как ошпаренная. Страх все еще зашкаливал. Потом петлять, как заяц на снегу, непонятно почему начала, будто невменяемая. Задохнулась от бега, остановилась, спряталась за дерево, затаилась, прислушалась зачем-то. И все это совершенно бессознательно, на каких-то древних инстинктах. Когда промыла глаза слезами и проморгалась, огляделась. Ничего подозрительного. Села на землю, привалилась к стволу дерева и вырубилась. Наверное, от стресса.

Очнулась. Мысли торопливо поскакали: «Сумерки стремительно набегают. Тупая башка! Для полного счастья только не хватает, чтобы ночь застигла меня в лесу! Если заблужусь, что меня ждет? Переохлаждение, обезвоживание, змеи. В лучшем случае выволочка дома. Пожалуй, не ограничатся «взысканием»». Ни за что не допущу! Срочно искать любую наезженную дорогу! Она выведет к жилью».

И опять давай бог ноги. Спас пахучий дегтярный дым костра, тяжело поднимающийся к небу. Явно горел свежий сосновый лапник. К нему и двинулась. А там люди добрые вывели на дорогу к деревне. Унесло меня черт знает куда!

- Сегодня ты спокойно вспоминаешь, а тогда...

- Еще бы! Змеи мне до сих пор иногда снятся.

- Потому что ужас из подсознания никак не выветрится.

- Ничего более отвратительного в жизни не видела. И для чего королева-змея перед спячкой собрала всех змей... как на съезд? Может, они распределяли места зимнего залегания? Понимаешь, это было не случайное сборище. Насколько я знаю, в одном логове зимуют гады одной породы. Это в речных ямах под корягами можно встретить далеко не родственных особей – рыб разных видов.

Знаешь, после этого жуткого, но поразительно прекрасного зрелища мне стало казаться, что король-олень, царь мышей, царица змей и т.д. у животных на самом деле существуют. Я думаю, ученые-биологи хотели бы увидеть подобную потрясающую картину, чтобы изучить ее подробнее.

- Обзавидовались бы тебе! Сходи на биологический, пусть просветят тебя, темную.

- Все никак не соберусь. Я на природе редко бывала, когда в школе училась, а ты все леса в округе избегала, но твоя бабуся шумела: «Носишься, точно кто гонится за тобой. Работала бы так». Можно подумать, что сбор грибов и ягод не работа только потому, что ты ее выполняешь с удовольствием.

- А ты не забыла, как мы в счастливом изнеможении с огромными, полными хлеба авоськами возвращались домой со станции? – спросила Лена.

- Летом за хлебом я с удовольствием ходила. Карманы полны горько-кислых зеленых яблок из колхозного сада. Хорошо было куснуть, стоя в очереди, тугого яблочка с зеленцой и с первой кислинкой или молочной спелости сырой кукурузы погрызть! Радости-то сколько! Зимой я не ходила, не тот кайф. Зимой встать в пять утра – да ни в жисть!

- Летом, бывало, на небе бледная сиротливая луна, как огрызок яблока или объединенный кусок сыра. Лохматые облака то набегают на нее, то освобождают из плена.

- Сравнила с сыром! Мы тогда в деревне его в глаза не видели.
- Луна, как зрелый апельсин?
- Апельсины мы тоже не знавали. Только мандарины на Новый год. Со многими продуктами мы ознакомились уже будучи взрослыми.
- Заметила, спорим как в детстве, - рассмеялась Инна.
- Луна то как стальной диск, то как блин на Масленицу.
- Ну, вот это ближе к истине.
- То как полупрозрачное видение, с трудом различимое в редких, будто кисейных облаках.
- Помню ее пугающе кроваво-красную на черном-черном небе... Ух, аж дрожь по телу прошла! Сердце-то еще не задубело.
- Если я долго смотрела на луну, у меня появлялось чувство легкости, почти невесомости, когда ничего не трогает, не тревожит. Мое тело будто исчезало, растворяясь. Ни единая клеточка во мне не хотела шевелиться. Каким-то внутренним чутьем я ощущала, что становилась совсем другим человеком и что вся прежняя жизнь точно отделялась от меня. И во мне возникало чувство бесконечной благодарности природе.
- А помнишь ночной неподвижный свод неба, выложенный застывшими кристаллами сапфиров различной формы и оттенков. Сказочное зрелище! Я тогда еще не слышала о драгоценных камнях, о сапфирах и никак не могла подобрать слов для описания распиравших меня чувств. Я пыталась сравнить их с бутылочными осколками, но чувствовала, что это примитивно.
- Хрустальные декорации берез по-над берегом, искристая роса на траве. Мы сидим на полусгнивших остатках крайних деревянных быков старого хилого моста через Крепну и полощем в воде ноги. Струи приятно холодят и щекочут нам пятки, на душе рай. А я сижу и думаю: «Как прекрасно лето! Так почему же мои руки хотят прикоснуться к снегу? Подвернулся бы подходящий случай, сорвалась бы на его поиски». Я смешная?
- Серебряные гроздья звезд над головою, млечный путь, густо усыпанный брильянтовой пылью. Ничего с ним не сравнится по красоте и законченности мироздания.
- Мне звезды казались букетами белых, бледно-розовых и светло-голубых ромашек или вспышками салюта, который я видела один раз в городе у деда.
- Черные ветви ив, висящих над водой перед нашими взорами, полосуют небо, как узорная решетка городского сада.
- Фантастического, неземного сада.
- В такие моменты мы чувствовали себя самыми счастливыми! Потому что, позабыв все на свете, давали волю своим эмоциям.
- Сидим над водой, довески хлеба уплетаем, макухой (жмыхом) занюхиваем. И нам кажется, что нет на свете ничего прекраснее этого чудного вечера!
- Но мне всегда надо было торопиться домой, чтобы бабушка не волновалась и родители не ругали. Это портило настроение.
- За опоздание и я схлопотать от бабки могла.
- Помнишь, как мы наткнулись на кучу светлячков, а ты настаивала, что это светятся гнилушки.
- Так и не соизволила согласиться. Что на меня тогда нашло? Упрямство.
- Я носила широкую юбку-солнце, которую сама сшила из старой шторы. Бабушка пожертвовала. Юбка хорошо скрадывала мою худобу.

- Потом мы пили воду из ключа. Его живая жилка билась в кустах у самого берега реки. Ключ выдыхал только по одному пузырьку воздуха за раз в течение каждых трех секунд.

- Какие милые пустяки вспоминаются!

- Воздух пьянил без вина. Пьешь студеную воду, зубы ломит.

- Мир запахов детства! Редкие минуты свободы! Чудо чудное! Я туманы любила на сенокосе. Утром они радостные и романтические, а вечером – таинственные. Ощущение детства сопровождает меня всю жизнь. Поступив в университет, я одним днем отринула все обидное, что было в нем, излечилась от «детских болезней» и занялась построением своего будущего, – сказала Лена.

- Я долго деревню помнила, до тех пор, пока она еще дышала нашим детством.

- Городские гости мечтают в свежем стогу поваляться. Мол, зароемся в пахучее сено, будем вдыхать запахи леса, луга. А мне в этой связи вспоминаются исцарапанные руки, ноги, духота и пылица в сарае, когда утаптываешь это сено. Ха! Романтика. В деревню хорошо приезжать отдыхать, а жить... Я до сих пор, даже на исходе сил, стремлюсь попасть в парк, в лес, на реку. В городе столпотворение, всюду народу – не протолкнуться. Душой не отдохнешь. А в деревне идешь, бывало, по малохоженной тропинке на луг корову доить, жара, плющится и дрожит полуденный воздух. Хорошо! Потому что детство.

- В деревне лодырей не любят, жалуют оплеухами и насмешками. А в городе среди пацанов гонор ценился, глупая отвага. Драки считались развлечением. Мои возможности в подобных «играх» находились в вопиющем противоречии с умением, а я все равно лезла на рожон. Доставалось мне в лютых бескомпромиссных, бессмысленных схватках. Никто не доискивался до истины, никто не умирал. Могла бы пойти воровать, тем более что «учителей» по этой части было более чем предостаточно даже в нашем дворе. Вот и попала я в деревню к бабушке.

- А мне вспомнилось, как один раз не хватило нам на посев заранее прогретой картошки, и бабушка меня в подвал послала. Пока нагребла в мешок ведра три, сердце начало колотиться, будто в набат бить. Испугалась я, выскочила на воздух, отдышаться никак не могу. Главное не пойму, что со мной. Думала, заболела. Бабушка объяснила, что метан скопился в подвале, потому что бурок по весне гнить начинал. И посветовала набирать только одно ведро и бегом, без задержки наверх мчаться, и только отдышавшись, снова нырять в подпол. Боялась, что свалюсь в обморок и, как соседка, насмерть разобьюсь о высокие бетонные ступеньки.

- А помнишь, как паслись в колхозном горохе? Набузовали полные пазухи и от объездчика стрекача задали. Так дернули с поля, что только пятки засверкали. Знали, если огуляет хлыстом, – мало не покажется. Любого забредшего в горох он мог обратить в бегство. Не питал он дружелюбных чувств и к маленьким воришкам. Они мешали ему свои делишки обделывать. Не чист на руку был мужик. А мы не баловались, не хулиганили, посевов не сминали, осторожно по краю поля рвали и на еду домой несли. А по осени вдруг обнаружили этот горох нескошенным, осыпавшимся на землю. А тогда зачем было лютовать? И с кукурузой такие же истории происходили. А оклунки (нательные, потайные мешочки) с зерном мы, детвора, с тока не таскали, хоть нищета многих пинала в спину.

- И откуда в нас эта трепетная и такая грустная любовь к месту своего детства, к захудалой, заглохой, простодушной деревеньке? – с горечью обронила Лена.

«Надо же, как безутешно расстроилась», – удивилась Инна.

- ...Вдруг гром как жажнет, как даст – и молния во все небо! И уж не знаешь, чего больше боишься.

- ...Скудные пятидесятые. Жизнь в деревне была неоправданно трудной, непроизводительной, монотонной, беспросветной, – сказала Лена.

- Пока не сравнивали с городской жизнью, считали нормальной.
- И ведь находили чему радоваться.
- Единственному за всю учебу в школе весеннему походу в лес всем классом. Мы тогда в счастливом изнеможении валились с ног от усталости.
- «От незащитности перед властью красоты». Весь лес цвел и головокружительно благоухал.
- А по возвращении мы, переполненные эмоциями, восторженно «кричали» песни.
- Я до сих пор люблю поорать в лесу, когда одна собираю грибы. Знаю, что пою жутко фальшиво, нещадно перевираю мелодию и на ходу сочиняю новые слова, а все равно от избытка чувств не хочу себя тормозить. Я недавно по телевизору Николая Дроздова слушала, обаятельнейшего, удивительно позитивного бессменного ведущего передачи «В мире животных». Он говорил, что процесс старения – непрерывный и однонаправленный и что существуют три составляющие его торможения: смех, пение и танцы. Наверное, он шутил, но бесспорно то, что положительные эмоции продлевают жизнь, а отрицательные усугубляют и укорачивают.
- Гиббоны тоже любят петь, – рассмеялась Инна. – Если безголосый человек поет, значит, поет его душа. Еще Квинтилиан писал, что всякому приятно свое пение.
- Этак ты любой глупости найдешь оправдание интересной фразой какой-нибудь великой личности, – рассмеялась Лена. – Чем старше я становлюсь, тем меньше верю в сомнительные прописные истины.

Последовала «мхатовская» пауза. Выдержав ее, Инна сменила направление разговора.

- А помнишь стручки желтой акации? Мы их пищиками называли. Оберемок травы и луговых цветов под голову бросишь, растянешься на песке у реки и пищись-играешь на все голоса! Домой идти неохота, хоть и знаешь, что мать навтыкает – мало не покажется. Уж точно врежет, у нее не задержится. Она не бабка. Мать говорила, что потакать вредно. Мол, все начинается с мелких поблажек, а потом будет полный завал. На шею сяду и не слезу. Но обломать не могла во мне отцов характер. А потом ты объявилась.
- ...Я в раннем детдомовском детстве так намерзлась, что за всю жизнь никак не согреюсь. Чуть заходит, зябнут плечи и руки, требуют укрыть их потеплее. Твоя мама тоже почему-то всегда кутала шалью спину.
- Но ни холод, ни голод, ни сиротское детство нашим мечтам не помеха. И был у нас свой детский кодекс чести, и дружба до гроба, которая согревала.

- Была и есть.

- ...Непослушной, несговорчивой я росла. Бывало, бабка шумит: «Буде озоровать-то. Вот доберусь до тебя, накажу примерно. Набедокурила – отвечай по всей строгости, иначе ничего путного из тебя не выйдет. Чтоб тебя подняло и шлепнуло». Но дальше слов дело у нее редко шло. Так, если только затрещину влепит. Кричит: «Иди в огород траву рвать!». Я отлыниваю, а про себя думаю: «Щас разуюсь и побегу. На кой мне этот неистребимый колючий занозливый осот и брыца (просянка), от которой на руках долго незаживающие порезы. На мне где сядешь, там и слезешь».

Занималась чем угодно, только не тем, что просила бабушка, или вовсе ничего не делала. Вместо работы хохмы устраивала, дурью маялась. Дерзкая была, упрямая, агрессивная. По всякому поводу злые или соленые шуточки с забубенной отчаянностью отпускала. Стоило выежиться за порог – и все ее наказания улетучивались из головы. И давай бог ноги! И что я, где я, где я – шито-крыто. Все ломала, громила на своем пути. Откуда во мне была эта злая мрачная ярость? На всякие проделки хулиганистых мальчишек сразу откликалась, не заставляла себя долго ждать и упрашивать, носилась с ними сломя голову по лесам и полям. Нравилась мне их тенденция к скупиванию. Любила шумные беззаботные компании.

Я лет с трех в городе уже путалась у старших пацанов под ногами, в их игры напрашивалась. Подросла, стала врать, что соседки по коммуналке на меня напраслину возводят, сваливают на маленькую все происшествя. Но ведь что-то послужило толчком к такому поведению? Не сама же я всё это придумывала?.. Или утверждала, что сделала плохое нечаянно. А ответ был один: «За нечаянно бьют отчаянно». По «результату» наказывали.

Услышав знакомую с детства фразу, Лена понимающе рассмеялась.

- Думаешь, рухнула сегодня в трясину бесполезного самообличения?

«Собственно, в ее нынешнем положении самобичевание и жалость – это нормально. Правда, время выбрала не самое неудобное», – с привычной иронией отметила Лена, но взглянула на подругу ласково и ободряюще.

- Вечно взбрыкивала, передразнивала всех, нарывалась на скандалы, потому как мне непременно надо было спорить, доказывать, защищаться. Бабка пока выломает прут или занесет руку для шлепка, а меня уже и след простыл. Вьюном вывернусь, скороговоркой выбрежусь. Признаваться в шалостях и проделках никогда не торопилась, потому что сухой из воды часто выходила и гордилась этим. Мне казалось, что наказание всегда несоизмеримо с виной. Вот и избегала его. И ведь не терзалась, не тратилась сердцем. Напротив, хвалилась проступком как геройством, считала, что он возвышает меня в моих глазах и в глазах дружков. И все мне было нипочем.

Нет чтобы загладить свою вину. Бывало, в пригороде грядки чужие истопчем, разворотим с хулиганистыми ребятами с Некипеловки или Каменки, и тайно ликуем. И еще оправдание себе находили, мол, сами запросились на экзекуцию, нечего было нас ругать и воспитывать. Утверждали свою правоту излюбленной фразой: «Не сойти мне с этого места». Торжествовали, восхищались собой, знанием своих пакостливых тайн. Воображали себя выше, интересней всех прочих ребят. И в деревне я плохих мальчишек находила и хороводилась с ними.

- А я не понимала, почему в твоей компании младшие мальчишки на улице беспрекословно подчинялись старшим, так же, как издавна заведено повиноваться родителям в семьях. Почему старшие говорили с ними повелительным тоном, будто имели на это право, и те слушали их покорнее, чем родителей? Ведь не старшим братьям подчинялись, чужим пацанам. С меня было достаточно домашнего «хомута» и навешивать на себя зависимость еще и от какой-то там сомнительной компании я категорически не желала. Я хотела хотя бы на улице быть свободной от чьего бы то ни было гнета.

- Я понимала, что извиняться перед родителями можно только за малые проступки, и уже не ждала прощения. Я не видела дороги назад, потому-то была непрошибаемая и училась кое-как. А вот тебе мне совестно было врать. Рядом с тобой я казалась себе нелепой, никчемной, жалкой. Не возражай, – с горькой усмешкой добавила Инна.

- Если бы ты с рождения попала в деревню, возможно, не пришлось бы тебе проходить столь тернистый путь становления и взросления.

- Свиныя всегда грязь найдет, – критически восприняла Инна попытку Лены оправдать ее детско-отроческие «вывихи».

- Раскрепощенная была. По-своему самоутверждалась. Важен не поступок, а намерения, с какой целью он совершался, – заметила Лена.

Мелькнула неожиданная мысль: «Предстоящая скорая смерть сейчас рассматривается ею как акт недопустимости самоутверждения?»

- Внесу твое заявление на счет своей доброй памяти, как в банк, чтобы пред вратами...

Я была наглой девчонкой, которая могла что угодно сказать, про что угодно спросить. Мать, бывало, злится, мол, говори да не заговаривайся. Но я еще больше распалаясь, а потом убегала от наказания в лес огородами, как раньше говорили, задами. Иногда страх вязал по рукам и ногам, а я все равно... Мать в след мне орет: «Вот влипнешь по самые уши, задашь работенку милиции, и песенка твоя спета». А я упорно стою на своем и

горжусь своей способностью ей противостоять. Не боялась остаться за бортом жизни. Глупая была, стержовная.

- И тем более ценна твоя победа над собой.

- И взрослой ни чинов, ни званий не признавала. Отпугивала всех своей резкостью и категоричностью. А ведь на самом деле смелой не была. Так, пустая бравада, прикрытие. Вскипала из-за пустяков. Иногда это была решимость отчаяния, иногда от смятения бузила. Никогда не противилась искушению излить свой гнев.

- И, тем не менее, глупые детские наклонности типа бессмысленной непредсказуемой жестокости больше не заявляли о себе.

- Да уж лучше, чем ничего...

- Меня в детстве поражала твоя смелость и умение оспаривать любой неверный, с твоей точки зрения, довод. Отважно не сдавала позиций ни перед детьми, ни перед взрослыми. А я была тормозная. Вечно в ступоре.

- Ты не могла пойти наперекор своей совести. С тобою все напускное во мне исчезало.

Голос Инны слегка дрогнул. Она чуть приподняла голову, словно прислушиваясь к отзвукам дней давно минувших.

- Много чего я не могла. Вот говорят, что в детстве все люди вокруг кажутся славными, потому что в эти годы больше замечаешь хорошего. А я так никогда не думала. Мне даже мать недолго казалась образцом добродетели. Только лет до пяти мысли не допускала, что в ее жизни могут быть бесчестия и поражения. А потом... Конечно, первое время я в полной мере в этом не могла признаться даже самой себе, но позже поведение скорректировала. Не понимала я - да и не горела желанием понять, - что во взрослой жизни в любой момент из состояния блаженного благополучия человек может не по своей вине быть ввергнутым в бездну несчастий, и что не скоро всё у него обернется к лучшему. Я не виню свою мать. Не всем дается счастье. Ее первой заботой было накормить меня. Помню, она почему-то постоянно находилась в состоянии безысходной тревоги и взвинченности. И бабушка денно и нощно в думах. Только не понимала мать, что надо было ко мне с лаской, с нежностью. Видно, и ей их никогда не доставалось. И бабушке тоже. Эх, жизнь!

Инна тяжело вздохнула и задумалась.

- Мы с тобой были разные, а вопрос лидерства между нами никогда не стоял. Никто из нас не стремился верховодить. Лена, что тебя больше выводило из себя: сказанная в глаза нелестная правда или заведомая ложь?

- Ложь. Правду я воспринимала конструктивно, хотя, конечно, внутренне болезненно ёжась.

- Ты в детстве держалась в стороне, не желая смешиваться с остальными, и тем выгодно отличалась. Молча и гордо отклоняла любое вздорное предложение нашей компании.

- Не гордо. Переживала за тебя.

- У нас в семье детям не принято было возражать старшим. А мне к тому же не давалось собственной воли на поступки, поэтому и чужим я не умела давать отпор. Вот и сторонилась. Помнишь тот случай с мороженым? Так и не дала мне его стержовная тетка. Нажилась на ребенке. И я ушла в слезах. Ты бы такого с собой не позволила сотворить. Ты бы этого так не оставила. Ларек разнесла бы, но свои десять копеек вернула.

- Жила ты в деревне, а деревенского приволья не знала.

- Но в школе класса с шестого на переменах, да и на уроках, часто срывалась. Забывала правила приличия и благоразумия. Будто от спячки проснулась. Дралась, на головах ходила, проявляла полную готовность к любым проявлениям шалостей.

- Не к любым, допустим.

- Душу отводила. Теперь сказали бы - отрывалась. С детьми мне было просто. С мальчишками воевать не боялась, но рогатку в руках не держала, на людей и животных не направляла. Особенно вольных птичек жалела. Они для меня были символом свободы.

- Сама всё детство была раненой. Как душа только выжила!

- Не надо меня жалеть.

- После школы мы всей компанией гулять шли, а ты коровьи лепешки и конские яблоки собирать. Тебе хату мазать надо было или еще что-то по хозяйству делать.

- Радовало сознание, что помогаю, доставляю удовольствие бабушке, приношу ради нее пусть маленькие, но для меня ощутимые жертвы. Тогда я еще не знала, что вся моя взрослая жизнь тоже сплошь будет состоять из жертв, - усмехнулась Лена.

- А меня мать с бабушкой не неволили, не заставляли работать. Не справлялись со мной, хотя и благословляли деревянной ложкой по лбу или хворостиной. Но в основном это была расплата за злой острый язык, за то, что будоражила их своими грубыми прямолинейными выпадами, ставила на кон остатки их достоинства. Занозистая была и к тому же шалапутная. Не жалела я мать.

- Жалела, только сама себе в этом не хотела признаваться, потому что во многом была с ней не согласна. С нарочитой грубостью характером с ней мерялась, честность и справедливость свою пыталась донести и отстоять. А она не понимала тебя, и ты делала ей назло. Иногда чужие люди бывают ближе родных.

- Не смей подбивать меня к самопрощению, не ищи мне оправдания. Я шибко злая была. Никому не спускала. Помню, заблудилась в лесу, некоторое время потерянно бродила в поисках хотя бы тропинки. Орала, аукала, аж горло сорвала. А Колька, зловредный гаденыш, оказывается, рядом ходил и не откликнулся. Я заметила его, позвала, а он вглубь от меня ушел, чтобы я еще помаялась и поволновалась. Очень я осерчала. Когда сошлись, хотелось мне огулять его лозинкой, но стерпела. Следы останутся. Тогда мне не избежать порки. И что я выгадаю? Так я улучила момент и под шумок, когда все расположились отдохнуть, будто ненароком в темноте села в его корзину с грибами. Не промазала.

Помню, когда задумала месть, меня аж пот прошиб, хотя и считала себя правой. Больше того, на душе сделалось прескверно. Но как только пересилила себя, помяла грибы, мне враз полегчало. Но тут все ясно: за дело наказала, а вот с чего дома вытворяла или в компании - сама не пойму. Глаз да глаз за мной был нужен. Зачем воевала? Почему дрянью была?

Тогда - ты же помнишь - люди в основном огородами жили. Какой там достаток! А я, бывало, как взьёмся на кого... так и яблони отрушу, и ветки поломаю. Конечно, ничего себе не возьму, но ведь испоганю. А позже судорожно силуюсь понять, как такое могло со мной произойти? И ремня мне сулили, и колонию. «Воспитание ниже всякой критики», - смеялась я. Сама напрашивалась на наказание, проявляла строптивость, уроков не извлекала.

Помню одно такое вторжение к мерзкой вздорной старухе-сплетнице. Она воображала, что самоотверженно выстрадала себе счастливую старость. Чем, я не знала. Но я видела ее охаивающей хорошего человека. Мне этого было достаточно. Поймали меня. Было позорное выдворение с чужой территории и осмеяние. Наказали, унизили. Я не пикнула. Во мне не было ни капли раскаяния, одна злость за неудачное «мероприятие». Карающий меч изображала. Уродилась, видно, такая. Иногда хотелось бежать, бежать куда глаза глядят... И от самой себя тоже.

- Мне ли этого не знать, не понимать.

- Не сразу доходили до меня грустные осудительные слова, не раз говоренные твоей бабушкой, хотя я уважала ее и прислушивалась к ней. Она, наверное, смогла бы прибрать меня к рукам, если бы вместе жили. Почему озорничала? От избытка энергии, от желаний ощутить радость и полноту жизни. Скучно жилось. Еще от недостатка ума.

Была, как мальчишка: редко задумывалась над причинами буйства. А ты смогла отвратить меня. Один ребенок, мучимый изнутри непонятной злостью, не скоро понимает свою обязанность перед добром, а другому это дано с рождения.

Инна замолчала и отхлебнула из чашки кипяченой воды.

- Заладила свое: злая, плохая! Я не берусь ничего доказывать, но думаю, что в тебе жестоко боролось доброе начало с неправильным окружением. И результаты слишком быстро вылезали наружу. А у меня это же самое внутри перемалывалось. Темперамент у нас разный.

- Избирательная у тебя память.

- Удержу тебе не было. Такая резвушка! Ловкая, стремительная, увертливая, с бойцовским характером. С годами из не в меру шустрых детей прекрасные энергичные люди вырастают.

А вечером нас, бывало, домой не загонишь, калачом не заманишь. Только окрик матери, как удар хлыста... Поговорить хотелось, мочи не было оторваться друг от друга, - увела Лена разговор в сторону положительных эмоций.

- У тебя есть здоровое свойство организма: забывать плохое.

- Только не из своего детства.

- Тебя шестиклассницей вспомнила: тощая, длинная, нескладная.

Инна опять «приложила» к чашке и отломил кусочек печенья.

- «Одородбло одородблой», - шутили соседки. - Лена рассмеялась. - Свою подружку Олю вспомни в семь лет. Ноги бубликом, ручки-спички. И какая красавица выросла!

- А у тебя всегда улыбчивая мордашка праздничным фонариком сияла. Слушай, и почему это ни одна кличка к тебе так и не прилепилась и не закрепились? У меня их навалом было.

- Как же? А в девятом классе.

- «Атаман» не кличка, а проявление уважения. Еще я помню ошеломляющую, буквально шокирующую меня честность неиспорченной наивной детдомовской девочки. При тебе даже взрослые боялись говорить о политике. «Ну как где-то по наивной упертой честности проговорится, и чем это нам обернется? Она еще не понимает многого», - говорила моя бабушка твоей матери. Сталина уже не было, а страх еще долго оставался в сердцах и крови людей.

- Родители виноваты. Они обязаны были объяснять то, что мне не доходило. Я бы поняла. Ведь не глупая была. Я просто на многие вещи не обращала внимания, не задумывалась над ними. Я же по большей части жила внутри себя. А они помалкивали. Почему? - тихо произнесла Лена. - В детской наивности нет ничего постыдного. Но ведь и потом, уже будучи взрослой, из-за своей патологической честности и неискоренимой веры в доброту и порядочность людей я часто попадала пальцем в небо. Вот тебе пример. Как-то еще по молодости по своей инициативе занялась я улучшением материальной базы кафедры. Лично отвозила в Москву заявки, а приборы не приходили.

Пишу письмо в министерство, приношу в бухгалтерию на подпись, а главбух молча подает мне экземпляр прошлогодней заявки, в которой все приборы стоимостью выше ста рублей вычеркнуты рукой ректора. У меня - глаза-шары. Я растеряна и возмущена. Говорю: «Студенты, выходя из стен нашего вуза, должны быть хотя бы лет на десять вперед вооружены знанием не только новейших теорий, но и самых современных приборов! А наше оборудование давно устарело!» Главбух только плечами пожала.

Решила я пойти к ректору, тем более что преподаватели меня поддержали. Но тут меня декан вызывает по другому вопросу. Ну, я ему в запале и выложила, что опаздываю, тороплюсь воевать с начальством. Говорю, пойдете вместе защищать имидж нашей кафедры.

Гляжу, у замдекана лицо сделалось деревянным. Поняла, что прокололась. Вскинулась, словно обжегшись, да поздно. Вылетели слова, не вернешь. Откуда мне было знать, что декан с ректором в этом вопросе заодно. Он всегда красивые слова говорил о своей верности факультету. И у меня был принцип: мы для студентов, а не они для нас, и я за него готова была идти на бой с кем угодно. А у начальства, как оказалось, он другой был.

Представляю, какой глупой я выглядела в глазах замдекана. Да еще преподавателей по непростительной наивности выдала, подвела и вовлекла в конфликт. Долго осуждала себя, переживала, пыталась вину загладить. А декан упивался возможностью мне нагадить. Я чувствовала себя человеком, вытащившим при жеребьевке пустую бумажку. Вот так-то. Плохо быть бесхитростной, легковверной. Ведь знала характер декана, а все равно хотелось верить в его порядочность, хотя бы когда он в материальном плане ничего не терял. Много их таких на моем веку сменилось.

- Вдобавок декан, наверное, на тебя окрысился за то, что ты хотела, перешагнув через него, решить проблему своей кафедры?

- Ну, это как водится. До сих пор не пойму их с ректором поведения, противоречащего здравому смыслу. Когда у руля вуза стала талантливая независимая женщина, все поменялось и во взаимоотношениях между коллегами, и в вопросах укрепления и совершенствования материальной базы. Вот тебе и роль личности...

- Я где-то слышала, что наивность – атрибут талантливых людей.

- И глупых, – улыбнулась Лена. – Жалеешь меня.

После этого случая я стала еще внимательнее к своим поступкам, а заодно начала проверять тех, в ком была не совсем уверена. Запущу какую-нибудь милую добрую «утку» и прослеживаю, куда она дальше «полетит», кто ее испортит и в каком виде она ко мне вернется – и делаю выводы. Иногда такие «перлы» получала! Приходилось ограждать себя не только от собственной глупости.

20

- Интеллигенты в основной своей массе не бойцы, а приспособленцы, – безапелляционно заявила Инна.

- А кто революцию семнадцатого года организовал? А наш современник Сахаров?

- Боннер задавила его своей энергией. Он ей поддался. До нее он был ученым, не помышлявшим о диссидентстве. А я упертая. Мне никто не мог бы затуманить мозги и заставить пойти против моей воли.

- Я думаю, Сахаров был солидарен со своей второй женой.

- Я часто говорила в лицо начальникам чистую правду. Считала это своим долгом. За что не раз была «бита». Это мешало моей карьере. Я понимала, чем мне это грозит, но меня как черт за язык дергал и мозги на тот момент отключал. Случалось, что и жалела о своей излишней честности. Но по большей части гордилась.

Очень я уважала одного удивительно интеллигентного мужчину. И вдруг после его смерти один не чистый на руку человек из важных чиновников, замеченный в крупных аферах, за что и слетел с высокой должности, по телевизору стал утверждать, что они дружили. Я в шоке. Решила: примазывается гад к чужой славе. Но позже и о своем интеллигентном любимчике иначе подумала: «Может, талант интеллигентности состоит еще и в том, чтобы не показывать виду, что понимаешь, кто перед тобой, тем более если он твой начальник и от него зависит карьера, а то и течение всей жизни хорошего человека. А главное – плохие отношения с начальником на его работе могли сказаться. Не конфликтуя, он делал для страны много больше. В противном случае его могли просто «прихлопнуть», не дать раскрыть свой талант, не принести пользу. Он же не борец, а творец, вот ведь в чем дело».

Вот ты, Ленка, писатель и этим интересна. Но ты еще и «рыцарь печального образа». Тебя тоже так и тянет за правду постоять. Только ты умеешь вовремя остановиться, знаешь край. А Аня в критических ситуациях, наверное, всегда отмалчивается или прибегает к общим фразам.

- Воевать должен тот, кто имеет к тому призвание и возможности, иначе ни себе, ни людям ничего хорошего от этого не будет, только разменяет и свою, и чужие жизни на пустяки и склоки. Понимать бы это смолоду. Скольких ошибок можно было бы избежать!

- Воспитание – великая вещь. Сколько поколений надо взрастить, чтобы понимание таких вещей возникало в человеке во многом уже на уровне рефлексов.

- ...Что мне сейчас в голову стукнуло! Я живу в двадцать первом веке, а мой дед – дед, а не прадед! – родился в девятнадцатом. Вот это интервал! Здорово! – На губах Инны заиграла детская улыбка первооткрывателя. – Но вернусь к моим воспоминаниям. Лена, послушай, почему ты в студенческие годы не любила розыгрыши? Ведь отсутствием юмора не страдала.

- Я понимала шутки, но жалость и сочувствие к «испытуемым» во мне преобладали, когда я видела, как из них делали дураков или козлов отпущения, когда насмехались над наивностью и неопытностью юных. Конечно, так старшекурсники учили их уму-разуму, но я предпочитала другие методы. К тому же розыгрыши не всегда были безобидными, иногда на грани грубых издевательств, типа армейских. Мне было до слез неловко за ребят, заставлявших неопытных в кулинарных делах умненьких, погруженных в науку «маменькиных сыночков», два часа кряду продуть макароны перед варкой или разрезать вдоль каждое перо зеленого лука и рассматривать его на просвет, чтобы выяснить, не завелись ли в нем черви. Эти розыгрыши из числа «классических». Но кое-кто из шутников мстительно потирал руки. И я сразу предполагала, что они тоже когда-то, может, в армии или на работе, на своей шкуре прочувствовали эту самую «школу» юмора и отреагировали на нее далеко не доброжелательно.

- Я спокойно относилась к подобным фактам. Это обыкновенное, добросовестно заученное веселье студенческой молодости, когда есть объединенность и сплоченность, но нет любви. Бегство в скученное, совместное, стадное, – не согласилась с Леной Инна. – Но я была рада, что среди девчонок такого рода шутки не приветствовались.

- «Вот она – настоящая жизнь!» – воображают некоторые бывшие школьники, вырвавшись от родителей на свободу. Мне так же не нравились забудыжные выходки пьяных студентов. Я была далека от их бесхитростных полувзрослых, неумелых радостей. В нашей теплой компании жизнь внешняя звучала в лад с внутренней. У нас были праздники души и скромных вкусовых ощущений. Там, где сходились пути друзей, весь мир на некоторое время уподоблялся родному дому.

Инна опять о детстве заговорила:

- Твоего первого детдомовского дружка вспомнила. Его мир был окрашен во все цвета радуги, а твой был тихий, нежный и печальный. Он обладал удивительной чуткостью к цвету, к радости, а ты – к людскому горю.

- Было крепкое, надежное сцепление единства противоположностей. Развела нас судьба.

- А помнишь, я случайно мячом высадил стекло в окне соседней. Не из рогатки же шамальнула. Убегаю и слышу в спину: «Опять разоряешься! Спасу от тебя нет. Настигнет тебя возмездие». Обычно в руки не давалась, а тут не открестилась, не отбрехала, схлопотала подзатыльник от бабки, мол, за ум пора браться, лахудра чертова. А я тогда не нарочно. Только объяснить не дали. Я – кто? Так, мелкота, горох. Меня уважать не надо. Тогда я сильно переживала кризис недостатка внимания. Ни отца, ни матери рядом. Бабка вечно занята.

- Не то слово!

- Триумф и трагедия. Свобода и глупость. Сначала делала, потом думала. Кто бы мне это

растолковал и в голову вложил, а не вколотил. Все только распекали. Вот я и перестала чужих взрослых слушать. Потом и мать, и бабка стали мне не указ. И это при том, что учительница неоднократно напоминала слова Пушкина о том, что «неуважение к предкам есть первый признак безнравственности». Обычно непредвзято сказанное слово быстрее доходит. Но сама я не скоро «дотопала» до сути, не скоро обнаружила унижительность своей роли в уличных «спектаклях». Приятно было думать: делаю, что хочу, иду, куда влечет. Только потом иногда бывало ой как тяжело! Не раз я пробовала ходить не теми путями...

- Не надо кукситься, от зимы есть хорошее средство – весна. – Лена попыталась отвлечь подругу от меланхолии.

- Только не скоро зима в душе повернула на весну, – усмехнулась та. – Трудно в детском возрасте причинно-следственные связи между событиями устанавливать. А тут еще отцовские гены своеволия и упрямства проступали. О них постоянно напоминала мне мать. Мол, не прервалась чёртова отцова порода, отросла веточка и крепко укоренилась. Да и безрадостное детство во мне бунтовало. Вот и подбивала мальчишек на шалости. Но тебя не удавалось совратить. Не хотела ты вливаться в наш «коллектив». Тебе нравилось читать, анализировать задачи. Ты находила их захватывающими. Хотя при острой необходимости, если по делу, и ты могла, заступаясь за кого-то, пустить в ход кулаки. Не шла на попятную.

Обычно от мальчишек ждали мужских поступков. Им приходилось доказывать в своей среде, что имеют право «на гордое звание мужчины», на первенство. Часто это выглядело глупо. И у некоторых взрослых, обладающих набором предрассудков типа: настоящий мужик обязан пить, драться и доказывать, что не трус, мы наблюдали проявление переоценённости силы. Нет чтобы словами, умом.

Я боялась драться, но преодолевала себя, и в этом тоже видела свое мужество. Это было очень даже мое. «Раззудись плечо! Немыслимый азарт! А ты в выполнении трудной работы его находила, мол, сумею, добьюсь! Прилежно и упорно постигала, казалось бы, недостижимое, словно черпала в этом колоссальное удовольствие. И я осмеливалась предполагать, что тебе на самом деле нравится вкалывать. Ты была вечно по горло занята работой, а я не знала, куда себя деть. Мной руководил страх изгоем в нашей хулиганской компании, а ты пыталась чем-то красивым или умным приковать к себе внимание. Старалась быть не похожей на других, но иначе, чем я.

- Выдумываешь. Не старалась, само так получалось. Мне в этом плане было намного легче, чем тебе. В шесть лет я уже четко ощущала, где права, где нет, чувствовала, кто передо мной: хороший человек или плохой. Конечно, каких-то тонкостей не понимала... Видно, детдом хорошо «просвещал» и заставлял думать. Там же произошло мое первое столкновение с неизбежностью. Я рано поняла, что недостижимое существует, и это сослужило мне хорошую службу, когда я стала взрослой.

- Большинство детей каким-то чутьем, не отдавая себе отчета в причинах, угадывают что правильно, а что нет. Только не я. Может, и правда гены виноваты? Дурная слава опережала меня. Мать редко наезжала из города, но все жалобы от соседней успевала выслушивать. То не поздоровалась с кем-то, то грубо ответила, то подралась. Но ведь всегда за дело! Та тетка не заслуживала, чтобы я ей здоровья желала. Я ее пламенно ненавидела. Эта зараза вызывала во мне благородную ярость! Я из принципа ее не замечала. Так иногда хотелось с детским, телячьим восторгом швырнуть ей вдогонку роскошный, ядреный «развесистый» матерок и при этом испытать шикарный прилив гордости! И тем хотя бы на время отодвинуть свои внутренние проблемы. Но, положив руку на сердце, сознаюсь: не трогала я ее. Боялась, что бабке чем-нибудь навредит.

- Не распирай на кресте ни себя, ни других. Когда мы ненавидим кого-то, мы ненавидим в его образе и то, что сидит в нас самих.

- То, чего нет в нас, – не трогает.

- Ты же сама замечала, что мы постоянно, подчас неосознанно, сверяем нашу внешнюю жизнь со своим внутренним «я».

- Ты хочешь сказать, что в тебе нет ненависти к Андрею, потому что в тебе вообще ее нет? Если бы все ненавидели зло, поселившееся в их сердце! Некоторые им гордятся до

старости.

- Не от большого ума.

- Я в детстве любила сказать, точно кипятком окатить. Часто уснащала речь отборной бранью и не раскаивалась. Матом легко было наладить не только мальчишек, но и некоторых вредных взрослых. Раз-два – и дело на мази. Я в дамках. Отстали! Переходила все мыслимые и немыслимые пределы. И никто мне не начальник. Меня будто бес подстегивал. С удовольствием дерзила взрослым. Чувствовала себя в тот момент независимой, сильной, уверенной. А что потом? А-а... трава не расти! И оправдывала свои выступления тем, что я тоже человек и имею право голоса.

Плохой быть интересно и легко. Иду, бывало, «руки в брюки», рискованные шуточки отпускаю, чтобы скрасить себе жизнь, или ору свою любимую «Цыпленок жареный, цыпленок пареный» и такую ощущаю свободу! Тебе такого не понять. Ты «Темная ночь. Только пули свистят по степи» вечно нудила себе под нос. А я другой раз после своих «подвигов» сбегу в лес, упаду в розово-лиловые облака душицы с золотистыми пятнами зверобоя – и ничего мне в жизни больше не надо! Благодарить!

- Такое счастье мне было недоступно.

- Я понимала, что ты чувствовала себя ребенком, которому нет места в мире, среди людей без сердца.

- Ты тоже. Мне на самом деле часто казалось, что я слишком чувствительна, чтобы жить в мире несправедливости. Потом обнаружила, что в нем есть много хороших людей. Жалела невезучих. Они заслуживали лучшего. А в лесу ты переживала, пока страсти в твоей душе улягутся?

- И у матери тоже.

- Обидчивость с годами прогрессировала или затухала?

- По-всякому бывало. Не поручусь, что второй вариант преобладал.

- Не предполагала. Ты вроде бы не из тех, кто во всем и везде видит только худшее.

- Я понимала, что человек в жизни должен держаться за что-то доброе и радостное, чтобы он мог им хоть иногда насладиться. Да, еще один очень любопытный момент. Уже в три года я хотела всюду быть первой. Мечтала отличиться ярким поступком. Я жаждала первенства, и, скажем так, целенаправленно к этому стремилась, будто свыше мне предназначалось быть лидером. А оно принадлежало старшим. Меня не замечали, отодвигали в сторону. Я бесилась, настаивала. Меня наказывали. Родители никогда не шли мне навстречу... Но потом как-то раз оглянулась, всерьез сравнила себя с тобой, увидела реальность и ахнула.

Но Павлик Морозов мне всё равно не нравился. Не смогла бы я так... И Олега Кошевого не любила. Двойственность натуры в нем чувствовала, неискренность. Не понимала его.

- Сережка Тюленин мне тоже больше был по сердцу. Павел Корчагин – не от мира сего, но я всю жизнь была на него похожа. Золушкой в душе никогда себя не чувствовала.

- И не возгордилась? – добродушно поддела Инна Лену. Просто так, по привычке. – Я про пиратов любила читать. Капитаном хотела стать. О справедливости в мировых масштабах мечтала... Бабушке моей сначала революция не дала выучиться, потом дети пошли. А многострадальной матери – Отечественная война. Потом нелады в семье. Горбатились обе всю жизнь на нескольких работах за копейки. Жалко их.

Последние слова Инны прозвучали как стон.

- Мой отец всю жизнь порознь с матерью жил, а на кладбище они рядом оказались, – неожиданно сказала она и всхлинула. – Может, теперь там у них царит особая атмосфера любви, тишины и покоя. Только теперь я поняла, что с годами ушедшие родные становятся все дороже. Любовь – ощущение необходимости, потребности в друг друге.

И уже в следующую секунду она разразилась потоком слез.

Такого Лене не приходилось слышать от Инны. Она испугалась за подругу, обняла ее и быстро перевела разговор на себя:

- А у меня не было привычки к сопротивлению. Ей не давали развиваться, вот она и атрофировалась еще в раннем детстве.

- Ее выкорчевали из твоего характера, как старый трухлявый пенек, вывели, как грязное пятно с одежды, - все еще всхлипывая, подтвердила Инна.

- А ты была соткана из противоречий. Грубость в тебе сочеталась с высокими помыслами, устремлениями и с тонкой чувствительной душой, а детская хитринка с самоотверженностью и бескорытием. Всякая была: искренняя, честная, колючая. Далеко не ангел. Но ты хорошо приспосабливалась к любым условиям, к любой компании. Я так не умела. У тебя часто случались «приступы дурной правды». Это был протест, правда ни за что не отвечающего ребенка, не знающего тонкостей и подробностей жизненных ситуаций взрослых людей, с которыми сталкивала их судьба, мнение ребенка, понимающего одно: его обидели!

- А попав в передрагу, нет чтобы сознаться - маловероятно... не припомню такого, - я упорствовала в своих глупостях. А дело часто было в том, что взрослые преподносили мне не всю правду, а только одну ее сторону. Отсюда мой надолго затянувшийся апокалипсис. Прибивалась то к одной, то к другой компании. Полная свобода... на грани преступления и никакой серьезной помощи в воспитании. Можно оборотиться - не услышат, не поймут. То ли от неумения, то ли от равнодушия. Внимательный взрослый по одному только жесту, как ребенок воспринимает боль или радость, может многое понять и сказать: «Не дрянь ты, просто не знаешь в чем твоя радость». Ребенку самостоятельно не сразу удастся ее понять и разыскать. И все же наибольшим удовольствием для меня было отвернуться к стенке и мечтать, мечтать, сочинять себе настоящее детское счастье, недоступное пониманию взрослых. И у тебя такая же потребность была. Мечты были нашим убежищем, - тихим напряженным голосом пожаловалась Инна.

- В отрочестве мое воображение и мечты уносили меня так далеко от внешнего мира, что с ними у меня была более реальная связь, чем с моим подлинным окружением. А в тебе тогда еще не сформированное благора-зумие не уравновешивало детское сумасбродство и безумствование. Но ты не всегда воевала с «врагами», часто искусно и находчиво прятала свою обиду за немудреной шуткой. Не злой, с выдумкой, с фантазией или иронией. А получая в ответ непонимание и отпор, мужественно сдерживала горькие слезы. И в мой адрес ты отпускала колкие шуточки, над которыми я же первая и смеялась, если, конечно, они не оскорбляли мой слух грубостью и пошлостью и не цепляли за самое болезненное. Такое случалось, когда ты на весь мир злая была. Я понимала твою боль и не обижалась.

А как-то в колхозной столовой, на току, я заметила, что берешь ты из общей миски, как и я, самый маленький кусочек мяса, а не как братья Антоновы. Те хапали по три, настороженно оглядывались и, давясь, торопились проглотить, не понимая, что лишают товарищей их доли. Куски на стол по числу работников подавались.

- Случалось, конечно, что и не напрасно меня «честили». И училась я через пень-колоду. В деревне учителя были понятливее, терпимее, добрее, а в городе меня дважды изгоняли из школы.

- Я хорошо училась, не потому что боялась опозориться перед классом, не для родителей старалась, получала знания для себя, для своего будущего. Я чувствовала, что тесна мне деревня. Я в ней задыхалась. Легко уезжала в город еще и потому, что не была привязана к земле. Крестьянство - состояние души, а во мне его не было изначально. Оно так и не привилось, хотя я умела ловко выполнять любую сельскую работу.

- Я не спешила расставаться с детством. Я его глупым образом продляла. Вопреки здравому смыслу хотелось подольше пребывать в том периоде детства, когда можно еще не слушаться, капризничать, ни за что не отвечать. И ты, и твоя немногословная бабушка порицали меня за это и за грубое, неуважительное словцо, мол, знай меру, знай черту, за которую нельзя переходить. Совесть во мне пробуждала. Я поражалась

необыкновенной нравственной чистоте твоей бабушки. Святой считала. Мешала она жить плохим людям, раздражала их, заставляла вспомнить о заповедях. Все в ней было в меру и к месту – ни добавить, ни убавить. Как сейчас помню ее бесконечную отзывчивость. Очень она была расположена к людям. А мне говорила: «Запомни, в каждом человеке есть Божья частица добра. Мы рождаемся с ней, чтобы нести ее по жизни. И в тебе она есть. Каждый ребенок рождается с талантом. Ищи его в себе и дари людям». Верила в меня. А моя бабуля говорила: «Из дел праведных не построишь палат каменных». И тут же добавляла грустно: «Но и без них нельзя. Не всё о себе только думать, и о других надо бы».

Глупая я была. С пугающим постоянством оказывалась неправой. Опомниться не успевала, как снова и снова попадала в дикие истории.

- Ты была заводилой. Вокруг тебя все сразу оживало. У тебя было несметное количество друзей.

- А ты была душой класса.

- Не думаю. Просто я внешне была веселой. Мы с тобой смотрели друг в друга, как в зеркало. Мне хотелось твоей уверенности, а тебе – моей правильности. Кому чего не хватало...

- Что тебя освободило от зажатости?

- Освободило? Я до сих пор живу в состоянии постоянного преодоления. Когда меня уж слишком сильно достает окружающая действительность, я, как и в детстве, «проваливаюсь» в книги отдохнуть от происходящего. Говоря словами ученого Дмитрия Лихачева, они – моя «внутренняя эмиграция».

- Человек становится взрослым, когда перестает предъявлять претензии к своему детству. Так?

- Я это почувствовала, поступив в университет. Но мне до сих пор стыдно за свое поведение в школе. Учителей зря обижала своей вертлявостью на уроках. Я боролась с собой, но не всегда успешно. Что-то наша машина времени упорно уносит нас сегодня назад, в прошлое, – заметила Лена.

- Она застряла в детстве. Мы будто остались в том измерении. Драмы детства...

- Они все равно несут в себе зерно надежды. И мы верим.

- Люди, оберегая себя от стрессов, придумали массу добрых примет и фраз. И хорошо, – усмехнулась Инна. – Воскрешая события тех лет, я не могу понять, почему некоторые из них канули в безвестность, а другие четко отпечатались в мозгу. Как память выбирает то, что для меня существенное, а что нет?

- Помнишь, у Ахматовой? «У памяти хороший вкус». Она отбирает лучшее.

- Вместе с детством ушли из нас безудержность и сиюминутная значительность каждого дня. И я должна признать, что...

Инна на полуслове остановила себя. И вдруг сказала странно тихим, с легкой дрожью голосом:

- Знаешь, я отца перед самой его смертью в церкви встретила. Наверное, почувствовал, что наступает время уходить в одиночество. Молча стоял, опустив голову. Может, каялся или думал о том, что все мы т а м встретимся. Я была бы приятно удивлена, если б «в мире другом друг друга они не узнали», потому что между рождением и смертью у него ничего не было, кроме любви к себе.

- Деревенские сноровистые, хватистые дети сильно отличались от городских. В них была какая-то естественная направленность на полезные и правильные дела. Теперь некоторые с иронией сказали бы, что у них было стремление работать не только ради семьи, но и на благо Родины. Надсаживались на работе и думали о том, что останется

после них потомкам. И это была правда.

- Городским детям сложнее прививать тезис: «Научиться с детства трудиться – ключ к счастью. И тогда никакая работа не страшна», – заметила Лена.

- Ну, если помыть посуду за собой – великий труд! И всё же я никогда не понимала фразы: добровольный осознанный домашний труд, – рассмеялась Инна. – Дети и внуки наших городских сокурсников не из числа золотой молодежи. Копят знания, а не деньги, вкалывают, ищут себя. Презирают избалованных, не уважают тех, кто должным образом не справляется с обязанностями или хочет проехаться за чужой счет. Раз я слышала, как мой старший племянник втолковывал своему другу: «Напился, вырубился, выпал из времени и соображения. Потерял деньги, время, здоровье. А что получил? Кайф, сомнительное удовольствие? Неравноценные траты. Душевная пустота и пьянство у тебя от безделья. Если с детства взрослые в тебя ничего приличного не заложили, так теперь сам добирай недостающее». Я чуть не расплакалась от умиления.

- А помнишь, в седьмом классе тебя словно подменили. Из коктейля мальчишеского сумасбродства, из необузданного стремления к справедливости и много чего другого, пророс и распустился нежный чудный цветок.

- А мать «депортировала» меня в город, где я потеряла свободную деревенскую жизнь. Мне бы еще хотя бы на годок остаться в деревне, может, и не случилось бы беды, после которой я долго наращивала в своей душе желание жить.

- Она испугалась за тебя, потому что не заметила в тебе позитивных перемен. Ее можно понять. Пятнадцать лет – возраст категоричного эгоизма. Даже я, вроде бы добрая и жалостливая, беспрекословно выполняя все требования родителей, все равно постоянно думала о своих обидах.

- Учиться под присмотром матери я стала лучше, но город калечил мою неокрепшую душу.

- Разве он нарушил твои представления об окружающем мире?

- Усугубил. Веры лишил.

- Максималистка.

- Слово чести.

Инна надолго замолчала. Лена даже стала клевать носом, но голос подруги быстро привел ее в чувство.

- ...Бывало, пару дней побуду на селе и начинаю гутарить по-деревенски. Будто сами прилипали к языку ихние словечки.

- Нашенские, – улыбнулась Лена. – С детства привычные слова не режут ухо и снова приживаются легко, быстро и естественно. Ограничат деревня наш бесценный несравненный городской лексический запас. А теперь молодежь, допустим, говорит: «Мне фиолетово». Я знаю, что значит эта нелепая фраза, но органично воспринять ее не могу. Она не пополняет мой словарь.

- А у моего первого мужа, как он ни старался, не получалось говорить с деревенской интонацией. Не было в его произношении мягкости и певучести. Не тянул он гласные звуки. Просто гэкал.

- ...А в какие игры мы играли, какие баталии разворачивали! Устраивали противникам ловушки, строили козни, плели заговоры, делали засады, ловили и допрашивали шпионов. Те обязательно были с другой улицы.

- Ты меня опекала. Летом наши носы лупились от солнца, а зимой от мороза.

- Ты только одно лето с нами играла, потом тебя запрягли.

- ...Знаешь, мне кажется, бутерброды и всякие там «хотдоги» дети изобрели. Помнишь, кто победней, те с подсолнечным маслом, с солеными огурцами, с ломтиками жареной картошки и лука делали себе «тормозки», кто позажиточней – с салом и даже со сливочным маслом.

Лицо Инны на миг просветлело. Она забылась-задумалась на какое-то время, словно ушла из своей нынешней, тяжелой жизни в другую, лучшую. Взгляд смягчился и затуманился набежавшими добрыми слезами.

- Со сливочным маслом я что-то не припоминаю. Его могла позволить себе только дочка станционной буфетчицы, – неуверенно протянула Лена и добавила шутливо:

- У нас сегодня «момент истины», раскаяния и очищения?

- ...Бывало, возвращаюсь домой затемно: колени и локти в ссадинах, платье в лоскуты. Значит, с дерева навернулась. Кино да и только! Нагоняй, конечно, получала. Игры нас многому учили. А ты была лишена этой привилегии. Ты в семье безотказной золушкой была. Хлеб свой хребтом добывала. Сиротой была при живых родственниках. С утра впряжешься в нудную домашнюю канитель и до вечера, как старушка какая-то. Взрослела семимильными шагами. В детдоме у тебя не было детства. И у родственников в услужении, на подхвате, как в застенке, за высоким забором с колючей проволокой. Ни погулять в лесу, ни поиграть с подружками, ни повеселиться от души. Ни воли, ни свободы. Без прелюдии сразу во взрослый омут ухнула. Мы тебе сочувствовали. Все мои подружки помогали матерям, но ведь не так, чтобы как ярмо на шее.

- Детство было. Просто оно бывает счастливое и не очень. А что работа? Она – да будет тебе известно – не обременительна. Вкалывая, я испытывала удовлетворение.

- Мозги мне полощешь? Получала эманации удовольствия от самого процесса! Вместе с потом выгоняла из себя всё плохое? Так и не спустилась с детдомовских мечтательных облаков. Навалить бы тебе по шее.

- Я уважала себя за то, что способна себя преодолевать, радовалась тому, что многое умею. Ведь никогда не знаешь, что в жизни может пригодиться.

- В городе пахала, дрова колола, грядки копала?

- Я скромно гордилась сделанным кому-то добром, укреплялась физически и морально.

- И психически. Нервишки-то у тебя поначалу были совсем никудышные.

- Правильно. Физический труд еще никому не повредил, особенно если видны его результаты. Ты не поверишь, после работы у меня часто возникало состояние душевной приподнятости, какой-то благодати, что ли. Я не буду оригинальна, если скажу, что физический труд незаметно, словно в игре, формировал во мне хорошие качества. Еще мне нравилось, что руки и мозги одновременно вкалывали. Работать любила в одиночку, чтобы никто думать не мешал. Понимаешь, сплошные плюсы! Помню, колю торф и в уме обдумываю трудную задачу. Мысли крутятся, крутятся. Решила и вдруг ощутила сильное впечатление, родственное высокому духовному наслаждению. Я почувствовала состояние восторга от удивительной ясности. Так родилась любовь к математике и желание понимать огромный мир чисел. Но чаще всего о жизни размышляла, искала в ней правильные пути, родителей, чужих людей оценивала, себя критиковала.

- Нагружали тебя, и тем самым выражали доверие, признавали равной среди равных? Ха! А ты из кожи лезла, доказывая свою рабскую лояльность, горы сворачивала, – хмыкнула Инна.

- Если на то пошло... именно тогда я поняла, что нет большего счастья, чем хорошо выполненное дело.

Инна нашла уверения Лены не слишком искренними.

- Вкалывать за кого-то другого? Ну, если учесть, что иного счастья тебе не больно-то много перепадало...

- Беззаботное детство вселяет радость и доверие к жизни, а трудное учит уму-разуму,

осторожности, что придает уверенности в будущем. В нём вольно и невольно приобретает естественная закалка. Грустные были, наполненные болью, и все же по-своему прекрасные годы. Где-то я читала, что творить добро необходимо, чтобы достраивать себя как личность. Это достраивание ни Бог, ни природа, ни государство на себя взять не могут.

В моем детстве школа была чудной отдушиной и любовью. Да, тысячу раз «да»! Школа нравилась прежде всего общением, свободой, умными, терпеливыми учителями, знаниями. В школе все были доброжелательные, сами вызывались помочь. Не кидались врассыпную от чужой беды.

– У тебя всегда была прекрасная память на всё хорошее, праведная ты моя. К сожалению, инстинкт доброты и сострадания у многих детей теперь телевидение уничтожает.

21

– В моей семье плохо было то, что все взрослые вольно или невольно постоянно поддерживали во мне чувство вины. Бабушка виновато опускала глаза, мать укоряла взглядом, если я что-то не так делала по неумению или непониманию. Я же никогда не перечила. Знала, что такое долг и послушание. И ведь не бедовали, а отчим будто из милости кормил. Можно подумать, что мать не работала с ним наравне и даже больше. Эта вечная неловкость и зависимость! По какому-то негласному закону мужчина играл в нашей семье первую скрипку. А что он делал из того, что мать не умела? Да ничего!

А в чем я была виновата? Я лишила мать уважения и благочестия? Бабушка, не имея пенсии, – один из сыновей в войну пропал без вести, – так же, как и я, неуютно себя чувствовала в семье. Не раз я слышала от отчима: «Что, я, тещу не смогу прокормить?» Разве она мало вкалывала, отрабатывая свой хлеб? Гордая была, но жизнь дочери боялась осложнить, вот и страдала молча. И позже, когда вышел новый указ о пенсиях, он не захотел ехать в город похлопотать за бабушку. Ему было выгоднее, чтобы она от него зависела.

А потом вдруг произошло открытие как откровение: я могу не послушаться родителей! И уехала в город. Но все равно скованности это меня полностью не лишило. Она как мое проклятье.

Инна понимающе кивнула.

– Ты, памятуя бабушкины слова, что «всяк сам перемогает свою беду», несмотря на кажущуюся доступность, ни с кем не делилась своими горестями. Только я всё знала. А девочки считали, что ты слишком много из себя воображаешь.

– Отчим все с подковырками, с издёвками. Изводил придирками. Бывало, неймётся ему, пока не кольнет. А у меня кусок в горле застревал. Мне хотелось одного – чтобы он меня не трогал. Он с удовольствием вдушал мне, что я некрасивая и глупая. Ревновал меня к моим успехам. Все приглядывался, чтобы я не стала умнее его детей. Помню, ехали мы в поезде. Я высовывалась из окна, крутила во все стороны головой и бомбардировала его массой вопросов. И вдруг он резко замолчал, не желая отвечать на мои детские вопросы. Я тогда задумалась, что явилось причиной его раздражения. Он не знает ответов или не хочет, чтобы я много знала? В глубине души верилось в первое. А когда я за всероссийскую олимпиаду получила грамоту и приглашение поступать в МГУ и физтех на льготных основаниях, никто за меня не порадовался. И когда я поступила, семья встретила меня холодным молчанием, будто меня не существовало вовсе. А как он бесновался, когда я после аспирантуры получила квартиру! Ему город «не светил». Сам виноват. Жену надо было слушать, если своего ума не хватало мыслить на перспективу.

Не переносила я отчима из-за матери. Ее страдания перекрывали всё хорошее, что я находила в нем. Хотя внешне я с ним всегда была корректна, сердцем так и не приняла его.

- И он тебя.

- А тут еще этот детдом. Вот и получалось, что всё мое детство - тихая сиротская не проходящая скорбь.

- Как ты отчима раздраконила!

- Мне было гадко, когда он подло лгал матери, изменял, мучил её и не чувствовал стыда ни перед нею, ни перед детьми, ни перед чужими людьми. Я не понимала, как можно быть таким бессердечным, жестоким, и злилась. Я ненавидела его за это. Свою боль я могла перетерпеть. Мать жалела, поэтому мои собственные беды отступали на второй план. Я думала: неужели и моя жизнь растратится, как у матери, на нервы, на ревность? Неужели эта любовь стоит того или она - только прикрытие какой-то неизвестной мне неспособности бороться, противостоять?.. Помню отчима исхудавшим вконец. Жалко его стало, потому как поняла, что рак у него. А мать сказала мне тихо: «Это ему наказание за меня. Поделом ему. Заслужил».

Я мечтала уехать из дома навсегда. А для этого надо было отлично окончить школу и поступить в институт. Я училась и думала: «Я не хочу жить как бездумный муравей или та же гусеница». Но мать гордилась своей работой, все время стремилась совершенствоваться, и только неудачная личная жизнь ломала ее и корёжила. Значит, она не просто муравей.

Знаешь, наверное, это нехорошо, но мне до сих пор никак не удаётся детские обиды из сердца с корнем вырвать. Нет-нет да всплывет что-то и застарелая боль сожмет сердце. Понимаешь, если бы по незнанию или по глупости, а то ведь намеренно был жесток со мной отчим, вот что страшно. В кулак зажал наши жизни, заграбастал, как свою собственность. Каждый шаг был расписан от и до. А тут еще, бывало, как окрысится... и всё исподтишка. Я часто задавалась вопросом: зачем ему это надо? Может, на войне обозлился?

- Гайдар воевал, а злым не сделался. Какие добрые книжки писал! Наверное, твой отчим был просто жадным.

- И жадность им руководила, и ненависть, и желание помучить, поиздеваться. Всю жизнь я глубоко запрятанную обиду в себе носила. То забывала, то вспоминала. И матери ни разу о своем горьком детстве не напоминала. Да ладно, то всё давние времена. Будем считать, что уже перегорело.

«Исхлестана бедами и обидами детства. На них концентрируется, чтобы отвлекаться от неприятностей более поздних лет? Как я на Вадиме?» - предположила Инна.

- Как-то приехала я мать проведать, обняла, а ее голова ниже моей груди. Правда, я на каблуках была. Она показалась мне такой маленькой, беззащитной. Заплакала, уткнувшись в меня. Сердце мое наполнилось жалостью. Боль никак не отпускала. Слова не могла произнести. Так и стояли у ворот... Наверное, чувствовала, что скоро уйдет.

- Теперь уже простила? Ты вечный ее укор. За то и не любила, не жалела, не проникалась состраданием.

- Ну, это как посмотреть. Внешне не выказывала своих чувств. Но тут вина в основном отчима. Он всех строил под себя. Но я понимала, что семья все же лучше, чем детдом. Как только переступила порог их дома, сразу осознала, что начнется другая жизнь, новая судьба.

- Новая доля-недоля.

- Ладно, перешагнули. Мало было у меня радости и в сиротские сороковые, и в деревенские пятидесятые. Втайне я немного завидовала некоторым вещам, которыми располагали мои городские подружки: свободе, книжкам, кружкам. Росла, а сама думала: «Что же теперь и не жить на свете, что ли, если трудно?»

«Прорвемся и без кинжала. Мы, деревенские, тоже не лыком шиты. Не ударим в грязь лицом, не посрадим своих предков!» - шептала я сама себе ободряющие шуточные лозунги наших мальчишек. Потому-то вместо художественных книжек летом, вечерами в первую очередь прочитывала все новые учебники и в году, идя на урок, уже знала, что

станут объяснять учителя. Может, отчасти, поэтому мне легко давались все предметы.

«Это трагедия, когда человек в конце жизни осознает, что даже в детстве не было счастья», – думает Инна, невольно примеривая ситуацию на себя.

– Отмена занятий меня не радовала. В школе мне было интересно и весело. Я общалась с детьми. Но это было странное общение. Поверхностное, по касательной. Иногда я чувствовала себя много старше ровесников, иногда чужой им. Я и среди детей жила внутри себя, сама по себе. Наверное, меня не понимали, считали легкомысленной или задавакой. Дети мне были нужны, чтобы веселиться, дурью маяться. Я помогала им в учебе, выполняла поручения учителей, но все это делала играючи, без напряжения, без глубокой души. Не могу себе представить, что случилось бы со мной без школьного коллектива.

Лена будто листала странички прошлого.

– Дома было мало положительных эмоций. Нет, вру, была бабушка с ее простым любящим сердцем. Она говорила: светлей и просторней в хате, когда в ней дети. И по волосам меня гладила, мол, и к тебе это тоже относится. Еще брат и чтение книг урывками да тайком. Еще сестры. Но ведь взрослые тоже одну работу знали, не наслаждались праздностью, и это также несколько примиряло с действительностью. Не помню случая, чтобы они где-то отдыхали, развлекались. Чертово хозяйство не отпускало. В деревне все были равны бедностью и работой. Единственное, что меня в школе беспокоило и омрачало жизнь...

– Что же? Не догадываюсь. Я рухну от удивления?

– Моя обидчивость. Мои слезы. Никогда из-за физической боли не плакала, с раннего детства привыкла преодолевать боль, усталость, но стоило задеть мое слабое место... Наверное, некоторые одноклассники похихикивали за моей спиной, не понимая причины моих неожиданных слез, считали кисейной барышней. Мысль об этом еще больше ослабляла мои нервы, и у меня не получалось сдержаться. Еще я могла неожиданно расплакаться от избытка чувств из-за проявленной ко мне искренней доброты. Может, это были слезы счастья. Но все равно слезы.

Детство прекрасно моментами свободы, общением с родителями. Папа – самый умный, сильный и справедливый; мама самая красивая, добрая и ласковая – в этом счастье ребенка. Для чего детство дается? Для радости, для развития. Но о каком эстетическом воспитании, о привитии вкуса можно было говорить, когда вся жизнь за высоким забором, в кирзовых сапогах и ватнике?

Помню, была с матерью в городе. Она в магазин пошла, а я стерегла сумки и смотрела, как играют во дворе дети. Я стояла, прижавшись к столбу, мне было грустно и обидно. Я никогда после десяти лет вот так беззаботно не носилась по катку – его у нас не было. Детство прошло, а я ни разу не каталась на лыжах в собственное удовольствие. Было два раза на уроках физкультуры под грубые окрики учителя, а так, чтобы с радостью... Предметом моей зависти была беззаботность детей. Мне бы хоть на денек вот так, как эти городские, а то ведь только работа, работа. Страна одна, а детство у городских и сельских детей разное. И душу мою отчим держал взаперти, не давал развиваться. Хотелось высадить эту чертову «дверь», раскрепоститься, расслабить пружину сердца...

Деревенская жизнь со всей своей примитивностью и обыденностью к классу шестому окончательно утратила для меня привлекательность. В восьмом классе я уже всерьез стала задумываться над тем, кто я, что мне предстоит? Правильным ли путем идет страна, зачем нужны были революции, жуткая гражданская война, жестокий Сталин. Ведь развитие – это движение вперед во всё. И общество, и человек как отдельные его единицы должны становиться лучше интеллектуально, технически, нравственно. И в семьях порядок должен быть. Понимала: это идеальное общество. Но почему столько ошибок в истории всех стран? Кто виноват? Ну не Бог же? Я разлюбила «неправильную» историю и заинтересовалась строгой и логичной математикой. Добившись на олимпиадах определенных успехов, стала мечтать об институте, о городе. И это при том, что «привычку к труду благородную» я уже успела приобрести и закрепить. Уезжала из деревни без сожаления. Я ощущала себя способной на многое. Удушливо тесным стал

мне серый однообразный деревенский мир, хотя я по-своему его любила. Нет, пожалуй, людей любила и жалела.

Иногда, когда было в вузе особенно трудно, думала: «Может, права однокурсница из Грузии, что мы, русские, не умеем жить? Отдыхать не умеем, веселиться, радоваться». Но нам надо было серьезно учиться, а её тройки устраивали.

- Мне кажется, настоящая мать чувствительна даже к молчаливым звукам души своего ребенка. Но если уж честно - ни любви, ни тепла от своей я не видела, одно беспокойство. Ни в беде, ни в радости мы не рвались друг к другу. Жили, отгородившись высоким забором непонимания и неловкости. Не выражали ни любви, ни ненависти. Жалость в сердце была. Я и к бабушке любовь не умела выражать словами, только заботой. Молча страдала, когда ей было плохо. Я никогда от матери ничего не требовала, отчима в упор не видела. Он не заслуживал называться отцом. Называла, жалея мать. В этом я была непримирима. Как аукнется, так и откликнется: он содержал, я отработывала. Кто надо мной главный судья? Я сама, моя совесть. Обделена была родительской любовью. Собственно, любви мне не хватало всю жизнь.

В тот день у калитки я увидела в глазах матери страх непощения. Она боялась уйти с ним в другой мир. Боялась не обрести вечный покой. А я в тот момент не смогла простить, не сумела переступить через себя, и теперь это меня гложет.

- Не терзайся. Если т а м, на том свете, на самом деле что-то есть, то она примет твои сегодняшние слова. Я в этой связи гениального врача Склифосовского вспомнила. Он до конца жизни так и не простил своим родителям приюта.

Лена заметила нарастающую тревогу в глазах Инны и обеспокоенно подумала: «Вспоминать даже о чужой смерти теперь не стоит». И зашептала:

- Отдохни, расслабься. Замучила я тебя своей болтовней.

Инна послушно прикрыла веки.

- Ты права, мне надо побыть наедине с мыслями о моей матери, - вымолвила она тяжело и тоскливо. И словно отключилась.

Окунулась в лабиринты своего больного сознания, чтобы в тысячный раз перелопатить прожитое и пережитое? Заснула?

Лена думала, что Инна на сегодня закрыла тему детства, но она снова заговорила. Получается, не дремала, вспоминала.

- Ты любила раскачиваться на высоких тонких деревьях. Они изгибались, почти касаясь земли, а ты орала от восторга. Я никогда не слышала, чтобы ты визжала от страха.

- Я замирала от ужаса, но держала себя в руках. Мне, как и тебе, нравилось представлять себя смелой.

- Я боялась за тебя, мне казалось, ты намеренно играешь со смертью.

- И не сказала! Я бы в твоём присутствии не сумасбродничала. Прости, если я виновата перед тобой. Но, честное слово, даже вытворяя чёрт знает что, я всегда была осторожна и никогда не рисковала.

- Лицо твоей бабушки вспомнила, когда она печально смотрела на величественный остов разрушенного храма и тихо вздыхала. Наверное, тоже детство вспоминала. А вслух она говорила: «Храм в моей душе». Я слышала, что в двадцатые годы и до нашего села докатилась антирелигиозная волна.

- Церковь в ту давнюю пору заменяла деревенским жителям и театр, и филармонию с концертами классической и духовной музыки. Бабушка с восторгом рассказывала о детском церковном хоре, мол, как ангелы пели. Духовные мелодии уносили ее высоко-высоко, к счастью. Что она ещё в своей деревне могла услышать лучше этого? Послушай, Инна, в детдоме я ничего не знала о духовной музыке, но почему-то именно она

возникла в моей голове. Загадка природы!

- А помнишь, на уроке естествознания в четвертом классе учительница рассказывала о кольцах Сатурна. Ты прервала ее и стала доказывать, что они не сплошные, а состоят из отдельно летящих огромных глыб, и что при быстром движении этих осколков космических тел их траектории сливаются, и мы видим кольцо. И в пример приводила вращение пуговиц на закрученной нитке. Учительница тогда впервые на тебя посмотрела с явным интересом.

- А ты в десятом классе на астрономии приводила в пример серебристые квадратики, нанесенные на поверхности кругов электрофорной машины, при вращении которых эти сверкающие метки образовывали сплошную окружность.

- Ты очень любила рисовать странным образом. Долго рассматривала на земле трещины и начинала свою фантазию проявлять согласно «увиденным» в них картинам. Мне очень нравились эти «панорамы». Жаль, что были они однодневками.

- Я всюду искала и находила лица, фигуры животных. Мне «рисовались» сценки в кронах деревьев, в любых изгибах теней и полутеней на земле, на зданиях, в хаотично разбросанных веточках и соринках.

- А почему мне твои рисунки на бумаге по памяти казались более интересными, чем с натуры?

- Наверное, потому, что память выхватывает и хранит самые яркие моменты жизни, выделяет из всего разнообразия пейзажей самые красивые картины природы. А иногда она наводит на неожиданные размышления. Вот сейчас выплыл из облака моих воспоминаний один странный случай.

Помню, вечер был удивительно хорош. После сенокоса меня на полчаса отпустили на речку выкупаться, чтобы воду на керогазе не греть. Смотрю, старая, худая, совершенно нагая женщина вымылась в реке и стала взбираться на противоположный крутой склон берега. Рядом с ней чей-то теленок безуспешно карабкается по осыпающейся глине. Я смотрела на них и думала: «Кто из них двоих быстрее справится?» И вдруг вид старушки сзади поразил меня. В тот момент, когда из воды торчали только их оттопыренные пятые точки, они – эти зады – были похожи один в один. И не будь у теленка хвоста, я бы не различила, кто из них домашняя скотина, а кто человек. Меня, десятилетнюю, это потрясло невероятно. Я не поверила себе, глаза протерла и подумала: «Мы тоже животные? Значит, все-таки Дарвин прав? Мы одна из ветвей?» Потом дома попыталась нарисовать увиденное на реке. Мать не вовремя вошла в комнату, раздраженно порвала рисунок и погнала меня во двор делать что-то полезное.

- А у меня любовь к рисованию начиналась с клякс в тетрадях по чистописанию. Я их преобразовывала в разнообразные картинки. Конечно, доставалось за художества. Еще я стихи твои помню.

- Сначала они были защитой моей души, позже проза выполняла эту функцию. В ней я выплескивала бушевавшие во мне эмоции. Тогда я этого не понимала, не приходило в голову. Я просто беспрерывно говорила, говорила. Записывать времени не было. Жаль, конечно.

- А помнишь первое знакомство в десятом классе с чудом техники – магнитофоном! Вы с братом быстро разобрались с кнопками, и ты ради хохмы спела «Если вас бутылкой треснуть по затылку».

- Отец пришел из школы, изучил инструкцию, попробовал запись, воспроизведение и вдруг услышал мой голос. Мать была в восторге, и я не получила «нахлобучку» за пошлые слова переделанной под блатную прекрасной песни «Пять минут». А в городе даже в бедных семьях уже были телевизоры.

Аня неожиданно приподнялась, цыганским передергиванием плеч сбросила с себя простыню, оглядела комнату мутными глазами, сонно скользнула бессмысленным взглядом по лицам подруг и рухнула на постель. И сразу, обняв подушку, уснула.

«Какая у нее странно обреченная деформация лица даже во сне», – отметила про себя

Лена. Она выждала, пока до нее донеслось тихое похрапывание, и продолжила свою мысль:

- Алла уже в детстве выглядела головокружительно, вызывающе, невысказанно счастливой. Помнишь, рассказывала нам, как училась в музыкальной и художественной школах, ездила в Москву, в Ленинград и Киев, ходила в музеи и театры. Вела жизнь, богатую позитивными впечатлениями. У нее была советская, но буржуазная семья.

- Ради форса напускала на себя деловитую озабоченность или, чтобы не светиться излишествами, экстравагантно приbedнялась. Как-то пошутила, мол, сама себе завидовала. Она - не счастливое исключение. Просто в городе жила. А мы с тобой видели перед собой коровники, свинарники, пьяных трактористов, шоферов и усталых женщин в замызганных, засаленных ватниках. Мы с тобой были Брижит Бардо и Мэрилин Монро в резиновых сапогах!

- Аллино первое место в рейтинге счастливых среди наших друзей никто и не оспаривает. Уровень жизни, прекрасное воспитание, достойный круг общения. Судьба благоволила ей. И все же недоброжелатели шептались: «Так ли безоблачно ее счастье?»

- Некому было разоблачить и посрамить сплетников. Меня там не было! Можно подумать, они знали о ней больше, чем говорила ее внешность.

- Я так и не научилась отдыхать, развлекаться, радовать себя и других. Это плохо, - задумчиво сказала Лена. - Только теперь с внуком пытаюсь этому учиться.

- Но ведь бабушку ты удивляла и радовала.

- Чем? Опять же хорошей работой, помощью.

- А я слова Черчилля в детстве услышала и на вооружение взяла. Я не стояла, когда можно было посидеть, и не сидела, когда можно было полежать. Думала, сто лет проживу.

- Не оговаривай себя. Взрослой вкалывала будь-буди. Без ложной скромности могу утверждать, что мы с тобой жили по принципу Льва Ландау «Стремись к невозможному - получишь максимум». И не просчитались. Помнишь, радости не было границ, когда нам что-то удавалось. Я и сейчас отчетливо представляю эти прекрасные моменты. Само собой были и промахи, но они случались нечасто. И мы всё делали, чтобы они со временем обернулись победой. Нам самолюбие не позволяло, чтобы нас оттесняли на обочину.

- Мы не перекладывали свои проблемы на чужие плечи. Сами расплачивались за свои ошибки, сами выкорчевывали свои обиды.

Лена опять бабушкино детство вспомнила.

- С какими счастливыми глазами она рассказывала мне об органе! Папа ее совсем маленькой на концерты возил. Он земским доктором был. Родители погибли, и она малолетней оказалась в деревне на попечении дяди. Оставила школу, по дому работала, батрачила на помещика. Единственной ее радостью была церковь. Вспоминала: «Бывало бегу с барского поля, ног под собой не чувю. В речке обмоюсь и скорее в храм к заутрене, чтобы не опоздать ни на минуточку, успеть глоточек радости получить. *(Во сколько же она вставала?)* Свой огород обиходила после господского. Иначе забьет до полусмерти».

Мужественно переносила лишения, на что-то надеялась, во что-то хорошее верила. И меня учила, что праздники - это награда, их надо заслужить, чтобы с чистой совестью отдыхать. А еще объясняла, что руки человеческие в труде должны меру знать. Жалела меня. И я ее. Мне-то намного легче жилось, чем ей. Случалось, прижмет меня жизнь, так сразу о ней, о бабушке моей любимой вспоминала и справлялась с проблемами. Холодно, пусто без нее в доме стало.

- А помнишь, как мы с тобой ходили в колхоз на ток работать! В обед повариха не успеет

оглянуться, а мы, ребяташки, уже все смолотили и миски вылизали. Дома-то мяса понюхать нечасто давали, хоть и не перебивались с хлеба на квас, не бедовали, как другие.

- А я про сахар вспомнила. Он отдавал керосином, но это не сказывалось на любви к нему.

- Я сразу сутолоку очередей ощутила. Часто в них приходилась часами выстаивать. Но никакие затраты сил не страшны были перед лицом прекрасной мечты - получения заветного куска колотого сахара, - совсем по-детски улыбнулась Инна. - Ты не разучилась корову доить, стога метать? Утратила навыки?

- Вспомнила стародавние времена! Нет, конечно, но силы не те. В детстве двуужильной была. В городе эти мои достоинства никому не нужны были. А теперь и в деревне эти знания ни к чему, везде машины заменили человека. Хотя на своем огороде по-прежнему руки и спина - главные орудия труда. А если еще коровушка в хозяйстве... Ты же сама-то не забыла, как на велосипеде ездить? Раз научилась - и на всю жизнь.

- Правильно сказала - «ездить», а не кататься. Ты никогда попусту не гоняла, только по делу. И всё-таки лучше тебя на велосипеде никто фокусы не выделявал!

- Не признавали этого мальчишки. Они терпеть не могли, чтобы девчонки в чем-либо верх над ними одерживали.

- Им приходилось мириться. И на уроках у нас девочки главенствовали, но не подчеркивали свое первенство, щадили ребят. Не знаю, ценили ли они наше благородство или просто не замечали? Это же мальчишки...

- А как они немилосердно дрались, доказывая свое превосходство!

- Не понимала я этого. Ведь не защищали кого-то, а просто так, ради самоутверждения. Видно, это было им необходимо, - пожала плечами Лена.

- А помнишь, я сама напросилась тебе помочь, а потом каялась, кляла себя. Желаний было много, а на деле часто ничего не выходило.

- Тогда, с непривычки, ты просто не рассчитала свои силы.

- Ты отправила меня к кринице по воду, и никто не заметил моей усталости.

Инне грустный случай вспомнился, как она на праздничном концерте опозорилась перед полным залом детей и учителей.

- Я хотела участвовать только в пирамидах и в танце, а мне стали навязывать еще и стихотворение. Я согласилась при условии, если мне дадут самой выбрать то, которое мне понравится. Вожатая воспротивилась. Тогда я категорически отказалась учить предложенный стих. Оттанцевала свой номер, с удовольствием изобразила красивый мостик - элемент пирамиды - и заторопилась домой.

Вдруг на меня налетают две старшеклассницы, вырывают из рук сумку с хлебом и портфель, сдергивают пальто и выталкивают на сцену. Я бегу назад, меня ловят и опять тащат на сцену. Я упираюсь, кричу, что они ошибаются, что я выполнила свое обязательство, а они не слушают и волокут меня выступать. Выпихнули меня на сцену. И вот стою я злая, взъерошенная, в глазах слезы обиды и бессилия, бормочу что-то невнятное. В зале недоумение, потом редкие смешки. Кое-кто из учителей неприятно улыбается. Я хотела бы выучить и прочитать со сцены что-нибудь юмористическое, чтобы весь зал радовался. А что вышло?

Я была потрясена случившимся. Со мной за сценой случилась истерика. Я орала: «Представьте себе взрослого, которому скрутили руки и заставили неподготовленным выступать перед сотнями зрителей. Это же насилие, издевательство! Я же не в тюрьме. Почему со мной обращаются, как с преступником? Кто вам дал право унижать невинного человека? Пионерская организация или это ваша собственная инициатива? Одна вожатая забыла вычеркнуть из списка мою фамилию, другие ради того, чтобы поставить

галочку о выполнении плана, готовы опозорить человека. Вас не волнует, каким путем будут выполнены все пункты программы праздничного концерта? Вы бездумные машины. Запомните, вы никогда больше не заставите меня плясать под свою дудку. А стихов я вообще больше никогда не стану читать со сцены. Я гордилась тем, что пионерка, и все делала, чтобы быть достойной этого звания. Я с удовольствием носила красную планку-нашивку на рукаве школьной формы. «Я звеньевая! Я отвечаю за десятерых одноклассников!» Но сегодня моя вера пошатнулась. Нет, она рухнула! Я не стану подчиняться тупым и бездушным роботам. (Тогда я уже посмотрела первый в своей жизни научно-фантастический фильм!) Если не сумели доказать, что ваше стихотворение полезнее, интереснее и красивее, так не приставайте. Когда на уроках на отметку учишь то, что не нравится, – это нормально, но зачем же в праздник заставлять делать то, что не по душе? Какой же это праздник? Если еще раз посмеете применить ко мне силу, я разделаюсь с вами поодиночке и отобью у вас охоту издеваться над кем бы то ни было».

До сих пор, когда вспоминаю тот гадкий случай, в душе сжимается комок обиды и боли. Пусть это и глупо, но в такие минуты я будто по-прежнему тот самый, растерянный, беззащитный и опозоренный ребенок. Комсомолкой я была уже не по убеждению, а по принуждению. Мать заставила. Боялась, в институт не возьмут.

– Я бы не связывала поведение школьниц-вожатых с неправильным влиянием комсомола. Переусердствовали девчонки, начальницами себя вообразили, глупышки. Тут скорее недоработка совета дружины, их попустительство. Сама знаешь, кто туда рвался и для чего. Лучше вспомни нашу классную вожатую, девятиклассницу. Сколько она с нами возилась, сколько души в работу вкладывала!

– И, тем не менее, я никогда от ребят не слышала «честное комсомольское». Неавторитетная была клятва. Скорее говорили «ей-богу». Хотя и оно давно себя дискредитировало.

– Просто мы к тому времени выросли из детских клятв, – усмехнулась Лена.

– А помнишь, какие соревнования по решению задач на скорость устраивала наша учительница! С каким азартом ребята стремились попасть в тройку или хотя бы в десятку лучших!

– Тогда же во мне возникла страсть рассказчика.

– Тебе не стоило большого труда увлечь нас и сделать постоянными слушателями. Здорово ты «заливала». Ярко, темпераментно, душевно. Мы балдели. Повзрослев и поразмыслив, ты отреклась от эмоций, сдалась практицизму, предпочла верный кусок хлеба – технический вуз.

– Генри Форд сказал: «Размышление – самая трудная работа, поэтому мало людей занимающихся этим делом», – улыбнулась Лена. Ей не хотелось погружаться в грустное.

– И все же пионерия дала нам многое. Помнишь, старшая вожатая говорила: «Современные песни и танцы вы сами выучите, а вот прошлые надо прививать, чтобы помнили свои корни. Вы, став взрослыми, своим детям их передадите». Хорошая была женщина, терпеливая. Многих на путь истинный наставляла. Работа классными вожатыми многим школьникам помогала выбрать профессию, дисциплинировала.

– А спектакль мы в шестом классе поставили сами, без взрослых. Гордились своей самостоятельностью. Ты маму играла, я дочку.

– Для меня самым трудным было не смеяться на сцене. Тема была серьезная, воспитательная. А я как вспоминала, что я «мама», так из моих глаз чертики начинали выскакивать.

– И я умирала от смеха, но терпела так, что аж скулы сводило, – рассмеялась Инна.

– Когда мы в хоре пели патриотические песни о Родине, наполненные военным пафосом и искренней патетикой, я приходила в состояние высокого трепетного восторга. Какие прекрасные слова в них звучали! Мне хотелось сражаться за Отчизну в первых рядах и, может быть, даже погибнуть за нее на поле брани. И ребята не шалили. Но если дело доходило до русских народных или шуточных песен, тут уж ребята давали волю рукам:

кого за косичку дернут, кого щелбаном наградят или влепят затрещину. А сами стоят серьезные-серьезные. А то хиханьки с хаханьками затеют. А что вытворяли мальчишки, когда танцы с классной вожатой разучивали! А мы ее любили и защищали, сами порядок в классе наводили и мальчишек обламывали. Как же всё это было по-детски прекрасно и увлекательно!

Но спорили до хрипоты. Помнишь, вожатая ругала заграничные танцы и мелодии, а ты не соглашалась и доказывала, что «есть танцы для ног и тела, вроде зарядки, а есть те, что для сердца и даже для ума. Всякие нужны. Когда-нибудь во всем мире люди будут исполнять одинаковые танцы и песни. Классическая музыка уже не имеет границ. То же самое произойдет и с популярной музыкой, и вообще со всеми культурами. Взаимопроникая, они станут обогащаться». Классная вожатая не нашлась что ответить. Растерялась, даже испугалась, заволновалась. Старшая школьная вожатая сказала бы: «Чего несешь околесицу!» и быстро «прояснила бы ситуацию», пожаловавшись родителям. И вопрос был бы исчерпан. А классная не могла так поступить, сама была школьницей.

- Старого школьного Чардаша не забыла? Безропотный был трудяга. Бывало, подрагивает кожей, мотает головой, хлещет себя хвостом по крупу, отгоняя оводов, а сам натужно, но упорно тянет плуг.

- Как мы с тобой, - рассмеялась Лена.

- Ты еще что-то вспомнила?

- Представляешь, недавно села в ванной на низенькую скамейку, а подняться не могу. Пришлось на здоровое колено встать, на ручку двери опереться и подтянуться. Только так и смогла выпрямиться. Стою и подтруниваю над собой: вот ведь старая развалина! И смех и грех.

- Я, почитай, уж после первой операции на карачках. Еще тогда стала задаваться вопросом, сколько мне отпущено.

- Ты выкарабкалась только благодаря жажде жизни.

- И стремлению укорить мужа.

- Не выдумывай.

- Судьба тогда отпустила меня, но ненадолго. Потом еще испытывала на прочность, и еще. Долго продолжалась борьба за жизнь. И я в моменты адских пиковых болей познала, что такое диссоциация. Не в химии, в медицине. Это когда видишь себя как бы со стороны и возникает своеобразное чувство потустороннего общения. А теперь вот этот неутешительный приговор.

Лена вздрогнула и оглянулась на спящих подруг. У Жанны, как у ребенка, ладони покоятся под щекой, у Ани очки зажаты в руке. Их дужки чуть поблескивают в бледном лунном свете. Худенькое личико расслабленное, но даже во сне грустное. Опушенныенизу уголки губ чуть подрагивают. Что ей снится?

- Все хорошо, - прошептала Инна. Но капельки пота, предательски выступившие на лбу и над верхней губой, говорили об обратном.

22

- Лена, помнишь первый Новый год в общежитии? Ты в ту ночь впервые попробовала водку.

- Разбавленную вином. Я до сих пор не в восторге от крепких спиртных напитков.
- А тогда торопливо, одним глотком запила водку... водкой. Старая студенческая шутка. Тест на стойкость. Видуха у тебя была что надо! Ты сделалась в тот вечер на редкость веселой и говорливой. Напялила на голову чалму-полотенце и во все горло распевала: «Разрисован, как картинка, я в японских ботинках!»
- Серьезный получила урок. Хорошо, что догадалась устроить искусственное освобождение желудка, иначе со мной было бы то же самое, что на следующее утро я видела в умывалке и туалете. Я была противна себе, своему чистому нутру. В тот день я поняла, как приятно легкое опьянение от одной-двух рюмок вина и как гадко бывает от перебора. За всю жизнь у меня ни разу не возникло желания надраться. Не понимаю пьющих людей. Зачем делать себе плохо? Можно упрямитесь только себе на пользу, но никак не во вред. И курящих не уважаю, отношусь с предубеждением. Раз человек намеренно травит себя, значит, не умный, а если он не в состоянии бросить дурную привычку – значит, слабый.
- А как ты на первом курсе вполне искренне брякнула преподавателю физкультуры: «У нас в деревне спортом только бездельники занимались, остальные работали». Огоршила беднягу! Он так растерялся, что не смог послать тебе встречный удар. Но я думаю, ты и его сумела бы отбить.
- А какие были прекрасные субботние вечера в пятидесятой комнате, у старшекурсниц! Слушали классическую музыку. Патефон не замолкал до ночи, – радостно улыбнулась Лена.
- Влюблялись! А теперь сердце замирает или ускоренно бьется только от болезни. Пропала в нас романтическая приподнятость, постарели душой.
- В кино ходили всей компанией. Помню, плакали над героем, сознательно ушедшим из жизни, потому что не нашел он на земле то, что ему было близко и понятно. Верили в любовь. Слезы умиления вызывали индийские фильмы. Они распалили наше воображение. Глупые были, сентиментальные.
- Я до сих пор верю в героические поступки.
- Потому что сама способна их совершать.
- А когда грустили, ходили в сорок пятую, где девчонки сбрасывались по полтиннику. Вино, сигареты, интересные беседы. На третий раз ты отказалась. Тебе в след закричали, мол, полтинника пожалела. Ты на стол бросила мелочь и ушла, и меня насильно утащила с собой в читалку. А те, оставшиеся, так и вылетели с первого курса. Жалко, хорошие были девчонки, характера им не хватило. В общежитии выживали сильнейшие. Каждому приходит время платить по счетам. Иногда непомерно дорого, – горько вздохнула Инна.
- Грустная «экспедиция» в прошлое... Помню, иду из столовой. На мне ребячья рубашка, брюки, самостоятельно сшитые из старого пальто матери. Смотрю, молодежь в снежки играет. Конечно, бегом к ним. И давай всех валять в снег. Как дикая игривая пантера накидывалась и на одиночек, и на парочки. Весело! Чувствую, тихо отчего-то стало. Оглянулась, никого нет. Разбежались. Стою, руки в боки, довольная собой. И вдруг стыдно стало. Развлеклась, черт возьми. Вот дуреха! Я же парней перед их девчонками опозорила. Они же городские. Что с них взять?
- Вечерами после занятий организм по привычке требовал физической работы, но ее не было, так ты в сквере по деревьям лазила.
- На ветках раскачивалась. Счастье – выше некуда! Раздувалась и сияла от удовольствия как начищенный к празднику самовар. Чувствовала, как по всему телу гуляет здоровье. Настроение на все сто! Птицей взмыла бы в небо... Силушку деревенскую девать было некуда. Да и мозги прочищать умела только физической работой. Сажу на ветке, ору во все горло: «Раскинулось море широко». Люди идут, посмеиваются. А мне хоть бы что! Группа студентов остановилась. Спрашивают: «Что, новый вид спорта придумала, как обезьяна скакать с дерева на дерево?» А я весело отвечаю: «Ага! Мышцы требуют нагрузки, мозги разгрузки». Я, естественно, ходила в парк, когда стемнеет, но там все

равно было достаточно светло от электрического освещения. Один очень серьезный парень стал уговаривать меня, чтобы я слезла, мол, ты уже взрослая. Мне неловко, я злюсь, но не спускаюсь. Только песен уже не пою. Настроение испортил.

- А мою депрессию помнишь? Несчастливая любовь! Первого пыталась забыть, которого ненавидела, но любила. Купила вина с названием «спотыкач», залпом выпила всю бутылку. Лежу, койка раскачивается подо мной, стены комнаты расплываются и пропадают, потолок волнами и невероятными колеблющимися фигурами вздыблен. Сердце стучит тяжело и загнанно. Утром проснулась, во рту гадко, голова болит. Не помогла себе, только хуже на душе сделалось. Подумала: «Какие же глупцы те, кто пьют!» Больше не было желания «травиться» ни беленькой, ни «чернилами», ни еще какой-либо экзотикой.

Общежитие. Не сразу оно отпустило меня. Ноги сами вели туда, где прошли пять лет жизни - и какой жизни! В будни учеба с утра до позднего вечера, в выходные - музеи, театры, в праздники - гости ночь - за полночь. Годы прошли, и не было уже там моих друзей, а все тянуло туда, где было хорошо и трудно. И сейчас иногда слышу в голове бессонное бормотание ночной жизни студенческого общежития. И будто вижу вечернюю неторопливо струящуюся, неиссякаемую реку прохожих, гуляющих по главному проспекту города. И будто мы в их числе.

- А зверский холод - будь он неладен - в новом корпусе?

- Не забыла, как ты на ядерную физику ходила. Мало тебе было учебной нагрузки. Всюду шныряла, что-то новое высматривала.

- Как-то останавливает меня красивый высокий седой мужчина и спрашивает: «Интересно?» А я ему: «Любопытно. Интересно будет, когда что-то пойму». Тогда он наклонился ко мне и тихо как-то по-отечески предупредил: «Будь осторожна, у нас высокая степень вредности, а тебе еще мамой надо стать». И был это не кто иной, как профессор Белосельский собственной персоной.

- И ты оттуда бегом от греха подальше в свои палестины, на свою родную кафедру.

- Теорию изучать.

- А помнишь, как ты Толика Овчинникова на спор пыталась разыграть? Заморочила ему голову, на свидание по телефону от моего имени пригласила. Он уж совсем поверил, что я уступила его настойчивым ухаживаниям. И тут ты говоришь: «Поторопись, осталось полчаса». Он все понял и сначала разозлился, а потом расхохотался: «На всем курсе, только Лена в слове «осталось» неправильно ударение ставит. Украинское наследие? Деревенский диалект?».

- Ах, эти наши милые девичьи розыгрыши!

- Как-то раз после сессии сидим мы с тобой и твоим Андреем в нашей столовой, пивка выпили по случаю вашего ко мне приезда. На тебя напало смешливое настроение, и ты начала трепаться, мол, попробовала курить - не понравилось, попробовала пить вино - тоже не пришла в восторг. А пожилой мужчина за соседним столиком с интересом наблюдавший за нами, вдруг говорит тебе: «Поскорее выходи замуж за своего парня». А ты ему в ответ весело так: «Попробую!»

- Хороший человек. Заволновался, что «допробуюсь» на свою шальную голову. А я просто шутила.

- А что мы говорили, хлебная пустой столовский борщ и глотая холодные слипшиеся макароны, облитые противной подливой?

- Не делай из еды культа! - не сговариваясь, дружно продекламировали подруги и рассмеялись.

- «Изверг рода человеческого» было нашим самым страшным ругательством.

- А лучшим комплиментом звучали слова: «У тебя не голова, а Дом советов».

- А какой умной на первом курсе нам казалась фраза: «С точки зрения формальной логики...».

«Как-то очень расточительно Инна тратит время на пустяки. А может, именно это для нее сейчас самое нужное, самое полезное, а я ною, как последняя зануда», – остановила себя Лена и тряхнула головой, прогоняя наплывающую дремоту.

- ...Ты не понимала студенток, бегающих на танцы в капроновых чулках.

- И возвращающихся с них похожими на синих перемороженных цыплят. Я никогда в детстве не видела детей, стремящихся ради форса налегке бежать на мороз. Разумные были?

- Не было причин форсить, – рассмеялась Инна.

- Я до сих пор не понимаю, почему молодежь зимой без шапок ходит. Идут, ссутулившись, головы пригибают от ветра. Какая в этом гордость? Ведь как приятно идти по морозу, когда тебе тепло, уютно! Ты бодрая, у тебя румянец во всю щеку! Они намеренно лишают себя удовольствия радоваться зиме?

- Многого мы тогда не понимали. Например, почему мужчины на танцплощадках считали, что оказывают нам честь своими липкими взглядами и мерзкими похотливыми предложениями? Ну, сделал красивый комплимент – тут все ясно, но пошлость... Мы воспринимали похвалы только как источник повышения самооценки.

- Перестали мы ходить на городские танцплощадки, свои университетские предпочитали.

- Помню, как ты пыталась втолковать ребятам, что когда двое парней дерутся из-за девушки, то тем самым выказывают ей свое неуважение, лишают ее права собственного выбора. Девушка выбирает жениха не по признаку грубой силы, а в первую очередь по интеллекту и душевным качествам. Почему ее избранник должен драться с тем, кого она отвергла, кто не сумел ей понравиться? Надеется, что после того, как он побьет счастливицу, девушка его полюбит? За что? За жестокость и глупость? Ты доказывала парням, что своим поведением они напоминают животных в период случки. Так не понимали, обижались, пытались с гонором и злорадством отстаивать свое мнение. Не оправдывали они твоих ожиданий.

- Вспомни, многим нашим деревенским девушкам нравилось, когда из-за них ребята дрались. Они гордились этим. Архетип? Это у них на уровне коллективного бессознательного?

- Это генетический атавизм. А проще – отсутствие воспитания. Они не знали других, более действенных, культурных способов выразить любимой свое обожание. А потом вот такие парни, женившись, кулаками на своей благоверной начинали доказывать свою «любовь», утверждая, что «бьет, значит любит». И такое мы с тобой наблюдали.

- Не знали те городские, с кем связывались. Классно ты тогда их отделала!

- А как ты отшивала! Они буквально съезживались под твоим презрительным осуждающим взглядом. И ведь не заносилась, не распалаялась. По-деловому вела диалог. Просто давала понять, кто перед ними.

- Крыть им было нечем. Но без твоей поддержки я не была бы такой смелой, – созналась Лена.

- А после танцев мы в комнате устраивали шуточные биологические диспуты. Мы уже знали, что разница в геномном аппарате птиц и шимпанзе равна двум, а между человеком и шимпанзе ста восьмидесяти девяти, что Х-хромосомы содержат тысячу генов, а мужские – только сто. И что через пять тысяч лет мужчин на земле не останется.

- Запомнила ты. Хрущев «душил» генетиков. Лысенко и ему мозги заморочил. Информация о генах появилась много позже. Но то, что пол ребенка зависит в основном от мужчины, мы уже знали, – поправила подругу Лена.

- И это знание вылилось в лозунг «Берегите мужчин»?
- Не факт.
- Ценили мы своих умных, правильных мальчишек, держались их.
- Я на танцы только с тобой летом ходила. В Москве лишь театры и концерты себе позволяла.
- Теперь юноши, насмотревшись западных фильмов, стали жестче. И ударить могут без лишних слов.
- Сомневаюсь... Если не боятся получить сдачи, - усмехнулась Лена.
- Я внучек своих племяшей на всякий случай остерегаю на этот счет.

«Перед... уходом её интересуют мелочи, о которых знает только она и ближний круг? Для каждого человека «всеобщая история современного общества» - только часть его личной истории. Чувствуя приближение конца, он вспоминает не о космосе и великих стройках страны, а о событиях своей жизни. Но все это так мелко, - подумалось вдруг Лене. - И все же я не могу отделаться от мысли, что Инна пригласила меня «на сбор» с какой-то определенной и важной целью».

Инна спросила:

- Ты помнишь, как Артурчик за Тamarой ухаживал? Он демонстрировал ей свой успех у девушек. Цену набивал.
 - И она давала ему понять, что нравится парням.
 - Уж внуков вагон и маленькая тележка, а они все продолжают ссорами и скандалами обнаруживать в себе новые «качества» характера. Не скучают. Каждый привносит в их совместную жизнь что-то свое «неповторимое». Мудрее с возрастом не стали. Артур до сих пор порывистый, страстный, нервный и обаятельный, а Тamarочка смешливая, ироничная и по-прежнему худенькая.
 - С таким мужем не раздобреешь, - рассмеялась Лена. И у нее тут же промелькнула мысль: «Ещё нахожу силы для смеха».
 - В каждой компании обязательно находился мужчина, который говорил тебе, что ты женщина его мечты.
 - Не скромничай. О тебе я могу сказать то же самое. Мужчинам почему-то всегда хочется делать приятное чужим красивым женщинам, - усмехнулась Лена.
 - Почему тебе не нравилось ходить ватагой по магазинам?
 - Никогда не любила следовать за толпой, подчиняясь ее правилам. Да и время привыкла беречь.
 - А по музеям?
 - Чувств не хотела расплёскивать.
- «Уж лучше легкие воспоминания, чем бесплодный, мучительный круговорот страшных мыслей», - поняла Лена.

- Опять Алла вспомнилась. Наверное, её счастливая, насыщенная жизнь не способствует глубокомыслию и изучению причин и следствий жизненных неурядиц. Постигая друг друга, они с Александром в своей любви поднялись на необыкновенную высоту. У них было потрясающее слияние душ. Свои взаимоотношения они довели до совершенства. Как они держались друг за друга! Никто никогда не стоял между ними. Счастливики. Это как пройти всю войну без единой царапины. В их семье был коммунизм. И не надо

искать этому подтверждений. Все на поверхности. Какой недостижимый уровень искренности, порядочности и взаимопонимания! Ни притворства, ни лжи. Друг другом жили, были единым целым. Они как оттенки одной краски, лежащей в основе их огромной картины жизни, проникая в неё, связывая воедино.

- И все потому, что они никогда не верили сплетням завистников, - заметила Лена.

- Удачно сосуществовали, заботы делили пополам. Нашли идеальный для себя вариант равновесия. Их совместная жизнь прозвучала мощно, крупно, празднично. Как говорится, блеск одного отражался в блеске другого. Алла заменяла Александру целый мир - так он её любил. Боже мой, всю жизнь так любить и так хотеть единственную на свете женщину! Её величество Женщину! Он говорил, что главный успех его жизни состоит в том, что он сумел найти прекрасную жену. Видно, Господом Богом им позволено было стать счастливыми.

Александр разделял с Аллой и её славу, и её неудачи, поддерживал её. Столько в нём было преданности, обожания, преклонения, гордости, восхищения ею! Муж - всем мужьям муж. Всевышний подарил их друг другу. И жили они по законам поэзии и гармонии. Они прекрасно дополняли друг друга. Александр утверждал: «Я её до сих пор не покорил, потому и не надоедает». И Алла говорила: «Саша - сплошное сердце. Он - мое всё. Он лучшая половина в нашем союзе. Саша научил меня понимать красоту человеческой души, находить и помнить хорошее, гордиться им. Он мужчина во всей своей сути и плоти. Рядом с ним я чувствую себя женщиной. И в то же время он такой милый, нежный, трогательный».

Такой красоты отношений я больше не видела. Внутри их семьи тоже горели шекспировские страсти, споры были в ходу, но не ругань. А какая ясность и честность чувств! Они никогда не говорили: это моя территория, это - твоя. Их жизнь - годы непорочного счастья. И кажется, что всё у них само собой удачно складывалось. Чего никак нельзя сказать о нас с тобой. Язык не повернется назвать нас счастливыми. Беды вокруг нас, как часовые у оружейного склада. Мы с тобой попали только под их раздачу. Подпортила семья Аллы нам статистику подруг-неудачниц. Они и в перестройку лучше всех адаптировались. Не изменяли себе, не опускались до вседозволенности, до пошлости, несущейся мимо них мутным потоком. Боролись с поприемом интеллигентности. Может, у Аллы была способность чувствовать время или имелось внутреннее ощущение судьбы, которая вела её по жизни? Или слово какое-то заветное знала? - усмехнулась Инна своей последней, глупой фразе.

- Они из тех, которые создают так называемое светское общество - в лучшем смысле этого слова, - и оберегают нравственный климат в стране. Не путай с современной гламурной прослойкой. Алла как-то еще в молодые годы сказала: «Мне стыдно, что я такая счастливая. У многих моих подруг счастья намного меньше, но у меня нет возможности с ними поделиться».

«А себя Лена относит к этой категории? Скромничает? Нет у нас еще по-настоящему ни гражданского, ни светского общества. Пока нет. Уехал один мой знакомый в Германию и стал там себя вести, как привык в России, так его быстро обломали - отвернулись, перестали с ним общаться. Он сразу присмирел и одумался. Вот что значит достойное окружение! Зато у нас огромная прослойка - нет, целый класс - чиновников. Большинству из них даже я не подала бы руки», - усмехнулась Инна, а вслух все-таки выразила некоторое сомнение в безукоризненности поведения супругов или легкое недовольство их «вознесением» на пьедестал чести:

- Признавая за каждой из нас свои заслуги, Алла, наверное, и теперь смотрит на безмужних свысока. А может, им было слишком хорошо вдвоем, чтобы думать еще о ком-то?

- А это как прикажешь понимать? Что кроется за этим заявлением? И это после прекрасного монолога о счастье! Завидуешь?

- По-своему оцениваю и констатирую факты.

- Я думаю, Алла всегда без высокомерия смотрела на нас. А теперь ей без Александра плохо. Он ушел в Зазеркалье, ранив её сердце. Нельзя попасть туда, не оставив болезненного следа в душах близких. Алла мне говорила по телефону: «Держала его за

руку и видела, как из его глаз жизнь вытекала. Теперь мы «звёздная память друг друга».

- Мистика какая-то. Вот тебе и физик. Как-то я спросила её насчет писательства. А она ответила: «Я теперь живу памятью прошлого, а творчеством отвлекаюсь от проблем». Если бы в зачёт счастья шли только успехи в работе, мы были бы самыми счастливыми. Хотя надо признать...

Инна задумалась, не досказав свою мысль. Взгляд сделался отсутствующим, далеким.

- У меня на биофизическом факультете есть знакомая. Ее муж - золото высшей пробы. Искренний, чистый, доброты неохватной человек. Теперь, наверное, такие мужчины наперечёт. Видела его однажды на детском новогоднем празднике. Он был как большой восхитительный ребенок. Душа-человек, умница, доктор наук, а простоты небывалой. Дочери для него - суть жизни. А потом выяснилось, что он смертельно болен. Обвел прощальным взглядом свою семью и ушел из жизни. Теперь жена его живет памятью счастливо прожитых с ним лет. Как-то сказала мне: «Так до конца его и не узнала. Бесконечно глубокий был». И слез не сдержала, - поведала подруге Лена.

С Инны будто сползла маска равнодушной отрешённости, и она сказала:

- Как же должны быть счастливы те, у кого любовь - одна на всю жизнь, у кого любовь и семья совпадают. Соберу-ка я у себя после этой нашей тусовки всех своих племянников с их семьями.

- Грядет великое пиршество? - спросила Лена. Она совершенно не попала в настрой подруги. И, поняв это, смутилась и разозлилась на себя, на свою сонную бездумность.

- Посмотрим друг другу в глаза. Я им счастья пожелаю. Да поможет им Всевышний, - серьёзно ответила Инна. - Племянники меня любят, и я в них души не чаю. Правда, они уже не нуждаются во мне, - облизав пересохшие губы, добавила она.

- Все нуждаются, чтобы кто-то не лишний раз согрел сердце, истосковавшееся по сочувствию. Доброты и нежности много не бывает.

- ...Тоже не выносила притворства. Тебя от него внутри всю корёжило, - донеслись до Лены слова Инны, явно относящиеся к ней.

О чем шла речь перед этой фразой, она не слышала, была в глубокой дрёме, но торопливо подтвердила:

- Такой и осталась.

- Не было у нас зависти к богатеньким - а они на курсе были, - мы не стремились в их круг, не желали быть лишней спицей в чужом колесе. Даже немного свысока на них смотрели. Мол, все это заслуги ваших родителей, а сами-то вы на что годны? Мы всего добьемся самостоятельно и будем этим гордиться! К тому же у нас срабатывала интуитивная осторожность: если вдруг что не так, им-то все с рук сойдет, а нам всыплют по первое число. Наслышаны про такие истории.

- ...Кто взрывается счастьем, кто тихо плавает в нем, как в подлунной бесконечности. Вот ты домой приходишь, а тебя там ждут. И в этом твое счастье.

- У тебя до сих пор висит его портрет? - спросила Лена, переключая внимание подруги.

- Давно решила: пока из сердца не выскоблю - не сниму со стены. Это мое чудачество, прибабас.

Сказала спокойно. Но Лена по глазам прочла рвущуюся из ее сердца тоску.

- Такого так просто не вырвать из сердца. С корнем надо.

- А надо ли? Как по-разному мы любим!

- В семнадцать лет и в моей жизни была «целая площадь цветов». А дальше сплошные «импровизации на тему». Я сама приложила к этому свою неуверенную руку. У меня же

непреодолимое правдолюбие и вера. Я слышать ни о чем не хотела. Как же, любящий человек велик и жертвенен в своем чувстве! Его сердце раскрывается алыми лепестками лишь прекрасных чувств! Вот и схлопотала полный нокаут. Слишком поздно посетило меня просветление. Сраму-то, сраму... А потом с досады кусала губы. Все хотела расквитаться. И если опустить тот факт, что провинциальный дух неистребим... Я стойко держалась. Да, заковыристая была ситуация. Дернула меня тогда нелегкая...

«Его давно пора предать забвению. Бредит?» – пугается Лена, настороженно взглядываясь в лицо подруги.

– Тень прошлого висит надо мной и давит, давит. Она не способствует стиранию из памяти. Любимая когда-то мелодия, сопровождавшая мою первую любовь, «раскручивается спиралью тоски, скуки, пустоты» и раздражения. И никому до меня нет дела, – жалобно всхлипнула Инна.

– Прости, я спрашивала об Антоне.

Лена, отводя от лица Инны непослушный завиток и заправляя его за ухо, на мгновение задержала руку на ее лбу. И это был единственный всплеск эмоций, истинно дружеский жест, который она позволила себе, успокаивая подругу. Потом она грустно заметила:

– Пессимизм не знает границ?

– Это было покровительственное поглаживание? – вместо ответа пошутила Инна. – Ты знаешь, Вуди Аллен, будучи уже в пенсионном возрасте, сказал, что он все тот же, каким был в четырнадцать лет: не поумнел, не повзрослел. Я, наверное, тоже. Но добавила бы применительно к себе, что слишком много шишек набила. – Ироничная усмешка покривила Инне губы.

«Ох уж эта удушливо жаркая комната! – Тяжелая дрема сдавила ей голову. Она устало смежила веки. – Обтекаемо говорим. Не затрагиваем самое болезненное. Может, и к лучшему. Свидимся ли еще на этом свете?»

Лена ласково накрыла руку подруги своей. Волна нежности накатила на нее. На Инну тоже. В голове замелькали прочувствованные мысли: «Как же я обожаю ее! До слез, до боли в сердце. Готова поклясться, что и она тоже. Редкие короткие ссоры не гасили наших дружеских чувств. Я тяжело переживала малейший разлад, впадала в истерику. Я всегда в ней нуждалась, но старалась не беспокоить по пустякам. Звонила, когда становилось безнадежно тошно, когда боялась покончить с жизнью или чтобы отвести душу, а иногда и беду. Упомяну вскользь, а она сразу все поймет и поможет. Да что там говорить, только она меня и понимала».

– Не унялась, не отступила боль? – зашептала Лена на ухо Инне.

– Чуток заговорила. Как к бабке ходила. Я уж думала: всё, дошла до шлагбаума. Мы с тобой с детства душа в душу общались, как могли, отдаляли минуты неизбежных расставаний. И потом, на расстоянии скучали.

– Я чувствовала за тебя ответственность. Ты всегда была моей маленькой сестренкой, – улыбнулась Лена.

– Как же! На полгода старше!

На Инну вдруг опять нахлынула тоска-кручина. Она застонала, глубоко и тяжело опуская внутрь готовые вырваться наружу судорожные рыдания. Они встряхивали ее отяжелевшее вдруг тело.

– Господи, как иногда хочется оторваться в полное удовольствие! Забыться, забыть эту боль.

– Как? Вино, море, мальчишки? – попробовала пошутить Лена на манер Инны, не боясь этой пошлой фразой обидеть подругу.

– Ты неподражаемая. Я признательна тебе, но это интересно в молодые годы, – неожиданно серьезно отреагировала та.

- Прости за невнимание последних лет. За все прости, - прошептала Лена одышливо, не в силах остановить слез раскаяния.

Чувство вины разрывало ей душу. «Боже мой, чем я могу ей помочь? Мне остается предоставить её собственной судьбе, - скорбно стонало её слабенькое сердце. - Вот откуда она, эта дружба до гроба: от доброго слова в нужный момент, от тёплого взгляда, когда тебе тяжело до немоги. Любовь может быть безответной, без взаимности, а наша дружба на полном доверии основывается и на боли».

Интонация горькой вины, прозвучавшая в голосе Лены, тронула Инну, и она, успокаивая подругу, прижала ее руку к своей груди, к месту, где сильнее всего чувствовалось биение ее сердца. Она попыталась что-то сказать, но запнулась, испытывая настоящее необъяснимое нежелание говорить.

«Опять нырнула в омут горьких дум?» - насторожилась Лена.

23

- ...Это случилось как раз перед тем, как мне первый раз попасть в онкологию. Стою перед поликлиникой, запах цветущих лип вдыхаю. Вдруг женщина рядом со мной оказалась, приятная такая, интеллигентная, молодящаяся. На вид в пределах пятьдесят-шестьдесят. А в глазах - тысячелетия! Меня почему-то мороз по коже пробрал от ее взгляда. Спрашивает она меня кокетливо: «Сколько лет мне на вид дадите? Честно отвечаю: «Мало, но глаза у вас как у моей прабабушки». И вдруг она пропала, как растворилась. Я туда, сюда - никого. Фильм «Средство Макрополуса» сразу вспомнила. Как-то сразу не по себе стало, словно она оттуда... Странно, будто с того света от кого-то привет передала. Меня внутренне покорило, но значения этому факту не придавала, на себя не примерила. А через несколько часов узнала о страшной болезни. Больше я эту женщину никогда не встречала, хотя невольно часто искала глазами. А бывают счастливые неожиданные случайности. Они выручают, спасают, если их замечаешь. Не есть ли это вмешательство Бога в нашу жизнь?

- Может, совпадение?

- А интуиция, предчувствие?

- У меня нет фатального страха перед смертью. «Нет, весь я не умру», - ответила Лена, чтобы увести подругу от грустной дискуссии. Она притянула её к себе с каким-то внутренним отчаянием и сказала уже много мягче:

- Если Всевышний хранит тебя, значит, ты ещё зачем-то нужна на Земле.

Сказала и вспомнила синие, трясущиеся губы, страдальческий излом бровей Инны перед первой операцией, своё одинокое кружение вокруг больницы. А после неё... безжизненно болтающиеся кисти безвольно соскользнувших с каталки рук.

«Нет! Нет», - кричало тогда всё внутри меня, но наружу не вырывалось. И через сутки, когда слова ещё с трудом давались ей и слишком тяжело сползали с не оттаявших, словно омертвевших губ, я терпела, не редела. А в этот раз меня не было рядом».

Душа Лены облилась слезами. Она уткнулась головой в плечо подруги и спрятала свое лицо в её волосах. Ей подумалось: «Кто-то сказал, что нет печальнее зрелища, чем молодой пессимист, и нет отраднее картины, чем старый оптимист». Это касается только условно здоровых людей. Смертельно больной оптимист выглядит карикатурно».

После долгой тяжелой паузы, позволившей Лене справиться с нахлынувшими чувствами, она спросила:

- Как ты последнюю экзекуцию перенесла? Снова сильно тошнило?

- Разве тошнота и рвота страшны? Их можно перетерпеть. Главное, суметь пережить первую ночь после введения химии. Ты же знаешь. В этот раз я была на грани. Это когда

ты чувствуешь буквально тысячные доли вибрации каждой клеточки тела. Оглушающее впечатление. Невозможно описать странное жуткое состояние организма, борющегося за жизнь. И с каждой серией химий это переносится всё трудней. Чуть не тронулась умом. До рассвета бродила по коридорам в наполовину ненормальном, зомбированном состоянии и до изнеможения бездумно бормотала одно и то же: «Господи, помоги! Господи, спаси!» Спас. Меня часто хранит провидение.

- Может, потому, что любишь вслушиваться в Космос, умеешь слушать и слышать тишину?

По тому, как подруга посмотрела на нее, по ее беспомощной улыбке Лена поняла, что она готова поверить чему угодно, только бы выжить.

- Лёля почему-то вспомнилась. Сто лет о ней не думала, и вдруг сейчас всплыл один шокирующий случай. Конечно, я знала, что она активная общественница, но в чём её деятельность заключалась, не интересовалась. И вот как-то по каким-то своим делам заглянула в судком, где комиссия по отчислению заседала. Слышу, Лёля жестко, напористо и бескомпромиссно отчитывает первокурсника. Мол, как ты дошел до такой жизни, что у тебя две двойки в сессию! Смотрю, парнишка сидит перед нею бледный, испуганный. Крупные капли пота стекают со лба и даже с кончика носа. У меня - глаза-шары. Лёля ли это? У нее самой три хвоста. Я бы так не смогла. Правда она, увидев меня, тоже немного смутилась и продолжила нападать на парнишку менее яростно. Я постаралась поскорее убраться из комнаты. Сцена слишком напомнила мне наш районный комитет комсомола. Тот самый, из нашего детства, который я всегда брезгливо обходила стороной.

На заводе Лёля преуспела, карьеру неплохую сделала. Тогда лозунги еще были в почете. Мы с ней неоднократно, но кратковременно пересекались в командировках. А вот на семейном фронте у неё одни проколы, сплошная непруха. - заметила Инна.

- Что так?

- Она, как я поняла, из той же обоймы, что Эмма и Рита. Истерзана личной жизнью. То цапаются и гавкаются с мужем чуть ли не каждый день, точно шавки по разные стороны забора, то всерьез дерутся как кошка с собакой.

- Жалко ее. В принципе неплохая девчонка была. Закрутила-завертела её комсомольско-партийная жизнь с четырнадцати лет. Не там свою энергию растрачивала. Говорят, деревенская жизнь вся на виду, а тут и в городе, оказывается, ничего не утаишь, - вздохнула Лена.

- Городок у них небольшой, все события каждой семьи как на ладони.

- Нашего первого куратора помнишь? - спросила Инна. - «Классную даму»? В консерваторию нас водила, образовывала. Первое время мы там засыпали. Потом Баха от Генделя стали отличать. Помню первый поход в театр. Она как-то необычайно восторженно восхищалась артистом, исполнявшим главную роль, и ожидала от студентов поддержки своего мнения. А ты сказала, что он, как должно, не проживает жизнь своего героя, а играет её. И делает это искусственно, но не искусно. Мол, хороший актер так ведёт свою роль, что не замечаешь, как он преподносит себя, увлекаешься и забываешь, что события происходят на сцене, а не в жизни. Он играет, как дышит. Меня он не увлек. Я только тем и занималась, что подмечала, где и что он не так сделал.

- Я почувствовала, что задела её, может, даже обидела. Она взглянула на меня каким-то далёким, углублённым в себя взглядом. Будто защищалась им от меня. Я позже, подумав, поняла, что он мог ей нравиться как мужчина. Ведь они были одного возраста. В таких случаях недостатков не замечают, просто любят и восхищаются. Только поздно мне было догадки строить.

- Ты со своими деревенскими, не засиженными стереотипами мозгами и чистой наивной

душой прекрасно чувствовала неестественность и наигранность.

- С моей тупой категоричностью и бестактностью я способна была обидеть хорошего человека. Прекрасный преподаватель, одинокая женщина с несбыточной мечтой о семье. До сих пор сожалею о своей глупой выходке.

С детства я была зациклена на своих бедах и, несмотря на то, что была, в общем-то, доброй девочкой, мало вникала в глубину чужих проблем, видела только то, что лежит на поверхности. Я долго не понимала многих вещей, простых для детей, с рождения росших в семье. Все упущенное в раннем детстве навёрстывалось с большим трудом.

- Лицо нашего второго председателя колхоза вдруг всплыло в памяти, - сказала Инна, наверное, чтобы продлить беседу.

- Красивый и деловой был. Отсталый колхоз в совхоз превратил. Животноводство на высокий уровень поднял. Не жалея себя, для людей работал. Был своим и старым, и малым. Обещал, что будет у нас совхоз-миллионер. Дома кирпичные строил, квартиры молодым специалистам давал. Не угодил чем-то районному начальству, убрали его из райцентра, загнали в неприметную деревеньку и на обидно маленькую должностёнку поставили. Мол, партийный - подчиняйся. Негде там было развернуться его таланту. Лет пять там промучился. Не получалось от родной земли, от любимых людей оторваться. Но не смог он усмирить свою мощную энергию, несла она его, требовала действенного приложения сил. Махнул он на всё, в город уехал, простым мастером на стройку устроился. Не знаю, как там у него сложились дела. Думаю, не пропал, нашёл применение своим организаторским способностям. А сколько еще добра мог бы родному селу сделать! Не дает мне покоя его судьба. Приедем в деревню, все о нем разузнаем, ладно?

- Горбачевский антиалкогольный закон вспомнила. Подчинились, бросили на работе праздники с вином встречать. Перестали пить и танцевать. Без разминок болячки разные к нам начали прилипать, как-то все быстро постарели. А ведь, бывало, раза два в месяц потанцуешь от души часа три-четыре на чьем-либо дне рождения, разомнешь все мышцы, и является необыкновенная легкость в теле, в мозгах. Пара рюмок хорошего вина - и сразу удивительно светлое ощущение праздника, яркие моменты счастливого удивления от познания человека вне работы, положительные эмоции. Творить еще больше хотелось. Вина было хоть залейся, а нам его не надо было. Алкашей среди нас не водилось. Некого было перевоспитывать. Нет, я, конечно, понимаю, в масштабах страны огромная польза была от закона. Просто загрузила по молодым годам... Как-то читала статистические данные - благодаря Горбачеву смертность среди мужчин трудоспособного возраста снизилась примерно на двадцать пять процентов. А всего, по подсчетам ученых, за годы антиалкогольной кампании почти полтора миллиона человек сохранили себе жизнь. В восемьдесят седьмом году было повышение рождаемости до уровня 2,2 ребенка на женщину. Папы перестали пить, и мамы не боялись, что могут родить от них неполноценных детей.

А курить наши ребята в один день бросили. Так сказать, пример молодежи показали.

- Я вот об Ане подумала. Наверное, её положительное клеймо можно разглядеть на всех её учениках, и особенно на подопечных детдомовцах. Вся ее жизнь на них закольцована. Для некоторых из них много хорошего начиналось и заканчивалось школой.

- Скажешь, Аня счастлива одиночеством? На манер монашки? - удивилась Лена.

- Не Богу молится. На детей. Она всегда стояла за помощь бескорыстную и необязательную, за ту, что не по указке и не на показ. И, тем не менее, она не пользуется благосклонностью начальства. Почему им не нравился её патронаж, кому она мешает?

- Для многих «излишне здравомыслящих» людей её поведение - полная шизофрения. К тому же детдома - закрытые заведения. Отсюда дополнительные сложности и проблемы, - объяснила Лена.

- Совсем не простая наша Аня. И в друзья никому не навязывается. А помнишь, что она

представляла собой, когда мы с ней только познакомились? Забитая была, стеснительная, даже дикая какая-то. Смешная. Даже теперь, в её то возрасте, у неё на макушке торчит этот милый задорный хохолок. Зря я её того... поддразниваю. Но ведь не со зла. Так, брѣх пустой. Это как чесотка: чешется и чешется, отвязаться невозможно.

Благодаря любимой работе Аня перенесла все тяготы своей одинокой жизни, получила наконец квартиру, приличную пенсию и, наверное, собиралась пожить в свое удовольствие, отдавая себя только детдомовским детям, не горбясь, без робкой оглядки на начальство, никого не страшась, ни от кого не завися... Хотела стать той, кем она была в душе: прямой, независимой, откровенной, трезво мыслящей, чтобы говорить, что думает, с сознанием своего человеческого достоинства. А тут перестройка.

И всё равно не потерялась в этой жизни. В девяностые сберегла свою душу, свой неиссякаемый оптимизм. И до сих пор делится с детьми своей любовью, утверждает, что жизнь прекрасна во всех её проявлениях. Это перед нами, взрослыми, она позволяет себе ныть и стонать.

- Несомненно, в ней присутствуют элементы благородства, великодушия и компоненты... положительной упёртости. Не по наглomu уверена в себе. Мне кажется, она лучше многих из нас чувствует особую прелесть нашего возраста - время отдавать накопленное.

- Как ты думаешь, ученики донимают, доводят Аню? Её некоторая беспомощность, непонимание юмора, должны являться предметом их насмешек.

- Она же с детдомовскими детьми работает. Они другое ценят, - ответила Лена.

- А Жанна пребывает в состоянии завидного душевного покоя?

- Пожалуй. Её стабилизатор - вера, религия.

- А Лёнчика помнишь?

- Лёнчика?

- Забыла? Добро пожаловать в клуб склеротиков. Из-за кучи химий я уже лет десять как в нем состою, - рассмеялась Инна.

«Скачут наши мысли, ни на чём долго не задерживаясь. Какой стресс на этот раз подтолкнул Инну к бездне? А может, в прошлый раз не долечилась? Почему она молчит об этом?» - недоумевает Лена.

- ...Учителя наши были истинными деревенскими интеллигентами. Нам передавалась их одухотворённость, - сказала Инна.

- Не Кант, Ленин стоял на их книжных полках.

- Вряд ли они его открывали. А когда я в гости к одноклассникам ходила, то портрет Ленина и иконы у многих рядком на стене висели.

- Это и есть образ России.

- Правильно говорят, неходкая деревенская суть хранит незыблемость жизни на земле.

- С этим я могла бы поспорить. Жизнь в деревне более консервативна, течет медленнее, но все равно меняется. Я сорок с лишним лет подряд приезжала в деревню и не замечала отличий, в последний приезд не узнала родной край, даже нашу школу и улицу не смогла самостоятельно найти.

- Учителя наши много хорошего в нас вкладывали. Учили поступать обдуманно. Верили в любовь. В театр хоть раз в год старались попасть. В город для этого выбирались. Культпоходом это называлось. Женщины самые лучшие платья надевали, прически делали. Мужчины брючины поверх голенищ сапог выпускали по-городскому. Феерия счастья! А каких учеников воспитывали и поднимали до уровня, в то время

неслыханного. Помню, окончила школу, и охватило меня ощущение того, что навсегда ушло в прошлое что-то очень теплое, доброе. Математичка, физичка – золотые были люди!

– ...Мне было восемь лет, когда мои пальцы впервые коснулись пианино. Я осторожно прошлась по клавишам, послушала их звучание и сразу сказала себе: мне не осилить инструмент, и вообще, музыка – это не моё.

– Почему? – удивилась Инна.

– Я почувствовала, что если даже буду очень стараться и много трудиться, мне всё равно не удастся воспроизвести те прекрасные мелодии, которые звучат в моей голове. А именно ради них я хотела бы познать хотя бы азы музыкальной грамоты. Может, я интуитивно поняла, что у меня нет музыкального слуха. Но музыку-то я все равно неистово люблю. Наверное, бывает внутренняя музыкальность, которая не вырывается наружу.

– Или некому было ее оттуда выудить.

– А вот желание рисовать и писать книги не получило во мне отторжения. Удивительное дело: судьба выбор предпочтений мне самой предоставила. На мое усмотрение.

– То-то кое-кто и в пятьдесят никак не мог решить, стоит ли брать в руки перо или нет, – подколола подругу Инна.

– А в шахматы я после шестого класса больше не захотела учиться играть. Поняла, что достигла потолка своих возможностей и потеряла интерес к ним.

– Самолюбивая была. Не могла позволить себе позориться, проигрывать.

– Я переживала, что не способна к шахматам, к умственной игре и видела в этом свою ущербность.

А ты здорово играла. Пальму первенства держала. Мальчишек громила. Я восхищалась тобой.

– А ты стреляла великолепно. На соревнованиях не имела равных даже среди пацанов. Не отважились они с тобой вступить в борьбу. Признаться, я тоже немного завидовала тебе. Помнишь, в шутку просила уделить от твоих талантов самую малость.

– В меткости не было моей заслуги. Для меня стрельба было игрой, я не тратила на нее усилий. Чему мог научить наш физкультурник, этот препаскудный мужичонка?

– Мы могли бы участвовать в серьезных соревнованиях. Только никому дела не было до наших не основных способностей, да мы и сами к ним не относились всерьез. Кусок хлеба на этом не заработаешь. А зря. Еще в школе могли бы подняться на свои первые пьедесталы почета.

– Не исключаю такой возможности.

Подруги одновременно прыснули в ладони.

– А ребята из музыкального кружка ездили на областные конкурсы. У них был прекрасный руководитель, наш учитель немецкого языка. Ученики так и вились вокруг него. Бывало, такой бедлам в зале устраивали! Но он их не ругал, давал возможность разрядиться. Любил, понимал детей.

«Банальности говорим? – вздохнула Лена. – Пускай, если ей от этого легче».

– Счастливое детство! Конфеты-подушечки, – сиротский ассортимент, платья на вырост. Ничего не боялись, ни от кого не защищались. Была верная дружба, наблюдалось отсутствие коренных противоречий. Боролись разве что сами с собой.

Инна все еще продолжала что-то тихо бормотать, словно не замечая присутствия Лены.

- Никакая дружба не выдержит полной откровенности, а наша - всё выдерживала, потому что твой характер являлся её долговременным залогом. Нет, мы, конечно, щадили друг друга... Обе. А теперь я больше ценю одиночество. Заболев, стала замыкаться в своих переживаниях. У больных часто проявляются малопрятные черты характера. «Никому не подвластно то, что внутри меня. Это только моё. И с ним я и уйду». Это раньше, в юности, я была беззащитна, потому что полностью раскрывалась. Вот, мол, какая я есть, такая есть - душа моя нараспашку!

- Есть одиночество комфортное, выбранное, не навязанное обстоятельствами, не мучительное. В детстве я очень рано узнала о существовании своего внутреннего мира, и мне было в нем хорошо, поэтому одиночество меня не пугало, не тяготило. Другое дело теперь, когда я очень устаю, и даже смех внучка не поднимает меня с постели. Тогда я просто никого не хочу видеть. - Лена попыталась продолжить Иннины размышления, но та заговорила о другом:

- Мы так тянулись к любви, к доброте. Нам обеим всегда не хватало тепла. Мы только отдавали. Нам так и не встретились настоящие мужчины, а ведь мы ради великой любви готовы были отдать себя без остатка. Так, видно, судьба распорядилась. У нас настоящий роман был только с работой.

Инна грустно улыбнулась, прижалась щекой к плечу Лены и добавила со смехом:

- А ведь мы с тобой роскошные дамы почти... элегантного возраста, дамы, прекрасные во всех отношениях!

- Еще бы!

- Тады ой!

Никто со стороны не смог бы расшифровать эту странную, только им двоим понятную фразу, еще в детстве взятую из деревенского анекдота и давно потерявшую свой пошловатый смысл.

24

- Недавно сосед сделал мне комплимент, мол, какая вы эффектная женщина. А я ему в ответ с улыбкой: «Не эффектная, а дефектная».

- Любишь ошеломлять и шокировать. У тебя это хорошо получается. В этом виде «искусства» никого с тобой и близко не поставит, - с улыбкой заметила Лена.

- Есть кого! Сейчас я это тебе докажу. Недавно получила по электронной почте одно очень интересное послание. И обалдела! Я для тебя его специально распечатала и прихватила с собой. Прочитай, пожалуйста, вслух. Инна достала из-под матраса пухлый мятый конверт. Лена нашарила на тумбочке очки.

- У меня их трое: для дали, для чтения и для работы на компьютере, - сказала она, словно оправдываясь.

- Не тяни, читай, - нетерпеливо потребовала Инна.

«Понятие счастья с веками не очень изменилось. Чтобы была семья, чтобы любили и понимали. Реализоваться в любимом деле (пусть даже в детях) и в хобби. Еще хорошие друзья. Все это у меня было и есть.

А сегодня мне семьдесят, и я хочу быть эффектной и красивой! В юности - бедность, в молодости и в зрелые годы некогда было о себе думать. Для детей старалась. Им нужнее. Потом внуки. И вот я на пенсии. У меня большие ноги, позвоночная грыжа, слабое сердце, дырявые легкие и т.д. Тот еще букет! И я знаю, что по возвращении с прогулки я обессиленной свалюсь на диван и буду пару часов постанывать, растирая колени и

«стреляющую» поясницу или вовсе на некоторое время «вырублюсь» от усталости.

Но сейчас я иду по узорным плиткам тротуара, пересиливая боль, с высоко поднятой головой, прямой спиной, с легкой блуждающей, чуть кокетливой и таинственной улыбкой на губах. Каблочки стучат, выравнивая мой сердечный ритм. На мне модная яркая малиново-красная (мой любимый цвет!) шляпа с огромными фигурными полями и эффектным бантом, шикарное белое полупальто с благородными блестками, белые под крокодиловую кожу сапожки, длинный легкий шарф и изящные перчатки в тон головному убору. У меня пока нет соответствующей моему шикарному наряду сумочки, но со временем я обязательно отыщу ее, куплю и дополню недостающим атрибутом мой тщательно продуманный силуэт. Я хочу выглядеть на все сто! Я прекрасная дама! Я сегодня так себя ощущаю!

А что? Все при мне: и рост, и стать. Издали морщинки не заметны. Да и не портят они меня. Я знаю, что когда улыбаюсь, мое лицо молодеет лет эдак... на двадцать. Ей-богу! Сегодня ни к чему мне озабоченность будней и неразрешимые проблемы! Я молодая и красивая! Я нравлюсь себе. У меня праздник. Я хочу жить! И хочу быть особенно счастливой, хотя бы некоторое время.

Иду, ловлю осторожные и прямые открытые взгляды мужчин и женщин. Спиной чувствую, что некоторые оглядываются, смотрят мне в след. О чем они думают? Осуждают? Оценивают себя в этой роли? Прекрасно! Пусть в моем гардеробе больше нет такой красивой одежды, и что из того, что мои сапожки не из натуральной кожи – оставляю это миллионерам. Я в этом новом наряде чувствую себя королевой! Я наконец-то позволила себе быть беззаботно-счастливой!

Мне семьдесят, но я не разучилась быть самой собой. В моей одежде роскошь изысканной простоты. Богатство не в накоплении, а в умении выбирать лучшее во всем. Это касается не только одежды и предметов быта, но и музыки, искусства, способов получения радости...

Все мои мысли всегда были о тех, кто со мною рядом, а сегодня я думаю только о себе. О, это удивительное ощущение свободы! Я стянула с себя груз лет. Я свободна от забот. Я чувствую себя женщиной! Меня не волнует, что некоторые люди скажут, мол, разоделась напоказ. Сейчас я – икона моды и стиля!

Я знаю, что, увидев меня, женщины средних лет и старше начнут копаться в своих «прошлых запасах», примеряя что-то в поисках того, во что еще можно «влезть». Будут подбирать под цвет шарфики, шляпки, прикладывать стародавние броши к своим «шикарным» грудям и долго смотреть на себя в зеркало... решаясь. Потому что они женщины. Я уверена, что завтра увижу уже многих из тех, которые вот так же, как и я – пусть поздно, – опять смогли почувствовать себя раскованными, помолодевшими. И я рада за них.

Такое уже происходило, когда я в пятьдесят и шестьдесят лет не захотела обряжаться в темное, будто бы приличествующее моему возрасту. Я являлась на работу в белых брюках или светлом строгом костюме. Тогда я тоже замечала, что мои далеко не юные коллеги как-то очень осторожно, но все же, подражая мне, надевали что-то нетрадиционное.

Уже десять лет я себе ничего не покупала. Донашивала старое. (Помните анекдот про «три Д»?) За всю свою жизнь я так ни разу не приобрела себе косметического набора. Помада и духи (как правило, подаренные к очередному женскому празднику) – вот и весь арсенал моего женского обольщения. Да, еще улыбка и легкий характер. Могу я хоть сейчас позволить себе раскошелиться в собственное удовольствие?! Скажете: «Так мало ей надо для счастья?» Мне много, очень много нужно. Но я всю жизнь собираю свое счастье по крохам, ни одной малости не хочу упустить, уронить. Крох этих у меня немало. Радуюсь успехам детей, здоровью внуков. День выдался солнечный, безветренный. С мужем сходила на рынок. Это тоже радость. Потому что в м е с т е...

И пусть не всё и не всегда вызывает положительные эмоции... Но сегодня я хочу быть красивой! И буду. Сегодня я счастлива!! Потому что я – Ж е н щ и н а!!!»

– «Я – Божество, носящее имя Женщина!» И пусть обомлеют небеса! – вскрикнула Лена восхищенно. – Блестяще! Я потрясена. Я испытала ни с чем несравнимое удовольствие.

Это послание всем нам и про всех нас. Оно написано от лица женщины нашего поколения. Надо его завтра же дать девчонкам почитать.

- Узнаешь почерк?

- Еще бы! Лариска. Это ее шутливо-ироничное поэтическое приношение нам, женщинам без возраста. Чувствуется, что писала по вдохновению, будто одним росчерком, ни разу не запнувшись. А ведь если задуматься: возраст – это приобретение. Настоящая женственность не стареет!

- В первоначальном варианте дважды присутствовала фраза «Чёрт возьми!». Мне казалось, что она вносила в содержание легкость, некоторую пикантность и особенный аромат, придавала беспечность и милую ироничность. Экспромт звучал сочнее, ярче. Но Лариса ее вычеркнула. Она, видите ли, режет её интеллигентское ухо! Побоялась, что тонкие и изысканные женщины почувствуют в этих, из души рвущихся словах, некоторую вульгарность. Зря отменяла мой совет. Она посчитала, что облагородила текст! В ущерб искренности и эмоциональности?! Я выступила на их защиту, но не убедила, даже когда прочитала ей удивительно подходящее ситуации стихотворение. Хозяин – барин, сдалась я, и больше не стала приставать.

- Какое стихотворение? Прочти, – заинтересовалась Лена.

«Будь всегда красивой и беспечной, К чёрту все домашние дела! Чтоб мужчина думал – каждый встречный: «Ах, какая женщина прошла!» И про макияж не забывай, конечно, Даже если ты идёшь домой. Чтоб мужчина думал – каждый встречный: «Ах, какая дама, Боже мой!» И ещё один совет известный: Иногда рюмашечку прими. Чтоб мужчина думал – каждый встречный: «Ах, какая баба, чёрт возьми!»

- Убила наповал!» – грустно рассмеялась Лена. – Две порции «коньяка» за один присест – это перебор! И как поразительно перекликаются женская проза и мужская поэзия, а значит, женские и мужские желания! Но... не возможности.

Инна подумала: «Вот и Ленка такая. Всегда элегантно, со вкусом одета, иногда даже шикарно. Ну, прямо вся из себя! Но в пределах разумного. Любит строгий сдержанный английский стиль, пастельные тона. Одеждой декларирует свое отношение к самой себе и окружающим. У нее мало вещей, но все великолепные, эффектные, изящные. Даже теперь, когда она пополнела. Каждая вещь будто прикипает, прирастает к ней. А я люблю яркое разнообразие. И я тоже по-своему элегантна! Кому что. А как насчет рюмашки и макияжа? Очень даже в меру.

Что это с Леной? Какие чувства пробудило это письмо, что всколыхнуло в ее душе, о чем заставило призадуматься? Что натолкнуло ее на грустно-восторженное восклицание? Будто испустила крик боли. Давно не позволяла себе быть раскованной, легкой, лучезарной? О это постоянное кружение дел, забот и ответственности, редко позволявших ей чувствовать себя женщиной яркой, ослепительной, шикарной! Может, ей стало жаль быстро скачущих лет? Вспыхнула горьким огоньком обиды тоска по быстро прошедшей молодости? Нет, это ей не свойственно. Просто устала и немного загрустила».

- С возрастом женщина познает все свои слабые и сильные стороны, и, если она умеет себя подать, в ее глазах появляется такое, мимо чего не может спокойно пройти ни один мужчина, – чуть кокетливо и загадочно произнесла Инна.

- Лена, помнишь, мою близкую подругу Валю Волкову? Это она прислала мне стихотворение. Прочитав Ларисино письмо, она сказала мне по телефону с грустью:

«От этого послания у меня возникло щемящее чувство то ли обиды, то ли горькой досады. Для меня оно не грустно-шутливое, а, пожалуй, пронзительно-печальное. Девочек надо баловать. Они должны хоть в детстве чувствовать себя принцессами! И девушка с юных лет должна сиять, благоухать, быть здоровой и счастливой! Жизнь колошматила и выколачивала из нас всю женскую суть. Нам редко приходилось вспоминать о том, что мы женщины. Да еще какие! Если только какой-нибудь внимательный мужчина сделает милый комплимент... От мужей их не услышишь».

А я подпела ей в унисон:

«Как-то рассказала своему мужу, что начальнику нравится взгляд моих глаз – тот на празднике после армянского коньяка был излишне откровенен, – так он бросил мне пренебрежительно, мол, когда отметить больше нечего, хвалят глаза. Брякнул и даже не заметил, что оскорбил и обидел. Я возмутилась, так он такую ахинею понес, что я не рада была, что затеяла этот воспитательный ликбез».

И Лена, улыбаясь, вспомнила:

– Работала я первый год после института. На Восьмое марта получила грамоту за первое место по пулевой стрельбе. Спускаюсь со сцены, а наш председатель профкома – обаятельнейший человек! – и говорит во всеуслышание: «Мужчины, будьте осторожны, не попадайте под обстрел прекрасных глаз нашей чемпионки. Иначе живыми не уйдете!» Чувствую, уши мои загорелись. Но было приятно. Ты права. Надо баловать (но не забаловывать!) детей, больше хвалить, радовать. Особенно девочек. Потому что неизвестно, как сложится их взрослая жизнь. Чтобы было им что вспомнить, на что опереться, если вдруг замаячит на горизонте беда.

– Да будет так! – согласилась Инна. – Эх, расчехлить бы сейчас гитару! Хочешь, тихонько затянем песню, самую любимую, созвучную нашим сердцам?

– Не то слово! Мечтаю, – обрадовалась Лена.

«Милая моя, солнышко лесное! Где, в каких краях встретимся с тобою?»

Две подруги, как и в юности, сидели спина к спине и тихо пели о своей грусти, о преданности, о том, что мир человеческий лишен гармонии, о любви, которая так украшает жизнь. О той самой, которой им всегда не хватало по жизни. Низкий тёплый бархатный голос Лены обволакивал и вбирал в себя нежный, более высокий – Иннин. Им казалось, что их слитый воедино ласковый зов уплывает всё выше и выше... в поисках чего-то очень важного и так необходимого каждому человеку на этой прекрасной, но печальной земле, и что именно слияние этих голосов заключало в себе их самый тесный духовный контакт.

25

– Жизнь дается для радости? – спросила Инна.

– Для испытания горем, радостью и успехом. Она трагична уже тем, что быстро кончается.

– Жизнь тебя раскрыла и закалила. Ты не бежала от бед, окуналась в них, преодолевала, перебарывала. Человек боится не самих событий, а собственных страхов.

– В хорошие события тоже погружалась с головой.

– Как быстро промелькнула жизнь! Будто не было этих прожитых десятилетий. Ободзинского вспомнила: «Возможно, жить осталось уж совсем немного». Талантлив был, но быстро сошел, – вздохнула Инна. – Я вот подумала... Помнишь песню «Листья желтые над городом кружатся»? Вся страна ее пела. Она буквально восторженное сумасшествие вызывала. И не только молодежь бесновалась. Но на смену ей пришла другая. Она была чуть хуже, но её приняли на ура, потому что первая приелась. Так и в семьях: надоела, надоел...

– Существует мода на песни, а она меняется. И любовь тут ни при чём.

– Мы с тобой со студенчества любим «Солнышко лесное» и «Милую» в исполнении Сличенко. Песню тоже можно полюбить так, что её пронесешь через всю жизнь. Почему некоторые песни не надоедают?

– Талантливые. Сравнивать любовь к песне и к человеку – все равно, что влюбленность и

страсть называть словом «любовь». Чудачка, заблудилась ты в своих рассуждениях. Сколько песен мы в сердце держим!

- Крыть нечем. Ты, как всегда, права. - Инна стусеивалась, шутливо-кокетливо повела глазами и картинно заломила руки.

- Ну, совсем как в немом фильме! - улыбнулась Лена.

Но уже через минуту Инна грустно пробормотала:

- Листа вспомнила, его «Пляску смерти». Хотелось понять, уловить фразировку, присвоить сердцу и... воспроизвести в голове стук костей скелетов. А знаешь, Шопена надо деликатней, нежнее играть, не страстно. Он под другие руки и души писал. И инструмент надо уметь понять, прочувствовать.

- Ты прекрасно знаешь теорию музыки и саму музыку, а мне не дано. Я ее только чувствую.

- Я - счастливый человек. Рядом со мной столько прекрасных людей находилось! Я их уважаю, обожаю, люблю. Не могу себе представить, что было бы со мной, если их изъять из моей жизни. С ума можно сойти, - сказала Лена.

- Трагедия, слов нет. А наша дружба на чём держится? Если быть до конца честной - на твоей снисходительности. Именно поэтому мы за всю жизнь ни разу крепко не поссорились.

- И на твоей тоже.

- А сегодняшнее мое поведение тебя не шокировало, не напрягало?

- Даже не удивило. Все знают, что провокация - твоя вторая натура. Но твои лучшие качества для многих наших сокурсниц прячутся за семью печатями. Они под грифом «секретно», - улыбнулась Лена.

- У меня же своя собственная шкала ценностей. А почему, сама себе толком объяснить не могу, - слабым голосом, в котором звучал отзвук усмешки, произнесла Инна. И в ее лице что-то мгновенно неуловимо изменилось. Она хотела сказать «была», но не стала лишний раз заострять внимание Лены на своей жизненной драме.

И та в свою очередь с готовностью закивала. Ей было не по себе от невыносимо горького тона подруги. И даже дело всей её жизни, над которым она перед этим размышляла, утратило в её глазах свое сакральное значение и на время словно бы полностью выветрилось из её головы.

- Много ли встретилось тебе ярких путеводных звездочек, которые повлияли на тебя, повели по жизни? - спросила Инна.

- В детстве: детдомовская кухарка, потом бабушка, учительница математики.

- А у меня была ты - мой талисман. Тебя сам Всевышний ко мне прислал. Судьбу благодарю за это. Я не сразу это поняла. Твоя честная категоричная душа обладала каким-то непостижимым мерилем правильного отношения ко всему происходящему вокруг. Ты не терпела фальши, лукавства, позёрства, ненавидела предательство. Ты говорила: «Честность не отпугнет настоящего друга. Если любая мелочь может разорвать дружбу, значит, между друзьями была недостаточная душевная связь». Я была твоей звездочкой, а ты - моей галактикой. Все самое искреннее и чистое у меня связано с тобой. Я бесконечно признательна тебе за всё. - Голос Инны как-то подозрительно быстро осип. Набежали слезы. Потекли безудержно.

- Не надо. А твои племянники? - подсказала Лена, промокая Иннины слезы и с трудом сдерживаясь, чтобы самой не расплакаться. - Они выросли и взяли на вооружение твое деловое энергичное отношение к жизни. «Я вызову их в первую очередь, чтобы успели приехать и в последний раз повидаться», - тут же подумала Лена и в память, как в записную книжку, внесла свое решение.

- А внучатые племянники уже не те, какими я хотела бы их видеть. Иногда мне кажется, что мы с ними живем на разных планетах. Только маленьким внучонком я полностью довольна. Чего-то им не додала?

- Не придумывай. Своим воспитанием ты заложила в племянников хороший аванс на будущее. И все равно им сейчас трудно. Учились они в одном времени, а живут в другом. Мир изменился. Эпоха другая. И опыт нашей жизни им уже не очень подходит. Они должны свой накапливать и передавать детям. Поэтому ошибки их детей - уже не твоя забота.

- Не скажи. Не снимай вины.

- И потом, со временем даже родители перестают быть для своих детей центром мира. Подростки сами для себя становятся главным солнцем Вселенной. Они разочаровываются во всех и во всём. Но ты права, они нуждаются в таких, как ты, родственниках-друзьях. Это общение очень важно для их становления, особенно в опасный период разброда чувств и мыслей. Они, эти милые своенравные несмышлениши, слишком юны, чтобы понять, что пройдет не так уж много времени и с ними самими произойдет то же самое, что уже произошло с нами. Они повзростеют.

- Я за своих внучатых племянников не очень волнуюсь. Они уже преодолели свой сложный возраст. Генетика взяла свое. Не было у нас в роду ни конченных слабаков, ни полных дураков. А мелочи в их характерах пусть родители подправляют.

Мне сестра рассказывала, что как-то пришли к ее старшему внуку подружки. Она открыла им дверь и непроизвольно вскрикнула: «О ужас!» Она не хотела их обижать, но так вышло.

- Что же ее так напугало? - любопытствовала Лена.

- Волосы девочек были выкрашены во все цвета радуги. Но это самое безобидное. Волосы можно остричь, они отрастут. Но в ушах у одной были украшения, уродующие мочки ушей, другая нарастила во рту неприятные клыки, лицо третьей, как новогодняя ёлочка: сплошь увешано пирсингом. На ушах, бровях, губах и в носу она насчитала не меньше полсотни побрякушек. Помимо всего руки и шеи у всех троих были разрисованы несмываемой татуировкой. Уж не знаю, что у них под одеждой», - рассмеялась Инна. - Сестра забеспокоилась, мол, чего внук может набраться от этих «прости господи», чему они его научат?

Пока внук заканчивал в ванной комнате водные процедуры, сестра растолковывала девочкам, какой вред они нанесли своему организму и своей прекрасной юной внешности. А заодно просветила их, что все их глупости от безделья, неразвитости и отсутствия самостоятельности. Мол, родители вам репетиторов наймут, чтобы поднатаскали. А не поступите на бюджетное отделение, так и платно выучат и пристроят. А если бы вы имели мечту, только на себя надеялись, сами поступали и сами себе на жизнь зарабатывали, как это делали мы, то некогда было бы глупостями заниматься.

А у девочек на всё один ответ: «Время теперь другое. Мы хотим не только вкалывать, но и жить».

«Так вкалывайте, учитесь на совесть. Станьте крепко на ноги, тогда и развлекайтесь», - заспорила с ними сестра.

«Мы постареем, и нам будет уже неинтересно развлекаться», - не сдавались девочки.

«Вот за что вас любить и уважать? За «татушки»? - напустилась на них моя сестра. - Для вас главное быть не такими, как все. Но выделяться надо талантом, чем-то умным. А разве сейчас легко вашим родителям? Мне кажется, им труднее, чем нам было в их годы. А вы что творите, вместо того, чтобы им помочь?»

Ну, я, конечно, стала успокаивать сестру, мол, не воспринимай слишком серьезно все эти юношеские «бзики». Переболеют, перерастут. А она расстроилась: «Их, дурёх, жалко. Разве приличный парень позарится на таких вот «красавиц»? Потом сестра про второго внука стала рассказывать и жаловаться. «Переехал сын. Школу ребенка

пришлось поменять. Новый класс его не принял. Били, общие молчанки устраивали. Конечно, все молчали по-разному: кто опасливо, кто негодующе. Одни зло, другие презрительно. Не единодушно, но сообща... И «классуха» не вступилась. Так в этой школе классных руководителей обзывали. Внучок грустил, своих друзей вспоминал, говорил, что все у него теперь стрёмно. «Плохо, страшно», – пояснял он. Я сначала отказывалась верить, потом убедилась. Внук долго крепился, но не выдержал прессинга одноклассников. Пришлось оформлять мальчишку на «домашку». На домашнее обучение. И хотя он раньше занимался бегом на длинные дистанции, мы срочно отправили его в секцию бокса».

– Трудно современным подросткам дается период взросления, – подтвердила Лена. – Они все чаще стали обращаться к психологам, потому что не находят общего языка ни с ровесниками, ни со взрослыми. Даже с родителями. Особенно с матерями, которые воспитывают детей без отцов и все время тратят на зарабатывание денег или на поиски партнеров.

Наши внуки – это поколение детей, задёрганных нестабильностью родителей, которым некогда было душу в них вкладывать. Выживали. И сейчас у них положение с работой зачастую неустойчивое. Они боятся её потерять. И на самом деле часто теряют. Вот и стали нетерпимее, злее. И у подростков депрессия, цинизм. И мудрые старики живут отдельно от внуков.

– Мы с тобой тоже были абсолютно одиноки.

– Но мы через одиночество учились отличать подлинное от ложного, потому что была у нас чёткая цель, которая совпадала с потребностью общества. А сейчас разброд во всём. Как-то шла вслед за компанией школьников, идущих на выпускной вечер. Ты знаешь, о чем они разговаривали? Об одиночестве, о страхах и болезнях. Да, о болезнях! Как старики! Я была потрясена. Причем это одиночество без учета социальной среды. Складывалось впечатление, будто они брошены всеми даже в благополучных семьях. И это происходит с ними здесь и сейчас, на наших глазах.

Инна отвлеклась, успокоилась и вернулась к прежней теме.

– В нашем с тобой дуэте первую скрипку ты играешь, хотя многим кажется наоборот.

– Но инициатива в основном принадлежит тебе, а я, как всегда, – надёжный исполнитель и стабилизатор.

– Твоя жизнь – забег на длинные дистанции, а моя состоит из множества коротких спринтерских отрезков. Я окунаюсь в жизнь с головой, тону, барахтаюсь.

– Главное, всегда выплываешь.

– Долго дальше вторых ролей не поднималась, а планы вынашивала грандиозные. Нос всем нашим нацеливалась утереть, а успехи на поверку оказывались более чем скромные. И всё этот начальник цеха, супостат, директорской ставленник! Стервец. Не разделял он моего стремления «выбиться в люди». Меня от мысли о нём по сию пору колотит. Подобное подлое явление подлежит истреблению в масштабах всей страны. – Инна горько усмехнулась, освежая в памяти годы работы на допотопном заводе, который стоило «списать» ещё сразу после войны. – Я – вечный, надёжный, пробивной зам, на котором все падают. Это всем на руку. Но я всегда была болезненно амбициозна. Пробилась. Думаешь, подфартило? Всё своим горбом. Сначала приохотилась ездить в командировки. Новые города, интересные люди – лекарство от депрессии. Жёсткий график мне всегда претил. Боялась потерять бдительность, сорваться, а в командировках не до того было. «Отработала» объект, подписала договор или отчёт, посидела с заказчиками с коньячком в гостиничном номере – прибежище одиноких душ – и не поминай лихом! Там все зависело только от меня, от моих способностей, а не от «стаи товарищей», среди которых были и лодыри-нахлебники, и блатные. Но зарплата-то у всех одинаковая, сто двадцать «рэ» на круг. В этом плане мне в «ящике» больше нравилось работать. Там был ежедневный личный отчет о проделанной работе. Вот там-то я показала себя!

- Но ты, защищая тихоню-подругу, «полезла в бутылку». Помню, ей норму повысили, а зарплату срезали. Ты, конечно, на дыбы. Не зря говорят: характер есть судьба, - подсказала Лена.

- Много во что втюхивалась. Но не жалею. С легким сердцем вступала на борьбу за праведное дело.

- Потому-то вся твоя жизнь представляет головокружительную череду взлетов и падений. Неудобной ты была для начальников.

- Мы с тобой всегда становились на сторону слабых. Только я открыто, а ты осторожно, но действительно.

«Опять о работе хочет поговорить? Чтобы легче было уходить из жизни с сознанием до конца выполненного долга?» - подумала Лена.

- Возьму на себя смелость предположить, что командировки тебе скоро надоели. Не было ощущения парения? Освежи память тех лет. Ты всегда к большему рвалась, искала, где интересней приложить свои способности. Мне ли не знать твоего трудолюбия и напористости. Только благодаря тебе нам удавалось довести до конца и закрыть многие кабальные договора, когда мы вместе с тобой работали в первые годы перестройки. Вкальвала на совесть.

- Но с трудом до зарплаты дотягивала. Времецко было «не в советскую армию».

- А я не умела себя предлагать, крепко держалась за постоянное место работы.

- Но это было поле битвы, на котором ты всегда выигрывала. Ты в него органично вписалась. Чем обусловлено твое недовольство собой, своими успехами?

- Патологической неуверенностью, которую я в себе так и не вытравила. Ощущение отверженности сохранилось во мне навсегда, на всю жизнь.

- Тебе мало достигнутого? И ведь не подумаешь. До перестройки ты всегда была нарасхват. Да и сейчас не в пролете, хоть и дается это с трудом. Но кому сейчас сладко?

- С точки зрения обывателя я успешный человек, но я-то знаю, что сделала слишком мало из того, что хотела бы сделать. А теперь возможности здоровья несоизмеримы с желаниями.

- Ты о писательстве? Зато много наработала из того, что требовалось институту, заводу, стране, в конце концов.

- Книжки тоже не только для души.

- Может, еще успеешь наверстать?

Инна перевернулась на живот, положила подбородок на сцепленные пальцы и задумалась.

- Мне в университете иногда не хватало достойного, понимающего студенческого окружения. Прекрасные педагоги были, такие как Курош - тот самый автор знаменитого вузовского учебника по алгебре; по нему до сих пор студенты учатся, - еще Шимко, Шидловский, Гусаров и иже с ними. Они все вошли в мое сердце. Они привели меня к самой себе, но дальше я должна была идти сама, нащупывая свой собственный путь, свою судьбу, чтобы отдаваться ей безраздельно и непоколебимо. Путь мне прокладывали лучшие ученые и преподаватели страны! Я до сих пор испытываю к ним невероятное почтение и благодарность. Я отголосок, отзвук, отражение людей, которые меня учили и воспитывали. Профессор Мэд! Я благоговела перед ним до самозабвения. При упоминании этого имени у меня под сердцем разливается благодать. На его лекциях в аудитории столько студентов с разных факультетов набивалось! Только что на карнизах и люстрах не висели. Попасть к нему в дипломники было самой большой удачей. Студент в его руках достигал своего максимума. Я до сих пор ему во многом подражаю. Прекрасные были ученые! Всех не перечислить. В них ощущался мощный интеллект,

удивительный темперамент мыслей. Такие люди – базовые элементы любого прилично развитого культурного общества. Они как галактики – главные элементы Вселенной. Я благодарна каждому человеку, внесшему хотя бы маленький положительный штришок в мою судьбу.

– Мы помним и чтим тех, кто приподнял нас над нами самими. Мы познали «любовь врага и зависть друга», усилиями которых выросли и мужали.

– Это неслышанно замечательно, – улыбнулась Лена. – Но настоящей подруги я там не встретила, ни с кем из девушек так и не сблизилась. Там как-то каждый больше сам за себя. Такие вот пироги... Только с тобой я могла быть самой собой.

«Лена никогда в словах не была такой откровенной», – поразила Инна.

– Тебе были чужды мысли об одиночестве, ты, как правило, не признавала интервенции в свою личную жизнь и сама в чужую не вторгалась. Это и затрудняло тебе общение. Боялась ущемления в правах? Ты всегда трудно и редко раскрывалась, хотя слыла в коллективе общительной. Но это касалось только общественной деятельности.

– Не всем показано быть открытыми. Может, мне твоей дружбы хватало? – Мило так, по-доброму сказала Лена.

Инна старалась не подавать виду, что заметила волнение подруги. Но у неё тоже нещадно саднило в горле, и комок колючим ежиком подбирался к самым glandам, мешая дышать.

– Окружение было достойное, но не для тех, кто с периферии, – облизав сухие губы, устало отозвалась Инна.

– Ну почему же, по знаниям не отличалась. Существовали, конечно, и другие параметры, но меня они не волновали. Я не претендовала.

– А зря, Степаненко с тебя глаз не сводил два года. Серьезные виды на тебя имел.

– Я не о поклонниках, а о круге общения.

– А я о нем. На мой взгляд, жених он был хоть куда.

– И хоть для кого? – в шутку вставила замечание Лена, хотя так о нем не думала.

– А ты не рискнула. Мне кажется, одно время ты им не на шутку была увлечена. Это была тайная симпатия? Взвесила бы свои силы, подсчитала ресурсы, оценила, а ты это дело на самотек пустила, – шутя, не отставала Инна.

– Полюбила бы, осмелилась. Просто нравился. Были некоторые «но»... Помню нашу с ним последнюю встречу: появился в общежитии, где мы с Андреем над конспектами корпели, вошел в комнату, посмотрел на нас, все понял и ушел навсегда.

– Сколько тебя помню, внутри ты была грустным закрытым человечком.

– Зато снаружи – веселой и легкой.

– Не умела гордиться, хвалиться, спокойно относилась к чужому богатству, радовалась чужому успеху, таланту. А я всем душу свою открывала, всех принимала. Не очень-то к людям присматривалась, торопилась общаться, не пытаюсь в них разбираться.

– Seriously я стала изучать человеческую натуру слишком поздно, после защиты диссертации. А тебе просто хотелось разбавить боль в сердце максимально широким кругом друзей.

– И даром это для меня не проходило. Я тонула в разочарованиях.

– Куда же без них, – сказала Лена, улетающая мыслями в свои неудачи.

После нескольких минут какого-то глухого оцепенения Инна сказала:

- А помнишь смешной случай, происшедший с тобой во время вступительных экзаменов в МГУ?

И Лена не сразу, но вернулась в настоящее. Инна с улыбкой смотрела на подругу. Локти ее упирались в матрас, подбородок покоился на развернутых ладонях.

«В полутьме ее головка, как цветок в обрамлении листьев», – промелькнуло у Лены приятное сравнение.

- Это тот, про двух пятикурсников, которые в коридоре, сидя на подоконнике, решали пример по алгебре?

- Да. Ты тогда никак не могла понять, почему ты, школьница, заглянув им через плечо, сразу нашла правильный ответ, а они стали в тупик от не таких уж сложных вычислений. Ты спросила у них: «Неужели за пять лет можно забыть то, что проходили в школе?» А они отшутились, мол, интегралы им мозги высушили». Еще бы тебе не справиться с задачей! Ты же единственная у нас на курсе перед поступлением готовилась по сборнику Кречмара. О, эти жуткие ряды и неравенства! Мы-то в основном дальше задачника под редакцией Моденова не заглядывали.

- Лена, встретились ли на твоём жизненном пути женщины много умней тебя? Такие, которым ты хоть и по-доброму, но по-настоящему завидовала?

- Конечно. Во многих сферах деятельности. Я ни с политикой, ни с идеологией себя не связывала. Никогда напрямую не вмешивалась в интриги, всегда, где можно, передавала бразды правления мужчинам. Взаимоотношения между людьми мне трудно давались. А вот талант ректора Черновой из липецкого университета, где работает Лариса, в этом плане, при всей её величайшей всеобъемлющей доброте, настолько могучий и острый, что моё к ней обожание не знает границ. У неё умное, красивое, очень доброе, открытое лицо. У чиновниц обычно проявляется – как бы они ни стремились это скрыть – какое-то надменное выражение. Лица их будто бронзовеют. А то еще хуже: стервозность на них отпечатывается, змеиность характера. У Веры Федоровны этого нет.

- В таком случае она или на самом деле удивительно человечна, или прекрасная актриса. А может, легко продвигалась по служебной лестнице, имея мощную поддержку.

- Я ценю людей из глубинки, самостоятельно достигавших намеченных целей, – недовольно возразила Лена.

- Ты сама из их числа.

- Вот именно. Но мне недостигаемо далеко до нее.

- У каждой из вас свой талант. Просто ты свой поздно смогла развернуть.

- Именно в этом и проявилась моя недалёковидность. Надо было всё что можно отбросить и заняться главным.

- Детей не откинешь.

Лена улыбнулась:

- На работе у меня для души, для уважения были: Олег Петрович, Виктор Петрович, Борис Васильевич, Вера Федоровна, Николай Михайлович, Владимир Николаевич, Виктор Алексеевич, Сергей Алексеевич, в НИИ – Лилия Хабибуловна, Яков Лейбович. И соседка Тамара Николаевна. «Друзей моих прекрасные черты!» Ты всех их знаешь. Когда они один за другим ушли из вуза, институт для меня без них стал пуст. Многие я у них в свое время переняла, многому научилась. А дома телефонные разговоры с тобой. Друзей мало было за всю жизнь, по пальцам можно пересчитать. Все больше товарищи.

- Ты быстро распознавала, кто тебе по сердцу, но не сразу сближалась, долго приглядывалась.

- Сама хотела быть для них такой же редкой звездочкой.

- И была.

«Настроение Инны, как и её самочувствие, меняется волнообразно. Опять обо мне её слова... И почему мы не говорим открыто? Страшно? Даже со мной она чего-то не договаривает. Близким людям тоже трудно быть откровенными, потому что боимся обидеть. А некоторые стыдятся правды, не хотят глупо выглядеть. А ведь если побеседовать, копнуть глубже да разобраться, может, проблемы и не возникали бы. И жить было бы проще. Что теперь-то копать?» - Лена вздохнула, прикрыла глаза и пробормотала чуть слышно:

- У меня всё студенчество - это постоянное чувство голода. Оттого-то каждое лето я кантовалась в деревне, на вольных хлебах, на подножном корму отъедалась. Ты тоже.

Но Инна не поддержала разговор. Ее мысли уклонились и ускользнули далеко-далеко от основного направления серьезной темы этой ночи.

26

- А как тот, что на первом курсе... Что-то мне подсказывает, что он остался твоим идеалом. Я ошибаюсь? Пересмотрела отношение к нему? Жизнь откорректировала его образ, изрядно отретушировала его портрет? Бросай карты на стол. Открывайся.

- Остался. Никого больше даже близко на него похожего не встретила. Он мне безмерно дорог. Мы совпадаем по уязвимости, по внутренним вибрациям. Я - его альтер-эго, потому и существует между нами глубокая взаимная симпатия. «Мы долгое эхо друг друга».

- Так и пронесла его образ через всю жизнь. Не последнюю роль играл в твоей судьбе. Он холодный, закрытый?

- Ничего нового о нем не скажу. Человек высшей пробы, душой и помыслами велик. Я равнялась на него, сверяла по нему свою жизнь. Глубокий, насыщенный человек. Скроен не по стандартному лекалу. Мужское в нем никогда не проявлялось пошлым образом. Даже когда он одаривал внимательным взглядом своих пронизательных глаз, в них не было подтекста: только уважение и интерес. Точно мощной мимолетной энергией обдавал и поднимал на небывалую высоту. Это особое высшее проявление любви и уважения. И пятьдесят лет общения с таким человеком мало.

Я никогда не мечтала о нем как о мужчине. И его жена не вызывала во мне ни ревности, ни отторжения. Он не виноват, что значил для меня много больше, чем другие. Я надеялась встретить такого, потому что он был для меня носителем истинного мужского благородного начала. Только после пятидесяти как-то один раз подумала - и то, словно бы шутя: «Если бы он был свободен...». Но нет, нет! Иначе пропал бы ареол восхитительной таинственности. Исчезла бы высота...

- Ставишь его неизмеримо выше... Иметь семьи и годами быть верными душевной дружбе?.. Странный, разорванный в пространстве и во времени треугольник. Невоплощенная любовь, длящаяся всю жизнь. Воспоминания, которые вы не пережили вместе... - пробормотала Инна. - Вне всякого сомнения... не царское это дело - обыкновенная любовь.

- Но, тем не менее, наши судьбы нерасторжимы. И тем я счастлива. Он привлекателен деликатностью, особой внутренней статью. Большинство людей приходится терпеть, а у него поразительное чувство такта, предупредительности. Он не позволит человеку оказаться в неудобной ситуации. А этот его ясный ум... Я часто, особенно в минуты грусти, слышу его приятный спокойный голос.

- Эпитеты из юности? Восхитительный идиотизм. Понятно. Завидую. Зная твое обожание и преклонение, неужели не предпринимал никаких шагов?

- Сдержанный. Берёг все чувства внутри, не распылял, не расплескивал. Как и я.

- Напрасно. Любовь должна быть действенной.

В слове «напрасно» Лене почудилась некоторая доля обидной иронии, и она ответила сухо:

- Не позволял себе ни одного движения, даже жеста, способного насторожить. Он был много большим, чем казался. Высокодуховный человек. Добиваться его? Смешно звучит. Творить под влиянием вдохновения, вызванного восхищением его талантом – это да.

- Фантастическое человеколюбие и доброта не имеют пределов! Поражающее воображение сдержанность, элегантность! И т.д. И при всем при том «тихий» гений. То бишь скромный, – поторопилась уточнить Инна. – Вы в этом схожи. А вдруг события приняли бы неожиданный оборот? – Инна попыталась в шутку подловить подругу.

- Нет, – строго остановила ее Лена.

- Ты беспощадно жестокая. Насилие над собой тоже вредно.

- Он доброжелательный. Никогда, разговаривая, не поворачивается в профиль. Аристократ. Не опускается до простоватости. Он не играет, он есть такой. Будто благородные корни говорят в нем, будто он из высшего сословия. Джентльмен. Его интерес ко мне в высшей степени отвлеченный. Он не знает подробностей моей жизни. Ему просто приятно наше редкое общение и редкое взаимопонимание. А это много, и пренебрегать им не стоит. Я умею ценить эти моменты встреч и беречь их в своем сердце.

- Разлуки слезами не меряете, хоть видите редко.

- Нечто прекрасное надо вкушать понемногу, не переедая. Иначе оно перестанет быть чудом, – пошутила Лена. – ...И что самое замечательное, он меня воспринимает всерьез. Как и я его. Всё всегда у нас невинно. Мы не стремимся к иному рода отношениям, просто радуемся друг другу. В редкие минуты встреч я счастлива и понимаю, что счастлива. Это такая мощная поддержка, – продолжала Лена как в полусне, не замечая легкой иронии в голосе подруги. – Какое счастье общаться с человеком, достойным преклонения, которым хочется восхищаться! – искренне и тепло произнесла она.

Инна догадывалась, что похвала Лены – дань величайшей признательности за его талант. Это тот самый случай, когда один нетривиальный человек понимает величие другого. И это было единственной формой признательности, в которой она хотела бы выразить ему свое уважение и обожание.

Лицо Лены светилось мягкой счастливой улыбкой.

- Его трогало тихое бешенство зависти конкурентов?

- Он его не замечал.

- Гордый.

- Делал вид. Его соратники – вечные оппоненты и антиподы. Друзей у него мало. «Птицы с широким размахом крыльев, как правило, стаями не летают». Они одиночки. Учеников много. Есть среди них очень достойные. Я читала их труды. Терпение его и ангельское, и адское. Сама понимаешь, в нашем несовершенном мире... И с лучшим другом они абсолютно полярные. Он не циник. Любит, щадит людей, умеет примирять. Эта его мягкая деликатная снисходительность и подлинная душа! (Похоже на эпитафию, тьфу, тьфу.)

Я всегда поражалась тому, как действуют на меня его слова. Это не просто ощущение чего-то небывалого, это, скорее всего... удовольствие, которое я долго не могла понять и как-то определить для себя.

- Не поддается расшифровке?

- Я только понимала, что ни с кем больше не смогу приобрести такой легкости. Даже с Андреем. Но там другое.

Обычно грустные глаза Лены улыбались. Редкое явление!

- Действие слова иногда имеет большую силу, чем поступок, - согласилась Инна.

- Он удивительно почтительный сын. И к своему ребенку у него трогательное отношение. Жаль, его порода в нем не продолжилась. А как-то сказал: «Если кто считает, что любовь сама по себе проходит, значит, не любил, только влюблен был». И тут я с ним согласна.

- Чем совершенно подкупил тебя, - подколола Лену Инна. - Поэт Бальмонт тоже считал, что, полюбив, разлюбить нельзя. Вынуждена признать, что идеальные обожатели хороши, если они от тебя на большом расстоянии. Ни тебе женской вздорности, ни мужского эгоизма, ни тихого скорбного угасания страсти партнеров. Ни боли, ни бытовых проблем. Одна радость! А тут трепыхаешься, рвешь себя - и всё в минусах.

- Для меня самое сексуальное в мужчине - его мозг, его интеллект. Ты права, самая привлекательная сторона моих взаимоотношений с мужчинами заключается в их платоническом содержании, без плотской близости, с сохранением дистанции. А в этом случае тем более. Я считала для себя и для него оскорбительной даже мысль о изменном.

- «Любовь платоническая - любовь воображения, а не сердца».

- Она затрагивает сердце, но не позволяет...

Инна остановила Лену:

- Судя по твоим высказываниям, с ним ты узнала общность, которая возможна между людьми, познавшими полное одиночество, изведавшими гонения, с готовностью принимающими свою судьбу? Ты благодаришь судьбу за возможность пережить эти прекрасные чистые чувства?

А кто банкует? Дала обет верности? Стоила ли овчинка выделки? О это непрестанное, немое страдание плоти! Казнила себя за то, что было в тебе, как в женщине, самым прекрасным? Считала преступным то, что твое тело откликалось на потребность плоти, а не разума? - на свой лад рассудила Инна. - «Тело - средство величайшего наслаждения, объединяющего плоть, разум и дух». Ты боялась разочароваться?

- Я желала не тела, а личности, и это желание возникало не при виде внешних данных, а при осознании значимости этого человека для меня. Я мечтала о духовном общении, - досадует на непонимание подруги Лена. - Оно не просит, не требует, но верит. Общась, надо приобретать мир, а не терять его и себя в нем, не сужать рамки, а расширять. Надо чувствовать, что каждая звезда в небе светит для тебя.

- Недосягаемая мечта.

- С годами он всё больше уходил в смысловую глубину. Благодаря таким людям человечество способно выживать и люди остаются людьми. Недалекому я не могла бы симпатизировать. В последнюю встречу мы ни словом не перемолвились, кроме приветствия и прощания. Они нам были не нужны. Достаточно взглядов. Общались в более возвышенной сфере. Понимаешь, это так много... просто видеть его, жить где-то совсем рядом... на одной планете. Он тоже смотрел на меня, не скрывая своих чувств, - в ответ на немой вопрос подруги сказала Лена задумчиво. - «Он глубок, как океан, и легок, как пушинка». Твой любимый Ричард Гир, между прочим, изрек.

- Его ценят?

- Он намного больше, чем то, что ему предлагают.

- Замечателен в своей непонятности! - хмыкнула Инна. И приземлила подругу:

- Может, ты его придумала? Обыкновенная история... А руки у твоего виртуального мистера Икс оттуда растут?

- Рукастый. Во всем талантлив. Хотя он теоретик, мне приходилось наблюдать его легкие уверенные точные привычные движения при выполнении настройки приборов. К любому

производительному труду относится как к мерилу нравственности. Больше того скажу, я его с телеведущим Святославом Бэлзой часто сравниваю. Этот тип мужчины мне близок и дорог.

- Мне тоже.

- Я не о внешности.

- Меня она тоже не «колышет», но приятно.

- Перефразирую Вознесенского: «...Как в фокусе собираю... все абсолютное в тебе». Раньше по радио сказали бы, что он - мечта всех женщин Советского Союза, - улыбнулась Лена. Но добавила с неподражаемой грустью:

- Даниил Гранин как-то поднял серьезнейший вопрос воспитания в людях благородства. Говорил, что «за подвиги нравственного порядка у нас награды не дают и что мы в этом много теряем». За труд, за единичное геройство - пожалуйста. Нет у нас аристократических традиций в поведении. Подчас нет элементарной культуры поведения даже у наших начальников. Какая уж там учтивость! Какое там уважение к простому, честному, порядочному человеку! Если только изысканное притворство, когда тебя выслушивают с декоративным вниманием. А чтобы из глубины души - нет такого. Не смыкается это как-то у них с понятием благородства.

- А вот придавить, унижить, прижучить... Ты об этом в предыдущей книге уже писала.

- Кто меня послушает?

- Чиновники считают себя умнее и выше «каких-то там» писателей. А сами не понимают, что это совсем другой уровень мышления, который пока не вмещается в нашу современную систему ценностей.

- Шестидесятники пытались что-то сделать в этом направлении, но это процесс длительный. Надо постоянно о нем напоминать, внедрять, поднимать на шит. Ведь от хамства человек страдает больше, чем от материального недостатка. А мы продолжаем мириться.

- Как изменить такое положение дел? Как возродить и воспитать в людях прекрасные качества? Сейчас начнешь мне проповедовать об изменении климата в семьях, призывать к чувству гордости за своих достойных предков, вводить понятие фамильной чести? А может, опять станешь доказывать, что «троечные» учителя способны воспитать только «троечное» поколение, и потребуешь повышения зарплаты педагогам? - завелась Инна.

Лена раздраженно махнула рукой и уткнулась носом в подушку.

- Ты подарила идеальному другу свою недавно изданную книгу? - минуту спустя, чуть заискивающе спросила Инна.

Лена не обиделась на легкий укол «идеальным» и ответила спокойно:

- Да. Мы встретились на нейтральной территории.

- С какой надписью?

- «С уважением и обожанием». В нашем возрасте уже безопасно писать подобные посвящения. Я думаю, ни жена, ни досужая молва не будут иметь претензии к автору этих «интимных» строк.

Существуют разного рода дружеские взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Одного, допустим, уважаешь, обожаешь, говоришь с ним на любые темы, доверяешь. С другим - подать ему руку считаешь за счастье, а удостоиться беседы - заоблачная мечта, а с третьим общаешься только на уровне редких взглядов и дорожишь ими как самым что ни на есть необыкновенным. И так далее. Здесь тоже присутствует многообразие форм.

- И все эти варианты не предполагают постельных отношений?

- Так ведь дружеские.

- Какая преданность дружбе! И это притом, что поток поклонников и обожателей твоего обаяния и ума никогда не иссякал. С почтением, с придыханием относились. И желающих связать с тобой свою жизнь было не меньше. Очаровывала, как дышала, естественно, не прилагая усилий. И теперь, насколько я знаю, еще много претендентов разгадать тайну твоей притягательности.

- Ну да, кавалеры до сих пор в очередь выстраиваются и в штабеля складываются, - насмешливо хмыкнула Лена.

- Один из них мне очень нравится: открытый, теплый, уютный, надежный.

- О ком ты?

- Все зависит от того, кого из них ты сама представляешь в данную минуту, - шутливо уклонилась от ответа Инна.

- Не знаю такого. Ты себе нафантазировала. Это твоя вольная интерпретация.

- Каждый человек - великая загадка... даже для самого себя, - нашла силы улыбнуться Инна.

- Не принимала я обожателей всерьез. Не было среди них достойного. Внимание приятно, но не более того. Никому не делала исключений. Меня притягивали только умные и порядочные. Эти два условия обязательны. Остальное в них не так важно. Обычные мелкие издержки. Шокирована? - в ответ на невысказанную догадку дала четкое объяснение Лена.

- А нам доставались те, что оставались?

- Встречались интересные особи, но женатые. И тут на первое место для меня выступала их порядочность. Ну, ты понимаешь.

- А ты про своего идеального, как и про Андрея... Создала себе их прекрасные образы, конечно, кое-чем подкрепленные, и лелеешь их. Хотя, если тебе это необходимо, если достаточно... Столько лет чего-то ждать...

- Сорок лет много для того, кто ждет и мало для того, кто помнит... Когда любишь человека или обожаешь, нет лишних степеней свободы, все заняты. Вот и не влюбляешься.

- И тут у тебя физика вместо физиологии. Я бы в твоей ситуации посоветовала отключить мозги и плыть по течению собственных ассоциаций и чувств. Иногда надо хоть в какой-то степени реализовываться... или просто расслабляться. Хотя и мне, если быть честной, это по-настоящему не удавалось.

- Не прибедайся. В чужом огороде тыквы всегда кажутся крупнее. И у тебя обожателей было предостаточно. Жизнерадостность и энергичность привлекают. - Лена перевела разговор на подругу. - Они, наверное, прибавляли твоему имиджу определенный шарм и остроту?

- Любила я пофлиртовать на грани приличия.

- Ну а их качество... Не знаю. Тебе виднее.

- Ну, скажи, скажи, что ты о них думаешь!

- Нарываешься на «комплименты»? Тебе они, как и мне, для души тоже не подходили, если бы ты захотела всерьез связать свою жизнь. А кому-то они в чем-то, наверное, власть, - увильнула от прямого ответа Лена.

- Случалось мне от обиды на мужчин, прикидываясь наивной дурочкой, с помощью скромных улыбочек доводить их «до кондиции», а потом с жестоким пренебрежительным удивлением восклицать: «И что это ты себе навоображал? Чего

хвост распушил?» А иногда действовала с беззастенчивостью опытного подхалима. И опять они очень быстро ловились. Бесило их неумение мыслить, глупое самомнение, неадекватное восприятие себя как достойных. Ну хоть бы раз с кем промашка вышла! Вот и спрашивала себя...

А Лена заговорила о более важном с её точки зрения:

- И все же хороших мужчин не так мало, как ты думаешь. Хватает их среди людей любых профессий.

Но Инну эта глобальная истина не заинтересовала. Она сорокалетний юбилей подруги вспомнила. Гости все прибывали. Деканы, проректоры. Кто-то пошутил: «Глава города не ожидается?» А в ответ получил от тебя чёткое и безмятежно спокойное: «Нет, только глава области».

- А ты знаешь, я до сих пор влюбляюсь, - сказала Инна беззаботно.

- Догадываюсь.

Лена понимающе улынулись.

- А что мужчины в тебе находили? Чем разбивала их сердца? Ты ведь ничего не делала для того, чтобы они в тебя влюблялись. Ты обладала чем-то особенным? Я не замечала, чтобы ты пускала в ход свое обаяние.

- Не знаю, не задумывалась. Не до того было. Может, неприступностью привлекала?

- Возьми хоть твоего соседа. Он на двенадцать лет был моложе. Все не хотел жениться. Родители переживали. А этот юный чернокожий студент! Стройный, как гимнаст, как юный Бог. Черты красивого лица абсолютно европейские, глаза огромные, печальные, как у раненой лани. Видела вас в один из своих приездов. Смотрю, ты торопишься домой, он догоняет, заглядывает тебе в глаза и что-то жалостливо лопочет. Ты ему отвечаешь строго, назидательно, по-матерински. Снег падает на твои волосы, на длинные ресницы и долго не тает. Он видит в тебе изящную прекрасную девушку! Романтично! Может, зря возвела вокруг себя неприступную стену? Сплоховала, упустила, - шутя, вреденько усмехнулась Инна. - Догадываюсь, ты хмелела от их обожания, и тебе этого было достаточно. Я не в осуждение говорю, напротив. Я всегда считала, что, нельзя надеяться на то, что «судьба придет - на печке найдет».

- Не годишься ты в свахи. Я не заводжусь с полуоборота, как женщины, которых привлекает только тело.

- Знаю. Ты слишком умная для этого. И мужчин видишь насквозь, вот и давала им решительный отлуп. Одним только тоном, исключая дальнейшее развитие отношений, посылала... как можно дальше. Или вела себя так, что вопрос сам собой отпадал.

- Считай, как тебе угодно.

- Не жалела мужчин. Креста на тебе нет!

- Никогда не носила - это точно! - рассмеялась Лена, понимая двойной смысл слов подруги. - А тот юный «принц» сначала ушел на другой факультет, а потом вообще переехал в соседний областной город. Мне уж тогда давно за тридцать перемахнуло. Этого восемнадцатилетнего мальчика мне было особенно жалко. Мамы его рядом не было, а я ничего не могла ему втолковать и просто перевела в другую группу, чтобы реже встречаться. Экзотика не для меня. И скоротечные романы не переносу. Никогда не могла переступить через то, что для меня очень важно.

- Рационализм хорош, но «А» не всегда приводит к «Б». Мир души намного сложнее, - заметила Инна.

- Но и золотая середина не всегда и не всех устраивает.

- А о скольких влюбленных в тебя ты не знала! - не унималась Инна. - Я о тех, что тихомолку страдали. Годы текли, а обожатели все равно неукротимо множились.

- Нечему завидовать.

- В арабских сказках говорится, что для секса женщине нужно только место, время и объект.

- Без любви? - уточнила Лена.

- Ясный перец: сказки писали мужчины. На свой аршин женщин мерили. Это им достаточно увидеть характерный изгиб бедер. А нам чувства и гарантии подавай.

- Мы любили, нас любили. Просто это, как правило, не совпадало.

- Помню, в какой бы компании мы с тобой ни появлялись, на тебя обязательно западал какой-нибудь приличный молодой человек. Причем усилий ты к этому никаких не прикладывала. А я, бывало, вся изверчусь, добиваясь внимания понравившегося мне субъекта.

- Заостри внимание: на «понравившегося». Наверное, всегда находился мужчина, которому был близок мой тип женщины. Или ему так казалось. Но не мне. Были осторожные попытки ухаживать и даже иногда штурмовать без постепенного сближения, но такие примитивные, серые, будто после высокой классической музыки слушаешь тюремные байки или юношеский трепетный лепет. Представляешь мои чувства? Побуждали задаваться вопросом: «Мне такой спутник жизни нужен?» И это несмотря на мою твердую установку на позитив. Вот и занимала непримиримую позицию, держала глухую оборону. Не позволяла приближаться.

- Тем более, когда понимаешь мужчин и видишь их с первого взгляда насквозь, - повторилась Инна.

- Послушай, а внуку свое литературное наследие как подписала? - вдруг ни с того ни с сего спросила Инна.

- «Чтобы желаемое тобой стало неизбежным». Подрастет, поймет, - ответила Лена и продолжила начатый Инной разговор:

- А ты была бы счастливой, если бы тогда вышла замуж за Антона?

- Наверное, нет. Он женат на работе. Жена ему как сбока припёка. То есть постольку-поскольку. Цепляться за него, ждать его любви как милости? Это было бы не мое счастье и не его. Он и сам такого не захотел бы для любимой женщины. Неуютно я чувствовала бы себя рядом с ним. Меня такое положение вряд ли надолго устроило бы. Я могла быть только его половиной - полноценной половиной смысла его существования. А так... Нет, он не моя судьба. Ничейный он. Представляешь выставку двух разных знаменитых художников в одной галерее? Попробуй их соотнести, сочленить, чтобы не присвоить чужое пространство восприятия, не отдать своего.

- Я Антона представляла человеком, внутри которого постоянно происходят глобальные трансформации, очень меняющие его. Он тоже любит, страдает, ошибается. Обладает силой сказать себе «нет». Он и обыкновенный, и удивительный. А если бы лет в пятьдесят сошлись?

- Зачем? Я не для того создана, чтобы в чужой судьбе прорехи латать. Это раньше я хотела, чтобы всю жизнь быть рядом, не щадя, до последнего отдавать себя. А в пятьдесят... Придешь с работы, отдохнуть хочется, а тут крутись вокруг чужого тебе мужика, ублажай. Свой тот, что смолоду. Ну, или если бы он со мной нянчился, жалел. Так ведь сама знаешь...

«За всю жизнь она так и не вспомнила ни одного счастливого периода жизни, кроме работы с Антоном? Ах, да, внучатый племянник», – обрадовалась Лена.

27

– И все же жизнь в целом нам удалась! – Лена перевела разговор на то, что было интересно Инне. – Тебя можно считать благополучной, – малодушно ободрила она подружку, совсем чуть-чуть покривив душой. И все же смутилась от собственной недостаточной искренности и почувствовала, что краснеет.

– Да уж, точно, – подтвердила Инна, не заметив смущения подружки. – Но поначалу я во втором эшелоне была, не сразу на первый план вышла.

– Не осмеливалась? – удивилась Лена.

– Не давали. Вспомни, мой начальник в цеху был законченный ублюдок. Выдергивал умных и уверенных в себе, как свеклу из грядки. А я вынашивала честолюбивые планы, у меня были интересные прогрессивные замыслы.

– Помню. Но не гневи Бога. Тебе много было дано, ты много успела сделать, хоть и считала, что скромно служишь в храме науки. Ты не только великая труженица, но и надежный, верный человек – вот что в тебе мне всегда было важно. Это нас объединяло. А твои трудности и слабости – пыль, мелочь, ерунда. Некоторые проходят по жизни как тени, не оставив следа. А от тебя, несмотря на твою резкость и иронию, позитивные зарубки остались в памяти многих людей. Не комплексуй, твои несчастья слишком малы по сравнению с тем, что случалось с некоторыми нашими сокурсниками. Я понимаю... то их несчастья. Нам с тобой удалось прожить достойно, правильно, интересно и насыщенно. Вот только болезни...

– Даже мы, невезучие в любви, тоже страдали, радовались, задыхались от восторга и счастья. Жизнь прекрасна! – поддакнула Инна. – Мы жили в веке, щедром на ужасные события и прекрасные открытия. Но наше поколение легко шло по жизни. Не было глобальных войн на нашем пути. Только эхом, только хвостом кометы задела нас Великая Отечественная. Отдельные катастрофы, конечно, происходили...

– Не в раю, на грешной земле живем. Уверена, войну мы тоже сумели бы преодолеть. Мы сильные, – спокойно и твердо заметила Инна.

– Не дай нам её, Господи, в новом веке. На тысячелетие я не замахиваюсь.

– Не дай.

«Лена... и вдруг Господи? Хотя, как она говорила? «Если кто-то, измученный неудачами, разочаровавшись в духовной ситуации нашего общества, захочет отказаться от своих прежних традиций и добрых обычаев предков, то уважение к своей христианской вере и православной культуре может удержать его от стремления кинуться в объятия непознанной и непонятой до глубины сердца чужой религии. И это несмотря на всё её очарование и внешнюю привлекательность». А ведь такое искушение на самом деле возможно.

«Что подарила мне судьба? Двоих детей, внука, прекрасных друзей. Жажду творчества, которая не позволяет потерять свежесть чувств и мыслей. Любовь к людям. Прекрасный мир природы. Как много! Я удивительно счастливый человек!» – От этих мыслей на душе у Лены стало тепло и радостно. Даже ее болячки будто бы «присмирели».

– Боже мой, как я устала! Какой невыносимо длинный день! Я же на пенсии и нередко позволяю себе валяться в постели до обеда, – привычно-шутливо объяснила Инна свое теперешнее нездоровье возрастной ленью, тем самым снова переключая разговор с высоких материй на мелкий быт. – А помнишь, какие глупые песенки цеплялись ко мне? Вдруг замечала, что пою одну из них. Злилась, плевалась, пыталась отвлечься от неё

другой, нормальной. Но проходило время и я обнаруживала, что снова бубню какую-то пошлятину или лагерную уголовщину.

- Как слепой на стёжку, - усмехнулась Лена. - Все мы подвержены подобным мелочам. Я в ванной, когда дома никого нет, до сих пор пою. Ты же знаешь мои вокальные данные. С моим-то баском. Наверное, если бы я жила в панельном доме, в такие моменты всем соседям от меня за версту сбежать хотелось бы.

- Ты же курский соловей! - весело откликнулась Инна.

- Видать, не уродилась. А ты знаешь, соловьи очень верные мужья и строгие отцы. Да-а, внешне незавидная птаха, но какая душа! Какой голос!

- Постарался Всевышний, одарил.

- Ни с кем нашего соловушку не сравнить! А в Африке на зимовке они не поют. Весной домой, на родину радость несут. Может, от их песен в курских деревнях народ такой добрый и мягкий. Нигде больше столь душевных людей не встречала.

- В тебе говорит любовь к родному пепелищу, - не согласилась Инна. - Мой племянник хвалил сибиряков.

- В наших деревнях простота быта, простота и чистота отношений. Я иногда тоскую по ним.

- А я «Изабель» вспомнила. Изабель, Изабель! Исполнялась с таким страстным сексуальным придыханием! Заездили мы, истерли эту пластинку до основания. Все лето изнывали, страдали, кайфовали под нее! А как нежно трогал нас найденный засушенный цветок, вложенный между страниц нашей книги каким-то скромным таинственным обожателем! Прекрасные, счастливые мгновения юности!

- Ленка, как ты раньше быстро говорила. Точно Трындычиха! Помню, историк на экзамене никак не мог умирить тебя.

- Скорость произнесения слов у меня зависит от состояния здоровья. Сейчас ни ходить, ни говорить быстро не могу. Совсем в черепаху превратилась. А к вечеру вовсе двигаюсь, как лунатик во сне. И реакция замедленной стала. Вижу, как падает внучок, а подхватить не успеваю, - пожаловалась Лена.

- А когда волнуешься, заикание не возвращается?

- Переросла этот недостаток.

- А как твои колени после того падения?

- Во время обострения подпорка, третья нога, мне не помеха. Без неё еле шкандыбаю. Так и стоит тросточка-батик в дальнем углу квартиры на всякий пожарный случай. Ты представляешь меня с клюкой? Соседка мне внушает: «Не к лицу вам, Елена Георгиевна, с палочкой ходить». Только если припечет, так и на костыль согласишься, лишь бы двигаться. Все мы по жизни временно здоровы и временно не инвалиды. Я вот сейчас подумала, что одежда представляет нас всем окружающим такими, какими мы себя ощущаем. Не правда ли? И в то же время одежда меняет настрой. Мне хотелось бы, чтобы инвалидам - тем, которые с детства нездоровы - шили одежду не только удобную, но и красивую, изящную, скрывающую их внешние недостатки, чтобы они чувствовали себя более уверенно.

- Ты права. Как нас раздражает малейший недочет в нашей одежде! Казалось бы, пусячок, а выбивает из нормальной колеи. Как-то торопилась я на деловую встречу, вырядилась достойно, но строго, шляпу «разнеможную» надела, туфли на высоченном каблуке, чтобы убить партнёра своей элегантностью, но второпях не сменила белые носки на бежевые. Иду, а они из-под брюк «мигают» при каждом шаге. Но у меня-то ощущение, будто сквозь прореху «светит» мой голый зад! Ты же знаешь мое воображение. Думаю: «Боже мой, какой позор! Вернуться? Но итак опаздываю». Догадалась-таки снять эти чёртовы носки с загорелых ног. Всё лучше, чем сверкать

безвкусицей.

– Твой клиент, может, даже не заметил бы твоей промашки, а ты с ума сходила, – засмеялась Лена.

– И могла бы провалить переговоры.

«Говорим о пустяках, о посторонних вещах. Касаемся самых незначительных тем. Тщательно избегаем реалий будущего», – думает Лена.

Инна почему-то Люду вспомнила. Лена ее в глаза не видела, но много о ней слышала.

– Как ни приду, они лают. Люда то молчит, то защищается, спрашивает, а мужу в голову не приходит, что жена не обязана терпеть его взрывы. Я понимаю, что ссора, как и любая коммуникация, поддерживается с двух сторон. Но ведь и у Люды терпение не безразмерное. Из-за ссор их сыночку не хватало тепла семьи. Он хотел доброго мужского внимания, надежности, уверенности, чтобы ему говорили тихие, нежные слова, чтобы в семье был покой и радость. Я была ласкова с ним, и он как-то попросил меня взять его с собой, по сути дела забрать из семьи. Я поразились такой реакции ребенка на ласку, а родители испуганно переглянулись. Понял ли отец беду сына, надолго ли запомнил этот произвольный урок, не знаю. Я с тех пор у них не бывала, боялась повлиять на их отношения. Я даже долго не давала о себе знать.

А еще я, будучи совсем молодой, летом часто приезжала в гости к одной подруге. Только на этот раз собралась у неё в доме вся родня по мужу вместе какой-то праздник отметить. И вот стоят они вокруг стола, еду дружно готовят и скубут, и скубут одну из невесток. Как пиранья накинулись. Та смущается меня, чужого человека, пытается защищаться. Но их человек десять и все горластые, ехидные. А моя подруга молчит, хотя перед этим рассказывала, какая Света хороший врач, что она милая, скромная женщина. Видно, сама их боится и не хочет ссориться.

Я не выдержала и вступилась.

«Зачем издеваетесь? – спрашиваю. – Знаете же, что она не сможет ответить вам так же грубо».

«Вы юмора не понимаете», – насмешливо ответила мне младшая из них, самая языкастая.

«Это не юмор, – объясняю. – Юмор говорится для радости, а у вас обыкновенная подлость. Света беззащитна перед вами. Я приравниваю ваше поведение к избиению ребенка».

«Пусть учится защищаться», – вступила в разговор старшая из сестер.

«Хамить, оскорблять, подличать? Может, ей за всю жизнь больше не придется встретиться с подобной сворой... компанией. Я уже поняла, что прекрасные качества вашей невестки для вас ценности не представляют». – Я умышленно говорила зло и резко. Мне с ними детей не крестить. А они даже не удивились моей дерзости. И я продолжила нападать.

«Если вам нравятся такие перестрелки, ведите их с достойными противниками. Хотя бы между собой. Что, боитесь получить по мозгам или по шее? Над слабым и воспитанным человеком измываться проще? Для чего нужна семья, родственники? Чтобы помогать, жалеть, сочувствовать. Может, это вам надо у Светы поучиться доброте, мягкости, снисходительности? По-вашему, она недостойна жить рядом с вами, быть женой вашего никчемного брата? А разве не наоборот? По-вашему, кто кого перехамит, тот и лучший?» Много еще чего говорила. Я тебе доложу, тот еще спектакль им устроила!

«Видать, учительша», – брезгливо усмехнулась мне в лицо младшая из дочерей хозяйки, которая наверняка сумела подмять под себя остальных.

И тут вошла их мать. И я безуспешно попыталась убрать с лица шоковую оторопь. По нестираемому желчному выражению ее физиономии, я сразу узнала в ней женщину, из-

за которой не далее как сегодня утром в очереди за колбасой я подверглась шквалу обвинений. Она и тут буквально обрушила на меня всю свою злость!

Понимаешь, эта женщина влетела в магазин и почему-то, нагло потеснив людей – мол, я здесь стояла, – устроилась впереди меня. Мне, конечно, это не понравилось, но, будучи гостей в той деревне, я не стала возникать, только буркнула недовольно, что не помню ее. Ну, и получила от людей из очереди по полной программе. Верить, я мужественно молчала. Ни слова не проронила в свою защиту!

– Собственно, такие вещи и со мной нередко случались. Возможно, мой вечно задумчивый, рассеяно-отрешенный взгляд тому виной – я и в очереди, как правило, продолжаю думать на отвлечённые темы, – и некоторые шустряки безошибочно выбирали меня объектом своих «мелких противоправных действий» – отреагировала на рассказ Лена.

– Ну, так вот, когда же на старуху в очереди зашумели, она умудрилась грубостью всем рты заткнуть. А выйдя из магазина, стала возмущаться, что я не помогла ей, не заступилась. Я даже остановилась, пораженная странной логикой незнакомой мне женщины «Вы, говорю, подставили меня под ураган незаслуженной ругани и еще выражаете недовольство моим поведением? Защищать надо человека, на которого нападают, а вы сами на всех насакивали».

На праздничный обед в этой семье я не осталась. Извинилась перед подружкой и уехала, облегчённо вздохнув. Мне ли стоять перед ними на полусогнутых!

– Тебе в пору было потерять сознание или окончательно разделаться с ними, наградив семейку отборным матом, – рассмеялась Лена.

– Уронить себя перед этими?

– Соседа Витьку вспомнила. По-дурацки жил, по-дурацки любил. Специалист был, ни к чему не пригодный. И все же его жалко. Умер человек. Осталось трое ребятишек. Их еще жалче. А может, без него им стало лучше? Бил, выгонял на мороз босыми, раздетыми. Жену истязал. И сам как собака сгинул под забором. Не дошёл до дому, пьяным замёрз. Вот ведь жизнь, чёрт бы её побрал! Для чего жил, чему радовался, чем гордился? А как же без этого?

«Зачем Инна вспоминает тех, у кого неважно складывалась жизнь? С собой сравнивает, мол, у них много хуже? И я ей поддакиваю», – подумала Лена.

– Послушай, Лена, у мальчишки, который в десятом классе был в тебя влюблен, удачная судьба? Помню, учителя считали его талантливым, а ты говорила, что толку с него не будет, потому что он лодырь.

– Ты это о ком?

– О Димке, который воровал для тебя у своей бабки вкуснейшие на свете дыни.

– Я не знала, что воровал. Его бабка мечтала нас поженить, даже моей матери претензии предъявляла, мол, вы грамотные, знаться с нами не хотите. А мать шарахалась от неё как от прокажённой. В душе, конечно. Вежливо объясняла, что её дочь не замуж, а в институт стремится.

– И правда не догадывалась, что воровал? Ладно, дело прошлое. Что ты о нем знаешь?

– Ничего путного из него не вышло. Профукал он свой талант. Ни в карьере, ни в семье не преуспел. Перекати-поле. Шалтай-болтай. Самомнение выше крыши, и только. Стариков, его воспитавших, жалко. Не стал он им опорой в старости. Даже хоронить не приезжал.

– Забаловали они его, мол, без родителей растёт.

– Да уж, точно.

- Он не стремился с тобой встретиться?

- Это после того, как я его наладила? Даже не заикался об этом. Не нарывался. А дружки его интересовались мной, спрашивали, как и чем живу, заискивали. Понимала, для него старались. Смиловатилась. Вежливо рассказала. Но город не указала и отменяла все попытки дознаться.

Инна, опять ты о плохом. Ведь все остальные наши деревенские мальчишки просто молодцы.

28

- Самая большая ценность для человека - время. Сенека так утверждал. Деньги когда-либо можно вернуть, а время - никогда. Поздно мы это понимаем, когда смерть нависает над всем... - сказала пасмурно Инна.

- Жизнь над всем, - строго заметила Лена.

- Человек в конечном итоге проигрывает смерти, и все мы путники... к тому таинственному дому. (А может, эта гипотеза несостоятельная?) Но отвоевать несколько лет для себя все равно хочется. Хотя бы несколько месяцев, даже если ничего нового уже не ждешь и испытываешь всю полноту страданий. И все же я не хотела бы жить вечно. Скучно, многое знаешь наперед. Если только наукой заняться? Но будут ли вечно хорошо работать мозги? Будет ли здоров человек? Устаешь жить, если нет здоровья. Долголетие - другое дело. В чем его секрет? Чтобы нервы никто не мотал, не переедать, двигаться больше. Я теперь за умеренность во всем. Да еще, чтобы экология.

Инна неожиданно рассмеялась:

- Тебя на понтонном мосту вспомнила. Иду по пляжу, тебя ищу. Знаю, ты где-то рядом сыночка Андриюшеньку выгуливаешь. На мосту целый отряд девушек выстроился в ряд, облокотившись на перила. Прекрасная картина - вид сзади! Смотрю, парни идут и «облизываются». Вдруг один самый крупный отделяется, наклоняется... и этак ласково-нежно огибает, буквально обтекает ручищами, чуть касаясь, очень понравившуюся ему пятую точку. Ее владелица как пантера выворачивается с гневным лицом - и я вижу тебя! Давлюсь от смеха, а бедный парень, лопоча извинения, сваливается с моста в воду. Представляешь, трем десяткам молоденьких девушек предпочел тебя, ту, которой далеко, очень далеко за сорок. Ты и не подозревала, как была хороша! Не знала себе цены.

- Не помню такого. Воспоминания соединяются в тебе самым неожиданным образом. Красота - понятие условное.

- Забыла. Значит, это событие не слишком много для тебя значило. Ты не понимала, что хорошо сложена, что в тебе была удивительная грация. Ты её не чувствовала? Нет, наверняка кто-нибудь из мужчин хотя бы мельком об этом упоминал, но тебя это не волновало, потому что ты никогда не боролась за мужское внимание, даже, наоборот, отбивалась от него. «Страсть с любовью не путала». Так, кажется, ты говорила? В твоей системе ценностей тело и внешность никогда не имели доминирующего значения. Так, постольку-поскольку, по мере надобности, по мере необходимости. А зря, прекрасными данными, природными прелестями надо уметь пользоваться.

- Телевидение призывает?

- Твое пятидесятилетие вспомнила. Мы тогда всей компанией медленно подходили к ресторану. Я заметила, что несколько незнакомых мужчин неотступно следуют за нами, и чуть приотстала. Вдруг один из них - очень даже привлекательный, с благородными седоватыми висками - приблизился к тебе сзади, на миг преклонил колено и, не касаясь тебя, с благоговейным восторгом, изящными движениями рук очертил в воздухе твою королевскую фигуру: прямую узкую спину, осиную талию, эффектную округлость «нижнего бюста». То бишь сильную выразительную линию бедер. Потом на мгновение артистично молитвенно сложил руки у подбородка и склонил

голову на грудь. И тут же вскочил. В этом его жесте не было шутовства, только преклонение перед красотой. Это была его дань твоей изысканности и изяществу. Он не ломал комедию. Ядром, так сказать, контрапунктом его поведения было благородное уважение и восхищение. Я это видела по его грустным глазам. Не скрою, позавидовала тебе.

- Будет тебе, фантазерка. Просто в нашей компании я была самая высокая, - объяснила очаровательную выходку мужчины Лена.

- А я привлекала к себе внимание экстравагантными поступками, экзотической, шокирующей одеждой. Сама очень даже прилично шила. Только доставались мне в основном то какие-то безжизненные «философы», то генераторы песка или дури. И повергали в уныние. Да и тебе не везло, если речь вести о серьезном.

Лена повела подругу другой стезей.

- Я никогда не отпускала Андрюшу одного на реку. Каждый его шаг незаметно контролировала. И не напрасно. Дважды ему жизнь спасала. Маленьким он очень слабеньким был. Окреп только к восемнадцати годам. И тогда я дала ему полную свободу.

Но Инна опять за свое:

- Когда ты впервые узнала, что ноги у тебя красивые?

- Нашла о чем вспоминать. Теперь я колченогая.

- И все же.

- Я тогда на четвертом курсе была. Сидели мы с Андреем в фойе кинотеатра «Луч», афиши на стенах разглядывали. Тут он и говорит: «Смотри, какие у артистки стройные, изящные ноги». А напротив моего кресла зеркало висело. И вдруг Андрей как вскрикнет: «Да у тебя они ещё красивее!». На нас все оглядываться стали. Я смутилась, но в зеркало все-таки посмотрела. И тут же об этом забыла.

«Даже теперь она исполнена желанием сделать мне паблисити. О себе бы подумала», - вздохнула Лена. Инна этот вздох расценила иначе.

- Это ты, Инесса-принцесса была у нас всегда девушкой, выбивающейся из общей толпы, - серьезно сказала Лена.

- Всем нравится нравиться. А уж мне-то!

- Помнишь, как Галка Рязанцева впервые принесла в НИИ на практику заграничный журнал? Я еще тогда к тебе после сессии в гости нежданно-негаданно нагрянула. Мы разглядывали артисток, их наряды, рекламы прекрасного белья и тихонько вздыхали. Не могли мы себе такое позволить. Да и не было в наших магазинах такой прелести. Хотя кое-кто из нас время от времени предпринимал попытки соорудить себе нечто особенное, перекраивая, перешивая. И вдруг Галка говорит: «Девчонки, оглянитесь вокруг, посмотрите друг на друга. Да если нас приодеть и причесать, как этих актрис, так мы еще красивее их будем смотреться!» Мы смущенно заулыбались от такого неожиданного открытия. А Зоя вдруг добавила: «И ученые у нас самые умные». И тут мы все вместе от души расхохотались. Мы почувствовали себя такими счастливыми!

Инна без всякого перехода сказала:

- Странную, крайне неприятную прошлогоднюю историю, связанную с Тоней, вспомнила. Перекидываюсь я в карты с её мужем, а она пристает ко мне с покупкой нового лекарства. Я не горю желанием, возражаю. Она задирает мне блузку сзади и насильно мажет спину какой-то кроваво-красной дрянью. Я противлюсь, отбиваюсь, меня почему-то пробирает озноб, а она знай себе втирает мне эту гадость с какой-то прямо-таки злостью. Вот ведь настырная! И всего-то рекламирует это лекарство, чтобы продать и чуть-чуть подзаработать. А утром у меня температура за сорок. Целый день в прострации между небом и землей, между жизнью и смертью. Ночью ясное ощущение,

что ухажу... А на следующий день на градуснике тридцать четыре и жесточайшая слабость полуживого, полумертвого состояния. Потом месяцы восстановления. И до сих пор у меня нормальная температура в пределах тридцать пять и пять – тридцать шесть и замедленный ритм жизни. Я словно бы завяла. Что это было? Яд? Я ничего плохого ей не делала. Да и вообще никому. Подруга называется! Собственно, не подруга, жена нашего общего друга. Угораздило меня напроситься к ним в гости!

- Зависть и ревность могут излучать отрицательную энергию, способную убить. Возьми себе на заметку. Мне пришлось в это поверить. Теперь я не вверяю себя кому ни попадя. Раньше это явление сглазом называлось, – объяснила Лена.

- Загадка природы. Может, мои нервы и внушаемость явились причиной этой странной болезни?

- Они – только предпосылки.

- Тогда все-таки лекарство.

- Не думаю. Не рискнут предприниматели так уж явно губить людей.

- Как знать. Теперь корпоративные интересы и деньги для некоторых зачастую важнее здоровья тысяч людей.

- К сожалению.

«Инна усилием воли заставляет себя отвлекаться и думать о постороннем? Ей хуже?» – думает Лена.

Хандра непредсказуемо наплыла на Инну, и Лена увидела отчужденное опустелое лицо подруги и услышала ее усталый зыбкий голос:

- Чувствую, не выбраться мне из болезни, не выпутаться из её когтей. Придется перебираться в мир иной. Эта пытка ожиданием, этот гнетущий ужас... Угасаю, будто по капле остаток жизни цедя... Приятного мало. Мне бы внезапно, мгновенно или во сне.

- Я тоже хотела бы сразу.

Лицо Инны вдруг сделалось невыразимо страшным. «Как у бабушки в последние дни, – содрогнулась Лена. – Только бы не отнять у неё веру, только бы не лишить надежды. Господи! Не подает признаков жизни!»

- Все будет хорошо. Потерпи совсем чуть-чуть. Я с тобой. «Боже мой, как же она всё это выдерживает дома, когда совсем одна?! – ужаснулась Лена. – Немудрено начать заговариваться».

После этой страшной мысли Лене трудно дается даже внешнее спокойствие.

- Я не раздумала жить. Просто слиплись больные усталые глаза. «Враги ушли, и слава богу. Друзья ушли – счастливый путь...» – Инна попыталась улыбнуться собственной шутке. – Ершов, кажется. Тот, что «Конька-горбунка» написал в девятнадцать лет.

«Она бредит?» – пугается Лена.

- У тебя феноменальная память, уникальная.

- Энциклопедическая, – усмехнулась Инна.

- Обычно болезнь её съедает, а у тебя все в порядке. Это обнадеживающий фактор. Не держись за плохие воспоминания, не множь тоску. Ты переможешь болезнь. Я верю.

- Уработала я тебя?

- Расшевелила и взбодрила.

- Мне в голову забредают дурацкие мысли, мол, всё сошлось, как в разгаданном ребусе. И никто... им там... не указ. Сверх того я иногда слышу в своей голове... не мной... отчетливо произносимые разноречивые фразы. На меня от страха точно столбняк нападает. И я лежу, словно разбита параличом. Я учусь с беспристрастностью чужака разумом отстраняться от страхов и привыкать к мысли, что все равно скоро... Легче умирать, когда голова в отключке, когда ты как овощ. А то ведь каждым нервом, каждой клеточкой дрожишь. Сама себе противна. Понятно? Или я рассказчик так себе?

- А помнишь, Жанна говорила, что, уходя т у д а, мы всё теряем, чтобы всё обрести.

- Отрывок из романа Николая Островского вспомнила. Помнишь, наизусть в школе учили. Какая мощь, какая силища в его словах! Они вели нас по жизни и укрепляли дух.

- Я читала, как один мужчина совсем умирал и вдруг искренне поверил в Бога и выжил. После этого много еще добрых дел совершил.

- Наверное, молодой был. Пожилой человек, если и выживет, полноценно работать уже не сможет.

- Ну и что, если неполноценно? Рано тебе в архив. Нечего нежелание списывать на нездоровье. Хотенье скрытые резервы организма будит. Потихоньку, полегоньку тоже можно много хорошего сделать. По крупинкам, так сказать, по маковым зернышкам на божий каравай для многих людей.

- Какие уж там скрытые возможности, если из последних сил... Где она - надежда, за которую мы так яростно хватались всю жизнь?

- Ты превзошла себя.

- Не бог весть...

- Не нагнетай. Кроме желания выжить, есть еще мужество жить с этими крохами здоровья и энергии. В нашем дворе живет древняя старушка. Как-то сидит на лавочке около дома и говорит соседкам: «Душа моя поёт!» Не сломил ее ГУЛАГ. Живёт и радуется тому, что ещё жива. И ты не ссылайся на всякие затруднения, понимай меру своего счастья. Сумеешь. Завтра мы с тобой покажем класс! - бодро говорит Лена, а сама огорченно думает: «Паузы учащаются. Выдыхается. Как больно думать, что... Как трудно привести в порядок мысли, чтобы распорядиться остатками жизни. Пора ей снова пить лекарство. И мне тоже. Надеюсь, такое плохое состояние у неё только от сегодняшнего переутомления».

- Сумею? Подменяешь мое мнение своим? Ну, если только твоими молитвами, - едва различимо шепчет Инна. - Пойми, истина - это то, чего нельзя избежать.

Удушье страха снова перехватило ей горло.

- А ты не опускай руки, сама не делай шагов навстречу, не торопи судьбу. Сейчас не то время, чтобы можно было «замутить интригу» с высшими силами. Звезды предполагают, но не диктуют.

- Человек волен только в выборе путей претворения Замысла Божьего, а разрушить или переделать его не способен. Если срок назначен, судьба не допустит, не уклонится. И ни к чему мне эти твои «экзерсисы». И это сущая правда, - с мукой в голосе произнесла Инна.

И добавила рассеянно, каким-то чужим голосом:

- Сбилась я, потеряла нить рассуждений. Хоть убей, не могу вспомнить.

Лена поразилась особенной тревогой в голосе подруге. «Неужели я пугаю её своей обеспокоенностью? Устала бороться? О чем отвлечённом и спокойном мне бы с ней поговорить? Как склонить ко сну? - задумалась она. - Инна так устала, что у неё нет сил на то, чтобы вспоминать даже о хороших событиях».

- Ты представляешь, встретила четверых одноклассников. Мы по-прежнему друг для друга девочки и мальчики. А недавно видела Георгия. Он было двинул в генералы, но его, как водится, пару раз обошли. Он на дыбки. Так его в такую дыру услали! - вялым голосом рассказала Инна.

«Отпустило, бедную. Слава Богу!» - успокоилась Лена и радостно вздохнула.

- Что я тебе расскажу! Знаешь, как Эмма одной любовнице мужа отомстила?

Лену неприятно передернуло: «Нашла о чем вспоминать!»

- С работы её согнала, чтобы не смела других мужиков от семьи отбивать, используя свое служебное положение. Такой спектакль устроила - любо-дорого было смотреть! Зажала в зубах сигарету, чтобы голос изменить и давай стращать сучку по телефону. На пушку брала. Она же знала о некоторых её делишках. Рыльце-то у бабёнки в пушку было. Дрянь эта стала Эмме что-то там лопотать в оправдание дрожащим голосом, лапшу навешивать, мол, денег не брала. Но были верные факты, что не только брала, но и вымогала. Тут Эмма как гаркнет во весь голос, вы, мол, забываете, с кем разговариваете! И трубку бросила. Я сама не ожидала от неё такого таланта. Наболело, вот и вжилась в роль. Наверное, не раз проигрывала эту ситуацию, прежде чем решиться. Молодец, здорово сыграла роль тетки из соответствующих контролирующих органов.

Так вот, наша подопытная потаскушка в штанишки с перепугу наложила: через неделю сама на стол начальнику заявление положила, мол, ухожу по причине слабого здоровья. Видно, предостаточно грешков поднакопила, раз так струсила, взяточница чёртова. Стерва стервой, а слаба в коленках оказалась. Я в восторге. Получилось в одно касание!

- Твоя режиссура?

- Каюсь, моя. Я к Эмме в гости заезжала, когда в командировке была. Гляжу - она в трансе. Жалко её стало. Я совсем чуть-чуть помогла ей моральный дух поднять, - заходясь в приступе чуть ли не истеричного смеха, созналась Инна.

- Не похоже это на Эмму. Колись, сама спектакль сыграла?

- Ну...

- Правильно сделала. Я бы так не сумела.

- Лена, Федька из бедной семьи, и от улицы его семья тщательно ограждала, так как же он стал таким гадом?

- Каждый человек, чтобы стать взрослым, должен разрушить опоры, на которых держалось его детство. И начинается этот процесс, когда возникают трудные ситуации вне дома, в которых приходится что-то решать самому, что-то преодолевать в себе. Я говорю о детях из благополучных семей. Подчас это пугающе трудно.

Ребенок сначала пытается справиться сам, потом призывает на помощь ангела-хранителя, а тот молчит. Он ошибается, делает глупости. Через это проходит большинство детей. Он ищет способы защититься самостоятельно, думает, выбирает, решает, что для него лучше: всю жизнь зависеть от сильного врага, жить в страхе и муках или преодолеть свой первый ужас и больше не бояться? Он трус или смельчак, глупый или разумный? Ребенок не хочет, но мир детства уже рушится и приходится взрослеть.

Из этих преодолений и строятся дальнейшие линии наших судеб. Путь вперед всегда отвоёвывается в жестокой борьбе с окружающим миром, но в детстве и юности он самый болезненный и горький. И все же детство обязано покинуть ребенка. Не стать по-настоящему взрослым, не разорвав его цепей. Такова великая тайна взросления и возмужания!

Но иногда родители беспредельной заботой помогают ребенку отвергать реальность и позволяют своему великовозрастному дитяти слишком долго жить в мире детства. Некоторые из таких вот «залюбленных» навсегда оседают «на детской площадке» и даже

не пытаются пробиться к самим себе и вступают во взрослую жизнь, в лучшем случае, с подростковыми мерками и требованиями. И становятся эгоистами, такими, как Федор, чтобы гробить людей, трудами которых живут. Я, меня, для меня... Они похожи на медленно внедряющихся под кожу клещей, – жёстко высказала свою точку зрения Лена.

– И такого Эмма принимала и прощала! Я бы ему сказала: «Вот тебе Бог, вот тебе порог!»

– Принимала, но не прощала. Это разные вещи.

– На счет Федьки у меня имеются некоторые сомнения и дополнения. Мне кажется, мать умышленно воспитывала его инфантильным, зависимым от неё. Вот он и живет до сих пор её умом.

– Это крайний, худший вариант. Я сейчас пыталась осмыслить общий случай.

– А по-твоему, почему в детстве страх перед родителями подчас сильнее страха перед каким-либо мелким гадом? Ведь чего проще: сознайся, и они тебе помогут.

– А тебя понимали, тебе помогали? Стыд примешивается, ребёнок боится потерять любовь родителей. Мол, стану недостойн их любви. Еще страх наказаний, непредсказуемость последствий. Авань обойдется. Много чего... В каждой семье свои причины. Меня минула эта проблема, и я её не исследовала.

– Только в случае Федора и ему подобных, согласись, страх вовсе ни при чем.

– Там другие рычаги давления срабатывали. И часть из них – непомерное восхваление ребенка и выпячивание одних качеств и замалчивание или принижение других.

– Вот так и мельчает мужское племя! – беззаботно закончила Инна серьезный разговор, подчеркнув тем самым его неисчерпаемость.

– Германа недавно встретила, – сказала Инна. – Совсем седой стал, но все такой же красивый. Анекдот про него вспомнила: «Если оставить Геру между двух девушек-красавиц, он не повернется за всю ночь ни к одной из них. Как Буриданов осел».

– Прелесть!

– Анекдот?

– Гера. Умница, удивительно порядочный человек, прекрасный отец. Простой, естественный, без закидонов. С таким легко.

– Толстой говорил, что «сильные люди всегда просты». Я бы добавила: «и умные». Помню, удивил меня, казалось бы, наивный вопрос Германа. Он спросил смущенно: «Что тяжелее: в большой теннис играть или белье стирать?» Мы с ним в тот момент на корте разминались. Я ответила со смехом: «Разве ты встречал такую дуру, которая, бросив ракетку, вскричала бы радостно: «Ах, побегу домой, там же меня стирка ждет!» Теннис – это игра, удовольствие! Скачешь себе с восторгом, с азартом. Ты в другом, далеком от быта мире! А в ванной... надо, надо, надо».

– О жене беспокоился. Он, наверное, в то время только женился и пытался установить для себя меру своей помощи в домашнем быту.

– Разве не о себе? Я тогда ещё добавила, мол, пока ты сам не попробуешь стирать, гладить, мыть пол, вставать ночью к больному ребенку – все женские трудности будут для тебя под грифом «секретно» и ты никогда не будешь понимать проблем жены и ценить её труд. И это несмотря на то, что теоретически ты хорошо подготовлен. Хвала твоим родителям.

– Находясь рядом, я бы отсоветовала тебе ему советовать. Он и так слишком хорош, хоть в рекламу помещай.

– И в рамку на стену. Ничего, переживет. Никогда не помешает мужчине, даже такому

идеальному, напомнить о его обязанностях, – заупрямилась Инна.

Лена не стала спорить.

– Странная штука – любовь. Возьми хотя бы Витю. Жену его на работе все злючкой считали, даже стервочкой, а он её обожал, не замечал ни жесткости, ни вредности. Говорил о ней только в превосходной степени. Ты бы видела, какую он прекрасную автобиографическую книгу написал! И в каждой строчке – она, его любимая, неповторимая, единственная. Сам себе внушил такую любовь или она сумела его околдовать?

«Готова думать о ком угодно, только бы не о себе», – подумала Лена.

– Где ты видела Виктора?

– В первом НИИ на юбилее Сани. Я именно там вдруг впервые задумалась над тем, как все-таки много значит для человека коллектив, в котором он работает. Почти половину жизни мы в нем проводим. Знаешь, приехали преподаватели, аспиранты, инженеры, начальники и младший персонал. Никого не забыл Санечка, особенно стариков, которые давно на пенсии. Многих я не видела двадцать-тридцать лет. Вокруг было лавина тепла и восхищения! Я пьянела от прекрасного общества, от встречи с людьми, которых в свое время уважала и по-своему любила. Понимаешь, эти люди на всю жизнь остались верны друг другу. Это было так трогательно!

Представляешь, вошла в зал. Все обнимаются, что-то радостно сообщают, фотографируются, маленькие подарочки в память о встрече дарят. Шум, гам, смех.

Смотрю, стоит незнакомый мне мужчина. Невысокого роста, сухощавый. Внутренне зажат, насторожен. Ни к кому не подходит, и к нему – никто. Первое впечатление, что впервые попал в эту компанию.

– Как новичок в незнакомый класс, – комментирует Лена.

– Кто он, думаю, этот «инкогнито»? Муж, не рискнувший без сопровождения отправить молодую жену на сход или, может, новый начальник, вынужденно приглашенный, чтобы влиться в коллектив? Меня будто кто подстегивал с ним поговорить. И я в несколько свободной манере и чуть вольным тоном – он нисколько не противоречил общей легкой атмосфере зала – сказала, что не припоминаю, с какой он кафедры.

– Непростительная вольность для трезвой женщины говорить с незнакомым мужчиной тоном избалованной особы. А как же придворный этикет?

– Я реально была опьянена встречей. Думаю, с высоты моего «преклонного» возраста я могла себе позволить некоторые флуктуации в поведении.

– Любишь экспериментировать?

– Шокировать. Это больше по моей части.

– Незнакомец не раскололся?

– Растерялся, пробормотал что-то уклончивое. И тут я предположила, что это новый проректор, который получил должность и приступил к работе всего неделю назад.

– Чутье не подвело тебя?

– Не ошиблась.

– Железная логика. И почему это тебе его не представили? – рассмеялась Лена. – Теперь он будет остерегаться тебя, обегать стороной за три версты.

– Уборщицу нашу тетю Машу там увидела. Многие её в своих головах давно похоронили – как же, ветеран трудового фронта! – а она еще работает. Великая русская женщина с простой и трудной, обычной для наших женщин судьбой.

Любу еле узнала. Её прежде огромные выпуклые глаза сильно уменьшились, глубоко запали, вокруг них образовалось множество мелких морщинок. Они напомнили мне штриховку на чертежах наших курсовых проектов, над которыми мы «в приступах трудового энтузиазма» работали по ночам перед сессией. А фигурка у Любы прежняя: гибкая, изящная, как у гимнастки.

После праздника я всю ночь не спала, все вспоминала, переживала. Долго находилась в состоянии возбуждения.

А Лена, слушая подругу, вдруг поняла, что при всех трудовых успехах и радостях гимном её жизни все-таки были сыновья.

- Я как-то зашла в университет, намекнула одному знакомому, что хотела бы юбилей отметить в кругу преподавателей и бывших сокурсников. И вдруг почувствовала раздражение в его голосе и странный гонор. Вроде того, что, мол, я не кандидат наук. Получалось, что без степени я никому не интересна. Какое высокомерие! Собственно, у меня были сомнения: устраивать - не устраивать праздник?

- У меня в быту есть твёрдое правило: если в чем-то сомневаюсь или внутри что-то беспокоит, то не берусь за это дело.

- Не стала я отмечать юбилей в их кругу, с родственниками хорошо посидела. У меня слишком широкий интерфейс знакомых. Всех не соберешь, а обидеть, не желая того, можно многих. Да и по жизни оказывалось иногда, что свои - не все и не всегда свои. Пригреешь, надеешься, а они... Послушай, Кира будто подгадала встречу под твой день рождения. Может, отсалютуем?

- Один мой знакомый назвал поздние юбилеи репетицией перед поминками. Желание праздновать отбил.

Инне хотелось сказать подруге что-нибудь опровергающее и доброе, подходящее случаю, но вялый мозг не слушался. И она «выдала» первое, что пришло ей в голову:

- Какое-то единение возникало в молодые годы на наших праздничных вечерах! Никогда не ссорились, шашней не заводили. Во всяком случае, я такого не помню. Ссоры-раздоры и скука потом начались, после горбачевского указа.

29

- В нашем возрасте ничто уже не зашоривает глаз: ни идеализм, ни любовь. Всех людей видим насквозь: четко, ясно, вглубь. И друг друга изучили вдоль и поперек.

«Хочет сменить тему», - решила Лена и помогла подруге:

- Не утомила я тебя? Может, придремнёшь?

- Успею отоспаться. Мне теперь много не надо. Три-четыре часа - и я опять как огурчик... только солёный, - пошутила Инна.

«Она изменилась за время нашей последней встречи, но сквозь толстую кору жизненных наслоений, как через тонкий слой воды, проглядывает прежняя Инна - чуть сумасбродная, ироничная, но слабая и милая. Жизнь так и не сделала её сильной».

Нежность тронула сердце Лены, сжала его ласково.

А Инна, словно прочтя мысли подруги, вдруг подумала: «Я слабая? Так и не встретила мужчину, который был бы сильнее меня морально и физически или был нежнее. А Лена сумела наладить свою жизнь и до сих пор сама ею управляет. Она всегда на капитанском мостике. И мне от неё перепадает чуткости и понимания».

Лене показалось, что Инна задремала. Подчиняясь внезапному порыву, она осторожно встала, подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. В редких облаках луна

теперь кажется ей рыхлой и бледной. Вдали «многоэтажная темнота» и одинокие, словно парящие в ночи, слабо светящиеся окна. Далеко-далеко простирается сонный, когда-то очень дорогой город. Лена зябко поёжилась.

За окном закоченевшие ветви деревьев мерцают инеем. Тихо. Утром под ногами хлюпало, а сейчас мороз такой, будто он и ветер заморозил. «Долго еще ждать радостного благовестия весны. Насмерть стоит зима, – машинально подумала. – Город вымер. Нет, вон собака, явно ничейная, протрусила через двор. Подбежала к мусорным бакам. Котов разогнала. «Плацдарм захватила», никого близко не подпускает. Нет! Она с эскортом. Две, три, пять. Ого! Целая свора.

Фонарь на столбе под соседним окном будто ярче светит. Под ним снежок, мелкий, как пыль, точно живой, пляшет в нечётком конусе света».

Душевная смута только усилилась. Лена открыла форточку. Дохнул холодный воздух, приправленный запахами еще не рассеявшегося кухонного дыма «забегаловки», что пристроилась к углу дома, стоящего напротив, и выхлопных газов с центральной дороги. Лена попробовала прохаживаться вдоль окна, заложив руки за спину.

«Так когда-то ходил её дед, – отметила про себя Инна. Она, оказывается, не спала. – А теперь Лена стоит, чуть выпятив живот, привычно выдвинув вперед правую ногу. Совсем как в детстве». – Она улыбнулась своим мыслям и зажмурилась, восстанавливая в памяти то ли реальные, то ли уже воображаемые приятные картины.

Лена, заведёнными назад руками, уцепилась за нижний край рамы форточки и слегка потянулась, расправляя позвоночник. Её лицо исказилось гримасой. Когда острая боль схлынула, она пробралась к постели и прилегла. Перед глазами заколыхались воскресшие, будто явившиеся из темноты, образы прошлого и странные, неожиданные, фантастические фрагментации сознания...

Инна зашевелилась. Лена очень тихо, словно только для себя, заговорила вслух:

– Мать. Всю жизнь я истребляла в себе то, что унаследовала от неё. И все равно была похожа. Даже почерком, как ни ломала его. Глупая. И Лера об этом же мне писала. Какая дикая детская бескомпромиссность! Детская память самая мощная, самая острая. Никак не получалось простить. Мать боялась, что я не приеду её хоронить. Я совсем, что ли?.. Когда выжила после онкологии, когда столько выстрадала, то поняла, что многие мои обиды – мелочь, ерунда, что надо проще относиться к людям, слишком много от них не ждать, не требовать, прощать. Жаль, матери тогда уже не было.

«Чувство запоздалого раскаяния через боль, – горько усмехнулась Инна. – Оно мне тоже знакомо».

30

– Лена, ты заметила, что я изрядно прибавила в весе? Как на дрожжах полнею, а по предположениям врачей обязана была худеть. Это и вводило их в заблуждение, когда ставили диагноз.

– Сколько можно в девушках ходить! Ты же дама! Когда ты улыбаешься, то совсем не кажешься полненькой. Со мной себя сравни. И талия у тебя до сих пор, как у девчонки, и фасад нечасто подкрашивать приходится. А я без губной помады на улицу не высываюсь, чтобы не пугать прохожих своими бледными губами. Послушай, может, эта полнота как раз и есть обнадеживающий фактор?! – радостно воскликнула Лена, внезапно иначе осмыслив слова подруги.

– Хотелось бы верить.

«Извела Инну болезнь. Говорят, блекнущая красота не терпит яркого света. В полутьме она такая милая! Черты лица сглаженные, мягкие. И чувствует она глубже, трагичнее,

чем предполагают наши сокурсницы. Мне ли не знать, – думает Лена, всматриваясь в подругу. – Виктор Цой пел: «Смерть стоит того, чтобы жить. Любовь стоит того, чтобы ждать». Он был слишком зрелым для своего возраста, может, поэтому рано ушел из жизни. А я до сих пор ставлю перед собой вопросы и не нахожу на них ответы. «Насколько человек свободен и зависим? Как соотносятся судьба, предопределение и Божий Промысел? Какова возможная степень противостояния человека силам обстоятельств? Что ждет Россию в ближайшие сто лет? Какой должна быть наша внешняя политика в этом ненормальном мире? Это от недостатка ума? Хватит ли мне запаса жизненной энергии, чтобы хоть в чем-то разобраться? А может, не энергии, а надежды?»

Инна старается говорить о чем угодно, только не о предчувствии близкой смерти. Почему так? Казалось бы, надо высказать что-то самое главное. Язык не поворачивается? И только наши объятия становятся все крепче и судорожней от еле сдерживаемых, глубоко загнанных слез».

– Лена, помнишь ту прекрасную рыбалку на озере, когда мы «обловились» карасями? Знатно мы тогда выступили! Потом мы лежали в густой пахучей луговой траве и долго смотрели в небо. Черно-красными медузами проплывали предзакатные облака, неряшливая бахрома до земли волочилась за ними. Ты предполагала скорый дождь. А до чего же были хороши твои двухкилограммовые лещи! Раз еду к тебе в трамвае и слышу, как один мужчина говорит другому: «Баба тут у нас объявилась. В отпуск приехала. Так всех переплюнула. На запах её, что ли, лещи идут?» До чего додумался! Я сразу поняла, что о тебе речь шла, и возгордилась.

А поход за грибами! Тогда мы «огрузились» белыми! Выехали ни свет ни заря. Шаткий узкий мостик через реку под колесами машины ходил ходуном, грозя рассыпаться. На неплотно пригнанных корявых бревнышках машину трясло как в лихорадке. Мы повизгивали от страха. Восторг! Проехали. То был коронный номер Маринки! Потом в лесу тропинка затерялась, как истаяла, и мы заблудились. Долго петляли, но выбрались, попутно открыв несколько новых грибных заповедных мест. Сколько впечатлений! О мамма миа! До сих пор при одном только воспоминании душа радуется и словно елеем полнится.

А на следующий день был шашлычок под коньячок на берегу реки! Какой же шашлык без рюмочки? Извращение. Мы сидели на мостике, крепкие столбы которого обросли мхом с вкраплениями ракушек, закусывали, вели уютную беседу и рассматривали на высоком противоположном берегу церковь, нацелившую в небо свои горящие на полуденном солнце кресты. А под нами на песчаном дне реки, посверкивая и слепя, переливались жемчугами солнечные блики. Хорошо-то как, Господи, Боже ты мой!

– Я люблю подобные вылазки, если даже они непродуктивны или вовсе не содержат меркантильный интерес, за яркое общение с прекрасными людьми. На природе и без коньяка от счастья голову кружит.

– Ты же никогда не любила попусту время тратить.

– Пока здоровье не прижало. Да разве побывать на природе – это попусту?! Теперь жалею, что редко выбиралась. Приходит время, когда начинаешь более остро испытывать признательность за каждый счастливый день жизни, – грустно завершила Лена.

Ей далекий ноябрь вспомнился. Они с Андреем на берегу реки. Перед их глазами стальная гладь залива, обрамленная бурым камышом. За спиной серый, какой-то уже пустой лес. И вдруг с тихим шелестом на воду опустилась нереальная, сказочная стая лебедей, будто созданных из пушистых белых летних облаков. Они грациозно выгнули длинные шеи и замерли. Не настороженно, а спокойно, горделиво.

В душе всколыхнулась тихая, сладкая нежность. Она была глубокая, осязаемая, но непроносимая. Андрей тоже молчал, замороженный. Мы долго вечернюю тишину слушали. Слова не решались произнести.

Лена подумала: «Небо, земля, природа – это всё такое чудо! И сама жизнь – чудо! Все помню «с времён тех давних». Каждый миг».

Инна вдруг как-то по-детски беспричинно рассмеялась. Лена насторожилась.

– Не понимаю, почему я патологически, категорически не переношу мужчин с зачесанными и залезанными вперед на лысину редкими волосами? Мне кажется, куда мужественней обриться наголо. Еще не выношу у мужчин губы бантиком.

Теперь подруги, накрывшись одним одеялом, как в детстве, уже вместе хихикали.

– Genug, genug (немецк. – довольно, довольно), чудик ты мой, усыпи свое воображение, а то разбудим девчонок, – немного погодя умиряла Лена не в меру разошедшуюся, просто расшалившуюся подругу.

«Вот так перепады в настроении!» – поразила она.

31

– ...Рак провоцируется нервным или химическим потрясением, – сказала Инна.

– Опасны долговременные стрессы. Они ведут к ослаблению иммунной системы, – добавила Инна.

– Судя по всему, виной тому и многократно клеймёное не зарубцевавшимся обидами сердце. Скребло его, стискивало. Не умело оно забывать, не хотело прощать. Еще тоска, которую баюкаешь длинными, одиночными ночами, даже если есть кто-то рядом, но не тот... – тяжело добавила Инна.

– Иногда легче похоронить, чем простить предательство. Смерть – это рок, а нанесение обид – часто сознательно жестокое действие. За слишком короткий срок своей жизни ничего не успевают забыть человек.

– Насколько я знаю, американские ученые считают, что причиной рака женских половых органов являются именно долговременные стрессы в семье.

– Скорбная, удручающая статистика, – подтвердила Лена.

– А наши врачи этого не признают и тем самым позволяют мужьям безнаказанно тиранить своих жен, оставляя взаимоотношения в семьях на уровне дичайшего домостроя и убогости.

– Женщины-врачи признают, но начальники-мужчины им не позволяют это озвучивать. Они все больше о вредных привычках толкуют, о неправильном питании. А что может быть вреднее плохого климата в семье и на работе? Сильные кратковременные стрессы тоже могут послужить толчком к болезни.

– Все болезни от нервов. Один из моих мужей все не верил, что я заболела от стресса. И вдруг попал в больницу. От страха у него сахар подскочил. Он за голову схватился. А я ему: успокойся и все пройдет, а иначе на самом деле можешь болячку приобрести. Ну и, как всегда, права оказалась.

– Большие города превращают своих жителей в неврастеников.

– Можно очень скромно питаться, и при наличии спокойной жизни дожить до ста лет. А если в семье всё время негатив, подтачивающий организм, как бурная река песчаный берег, то и прекрасное выверенное питание не спасет. Врачи говорят, что гастрит вызывают микробы. Я не спорю, но они вторичны. Они губят только организмы с ослабленной нервной системой. Сильные сами выставляют защиту – иммунитет – и

побеждают. Ты заметила, что даже царапины на руках хуже заживают, если ты в угнетенном состоянии?

- Вот вывели ученые определенную корреляцию развития рака, а в другом месте он иной. Опять прищипорили свою мыслительную деятельность, но болезни тоже не дремлют. И снова человеку жарко от них, как в устье раскаленной печи, - сказала Инна как-то совсем оцепенело.

- Разберутся.

- А тут еще эта наша бесплатная медицина... На моей улице пятнадцать лет нет участкового врача. Футболят то к одному, то к другому, и никто ни за кого не отвечает. А мы болезни свои запускаем. Потом поздно бывает. Прихожу как-то к урологу. Три часа в очереди отсидела. А он швырнул мне в лицо рецепт и возмутился: «С воспалением почек явились! Я тут оперируемых больных не успеваю принимать!» Я возразила, мол, потому и пришла, чтобы к вам под нож не попасть. У вас же над входом в поликлинику лозунг висит: «Болезнь легче предупредить, чем лечить». И понеслось по поликлинике... что я склочница. Я просто так сказала, но все врачи на меня окрысились, мол, выживаю хорошего специалиста. Потом кардиолог назначила мне лекарство, от передозировки которого в полтаблетки неминуемо наступает смерть. И это после того, как я сообщила ей о своем склерозе. Через два года, встретившись со мной у регистратуры, она рта от изумления не могла закрыть. Не могла поверить, что я жива. А я не стала рисковать и выбросила то лекарство в мусорное ведро. А врачу сказала: «Жизнь - не кино, дублей не бывает», - скорбно промолвила Инна и погрузилась в безысходность. Она была на пределе сил и нервов. Сами собой потекли слезы. Лена молча, крепко прижала к себе подругу и подумала грустно: «Сейчас все врачи ей плохие».

Успокоившись, Инна снова пожаловалась:

- У меня все чаще случаются приступы немотивированного раздражения, и я веду себя неадекватно. Как-то кровь из вены пришлось сдавать. Очередь на операцию подошла. Взяли с третьей попытки, кисть, запястье, сгиб у локтя - всё сине-черное. По ночам от боли не уснуть. Ладно, ерунда, и не такое переживала. А тут за три дня до операции узнаю, что анализ не готов. Пошла в платную поликлинику. Там объяснили, что в обычной поликлинике, в лучшем случае, если есть реактивы, эта процедура занимает три недели. Медсестры обязаны об этом предупреждать больных заранее. А мы в два дня укладываемся...

- Не накручивай себя. Этого «добра» и в моем арсенале - через край. Как-то на УЗИ обрадовали: «Исчезли ваши камни в желчном пузыре». Я не поверила. В платном кабинете показали их и сказали: «На месте ваши три родненьких булыжничка, как перепелиные яйца».

«Лена поддерживает мой пустой разговор из сочувствия, а самой теперь тоже трудно подавлять нарастающее раздражение. Вид измученный, усталый. Ее мысли и чувства, как и мои, наверное, непостижимым образом мотает из стороны в сторону. Хотела бы выпутаться из них, да не может. И как ей еще удастся говорить со мной ровным терпеливым голосом? Она ещё способна превозмогать себя? Я же знаю, страх онкологии в ней тоже не исчез, просто затаился».

- А мне и с платными врачами нечасто везло. Вот ты утверждала, что полностью нельзя доверяться врачам, самой надо о своем здоровье беспокоиться. Не доверять швее, продавцу, дизайнеру, строителю? Невозможно всё знать лучше специалистов.

- Я говорила о контроле. Хотя бы на уровне интуиции. Нельзя позволять себя обманывать.

- Иногда причиной онкологии служат механические повреждения, - продолжила тему Инна.

- Не слышала о таком.

- Со мной в одной палате женщина лежала. Муж ее в висок кулаком ударил. Саркома

приключилась. Доктор сказал этому бугаю, мол, сила есть, ума не надо. Умерла бедняжка.

А у второй женщины беда случилась от избытка любви мужа. В экстазе он слишком сильно мял ее грудь, хотя она возражала и жаловалась на боль. Доктор ему объяснил, что любовь – это прежде всего нежность, а вы как зверь свою страсть проявляли. Наверное, еще и гордились своим темпераментом, когда месили пышную грудь жены, как повар тесто. Вам бы свои эмоции в ласку преобразовывать, в энергию добрых слов, в помощь жене, в конце концов. В этом в основном состоит мужчина. Мрачнее тучи был тот муж, выслушивая доктора. Не хотел признавать себя виноватым. Как же, герой щелчок по носу получил.

Сочувствовал наш доктор женщинам. Не упускал случая повоспитывать мужей, если именно в них видел причину болезни. Случалось, и нам давал дельные советы, чтобы больше к нему не попадали.

– Ты химии принимаешь? А облучения? Как получилось, что ты упустила время, когда ещё можно было сделать операцию?

– «Знала б прикуп, жила б в Сочи», – усмехнулась Инна. – Не ожидали врачи третьего возврата болезни.

– А были какие-нибудь физиологические или мистические подсказки?

– Одно из свойств человека – не замечать знаков и подсказок плохих событий. Всем хочется верить только в хорошие известия. Отсюда беспечность, – с вымученной усмешкой ответила Инна. – Знаешь, я после третьей серии химий... как с креста снятая была. Когда пришла в себя, мне казалось, что я чувствовала боль на молекулярном уровне. Я с беспощадной отчетливостью, с запредельной ясностью ощущала состояние неустойчивого, ненадежного равновесия на грани между жизнью и смертью. Будто они в створе... или-или. Но оставалась в душе неподотчетная мозгу крошечная вера, что это еще не конец, потому что не готова я была сыграть в ящик. (Можно подумать, что я теперь готова.)

Да, получила я очередную порцию страданий. Сердце кричало от страха. И я, как в детстве, вместо молитвы пыталась шептать стихи. Ты помнишь, они никогда мне не давались. И голос сам собой вдруг срывался на сдавленный, придушенный стон. Сознание уплывало, картины перед глазами смазывались, путались. Здравый смысл уже не мог бороться с остервенелым, болезненным воображением и часто не справлялся с ускользающим смыслом моих размышлений. И прочие напасти... Опять казалось, что всего ничего осталось, эпилог. Спятить можно.

Мысли то ходили по кругу, то крутились на месте с большой скоростью. Сознание не регистрировало и не оценивало происходящее. Иногда случались моменты равнодушной к себе жалости, мол, опостылело всё, кончай, судьба, тянуть волынку и – не поминайте лихом. И «упокойся милый прах до радостного утра». Карамзин верил в загробное существование.

– Не притягивай к себе потусторонние силы, не накликай на свою голову лишних бед.

– Суеверие? Лена, ты ли это? В средние века разум ушел в подполье и наступило время мракобесия, застоя и нужды. Разум еле оттуда выцарапали уже только в восемнадцатом, а ты его опять... – пошутила Инна.

– После онкологии, знаешь ли... Я, видно, тоже слабый человек перед ликом смерти.

– А, пропади оно все пропадом!

«Инна далеко не суицидный человек. Судьба часто загоняла её в угол, но жажда жизни всегда перебарывала в ней депрессивные состояния, – успокоила себя Лена. – ...Хотя всякое самоубийство – загадка души. Маяковский боялся старости. И Хемингуэй с ней не справился. Из-за болезни глаз не мог писать и застрелился. Для него самоубийство – протест против несправедливости жизни, против невозможности оставаться молодым, способным творить, жить ярко, наполнено. Но это одна из версий. Толстой смог

приспособить свою жизнь к своему возрасту. Хемингуэю не хватало толстовства? А для Инны сама мысль о самоубийстве кажется кощунственной».

- Не торопись сводить счеты с жизнью. «Не стоит ли помедлить на пороге?» А вдруг повезет вопреки диагнозам врачей, наперекор судьбе? Тебе нужны положительные эмоции. Я в свое время ими поднялась.

- Что-то возможно, что-то вероятно, - задумчиво проговорила Инна.

- Всё в нашей жизни неоднозначно и неочевидно. Могут явиться неведомые новообретенные силы. Человек может многое вытерпеть, если поймет, что другого выхода у него нет. Не спеши туда, где спросят у врат: «Была ли ты счастлива в жизни земной?» Может, счастья тебе ещё не додали и оно ждет за ближайшим углом. Ты в себе ещё иногда чувствуешь какой-то нераскрытый потенциал?

- Торопиться некуда, когда перед тобой вечность. Вот и задумываешься о неизбежности с нами происходящего, с христианской убежденностью начинаешь размышлять о предначертанности судьбы, а из тумана памяти отчетливо проступает лицо конкретного губителя... волей случая или рукой проведения направленного на то, чтобы сделать кого-то несчастным, - пробормотала Инна.

По полу потянуло холодом. Лена кое-как встала, плотно притворила форточку и прижала ее шпингалетом. Посмотрела бездумно и устало в непроглядную ночь и тяжело вздохнула. Ей на какой-то миг захотелось сделаться маленьким желторотым пушистым цыпленком под крылом уютной мамы-наседки. Она прижалась лбом к холодному стеклу и будто на какое-то время потеряла чувствительность.

- ...Это в детстве по недомыслию ни о чем подолгу не задумываешься. Одни пустяки и глупости в голове. Я не догадывалась, что мои заскоки ещё кого-то, кроме меня, могли больно касаться. А тебе ещё в раннем детстве была ненавистна мысль подвести кого-то, обидеть. И это качество - на всю жизнь. К чему теперь вдаваться в подробности прошлого, если вот-вот разверзнутся небеса или... вскроется лоно ада? Пути назад нет. Отшумело, отлетело детство... юность, а теперь и вся жизнь. В некоторых вещах мы не властны над собой. И что тут юлить и выгадывать? Перевалила я за хребет, разделяющий царство живых и мертвых. Это уже верная смерть... На обе лопатки положила меня болезнь. Не идет она из головы. Давит груз не совсем удачно прожитых лет. Он стал невыносимо тяжел. Конец неминуем... - с болезненной судорогой в горле произнесла Инна.

Испуганная настойчивостью её горького тона, Лена сказала ласково и убедительно:

- Не будь слишком строга к себе. Хорошая у тебя была жизнь, яркая, наполненная.

- Еле шевелюсь, я вроде обмусоленного и обкусанного червяка на крючке ленивого рыбака. Это мой последний крестный ход. Пора на прикол. Пора познавать «загадочный союз Земли и Неба». А лекарства - они всего лишь отсрочка на короткое время. Это дни, украденные у смерти, дары врачей для того, чтобы еще чуть-чуть просуществовать, правда, под толстым слоем непонимания, неосознания, будто запорошенной, завейной то холодным арктическим снегом, то горячим песком пустыни. А за ними опять следуют неуверенность и ужас, не причиняющие боль никому, кроме меня, - бесцветно и вяло завершила свою мысль Инна. Голос её пресёкся. Потом снова окреп:

- «Бойтесь данайцев, дары приносящих».

- И даров судьбы?

- Ну-ну, давай, напроорочь мне чего-то сверхъестественного, а то я что-то совсем расслонявилась.

- Человек не может не думать, не верить, - сказала Лена, будто оправдываясь или оправдывая.

Вдруг Инну посетила вовсе неуместная мысль: «За детской отрешённостью у Лены всегда угадывалась самоуглубленность ребенка, не испытывающего потребности пускаться

других к себе в душу, а за молчаливостью скрывалось желание не растерять свои чувства. Уже тогда в ней взращивался и вызревал писатель. А раньше это не приходило мне в голову. Поздние прозрения», – внутренне посмеялась она над собой.

– ...Тоскливые мысли убивают. И не с кем за это поквитаться. Кулаки зудят. Шучу. Мне хотелось бы лет до восьмидесяти. Куда там! Хотя бы ещё пару годков протянуть, а там и... навечно... можно на боковую.

...Ты представляешь, какой гад! Его не трогало, какие мучения достались на мою долю. Его волновало, не узнал ли кто-нибудь в больнице о его истинном поведении в нашей семье. Он боялся, что наши друзья узнают, какой он на самом деле. Кто бы это забыл?.. Правильно, что я его бросила.

«Опять бредит?» – забеспокоилась Лена.

– ...Почему мужеподобная Милка с широкими прямыми костлявыми плечами, с ногами, по форме напоминающими бутылки, счастливее меня? Именно рядом с ней я часто чувствовала себя не у дел, именно при ней мне больше всего не хватало внимания. И я считала себя несчастной. И ведь выпавшее на её долю счастье мне не годилось, но неотступно преследовало. Прости, прости, Господи.

Слова давались Инне с трудом. Она побледнела, тяжело откинулась на подушку, продолжая что-то слабо лепетать, городить несусразицу. Лицо исказило страдание. Каждая его черточка вопила о боли. Лена в оцепенении следила за отчаянной борьбой, происходящей в организме подруги.

«Вот так же в предынфарктном состоянии бормотал нелепости Григорий Ильич. А через месяц его не стало. Хороший был человек», – проплыло у нее в голове невольное, горькое воспоминание о не случившемся свёкре.

Лена легонько кашлянула, чтобы обозначить свое присутствие. Инна спокойно задышала, заворочалась на постели. Будто и не было приступа.

– Напугалась? Все нормально и обычно. Знаешь, я вот подумала, что работа – дело нашей жизни, но не сама жизнь. Жизнь – это, прежде всего, семья. Зря я в свое время, как ты, не взяла мальчонку на воспитание.

– Боялась, что муж не примет, не полюбит ребенка и сбежит? – неожиданно безжалостно уточнила Лена. И сама испугалась своих слов. Поэтому тут же добавила уже мягче:

– Из тебя вышла бы прекрасная мать. Но во времена нашей молодости считалось зазорным иметь детей вне брака. Я пережила много непонимания. Теперь общество смотрит на такие вещи проще.

Инна не подала виду, что обиделась, не принялась оспаривать, доказывать обратное, но подумала горько: «Крепко вставила!» Внутренний голос обиженно нашептывал ей: «Зачем?». Но она быстро простила Лене неожиданно резкую откровенность и отгородилась от её слов спасительной мыслью: «Трудно знать неприглядную правду и оставаться милосердной. В Лене столько доброты, великодушия, терпения и понимания! Но даже она устала и от себя, и от всех нас».

Они всегда оправдывали друг друга, потому что дорожили своим редким чувством верной дружбы.

– Ты познала материнство и уже не представляла себя без ребенка.

Только и сказала. Но Лена поняла, что прощена.

– Не стоит жалеть ни о том, что уже произошло, ни о том, чему уже не сбыться. Вспоминай племянников. Самым главным делом нашей жизни я тоже считаю оставление после себя хороших детей, своих ли, чужих, всех тех, кому мы отдали свою любовь и знания, – мягко заметила Лена, всё еще чувствуя и переживая свою вину.

Она молча упрекнула себя: «Мне следовало бы подумать, прежде чем говорить. Сейчас бы мне быть в состоянии полного благодушия, а у меня только давящая на мозги тупая усталость».

В ответ на успокаивающие слова Лены Инна утвердительно кивнула. Но опять загрустила:

- Живу я теперь, преодолевая отчаянное сопротивление собственного разума. Часто случается, что не могу распоряжаться мыслями по воле своей прихоти. Я чертовски устала. Злой, острой тоской исходит душа. Хочешь не хочешь, а придётся согласиться с тем, что ничего уже не изменить. У тебя была возможность заглянуть за грань - я о той женщине, - но ты испугалась, не захотела, - продолжила свою предыдущую мысль Инна. - А я вот и без предначертаний, и предвидений сдулась, как воздушный шарик. «Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?» Всегда любила Есенина.

И договорила через силу:

- Не хочется уходить. Жалко себя. Мозг будто леденеет, дрожит и звенит, как льдинка в пустом стакане. Всё, крах, кранты. Но смерть - это избавление.

Инна пронзает Лену горьким взглядом. Лена чувствует его гибельную энергию. Её спина деревенеет. Она пытается улыбнуться, но непослушные губы только кривятся.

- Расправь хмурые надбровья, надень усмешку. Держись, боевая подруга. Мы еще повоюем. Ты, как старый верный конь, долго еще будешь топтать нашу грешную землю.

- Сколько еще протяну? Ну, если так, навскидку?

- Прошлый раз тебе повезло - и это с четвертой-то степенью!

«Смерть продолжает свою траурную жатву среди моих друзей: Лиля, Толя, еще одна Лиля, Валя. Кто следующий? Они ушли странно дружно, друг за другом и встали в ряд моей доброй памяти. Теперь вот еще один траурный аккорд возможен. Инна. «А журавлей уносит ветер вдаль». Теряя близких друзей, мы узнаем, как они нам дороги».

- Может, меня раньше скосит. Все мы под Богом ходим, - сказала Лена.

- Прости, истерика от слабости, - откликнулась на поддержку угасающим, как эхо, голосом Инна. - Сама себя не узнаю: стала злой, раздражительной.

- Понимаю.

- Понимать и одобрять - разные вещи. Не видела я себя таковой в этом возрасте. Моя знакомая по больнице уходила из жизни светлой, примиренной. Говорила: верю, верую. А во что - не успела сказать. И я теперь перед последней расправой судьбы...

- Перед горькой несправедливостью судьбы. Самой порой хоть на стенку лезь. Тоже иногда разноюниваюсь. Устала быть сильной. Раньше не до себя было.

Лена говорит, будто в полусне. Речь её становится все тише и бессвязней. Вот уж она совсем беззвучно шевелит губами и временами даже всхрапывает. Но все еще слышит Инну, полностью не отключается.

- Сообщи всем моим друзьям, чтобы не приезжали меня хоронить. Хочу, чтобы меня помнили живой, веселой, энергичной, жизнелюбивой.

«О чем бы ни начинала говорить, все сводит к одному. Оно, конечно...» - с трудом шевелятся мысли Лены.

- Помню, бабушка почему-то очень хотела дожить до весны, а дедушка уходил в мир иной без сопротивления.

- Мои бабушка, дед и мать - все ушли в январе. Может, мне тоже суждено в этом месяце...

После минутного, какого-то глухого оцепенения Инна очень тихо сказала:

- Я боюсь беспомощности, униженного состояния, боюсь быть в тягость. Напоследок хотелось бы узнать или увидеть что-нибудь уж совсем необычное, не укладывающееся в простые привычные понятия. Задуматься об этом, погрузившись в звездный мир своих фантазий и, будто уснув, тихо уйти в небытие.

Инна забылась. Взгляд сделался отстраненным, стылым. Лена понимала, что ей хочется, чтобы её пожалели, защитили от неё же самой. Но мозги и язык словно одеревенели. Наконец она осторожно прильнула к подруге и произнесла с натянутой улыбкой:

- Недавно заглянула в Интернет и увидела детское фото твоего племянника Вовки. Заинтересовалась. «Кликнула» еще, еще. А там целый ворох твоих прекрасных фотографий с его одноклассниками: в школе, в походе, на праздниках. Еще хвала тебе за то, что вносила в их жизнь много радости. А поход расписан так, что можно подумать, будто это было самое замечательное событие их школьных лет. Вспоминал, как осенью, во время уборки школьного двора под твоим руководством они бросали в костер записки с перечислением своих бед, а девчонки закапывали под любимыми деревьями школьной аллеи секретные коробочки со своими пожеланиями на следующий учебный год.

- Какая прелесть! Вот не подумала бы про Вовку. Такой шалопай был! Вахлак вахлаком. А теперь прекрасный семьянин, чуткий отец.

- Знать, была у него добрая душа, только прятал он её под всяким внешним мальчишеским хламом. Насколько я помню, ты всегда его выделяла. В душе. Из троих он был тебе больше всех мил.

Лицо Инны на минуту осветилось вспыхнувшей улыбкой. «Отозвалось сердце. Она словно наполнилась позитивной энергией. Глаза заблестели. Уже не кривится, улыбается», - обрадовалась Лена и тихо поплыла в сказочную страну сновидений.

- ...Не сказать, что зажила на этом свете, но я знаю что почём в этой жизни. Отстрадала свой срок, получила свою долю бед и радостей - и будет.

«Инне просто надо отплакаться», - решила Лена, но все-таки прервала подругу, желая отвлечь:

- Не забыла слова актрисы Фаины Раневской? «Я живу так долго, что еще помню порядочных людей».

Но старая шутка даже усмешки у Инны не вызвала.

- Чувствую, дела мои хуже некуда. Пора и меня призвать к ответу. Там, в небесной канцелярии, меня, видно, уже связали с определенным днем и часом встречи. Наверное, заждались. И где эти врата скорби и надежды, скрытые завесой тысячелетий?

Судьба отмерила мне не так уж мало лет. Это большой подарок. Конечно, питала надежду на большее... Но, примирившись со скорым уходом, я будто успокоилась. Чувство неотвратимо надвигающегося рока уже не лишает меня покоя. Наступило оупение, нет острого лихорадочного желания бороться. Смерть закономерна и беспощадна. Но что-то не дает мне полного освобождения.

- У тебя наступило спокойное упоение собственной мудростью, - благосклонно, но чуть свысока - во всяком случае, Инне так показалось, - сказала Лена. - Может, вера? Мы же на пороге... И понимая глубину нашего незнания...

И продолжила мысль только для себя: «Через шок отчаяния и депрессии... возвыситься до принятия своей судьбы, до удивительного духовного просветления, до необыкновенной благодати в душе, до всепрощения - дано не каждому». Звучит как проповедь. А некоторые не позволяют себе ни просить прощения, ни дарить его».

- «Веры тонкая свеча в темноте горит». Эта фраза - из песни Александры Пахмутовой. Вера... Она не помогла, не образумила в самый трудный час моей жизни, тогда, в семнадцать лет. А теперь, что уж, ни к чему. В моем нынешнем положении вера как торжество жестокой бессмысленности. Конечно, хотелось бы почувствовать, что она меня оберегает, защищает и что я вправе принять эту помощь. Но она обязана изменить

глубинное сознание, как бы привести ко второму духовному рождению... Но информация об этом часто не страдает добросовестностью. Я позволю себе выразить свое нетрадиционное мнение. Вместо Христа вполне мог бы почитаться кто-нибудь другой, допустим Яков, Иоанн. Да мало ли кто еще? Да и вообще...

Ничего, выдюжила жизнь, выдержу и смерть. Приму её правила игры. Справлюсь. Всевышний дал человеку свободу, и ответственность за свои деяния лежит только на нём. – Голос Инны прозвучал неожиданно резко и отстраненно. – В бытность мою студенческую одному моему другу – он приводил в церковь по праздникам свою очень старенькую бабушку – священник обещал золотые горы, если тот женится на любой из его дочерей. Говорил: «Машину, квартиру, дачу получишь. Можешь до конца жизни не работать, обеспечу». Тошно парню стало. Возмущался: «Сколько же он таких доверчивых, как моя бабуля, обманывал, грабил? Они же в надежде и вере несли ему свои последние гроши. Знать, не верил поп в загробную жизнь, считал профанацией. Далек был от Бога. Кутил, обжирался. Сам был непоправимо непорядочен, а верующим грозил садистскими муками ада». Перестал мой друг свою бабушку сопровождать в церковь. И меня как заклинило.

«Инне явно лучше. Много говорит», – обрадовалась Лена.

– Тот студент понимал, что деньги те не столько рай, сколько ад. Вне всякого сомнения, идея о Высшей справедливости пришла в голову умным людям потому, что на Земле её никогда не было, и нет сейчас. Да простит меня Всевышний, если я не права и если есть в Природе что-то... незнание. – Лена замолчала.

– Ты предлагаешь чутко слушать и постигать волю Божию? И тогда крохи предчувствий начнут сбываться?

– Так ведь без посредников.

– Я не словам верю, обстоятельствам и людям.

– Это исповедь уходящего во тьму?

– Нет, не надо! Всё это как в зеркале от зеркала...

– Успокойся, пожалуйста. Просто иногда, когда я начинаю соединять или распутывать нити событий своего жизненного пути, мне кажется, будто кто-то уводил меня то от одной, то от другой беды. Подсказывал, подталкивал, вразумлял. Несколько раз я могла погибнуть. Смешно? Понимаю, выход из сложной ситуации я находила своим умом. Но...

– А где сама ошибалась, там ангел проспал? Вера в Высшую силу – символ дремучей невежественности, – покривила губы Инна, обескураженная неожиданно примитивным признанием подруги.

– Мне были подсказки до того, как суждено было случиться этим событиям. Я не знала, чьи они и, фигурально выражаясь, назвала своего «виртуального помощника» ангелом-хранителем.

– Может, твоя обостренная чувствительность и собственная интуиция тебя выручали?

– Не отрицаю. Но вспомни случай с моей бабушкой. Умирая, она позвала меня, и я приехала.

– Это телепатия. Бабушкины биомагнитные волны долетали до тебя и возбуждали твое биополе.

– А как я поняла, что позывные шли от нее? Я же сразу поняла, что мне надо ехать именно в деревню, а не еще куда-то. Я не знала о тяжелой болезни бабушки.

– Я думаю, твой мозг сам просчитал все варианты и выбрал наиболее вероятный.

– Молодец. А тот случай в лесу? Я гуляла и вдруг почему-то обратила внимание на странную яму. Постояла, оценила её глубину. Это ли не подсказка доброго ангела за час

до возможной беды?

- Ты увидела мужчину. Он пошел в другую сторону за молоденькими девушками, но твой мозг-компьютер без твоего указания, как бы бессознательно защищая тебя, начал высчитывать вероятность опасности. Увлеченная сбором грибов и ягод, ты не создала ее, хотя по привычке, в силу своей обычной осторожности, прислушивалась и оглядывалась по сторонам. И тут твой мозг забил тревогу, заставляя тебя очнуться, насторожиться, заволноваться и принять меры по собственному спасению.

- Ангел-хранитель не вообще, не случайно, не невзначай подсказывал. Ведь должно было сойтись многое. Мне зачем-то именно в данном месте захотеть углубиться в лес. Я почему-то заинтересовалась и запомнила расположение этой ямы. Почему я опять должна была оказаться поблизости от нее, когда увидела насильника. И так далее.

- Волнение нарастало постепенно, по мере приближения преступника. Возможно, ты тогда уже бессознательно улавливала его возбуждение, это нервировало тебя и тоже способствовало приведению в боевую готовность. Так сказать, в данном случае в твоём организме суммировались два естественных источника и способа защиты и предупреждения опасности. Я благодарю и благословляю Природу, сохранившую в тебе остатки природного звериного чутья.

- Интересная, заслуживающая внимания трактовка. У меня пока не было времени поразмышлять на эту тему. Но как мой мозг-компьютер мог за год предвидеть смерть уважаемого мной человека и тем более сообщить мне об этом... мужским голосом? А кто во время взрыва перенес меня в безопасное место? Рядом никого не было, - напомнила Лена.

- Этого я не могу объяснить. Наука пока не добралась в своих изысканиях до таких глубин. И тут ты можешь быть вольна в своих фантазиях. С азартом и страстью возмись за это дело и предложи что-то органичное, красивое, с мистическим ореолом.

- Может быть, заглянуть в параллельный мир? - насмешливо отреагировала Лена.

- В твоей голове параллельный мир? - фыркнула подруга. - Хотя... всё может быть.

- Я изрядно устала. Мы и не заметили, как наша зима уже на пороге. Дни, годы - опавшие листья с древа нашей жизни. Надеялась дожить, стать ветхой, седой, как старое высохшее дерево. Но не уродливой!

Время неумолимо. Известный философ Лосев утверждал: «Нет никакого времени. Есть вечность и есть миг жизни». Люди придумали понятие времени для бытового и научного удобства. Смерть... Перед ней все проблемы мельчают. Она становится главной. Она уже за спиной, в двух шагах. Подкарауливает. Думаешь, не уследит, расслабитесь? Не спрячешься. С ней такие шутки не проходят.

А если подойти с другой стороны: чем ближе к смерти, тем ближе к своим родным... Моя очередь, её не пропустишь. Никто из тех, кто после меня, свою очередь не уступит, не поменяется со мной. Ей редко перечат, обычно с ней не связываются, но я не сдамся без боя! Только боль в душе день ото дня почему-то всё глубже, сложнее, пронзительнее, будто наступает момент перелома, и я в другом мире, по ту сторону...

А что дальше? Бунин не верил в загробную жизнь. Говорил: «Есть начало жизни, значит, есть её конец». Будто технар. А он религиозным был. Правда, в последние годы он больше политическими страстями жил, а не уповал на Господа. Жанна утверждала, что страх смерти - неверие Богу. Она права. Хотя смотря что понимать под словом «Бог».

«И что это я разнюнилась? И настроение Лены под стать моему собственному. Я должна держать себя в руках», - подумала Инна, отвечая на свои невысказанные вслух мысли.

- По статистике, больные, верящие в свое выздоровление, живут на десять-пятнадцать лет дольше. Вот так-то, - сказала Лена. Знаешь, когда я готовилась к операции, моя подруга Тамара Веберг сказала мне: «Ты должна выжить. Если не тебя Богу спасать, то кого?» Она зародила во мне надежду и тем помогла выжить. Так вот о тебе я могу сказать то же самое. И буду за тебя молиться во исполнение.

«Если завтра будет солнечный день, мы еще долго продержимся. Нелепо верить в такое, – подумалось Лене. – Но светлое чувство надежды приходит ко мне с каждым ярким рассветом. Во мне пробуждаются безграничные возможности, которые, правда, быстро затухают. И все же болезненные ощущения заглушаются желанием и способностью к творчеству.

Спокойно, мужественно умирает Инна. А я как буду? Я боюсь. Перед компанией друзей нипочем не создалась бы в этом. Только перед Инной могу быть откровенной и смешной», – вздохнула Лена, недовольная ходом беседы с подругой и своими мыслями.

Ей вдруг почудились большие, нежные, отзывчивые руки Андрея и нестерпимо захотелось в их колыбель. «Еще чувствую. Рано мне уходить».

– Кажется, Василь Быков говорил, что «готовностью к достойной смерти определяется человек».

«Зачем она опять об этом? Разве нервная встряска идет ей на пользу? Слишком жестоко...» – недоумевает Лена.

– Я обнаружила в себе совершенно неожиданное свойство. Оказывается, я могу терпеть боль даже не во имя чего-то высокого, а просто ради того, чтобы прожить еще один день, чёрт его побери! Хотя какая это жизнь? Так – одно название. Когда дни сочтены, говорить, мол, не скорби, не кручинься – смешно и непорядочно.

Горькая усмешка скользнула по губам Инны. И, тем не менее, она добавила с теплой грустью:

– Не зря тебя судьба пока оставила на земле. Возможно, затем, чтобы ты до конца довела уже начатое, дописала книги или на маленького внука подольше порадовалась.

– Как ты переносила последнюю серию химий? «Я уже спрашивала? Склероз».

– Все съеденное сразу просилось обратно, а я шутила: «Это хорошо, мне стоит немного похудеть». В нашей палате была только «именитая» публика – те, которые не меньше трех сроков отлежали под жуткими капельницами. Способность переносить яд и боль у всех разная. Некоторые пребывают в состоянии полуанабиоза, а меня «трясет», как грушу. Рада бы в рай, да...

– Не впервой. Если что, снова выдержишь, ты мужественная.

– Мне бы американскую химию влить. Говорят, она легче переносится. И тут обштопали нас, гады! А если вдруг...

– Бог даст, обойдется.

– Ну, а если?..

– Возьму отпуск.

– Тебе же раньше лета не вырваться.

– Вот и не спеши. Возьму, когда захочу. Я могу себе это позволить. Хоть сразу после завтрашней встречи. Мне не откажут, пойдут навстречу. Дадут, сколько попрошу. А подмену я сама организую. Так надежней.

– Ну, это уж слишком. Перекраивать ради меня свои планы? Не обременяй себя.

Её отказ прозвучал мягко и совсем не обидно.

– А может, ко мне на недельку-другую? Отойдешь душой, отвлечешься, уверенней почувствуешь себя.

– Нет страха, что проблем со мной не оберешься? Я не буду тебе в тягость, не доставлю

много хлопот. Я буду стараться, – с непонятным, неожиданным для Лены трогательным смущением в голосе сказала Инна.

«Надо же, согласилась», – удивилась Лена покладистости Инны. Она догадалась, что Инна ждала этой её последней помощи, но не предполагала такой быстрой «сдачи подруги в плен». Значит, она в ней очень нуждается.

Лена вспомнила горькие слова одной своей знакомой об одинокой бездетной тете, к которой та не успела приехать в больницу. Ей нескольких минут не хватило, чтобы застать её живой. «Старушка лежала с вытянутыми в сторону двери руками, будто хотела призвать к некоему печальному свидетельству. Рот её был перекошен то ли обидой, то ли страхом. В остекленевших глазах застыла мольба и последняя безнадежно-тоскливая просьба, на которую никто не откликнулся». Говорят, просила привести священника. «Худенькая, усохшая и почерневшая до вида мумии, она напомнила мне любимого гусёнка из далекого детства, погибшего от зубов соседской кошки. Он лежал лапками кверху такой несчастный, бездыханный. И его слабенькая, тощенькая шейка, и его открытый мучительно вялый клювик... Я так плакала». А тут к родному человеку опоздала».

«Возможно, моя знакомая услышала где-то эти проникновенные, тронувшие её сердце горькие слова, и с одного раза на всю жизнь запомнила, – решила я тогда. – Хотя, наверное, у каждого ребенка был свой цыплёнок, котёнок или воробышек».

– Нет, лучше вырвись потом, ближе к концу. Но я могу принять твои условия только при неукоснительном выполнении моих.

Даже в такой ситуации Инне обязательно надо было сопротивляться, немного поломаться, заставить себя упрашивать и только потом, как бы нехотя, подчиниться. Иначе это была бы не Инна.

– Чуть что – срочно звони. Я легка на подъем: саквояж в руки и вперед. Заодно по пути наведуясь в родные пенаты или в любимое гнездышко. Удостою внимания.

Лена своей последней тирадой попыталась отвлечь Инну от тоскливых мыслей, но она прозвучала слишком легкомысленно. «А вдруг обиделась на меня? Старею, глупею, – разозлилась она на себя и поспешила стереть впечатление от своей оплошности:

– Инночка, не бери в голову. Может, еще не понадобится. Если только на будущее. Говорят, бабушка надвое сказала. Ведь симптомы можно и так и этак оценить. «Глупости говорю». Может, выяснится, что болезнь законсервировалась и больше ни с места. Не развивается. «Опять глупости говорю? А вдруг нет?»

– На картах погадать: сбудется – не сбудется? Я уже устала бояться, – усмехнулась Инна. – Помнишь ахматовское: «Всего прочнее на земле печаль». Пророческие строки. Что мне осталось? Жуткое прозябание? Судьба не оставляет альтернативы, кроме как: «Прощение и прощание – печальная скрижаль». И всё. Это как раз тот случай, когда я не исключение. – Нечто вроде усмешки опять скользнуло на Инниных, по-прежнему красивых губах. – Кто-то сказал: «Последняя степень свободы погибающего человека – вера. И никакой власти не удастся лишить человека этой веры». Вера... Я сама себе священник. Знаешь, у Манделштама – святое для меня имя – есть слова: «До смерти хочется жить». Вот и все, во что я теперь верю. И Лермонтов начинал одно из своих прекрасных стихотворений словами «Я жить хочу...» А еще: «Мне бесконечно жаль... не надо скорби». Такая вот преамбула перед последним актом моей пьесы. Только в эти пустые и горькие месяцы я наконец-то поняла, что к жизни надо относиться, как к дорогому сердцу подарку. А раньше не до того было. Суета сует.

Жаль, что мне не всегда хватало смелости жить так, как хотелось самой. Часто жила, как ожидали от меня другие. Я, например, любила языки, они мне легко давались. И рисовать у меня хорошо получалось. Но я во всем, как и ты, была слишком ответственна. Надо было чуть больше времени посвящать себе, для радости. Как поздно мы это понимаем! Жадность жизни не пропадает.

Во мне было много такого: и туда, и сюда. А ты умела быть сама собой. И ложь во мне жила, и чувствовала иногда себя гадкой. Всё было.

- Мало в тебе лжи было. Так, по острой необходимости и во благо другого.

- Живи за нас двоих, и подольше. Я там за тебя буду радоваться. Говорят же, что уход из жизни – это просто переход... туда, где ждет кара Всевышнего, – добавила она с печальной усмешкой. – Если это правда, то в определенном смысле мы остаемся, совсем не исчезаем, хоть и без телесной оболочки. Я допускаю, что эти представления неправильные, но хочется верить, что души и интеллекты суммируются, образуя биосферу, из которой черпают следующие поколения. Красивая сказка.

- А как ты насчет вскрытия или кремации?

- Категорически против. Не хотела бы предстать перед Всевышним в «разобранном» виде.

- Люди предъявляют Ему только души.

- Лучше подстраховаться, – подобие улыбки промелькнуло на бледном лице Инны.

- Если вдруг... ты же знаешь, я на низком старте... примчусь. Надеюсь, это не скоро случится. Судьба опомнится, смилостивится, и мы еще повоюем... и поживем. Есть у меня такое предчувствие.

Только так могла Лена выразить подруге то, что та отчаянно желала и на что в тайне надеялась.

- Мама совсем недавно оставила этот мир. Неужели я с нею... в один год? – Эта неожиданная мысль заставила Инну вздрогнуть. – Господи, это же так несправедливо! Крамольная мысль. Как её осилить?

Почему «в этом лучшем из миров» так много человеческого горя? За что люди так истово чтут богов, хотя верят далеко не все? Хотят хоть где-то быть счастливыми? Никто, наверное, в предсмертный час не атеист.

«Ропщет Инна. Мечется: верить – не верить? Извелась, совсем лишилась сил. Хочет избавления от инквизиторской боли, ищет, на кого бы переложить хоть часть этой невыносимо жестокой пытки. Уже не может выносить ее в одиночку. – Лена незаметно вздохнула. – И бабушка мечтала, чтобы милосердная смерть поскорее её прибрала. А она не торопилась, измывалась над редкостно святой».

- Крепче прижмись. – попросила Инна. – Когда обнимаешь, кажется, будто ты передаешь часть своей энергии, своей воли и оптимизма, что мне добавляется безнадежная храбрость андерсеновского портняжки.

- Сестричка, маленькая моя, золотко ты мое.

- Самоварное.

32

- Под музыку Вивальди мне вспоминается самое дорогое и радостное, но в последние минуты я хотела бы услышать «Ноктюрн» Бабаджаняна на слова Роберта Рождественского в исполнении Муслима Магомаева. Какой прекрасный триумфвират! Под влиянием красоты этого произведения гнев, раздражение и обиды уходят из сердца. Оно заполняется особой высокой любовью. «Печаль светла», и не так страшно уходить. Последнее время я бесконечное число раз прокручиваю в голове эти поразительно прекрасные слова и эту великую мелодию.

В юности я мечтала услышать музыку, способную передать близость сердец. И вот услышала. Помнишь? «Как тебе сейчас живется, милая моя, нежная моя, свет моей любви, боль моей любви!.. Радостно живи!» Эти слова во мне живут как молитва. Пусть бы она провожала меня с крыльца дома в последний путь. А после нее чтобы была тишина, необъятная, сердечная. Тишина – это тоже музыка, чистый звук.

Я была бы не против и реквиема Верди. Его музыка – разговор с вечностью. Бессмертная музыка о смерти. Я будто прорываюсь сквозь страх потерь, боли, конца и ухожу в звездопад. Там бесконечность и вечность. Это музыка другой планеты. В ней каждая нота на вес золота. Но восемьдесят пять минут молитвы слишком много для провожающих, тем более стоя, – словно извиняясь, сказала Инна.

– Не хочешь хмурой чинности современных обрядов, выказывающих уважение к почившим?

– Да не то слово.

– Некоторые не поймут.

– Меня это уже не будет волновать. «А не боишься услышать вместо плача мой дикий предсмертный хохот»

– Ну, если только увижу «тоску всезнания в глазах».

– После музыки Верди не захочется быть излишне экстравагантной. Да... Все же ритуалы усугубляют скорбь. Ты по мне не очень страдай. Бабушка говорила, что скорбь тревожит дух покойников. Хотя что мы можем знать?.. Над нами всеми одно бескрайнее небо. Вокруг нас бесконечное мироздание... А вдруг там, наверху, есть кусочек и моей галактики, в которой заключены все мои добрые думы и чаяния, и они не исчезнут вместе со мной, а будут вплетены во всемирную гармонию... Размечталась?

– А я сначала «Вечный покой» – эту симфонию человеческих переживаний при прощании с жизнью прослушала бы, а потом знаменитый блюз памяти гениального джазового саксофониста и композитора Чарли Паркера в исполнении автора, знаменитого кларнетиста Тони Скотта. В нем возвышенная печаль по глубоко любимому человеку и музыканту. Этот блюз – прощание с земным чудом жизни. В нем светлая чистая высокая печаль и вечная память. Она погружает меня в состояние непередаваемого словами трансa. Я и сейчас слышу эти пронзительные ноты на фоне тихой похоронной музыки. Эти удивительные блюзовые переборы... Я хотела бы, чтобы эта мелодия сопровождала меня у самой черты. Еще я желала бы, чтобы это произошло в тихий солнечный день, все равно – в зимний ли, летний. Чтобы как по лучику в небо, в новый путь, в неизведанный мир... – сказала Лена.

– А как насчет «Джийежеры»? Духовное аскетичное произведение тринадцатого века неизвестного автора. Его использовали во все времена в своих операх почти все великие композиторы мира.

– Строгая, суровая вещь. Возвышенная, духовная. Дыхание перехватывает. Мощная трагическая красота! Так бы зачерпнула, взяла в пригоршню хотя бы часть мелодии и унесла с собой, чтобы не расставаться.

– Так ведь о смерти и на смерть. Что-то типа молитвы перед боем, в котором все до единого идут на верную гибель.

– В отдельном, самостоятельном, как говорится, в чистом виде, я это произведение не смогла найти.

Лена уловила завладевшее Инной напряженное беспокойство и замолчала.

– Традиционные мероприятия – почтительная трогательная забота об ушедших. Она им уже не нужна. Но не стоит нарушать заведенный порядок. Наверное, это нужно тем, кто остается, для веры, что их тоже проводят как должно и будут помнить.

У меня тоже в тяжелые периоды жизни в голове случается реквием Верди... как «пропуск в грядущий покой». Это музыка боли. Еще Моцарт. Иногда «День гнева» шумит в ушах, давит. Еще реквием Пендерецкого. И во всех тема смерти.

– Я поляка не слышала, – сказала Лена.

– В чистом виде лакримоза. Восхитительная трактовка. Ничего расплывчатого, неясного,

непоследовательно-сумбурного. Все четко. Гордое, возвышенное, но печальное оплакивание.

- Скорбное.

Инна утвердительно качнула головой.

- Вспомнились слова из какой-то религиозной книги: «Боль – есть память о нашем высшем предназначении на Земле». Уж и не знаю... Я полагаю, есть память любви и боли в сердцах близких. Конечно, все живое обречено на умирание, и все же невозможно, трудно смириться. И фразы не облегчают...

Инна тихо застонала. Лена приподнялась на локте.

- Не о том мы завели речь. Все нормально?

Взгляд Инны блуждал, ни на чем долго не задерживаясь. Дыхание сделалось беспомощно слабым.

- Не волнуйся. Очередная волна. Спадет.

«Все обговорили, все вспомнили. А будто и не беседовали. - Лена вздохнула. - Ночью всегда тоскливые мысли одолевают. Отдохнет, и завтра ей будет легче. И продолжит она бороться с неиссякаемым упорством».

- Паршиво мне. Помнишь, волнующе пахло летом... Вечерний аромат маттиол в деревенских палисадниках, оркестр насекомых. Дурманящий запах цветов белой акации. Симфония запахов! Природа! Бесконечная череда созиданий и разрушений... Что следовало предпринять? Где переломная точка невозврата?.. Каковы границы человеческих возможностей? К чему фатально сводились мои сладкие надежды юности?

Я на дереве, вся исцарапанная и счастливая, как в раю. Беспорядочно теснящиеся хибары... Моя милая родина! Дорогие, смешные, добрые соседи снуют туда-сюда... Я стою на мосту – тонкая, гибкая, изящная. Наглухо застегнут воротничок школьного платья. Распускаю тяжелый узел темных волос. Они падают медленным водопадом и рассыпаются по плечам. На меня восхищенно смотрят наши мальчишки. Я простая и гордая. Я счастливая...

«Опять бредит? Ее мысли – порождение больного зыбкого сознания... Похоже, ожидая, когда пробьет его час, человек не решает мировых проблем», - подумалось Лене. И всепоглощающая, грустная нежность к подруге захлестнула ее. На ресницах повисли слезинки.

В мысли Лены проник слабый голос Инны:

- Слушай, если завтра я буду не в форме, произнеси на встрече от моего имени мой любимый тост: «Пусть будут счастливы все, кого мы любим».

Лена уловила в просьбе подруги, в едва заметном усилии сохранить ровную интонацию намёк на душевную боль. Но у нее автоматически вырвалось:

- Конечно, произнесу.

Но она тут же испуганно подумала: «Вовсе спросонья не соображаю! Я произнесу? Истребить надежду – значит окончательно сгубить!»

- Нет, ты обязательно скажешь это сама. Я верю. Ты сможешь прийти. Я буду рядом, – воскликнула она слишком поспешно. А пару секунд спустя поймала зыбкий взгляд подруги и осторожной улыбкой попросила прощение за непроизвольно выскочившие бестактные слова.

- Какие у нас прекрасные мальчишки и девчонки! Как я хочу с ними увидеться! – внятно произнесла Инна. И вдруг побелела. Испарина покрыла высокий бледный лоб. У нее как-то жутковато закатились какие-то уже нездешние, принадлежащие другому миру глаза.

Под ними резко обозначились темные полукружья. В одно мгновение посинели губы. Лена поразилась неожиданно происшедшей в подруге перемене.

- Ты меня слышишь? Чем помочь? - с испуганным участием зашептала она и привстала, опираясь на здоровое колено и на руки, как бегун на старте короткой дистанции, и зависла над Инной в напряженной выжидательной позе.

Прошло секунд двадцать. Они стояли Лене недель жизни. О, эта жутко затянувшаяся тишина... Инна пришла в себя и вяло улыбнулась. Безумное потустороннее выражение сменилось на тупое, устало-безразличное, потом на устало-осмысленное.

- Тебе больно? - спросила Лена так тихо, что ей почти удалось скрыть удущье от сжавшей ее горло жалости.

- Не более, чем всегда. Ты испугалась?

- А вдруг боль опять вернется? Может, все-таки хоть на короткое время в больницу?

- Не суетись. В больнице вся обстановка угнетает, а дома даже пустые гулкие стены милы. Опять наваливается мрачная смертельная тоска и оцепенение. Я... тебя... куда... Совсем голова отказывается соображать... Финальный аккорд. Рай, ад... Там живут отлетающие души. «Пройдем же по аду и раю, где нет между ними черты». Мусульмане говорят, что рай находится под ногами наших матерей. Мама, мамочка! Как с этим жить? Я здесь, на земле для другого. Во мне живет генетическая память предков. Спрут вечного сна, большой и сильный, обвиняет меня, и я уже себя не чувствую... Я не принадлежу себе...

Лена еле разбирает вялый бессвязный шепот подруги. «Опять бредит», - в который раз пугается она.

- Может все-таки «скорую?» Открыть форточку и ты лежа покуришь? Уже не получается отвлекаться сигаретой? Ты меня слышишь?

- Неслышанное облегчение. Боль еще существует во мне, но уже не заслоняет весь белый свет, - через силу шутит Инна. - Я тут, наверное, «начирикала» всякой ерунды? Все смешалось в голове: школа, работа, племяши. Охватило нервное предчувствие конца. Не могла ни ощутить себя, ни нащупать. Ерунда какая-то. Пригрезились яркие астры, хризантемы и ноготки, присыпанные снегом. Еще почему-то деревянная печь, ломкие тени по хате. Не удавалось мне собрать разрозненные мозаики, связать прошлое с настоящим. Потом темно стало, как в гробу.

- Это страх. Он разрастается и опутывает. Если трудно говорить, молчи.

- Задыхаются и от счастья, и от страха.

- Но по-разному.

- Чувствую, включилась в понимание.

«Глаза с блеском, значит, уже слава Богу. Только на бок сильно завалилась. Сейчас она слабая, как выжата, и грустная, но живительная мысль уже бьется в ее измученном мозгу, омывая сознание волнами невыразимого блаженства: «Пронесло, отлегло. Еще не время», - понимает Лена.

- Как хорошо! - не сдержав эмоций, воскликнула она голосом радостного облегчения, когда страх прошедшего чуть ли не смакуют, ликуя в настоящем.

Лена подала подруге лекарство. Та приняла и взглянула на нее с молчаливой признательностью.

«Надолго ли отсрочка? Который раз за сегодняшний день она «прикладывается» к пузырьку? Просто накачана лекарствами», - думает Лена и грустно шутит:

- У нас с тобой теперь на десерт только таблетки. Ты сегодня страшно переутомилась. Засыпай спокойно. Я рядом. Спи крепко. Завтра нам надо выглядеть.

- Не получится.

- Заснешь, куда денешься. Прижимайся ко мне. Я уютная. А может, хочешь рюмашечку коньячка?

- Для меня пить хороший коньяк что попусту добро переводить. Я за русскую водочку всегда стою. Это ты у нас гурман.

Обе надолго замолчали. Накопившееся напряжение дня, потрясение бессонных часов ночи вновь разом обрушились на них, пробив барьер натянутых, как струны, нервов. Они безмолвно застыли, утратив все ощущения, не в силах ни думать, ни реагировать.

- Не отвел Он от меня беду... Знаешь, есть мужество умирать... - не в бреду, осмысленно сказала Инна.

- А еще есть мужество жить. И нам с тобой его не занимать. «Думая о смерти, помни о живых». Обо мне помни. Ты мне нужна.

- Блуждала в тумане жизни, негодовала, завидовала, осуждала и скорбела. Во мне часто угадывалось надменное и злорадное торжество «добродетельной» души.

- Не глупи. Твои мысли чаще возносились к светлым высотам духа.

- «Привлечь к себе любовь пространства. Услышать будущего зов».

- Пастернак, - сказала Лена.

«Слова поэта в данной ситуации прозвучали слишком двусмысленно», - вздохнула она, поняв их новый горький смысл в устах подруги. И подумала: «Не дает судьба ей легкой смерти».

И будто подслушав мысли Лены, Инна сказала глухо:

- Надобность во мне отпала. Судьба мне плохой знак подала. Гроза неделю назад была, когда я у могилы матери стояла. Зима - и вдруг молния...

- Предрассудки. Ты - и плебейское суеверие? А может, это знак перемены к лучшему?

- На ладан дышу. Не заслужила я светлой памяти.

- Ты еще скажи: на века.

- Соблазн велик.

Что-то подсказывало Инне, что Лена понимает её лучше, чем они обе выразили в словах.

Она глубоко и судорожно вздохнула.

- С кем я буду соседствовать... навсегда?

- Это твой выбор. Приму любой. Но не торопись отдаваться в руки... во власть неизвестности. Моей бабушке врачи давали год жизни, но она полтора протянула. А у тебя прекрасные лекарства. Я завтра же подключу всех своих друзей на поиски новых. Смена лекарств часто действует положительно.

- Если что... тот наш договор остается в силе. Все документы в черной сумке на антресолях. Я во всем рассчитываю на тебя. Я там и твоему внуку очаровательный сувенир припасла на добрую память. Предметы хранят в себе много чего хорошего о владельце. От них исходит энергия. Существует дух места, дух предмета.

Не люблю ночные мертвые окна, - непонятно к чему сказала Инна внезапно угасшим голосом. Она свернулась калачиком, уткнулась Лене в плечо и затихла. Подруга обняла ее. Они больше не испытывали желания говорить, зная, что не смогут скрыть в словах смысл этого молчания. И дело тут было даже не в истощении физических сил.

«Ладони под щеку пристроила, как маленькая. Не спит. Скрылась под надежную защиту собственного горя. Взвинчена до предела. Пытается перевести свои мысли в более спокойную бытовую плоскость. Лежит в терпеливом доверчивом молчании. Хочет, чтобы я уснула первая. Даже сейчас бережет меня», – с теплой грустью думает Лена, пытаясь осторожно, чтобы не потревожить подругу, удобнее уложить на матрасе больные ноги. (Их нещадно ломило.)

Неожиданно Ленина благодарная влага покатилась по Инниной щеке, разлилась по губам и та ощутила горько-соленый вкус жемчуга ее слез... и их сладость.

На душе у Лены беспокойно. Она боится засыпать. Почему-то припомнились откуда-то явившиеся слова: «Откровенное сердце человека в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа». Из Святого Писания? Кроткого? Кроткого, но сильного. Потом в её сознании, как обрывок незаконченного рассуждения, промелькнула смутная мысль: «Надо бы уточнить».

Прошло несколько минут тихо стонущей в ушах пугливой тишины. Инна дышала ровно и спокойно. Сон оградил её от тоскливых мыслей. «Нет ни боли, ни забот, ни надежд, ни будущего?» Лена тихонько позвала подругу, потом осторожно отняла затекшую руку и повернулась на бок. Чтобы уснуть, ей необходимо было отвлечься от дум о подруге, да и о себе тоже, отринуть волну накалившей меланхолии. Но ей никак не удавалось сдерживать вновь нахлынувший поток преследующих воспоминаний. Внутри неё всё еще подрагивало. И это было верным признаком долгого незасыпания.

Прошло достаточно много времени, прежде чем мысли Лены обратились к родному дому: «Недавно была в командировке. Телефонный звонок в гостиничном номере. Внучок картаво залопотал: «Бабушка, я тебя люблю и очень жду». Лена улыбнулась: «Вот чего мне сейчас не хватает для душевного комфорта, чтобы окунуться в сон. Но не время для бесед с малышом, ночь на дворе. Разное держит людей на земле». Уголком пододеяльника она промокнула вмиг увлажнившиеся глаза и подумала: «Слаба я стала на слезы. Меня теперь заставить плакать намного легче, чем смеяться».

«Андрейка, счастье мое, свет очей моих, мой главный и самый яркий лучик... – забормотала она, погружаясь в сон на волнах теплых воспоминаний о внуке. – Господи, дай Миру покой и стабильность, дай людям на земле больше добра, дай моим близким здоровья и счастья. Помоги Инне выжить. Дай мне сил еще пожить и поработать...»

Каждый раз слова у нее выходили разные, но смысл их был один и тот же.

«Господи!» При моем воспитании и образовании это обращение звучит более чем странно. Но оно меня успокаивает. И ведь не религиозная, но вот привыкла после операции, в которой на краю была и особенно после серии изматывающих химий каждую ночь встречать просьбами к Всевышнему. Будто сама себе вменила в обязанность. Так и повелось. Собственно, отголоски религиозности, наверное, есть в каждом из нас. Некоторых она спасает от самоубийства».

Лене вспомнились полушутливые слова матери: «Нас не учили ни молиться, ни медитировать. И чтобы отойти от дня, насыщенного болезненными необоримыми мыслями и заботами, приходится на ночь петь себе колыбельную. А от колыбельной до молитвы – музыки Небес, ведущей к Богу, – один шаг. И причина тому хрестоматийная... Правильная жизнь и есть моя религия. Красота ведет к доброте, поэтому слиться с Природой – все равно что почувствовать высшее наслаждение и сердцем найти дорогу к непознанному, называемому Всевышним. А восхищение Природой и есть молитва».

А казалось, не верила.

«Господи, ниспошли мне сон. Господи, дай людям... – как молитву в который раз привычно повторяет Лена. Её медленно поглощала тяжёлая дрема, приносящая хрупкий, но так необходимый сон. – Это похоже на втягивание релятивистских струй в черную космическую дыру», – подумала она. И это стало последней мыслью, пробившейся сквозь поток обращений к Всевышнему. Наконец и он иссяк, слившись с волнами сна, насылаемыми заботливым Морфеем. Лена спала, и ничто уже не оживляло её усталого расслабленного лица.

- Принцесса, весь месяц была серая туманная погода, а сегодня, как по заказу, явилось яркое солнце на чистом небосводе. Такое утро несет в себе обещание удивительного дня! Я будто летаю! - зашептала Лена.

Инна, не открывая глаз, почувствовала счастливую улыбку в голосе подруги и отозвалась тихо, не совсем уверенно и даже как-то растерянно:

- У меня этой ночью - ни снов, ни видений. Поспала и точно заново родилась. Не помню уже, когда просыпалась с желанием жить. Во мне, в моем ощущении себя, этой ночью словно бы наметился, нет - что скрывать, - произошел какой-то перелом. Будто что-то ниспосланное свыше... Я уже не на острие ножа... Будто благодать нисходит... Не могу выразить.

- Жизнь продолжается! - добавила она с осторожной радостью.

- Просыпайтесь, сони. На зарядку по порядку - становись! На раз-два рассчитайсь! - с приветливой неторопливостью хозяйки будит подруг Кира. Она отдернула шторы и раздвинула створки форточки. Ослепительное зимнее солнце хлынуло в окно их временного «цыганского» пристанища, предвещая прекрасный день. Лена улыбалась ему. Оно согревало её больное сердце надеждой. Неразличимый свет ночника, который горел всю ночь, растворился в свете нового дня. Но Кира его заметила и выключила.

- Вставайте! День занялся морозный, бодрящий. Он будет чудесным!

- И на редкость счастливым! - подсказала Инна чуть сонно, но искренне и радостно.

«Твоя беда отступила! И погода не подвела», - сказали Инне сияющие глаза Лены. И они понимающе улыбнулись друг другу.

2003 г.

Продолжение следует.

Контакты

Уважаемый читатель! Буду Вам благодарна, если Вы поделитесь мыслями о моих книгах на сайте, где скачали эту книгу. Если проблемы, поднятые в моих книгах, созвучны с Вашими переживаниями и взглядами на жизнь, или Вы хотите поделиться эмоциями или историями лично — вот мои контакты:

Вконтакте:

Сотовый:

Skype:

email:

Сайт:

Пишите, звоните. Буду рада общению!

Отзыв: В каждом образе - судьба

Воспоминания Ларисы Яковлевны Шевченко «Вкус жизни» состоят из семи книг, которые являются единым целым и которые в то же время можно читать как самостоятельные произведения.

«В поисках утраченного смысла», «Мгновение и вечность», «Реквием», «Ее величество», «Дневник замужней женщины», «И она случилась...» и др. – своеобразные портреты, сделанные внимательным и чутким человеком, педагогом: бывший ученик, ныне учитель сельской школы, чета вузовских преподавателей – друзья по студенчеству, любящая бабушка – светлый луч из детства, поэтичный возлюбленный, предавший нежное чувство, и сын – счастье и смысл жизни...

И одновременно – множество случайных, на первый взгляд незначительных, зарисовок: испорченный мальчишка-попрошайка на вокзале, обездоленный, лишенный родительской любви малыш на ледяном балконе, доктор спасательной группы, рыдающий о погибшей дочери, коллеги по работе и посторонние чиновники, женщина, стоящая на коленях у могилы, – как воплощение потери...

А фоном наблюдения и размышления главной героини – мудрой, любящей, переживающей за все, что происходит вокруг: с ней, с ее родными и близкими, с друзьями, с чужими людьми, с народом, со страной. И абсолютно гармоничны «переходы сознания» от ЕГЭ к культуре граффити, от неустроенности интеллигенции в современном обществе к эстетике моды и возраста, от проблем «отцов и детей» к уникальности детского творчества, от романтики альпинизма к трагедии потери близкого человека, от сокращения запасов вооружения к рекламе, от истории к религии, о времени, о вечности.

Книгу «Реквием» невозможно пересказать! Но легко воспроизвести каждую отдельную историю, которая складывается в биографию ЖЕНЩИНЫ.

Ларисе Яковлевне удалось невероятным образом создать целостную картину жизни, где поколения, сменяя друг друга, все же сохраняют нечто общее: недаром при чтении возникает ощущение, что в поступках и поведении внучки одной из подруг юности Елены Георгиевны проглядывает лукавая мордашка героини повести «В барбарисовых джунглях». Да и Лена в своих воспоминаниях о детстве похожа на ту искреннюю девочку, что в ранних рассказах «писала, как дышала».

И хотя в предисловии к книге автор просит не искать идентификаций, не пытаться найти себя среди героев, но это невозможно, так как каждая сцена написана с реальности, в каждом образе – судьба как минимум знакомого человека, каждая мысль – искреннее резюме на происходящее в современной России, наполненное болью и одновременно верой в жизнь, в добро, в вечную любовь.

Удивительны в книге тонкие языковые образы, которые позволяют увидеть читателю различные временные пласты, которые в сознании и восприятии героини живут органично, характеризуя различные жизненные этапы: тут и студенческие «лозунги – жизненные принципы» типа «Мне в высшей степени безразлично» или «А главное – дешево», и по-своему смиренная, грустная констатация – «Все мы уже стали для наших внуков частью мира прошлого...» или «Жизнь становится более регламентированной», и беззаветно юношеское – «Если всегда защищать подлецов, мир никогда не станет лучше».

Как драгоценные медальоны в общей архитектуре текста – эмоциональные очерки-впечатления о книгах, о музыке, о женщинах и мужчинах, о первой любви, о возможности видеть окружающий мир и сочинять, выдумывать, творить!..

Так повествование разворачивается в многослойное полотно, где судьбы отдельных людей сочетаются с тем, что принято называть «тенденциями современной действительности», возникает картина жизни, содержащая душевную лирику, общественную драму и историческую достоверность. И хотя Лариса Яковлевна осторожно, со свойственной всем ее произведениям деликатностью обозначает жанр «Реквиема» как воспоминание, внимательный, даже самый придирчивый критик увидит здесь все признаки большого романа.

«Реквием» – книга не простая.

И входить в нее нужно, как в реку.

С первого прочтения – обжигающе просто и ясно, узнаваемо и предметно-образно.

Со второго погружения – осмысленно-строго, оценивая и соглашаясь во многом с автором.

А далее – свободно и глубоко, с любой страницы, в любом настроении, находя ответы на волнующие вопросы и просто наслаждаясь словом, музыкой повествования, вкусом жизни.

Ольга Васильевна Шаталова,

доктор филологических наук,

профессор кафедры русского языка

ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный

педагогический университет»

Отзыв: О человечном в каждом человеке

«Люди жестоки, но человек добр». Эти слова Рабиндраната Тагора, процитированные в произведении Ларисы Шевченко «Вкус жизни», я бы определил его лейтмотивом. Верны эти слова и для романа «Реквием», который собирает в единую симфонию жизни мозаичную полифонию новелл.

Собравшиеся на традиционную встречу зрелые уже однокурсницы освежают в общении яркие эпизоды прошлого, созидая (по воле автора) в раздумьях и горестных заметках личных судеб психологический портрет переходной эпохи России, пришедшейся на грань тысячелетий. Крае-угольным камнем художественной и смысловой палитры романа является мысль одной из героинь в новелле «Заботы и проблемы» и в рассказе «Собрание»: «... вдруг как-то остро поняла, что раньше для меня «мы» было я и моя страна, а теперь – только я и моя семья».

Да, это правда. Отдалились и померкли общественные идеалы Отечества нашего, сменившись прагматичной логикой личного успеха. Но и семейные взаимоотношения: проблемы отцов и детей, зрелости и детства, любви и предательства, нравственных падений и духовного роста (вопреки болезням и невзгодам, а возможно, и благодаря им) в обширном и панорамном художественном полотне Ларисы Шевченко указуют нам путь к Человеку, к главному в нем.

Читаешь «Реквием» – и невольно на память приходят «Опыты» Мишеля Монтеня, иных писателей-моралистов эпохи Просвещения, тоже, кстати, переходной. Но там, в «энциклопедиях интеллекта и этики» представлен мужской аналитический взгляд на общество. Здесь – чисто женский, сентиментальный, чуткий к деталям, к таинственному «чуть-чуть». (Этим он и интересен). Когда-то Александр Блок сказал: «Сотри случайные черты – и ты увидишь: мир прекрасен».

Лариса Шевченко художественными средствами, а не логикой доказывает нам в своих новеллах, что красота жизни гармонична во всех ее проявлениях – от великого до безобразного. словно врубелевский «Демон» исподволь создается мозаикой с личных судеб чудная сила Красоты – в многообразии деталей, в великой «памяти сердца», которая, как сказал Константин Батюшков, «сильней рассудка памяти печальной».

В завершении, хотелось бы процитировать строки из Предисловия к роману «Вкус жизни», которое написал крупный липецкий журналист и деятель культуры Леонид Винников: «В литературе, как и в жизни, надо быть и честным, и стойким». Книга Ларисы Шевченко – об этом. О честности и стойкости. О человечном в каждом человеке».

В. Коршиков,

профессор ЛГТУ, член Союза

писателей России, действительный

член Петровской академии наук и искусств

Отзыв: Концентрация мудрости и света

Определяющим моментом творчества истинного художника является «есть ли ему что сказать людям». Я об этом прочла в книге (двухтомнике) Л.Я. Шевченко «Вкус жизни». А теперь судите сами насколько она сама истинный художник, если, читая ее книги, нельзя отмахнуться от ощущения, что надо прожить уйму жизней, чтобы постичь то, о чем говорится в ее произведениях. Порой кажется, что книги Ларисы Яковлевны – плод кропотливой работы коллектива писателей, проживших трудную и в то же время очень интересную насыщенную жизнь. Наверное, об этом и ее фраза: «Мои герои – мои соавторы». Ее роман «Реквием», безусловно, результат зрелого опыта, накопленного ценой огромного труда и страданий. И он тоже поражает глубиной знания автором жизни.

Через все книги Л.Я. Шевченко проходят самые важные для нее темы: Родина, Любовь (в широком смысле этого слова), Семья, а также: ценность человеческой жизни, уважение к личности. Её описания природы – объяснения в любви родному краю, Родине.

Роман «Реквием» – своего рода педагогическая поэма, энциклопедия нашей жизни со всеми ее ошибками, промахами, коллизиями и надеждами. Читая его, будто бы постоянно слышишь слова замечательной песни из кинофильма «Земля Санникова»: «Призрачно все в этом мире бушующем. Есть только миг – за него и держись...» Автор абсолютно права, утверждая, что нет безвыходных ситуаций, кроме смерти. И зная о том, насколько коротка и хрупка человеческая жизнь, она своим повествованием призывает к бережному отношению людей друг к другу, советует не открывать двери зла, которые, как известно, потом не закроешь.

Роман «Реквием» сродни причастию, лекарству, прививке. И, наверное, именно поэтому читать его достаточно трудно, несмотря на то, что он написан великолепным литературным языком. В тексте нет моментов, которые были бы сложны для понимания и осознания, но большая концентрация мудрости, энергии и света не позволяет его сразу проглотить целиком. «Употреблять роман» надо дозированно, как любое лекарство.

С моей точки зрения, есть в книге замечательный рецепт, который может пригодиться каждому, кто попал в трудную жизненную ситуацию. Одна из ее героинь говорит: «После операции я поднялась исключительно положительными эмоциями. Они были животворящей силой, заставившей меня захотеть жить...»

В творчестве Л.Я Шевченко – новизна, психологизм, собственное видение, постоянный поиск, непомерная глубина восприятия и выражения чувств человека. Ее книги – высший пилотаж, поскольку написаны они на пределе писательских и человеческих возможностей. Сколько любви с привкусом легкой иронии излучает автор, когда рисует портреты женщин своего поколения! С какой въедливостью и упорством ищет она причины их неудач в личной жизни! Сколько воли в сердцах ее героинь!

Роман «Реквием» потрясает до мозга костей, но следует особо отметить, что при всей трагичности темы он не вызывает ощущения безысходности и фатальности. В этом проявляется не только знание автором психологии человека и ее всепоглощающая любовь к людям, но и жизнеутверждающая сила ее писательской мысли.

В.И. Волкова,

Адвокат

Обложка

Литературно-художественное издание

Лариса Яковлевна ШЕВЧЕНКО

РЕКВИЕМ

Воспоминания

Книга седьмая

Через сорок лет после окончания вуза встретились подруги и делятся историями из своей трудной, но интересной жизни.

В авторской редакции.

Художественный редактор И.Л. Чемякина

Компьютерная вёрстка – И.В. Струкова

Дизайн обложки – К.Е. Козлов

Корректор – В.Г. Фомичёва

Портрет автора на обложке (2017 г.) фотомастера высшего класса РСФСР А.И. Климова

Издательский центр «ООО «Редакция газеты «Де-факто».

г. Липецк, ул. Тельмана, 116, тел.: 8-920-501-57-36.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ООО «Липецкий Полиграфический Центр», г. Липецк, ул. Фурманова, 59в.

Тел.: (4742) 28-71-13

Подписано в печать 3.04.2018 г.

Формат 70х100 1/16.

Бумага офсетная. Усл.-печ. л. – 25,5.

Тираж 1200 экз.

БКК 84 (2Рос – Рус) 6

Ш 37

ISBN 978-5-901510-14-8

© Л.Я. Шевченко, 2018

Об авторе

Родилась Лариса Яковлевна Шевченко 14 марта 1945 года. Она взяла всё лучшее от своих воспитателей, школьных учителей, а затем ученых и педагогов МГУ, ВГУ и НИФХИ. Взяла, чтобы на протяжении десятилетий отдавать знания, житейский инравственно-духовный опыт будущим учителям – студентам ЛГПУ. В 2004г. Л.Я. Шевченко была награждена медалью-знаком за заслуги перед Липецким государственным педагогическим университетом и Почетной грамотой Липецкого областного Совета депутатов. Грустное детство, голодное, но веселое студенчество, трудная, но счастливая молодость, – такой емкой триадой определила Лариса Яковлевна сущность формирования своей личности, глубинные ее родники.

В 1999 году увидела свет ее первая книга для школьников «В барбарисовых джунглях», а затем одна за другой пришли к читателям ее «Уроки на скамейках», «Проталины», «Пробуждение», «Лестница надежд» и двухтомник «Надежда».

В 2014 году Лариса Яковлевна представила на суд читателей заслуживающее серьезного внимания произведение для взрослых – двухтомник «Вкус жизни». За ним последовали «Реквием», «Любовь моя», «Ее величество», «Дневник замужней женщины», «Тина».

В произведениях Л. Шевченко мы ощущаем прежде всего любовь к людям. Ее книги утверждают добро как одну из главных ценностей жизни – и детской, и взрослой. Лариса Яковлевна – член Союза писателей России, чье взыскующее слово востребовано не только юными читателями. Она лауреат первой премии областного конкурса «Достижения в области культуры и искусства» (2006г.); литературных премий имени И.А. Бунина (2011г.) и премии имени Е.И. Замятина (2013г.); лауреат премии «Золотое перо Московии» (Москва, 2015г.), лауреат премии имени Алексея Липецкого (2019г.). Награждена медалью Ивана Бунина за мастерство и преданность творческим традициям классической литературы (Москва, 2015г.).

Л.Я. Шевченко – действительный член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург, 2015г.).

Борис Шальнев,

член Союза писателей России,

заслуженный работник культуры Р.Ф.,

лауреат литературных премий имени И.А. Бунина